

ARS HISTORICA

Polus Angolarcticus
MAGALLANICA

Институт всеобщей истории Российской академии наук

ARS HISTORICA

Сборник в честь
Олега Федоровича Кудрявцева

Центр гуманитарных инициатив

Москва — Санкт-Петербург
2015

УДК 94(100-87)(09)

ББК 63.3(0)4

О83

Серия MEDIAEVALIA
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН.

Основана в 2015 г.

Составитель и главный редактор А.К. Гладков

Составитель и ответственный редактор А.К. Гладков

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор И.А. Краснова

кандидат исторических наук А.А. Анисимова

О83 ARS HISTORICA. Сборник в честь Олега Федоровича Кудрявцева / Сост. и отв. редактор А.К. Гладков. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. — 566 с. (MEDIAEVALIA)

ISBN 978-5-98712-620-2

Предлагаемая вниманию читателей книга, посвященная юбилею крупного отечественного историка-медиевиста, специалиста по культуре эпохи Возрождения и русско-европейским связям Олега Федоровича Кудрявцева, объединила усилия ведущих российских ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, Иваново и Ижевска, занимающихся изучением различных эпох (от Средневековья до Нового и Новейшего времени) и регионов (Россия, Европа, Америка). Связующей нитью всех исследований стало scrupulous изучение оригинальных, нередко впервые вводимых в научный оборот разнообразных по жанру и проблематике источников. Центральной темой сборника являются штудии, посвященные анализу взаимных представлений России и Запада от эпохи Средневековья до середины XX в. Особое внимание уделено исследованию различных аспектов духовной жизни, общественной мысли и искусства эпохи Возрождения, а также культурных трансформаций, произошедших в Европе с наступлением Реформации. Исключительный интерес представляют материалы, отражающие многовековой процесс формирования западноевропейских социальных институтов, экономического уклада, систем политических и культурных представлений, а также работы, проливающие свет на историю международных отношений от эпохи Средневековья до Нового и Новейшего времени.

Книга будет интересна историкам, филологам, философам, политологам, а также широкому кругу читателей, стремящемуся понять истоки современных представлений о России, бытующих на Западе, и выявить причины многих европейских социальных и интеллектуальных процессов, уходящих корнями в эпоху Средневековья.

ISBN 978-5-98712-620-2

© Коллектив авторов, 2015

© Гладков А.К., составление серии, 2015

© Центр гуманитарных инициатив, оформление, 2015

Содержание

В.Л. Мальков. О.Ф. Кудрявцев: гармония личности и таланта 7

Россия и мир в исторической ретроспективе: образы, представления, стереотипы

- А.А. Горский. Империя франков и становление древнерусской государственности (к постановке проблемы) 13
- В.А. Антонов. Киев как *metropolis civitas* Русской земли 19
- А.В. Назаренко. Регенсбургские *Ruzarii* в XII—XIII вв. 45
- И.В. Дубровский. Новые материалы об отмене миссии Портико 61
- Б.Н. Флоря. Освобожденные невольники в ином мире 67
- Т.Л. Лабутина. Англофильство и англомания в России в XVI—XVIII вв. 72
- В.Л. Мальков. Ни мира, ни войны. Джордж Фрост Кеннан о России и русских без «дури» и предубеждений 99

Феномен Ренессанса в истории европейской культуры

- Н.В. Ревякина. Библиотека Джанноццо Манетти 125
- И.Н. Осинковский. Мартин Дорп против Эразма Роттердамского 139
- Ю.П. Зарецкий. Героическое «Я» Бенвенуто Челлини 153
- И.Я. Эльфонд. Творчество Агриппы д'Обинье — воина, поэта и историка (к вопросу о мирозерцании позднего Возрождения) 174
- Г.П. Мельников. Италия в чешском историко-культурном сознании (Средневековье, Ренессанс, барокко). 192

Визуальный код в эпоху Возрождения: к уяснению историко-культурных смыслов

- И.Х. Черняк. Иконография рельефа «История Ноя» на Райских дверях Флорентийского баптистерия: Амброджо Траверсари и вторая Оригенова гомилия к книге Бытия 207
- Л.М. Брагина. Городская архитектура в сочинениях гуманистов Флоренции эпохи Возрождения 212
- В.Д. Дажина. От Возрождения к барокко. Проблема эволюции купольной базилики в культовой архитектуре второй половины XVI в. ...227

Смена веков: новые культурные явления в Европе XVI—XVII вв.

- В.В. Иванов. Псевдонимы гуманистов и реформаторов как исторический феномен. 249
- В.М. Володарский. Специфика диалогов в публицистике ранней Реформации в Германии 258

И.Е. Андронов. «Магдебургские Центурии» как идея и как книга	285
А.П. Черных. Геральдика как отрасль эрудитского знания XVI в. в наследии Антонио Агустина.....	329
Меняющаяся Европа: динамика внутреннего развития и культурного самосознания до начала Нового времени	
В.П. Буданова. Великие миграции народов: модели и проблемы корреляции.....	351
С.К. Цатурова. Король Франции <i>Любимый</i> или <i>Грозный</i> ? Два полюса монархической идеологии в позднее Средневековье	383
М.В. Винокурова. Крестьянский фригольд поместья Рочдейл в первой трети XVII в.	405
А.В. Чудинов. Элизабет-Аделаида Жонес-Спонвиль, гувернантка и писательница.....	423
Высокая политика: локальные интересы, семейные стратегии, глобальные расстановки	
Т.П. Гусарова. Венгерский вопрос и венецианская дипломатия перед лицом турецкой угрозы в первой трети XVI в.....	445
Е.В. Иерусалимская. Мальборо: семья и политика.....	460
М.Ю. Мягков. Весна 1942. Война после «блицкрига».....	485
«Вглядываясь в собственное отражение»: историографическая рефлексия между прошлым и настоящим	
Л.П. Репина. Между памятью и ожиданиями, или Три модуса времени в историческом сознании	505
Н.А. Селунская. Ценности цивитас и ценность права: проблемы современной историографии.....	516
С.Г. Яковенко. Е.Ф. Шмурло и его незавершенный проект: «Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией»	530
Основные печатные труды доктора исторических наук, профессора Олега Федоровича Кудрявцева. Составитель А.К. Гладков.....	
	552

В.Л. Мальков

О.Ф. Кудрявцев:
гармония личности и таланта

Не так много встреч в жизни, которые дарит тебе судьба, оставляют яркий след навсегда, заставляя признать высшей ценностью в профессиональном общении особое расположение к человеку и коллеге, чьи интеллигентность, обаяние, открытость, эрудиция и безусловная порядочность просто не оставляют места для разногласий или трений. Тем более удивительно для меня было, когда я где-то на пике перестройки узнал, что новое «приобретение» Института всеобщей истории талантливейший молодой исследователь, защитивший блестящую диссертацию «Проблемы политической интеграции Западной Европы во внешней политике Италии (70-е гг.)»¹, покинул ИМЭМО ради давней и единственной научной любви — истории Средневековья и Ренессанса».

Еще в студенческую пору О.Ф. Кудрявцева увлекло изучение духовной жизни итальянского Возрождения, и первые его научные публикации, прежде всего, связаны с исследованием мировоззрения и творческого наследия знаменитого христианского неоплатоника Марсилио Фичино. Итогом многолетних изысканий стала фунда-

¹ По данной теме опубликовано несколько работ: Кудрявцев О.Ф. Италия в ЕЭС // Международные проблемы. М., 1979. С. 73—79; Он же. Левые силы и Европарламент // Мировая экономика и международные отношения. 1979. № 4. С. 108—109; Он же. (Рец.) Васильцов С.И. Рабочие партии и выборы в Италии. 1953—1976 гг. М., 1978 // Вопросы истории. 1981. С. 134—136; Он же. Подход Италии к политической интеграции // Западноевропейская интеграция: политические аспекты. М., 1985. С. 78—86.

ментальная монография, посвященная Флорентийской платоновской академии и увидевшая свет в 2008 г. Научная позиция Олега Федоровича всегда основывалась на прочном знании, постоянном творческом поиске и подлинном стремлении постичь Истину; ее также отличает исключительное внимание и открытость к мнению оппонентов.

О.Ф. Кудрявцев сделал свой выбор в жизни и науке, и никогда не изменял ему. Встретившись после всех реорганизаций ИВИ РАН в Центре историко-теоретических проблем мы моментально поняли друг друга: абсолютно вольный поиск «точек роста» дал целый ряд выдающихся достижений в области истории ренессансной культуры и гуманистической мысли Италии, а также заальпийской Европы в эпоху высокого Средневековья. Многочисленные труды Олега Федоровича — переводы², статьи, монографии и фундаментальная «Энциклопедия Возрождения» — сделали его ученым с мировым именем.

Совершенно новым направлением к этим достижениям примыкает разработанная О.Ф. Кудрявцевым обновленная история политических

² Письмо Марсилио Фичино о Золотом веке // Средние века М., 1981. Вып. 43. С. 320—327; *Бальдассаре Кастильоне*. О придворном / Вступ. ст., пер., коммент. // Эстетика Ренессанса / Сост. В.П. Шестаков. М., 1981. Т. I. С. 343—361; *Лодовико Дольче*. Трактат о живописи / Пер. и коммент. // Там же. Т. II. С. 457—483; Речь, составленная мессером Джанноццо Манетти и произносимая другими перед высокой Синьорией и Ректорами во дворце, в коей они побуждаются управлять справедливо / Пер. // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / Сост., общ. редакция, вступительная статья, коммент. Л.М. Брагиной. М., 1985. С. 138—140; Речь, составленная Маттео Пальмиери, гонфалоньером компании по приказу Синьории, в которой Ректоры и другие должностные лица побуждаются управлять справедливо / Пер. // Там же. С. 141—146; Речь, произнесенная Донато ди Нери ди мессер Донато Аччайуоли, гонфалоньером компании / Пер. // Там же. С. 147—151; *Марсилио Фичино*. Послания / Пер. // Там же. С. 211—228; *Джованни Пико делла Мирандола*. О сущем и едином / Пер. // Там же. С. 263—280; Чаша Гермеса. Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция / Сост., пер., статьи, коммент. О.Ф. Кудрявцева. М., 1996; Купец. Гуманист. Придворный. Нравственные идеалы эпохи Возрождения. Антология / Сост., пер., коммент., статьи О.Ф. Кудрявцева // Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха Возрождения: быт, нравы, идеалы. М., 1996. С. 353—575; Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / Сост., публ. и пер. лат. ист., статьи, прим., указ. О.Ф. Кудрявцева. М., 1997; *Шарль де Бовель*. Книга о мудреце / Пер. в соавт. с А.С. Клемешовым, В.Д. Савуковой, Т.Д. Стецурой, Д.Н. Рябовым; комментарии и общ. ред. // Кассирер Э. Избранное. Индивид и космос. М.—СПб., 2000. С. 484—600; *Бальдассаре Кастильоне*. Придворный / Пер. // Сочинения великих итальянцев XVI века / Сост., вст. статья, коммент. Л.М. Брагиной. СПб., 2002. С. 181—247; *Марсилио Фичино*. Избранные письма / Вступ. ст., пер. и коммент. // Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. Переводы с латинского и итальянского языка XVI века / Сост., вст. ст., отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2004. С. 253—270.

отношений и культурных связей России и Запада в XV—XIX вв.³ Говоря словами самого Олега Федоровича о Марсилио Фичино из ставшей в ряд классических трудов по истории Ренессанса его монографии о Флорентийской платоновской академии, все эти достижения являются продуктом ученого подвижничества, «ближе напоминающее *духовное тягло*, добровольно, ради каких-то особых целей возложенное им (в данном случае О.Ф. Кудрявцевым. — В.М.) на себя»⁴.

Особые цели здесь — суть высокое просветительство, не только открывающее нам глубины средневековой европейской культуры, но дающее блестящий пример молодежи, студентам и аспирантам, видящим, с какой самоотверженностью, щедростью Олег Федорович, не считаясь со временем, отдает всего себя воспитанию смены. Преподавание⁵ — вторая жизнь Олега Федоровича, его страсть и продолжение исследовательского опыта, проверка на современниках идеи власти культуры, ослабление которой неминуемо делает ущербной власть светскую и власть духовную.

³ Кудрявцев О.Ф. Базельское книгопечатание XVI в. в распространении сведений о Московском государстве // Россия и Швейцария: развитие научных и культурных связей (по материалам двусторонних colloquiums историков России и Швейцарии) М., 1995. С. 121—126; Он же. Русское государство в восприятии европейцев первой половины XVI в. (Альберт Кампенский, Павел Йовий, Иоганн Фабри) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1996. № 3. С. 115—124; Он же. Жизнь за царя: русские в восприятии европейцев первой половины XVI в. // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997. С. 6—34; Он же. Неизвестная грамота Кала V Василию III [1526 г.] // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 224—228; Он же. Идентификация русских европейскими авторами конца XV—первой половины XVI в. // Восток—Россия—Запад. К 70-летию академика В.С. Мясникова. М., 2001. С. 65—72; Он же. Двойкий образ России: Сигизмунд Герберштейн и его предшественники // От Средних веков к Возрождению. Сборник в честь проф. Л.М. Брагиной. СПб., 2003. С. 186—215; Он же. Великая Русь рыцаря Де Ланноа. Первое западное описание Руси // Родина. 2003. № 12. С. 76—79; Он же. «Умри, Флоренция, Иуда». Итальянское Возрождение в восприятии русской культуры // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 214—222; Он же. «Другой мир»: характерные черты восприятия Руси и русских средневековым Западом // Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света: Сб. статей в честь Виктора Леонидовича Малькова. М., 2011. С. 508—540; Он же. Западные известия первой половины XV в. о Руси // Европейское Возрождение и русская культура XV—середины XVII в.: контакты и взаимное влияние. М., 2013. С. 31—67; Он же. Святая Русь, или Русская греза доктора Иоганна Фабри // Там же. С. 129—166.

⁴ Кудрявцев О.Ф. Флорентийская платоновская академия. Очерк истории духовной жизни ренессансной Италии. М., 2008. С. 10.

⁵ О.Ф. Кудрявцев преподавал в МГОУ (МПУ), где с 1995 по 2002 г. заведовал кафедрой истории древнего мира и средних веков, читал спецкурсы в МФТИ, а с 2004 г. и по настоящее время является профессором кафедры отечественной и всеобщей истории МГИМО (У).

Преданность Олега Федоровича делу наставничества молодого поколения, требующего не только таланта педагога, но и человеческого желания помочь, поддержать, уберечь от случайных и неслучайных падений и разочарований, неотделима от его отзывчивости, готовности прийти на помощь и старшему коллеге, оказавшемуся посреди житейских невзгод или перед необходимостью профессиональной апробации своих трудов. Остается секретом Олега Федоровича, как ему удастся поспевать всюду⁶, где он востребован и где бьется пульс научной жизни — на конференциях, в которых он всегда неизменный участник, на «круглых столах» и семинарах, работать в качестве ответственного редактора и члена редколлегий научных изданий, поддерживать связь с учеными в университетах по всей стране, в зарубежных научных центрах и учебных заведениях. И при этом осмысливать и обдумывать новые проекты, отвечать на запросы научной периодики, работая в жанре малых форм (статьи, рецензии и т.д.) и писать, писать, писать, заставляя трудиться личный компьютер.

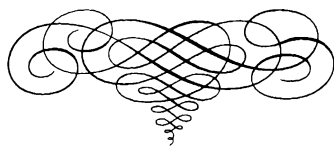
В подвижничестве и самоотдаче Олега Федоровича — научном, педагогическом и организационном, мне думается, отразилась идея, реализацию которой в свое время В.О. Ключевский возложил на интеллигенцию. Суть ее, говорил великий историк, понимать положение своего народа, чего никак нельзя добиться без знания «физиологии всего человечества»⁷.

От лица многочисленных коллег, друзей и учеников хотелось бы пожелать Олегу Федоровичу, отметившему в 2013 г. 60-летний юбилей, вдохновения в научной работе, а также ярких исследовательских тем, которые бы не только увлекли его, но и в итоге вылились в создание новых фундаментальных трудов.

⁶ О.Ф. Кудрявцев — член Бюро Ассоциации медиевистов и историков раннего Нового времени, Бюро Комиссии по культуре Возрождения Совета по истории мировой культуры РАН, а также ряда авторитетных научных изданий и книжных серий.

⁷ Ключевский В.О. Афоризмы, исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 64.

Россия и мир
в исторической ретроспективе:
образы, представления,
стереотипы

Империя франков и становление древнерусской государственности (к постановке проблемы)

Экспансия Франкского государства при первых Каролингах, во второй половине VIII—начале IX в., оказала заметное влияние на народы Центральной и Северной Европы: современные исследователи полагают, что во многом именно с франкским влиянием следует связывать формирование государственности у скандинавов, западных и отчасти южных славян¹.

Восточноевропейский регион географически был отдален от зоны франкской экспансии, и прямое ее воздействие на формирование государства восточных славян — Руси — вроде бы не просматривается. Однако есть данные, позволяющие полагать, что Русь не осталась в стороне от этого явления. Содержатся эти данные в древнерусских и византийских источниках.

В «Повести временных лет» (начало XII в.) в рассказе расселении славян (помещенном во вводную, недатированную часть летописи) говорится: «Волохомъ бо нашедшим на словѣны на дунаиские, и сѣдшимъ в нихъ и насилующимъ имъ, словѣне же ови пришедше и сѣдоша на Вислѣ, и прозвашася ляховѣ, а от тѣхъ ляховъ прозвашася поляне, ляховѣ друзии лютицѣ, инии мазовшане, а инии поморяне. Тако же и тѣ же словѣне пришедше сѣдоша по Днѣпру и наркошася поляне, а друзии деревляне, зане сѣдоша в лѣсѣхъ; а друзии сѣдоша межи Припѣтью и Двиною и наркошася дреговичи; и инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася полочане, рѣчькы ради, яже втечетъ въ Двину, именемъ Полота, от сея прозвашася полочанѣ. Словѣне же сѣдоша около езера Илмера, и прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша городъ и нарекоша и Новъгородъ. А друзии сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, и по Сулѣ, и наркошася сѣверо»². Таким образом, утверждается, что славяне, жившие на Дунае, подверглись нападению неких волохов, и вынуждены были переселить-

¹ См.: Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe. Brepols, 2008.

² Полное собрание русских летописей. М.. 2001. Т. 2. Стб. 5; ср.: М., 1997. Т. 1. Стб. 6.

ся; причем к этим переселенцам с Дуная отнесены как «ляшские» группировки (заселившие территорию будущей Польши), так и ряд восточнославянских — поляне, древляне, дреговичи, полочане, словене и север (северяне). Под «волохами» имеются в виду франки³, которые после разгрома ими Аварского каганата стремились утвердить свое господство в Среднем Подунавье: в конце VIII столетия в состав Франкской империи вошли карантанцы (хорутане), франкское верховенство нередко признавали мораване и хорваты⁴. Другое упоминание «волохов» в «Повести временных лет» — в статье 898 г. — говорит о вытеснении их из Среднего Подунавья венграми⁵, что соответствует реалиям восточнофранкско-венгерских отношений в конце IX—начале X столетия.

Летописное утверждение о переселении части восточных славян с Дуная археологией в целом, казалось бы, не было подтверждено: восточнославянские общности Раннего Средневековья формировались главным образом на основе населения культур лесостепной и лесной зоны Восточной Европы VI—VII вв.⁶ Но в последние десятилетия были накоплены данные, позволяющие полагать, что вымыслом это утверждение не является. Выяснилось, что в культуре славян Восточной Европы прослеживается среднедунайское влияние, причем отчасти связанное, скорее всего, с инфильтрацией групп населения из Среднего Подунавья. При этом особенно интенсивно данное влияние прослеживается в VIII—IX вв.⁷ Представление о переселении под давлением волохов-франков, таким образом, могло быть связано с реальными выходами со Среднего Дуная, имевшими опыт контактов с франкским социумом⁸.

³ См.: *Шахматов А.А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 25—27; *Свердлов М.Б.* К изучению моравских исторических произведений в составе «Повести временных лет» // *Феодалная Россия: новые исследования.* СПб., 1993. С. 19; *Петрухин В.Я.* Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // *Из истории русской культуры.* М., 2000. Т. 1 (Древняя Русь). С. 50—51.

⁴ Упоминание о «насилиях» волохов над дунайскими славянами перекликается с рассказом главы 30 сочинения византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.) о жестокостях, чинимых франками по отношению к хорватам. См.: *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989. С. 130—133.

⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 18.

⁶ См.: *Седов В.В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.

⁷ См.: *Седов В.В.* Славяне: историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 531—551; *Щеглова О.А.* Волны распределения вещей из Подунавья на Северо-Восток в VI—VIII вв. как отражение миграций или культурного влияния // *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света (Труды Гос. Эрмитажа. Вып. 49).* СПб., 2009.

⁸ Не исключено, что выходцы из Подунавья, хорошо знакомые благодаря контактам с франками с принципами социально-политической иерархии, могли занять главенствующие позиции в некоторых восточнославянских группировках.

Другой «франкский след» обнаруживается в источниках византийских.

При византийском императорском дворе существовала традиция, запрещавшая браки членов царствующей семьи с иноземцами, за одним исключением — для франков, делаемым, по выражению императора Константина VII Багрянородного, «ради древней славы тех краев и благородства их родов»⁹. Подтверждением этих слов явилось обручение в Константинополе в сентябре 944 г. сына Константина — Романа — с Бертой, дочерью короля Италии (в византийских хрониках — «король Франгии») Гуго¹⁰. Во время этого события в столице империи находилось русское посольство, заключившее от имени киевского князя Игоря договор с Византией (текст которого сохранился в составе «Повести временных лет»¹¹). А через несколько лет, около 948 г., в рассказ византийского придворного хрониста о походе Игоря на Константинополь 941 г. было внесено утверждение, что русские (греч. Ῥῶς) происходят «от рода франков» — ἐκ γένους τῶν Φράγγων¹².

Анализ данного известия¹³ привел к выводу, что информация о франкском происхождении руси не могла иметь византийское или франкское происхождение, она явно была получена от русской стороны. Вероятнее всего, это было связано с планами правительницы Руси (с 945 г.) княгини Ольги заключить брачный союз с империей¹⁴. Франкское происхождение русского княжеского семейства позволяло обойти запрет на браки с иноземцами, соблюдавшийся в Константинополе. Понятие «франки» имело тогда в Византии широкое значение: так име-

⁹ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 58—61.

¹⁰ Theophanes continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus. Bonnae, 1838. P. 431. 11—19; 748. 5—12; 917. 11—18; *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 100—101.

¹¹ О дате договора см.: *Повесть временных лет*. СПб., 1996. С. 23—26, 431; *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 267—268.

¹² Оно присутствует в двух византийских хрониках: Продолжателя Феофана и Симеона Логофета в двух (из трех известных) ее редакций — Хронике Георгия Амартола (с продолжением) по Ватиканскому списку и Хронике Псевдо-Симеона: Theophanes continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus. P. 423. 15—17; 747. 12—14; *Истрин В.М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Пг., 1922. Т. 2. С. 60. 26—27.

¹³ *Горский А.А.* Русь «от рода франков» // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. 2008. № 2 (32); *Он же*. Первое столетие Руси // *Средневековая Русь*. Вып. 10. М., 2012. С. 94—103.

¹⁴ Существование таких планов предполагают на основании совокупности косвенных аргументов исследователи, анализирувавшие перипетии визита Ольги в Константинополь, имевшего место в 946 или 957 г. (*Müller L.* Die Taufe Russlands. München, 1987. S. 81—82; *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX—начало XII в.). СПб., 2000. С. 211—212; *Назаренко А.В.* Указ. соч. С. 301—302).

новали население государств — наследников империи Карла Великого безотносительно этнической принадлежности¹⁵.

Реальной основой для утверждения о франкском происхождении русской княжеской династии мог стать факт пребывания ее норманнского предка и его дружинного окружения на территории франков. Такого рода явление — служба того или иного предводителя норманнов франкским правителям — было весьма распространенным в IX—X вв.¹⁶ Так, в IX столетии предводителем викингов, дольше всех находившимся на франкской территории, был тезка Рюрика — представитель датской династии конунгов Рёрик (которого многие исследователи считают одним лицом с родоначальником древнерусской княжеской династии)¹⁷. Рёрик служил Каролингам с конца 830-х до 870-х гг. (с короткими перерывами)¹⁸, а появился во франкских владениях, скорее всего, уже в 820-е гг., вместе со своими старшими родственниками, изгнанными соперниками из Дании¹⁹. Таким образом, он жил на франкской территории около полувека, и, по византийским представлениям, являлся безусловным «франком».

Брачный союз между Русью и Византией при Ольге не состоялся²⁰, и император Константин в своем трактате предупреждал, что не следует отдавать багрянородных принцесс в жены правителям Руси (равно как Хазарии и Венгрии)²¹. Можно было бы полагать, что сказалось разное понимание происхождения «от рода франков» русской и византийской сторонами: первая исходила из того, что для брака достаточно связи предков Святослава Игоревича с франкской территорией, Константин же под «благородными родами» франков имел в виду узкий круг знатнейших семейств — Каролингов и связанных с ними родством²². Однако существует факт, позволяющий думать, что Ольга и ее дипломаты отнюдь не были наивны.

¹⁵ См.: Ohnsorge W. *Abendland und Byzanz*. Weimar, 1958. S. 227—254; *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 337 (комм. 3 к главе 13), 354 (комм. 5 к главе 26), 360 (комм. 1 к главе 28).

¹⁶ См.: Мельникова Е.А. Укрощение неукротимых: договоры с норманнами как способ их интеграции в инокультурных обществах // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. 2008. № 2 (32).

¹⁷ Новейшую сводку данных о Рёрике см.: Пчелов Е.В. Рюрик. М., 2010. С. 134—156.

¹⁸ Большую часть этого времени он управлял Фрисландией (Фризией) — областью в районе устья Рейна (совр. Нидерланды).

¹⁹ См.: Там же. С. 140—142, 151.

²⁰ Именно с негативной позицией византийской стороны в этом вопросе связывают низкий статус «людей Святослава» на первом приеме Ольги в императорском дворце и их отсутствие на втором (см.: Назаренко А.В. Указ. соч. С. 301—302).

²¹ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 54—63.

²² Ср.: Горский А.А. Первое столетие Руси. С. 102.

Король Италии Гуго, отец Берты, ставшей невесткой Константина VII, был потомком Карла Великого по женской линии: его мать, тоже Берта, являлась дочерью короля Лотарингии Лотаря II (ум. 869), правнука Карла²³. У Берты была родная сестра Гизла (Гизела). В 882 г. двоюродный дядя, император Карл Толстый, выдал ее замуж за предводителя данов Годфрида. Этот брак скреплял договор, по которому Годфрид получил Фрисландию, бывшую до этого владением его родственника — Рёрика²⁴.

Таким образом, если Рёрик и Рюрик — одно лицо, то у русских князей было родство по браку с Каролингами. Посольство 944 г. могло получить информацию, что невеста Романа — дочь короля, чья родная тетка была замужем за близким родственником тогдашнего киевского князя Игоря Рюриковича. Претензии на равенство с королем Гуго в качестве матримониальных партнеров византийских императоров в этом случае вполне обоснованны: русские князья не просто имеют предка, связанного с территорией франков, но, как и Гуго, находятся в свойстве с франкской императорской династией. Их позиция, конечно, несколько слабее, потому, что в русском случае, в отличие от итальянского, это свойство не переросло в кровное родство по женской линии, а сам брачный союз с каролингской принцессой был заключен представителем боковой по отношению к Рюрику линии. Но главным, по тогдашним понятиям, был сам факт такого брака: тем самым признавалось равенство Годфрида и его родни Каролингам, они, как и знатные франкские роды, породнившиеся с императорской династией, оказывались причислены к высшей элите Франкской империи.

Гипотеза о тождестве Рюрика и Рёрика²⁵ приобретает таким образом дополнительный аргумент. Между тем ее принятие ведет к существенным корректировкам представлений о древнерусском политогенезе: если в Восточную Европу пришел предводитель, хорошо знакомый (как и люди из его окружения) с опытом франкского государственного управления (фактически бывший долгое время наместником

²³ См.: Фазоли Дж. Короли Италии (888—962). СПб., 2007. С. 92, 284—285.

²⁴ *Annales Xantenses et Annales Vedastini. Hannoverae et Lipsiae*, 1909. P. 51; Историки эпохи Каролингов. М., 1999. С. 167 («...к нему вышел король Годфрид (Godefrius), и император передал ему королевство фриз, которым прежде владел дан Рорик, дал ему в супруги Гизлу, дочь короля Лотаря»). Если этот Годфрид одно лицо с Годфридом, действовавшим (в том числе вместе с Рёриком) в 850—860-х гг., то он был, скорее всего, двоюродным братом Рёрика, если нет — степень их родства неясна, но то, что Годфрид также принадлежал к роду датских конунгов (Скьольдунгов), несомненно, т.к. он определяется в источниках как *rex* (*Annales Fuldenses. Hannoverae*, 1891. A. 885. P. 114; *Annales Xantenses et Annales Vedastini*. A. 880. P. 46—47; A. 882. P. 51; см. также: Пчелов Е.В. Указ. соч. С. 145—147, 151).

²⁵ См. доводы в ее пользу: Горский А.А. Первое столетие Руси. С. 82—109.

франкской провинции²⁶), то именно это могло стать одной из причин успешной деятельности Рюрика и его преемников по установлению системы властвования, охватившей всю восточнославянскую территорию и приведшей к формированию крупнейшего в Европе государства. В этом случае нужно говорить об опосредованном франкском влиянии на формирование древнерусской государственности.

Таким образом, оба главных этнических компонента, участвовавших в складывании государства Русь, — восточные славяне и норманны, — скорее всего, тем или иным образом получили импульсы политического развития от франков, чья экспансия оказала воздействие на возникновение государств значительной части Европы IX—X вв.

²⁶ Часто цитируемое определение Рёрика в Ксантенских анналах как «желчи христианства» (*fel Christianitatis*) связано с конкретным обстоятельством — подробно описанным в источнике разорением норманнами города Ксантены в 863 г., которое стало возможным, потому что Рёрик, управлявший Фрисландией, позволил викингам двинуться вверх по Рейну (*Annales Xantenses et Annales Vedastini*. A. 864. P. 20—21; A. 873. P. 32; *Историки эпохи Каролингов*. С. 150—151, 158; *Annales Bertiniani*. A. 863. P. 61). Фульдские анналы, близкие ко двору восточнофранкских королей, характеризуют Рёрика как «верного королям франков» (*Francorum regibus fidelis* // *Annales Fuldenses*. A. 882. P. 99). О крещении Рёрика в начале 860-х гг. см.: *Flodoard von Reims. Die Geschichte der Reimser Kirche*. Hannover, 1998. S. 307, 335—336.

Киев как *metropolis civitas* Русской земли

В «Деяниях архиепископов Гамбургской церкви» Адама Бременского¹ обнаруживается известие о том, что от города *Iumne*, находившегося в устье Одера, шел морской путь *ad Ostrogard Ruzziae. Cuius metropolis civitas est Chive, aemula sceptri Constanti-nopolitani, clarissimum decus Graeciae*².

В приведенном известии, прежде всего, вызывает трудность для понимания и, как следствие, перевода на русский язык, предложение *Cuius (Ruzziae) metropolis civitas est Chive*, поскольку оно включает три существительных в именительном падеже, из которых два первых, с некоторой разницей смысла, означают «город», а третье является именем этого «города», отождествляемого с Киевом. Кроме того, вызывает трудности перевод слова *metropolis* в связи с употребленным одновременно словом *civitas*.

В самом деле, слово *civitas* еще в античную эпоху указывало не только на общину селения, но и на само селение, в том числе обнесенное валом и оградой или крепостной стеной. В последнем значении, а именно как городская община или город, в котором при этом часто находилась кафедра епископа, слово *civitas*, по обыкновению, обнаруживается и в памятниках средневековой латинской письменности. В свою очередь еще латинские писатели древнего времени заимствованным из греческого языка словом *metropolis*, в буквальном переводе «материнская община» или «материнский город», обозначали, иногда в сочетании со словом *civitas*, главный город-общину области или провинции, но вместе с тем называли и тот город, из которого происходили основатели других городских общин. А уже в период христианской Римской Империи выражение *metropolis civitas* стало использоваться при обозначении главного

¹ Далее ссылки даются на издание: *Magistri Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum*. Adam von Bremen. Hamburgische Kirchengeschichte (Далее: *Adam*) / Hrsgb. von B. Schmeidler // *Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae Historicis separatim editi*. [2]. Editio tertia. Hannoverae et Lipsiae, 1917. При ссылках римская цифра указывает на Книгу, арабская — на Главу в этой книге.

² *Adam*. II, 22.

города не только какой-либо римской провинции, но и провинции церковной, поскольку последняя, как правило, возникала на почве первой³.

В значении главного земского города слово *metropolis*, возможно, употреблялось и в средние века. Во всяком случае, в «Деяниях короля Кнута» (середина XI в.), написанных монахом из монастыря св. Бертина в Артуа, сообщается о том, что король Кнут, находясь в Англии (1014 г.), повелел осаждать *ciuitatem Londoniam, metropolim terrae*⁴. Поскольку Лондон никогда не являлся церковным средоточием Англии, то здесь, скорее всего, предполагалось значение Лондона как главного земского города.

Из этого примера, казалось бы, следовало, что и в предложении *Cuius (Ruzziae) metropolis civitas est Chive* слово *civitas* указывало на *Chive* как на вообще городскую общину или город, а слово *metropolis* характеризовало *civitas Chive* как главный город земли, имя которой *Ruzzia*, Русская земля. Именно такое толкование предложения *Cuius (Ruzziae) metropolis civitas est Chive* и нашло выражение в русских переводах: «Руссии. Ее столицей является город Киев»⁵, «Руси, столицей которой является город Киев»⁶, «Руси. Столица ее — город Киев»⁷. Но точность

³ В *Notitia Provinciarum et Civitatum Galliae*, составленной при императоре Гонории, сообщается, например, о том, что в провинции *Lugdunensis secunda* главным городом является Руан, *metropolis civitas Rotomagensium*, а прочие города этой провинции представляются только посредством слова *civitas* (*Magni Rotuli Scaccarii Normaniae sub Regibus Angliae / Opera Thomae Stapleton. Lundini, 1840. N. I. P. XXXVII*). И в перечне уже церковных провинций, датируемом XI веком, *Provincia Lugdunensis II habet civitates VII. Metropolis civitas Rotomagensium*. Здесь же сообщается, что *Provincia Germania prima habet civitates numero... Metropolis Maguntine Suffraganei sunt Pragensis, Moraviensis, Babenbergensis* (и прочие); *Provincia Germania II... Metropolis Colonei Suffraganei sunt* (далее перечисляются эти *suffraganei*); *Provincia Viennensis habet civitates VIII. Metropolis civitas Viennensium* и так далее (*Monumenta dominationis pontificiae sive Leonis Tertii epistolae Carolo Augusto, diplomata Ludovici, Ottonis et Henrici, chartula comitissae Mathildae et codex Rudolphinus / Opera et studio Gajetani Cenni. Romae, 1761. T. II. P. XVIII—XXII*).

⁴ *Gesta Cnvttonis Regis sive Encomium Emmae Reginae // Scriptores Minores Historiae Danicae* (далее: SMHD) / Udg. ved M. Cl. Gertz. København, 1970. Vol. II. P. 402.

⁵ Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия IX—первая половина XII в. / Сост., пер., коммент. М.Б. Свердлова. М.; Л., 1989. № 12.

⁶ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Том IV: Западноевропейские источники / Сост., пер. и коммент. А.В. Назаренко. М., 2010. С. 128—129. См. также: Назаренко А.В. Была ли столица в Древней Руси? Некоторые сравнительно-исторические и терминологические наблюдения // Древняя Русь и славяне (сравнительно-филологические исследования) (Древнейшие государства Восточной Европы. 2007 год). М., 2009. С. 111—112.

⁷ Адам Бременский. Деяния архиепископов Гамбургской церкви // Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники / Перевод с лат. И.В. Дьяконова, Л.В. Разумовской, редактор-составитель И.А. Настенко. М., 2011. С. 41.

этих переводов, не говоря уже о необоснованности для XI века написания кириллицей «Руссия», а также истолкования слов *Ruzzia* и *metropolis* как соответственно «Русь»⁸ и «столица», вызывает сомнение.

Действительно, возникает вопрос, какое правило латинской грамматики дало основание авторам приведенных переводов придать слову *civitas* значение подлежащего, ибо в латинском тексте оно вместе с *metropolis* является именной частью составного сказуемого.

В этом отношении более правильным следует признать перевод предложения *Cuius (Ruzziae) metropolis civitas est Chive*, который дан в последнем на 2013 год русском издании Адамова сочинения, а именно: «Руссии, главным городом (либо — митрополией — *B.P.*) которой является Киев»⁹.

Правда, и здесь, за отсутствием комментариев, остается неясно, переведено ли «главным городом» либо «митрополией» только *metropolis* или *metropolis civitas*. В то же время присутствие в этом переводе слова «митрополия», а не «метрополия»¹⁰, позволяет русскому читателю догадываться, что в *metropolis* или *metropolis civitas* автор перевода предполагал и значение главного города церковного округа «Руссии». Вместе с тем, из противопоставления «главного города» и «митрополии» посредством союза «либо» можно заключить, что переводчик сомневался в том, какое из этих значений, обнаруженных им в латинских словах *metropolis* или *metropolis civitas*, признать верным. А такое сомнение, в свою очередь, свидетельствует о том, что перевод этих латинских слов был выполнен без исследования их культурно-исторического смысла.

Впрочем, отсутствие предварительного исследования в отношении *metropolis civitas* в «Деяниях архиепископов Гамбургской церкви», как следует из примечаний к ним или отсутствия оных, характеризует и три других вышеуказанных русских перевода, хотя их авторы уже без всяких «либо» представляли «город Киев» «столицей» «Руссии» или «Руси». Не находим таких исследований и в сочинениях зарубежных историков, так что и в переводах труда Адама Бременского на другие новые языки наименование Киева, по обыкновению, «самым большим

⁸ До конца XIV в., а именно до 1387 г., когда в константинопольском Студийском монастыре митрополит Киприан представился митрополитом «Киевскимъ и всея Росия» (Клосс Б.М. О происхождении названия «Россия». М., 2012. С. 10, 26), в русской словесности вся земля народа русь (единственное число — русин) называлась только Русской (Русьской, Руськой, Руской) землей. Доказательств, которые опровергали бы это утверждение, в историографии не существует.

⁹ Адам Бременский. Деяния архиепископов гамбургской церкви / Перевод В.В. Рыбакова // Немецкие анналы и хроники X—XI столетий. М., 2012. С. 340.

¹⁰ И в других местах этого, а также более раннего по изданию (2011 г.) перевода сочинения Адама Бременского *metropolis* переведено как «митрополия».

городом»¹¹, «главным городом» или «столицей»¹² Русской земли не имеет достаточного научного обоснования.

А стало быть, можно утверждать, что существует научная проблема перевода выражения *metropolis civitas*, которое обнаруживается в «Деяниях архиепископов Гамбургской церкви» Адама Бременского. Ее решение, как очевидно, лежит в выяснении того смысла, который вкладывал в эти слова сам каноник из Бремена. В свою очередь эта задача решается, во-первых, через изучение того значения, которое Адам придавал словам *metropolis* и *metropolis civitas* в разных местах своего произведения, и, во-вторых, через исследование смыслового содержания этих слов в других памятниках латинской словесности, относимых, как ко времени жизни бременского каноника, так и вообще к духовно-исторической эпохе, в которую создавались «Деяния архиепископов Гамбургской церкви».

Начнем с изучения понятий на этот счет самого Адама. В первой книге он сообщает, что император Карл (Великий) *Hammaburg civitatem Nordalbingorum*, построив там *ecclesia*, передал в управление Херидагу, назначив при этом его тамошним епископом, а затем задумал определить *eandem Hammaburgensem ecclesiam cunctis Sclavorum Danorumque gentibus metropolem*. Вместе с тем, Адаму удалось выяснить, что христианство проповедовалось народам, проживавшим за Эльбой (*Transalbianos*), т.е. тем же славянам и датчанам, еще до того, как *Hammaburg metropolis facta est*¹³.

Таким образом, согласно этому известию, выходит, что *civitas* Гамбург стал местом постройки церкви, и эта же Гамбургская церковь определялась в качестве *metropolis* «всех народов славян и датчан», и, в конце концов, Гамбург был сделан такой *metropolis*, когда уже началась христианская проповедь у заэльбских народов.

Отсюда можно утверждать, что еще при первом упоминании слова *metropolis* Адам употребил его как исключительно церковный термин. Для него это слово в приведенном известии означало, во-первых, Гамбургскую церковь, или церковь, построенную в *civitas* по названию Гамбург, во-вторых, сам Гамбург как средоточие особого церковно-административного округа, учрежденного для проповеди христианства язычникам.

¹¹ "The largest city of Russian is Kiev" // *Adam of Bremen. History of the Archbishops of Hamburg-Bremen* / Transl. by F. J. Tschan. N.Y., 1959. P. 67.

¹² "Ruzzien, dessen, Hauptstadt Chive ist" // *Adams von Bremen Hamburgische Kirchengeschichte* / Übersetzt von J. Ch. M. Laurent. Leipzig, 1893. S. 70; "Rusland. Hovedstaden i dette Land er Kiev" // *Adam af Bremen. Om Menigheden i Norden under Erkesædet i Bremen og Hamborg* (788—1072). Tilligemed sammes Beskrivelse af de nordiske Lande / Oversat af P. W. Christensen. Kjøbenhavn, 1862; "Ostrogard Ruzzie, det ryska Östragård, har enligt Adam huvudstaden Kiev" // *Weibull L. Geo-etnografiska inskatt och tankelinjer hos Adam av Bremen* // *Scandia*. 1931. Bd. IV. № 2. S. 221.

¹³ *Adam*. I, 14.

Затем Адам рассказывает, что наследник Карла, его сын император Людовик, после того как провел *generali sacerdotum consilio*, во исполнение желания благочестивого родителя, *Hammaburg civitatem Transalbianorum metropolem statuit omnibus barbaris nationibus Danorum, Sueorum, itemque Sclavorum et aliis circuitu coniacentibus populis, eiusque cathedrae primum archiepiscopum ordinari fecit Ansgarium*¹⁴.

Иначе говоря, предыдущее известие о том, что Гамбургская церковь с Гамбургом «была сделана» *metropolis* в смысле церковного и церковно-административного средоточия, теперь подтверждается сообщением о том, что Гамбург был определен как *civitas Transalbianorum metropolis*, т.е. как *civitas metropolis* для заэльбских людей¹⁵, а именно для датчан, шведов, славян и прочих окрестных варварских народов. При этом император Людовик повелел поставить на его, т.е. Гамбурга, кафедру в качестве первого архиепископа к тому времени уже известного просветителя северных язычников Ансгария.

Здесь, таким образом, слова *civitas metropolis* впервые употреблены Адамом вместе как особое выражение, которым характеризуется Гамбург, причем этим выражением последний определяется как средоточие церковно-административного округа, созданного для проповеди христианства у языческих народов, как место, где находилась *metropolis*, кафедра главы этого округа, архиепископа.

В дальнейшем Адам еще шесть раз употребил слово *metropolis* в связи с Гамбургом и одновременно с деяниями архиепископов Бременских и Гамбургских.

После перечисления саксонских народов, обитавших за Эльбой (*Transalbianorum Saxonum populi*), которыми являлись *Tedmarsgoi, Holcetae* и *Sturmarii*, с указанием мест, где находились их церкви, т.е. жителей Нордальбтингии, он свидетельствует, что среди этих народов «возносит главу *metropolis Hammaburg*». «И хотя он (Гамбург) утратил красоту

¹⁴ Adam. I, 16.

¹⁵ В русских и других иноязычных переводах *civitas Transalbianorum* предстает определением Гамбурга, который уже затем провозглашается как *metropolis*: «Гамбург, город заэльбских людей, он назначает в качестве *metropolis*». Но такой перевод явно ошибочен, поскольку выше Гамбург характеризуется как *civitas Nordalbingorum*, церковь которого, Гамбургская церковь, только предназначалась в *metropolem cunctis Sclavorum Danorumque gentibus* или для христианского просвещения *Transalbianos*. Кроме того, в дальнейшем Адам рассказывает (II, 42) сначала о том, что язычники *Sclavi rebellantes* всю Нордальбингию *fero et igne depopulati sunt*, «мечем и огнем сделали безлюдной», а затем (II, 48) о том, что император Генрих, подчинив этих славян, *pacem reddidit Nordalbingis et matri Hammaburg*, «возвратил мир нордальбингцам и матери Гамбургу». Нордальбингцы тоже были заэльбскими жителями, на что указывает и Адам, но только Нордальбингия располагалась к северу от Эльбы. Ее жители германцы, ветви саксов, ко времени основания Гамбургского архиепископства уже были христианами.

города, силы всё еще удерживает *metropolis*, смягчая потери от своего вдовства в преуспейнии сынов, которые, как она ежедневно видит, по всему пространству севера в своей посланнической должности множатся. О них еще так, как представляется, она (т.е. *metropolis*), радостная, восклицает: «Я возвещала и говорила, умножились они сверх числа»¹⁶.

Здесь очевидно противопоставление «упадка городской красоты» Гамбурга его *metropolis*, а именно Гамбургской церкви. *Metropolis Hammaburg* «возносит главу» и ее посланцы, несмотря на «вдовство», на то, что к тому времени, после разорения Гамбурга язычниками славянами, архиепископство Гамбургское было объединено с Бременским, «множились» на ниве христианского просвещения «по всему пространству севера». А потому и в этом случае *metropolis* означала церковное учреждение.

Узнаем далее, что император Генрих II благодаря архиепископу Унвану обложил славян данью и «возвратил мир нордальбингцам и матери Гамбургу»¹⁷. «Для ее возобновления после бича славянского, как признано, *venerabilis metropolitani* создал новую *civitatem* и церковь», а также поселил в Гамбурге каноников, собранных из разных монашеских общин, «которые отвращали людей от обмана идолопоклонничества»¹⁸. И таким образом, «когда был прочный мир среди славян и заэльбских людей, архиепископ Бременский Унван *metropolem Hammaburg* восстановил (обновил) и, собрав рассеявшихся клириков, объединил там большое число и горожан, и братии»¹⁹.

Стало быть, архиепископ Унван восстанавливает не просто город Гамбург и тамошнюю церковь, а *mater Hammaburg* или *metropolis Hammaburg*, и он собирает туда не только горожан, но и «братию», монахов,

¹⁶ «Et quamvis decorem urbis amiserit, vires adhuc retinet metropolis, viduitatis suae dampna consolans in propectu filiorum, quos per totam septentrionis latitudinem suae legationi cotidie videt accrescere. De quibus etiam tam laeta clamare videtur: 'Annuntiavi et locuta sum, multiplicati sunt super numerum' // *Adam*. II, 17. Последнее предложение представляет собой парафраз Псалма 39: 6. В русских переводах, изданных в 2011 и 2012 году, ошибочно приводится сам этот Псалом. На то, что здесь восклицает именно Гамбургская *metropolis*, указывает окончание женского рода в словах *laeta* и *locuta*.

¹⁷ *Adam*. II, 48.

¹⁸ «Ad cuius restaurationem venerabilis metropolitani asseritur post cladem Sclavonicam civitatem et ecclesiam fecisse novam, simul ex singulis congregationibus suis, quae virorum essent, tres eligens fratres, ita ut duodecim fierent, qui in Hammaburg canonica degerent conversatione, vel qui populum converterent ab errore ydolatriae» // *Adam*. II, 49.

¹⁹ «Eo tempore cum esset pax firma inter Sclavos et Transalbians, Unwanus archiepiscopus metropolem Hammaburg renovavit, clerumque dispersum colligens, magnam ibidem tam civium quam fratrum adunavit multitudinem, clerumque dispersum colligens, magnam ibidem tam civium quam fratrum adunavit multitudinem» // *Adam*. II, 60.

каноников Гамбургского монастыря, откуда и выходили христианские просветители заэльбских, славянских и северных народов. К тому же *metropolis* никак не могла здесь пониматься как «главный город» или «столица» собственно Бременско-Гамбургского архиепископства, поскольку кафедра объединенного архиепископства находилась не в Гамбурге, а в Бремене. И, напротив, в этом месте с IX века, как Адам выше засвидетельствовал, находилась *civitas metropolis*, основанная для проповеди христианской веры среди язычников. В данном смысле Гамбург и называется Адамом *mater* и *metropolis*, а архиепископ Унван восстанавливает (обновляет) *metropolis Hammaburg* после разорительного нападения славян при архиепископе Ансгарии посредством строительства города и церкви с поселением там каноников, дабы они отвращали язычников от обмана идолопоклонства.

Следующее известие, а именно, что архиепископ Бременский Либентий «часто посещал *metroplem Hammaburg*», поскольку уже произошло замирение язычников славян²⁰, также только подтверждает вывод о том, что Гамбург не был «главным городом» («столицей») архиепископства, а продолжал считаться церковной *metropolis* по отношению к заэльбским народам.

Еще один архиепископ Бременский и Гамбургский, Алебранд (Бесцелин), получил от императора Конрада посох, а от папы Бенедикта паллий, «поставлен же был суффраганами и другими семью епископами Саксонии, и это [случилось] *in urbe metropoli Hammaburg* с великой славой»²¹.

В дальнейшем Бесцелин, прославившийся трудами по обустройству Бремена, «со всей сердечной любовью готовится к строительству Гамбургской церкви», которую ранее настиг «бич славянский» (*cladem Sclavanicum*). Во исполнение этого замысла, там, где архиепископ Унван на *ruinis antiquae civitatis* возвел крепость и церковь, он для более прочной защиты от частых нападений врагов построил церковь, освященную в честь Матери Божией, и каменный дворец с башнями и бойницами. В то же время и герцог Саксонский, которому был подвластен Гамбург, неподалеку возвел крепость. Отсюда в *civitate renovata* упомянутая *basilica* «имела», с одной стороны, *domum episcopi*, с другой, *praetorium ducis*. Алебранд «пожелал также *Hammaburg metropolem* окружить стеной и укрепить башнями», но вследствие смерти этот замысел не успел осуществить²².

И при Алебранде, стало быть, главным городом архиепископства оставался Бремен, там этот архиепископ, как его предместники, и был

²⁰ Adam. II, 64.

²¹ Adam. II, 69.

²² Adam. II, 70.

похоронен. А Гамбургская церковь, *basilica*, по-прежнему сохраняла значение матери церкви, или очага христианского просвещения, для эльбских народов, северных германцев и славян, что в очередной раз и дало основание Адаму охарактеризовать Гамбург словами *urbs metropolis* или только *metropolis*. Как нетрудно заметить, здесь выражение *urbs metropolis* вполне соответствует выражению *civitas metropolis*, которое Адам ранее употребил в рассказе об учреждении Гамбургского архиепископства с целью наставления в христианской вере *Transalbianos*.

Продолжал обустраивать Бремен и преемник Алебранда, *archiepiscopus* и вместе с тем *domnus metropolitani* Адальберт, так что при нем *parvula Brema* по своей *virtute* (достойным делам) сделалась известной «вроде Рима»²³. При этом он не забывал, что «первая обязанность Гамбургской церкви заключается в *legatione gentium*»²⁴, т.е. в христианском просвещении народов. Поэтому, «обнимая весьма усердным попечением всю свою епархию, архиепископ положил в основу плодородия», т.е. сделал наставницей в христианской вере, «*metropolem Hammaburg*, называя ее весьма плодородной матерью народов»²⁵.

Очевидно, что и здесь *metropolis Hammaburg* предстает как *mater gentium*, как очаг проповеди христианского вероучения среди язычников, и этим объясняется, почему Гамбург называется *metropolis*. Именно в этом смысле *Hammaburg ut matrem* почитал один из славянских князей *Godescalcus*²⁶.

К этому добавим, что Адам несколько раз представляет архиепископов Гамбургских в звании *metropolitanus* и *metropolita*: *venerabilis metropolitanus*, *metropolitanus Adalbertus*, *noster metropolitanus Adalbertus*, *metropolitae Unwano*²⁷. Причем в большинстве случаев в таком звании архиепископы предстают при назначении епископов в города подчиненных им в церковном отношении земель. А это лишний раз доказывает, что Адам употреблял слово *metropolis* для наименования Гамбургской церкви, а выражение *civitas metropolis* по отношению к Гамбургу исключительно в церковно-административном смысле.

Помимо Киева и Гамбурга, еще четыре селения или города представлены Адамом как *metropolis* или *mitropolis civitas*.

Во второй книге он сообщает о том, что *magnus Otto* (Оттон I), после того как он подчинил и «связал» верой христианской народы славян, основал на берегу реки Эльбы *inclytam urbem* Магдебург, определив его в качестве *Sclavis metropolem*. При этом император повелел, чтобы

²³ Adam. III, 24.

²⁴ Adam. III, 1.

²⁵ Adam. III, 26.

²⁶ Adam. III, 19.

²⁷ Adam. II, 58; III, 9, 11, 21, 33, 34, 53, 67, 71; IV, 20.

в тамошние архиепископы был посвящен Адальберт, который в дальнейшем через проповедь обратил многих славян в христианскую веру. Очевидно, что и в данном случае слово *metropolis* означало город, который являлся средоточием церковно-административного округа. В подчинении у этой *metropolis*, согласно Адаму, пребывали пять епископий, учрежденных в более южных славянских землях: Мерзебургское, Цайцское, Мейсенское, Бранденбургское и Хавельбергское²⁸.

В четвертой книге Адам приводит слова Марциана Капеллы о том, что *litus Scithicum*, берег Скифского (Балтийского) моря, «густо набит» (*confertum*), т.е. плотно населен, различными варварскими народами, к которым относились *Gethae, Daci, Sarmatae, [Neutri], Alani, Geloni, Antropofagi, Trogloditae*. И «сострадавая их заблуждению, *noster metropolitani* определил Бирку, которая расположена в середине Sueoniae (Швеции), для этих народов *metropolem*», поставив в этой *civitate* первым *ex nostris* Хильтина (Иоанна)²⁹.

Очевидно, что и в данном случае *civitas* Бирка определяется как *metropolis* на том основании, что этот шведский город должен был стать рассадником христианского просвещения среди языческих народов, о которых, однако, судя по именам этих народов и неопределенных местах их обитания, в Бремене и Гамбурге имелись весьма смутные представления.

В той же книге обнаруживается известие о том, что «*metropolis civitas Nortmannorum* является Тронхейм, который, ныне украшенный церквами, часто посещается множеством людей», вероятно, прежде всего, потому, что «в нем лежит *corpus beatissimi Olaph regis et martyris*». И «возле его могилы вплоть до сегодняшнего дня величайшими чудесами Господь совершает исцеления, так что туда из дальних стран стекаются те, которые не отчаялись помочь себе заслугами святого»³⁰. Далее Адам описывает морской и сухопутный путь в Тронхейм, который, однако, теперь он называет или только *civitas*, или просто по имени.

По этим сообщениям можно догадываться, что Адамово определение Тронхейма как *metropolis civitas Nortmannorum* было связано с рассказом о нахождении в этом городе останков святого короля Олава и о тех чудесах, которые Господь совершал у его «могилы». Иначе говоря, будучи местом упокоения святого Олава, Тронхейм получил значение

²⁸ Adam. II, 15, 16.

²⁹ Adam. IV, 20.

³⁰ «Metropolis civitas Nortmannorum est Trondemnis, quae nunc decorata ecclesiis, magna populorum frequentia celebratur. In qua iacet corpus beatissimi Olaph regis et martyris. Ad cuius tumbam usque in hodiernum diem maxima Dominus operator sanitatum miracula, ita ut a longinquis illic regionibus confluent hii, qui se meritis sancti non desperant iuari» // Adam. IV, 33.

средоточия духовной жизни, прежде всего, христиан норвежцев, что, вероятно, еще в XI веке дало основание для учреждения здесь первого норвежского епископства, а в следующем столетии и кафедры архиепископа Тронхеймского. Но Тронхейм оставался и просто городом, что и выразилось при описании пути к нему в слове *civitas* или только в его имени. Что касается королей Норвегии, то в XI веке, как в более раннее и более позднее время, они бывали в Тронхейме лишь наездами, так что местом средоточия власти Норвежского королевства, «главным городом» или «столицей» *Nortmannorum*, норвежцев или Норвегии, Тронхейм никогда не был.

В третьей книге Адам сообщает о том, что славяне язычники схватили в *Magnopoli* (городе Мекленбурге) епископа Иоанна и после мучительных истязаний принесли его в жертву *deo suo Redigast in metropoli Sclavorom Rethre*³¹. Во второй же его книге, при описании Славянской земли (*Scлавания*) и ее народов, рассказывается, что самыми могущественными из всех славян являются *Retharii*. Их *civitas* — это *vulgatissima Rethre, sedes ydolatriae*, «весьма известная *Rethre*, место идолопоклонничества». «Там был сооружен большой *templum* для демонов, главарем которых является *Redigast*», и в эту *civitas* допускаются только пришедшие для жертвоприношений. Вместе с тем, из того же описания Славянской земли следует, что и у других ее народов также были свои города: *Wagrie* имели *civitas Aldinburg maritima* (морская), *Obodriti* (*Re-regi*) — *civitas Magnopolis, Polabingi* — *civitas Razisburg*³².

Стало быть, сам Адам при перечислении славянских народов и их городов выделяет *Rethre* только как *sedes ydolatriae*, как *civitas*, в котором находился *templum*, построенный для *demonibus*, во главе которых стоял *Redigast*. И в этот город и его «храм» не только *Retharii*, но, очевидно, и другие язычники славяне приходили для жертвоприношений, ибо и у них были в почете демоны и их предводитель *Redegast*. Поэтому здесь *Obodriti* и принесли в жертву епископа Иоанна *deo suo Redigast*, приведенного из их города, поэтому *Rethre* и была *vulgatissima*, поэтому Адам и называет ее *metropolis Sclavorom*. Иначе говоря, и в данном случае каноник из Бремена употребил слово *metropolis* в значении духовном, религиозном, только уже для обозначения средоточия языческих верований в кумиров ложных. Для Адама *Rethre* была *sedes ydolatriae* славян язычников, и только в таком смысле эта *civitas* представлялась ему как *metropolis Sclavorom*.

Наконец, в четвертой книге, там, где Адам описывает местонахождение датской области Сконе, обнаруживается примечание (схолия), сде-

³¹ Adam. III, 51.

³² Adam. II, 21.

ланное не ранее начала XII в., следующего содержания: «С этого острова (Сконе) вначале вышли *Longobardi* или *Gothi*, и он называется римскими историками *Scantia* или *Gangavia* либо *Scandinavia*. Ее (*Scandinaviae*) *metropolis civitas Lundona*, которой победитель Англии Кнуд повелел быть подобной Лондону Британии»³³. Здесь под именем *Lundona* подразумевается сконский город Лунд, в котором в 1103 г. была основана кафедра архиепископа Лундского с правами духовной власти не только в Дании³⁴, но и во всех скандинавских землях. Этим обстоятельством и объясняется, почему сконская *Lundona* названа здесь *metropolis civitas*³⁵.

Таким образом, во всем труде Адама Бременского не находим ни одного случая, который позволил бы толковать слово *metropolis* или выражение *metropolis civitas* в значении «главного города» или «столицы» какой-либо земли или области. И, напротив, они всегда употреблялись только в духовном значении, церковном и церковно-административном смысле или, как в случае с Ретрой, в смысле места, особо почитаемого славянами язычниками, места, где они совершали чрезвычайной важности жертвоприношения. Иначе говоря, христианский город с его главной церковью, который характеризовался Адамом как *metropolis* или *metropolis civitas*, являлся средоточием духовной власти отдельного церковно-административного округа, а сама его главная церковь почиталась матерью церковью по отношению к вновь учреждаемым церквям, епископиям, у ранее языческих народов. Поэтому вполне можно утверждать, что и в отношении Киева Адам Бременский употребил выражение *metropolis civitas* в значении церковном, а именно: «Ее (Русской земли) *metropolis civitas* есть Киев», т.е. Киев является церковным средоточием Русской земли.

Посмотрим теперь, могли ли в таком смысле употребляться слово *metropolis* и выражение *metropolis civitas* в других памятниках латинской словесности той культурно-исторической эпохи, в которую жил Адам Бременский. И, прежде всего, обратимся к грамотам.

³³ «Ab hac insula primum egressi sunt Longobardi vel Gothi, et vocatur ab historicis Romanorum *Scantia* vel *Gangavia* sive *Scandinavia*. Cuius *metropolis civitas Lundona*, quam victor Angliae Chnud Britannicae *Lundonae* aemulam iussit esse" // *Adam*. IV. Scholia 111. Поскольку здесь сообщается о происхождении имени главного города датской области Сконе якобы от имени английского Лондона, то слово *aemulus* можно перевести по-русски только как «подобный», «подражающий», «воспроизводящий». Употребление же этого латинского слова в значении «враждебный» (издание 2011. С. 126; издание 2012. С. 425) в данном случае просто бессмысленно: как мог Лондон враждовать с Лундом?

³⁴ См. ниже.

³⁵ У самого Адама рассказывается, что первый епископ в Сконе, *Fricco* (*Fricconis*), *Lundonae sedem suam constituit* (*Adam*. IV, 9). В примечании к этому месту *Lundona* называется *civitas prima Sconie* (*Adam*. IV. Scholia 114).

От XI века известна грамота короля Англии Кнута (1018 г.), в которой одним из свидетелей является архиепископ Кентерберийский *Liuingus* в качестве *metropolitanus archipraesul*³⁶. Грамоту же другого короля Англии, Эдуарда Исповедника, датированную 1066 г., свидетельствовал *Stigandus sanctae metropolis aecclisiae Cantuariensis episcopus*, т.е. «Стиганд, епископ святой церкви *metropolis* Кентерберийской». В этой же грамоте упоминается и Лондон, но только как первостепенный город англичан: *principalis Anglorum urbis Londoniae*³⁷. Еще в одной грамоте короля Эдуарда (1065 г.) речь идет о *Eboracum metropolim* и об архиепископе *eiusdem aecclisiae metropolitanae*³⁸, т.е. о втором английском архиепископстве — Йоркском.

Из рассказа Адама известно, что еще при архиепископе Ансгарии Гамбург был разорен язычниками, что дало основание для объединения Гамбургского архиепископства с Бременским. И это свершилось по постановлению папы Николая I, о чем свидетельствует его грамота, датированная 864 г. Из нее узнаем, что император Людовик «поместил» монаха Ансгария «вблизи реки Эльбы, на рубежах славян и датчан или саксов *in castello Hammaburch*». Властью того же императора *in supra-dicto Nordalbingorum populo*, т.е. у северных саксов, живших к северу от Эльбы, была учреждена *sedes archiepiscopali* в вышеупомянутой крепости *Hamaburch*, и Ансгарий стал *primus Nordalbingorum archiepiscopus*. При этом ему было поручено проповедовать Евангелие (*evangelizandi*) у народов *Sveonum sive Danorum*, а также *Slauorum* и прочих, проживавших в окрестных землях. И сама та *sedes Nordalbingorum Hammaburch*, «освященная в честь святого Спасителя и святой Его непорочной родительницы Марии», была определена как *archiepiscopalem*. Но поскольку «эта *metropolis Hammaburch* была превращена почти в пустыню», папа теперь постановил, чтобы *dioceses Hammaburgensem* и *Bremensem* были не *duas*, а *unam*³⁹.

Как видим, *metropolis Hammaburch* была здесь упомянута после сообщения о том, что *in castello Hammaburch* император основал *sedes archiepiscopali* с целью проповеди Евангелия в первую очередь у северных германцев и славян, так что слово *metropolis* в этом случае могло только означать церковное учреждение, церковь, призванную наставлять язычников в вере христианской. О таком значении слова *metropolis* свидетельствует и тот факт, что объединение Гамбургского диоцеза с Бременским произошло потому, что язычники разорили не *castellum*

³⁶ Codex Diplomaticus Aevi Saxonici / Opera J. M. Kemble. L., 1846. T. IV. № DCCXXVII.

³⁷ Ibid. № DCCCXXV.

³⁸ Ibid. № DCCCXV.

³⁹ Meklenburgisches Urkundenbuch. Schwerin, 1863. Bd. I: 768—1250. № 8.

Hammaburch или *sedes Nordalbingorum Hammaburch*, а *metropolis Hammaburch*.

Позднее, уже в грамоте императора Фридриха, относящейся к 1158 г., в которой подтверждались права Гамбургского архиепископа Хартвига и его церкви, обстоятельства учреждения этого архиепископства были изложены следующим образом: «в том же месте за Эльбой, называемом *Hamaburch*, тот же славнейший император Людовик собственными силами *archiepiscopalem* и сверх того *metropolitanam sedem* всех церквей датчан, шведов, норвежцев, Фарерских островов, гренландцев, хельсинголандцев, исландцев, скредефиннов и всех северных стран основал»⁴⁰.

В 1160 г. уже сам *sancte Hamburgensis ecclesie archiepiscopus* Хартвиг издал грамоту, в которой поведал, что, «когда достопочтенный отец и предшественник наш Аделберт был обременен тщательнейшей заботой о своем приходе, он поручил *metropolin (metropolim) suam Hamburg*, свирепостью варваров из-за Евангелия Иисуса Христа часто опустошенную..., преобразовать и в прежнее состояние возратить, видя эту мать народов весьма плодотворной». Теперь же, когда на части Славянской земли были основаны *suffraganeis*, а именно епископства Любекское, Рацебургское и Шверинское, архиепископ Хартвиг, в силу полномочий, полученных от *sedes apostolice*, определяет, чтобы «упомянутые новые церкви настолько во всем имели уважение к Гамбургской церкви, как к *metropolin (metropolim)* своей, и чтобы они почитали мать с должной честью, а также [оказывали честь] архиепископу этого *sedis*, насколько, согласно неизблемому правилу, они обязаны выказывать должное повиновение и благоговение»⁴¹. И в этой грамоте, тоже со всей определенностью, *metropolis Hamburg* представляется матерью церковью по отношению к недавно учрежденным епископиям.

⁴⁰ «in eodem locj trans Albiam Hamaburch nuncupato, idem gloriossimus imperator Ludewicus proprii uigoris archiepiscopalem et super omnes ecclesias Danorum, Suecorum, Norwegiorum, Farrie, Grunlandonum, Halsingolandonum, Islandonum, Screndenindonum et omnium septentrionalium parcium metropolitanam sedem constituit» // Ibid. № 63.

⁴¹ «cum venerabilis pater et antecessor noster Adelbertus totius parochie sue diligentissimam gereret curam, preelegit metropolin suam Hamburg, per seuitiam barbarorum propter euangelium Jesu Christi sepius uastatam..., reformare et in statum pristinum reuocare, fecundissimam illam matrem gentium considerans... Nos ergo... suffraganeis scilicet Lubicensi, Raceburgensi et Zwerinensi ipsam decorauimus auctoritate sedis apostolice, cuius legatione fungimur, statuentes, quatenus predictae ecclesie novella ad Hamburgensem ecclesiam tanquam ad metropolin suam in omnibus respectum habeant et ut matrem debito honore uenerentur, necnon eiusdem sedis archiepiscopo tantum secundum canonum sanctionem debitam obedientiam et reuerentiam exhibeant» // Ibid. № 70.

А еще раньше, вероятно в 1133 г., папа Иннокентий II обратился с посланием к королю Датчан Николаю, в котором, среди прочего, говорится, что его предшественники, *Romani pontifices*, утвердили *Hamtburgensem ecclesiam* в качестве *metropolim* и подчинили ей епископа Лундского и других епископов Дании. Но теперь (с 1103 г.) этот епископ (Ассер) уже имеет степень архиепископа, так что ему, как *metropolitano suo*, обязаны повиновением «епископы твоего королевства»⁴².

Затем в грамоте, изданной в 1145 г., называется *maior ecclesia in ciuitate Lundensi que est metropolis Danie*⁴³. Около 1153 г. брат *Gaufridus* из Клерво шлет послание *Eschillo Dei gracia Lundensi archiepiscopo metropolitano Dacie*⁴⁴. Сам Эскиль в 1170 г. представлялся как *sanctae Lundensis ecclesiae metropolitanus archiepiscopus apostolicae sedis legatus*⁴⁵. В булле папы Александра III, датируемой 1160 или 1161 г., сообщается о том, что *ecclesia Lundensis* является *metropolitana regni Daniae*⁴⁶. В 1186 г. король Датчан Кнут подтвердил права каноников *in ciuitate Lundensium que est metropolis Danie*⁴⁷. В «Старой Зеландской летописи» (начало XIV в.) говорится о *Lundensis ecclesiae, que Dacie metropolis habetur*⁴⁸. А в сокращенном пересказе «Деяний Датчан» Саксона Грамматика, выполненном около 1340 г., король датчан Эрик Добрый (1103 г.) определяет город Лунд в качестве *metropolim Dacie*, и назначает туда архиепископом знатного ютландца Ассера⁴⁹.

После учреждения Лундского архиепископства его главе, как своему *metropolitano*, должны были выказывать почтение епископы других скандинавских земель, о чем, в частности, около 1133 г. сообщает папа Иннокентий II в послании к епископам Швеции⁵⁰.

Но уже в 1154 г. в Норвегии папа основал через своего легата отдельное архиепископство Тронхеймское, которое возглавил архиепископ Иоанн. «И чтобы об остальной *Provinciae Norvegiae Metropolitani* могло быть попечение, переданный под твое управление той же области *urbem Thrundensem* он определил вечной *Metropolim*; и ему еписко-

⁴² *Diplomatarium Danicum* (Далее: DD) / Udg. ved L. Weibull. København, 1963. R. 1, bd. 2: 1053—1169. № 58.

⁴³ *Ibid.* № 89.

⁴⁴ *Ibid.* № 114.

⁴⁵ DD / Udg. ved C. A. Christensen, H. Nielsen og L. Weibull. København, 1976—77. R. 1, bd. 3. Del 1: *Diplomer 1170—1199*. № 14.

⁴⁶ DD. R. 1, bd. 2. № 141.

⁴⁷ DD. R. 1, bd. 3. Del 1. № 134.

⁴⁸ *Vetus Chronica Sialandie* // SMHD. Vol. II. P. 50.

⁴⁹ “*Lundensem vrbem... metropolim Dacie instituit, Ascerumque, nobilissimum Jutensem... in archiepiscopum ordinauit*” // *Saxonis Gesta Danorum ab incerto auctore in compendium redacta et continvata* // SMHD. Vol. I. P. 390.

⁵⁰ DD. R. 1, bd. 2. № 61.

пов Осло, Хамара, Бергена, Ставангера, Оркнейских островов, Фарерских островов, островов *Suthraie*, Исландские и Гренландии, как своей *Metropoli*, на вечные времена постановил подчиняться; и их епископов, как *Metropolitanis suis*, тебе и твоим преемникам [обязал] повиноваться». Вместе с тем папа предписал, «чтобы *Trudensis civitas* на вечные времена считалась *Metropolis* вышеназванных городов, и епископы их, как тебе, так и твоим преемникам, как *suis Metropolitanis*, повиновались»⁵¹.

Затем, в 1164 г. папа Александр III учредил архиепископство в Швеции, возведя на степень архиепископа Уппсальского епископа Стефана. «И чтобы об остальной *prouincie swecie metropolitani* могло быть попечение, переданный под управление твое той же области *upsalensem urbem* мы определяем вечной *metropolim* и епископов Скары, Линчёпинга, Стренгнеса и Ароса (Вестероса) ему, как *sue metropoli*, на вечные времена постановляем подчиняться и епископов тех же мест, как настоящих, так и будущих, как *metropolitanis suis*, как тебе, так и твоим преемникам, обязываем повиноваться»⁵².

Приведем также определение касательно учрежденного в 1251 г. через кардиналов папой Иннокентием IV архиепископства Рижского *in partibus Livoniae et Estoniae* вместо уже существовавшего епископства Рижского. «И чтобы *sedes metropolica*, которая тем же господином папой заново в тех странах была создана, имела должное основание, сообразно степени ее достоинства мы определяем для установления порядка, чтобы архиепископ, который на эту *mitropolin* был принят, в упомянутой выше *civitate Rigensi*, которая, как представляется, по многим причинам является славнее и пригоднее других церквей тех стран, *sedem archiepiscopalem* основал, согласно тому, как ему апостольской

⁵¹ "Et ne de cætero Provinciae Norvegiae Metropolitanì possit cura deesse, commissam gubernationi tuæ urbem Thrudensem ejusdem Provinciae perpetuam Metropolim ordinavit; et ei Asloensem, Hammarcopiensem, Bergenensem, Stawangriensem, Insules Orcades, Insulas [Fareiae], Suthraie Insulas, Islandensium et Grenelandie Episcopatus, tamquam suæ Metropoli perpetuis temporibus constituit subiacere; et earum episcopatus sicut Metropolitanis suis tibi tisque successoribus obedire... statuentes, ut Trudensis civitas perpetuis temporibus supradictarum urbium Metropolis habeatur, et earum Episcopi tam tibi, quam tuis successoribus sicut suis Metropolitanis obediant" // *Diplomatarium Islandicum. Íslenzkt Fornbrëfasafn. Bd. I: 834—1264. Kaupmannahöfn, 1857—76. № 35.*

⁵² "Et ne de cetero prouincie swecie metropolitani possit cura deesse, commissam gubernacioni tue vpsaliam urbem ejusdem prouincie perpetuum metropolim ordinauimus et scarensensem lincopensem strengenensem et arusiensem episcopatus ei tamquam sue metropolis perpetuis temporibus constituimus subiaceret et eorundem locorum episcopos tam presentes quam futuros sicut metropolitanis suis tam tibi quam tuis successoribus obedire Statuimus" // *Diplomatarium Suecanum / Collegit et edidit J.G. Liljegren. Holmae, 1829. Vol. I. № 49.*

грамотой было разрешено..., и так упомянутый архиепископ названную церковь Рижскую *pro metropoli* свободно да будет в состоянии получить. Кроме того, реченный [епископ] Рижский, пока он будет жив, мирно в настоящем состоянии, как в *civitate*, так и в *diocesi Rigensi*, да останется, в то время как тот же архиепископ, как в *civitate Rigensi*, так и по всей своей *provincia iurisdictionem metropolicam* исполняет»⁵³.

К приведенным свидетельствам грамот присовокупим еще известия о названиях провинций Римской церкви, которые обнаруживаются в рукописях XI—XII вв.

В рукописи времени понтификата папы Каликста II (1119—1124) они были представлены, например, следующим образом: *Provincia Danorum Metropolis Civitas Lunda*; *Metropolis civitas Strigonensium* (Эстергом) и *Metropolis civitas Colociensium* (Калоча) — обе в Венгрии; в провинции *Dalmatia Metropolis civitas Salona* (Салона); *Metropolis civitas Ragusia* (Дубровник) *hos habet episcopos suffraganeos*; *Metropolis Spalatus* (Сплит) *habet suffraganeos*. Каждая из этих *metropolis civitas* или *metropolis* называется с *civitates*, в которых имелись кафедры епископов⁵⁴.

В другой рукописи, относимой к XI или XII в., среди церковных провинций также названы *Metropolis civitas Strigoniensium*, *Metropolis civitas Colociensium*, *Metropolis civitas Salona* и перечислены зависимые от них епископские города⁵⁵.

Еще в одной рукописи, вероятно конца XII в., читаем, что *Metropolis Kenesen* (Гнезно) *habet in Polonia VIII Suffraganeos*; *Metropolis Brema* (Бремен, а, стало быть, и Гамбург) *Suffraganeos habet*; *Metropolis Magdeburgen Suffraganei sunt*; *In Anglia Metropolis civitas Cantuaria* (Кентерберн) *has habet civitates sub se*; *In regno Norwesie Metropolis Trundum hos Episcopos Suf-*

⁵³ "Et ne sedes metropolica, quae ab eodem domino papa de novo in illis partibus est creata, debito careat fundamento, ex suae titulo dignitatis decernimus ordinandum, ut archiepiscopus, qui ad eam metropolin est assumptus, in civitate Rigensi predictu, quae nobilior ex multis causis et habilior aliis ecclesiis illarum partium esse videtur, sedem archiepiscopalem constituat, secundum quod ei per litteras apostolicas est indultum... et sic memoratus archiepiscopus nominatam Rigensem ecclesiam pro metropolis libere valeat adipisci. Alioquin dictus Rigensis, quoad vixerit, pacifice in statu praesenti, tam in civitate, quam diocesi Rigensi permaneat, eodem archiepiscopo tam in civitate Rigensi, quam per totam suam provinciam iurisdictionem metropolicam exercente" // Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebat Regesten / Hrsgb von F. G. von Bunge. Reval, 1833. Bd. I: 1093—1300. № CCXIX.

⁵⁴ Duchesne L. Le provincial roman au XIIe siècle // Mélanges d'archéologie et d'histoire. Année 1904. Vol. 24. № 24. P. 88—98. Замечательно, что и Фома Сплитский в своей «Истории архиепископов Салонских и Сплитских» указывает на то, что *fuit autem metropolis civitas Dalmatiae salona, urbs magna et antiqua* (Thomae archidiaconi Spalatensis Historia Salonitanorum atque Spalatinorum pontificum. Budapest, 2006. P. 8).

⁵⁵ Monumenta dominationis pontificae. P. XXIII.

fraganeos habet; In regno Danie Metropolis Lundis hos Episcopos Suffraganeos habet sub se; In regno Suetie Metropolitanus Ubsalensis hos Episcopos Suffraganeos habet sub se; In Slavonia metropolis civitas Ragusa hos habet Episcopos Suffraganeos. И везде вслед за их *metropolis* перечислены зависимые *civitates*, а именно города с епископскими кафедрами⁵⁶.

Все эти документальные свидетельства вполне подтверждают вывод о том, что Адам Бременский употреблял *metropolis* и *metropolis civitas* как обычные церковные термины его духовно-исторической эпохи. А потому еще раз отметим, что, характеризуя Киев как *metropolis civitas Ruzziae*, он имел в виду то, что этот город является церковно-административным средоточием Русской земли, город, в котором находится ее главная церковь, *metropolis*.

Знание об этом, и вообще о *Ruzzia*, Адам, вероятно, вынес из Верхней Германии, где он родился и получил школьное образование. Действительно, южные немцы, в отличие от их северных родственников, уже давно, еще с IX века, имели сношения с людьми, называвшимися русью, посещали с разными целями Киев и, конечно, были осведомлены о том, что этот город является главным в церковном отношении местом Русской земли.

В ту эпоху, что и Адам, жил и другой латинский писатель, употребивший слово *metropolin* по отношению к Киеву. Речь идет об Иоанне (Джиованни) дель Плано Карпини (*frater Iohannes de Plano Carpini*), который в 1246 г. на пути ко двору *Imperatoris Tartarorum* и затем, в 1247 г., при возвращении оттуда посетил *Kiouiam quae erat Metropolis Russiae* (по одной рукописи) или *Kiouiam, Russiae metropolin* и *Kiouiam metropolin Russiae* (по другой рукописи). Он также сообщает о пути *ad Kiouiam Russiae*⁵⁷, «до Киева Русской земли».

Как и каноник из Бремена, брат Иоанн тоже был лицом духовного звания, а стало быть, использование им слова *Metropolis (metropolin)* в качестве церковного термина было для него делом вполне привычным. К тому же, из его записок никак не следует, что *Kyouia* или *Kiouia*, которую, как он рассказывает, недавно *Tartari* взяли после долгой осады, перебив множество ее жителей, имела значение «главного города» или «столицы» *Russiae*. Все *duces Russiae*, о которых брат Иоанн сообщает, а это были и в самом деле перво-

⁵⁶ Ibid. P. XXIII—XXX.

⁵⁷ The Texts and Versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis as printed for the first time by Hakluyt in 1598 together with some shorter pieces / Ed. by C. Raymond Beaziley. L., 1903. P. 60, 87, 92, 103. В русском издании: «Киев, который был столицей России», «Киев, который служит столицею России», «до Русского города Киева» (Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов / Пер. А.И. Малеина // Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Редакция, вступительная статья и примечания Н.П. Шастиной. М., 1957. С. 46—47, 67, 81).

степенные русские князья того времени, жили не в Киеве. Более того, *Ieroslaus, magnus Dux Russiae* (по одной рукописи) или *dux Russiae magnus* (по другой рукописи), великий князь Русской земли, ее главный князь и вместе с тем старейший по родословной между русскими князьями, упоминается братом Иоанном в связи не с Киевом, а с Суздаlem: *Dux Ieroslaus de Susdal Russiae* или *Ieroslaus Dux magnus Soldal, quae est quaedam Russiae pars*⁵⁸.

Отсюда выводим, что и этот латинский писатель назвал Киев *Metropolis (metropolin) Russiae* тоже в смысле церковного и церковно-административного средоточия Русской земли.

Затем такие же определения Киеву давали польские латинские писатели.

В конце XIII или в XIV в. была написана “Cronica Boguchwala”, и в ней сообщается: *Kijow, quod est Russiae metropolis*⁵⁹. В свою очередь в «Польской истории» Яна Длугоша, писателя уже XV в., находим известия о том, что *urbis eorum (Ruthenorum) atque metropolis Kyow [est]*⁶⁰, «городом и *metropolis* руси является Киев»; *circa Kyow urbem metropolim Russie*⁶¹, «около Киева города, *mitropolim* Русской земли»; *ad caput et metropolim tocius Russie Kyow*⁶², «к главе и *metropolim* всей Русской земли Киеву»; *ad Kyowiam metropolim Russie*⁶³, «к Киеву, *metropolim* Русской земли»; *ad metropolim Ruthenorum Kyow*⁶⁴, «к Киеву, *mitropolim* руси». Кроме того, Длугош упоминает о *petitiones metropoliti Kyowiensis*⁶⁵, т.е. о просьбах митрополита Киевского, или Киева.

А в «Трактате о двух Сарматиях» Матвей Меховского (1457—1523) сначала рассказывается о том, что «татары пришли в Русскую землю и Киев, весьма большой город и *mitropolim* руси, замечательно построенный, до основания стерли». Но «он», Киев, «имел и поныне имеет митрополита по обычаю руси и греков», правда, «в Киеве уже после разрушения он не живет». И в результате, «вся Русская земля с ее *metropoli* и вся Подолия была уничтожена»⁶⁶.

⁵⁸ The Texts and Versions of John de Plano Carpini. P. 51, 100, 103.

⁵⁹ *Boguphali II episcopo posnaniensis chronicon Poloniae*. Kronica Boguchwala i Godyslawia Paska // *Monumenta Poloniae Historica* / Ed. W.A. Bielowski. Lwow, 1871. T. II. P. 483.

⁶⁰ Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Книги I-IV). Текст, перевод, комментарий / Под редакцией и с дополнениями А.В. Назаренко. М., 2004. С. 69.

⁶¹ Там же. С. 70.

⁶² Там же. С. 119. В русском переводе: «к главному городу и столице всей Руси Киеву». Спрашивается, чем отличается «главный город всей Руси Киев» от «столицы всей Руси Киева»?

⁶³ Там же. С. 120.

⁶⁴ Там же. С. 150.

⁶⁵ Там же. С. 141.

⁶⁶ “Thartari in Russiam venerunt et Kiow, amplissimam urbem et metropolim Ruthenorum magnifice construcnam funditus deleverunt... Habuit et usque nunc habet met-

В другом же месте Матвей сообщает: «Что же до духовных властей и пасторов христианских, то предстоятелем (*archipraesul*) является Львовский *mitropolitanus Russorum et Lithuanorum*», т.е. митрополит руси и литвы римско-католической церкви. «*Rutenorum vero metropolitani est Kiouiensis (quae olim metropolis Russiae fuit); habet subiectos wladicas et episcopos de ritu Graeco*»⁶⁷, «руси же митрополит есть Киевский», или Киева, «который некогда был *metropolis* Русской земли; ему подчинены владыки и епископы греческого обряда».

Таким образом, два последних писателя видели в Киеве вместе, но одновременно и по отдельности, *urbs* и *metropolis Ruthenorum* или *Russiae*. Длugoш также различал *caput* и *metropolis totius Russiae*. И, наконец, Матвей Меховский уже прямо свидетельствует, что Киев был *metropolis Russiae* потому, что в нем пребывал митрополит *Rutenorum*.

Обращаясь теперь к русской словесности той эпохи, в которую жили упомянутые латинские писатели и издатели грамот, обнаруживаем в ней выражения, близкие или даже тождественные по смыслу *metropolis civitas Ruzziae* и *Metropolis Russiae*.

Действительно, из «летописания» XI—XIV вв. узнаем, что в 1036 г. печенеги, придя к Киеву, остановились «вне града», на том месте, «иде же стоит ныне святая Софья митрополя Русьская». В следующем же году в Киеве «заложи Ярослав городъ великий... заложи же и церковь святая Софья митрополю», которая с тех пор располагалась в пределах Киева. В 1224 г. был поставлен «митрополитом в святой Софье Киеве блаженный Кириль Грьчинъ». В 1300 г. митрополит Максим, не терпя татарского насилия, «оставя митрополю и збежа ис Киева и весь Киевъ разбежался»⁶⁸.

Около 1160 г. ростовский князь Андрей Боголюбский «градъ Володимеръ изъ основания въздвгль еси великъ со многомъ челоуѣкъ, в ней же церкви многи создалъ еси; не хочещи же его быти подъ правдами епископы ростовские и суждальскія, но обновите е митрополию и поставити отъ насъ (патриарха Константинопольского Луки) въ не митрополита»⁶⁹.

ropolitanum de ritu Rutenorum seu Graecorum... in Kiouia jam post destructionem non residendum... Itaque tota Russia cum sua metropolis et Podolia omniuaque pesundata..." // Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях / Введение, перевод и комментарии С.А. Аннинского. М.;Л., 1936. С. 131.

⁶⁷ Матвей Меховский. Указ. соч. С. 175.

⁶⁸ Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. I. С. 151, 447, 485.

⁶⁹ Русская Историческая Библиотека (Далее: РИБ). СПб., 1880. Т. 6. № 3. Высказывались предположения, что и раньше, в XI веке, русские князья домогались иметь митрополитов и соответственно митрополю в своих главных городах. Во всяком случае, в летописях сообщается о том, что «бе бо прежде в Переяславли митропо-

В русских переводах конца XIV или XV в. посланий Константинопольского патриарха Нила (около 1382 г.) говорится о «митрополіи всеа Руси» и о «святыя митрополя кievская всеа Руси»⁷⁰.

В 1389 г. «преста мятежь в митрополии», и стала «едина митрополя Киевъ и Галичъ и всеа Руси»⁷¹.

В окружном послании «митрополита кievскаго и всеа Руси» Фотия (1415—1416 гг.) сказано, что «зборная и апостольская церкви Костянтина-града, якоже от источника паче духовнаго и бесмертнаго повсюду текущи, такоже и кievской и всеа Руси митрополя, по изначальнаго чина же и пошлины (т.е. старины), строить попечение и брежение, и посылаетъ единого митрополита Киеву и всеа Руси»⁷².

В настольной грамоте епископу Владимирскому (на Волини), составленной в 1420 г., митрополит Фотий свидетельствует, что «по давнему обычаю и закономъ укреплено бысть, единой митрополя быти во всей русской земли, якоже то изначала пошло отъ святаго крещения, и единъ митрополитъ кievский и всеа Руси..., и великій зборъ оправдаша мнѣ мою митрополю, всю русійскую землю. И достояніе убо, по толикомъ молвамъ и бури, русской митрополя въ свой чинъ пріити»⁷³.

Из посланий Ионы, «митрополита Киевского и всеа Руси», который уже не жил в Киеве, узнаем, что «великая Божия святая соборная и апостольская церковь и святейшая митрополия Киевская и всеа Руси вдовствует», что «преже того в Руси было поставление митрополитом, аще не на Москве, ни въ Володимери, но на Киеве. Понеже и, сыну (князь кievский Александр Владимирович), и о том добре веси, еже в тогдашняя времена было господарство от того православного святого самодержца всеа Руския земля, великаго князя Владимира на Киеве, а поставление было Киеву на Рускую землю митрополитом»⁷⁴, что «по Божественным священным правилом поставили мене на митрополию всеа Русския земли православному христианству»⁷⁵, называет затем свою митрополию «нашея Киевская всеа Руския митрополия»⁷⁶.

ля» или, по более позднему сказанию, «бе бо преже Переяславль митрополя» (см.: Назаренко А.В. Митрополия Ярославичей во второй половине XI века // Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. С. 207—245). Известно также, что такие княжеские домогательства неоднократно достигали цели в XIV и XV в.

⁷⁰ РИБ. № 22, 23.

⁷¹ Лаврентьевская летопись. С. 537.

⁷² РИБ. Т. 6. № 39.

⁷³ Там же. № 49.

⁷⁴ Грамоты и послания Митрополита Ионы // Абеленцева О.А. Митрополит Иона и установление автокефалии Русской Церкви. М.; СПб., 2009. № 15.

⁷⁵ Там же. № 48.

⁷⁶ Там же. № 43.

Иона также просит короля Казимира IV, чтобы держать ему «Божью церковь, свою богомолію кіевську митрополію по старине», и чтобы галицкую митрополию его «богомоліи кіевської церкви, Святѣй Софѣи и кіевському столу отдати по старинѣ»⁷⁷. И «король польский и великий князь литовский и руский» Казимир объявляет, что «дали есмо ему (Ионе) столецъ митрополичь кіевський и всяя Руси как первіе было, по уставленію и по обычаю русского христіанства»⁷⁸.

Само имя «Русская митрополия» или «митрополия Русской земли», несомненно, возникло вследствие перевода греческого имени, созданного в Константинополе, где митрополит Русский, позднее всяя Руси или Киевский и всяя Руси, по обыкновению, утверждался до начала XV века.

Об этом свидетельствуют греческие перечни епископий, датируемые концом X—XIV в., в которых называется и митрополия *τῇ Ρωσῖα*⁷⁹, *τῷ Κυέβου τῆς Ρωσῖας*⁸⁰, *τῷ Κυέβῳ τῆς Ρωσῖας* или *τῇ Ρωσῖα τῶν Κυέβων*⁸¹.

Сохранилась также печать того самого Кирилла Гречина, который был поставлен митрополитом в киевской Софии в 1224 г. На этой печати он представляется как *ἀρχιεπίσκοπος τῇ μ(ητ)ροπόλειως Ρωσῖας*⁸², «архиепископ митрополии Русской земли».

Позже в послании патриарха Константинопольского Иоанна XIV митрополиту Феогносту (1339 г.) последний называется *митрополῖτα Ρωσῖας*⁸³.

Император Иоанн (Кантакузин) в 1347 году восстанавливает единую Русскую митрополию и называет Феогноста *митрополῖτα Κυέβου* и экзархом *πάσης Ρωσῖας*, при этом епископии *τῆς Μικράς Ρωσῖας*⁸⁴, Малой Русской земли, представляются именами городов.

⁷⁷ РИБ. Т. 6. № 63.

⁷⁸ Там же. № 67. В этом значении слово «столецъ» или *stolec*, вероятно, употреблялось и в западнорусских летописях XVI века: «повъставъ царь Батыи. и пошол на Рускую землю. и всю землю Рускую звоевалъ... и столецъ всея Руское земли город Киевъ съжогъ и пустъ вчинилъ» // Список графа Красинского // ПСРЛ. Т. XVII. Западнорусские летописи. М., 2008. С. 230; «powstał Car Batiy, y poszoł na Ruskuiu zemlu, y wsiu zemlu Ruskuiu zwoewał... y stolec wseje zemli Ruskoie horod Kijew zożoh y pust wczynił» // Список Быховца С. 477. В последней летописи также сообщается, что «kniaź wielki Witolt» (Витовт) «na Kijewe posadył Skirgayła Olgirdowicza», «y kniażuiuszczo iemu w Kijewe, był nechto Ftoma Czernec Izufow, derżał Namestnictwo ot metropolita, u swiatoie Zoffii na mitropoliem Dwory. Woschotewszu że kniaziu Skirgayłu jechaty za Dnepr w łowy, toy że Ftoma pozwał jego na pir, na mitropoli dwor» (Там же. С. 515).

⁷⁹ Бибииков М.В. Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004. С. 115.

⁸⁰ Там же. С. 115.

⁸¹ Там же. С. 589.

⁸² Там же. С. 598.

⁸³ РИБ. Т. 6. Дополнения. № 2.

⁸⁴ Там же. № 4.

Настольная грамота патриарха Филофея, датированная 1354 годом, объявляет о поставлении владимирского епископа Алексия на *μητρόπολιν Κυέβου καὶ πάσης Ρωσίας*⁸⁵, «митрополию Киева и всей Русской земли».

Греческие слова *μητρόπολις* и *μητροπολίτης*, от которых произошли русские церковные термины митрополия и митрополит, имели то же значение, что, как выше было показано, и латинские соответственно *metropolis*, *metropolis civitas* и *metropolitanus* в их церковном употреблении. А потому можно догадываться, что выражения *metropolis civitas Ruzziae* или *metropolis Russiae*, использованные латинскими писателями в отношении Киева, по смыслу соответствовали греческим *μητρόπολις τῆ Κυέβου τῆς Ρωσίας* или *μητρόπολις Ρωσίας*. Но если так, то имеем основание перевести *metropolis civitas Ruzziae* или *metropolis Russiae* как «митрополия Русской земли». И уже отсюда можно сделать вывод о том, что Адам Бременский и Джиованни дель Плано Карпини предполагали в Киеве именно «митрополию Русской земли».

Вместе с тем мы видели, что латинские писатели, Адам Бременский и составители грамот, употребляли термины *metropolis civitas* или *metropolis* в значении городской матери-церкви, которая учреждает новые церкви в других городах и их, а также еще иные города-церкви, административно опекает. В этой связи вспоминаются и слова, согласно нашему летописанию, якобы сказанные русским князем Олегом в отношении Киева: «се буди мати градомъ рускими» или, по другим рукописям, «се буде мати градомъ рускимъ»⁸⁶, «се буди мати городом Рускимъ», «се буди мати градовом Рускимъ»⁸⁷.

Как неоднократно отмечалось, здесь выражение «мати градомъ» могло явиться переводом либо заимствованного из греческого слов митрополия или «метрополия», либо самого греческого слова. И действительно, в «Слове на обновление Десятинной церкви», возможно, написанном в XII в., читаются такие слова, обращенные к святому Клименту: «присный заступниче стране Рустей, и венче преукрашенный славному и честному граду нашему и велицей митрополии же мати градомъ»⁸⁸.

В этом сказании «наш город» (Киев) величается «славным и честным», тогда как «митрополия» провозглашается «великой», что уже

⁸⁵ Там же. № 9.

⁸⁶ Лаврентьевская летопись. С. 23.

⁸⁷ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М., 1998. Т. II. С. 17.

⁸⁸ Месяца ноемврия въ 25 день. Мучение святого священномученика епископа Климента / Подготовка текста Ю.А. Карпова // Карпов Ю.А. «Слово на обновление Десятинной церкви» по списку М.А. Оболенского // Архив русской истории. М., 1992. Вып. I. С. 109.

свидетельствует о разных явлениях, выраженных словами «город» и «митрополия»: в «Русской стране» есть «город» Киев, и в той же «стране», в том же «городе», есть «митрополия», а именно Русская митрополия. Вместе с тем сказитель посредством союза «же» дополняет слово «митрополия», как можно догадываться, для пояснения его смысла, двумя другими словами — «мать городов». Этот смысл, несомненно, был ясен современникам самого сказителя, чего не скажешь о людях последующих времен. Обычно, и вполне справедливо, в словах «мать городов», как и в случае употребления их в летописании, усматривают буквальный перевод «митрополии». Однако сами эти слова, равно и слова, якобы сказанные князем Олегом, по обыкновению, толкуются в качестве определения Киева как главного города («столицы») руси, что явно противоречит исключительно церковному значению слова «митрополия» в русском языке. Иначе говоря, в «Слове на обновление Десятинной церкви» выражение «мати градомъ» является лишь русским переводом заимствованного из греческого языка церковного слова «митрополия». В таком же смысле следует понимать и слова, вложенные в уста князя Олега, а именно, когда говорилось о Киеве, что «се буди матери градомъ рускими», имелось в виду, что Киев станет Русской митрополией. Ведь в сознании людей той эпохи город, в котором была митрополия или епископия, и сам считался митрополией или епископией. Вспомним, что именно посредством имен городов представлялись в латинских и греческих перечнях диоцезы и епархии. Что касается того, зачем потребовалось переводить слово «митрополия» на русский язык, то можно догадываться, что это было сделано для подчеркивания как раз церковного значения самого греческого слова посредством привычных русских слов. А это значение характеризовало митрополию как средоточие церковно-административного округа и вместе с тем как мать-церковь по отношению к опекаемым ею церквам-городам, городам-епископиям. В этом и заключался смысл слов князя Олега о Киеве как будущей «матери городов русских»⁸⁹.

Стало быть, предложение *Cuius (Ruzziae) metropolis civitas est Chive* следует переводить так: «Ее (Русской земли) митрополия есть Киев», т.е. «Киев — это митрополия Русской земли». А стало быть, именно в этом значении, в качестве митрополии Русской земли, Киев затем характери-

⁸⁹ Несомненно, именно в этом смысле Киев прославляется как «мать городов» и в службе на память освящения в 1051 или 1053 г. киевской церкви святого Георгия (26 ноября): «от первопрестольного матери градом, Богом спасенного Киеви», и в одной из стихир службы святому Владимиру: «Уподобивыися купцу, ищущю добраго бисера, славнодержавеный Владимире, на высоте стола седа матери градовом благоспасаемого Киева» (цит. по: Назаренко А.В. Была ли столица в Древней Руси? С. 107).

зывается и как *aemula sceptri Constantinopolitani, clarissimum decus Graeciae*, как «приверженный(ая) жезла (посоха) Константинопольского, весьма славное украшение⁹⁰ Греческой земли». И поскольку митрополия Русской земли могла быть приверженной⁹¹ только старшей церкви, то можно догадываться, что «жезлом Константинопольским» являлась Константинопольская патриархия, или Константинополь, т.е. та церковь, у которой в подчинении, как у матери-церкви, и пребывала Русская митрополия.

Таким образом, в целом *ad Ostrogard Ruzziae, Cuius metropolis civitas est Chive, aemula sceptri Constantinopolitani, clarissimum decus Graeciae* переводим так: «к Острограду Русской земли. Ее митрополия есть Киев, приверженная жезла Константинопольского, весьма славное украшение Греческой земли».

Но мог ли Адам Бременский или другой писатель, близкий ему по духовному воспитанию, использовать слова, в которых явно выражалось бы мирское значение «главного города» или «столицы» какой-либо земли и какого-либо народа, или города, в котором, по обыкновению, находился двор верховного правителя. Да, такие слова в ту эпоху употреблялись. И мы уже выше видели, что в значении главного земского города, возможно, использовалось и слово *metropolis*⁹². Однако у самого Адама Бременского в таком значении обнаруживаются другие слова.

⁹⁰ Сравним с обращением к святому Клименту «венче преукрашенный славному и честному граду нашему» Киеву в «Слове на обновление Десятинной церкви».

⁹¹ В других русских переводах: «город Киев, соперник константинопольского скипетра, славнейшее украшение Греции» (Назаренко А.В. Был ли Киев столицей Древней Руси? С. 111) или «город Киев (Chive) достойный соперник Константинопольской державы, славнейшее украшение Греции» (Древняя Русь. С. 129), «Киев, соперник Константинопольской державы, прекраснейшее украшение Греции» (издание 2011 г.), «Киев, соперничающий с властью Константинополя, преславная гордость Греции» (издание 2012 г.). Как, спрашивается, Киев, «славнейшее украшение Греции» или «прекраснейшее украшение Греции», или «преславная гордость Греции» может быть «соперником константинопольского скипетра», «достойным соперником Константинопольской власти», «соперником Константинопольской державы» или соперничать «с властью Константинополя»? Понятно, что такие переводы были обусловлены употреблением их авторами перед тем слова *metropolis* в значении «столица» или «главный город».

⁹² Отметим, однако, что в “*Descriptio nobillissimae Ciuitatis Londoniae*” Уильяма Фитц-Стефена (около 1174—1183 г.) сообщается о том, что: “*Est ibi, in ecclesia Beati Pauli, Episcopalis Sedes. Quondam fuit Metropolitana, et adhuc future creditur*” [Есть там, в церкви святого Павла, епископское седалище. Некогда она (церковь святого Павла) была митрополитской, и всё еще верится, что будет] // *Elenchus fontum historiae urbanae* / Ed. J.F. Niermeyer, C. van de Kieft. Leiden, 1988. S. 76. P. 1—3. И действительно, согласно Бедо Достопочтенному, в 604 году первый британский архиепископ Августин назначил епископа Меллита *ad praedicandum prouinciae Orientalium Saxonum*, у которых *metropolis Lundonia ciuitas est*. Тогда же король Эдильберт построил *in ciuitate Lundonia ecclesiam sancti Pauli apostoli*, в которой находилось *locum sedis episcopalis* (Bede. *Ecclesiastical History of the Eng-*

По его известию, из датской области Сконе шел семидневный путь к *civitatem Gothorum magnam Scarane*⁹³, «к большому (великому) городу готов (ётов) Скаре». Между шведами и норвежцами обитают *Scritefini. Civitas eorum maxima Halsingland*⁹⁴, «их самый большой город Хальсингланд». В другом месте, говоря о *Scritefinis*, Адам сообщает, что *quorum caput Halsingland*⁹⁵, «их глава (т.е. главный город) Хальсингланд». В Дании есть остров Зеландия. *Civitas eius maxima Roschild, sedes regia Danorum*⁹⁶, «ее самый большой город Роскилле, королевское обиталище (местожительство королей) датчан». В одном из примечаний к Адамову сочинению сообщается, что *Aldinborg civitas magna Sclavorum, qui Waigri dicuntur*⁹⁷, «Ольденбург большой (т.е. главный) город славян, которые называются вагры». В другом примечании обнаруживаем известие о том, что король Магнус занял *opulentissimam civitatem Sclavorum Ium-nem*⁹⁸, «сильнейший город славян Юмну». Кроме того, вспомним, что главное селение каждого народа Славянской земли Адам называет словом *civitas*. Замечательно, что Длугош тоже называет Константинополь только «городом греков»: *Constantinopolis Grecorum civitas*⁹⁹.

И Киев, по вышеприведенным известиям, был не только *metropolis*, но и *urbs*, и *caput Russiae* или просто *civitas* и *castrum Kyowiensis*. В польской же хронике Галла Анонима (начало XII в.) Киев и вовсе представляется лишь как «глава королевства»: *Chyou caput regni*, или как «глава королевства руси, первостепенный город Киев», в который с враждой вступил «великий» Болеслав: *Bolezlauus magnus Ruthenorum regni caput, urbem Kygow precipuam hostiliter intravit*¹⁰⁰.

Стало быть, в известное историческое время, а именно, прежде всего в X—XIII веках, Киев и в самом деле являлся в понимании иноземцев главным городом руси и Русской земли. Но только это свое понимание они выражали не словами *metropolis civitas* или *metropo-*

lish People / Ed. B. Colgreve, R.A.B. Mynors. Oxford, 1969. Liber 2, III). Возможно, именно на этих известиях Беды и основывал свое сообщение Уильям Фитц-Стефен. В свою очередь и автор «Деяний короля Кнута» мог почерпнуть знание о *ciuitas Londonia* как *metropolis terrae* из того же источника, а потому нельзя исключать, что и он употребил слово *metropolis* в церковном значении.

⁹³ Adam. IV, 23.

⁹⁴ Adam. IV, 24. На самом деле *Halsingland* — это область, о чем и сообщается в одном из примечаний к Адамову сочинению: *Halsingland est regio Scritefinnorum* (Adam. IV. Scholia 137).

⁹⁵ Adam. IV, 25.

⁹⁶ Adam. IV, 5.

⁹⁷ Adam. II. Scholia 16.

⁹⁸ Adam. II. Scholia 57.

⁹⁹ Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории». С. 190.

¹⁰⁰ Щавелева Н.И. Польские латиноязычные средневековые источники: Тексты, перевод, комментарий / Отв. ред. В.Л. Янин. М., 1990. С. 43, 46.

lis, которыми обозначали присутствие в Киеве Русской митрополии, духовного и церковно-административного средоточия «всеа Русскыя земли православного христианства» или «русского христианства», а посредством слов, которые, по понятиям их времени, определяли главенствующее, первенствующее, правительственное значение города любого народа и его земли.

Среди последних слов, конечно, отсутствовало русское слово «столица», и не только потому, что, по понятным причинам, оно не употреблялось в иноязычной словесности, но и потому, что и в русской словесности, в более или менее современном его значении, оно стало использоваться уже лишь в XVIII веке. Вместе с тем «современное значение» предопределяет культурно-исторический смысл слова, превращает его в термин определенного смыслового содержания. А потому использование слова «столица», ставшего таким термином в особых духовно-исторических условиях, при характеристике какого-либо селения, будь то русский город или латинские *civitas*, *magna civitas*, *caput* или даже *metropolis*, античной или средневековой эпохи представляется делом псевдоисторическим, ибо ведет к неверному пониманию культурно-исторического явления. А задача историка, если, конечно, он стремится понять «труды и дни» людей старины глубокой или даже времени не столь отдаленного, и заключается в том, чтобы не определять явления ушедших эпох посредством чуждых им слов-терминов, в том числе так называемых «научных терминов», а чтобы исследовать смысл слов обозначавших эти явления.

Регенсбургские *Ruzarii* в XII—XIII вв.

В XII столетии Регенсбург вступил на путь социальной и политической реорганизации, в результате которой в XIV—XV вв. стал одним из семи «свободных городов» Империи (наряду с Базелем, Страсбургом, Шпайером, Вормсом, Майнцем и Кёльном)¹ и главным торговым центром Баварии. Движущей силой этих коренных преобразований явилось местное бюргерство, постепенно эмансипировавшееся при поддержке королевской власти из-под сеньориального господства баварских герцогов (стольным городом которых Регенсбург служил со времен Агилольфингов) и регенсбургских епископов. Социально-политические перемены были связаны с ростом экономических и финансовых возможностей бюргерства, а такому росту в существенной степени способствовала международная торговля, к которой издавна был причастен Регенсбург и которая приносила ее участникам немалые доходы. На смену прежней эпизодической «караванной торговле, организовывавшейся королем или крупными землевладельцами», в XII—XIII вв. шла международная торговля принципиально нового типа, носителями которой выступали представители городского сословия, сплоченного в гильдейские объединения².

Применительно к Регенсбургу этот переходный период можно довольно хорошо документировать. Для баварской столицы наиболее значимы были два направления международной торговли: южное, венецианское, и восточное, а вернее — юго-восточное, по Дунаю. Исключительная активность, с которой начиная со второй половины XII в. австрийские герцоги, занятые обустройством нового герцогства (учрежденного в 1156 г.), пользовались своей таможенной регалией, обусловила тот факт, что дунайская торговля оказалась неплохо освещена в источниках. В течение четверти столетия на рубеже XII—XIII вв. в

¹ *Fahlbusch F.B.* Freie Städte // *Lexikon des Mittelalters*. München; Zürich, 1989. Bd. 4. Sp. 895—896.

² *Bosl K.* Die Sozialstruktur der mittelalterlichen Residenz- und Fernhandelsstadt Regensburg. Die Entwicklung ihres Bürgertums vom 9.—14. Jahrhundert // *Untersuchungen zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte in Europa* (Vorträge und Forschungen, Bd. 11). Konstanz; Lindau, 1966. S. 157—165 (одновременно опубликовано также в: *Veröffentlichungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, phil.—histor. Klasse, Neue Folge*. München, 1966. H. 63).

австрийском Подунавье друг за другом увидели свет по крайней мере три документа, имевшие в виду торговлю и правовое положение регенсбургского купечества. Показательно, что во всех трех при этом так или иначе затрагивается тема торговли с Русью. Круг важнейших, пусть и не всех, источников о русской торговле Регенсбурга домонгольского времени был в свое время, более столетия тому назад, очерчен В.Г. Васильевским³, но эта замечательная для своего времени работа, до сих пор остающаяся одним из немногих специальных исследований важнейшей темы⁴, увы, устарела как источниковедчески, так и по содержанию.

Первым из трех упомянутых установлений стало обновление мытных порядков в городе Энсе (*Enns* в нынешней Верхней Австрии, при впадении в Дунай его южного притока реки Энса), предпринятое в 1191/2 г. штирийским герцогом Отакаром (Оттокаром) IV (1164—1192) «по настойчивым просьбам регенсбуржцев» (“*ad instantiam Ratisponensium*”) и «в присутствии регенсбургских послов» (“*ex legatione Ratisponensium et istis presentibus*”) (*praeft.; corrobor.*)⁵. Хотя среди платящих мыто в Энсе на-

³ Васильевский В.Г. Древняя торговля Киева с Регенсбургом // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1888. Июль. С. 121—151; позднее изыскание вышло также и по-немецки: *Wasiliewski W.G. Kiew's Handel mit Regensburg in alter Zeit* // *Verhandlungen des Historischen Vereins von Oberpfalz und Regensburg. Regensburg, 1905. Bd. 57 (Neue Folge 49). S. 184—223.*

⁴ См. также: Назаренко А.В. Южнонемецкие земли в европейских связях IX—X вв. // Средние века. М., 1990. Вып. 53. С. 121—136; Он же. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001. С. 71—218; *Nazarenko A.V. Die frühesten bayerisch-russischen Kontakte in historischer und sprachwissenschaftlicher Sicht* // *Bayern und Osteuropa. Aus der Geschichte der Beziehungen Bayerns, Frankens und Schwabens mit Russland, der Ukraine und Weissrussland (Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts München. Reihe Geschichte. Bd. 67).* München, 2000. S. 25—56; о торговых связях домонгольской Руси с немецким Подунавьем в их типологическом сопоставлении с русско-немецкими связями по Балтике см. вкратце: Назаренко А.В. «Русь и другие восточные народы пусть приходят бесполошно»: торговые связи между древнерусскими и немецкими землями в домонгольское время // Русские и немцы: 1000 лет истории, искусства и культуры. Гос. историч. музей (Москва), 21 июля 2012 г. — 25 августа 2012 г.; Новый музей (Берлин), 6 октября 2012 г. — 13 января 2013 г. Берлин; М., 2012. Т. 1. С. 48—51; непосредственно о теме данной статьи в более широком контексте: *Nazarenko A.V. Die Regensburger Ruzarii. Der bayerisch-russische Handel des Mittelalters (vornehmlich des 12. bis 13. Jahrhunderts)* // *Bayern und Russland in vormoderner Zeit: Wegmarken der Annäherung bis in die Zeit Peters des Grossen. Symposium der Kommission für bayerische Landesgeschichte bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften.* München, 22. bis 24. Februar 2012. München, 2012. S. 15—38 (вместе с тем по сравнению с этой работой настоящая статья представляет в ряде отношений более усовершенствованный текст).

⁵ *Regensburger Urkundenbuch.* München, 1912. Bd. 1 / Hg. J. Widemann (*Monumenta Boica.* Bd. 53, Neue Folge 7). Nr. 43; практически полный русский перевод, за исключением развернутого эсхатокола, см.: Западноевропейские источники / Сост., перев. и ком-

ряду с регенсбургскими торговцами, названными на первом месте, упоминаются также купцы из Кёльна, Ахена, Ульма, Маастрихта (*praef.*; § 13), лишь первым дано право участвовать в контроле над энсским рынком: пошлины взимаются не только герцогскими судьями из Энса (“*iudices de villa*”, “*iudices ville*”), но и специальным «регенсбургским графом» (“*comes Ratisponensis*”) (§ 3). Кроме того, ответственность за нарушение продолжительности ежегодной ярмарки лежала на регенсбуржцах, которые обязывались в таком случае уплатить в герцогскую казну 100 фунтов серебра в качестве штрафа (§ 13). Тем самым, документ, представлявший из себя по форме жалованную грамоту герцога регенсбургскому купечеству, фактически выглядел скорее как соглашение между городом и герцогом, совершенно справедливо так и именуясь — “*com[m]utatio*” — в самом документе.

Отакар IV скончался 8 мая 1192 г. бездетным, и Штирийское герцогство в силу заключенного загодя договора отошло австрийскому герцогу Леопольду V (1177—1194). Два месяца спустя, 9 июля, Леопольд издал пожалование регенсбургским купцам, в котором устанавливались их правовые и торговые привилегии на территории герцогства⁶. Коль скоро в этой грамоте не упомянут ни один рынок на территории присоединенного Штирийского герцогства, в том числе и Энс, приходится сделать вывод, что текст был сформулирован до мая 1192 г. Стало быть, речь идет о двух одновременных и независимых друг от друга торговых привилегиях Регенсбургу в немецком Подунавье.

Привилегия герцога Отакара IV гласила, что ярмарка в Энсе должна начинаться в понедельник, за три дня до Вознесения Господня⁷, и завершаться в субботу накануне Пятидесятницы (§ 13), т.е. продолжаться две недели. Однако уже с Благовещения (25 марта), иными словами, минимум за 37 дней до начала ярмарки, все проезжающие через Энс торговцы

мент. А.В. Назаренко (Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 4). М., 2010. № 55. С. 288—291. Грамота не рубрицирована; рубрикация введена нами, и ссылки на номера соответствующих статей даются непосредственно в тексте. Документ сохранился в оригинале, но указание на год выписано не полностью, так что датировка дана по упоминанию о первом годе правления императора Генриха VI (1191—1197).

⁶ *Regensburger Urkundenbuch*. Bd. 1. Nr. 44; *Urkundenbuch zur Geschichte der Babenberger in Österreich* / Hg. H. Fichtenau, E. Zöllner. Wien, 1950. Bd. 1. Nr. 86; русский перевод собственно торговых статей грамоты см.: Западноевропейские источники. № 56. Грамота дошла в оригинале; отсутствующая в ней рубрикация добавлена в издании 1950 г., ей мы и следуем в отсылках на конкретные положения документа.

⁷ Выражение “*feria secunda diebus rogationum*” означает «в понедельник (второй день недели — А.Н.) в дни прошений», а не «на второй из дней прошений», как мы ошибочно перевели в: Западноверопейские источники. С. 291. Днями прошений, или просительных молитв, в литургическом календаре католической церкви именуются три дня (с понедельника по среду) перед приходящимся всегда на четверг Вознесением (*litaniae minores*), а также 25 апреля, память св. евангелиста Марка (*litaniae maiores*).

были вынуждены задерживаться здесь, чтобы затем в обязательном порядке участвовать со своими товарами в ярмарке (§ 1). Поскольку ни по Дунаю, ни по идущей вдоль его южного берега сухопутной дороге обойти таможенную в Энсе было никак нельзя, то этот так называемый *Stapel-* и *Marktzwang* означал серьезное обременение для дунайской торговли. Тем замечательнее, что из такого правила предполагались только два исключения. Первое было частичным — для возов с продовольствием, которые пропускались вплоть до Юрьева дня (24 апреля) (§ 2). Второе — полным, и имело в виду «возы, которые двигались на Русь или из Руси»; по уплате ими обычной проездной пошлины в 16 денариев они ни в коем случае не могли быть задерживаемы: “*plaustra⁸ in Ruziam vel de Ruzia tendentia XVI den[arios] persolvant nec retineri debent*” (§ 9). И хотя в грамоте не говорится прямо, кому именно принадлежали эти возы, едущие «на Русь или из Руси», из общего контекста ясно, что их владельцами были по преимуществу (если не исключительно) регенсбургские купцы. Такая норма характеризует торговавших с Русью как купцов транзитных *par excellence*, чьи и без того чрезвычайно длительные поездки практически исключали столь продолжительные (более чем на месяц) дополнительные задержки.

В грамоте герцога Леопольда V регенсбургское купечество также располагает привилегиями, хотя и другого рода. Оно представляет собой адресат пожалования и единственную категорию торговцев, которая поименована в документе как таковая. Конечно, в Австрийском герцогстве присутствовали и купцы из других городов, что видно, например, из формулы: «воз, который на народном языке зовется *aein wagengiwant*, какие прибывают из Кёльна, перевязанные веревками» (“*plaustrum, quod vulgari dicitur aein wagengiwant, sicut funibus circumligatis⁹ a Colonia ducitur*”) (§ 24). Однако при этом ясно, что подобные кёльнские возы упомянуты только как некий образец весового стандарта. Те льготы, которые устанавливаются для их владельцев — вроде права одним поднятием руки свидетельствовать о соблюдении названного стандарта (§§ 25—26) — действительны только для регенсбургских, не для кёльнских, купцов.

С каждого из таких возов в Маутхаузене¹⁰ регенсбуржцы платили три фунта серебра в качестве въездной пошлины по воде¹¹ (§ 24). Если воз

⁸ В тексте по недосмотру ошибочное *plaustrum*.

⁹ Так в латинском оригинале — ошибочно вместо правильного *circumligatum*.

¹⁰ Маутхаузен, таможенная на западной границе герцогства, прямо в грамоте не назван, но логически подразумеваться может только он; следующим мытным пунктом ниже по Дунаю («in descensu») назван уже Мельк (*Medelich*) (§ 27).

¹¹ Иными словами, имеются в виду возы, поставленные на корабли, о каковых прямо говорится, например, в привилегии венгерского короля Бельи IV от 1255 г. венским купцам: «возы с товарами на корабле» (“*currus in navi cum mercimoniis*” // *Geschichte der Stadt Wien*. Wien, 1897. Bd. 1. S. 330).

движется посуху или «когда по причине суровой зимы иначе и не будет возможно», то платится два фунта при въезде и полфунта — при выезде (“Quandocumque potius terra quam navigio cum curribus venire voluerint vel cum propter hiemis asperitatem aliter fieri non potuerit, de uno curru vestium¹² duo talenta dabunt venientes, redeuntes dimidium talentum”) (§ 28). Снижение пошлины и частичный перенос платежа на обратный путь были призваны, очевидно, обеспечить бесперебойность движения товаров, а также стимулировать их менее комфортную и, видимо, не столь безопасную транспортировку по берегу или по льду зимнего Дуная. Пониженная пошлина в два с половиной фунта действовала и в отношении купцов, торговавших на Руси, причем независимо от того, двигались ли они по реке, или по суше (о ее причинах см. ниже). Кроме того, на внутренних рынках герцогства (при желании остановиться там для торговли) они платили единоеобразное недифференцированное мыто в 12 денариев: “Ruzarii quocumque tempore vadant, duo talenta solvant et in reditu ex Ruzia dimidium talentum; duodecim denarios dabunt ubicumque velint intrare” (§ 33). Последняя норма означала исключительное послабление, ибо в среднем была радикально (более чем в два раза: 12 против 24,5) ниже, чем в таких случаях полагалось платить прочим регенсбургским купцам: 52 денария в Вене, 30 — в Мельке, 12 — в Тульне и лишь в Санкт-Пёльтене — 4 денария (§27); таким образом, пошлина на право торговли в столице австрийских герцогов была для возвращавшихся из Руси купцов в четыре с лишним раза ниже, чем для остальных. Заметно, что австрийские власти были весьма заинтересованы в том, чтобы возы с русскими товарами не просто транзитом проезжали через их территорию, а оставляли здесь часть своего груза.

Особого внимания заслуживает само название, которое употреблено в грамоте герцога Леопольда V по отношению к торговцам с Русью — *Ruzarii*. Перед нами латинизированная форма одного из вариантов этнонима «русь» в средневерхненемецком языке — *Rûzære / Riuzære* < др.-верх.-нем. *Rûzâre*. В древне- и средневерхненемецких диалектах имелись две главных морфологических модели образования этнонимов: с помощью суффиксов *-jan* und *-âri*¹³. Обе продолжают жить и в современном немецком языке, в котором наряду с *Böhmen*, *Franzosen* и проч. видим *Spanier*, *Italiener* и др. В регламентированном языке нашего времени формы на *-en* < *-jan*- и на *-er* < *-âri* последовательно разведены, но в средневековых диалектах часто встречаются параллельные образования. Например, варианту *Becheimare* «чехи» из «Баварского географа»

¹² “Curru vestium” — латинский термин, явно калькирующий ср.-верх.-нем. *wagengiwant*.

¹³ *Bach A. Deutsche Namenkunde. 2. Aufl. Heidelberg, 1951. Bd. 1/1. S. 157—158, 191—192; Braune W., Eggers H. Althochdeutsche Grammatik. 13. Aufl. Tübingen, 1975. S. 188—189.*

(вторая половина IX в.) соответствует *Boemani* «Раффельштеттенского таможенного устава» (начало X в.)¹⁴; или, еще отчетливее: в восточно-франконской энциклопедии (созданной, видимо, ок. 1020 г.), так называемом “*Summarium Heinrici*”, этноним «лютичи» фигурирует в двух параллельных формах — *lutizin* и *lutinzara / lutinzera*¹⁵. Такая же картина наблюдается и в отношении названия руси: наряду с наиболее распространенной формой ср.-верх.-нем. *Riuzen* с умлаутом долгого *i* в корне, которая после дифтонгизации долгих превратилась в *Reuzen* (этот последний вариант дожил до XVIII в., найдя отражение в торжественной титулатуре российских императоров: “*Kaiser aller Reussen*” — «император всероссийский»), изредка фиксируется форма др.-верх.-нем. *Rûzære*, ср.-верх.-нем. *Rûzære / Riuzære*¹⁶.

Итак, ср.-лат. *Ruzarii* из грамоты Леопольда V от 1192 г. означало просто-напросто «русские». Так как в документе речь идет не о руси в этническом смысле, а о регенсбургских купцах, ездящих по торговым делам на Русь, то ясно, что этноним в данном случае употреблен в переносном смысле, в качестве *terminus technicus* для обозначения такого рода купцов, как то часто бывало¹⁷. Так, часть купеческого квартала в Регенсбурге уже в XII в. именовалась “*inter Latinos*”¹⁸, или, по-немецки, “*under Walhen*” — «у итальянцев»¹⁹. Вполне возможно, что среди этих регенсбургских *Latini-Walhen* присутствовали и настоящие итальянцы, но вместе с тем не подлежит сомнению, что в целом то были местные, регенсбургские, купцы, торговавшие в Италии. Аналогичная ситуация отразилась и в недвусмысленной формулировке одной из грамот австрийского и штирийского герцога Леопольда VI (1198—1230) от 1208 г., в которой этноним *Flandrenses* «фламандцы» употреблен как на-

¹⁴ Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков. Тексты, перевод, комментарий. М., 1993 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). С. 13, 64.

¹⁵ *Summarium Heinrici* / Hg. R. Hildebrandt. Berlin; New York, 1974—1982 (Quellen und Forschungen zur Sprach- und Kulturgeschichte der Germanischen Völker, Neue Folge. Bd. 61 [185], 78 [202]). Bd. 1. S. 273; Bd. 2. S. 72.

¹⁶ Назаренко А.В. Об имени «Русь» в немецких источниках IX—XI вв. // Вопросы языкознания. М., 1980. № 5. С. 48—50; Он же. Имя «Русь» и его производные в немецких средневековых актах (IX—XIV вв.), Бавария — Австрия // Древнейшие государства на территории СССР, Материалы и исследования, 1982 год. М., 1984. С. 96, 98, 101—102, 104—106, 114; Он же. Древняя Русь на международных путях. С. 15—21.

¹⁷ *Bach A. Deutsche Namenkunde*. Bd. 1/1. S. 108, 253.

¹⁸ В документе 1138 г.: *Regensburger Urkundenbuch*. Bd. 1. Nr. 23 (перест); *Die Traditionen, die Urkunden und das älteste Urbarfragment des Stiftes Rohr, 1133—1332* / Hg. H.-P. Mai (Quellen und Erörterungen zur bayerischen Geschichte [далее — QuEBG], Neue Folge. Bd. 21). München, 1966. Nr. 3.

¹⁹ Впервые в 1187 г.: *Traditionen, Urkunden und Urbare des Klosters Weltenburg* / Hg. M. Thiel (QuEBG, Neue Folge. Bd. 14). München, 1958. Nr. 122.

звание венских купцов, ведущих торговлю во Фламандии-Фландрии: «наши граждане (т.е. жители Вены — А.Н.), которые у нас именуются *Flandrenses*» (“*burgenses nostri, qui apud nos Flandrenses nuncupantur*”)²⁰.

Сказанное подводит к заключению, что в XII столетии в Регенсбурге было налицо сообщество не только «итальянских» (*Latini-Walhen*), но и «русских» купцов (*Ruzarii-Riuzære*) — в полном соответствии с двумя обозначенными выше приоритетными направлениями международной торговли баварской столицы. Закреплению в этой специфической функции именно варианта этнонима на *-âri*, а не более распространенного на *-jan* (*Riuzen*) способствовало, надо думать, то обстоятельство, что формант *-âri* весьма часто употреблялся также при образовании *nomina agentium*: др.-верх.-нем. *fisk-âri* «рыбак» (соврем. нем. *Fischer*). Не можем обойти здесь вниманием яркий типологический пример — отэтнонимическое название древнерусских купцов, торговавших в Византии, именно с помощью характерного в славянских языках для *nomina agentium* суффикса *-nikъ*: *грѣчьники*²¹.

Перейдем к третьей из упомянутых выше герцогских грамот о дунайской торговле — мытному и торговому уставу Леопольда VI, изданному, вероятно, несколько ранее 1210 г.²² и сохранившемуся, к сожалению, в единственной неполной копии XV столетия²³. Документ посвящен поло-

²⁰ Urkundenbuch zur Geschichte der Babenberger... Bd. 1. Nr. 115.

²¹ Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 1989. Т. 2. С. 397, s. v. ГРѢЧНИКЪ. Тогда как, например, московские купцы XIV—XVI вв., торговавшие в Крыму, преимущественно в Суроже-Каффе, именовались простым катойконимом *сурожане* (Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 119, 288; и др.).

²² Поскольку эксплицитной датировки в рукописи нет, издатель ограничился констатацией максимально широкого хронологического диапазона — времени правления герцога Леопольда VI, т.е. 1198—1230 гг. Однако содержание документа дает, думается, определенные основания для сужения этого отрезка. При перечислении дунайских таможен в грамоте ничего не говорится о Линце, и Маутхаузен выступает в качестве мытного пункта на западе. Между тем Линц оказался в руках Леопольда VI уже ок. 1210 г. (Landbuch von Österreich und Steier / Hg. J. Lampel // Monumenta Germaniae Historica [далее — MGH], Deutsche Chroniken. Hannover; Leipzig, 1900. Bd. 3. Anhang 2. S. 720). Х. Книттлер (см. следующее примеч.) не склонен придавать этому обстоятельству датирующего значения, так как в уставе упомянут «городской судья» (“*iudex civitatis*”) применительно к Энсу (§ 19), что, по мнению историка, свидетельствует о времени после 1212 г., когда была обнародована грамота Леопольда VI, даровавшая Энсу статус города (Urkundenbuch zur Geschichte der Babenberger... Bd. 1. Nr. 183). Однако «городские судьи» на рынке Энса налицо, как мы видели, уже в грамоте Отакара IV 1191/2 г., где они выступают в роли герцогских чиновников. Не видим причин понимать “*iudex civitatis*” в уставе Леопольда VI непременно иначе.

²³ Knittler H. Eine Markt- und Zollordnung Herzog Leopolds VI. // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. Wien, 1977. Bd. 85. S. 342—350; здесь (S. 349—350) и издание латинского текста; перевод на русский язык большей

жению дел в Маутхаузене и Энсе и потому весьма удобен для сопоставления с грамотами Отакара IV и Леопольда V. О каких-либо привилегиях регенсбургскому купечеству речи нет, и даже напротив: присутствие «регенсбургского судьи» на ярмарке в Энсе (здесь он именуется ганзграфом — *hansgraf*²⁴), которое предполагалось пожалованием герцога Отакара IV, теперь отменялось, и весь суд находился в руках «городского судьи» (“*iudex civitatis*”) (§ 19), очевидно, назначавшегося герцогом²⁵. Ставка проездного таможенного сбора в Маутхаузене со стандартного воза в два раза выше, чем при Леопольде V, составляя пять фунтов серебра, причем независимо от того, везется ли он на корабле по реке, или движется по суше (“*De eo quod dicitur recht wagnarwannt*²⁶ *quinque talenta statuimus in Mathausn [sic!] sive in aqua sive in terra transeat vel ducatur*”) (§ 2).

«Русские» возы снова выделены в особую рубрику: «С воза, который называется *ringwagen*, что везется из Венгрии или из Руси — три фунта» (“*Item de curru qui dicitur ringwagen, qui ducitur de Vngaria vel de Ruchia*²⁷, *tria talenta*”) (§ 4). Устав не разъясняет, почему с возов из Венгрии и Руси взималось менее обычного, однако само название для «венгерских» и «русских» возов — *ringwagen* — позволяет думать, что то были более легкие возы (< ср.-верх.-нем. *ring* «легкий, малый»; ср. соврем. нем. *gering*). Теперь, наконец, мы, пожалуй, понимаем, почему и *Ruzarii*, согласно грамоте Леопольда V, платили с воза не три фунта проездной пошлины, как владельцы возов кёльнского стандарта, а только два с половиной. Замечательно, что «русские» купцы пострадали от резкого повышения таможенных ставок при Леопольде VI значительно меньше, чем остальные: мыто возросло с двух с половиной фунтов всего лишь до трех. Более того, в процентном отношении они даже выиграли, ибо вместо $5/6 = 83\%$ от таможенной ставки за более тяжелый воз кёльнского образца, как было по уставу 1192 г., они теперь платили $3/5 = 60\%$, т.е. почти на четверть меньше.

его части (за исключением фрагментов, не существенных для сравнения с документами Отакара IV и Леопольда V) с комментарием см.: Западноевропейские источники. № 59. С. 331—336. В переводе нами введена рубрикация, отсутствующая в рукописи, но которой мы следуем в данной статье для облегчения ориентации в довольно объемном и логически нестройном документе.

²⁴ От ср.-нем. *hansa* / *hanse* «торговое объединение, ганза».

²⁵ См. примеч. 22.

²⁶ За явно испорченным чтением ср.-верх.-нем. *recht wagnarwannt* (далее неоднократно в более исправной форме *wagngwant*, *wagnwant*) без труда угадывается (*recht*) *wagengiwant* из грамоты 1192 г., т.е. перевязанный веревками воз кёльнского образца стандартного, «правильного» (*recht*), веса.

²⁷ Так в рукописи; несомненно, ошибка копииста вместо *Ruczia* или (менее вероятно) *Ruthia* протографа, так как написание *z* вместо *h* или *c* вместо *t* представляет собой обычный палеографический ляпсус.

Что составители устава Леопольда VI стремились максимально точно выдерживать пропорцию между величиной пошлины и весом груза, видно по норме, следующей непосредственно за установлением о стандартных возах: «Если везет меньше, пусть заплатит согласно расчету недостающего» (“Si minus duxerit, iusta²⁸ computacionem debitorum²⁹ persolvat”) (§ 2). В таком случае позволительно предположить, что и пропорция 3/5 налоговых ставок на «русские» и «венгерские» возы по сравнению к «кёльнскими» отражала реальное соотношение объемов провозимого на них груза. Отсюда вывод: размер проездного мыта для «русских» возов в грамоте 1192 г., будучи в абсолютном выражении ниже, чем для возов кёльнского стандарта, на самом деле, в пересчете на единицу веса груза, оказывался более чем на треть выше: за 3/5 веса взималось 5/6 цены, т.е. 139 %. Контраст между завышенной проездной пошлиной и отмеченным выше заниженным таможенным сбором за торговлю на внутренних рынках лишний раз подтверждает уже сделанное нами заключение: администраторы Леопольда V стремились к тому, чтобы как можно больше везомого из Руси товара продавалось на территории Австрийского герцогства.

Отметим еще одно отличие документа герцога Леопольда VI от грамоты его отца и предшественника, которое также можно трактовать как некоторую уступку «русским» торговцам. Сама формулировка «С воза... что везется из Венгрии или из Руси — три фунта» дает понять, что теперь проездная пошлина целиком платилась на возвратном пути, после успешного завершения долгого и, несомненно, небезопасного путешествия. Таким образом, выходит, что те купцы, которые реализуют свои русские товары полностью на австрийских рынках, вообще не платят проездной пошлины.

Выявляющаяся таким образом конгруентность содержания уставов Леопольда V и Леопольда VI может служить несомненным указанием на то, что владельцы «русских» возов, платящие в начале XIII в. проездную пошлину на своем обратном пути на западной границе Австрийского герцогства, в Маутхаузене, тождественны «русским» купцам (*Ruzarii*) 1192 г. Если бы речь шла о купцах из Венгрии и Руси, то они, разумеется, должны были бы платить въездное мыто на восточной границе, в Вене. Следовательно, регенсбургские *Ruzarii* шли на Русь в том числе и через Венгрию. В самом деле, дальнейшее продолжение этого маршрута засвидетельствовано аналогичным источником XIII в. В привилегии, пожалованной Эстергомской церкви венгерским королем

²⁸ Так в рукописи; очевидно, следует исправить на *iuxta*. Перевод дан в соответствии с этой предлагаемой нами конъектурой.

²⁹ Конъектура издателя вместо бессмысленного *debitatur* в рукописи.

Имре (1196—1204) или его преемником Эндре II (1205—1235), читаем о «торговцах, приходящих из Руси об одну лошадь, останавливающих в Пеште, или Эстергоме, или каком-либо другом месте, а также тех, кто привозят дорогие меха», с которых взималось по пол-марки пошлины (“...mercator autem, de Ruscy veniens, unius equi, sive in Pest, sive Strigonii, sive alibi descendant [sic!], et similiter hii, qui pelles deferunt caras, solvunt dimidium marcam”)³⁰.

Среди этих купцов, приходящих в Венгрию из Руси «об одну лошадь», вполне могли присутствовать и русские в собственном, этническом, смысле слова — весь вопрос только в том, куда они девались далее? Почему, в частности, в разбираемых нами австрийских документах «русский» торговец значит непременно регенсбургский *Ruzarius*? Вопрос этот тем более правомерен, что, скажем, в начале X в. положение было прямо противоположным: в Немецком Подунавье прочно обрелись купцы из Руси³¹, в то время как о торговцах из южнонемецких земель на Руси ничего не слышно. Это значит, что в обстоятельствах русско-южнонемецкой континентальной торговли в течение X—XII вв. произошли принципиальные изменения.

В поисках ответа естественно было бы сопоставить воз «об одну лошадь» из эстергомской привилегии с довольно загадочным *ewenwagen* / *ewrwagen* из устава герцога Леопольда VI. Вне сомнения, перед нами еще одно испорченное чтение позднего списка, которое, по всей вероятности, соответствует *eintzwagen* позднейших таможенных тарифов, т.е. двухоглобельной одноконной повозке³². Действительно, таможенный сбор за проезд по мосту через реку Энс во время здешней ярмарки составлял, согласно уставу Леопольда VI, 16 денариев за *ewrwagen*, тогда как проезд пароконной повозки с одним дышлом — *deichselwagen* (< ср.-верх.-нем. *dihsel* / *deihsel*, нем. *Deichsel* «дышло») — обходился владельцу в 32 денария (“Item in nundinis... currus scilicet ewrwagen in ponte sedecim denarios, currus qui dicitur deichselwagen triginta duos denarios”) (§ 12). Проездная пошлина за *ewenwagen* в Маутхаузене была равна одному фунту (“Item de curru qui dicitur ewenwagen talentum”) (§ 3), откуда заключаем, что «русский», он же «венгерский», малый

³⁰ Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / Ed. G. Fejér. Budaë, 1841. T. 7. Vol. 5. Nr. 76; Monumenta ecclesiae Strigoniensis / Ed. F. Knauz. Strigonii, 1882. Bd. 2, Nr. 215. Привилегия сохранилась в составе подтверждения ее в 1288 г. королем Ласло IV в ряду других хронологически упорядоченных аналогичных подтверждений, после грамот короля Имре, но прежде грамот Эндре II, что и обеспечивает ее датировку первой третью XIII в.

³¹ Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники... С. 59—100, а также работы, приведенные в примеч. 4.

³² Knittler H. Markt- und Zollordnung... S. 346, Anm. 26.

стандартный воз, *ringwagen*, был тяжелее одноконной повозки примерно втрое, а значит, был запряжен тремя-четырьмя лошадьми.

Если так, то нетрудно понять, почему не все прибывавшие в Венгрию из Руси «об одну лошадь», могли двинуться дальше вверх по Дунаю: они просто вынуждены бывали уступить своим регенсбургским конкурентам с их значительно более емкими *ringwagen*. Регенсбуржцы превосходили собственно русских купцов, судя по всему, и в отношении корпоративной организации, о чем также можно догадываться, читая эстергомский тариф.

Действительно, среди тех, кто привозил в Венгрию из Руси «драгоценные меха», были, конечно же, и *Ruzarii*. Тем не менее, пошлина со всех взималась одинаковая — половина марки. Отсюда с известной уверенностью заключаем, что путь до Эстергома, в том числе и по Руси, все купцы — как регенсбургские, так и древнерусские, и, возможно, иные — в равной мере проделывали на одноконных повозках, которые вследствие своей легкости и проходимости лучше всего соответствовали малоухоженным лесным дорогам Восточной Европы³³. В Эстергоме этот путь выводил на водную магистраль по Дунаю и на торную, охраняемую, так называемую «законную», дорогу вдоль его южного берега (*strata legitima*). Условия передвижения коренным образом менялись в лучшую сторону, и далее, если верить уставу Леопольда VI, двигались только регенсбургские *ringwagen* стандартной грузоподъемности, которая превосходила грузоподъемность одноконной повозки примерно в три раза. Таким образом, приходится думать, что путь древнерусских купцов заканчивался в Венгрии и они не участвовали или не могли участвовать в перегрузке своих товаров на стандартные более крупные возы. Почему? Естественнее всего было бы, полагаем, предположить, что эта процедура не была вполне открытой, а обуславливалась, например, корпоративной принадлежностью к сообществу регенсбургских торговцев с Русью — *Ruzarii*.

Если наши рассуждения верны, то открывают путь для типологического сравнения с русско-немецкой торговлей на Балтике, где аналогичное вытеснение русского купечества с морских коммуникаций ган-

³³ Интересно, что еще у В.И. Даля русской в собственном смысле считается одноконная повозка с парой оглобель, тогда как дышло охарактеризовано как часть «нерусской, парной, упряжи» (*Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка*. 2-е изд. СПб.; М., 1880. Т. 1. С. 508, s. v. ДЫШЛО). Такое этнографическое наблюдение подтверждается и самой этимологией русск. *дышло*, которое происходит от ср.-верх.-нем. *dihsel* (через польск. *dyszel*; ср. укр. *дишель*) (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перев. и дополн. О.Н. Трубачева. 2-е изд. М., 1986. Т. 1. С. 560, s. v.). В русском языке лексема фиксируется, кажется, только с XVII в. (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 397, s. v.).

зейскими конкурентами — также не в последнюю очередь благодаря большому тоннажу кораблей (ганзейских *Koggen*) и торгово-политической сплоченности³⁴ — произошло заметно позднее, в XIV в., тогда как еще столетием ранее ладьи из Руси были желанными гостями в Любеке³⁵. На юге, как видим, этот процесс обозначился уже в XII в. (сколь-ко-нибудь внятных данных о древнерусско-южнонемецкой торговле XI столетия нет). Что скрывается за такой хронологической неравномерностью? Неравномерность в социально-экономическом и политическом развитии немецких городов, среди которых рейнские и южные в то время заметно опережали северные, прибалтийские? Или причину следует искать в какой-то другой области — скажем, в политическом протекционизме и т.п.?

Пришло время присмотреться к составу предполагаемой корпорации регенсбургских торговцев с Русью. Данные на этот счет можно извлечь из другого источника последней четверти XII столетия, для нас тем более ценного, что он имеет регенсбургское происхождение. Запись от 1179 г. во вкладной книге монастыря св. Эммерама в Регенсбурге сообщает, что «некий челядин этой церкви по имени Хартвик, живущий в стране Русь в городе под названием Киев», передал монастырю через своих должников в Регенсбурге 18 фунтов серебра на покупку земельного владения для монастырского странноприимного дома (“...huius ecclesie familiaris Hartwic nomine, habitans in regione Ruscie in civitate Chiebe dicta... pecuniam suam X videlicet et VIII talenta per manus civium huius urbis Grimoldi, Heinrici et Chönradi, qui eius debitores erant, obtulit ecclesie nostre ea conditione et petitione, ut predium ex eadem pecunia coemeretur, quod... ad hospitale sancti Emmerami traderetur”)³⁶. Таким образом, даритель был человеком хотя и лично несвободным, принадлежа к *familia* монастыря св. Эммерама, но зажиточным, даже состоятельным,

³⁴ Таково резюме историографии: Goehrke C. Gross-Novgorod und Pskov/Pleskau // Handbuch der Geschichte Russlands. Stuttgart, 1980. Bd. 1 / Hg. M. Hellmann. S. 469—470.

³⁵ Судя по упоминанию Руси среди народов и стран, купцы из которых освобождались в Любеке от въездной и выездной пошлин в подтвердительной грамоте Любеку германского императора Фридриха II от 1226 г.; текст грамоты воспроизводил соответствующее пожалование Фридриха I Барбароссы 1188 г. (Die Urkunden Friedrichs I. Hannover, 1990. Teil 4: 1181—1190 / Hg. H. Appelt unter Mitwirk. von R. M. Herkenrath, W. Koch, B. Pferschy [MGH, Diplomata regum et imperatorum Germaniae. T. 10/4]. Nr. 981; частичный русский перевод см.: Западноевропейские источники. № 53. С. 282—284). Аналогичная, более пространная, формула присутствует и в любекском таможенном документе 1220-х годов (Lübeckisches Urkundenbuch, 1. Abt.: Die Urkunden der Stadt Lübeck. Lübeck, 1841. Bd. 1. Nr. 32).

³⁶ Die Traditionen des Hochstifts Regensburg und des Klosters St. Emmeram (QuEBG, Neue Folge. Bd. 8). München, 1943 Nr. 926; русский перевод с комментарием: Западноевропейские источники. № 51. С. 274—275.

что наверняка объяснялось его положением торгового фактора обители, постоянно проживавшего в столице Руси.

Отсюда извлекаем два важных вывода. Во-первых, выясняется, что древнейший монастырь Регенсбурга, чей конвент представлял собой одновременно кафедральный капитул, в XII в. имел постоянные и теснейшие торговые связи с Русью. Во-вторых, еще в последней четверти XII в. эти связи, по крайней мере в определенной своей части, находились по-прежнему в руках сеньориальной власти, которая действовала здесь, как обычно, через своих несвободных слуг-*censuales*. Хартвик располагал немалыми средствами, которые он, тем не менее, употребил не на то, чтобы выкупить себя из холопства, а лишь для исполнения своего «желания быть полностью принятым братьями этого монастыря в братию» (*“desiderio plenarie apud fratres eiusdem loci adipiscende fraternitatis”*). Иными словами, он просто купил право вечного богослужебного поминовения, которым располагала братия и которое приобреталось щедрыми вкладчиками, становившимися в этом специфическом смысле также членами конвента. В своем положении челядина (*familiaris*) Хартвик никак не мог быть регенсбургским гражданином и, как видно, даже не имел такого намерения. Между тем все три его должника и, надо думать, торговых партнера, названные во вкладной записи по имени (Гримольд, Генрих и Конрад), недвусмысленно выступают как «граждане этого города» (*“cives huius urbis”*), т.е. Регенсбурга.

В силу рода занятий Хартвика трудно себе представить, чтобы он не был самым непосредственным образом связан с корпорацией «русских» купцов Регенсбурга. Следовательно, либо членство в этой корпорации, если мыслить ее как собственно городскую, бюргерскую, купеческую гильдию, и связанные с ним преимущества отнюдь не выглядели столь уж безусловно привлекательными даже для торговца с Русью *ex professo*, либо *Ruzarii* вовсе не составляли такой гильдии. Без колебаний предпочитаем последнее и констатируем: в сообществе регенсбургских купцов, торговавших с Русью и на Руси, по меньшей мере еще в XII в. переплетались две составляющие — ориентированная на прежнюю практику, руководимую феодальной сеньориальной властью, и новая, бюргерская. Иначе и быть не могло — ведь постоянное торговое присутствие таких сеньориальных институций, как регенсбургский кафедральный капитул, в далеком Киеве недвусмысленно предполагает достаточно длительную историю киевско-регенсбургской торговли, и чем глубже в эту историю мы погружаемся, тем меньше в ней места для предположений о бюргерской гильдии. А основания для такого погружения есть.

Логично думать, что наряду с «итальянцами» (*Latini, Walhen*) *Ruzarii* составляли определенную часть «купеческого квартала» (*“pagus merca-*

torum”) в Регенсбурге, который засвидетельствован описанием города в младшей редакции (видимо, конца XI в.) «Перенесения в Регенсбург мощей св. Дионисия» и размещался в западной части «нового города» (как назывались стены, построенные при герцоге Арнульфе ок. 920 г.)³⁷. Своеобразное трехчастное деление городской территории, которое выказывало не только имевшиеся также в других городах «королевский квартал» (“*pagus regius*”) и «квартал клириков» (“*pagus clericorum*”), но и «купеческий квартал», лишний раз подчеркивает значение Регенсбурга как торговой метрополии. Западные ворота «нового города», прилежавшие к «купеческому кварталу», по крайней мере с первой трети XII в. носили название «Русиновых ворот» — по имени некоего *Ruzinus*: “*porta Ruzini*”³⁸, по-немецки “*Ruzinespurchtor*”³⁹. Теоретически возможны два толкования имени *Ruzinus*, лежащего в основе этого микротопонима: как производного от этникона «русь» (этнонимы в роли личных имен были делом обычным⁴⁰) и как деминутива от популярных в средневековой немецкой антропонимии личных имен на др.-верх.-нем. **(h)ruod-* «слава», типа *Ruozī*, *Ruozo*, *Ruozel*, *Ruozin* и т.д. Что среди реген-

³⁷ *Anonymi Ratisponensis Translatio S. Dionysii Areopagitae* / Hg. R. Koepke // MGH, *Scriptores* (in folio). Hannover, 1854. Bd. 11, 1854. S. 354 (“*Haec post ambitum Sancti Emmerami latum frequens regio mercatorum incolitur, quae opum ditissima pagus mercatorum exprimitur*”). О датировке (вряд ли ранее 1080 г.) см.: *Kraus A. Civitas regia. Das Bild Regensburgs in der deutschen Geschichtsschreibung des Mittelalters* (Regensburger Historische Forschungen. Bd. 3). Regensburg, 1972. S. 38—40.

³⁸ Впервые упоминаются (“*iuxta portam Ruzini*”) в той самой дарственной 1138 г. регенсбургского клирика Генриха расположенному неподалеку от города монастырю в Роре, в которой поименована и «итальянская» улица “*inter Laninos*” (см. примеч. 18). К настоящему времени грамота сохранилась только в списке XV в. из копийной книги Рорского монастыря, который положен в основу как регеста в издании И. Видемана, так и издания Х.-П. Мая. Тем не менее в первом находим чтение *Ruzim*, а во втором — *Ruzini*. *Ruzim* читается также в издании Х. Дальхаммера (*Dahlhammer Ch. Canonica Rohrensis*. 1784. P. 13; *Monumenta Boica. Monacii*, 1795. T. 16. P. 106), который имел дело еще с утраченным впоследствии оригиналом. Несмотря на столь сбивчивую археографическую традицию, вариант *Ruzini* представляется единственно верным — идет ли речь о конъектуре Х.-П. Мая (пусть и не отмеченной как таковая в текстологическом аппарате), или о чтении, присутствовавшем в оригинале. В этом отношении признаем сейчас несомнительной покоившуюся на варианте *Ruzim* гипотезу, которую высказывали ранее (Назаренко А.В. Русь и Германия в IX—X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы [далее — ДГ], 1991 год. М., 1994. С. 34; Nazarenko A. *Die früh-esten bayerisch-russischen Kontakte...* S. 29—30).

³⁹ В одном из документов 1170 г.: *Urkundenbuch des Herzogtums Steiermark*. Graz, 1875. Bd. 1. Nr. 538; *Regensburger Urkundenbuch*. Bd. 1. Nr. 36 (перечт.).

⁴⁰ До середины XI столетия они встречаются в качестве самостоятельных личных имен, позднее — в качестве прозвищ; см. многочисленные примеры: Назаренко А.В. Имя «Русь» и его производные в немецких средневековых актах (IX—XIV вв.), Бавария — Австрия // ДГ 1982 год. М., 1984. С. 89—91.

сбуржцев были носители имен, восходивших к названию Руси, не подлежит сомнению. Так, некий “Pernolt Ruzze”, упоминаемый в 1135 г.⁴¹, со всей несомненностью вписывается в длинный ряд владельцев прозвищ-этнонимов, вроде “Harnit Sueueus” («Шваб»: 1048/68 г.)⁴², “Wlricus Boemus” («Чех»: 1170 г.)⁴³, “Rotpert Franc(h)” («Франк»: 1179—1181 гг.)⁴⁴, “Rotpert Sahse” («Сакс»: 1181 г.)⁴⁵ и даже “Minhardus Valwe” (< ср.-верх.-нем. *vâlwe* «половчин»: 1270—1275 гг.)⁴⁶.

Иногда опознать этнонимическое имя позволяют характерные черты корневого вокализма и оформления основы. Таково имя *Riuзо*⁴⁷, графика которого, при всей своей неупорядоченности в средние века, явно демонстрирует умлаут долгого *и* (никак не *ио*)⁴⁸ и окончанием *nominativi singularis -o* указывает на типичное для этнонимов (но не для антропонимов!) слабое склонение на *n*. По сумме этих признаков можно быть достаточно уверенным, что в данном случае мы имеем дело с этнонимом др.-верх.-нем. **Rûzeo* > *Riuзо* в роли личного имени, а не с антропонимом, производным от *(h)ruod-. Таким образом, возвращаясь к «porta Ruzini», отнюдь нельзя исключить, что отложившийся в названии этих регенсбургских ворот антропоним следовало бы связать скорее с др.-русск. *русинъ*, чем со ср.-верх.-нем. *Ruozin*. Форма *Ruzines-purchtor* допускает обе интерпретации, а вот несколько более поздняя *Ruozanpurgtor*⁴⁹, демонстрируя слабое склонение и этимологически обусловленное тождество лат. *Ruzinus* = ср.-верх.-нем. *Rûze* (как иначе объяснить исчезновение форманта *-in-*?), побуждает склониться скорее к «русскому» толкованию. Огласовка корня в форме *Ruozan-* не может служить серьезным тому препятствием ввиду обычной для этого ряда имен контаминации форм на *Rûz-* и *Ruoz-*. Тот факт, что впоследствии топоним подвергся народноэтимологическим искажениям на основе

⁴¹ Die Traditionen des Hochstifts Regensburg... Nr. 792; Назаренко А.В. Имя «Русь» и его производные... С. 93—94.

⁴² Die Traditionen des Klosters Tegernsee, 1002—1242 / Hg. P. Acht (QuEBG, Neue Folge. Bd. 9/1). München, 1952. Nr. 57a.

⁴³ Die Regesten der Grafen von Görz und Tirol, Pfalzgrafen in Kärnten / Hg. H. Wieflecker. Bd. 1 (957—1271). Innsbruck, 1949, Nr. 257.

⁴⁴ Die Traditionen des Hochstifts Regensburg... Nr. 932, 934, 951.

⁴⁵ Ibid. Nr. 952.

⁴⁶ Die Urkunden des Zisterzienserstiftes Lilienfeld, 1111—1892 / Hg. G. Winner (Fontes rerum Austriacarum. 2. Abt. Bd. 81). Wien, 1974. Nr. 99, 111, 112.

⁴⁷ Неоднократно в регенсбургских документах середины — второй половины XI в.: Die Traditionen des Hochstifts Regensburg... Nr. 489, 688, 693; Назаренко А.В. Имя «Русь» и его производные... С. 88, 92—93.

⁴⁸ Если долгий *и* (*û*) и дифтонг *ио* нередко путались на письме, то об их умлаутах *iu* и *üe* этого сказать уже нельзя.

⁴⁹ Die Traditionen, die Urkunden und das älteste Urbarfragment des Stiftes Rohr... Nr. 3, Anm. 3.

нем. *Rössel* «конек» — *Roselinthor* и даже *Rosßlend*⁵⁰ — объясняется деактуализацией подлинной этимологии, что понятно, если она была именно отэтнотонимической (с середины XIII в. торговля Регенсбурга с Киевом должна была, понятно, сойти на нет)⁵¹.

Вряд ли нужна особая смелость, чтобы этих «русских» по имени регенсбуржцев связать с их земляками, «русскими» по роду занятий — *Ruzarii*. И потому так логично было бы усмотреть в *Ruzinus*, чье имя не позднее 1138 г. увековечилось в названии западных ворот Регенсбурга (вероятно, потому, что его приметный дом находился рядом, на краю западной части города, т.е. как раз купеческого квартала), одного из этих *Ruzarii*, деятельность которого в таком случае пришлось бы отнести к XI—первой четверти XII в. Если теперь принять во внимание вырисовывающуюся «привратную» локализацию «русской» части купеческого квартала, то нельзя не обратить внимания на красноречивую деталь: среди свидетелей вклада Хартвика в монастырь св. Эммерама в 1179 г. значится другой Хартвик (судя по имени, вполне вероятно, отец или сын вкладчика) с характерным прозвищем “in Porta” — «что в Воротях»; сразу за ним назван его брат Удальрик и еще пять имен без характеристик их социального положения⁵². Складывается впечатление, что эти семь свидетелей⁵³ были из числа именно регенсбургских *Ruzarii*.

⁵⁰ von Walderhoff H. Regensburg in seiner Vergangenheit und Gegenwart. Regensburg, 1896. S. 99.

⁵¹ Ср. аналогичную эволюцию гидронима ср.-верх.-нем. *Rûzische Muchel* «Русская Мюль» (название речки на чешско-австрийском пограничье, где древнерусские купцы пересекали Чешский лес на пути в Баварскую восточную марку), который со временем превратился в *Rauschemühl* «Шумную Мюль» (Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях... С. 89—91).

⁵² “Hartwic de Sunichingin, Heinricus de Gozratisperg” (перед “Hartwicus in Porta” и “Ödalricus frater eius”), “Grimoldus Longus, Heinricus filius Heimonis, Chönradius Helletamphe” (после братьев).

⁵³ Открывают список свидетелей имена высокопоставленных лиц: Гоцвина (Gozwin), представителя монастыря, в распоряжение которого поступал купленный участок, и судьи Фридриха (“Fridericus iudex”), брата «знатной дамы Юдиты» (“nobilis femina nomine Judita”), у которой участок был приобретен; замыкают имена слуг: Хартманна, слуги монастырского келаря (“Hartmannus servus cellerarii”), Вальдо, слуги Гоцвина (“Waldo servus Gozwini”), и некоеро “Werinhardus de Pruuingin”.

Новые материалы об отмене миссии Портико

Известно, что с XVI в. в Европе достаточно активно формируются и получают распространение негативные образы Московии. Переломным моментом здесь стали трагические события Ливонской войны и опричнина Ивана Грозного. В то же время сложно сказать, в какой мере такие негативные представления и опыт препятствовали дипломатическим и культурным контактам. Отрицательные образы и реальные контакты так или иначе сосуществуют. Это разные вещи, исполняющие разные задачи. В истории XVI в., вероятно, можно назвать только один очевидный случай, когда между ними возникает неразрешимое противоречие. Речь идет о несостоявшемся посольстве в Московию папского нунция в Польше Винченцо даль Портико.

В биографии папы Римского Пия V Джироламо Катены рассказано о том, как накануне битвы при Лепанто папа захотел привлечь к коалиции христианских держав для войны с Турцией правителя Московии и поручил начать переговоры с ним своему нунцию в Польше Портико. В руки Портико тем временем попадает сочинение Альберта Шлихтинга, повествующее об опричнине Ивана Грозного, которое тот пересылает в Рим (*"Intanto informatosi il Portico de costumi del Moscovita, et mandate tutte l'informationi a Pio havute da Alberto Szlychtin Pomerano, il quale havea veduto co gli occhi propri, et notate le crudelità del Gran Duca"*). Ужаснувшись прочитанному, Пий велит Портико ни в какие переговоры не вступать. В подкрепление своих слов Джироламо Катена цитирует письмо, якобы написанное папой своему нунцию: «Ознакомившись с тем, что вы сообщаете о Московите, мы предписываем вам оставить приготовления к поездке в Московию, даже если польский король ее одобрит и будет ей содействовать, ибо мы не желаем иметь дела с таким ужасным и столь варварским народом» (*"Habbiām veduto quello, che avisate del Mosco, non curate voi d'andar più in quelle parti, quando anche il re di Polonia lodasse et favorisse l'andata vostra, non volendo noi haver comercio con gente tanto fiera et così Barbara"*)¹.

¹ Catena G. Vita del gloriosissimo papa Pio quinto. Roma, 1586. P. 185—186.

Существуют другие свидетельства об отмене миссии Портико, которые с этим рассказом согласуются, но не содержат ряд важных деталей, а именно они не называют имени Шлихтинга и не приписывают Портико главную роль в передаче информации в Рим. В письме, датированном 21 ноября 1571 г., папа Пий V сообщает польскому королю Сигизмунду Августу о том, что отказывается от переговоров с Иваном Грозным после того, что он о нем узнал (*"propter ea, quae de illius vita asserimus"*)². То же объяснение дано в «Московию» Поссевино, вышедшей в 1586 г. По словам Поссевино, папа Пий V сначала поручил своему нунцию в Польше Винченцо даль Портико отправиться в Московию, «но впоследствии, прослышав о жестокости Московита, отвратился от этой мысли»³.

Письмо, которое цитирует Катена, до сих пор было известно только с его слов. Тем не менее версия событий, изложенная Джироламо Катеной, перешла в книги П. Пирлинга, затем была повторена Е.Ф. Шмурло и с тех пор повторяется всеми, кто вспоминает этот эпизод⁴.

Год назад, как я сейчас поминаю, я не совсем удачно включился в обсуждение данной темы и сегодня должен исправить свою ошибку. В своей работе, опубликованной год назад⁵, я обратил внимание на два факта. Во-первых, П. Пирлинг, Е.Ф. Шмурло и другие исследователи явно не внимательно прочитали важный документ, который был в их распоряжении. Речь идет о письме Портико кардиналу Рустикуччи от 3 октября 1571 г. В этом документе сказано буквально следующее: «Отвечая на ваши письма от 29 августа и 1 сентября, сообщаю, что я охотно отказываюсь от мысли ехать в Московию. О свирепом нраве, дикости и бесчеловечности этого тирана Его Святейшество сможет узнать из книги, которую я послал 19 сентября» (*"Alle dui di Vostra Signoria Illustrissima et Reverendissima delli 29 Agosto et primo Settembre in risposta dico che volentieri dismetto li pensieri di andare in Moscovia, et la Sua Santità dal libro mandato alli 19 Settembre cognoscerà veramente la fiera et barbare et inhumana natura di quel tiranno"*)⁶. Упомянутое письмо Портико от 19 сентября 1571 г. также сохранилось и опубликовано⁷. Таким обра-

² Письмо опубликовано в кн.: Шмурло Е.Ф. Россия и Италия. СПб., 1913. Т. 2. Вып. 2. С. 236.

³ Possevino A. Moscovia. Vilnae, 1586. P. 36—36v.

⁴ Pierling P. Rome et Moscou (1547—1579). Paris, 1883. P. 58—84, 140—144, 147—148; Шмурло Е.Ф. Указ. соч. С. 227—251.

⁵ Дубровский И.В. Новые документы о России Ивана Грозного // Русский сборник. М., 2012. Т. 11. С. 25—58.

⁶ Письмо опубликовано дважды: Акты исторические, относящиеся к России / Сост. А.И. Тупренев. СПб., 1841. Т. 1. С. 222; Theiner A. Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. Roma, 1861. Т. 2. P. 774.

⁷ Theiner A. Op. cit. P. 773.

зом, вполне очевидно, что распоряжение прекратить попытки связаться с правителем Московии было отдано Портико до того, как тот отправил в Рим некое сочинение, порочащее «Московита». Оно содержалось в письмах кардинала Рустикуччи от 29 августа и 1 сентября.

Второй момент, на который год назад я обратил внимание, — это репутация Джироламо Катены как историка. Она противоречива. Катена известен как кропотливый собиратель источников. В то же время он склонен преувеличивать успехи и замалчивать неудачи своего героя, выставляя в дурном свете других. Более того, Людвиг фон Пастор насчитывает целый ряд мест, где изложение Катены является прямой фальсификацией исторических фактов. Недаром публикация книги сопровождалась скандалом. Испанский король Филипп II потребовал исправить некоторые места, и распространение книги в Испании было запрещено⁸.

Принимая во внимание эти факты, мне показалось уместным предположить, что приведенное у Катены письмо папы Римского, возможно, также не заслуживает доверия, а настоящей причиной провала миссии Портико мог быть отказ польского короля пропустить его в Московию. Этот вопрос, в самом деле, долго не удавалось урегулировать.

Находки, которые мне посчастливилось недавно сделать в Туринском государственном архиве, вынуждают меня признать, что я ошибался. Упомянутый документ, который цитирует Джироламо Катена, действительно существует. Естественно, он написан не папой Римским: папы своим нунциям писем не писали. Письмо с распоряжением оставить приготовления для поездки в Московию составлено кардиналом Рустикуччи. В римской курии в тот момент он и был тем лицом, кто от имени папы Римского вел переписку с папскими нунциями и передавал им распоряжения. Переписка Портико и курировавшего его кардинала Рустикуччи частично сохранилась в фонде Польской нунциатуры Ватиканского архива (современный шифр: ASV, Segreteria di Stato, Polonia, t. 1). Для интересующего нас времени там имеются только письма, составленные Портико (в том числе два письма от 19 сентября и 3 октября 1571 г., упомянутые выше). Адресованных ему писем Рустикуччи за 1571 г. нет. Письма, найденные в Турине, не оригиналы, а позднейшие копии. Они попали в Туринский архив в XIX в. в составе частной коллекции графа Монгардино. Ядро коллекции составляют копии документов по истории дипломатических контактов римской курии, а также герцогства Савойского в XV—XVII вв. Считается, что это собрание принадлежало кардиналу Маурицио Савойскому, жившему в первой

⁸ *Pastor L. Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters. Freiburg im Breisgau, 1920. Bd. 8. S. 657—658.*

половине XVII в.⁹ По-видимому, тогда же и была сделана интересующая нас копия.

То, что письмо нашлось, конечно, важно, однако концы с концами все равно не сходятся. Письмо Рустикуччи к Портико с предложением не ехать в Московию, найденное в Турине, датировано 29 августа 1571 г. (Мы помним, что сам Портико упоминал два таких письма: от 29 августа и 1 сентября.) Таким образом, папский нунций отправил в Рим сочинение Шлихтинга после того, как некие страшные известия отвратили папу Римского от мысли иметь дело с «Московитом» и было сделано соответствующее распоряжение. На наше счастье, в Турине есть также второе неизвестное письмо Рустикуччи к Портико, отосланное двумя неделями раньше. В письме от 15 августа кардинал Рустикуччи сообщает нунцию в Польше, что его поездку в Московию должно, по меньшей мере, отложить, поскольку мнение о ее правителе переменялось в худшую сторону, и что в Рим из Московии (“*da quei paesi*”) вот-вот должен прибыть некий рассказ о нем, который обещает расставить все точки над “I” (“*Del viaggio di Moscovia Nostro Signore non giudica a proposito per hora, ch'ella lo faccia, poichè la natura di quel Prencipe è tanto fiera; ma intanto s'aspettarà di sapere il ritratto di quella persona, che dovea venire da quei paesi a posta*”). Речь наверняка идет о сочинении Шлихтинга, которое, следовательно, впервые попадает в Рим, минуя папского нунция в Польше, чьи хлопоты оказываются запоздавшими.

Косвенным аргументом в пользу предположения, что сочинение Шлихтинга стало известно в Риме благодаря Портико, было то, что рукопись сохранилась среди его бумаг в Секретном Архиве Ватикана. Долгое время эта рукопись, принадлежавшая Портико, считалась единственной. Мне удалось найти целый ряд неизвестных списков этого сочинения, в том числе в римских библиотеках. При этом выяснилось, что эти римские списки не могут быть возведены к списку Портико. Они не могут являться сделанными с него копиями. Так, рукопись, найденная в Ватиканской библиотеке, не содержит ряд ошибок, имеющих в списке, который принадлежал Портико. В латинской транскрипции слова «Ладога» список Портико содержит распространенную ошибку переписчиков — удвоение слога (“*Vladodogie*”). Такая ошибка в неизвестном топониме, допущенная однажды, уже не могла быть исправлена. Каждый следующий переписчик волей-неволей ее копировал. Однако в списке из Ватиканской библиотеки такой ошибки нет (“*Vladogie*”). Анализ разночте-

⁹ Об этом, а также содержании коллекции подробнее см.: *Bianchi N. Le materie politiche relative all'estro degli archivi de Stato Piemontesi. Bologna, 1876. P. 716—735.*

ний убеждает в том, что наиболее близкой к списку Портико является рукопись, хранящаяся в римской Biblioteca Angelica. В то же время в данной рукописи мы встречаем большое количество полонизмов в написании имен собственных. Естественно, такие польские написания не могли возникнуть в Риме, а были привезены оттуда, где они были понятны и нужны. То, что в Рим попал не один список сочинения Шлихтинга, а как минимум три, таким образом, можно считать установленным фактом¹⁰.

Приложение.

Письма кардинала Рустикуччи нунцию в Польше Портико об отмене подготовки посольства в Московию.

Archivio di Stato di Torino, Raccolte private, Mongardino, mazzo 113, f. 151v. — 152 (копии).

Lettere del Cardinale Rusticucci a Monsignor Prothonotario Portico Nuntio di Nostro Signore in Polonia

Molto Reverendo Signore

Ho ricevuto in un medesimo tempo le lettere di Vostra Signoria delli XI et XVIII del passato copiose, et piene di avisi, et di alcune scritture, che citavano, tra le quali una ve n'era per Nostro Signore che gli fu molto cara; ma non mi occorre dirle altro in sua risposta, se non che quando sappia cosa alcuna certa di quella pratica secreta tra quei Prencipi, ch'ella vogli avisarla per satisfattione di Nostro Signore.

Del viaggio di Moscovia Nostro Signore non giudica a proposito per hora, ch'ella lo faccia, poichè la natura di quel Prencipe è tanto fiera; ma intanto s'aspettarà di sapere il ritratto di quella persona, che dovea venire da quei paesi a posta.

Quanto alle cose di Bari, Nostro Signore non ha mancato di fare ogni buono offitio conforme a quello, che hanno sempre ricercato quei ministri di Sua Maestà, et quanto alli tristi, ch'ella tocca, Vostra Signoria assicuri pure Sua Maestà, che qua non si manca del debito della giustitia, senza havere in

¹⁰ Подробнее об этом см.: Дубровский И.В. Новые документы о России Ивана Грозного // Русский сборник. М., 2012. Т. 11. С. 25—58.

ciò mira alcuna di piacere alle persone del mondo. Che è quanto mi occorre per questa offerendomi allei di continuo¹¹. Di Roma a XV d'Agosto 1571.

Il Cardinale Rusticucci

Al medesimo

Molto Reverendo Signore, l'ultima di Vostra Signoria è del primo di questo copiosa al solito d'avisi, et per conseguenza grata a Nostro Signore, in nome del quale torno a replicargli in proposito di quello, ch'ella scrive del Mosco, che non si debba più curare d'andare in quella parte, quando anche Sua Maestà laudasse, et favorisse l'andata sua, non volendo Sua Santità haver commertio con gente tanto fiera, et barbara, come è quella. Et non essendo questa per altro, a Vostra Signoria m'offerò di continuo. Di Roma a 29 di Agosto 1571.

Il Cardinale Rusticucci

¹¹ Конец фразы испорчен переписчиком и восстанавливается по смыслу.

Освобожденные невольники в ином мире

Для истории культуры, понимаемой в широком смысле, большой интерес представляет история контактов между носителями разных культурных традиций, когда носители одной из них оказывались в чужом, незнакомом мире. Представляет интерес и отношение этого мира к пришельцам, и реакция пришельцев на новый, неизвестный им мир.

Определенную информацию на эту тему, касающуюся контактов жителей Московской Руси с западным миром, можно почерпнуть из документов, содержащих сведения о таких жителях Русского государства, которых судьба занесла в далеко отстоящие западные страны. Речь идет о русских людях — невольных гребцах на османских галерах, которые освободившись из плена, оказывались в странах, находящихся далеко от их родины. Еще в XVI столетии установилась практика, когда татары захватывали в своих набегах на южные земли России местных уроженцев и продавали их османским властям, которые использовали пленных как гребцов на галерах, плававших по Средиземному морю. Уже тогда отдельным людям удавалось при благоприятных обстоятельствах освободиться из плена. Такова была судьба известного персонажа русской истории самого начала XVII в. как Иван Болотников. К сожалению, о нем известен лишь сам факт, что освобожденный из плена благодаря победе христианских кораблей над османами, он попал в Венецию и оттуда добирался на родину¹.

Документы 20-х годов XVII в. позволяют представить гораздо более конкретную картину пребывания таких освобожденных невольников в далеком западном мире. Сентябрем 1623—августом 1624 г. датируется опубликованный во второй половине XIX в. перечень людей, которых отправляли с патриаршего двора в различные монастыри «под начал», «для исправления в вере»². Соответствующие решения сопровождались краткими записями о местопребывании таких людей за границей и их поведении там, что давало объяснение принятому решению. Среди них встречается целый ряд записей о судьбе освобожденных не-

¹ Буссов К. Московская хроника. М.:Л., 1961. С. 138.

² Русская историческая библиотека (далее — РИБ). СПб., 1875. Т. II. № 166.

вольников, что показывает, что случай с Болотниковым вовсе не был уникальным. Гораздо более обширный материал содержит столбец Приказного стола Разряда с документами, относящимися к концу 20-х годов³. Он содержит записи расспросов вернувшихся в Россию людей, а в отдельных случаях их собственные челобитные с изложением их судеб и привезенные ими документы.

Как показывает знакомство с такого рода материалами, невольники либо освобождались сами, перебив экипаж и приведя судно до ближайшего христианского порта⁴, либо их освобождали, победив османов, христианские корабли, чаще всего корабли испанского короля⁵, Восстания случались неоднократно⁶, но гораздо чаще освобождение приходило извне. Хотя освобожденные говорят об освободивших их «шпанских немцах» и «Шпанской земле», где они оказались, там, где сведения более конкретны, речь идет о разных местностях Италии (город «в Венецйской земле», Мессина, Ливорно), один раз упомянута Мальта⁷.

Каково было отношение к оказавшимся в Италии и на Мальте невольникам. Целый ряд сообщений указывает на то, что уже в месте прибытия освобожденные невольники получали проезжие грамоты с ходатайством обеспечить им свободный проезд и дать милостыню⁸. В деле о приезде в январе 1630 г. Первушки Иванова Маркова сохранился оригинал такого документа, в котором обстоятельно излагались обстоятельства освобождения и содержались краткие просьбы дать ему свободный проезд и оказать помощь⁹. Документ выдал человеку “de Moscovia” Матьяш Тытлевский препозит Калишский, представитель польского короля в Неаполе. Этот факт заслуживает особого внимания, если учесть, что в 20-х годах XVII в. отношения между Россией и Польско-Литовским государством были очень напряженными и между ними не было даже дипломатических контактов.

На пути в Россию освобожденные невольники получали и новые проезжие грамоты. Так, Семен Неклюдов, казак из Рязска, представил при приезде четыре таких документа, исходивших от разных властей го-

³ Российский государственный архив древних актов, ф. 210 (Разрядный приказ). Приказной стол, стб. 35 (далее — РГАДА).

⁴ См. рассказ о таком восстании Семена Никонова из Венева (РГАДА, ф. 210. Приказной стол, стб. 35, л. 8—9).

⁵ См., например, сообщение Ивана Асеева из Болхова, что его «отгромили шпанские немцы» (Там же, л. 48).

⁶ См. рассказ Первушки Иванова Маркова (Там же, л. 656—657).

⁷ РИБ, т. II, стб. 653; РГАДА, ф. 210. Приказной стол, стб. 35, л. 9, 48, 657.

⁸ РГАДА, ф. 210. Приказной стол, стб. 35, л. 48, 63 и др. См. и пересказ содержания таких документов — «чтоб ево... везде добровольно пропускали и милостыню давали». Там же, л. 64, 652.

⁹ РГАДА, ф. 210. Приказной стол, стб. 35, л. 650.

рода Рима и «от самого папы»¹⁰. Как видно из рассказов возвращавшихся людей, они шли на родину через Венецию, Австрию, Чехию и Польшу¹¹. На всем этом пути в конце 20-х годов XVII в. грамоты, выданные в Риме, были несомненно весьма авторитетным документом. Что значило путешествовать, не имея таких бумаг, показывает случай с сыном боярским из Ливен Иваном Губкиным. Он сумел сбежать с османской галеры под Белгородом Днестровским и оттуда стал пробираться домой через украинские земли Речи Посполитой. Под Каменцом Подольским его силой задержал пан Ян Чеховской и заставил на себя работать¹².

В некоторых из расспросов можно обнаружить сведения о том, сколько времени требовалось освобожденным невольникам, чтобы вернуться домой. Так, Иван Агеев, освобожденный перед Рождеством и попавший на Мальту, прибыл в пограничный Путивль «перед Петровым днем», т.е. перед 29 июня¹³, затратив на путешествие полгода. Алексей Лукьянов Должников из Орла отправился из Рима осенью «о Михайлове дни» (8 ноября), а «в Петрово говейно» был уже в Брянске¹⁴. Очевидно, учитывая расстояния, что им не приходилось часто останавливаться, чтобы работой добывать средства на пропитание. Судя по всему, на пути их встречал благоприятный прием.

Таким образом, освободившихся из османского плена русских людей встречал в Италии благоприятный прием, их явно здесь рассматривали как людей, принадлежавших к христианскому миру, которых следует окружить вниманием и помочь им вернуться на родину. Так действовал даже представитель польского короля. Перед нами интересное свидетельство сохранения определенного представления о единстве христианского мира в эпоху, когда конфессиональная нетерпимость достигла в Европе весьма высокого уровня.

Изучение и записей, сделанных на патриаршем дворе, и дел о приезде освобожденных невольников, показывает одну важную особенность их пребывания в Италии. Все они, независимо от того, где они ступили на итальянскую почву, затем оказывались в Риме и лишь оттуда начинался их путь на родину. Особенно показателен пример с Семеном Никоновым, который сошел на берег «в Веницейской земле», но вслед затем оказался не в Венеции, чтобы ехать оттуда на родину, а в Риме¹⁵. По-видимому, это обстоятельство связано с тем, что в состав гребцов на галерах входили, по выражению русского документа, «полоняники

¹⁰ Там же, л. 64 (тексты грамот в деле отсутствуют).

¹¹ Там же, л. 9, 48, 63, 556 и др.

¹² Там же, л. 119—120.

¹³ Там же, л. 48.

¹⁴ РИБ, т. II, стб. 653.

¹⁵ РГАДА, ф. 210. Приказной стол, стб. 35, л. 9.

разных земель», среди которых преобладали, конечно, пленные жители Средиземноморья — католики. Освобождение невольников из плена воспринималось, конечно, как акт милости Господней, за что и следовало возблагодарить Бога прежде чем заниматься какими-либо делами. А где лучше всего было благодарить Бога, как не в Риме — главном центре христианского мира, в близости важнейших христианских святынь. Освобожденных людей поэтому прежде всего направляли в Рим, а среди них и русских людей.

Что происходило с ними в Риме, можно узнать из записей, сделанных на патриаршем дворе, и из расспросов вернувшихся людей. В расспросах то, что происходило в Риме, определяется формулой «у папы был и благословенье и сокрамент от папы приимал»¹⁶. То же выражение употреблено и в пересказе грамоты, которую привез из Рима Семен Неклюдов, с уточнением, что это произошло в церкви Петра и Павла¹⁷. Гораздо более конкретную картину рисуют записи на патриаршем дворе, вероятно, результат дополнительных расспросов. Так, Лукаш Захарьев из Будаева городища в Московском уезде сообщил, что в Риме его «ксендз исповедовал и опрясноки давал»¹⁸. Алексей Иванов сын Должников из Орла говорил, что он «сакраменту не имал», но признавал, что «будучи в Риме, веру держал католицкую и в костел ходил»¹⁹. Арзамасец Ефим Мартынов Анненков утверждал, что «у ксенжа не бывал и сакрамента не бирал», но и он признавал, что «в костел в Шпанской земле хаживал, по католицкой вере маливался»²⁰.

В действиях католических священников в Риме, думается, не следует видеть проявлений прозелитизма. На лицо было желание исповедать и причастить христиан, которые, долгое время находясь в османском плену, прикованные к скамьям, были лишены таких услуг, способствовавших их спасению. Да и сами русские люди, пережившие события Смуты, когда они привыкали смотреть на католика, как на врага, испытывали потребность в услугах такого рода. Даже принципиальный выходец из Арзамаса, не желавший принять причастие у ксендза, не мог удержаться от того, чтобы войти помолиться в христианский храм, хотя он и был костелом.

Такие поступки не могли получить одобрения в окружении патриарха Филарета. 20-е годы XVII в. — время резкой борьбы русской церкви против вредных внешних влияний, особенно со стороны католического мира. Собор, созданный в 1620 г., признал недействительным «латин-

¹⁶ Там же, л. 63. Ср. л. 9, 657.

¹⁷ Там же, л. 64.

¹⁸ РИБ, т. II, стб. 646.

¹⁹ Там же, стб. 653.

²⁰ Там же, стб. 637.

ское» крещение и постановил крестить повторно тех католиков, которые хотели бы перейти в православие. Неудивительно, что в деле о выезде Семена Неклюдова, привезшего грамоту «от самого папы» читается резолюция, что он отправляется на двор к Филарету «для исправления веры»²¹. Как видно из записей, сделанных на патриаршем дворе, это означало отправку человека на какое-то время «под начал» в монастырь, что воспринималось как своего рода процедура, очищавшая человека от соприкосновения с враждебным началом. После отбытия этой процедуры человек мог вернуться в общество и занять тот социальный статус, которым он обладал до того, как попал в плен. В каждом из дел о выезде бывших невольников имеются показания свидетелей о их прежнем социальном положении²². Кроме того, «за каторжное терпенье» полагалось выдать сыну боярскому 2 руб. и сукно, а крестьянину — полтора рубля²³. Возможно, патриарх Филарет и отнесся бы более строго к поступкам бывших невольников, но он также должен был с уважением относиться к воле Бога, освободившего их от «каторжных мучений».

Как уже отмечалось, освободившиеся невольники стремились скорее попасть домой, к своим родным и близким, используя для этого благоприятно сложившиеся условия. На этом фоне выделяется история Андрея Цывилева, сына казачьего атамана из Рыльска²⁴. Как и другие освобожденные из плена, он побывал в Риме, откуда направился в Венецию, но в отличие от других бывших невольников он прожил в Венеции два года. Он двигался на родину по традиционному пути, но подолгу задерживался в городах, лежавших на его пути — прожил два года в Вене, затем два года в Праге²⁵. Перед нами пример человека достаточно простого происхождения, явно проявившего желание познакомиться с жизнью того нового незнакомого мира, куда его забросила судьба. Этот интерес тем более привлекает внимание, что в своем затянувшемся путешествии он вряд ли мог рассчитывать на комфортабельные условия существования.

²¹ РГАДА, ф. 210. Приказной стол, стб. 35, л. 68.

²² Свидетельства такого рода см. там же, л. 10, 67 и др.

²³ Там же, л. 15.

²⁴ См. показания «знатцев» о его происхождении — РГАДА, ф. 210. Приказной стол, стб. 35, л. 560.

²⁵ Там же, л. 558.

Англофильство и англomanия в России в XVI—XVIII вв.

История взаимоотношений Англии и России насчитывает более четырех с половиной столетий, причем наиболее прочные основы для культурного диалога этих стран были заложены в Век Просвещения, а если точнее, в период правления Петра I и Екатерины II. Интерес исследователей к данному периоду истории российско-британских отношений не ослабевает и по сей день. Свидетельство тому — выход в свет трудов российских и британских ученых (А.Б. Соколова, Н.И. Павленко, Э. Кросса, И.Л. Анисовой, Е.Ф. Петиновой и др.)¹, публикации в Великобритании и России сборников новых документов², а также проведение международных конференций³. Обращение к данным источникам и исследованиям заставляет по-новому взглянуть на уже известные проблемы (к примеру, являлись ли британские заимствования благом для России?), а также привлечь внимание к иным сюжетам темы. Нас интересовало, каким образом российское общество относилось к привнесённым с Запада, в первую очередь, из Англии элементам европейской культуры, и действительно ли британское влияние было настолько сильным, что привело к зарождению англomanии и англофильства в нашей стране.

¹ Соколов А.Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI—XVIII вв. Ярославль, 1992; Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994; Кросс Э. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996; Анисова И.Л. Идеи ранних английских просветителей Р. Стиля — Дж. Аддисона и русские нравоучительные журналы 50—60-х годов XVIII века. Канд. дис. М., 2002; Петинова Е.Ф. «Во дни Екатерины...». СПб., 2002; «Россия — Британия. К 450-летию установления дипломатических отношений». М., 2003; Лабутина Т.Л. Восприятие английской культуры в России в эпоху Петра I // Лабутина Т.Л. Культура и власть в эпоху Просвещения. М., 2005; Она же. Англomanия в России в правление Екатерины II — миф или реальность? // Лабутина Т.Л. Культура и власть в эпоху Просвещения.

² Britain and Russia in the Age of Peter the Great. Historical Documents. L., 1998 (далее — «Britain and Russia»); An English Lady at the Court of Catherine the Great. The Journal of Elizabeth Dimsdail, 1781. Cambridge, 1989.

³ «Петр Великий и Запад: Новые перспективы» (Лондон, 1998 г.), «Россия—Британия. К 450-летию установления дипломатических отношений» (Москва, 2003 г.); «Россия и Британия на путях к взаимопониманию» (Москва, 2007 г.); «Британия: история, культура, образование» (Ярославль, 2008 г.).

Прежде всего, выясним, что означают понятия «англомания» и «англофильство»? Если следовать определению С.И. Ожегова, то англомания — это преклонение перед всем английским, а англофильство — склонность поддерживать во всем английские интересы, пристрастие, сочувствие всему английскому⁴. Современная исследовательница Е.В. Потемкина под «англоманией» понимает «активное стремление определенной части русского общества, прежде всего дворянства, к познанию английской культуры и перенесению отдельных элементов английского стиля жизни на русскую почву»⁵. В то время как ученые Кросс, Соколов, Потемкина зарождение англомании связывают с правлением Екатерины II, П. Боборыкин считал, что интерес к английскому языку и жизни Англии обострился только после Отечественной войны 1812 года. Именно тогда английские авторы-романисты, публицисты, критики, моралисты — стали переводиться на русский язык, а детей аристократов начали обучать английскому языку. К концу царствования Александра I английский стиль сделался очень модным в большом свете. Появились английские клубы. Наконец, в первые годы правления Николая I средний класс был также вовлечен в «известного рода англоманию»⁶. Аналогичного мнения придерживался также Н.А. Ерофеев, который утверждал, что «мода на все английское, в том числе и на английский язык» в некоторых кругах русского дворянства стала заметно нарастать в начале XIX в.⁷ Между тем, профессор Гарвардского университета Э. Симмонс полагал, что англомания зародилась еще во времена Ивана Грозного, хотя ее интенсивное распространение в России произошло в 70-е годы XVIII века⁸. Так кто же из ученых прав?

С прибытием в Московское государство в 1553 г. экспедиции англичанина Р. Ченслера началась новая веха в истории взаимоотношений России и Запада, ведущая свою историю со времени правления великого князя Ивана III. Свое внимание царь Иван Грозный целиком обратил на англичан. Он даровал им беспрецедентное право на беспошлинную (как оптовую, так и розничную) торговлю на территории России, предоставил монопольное право пользоваться северным путем, а также дозволил транзитную торговлю в Персию. Англичанам разрешили основать канатные дворы в Холмогорах и Вологде, заниматься рыбным и китовым промыс-

⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 3-е. М., 1953. С. 19.

⁵ Потемкина Е.В. Истоки русской англомании в середине XVIII в. // Мавродинские чтения. Материалы к докладам. СПб., 1994. С. 150.

⁶ Боборыкин П. Английское влияние в России // Северный вестник. СПб., 1895. № 10. С. 179—180.

⁷ Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825—1853 гг. М., 1982. С. 52—53.

⁸ Simmons E.J. English Literature and Culture in Russia (1553—1840). Cambridge, 1935. P. 8, 207.

лом, искать железо и строить завод на Вычегде. Свои товары английские купцы продавали с огромными барышами, тогда как русское сырье закупали дешево. В короткое время Московская торговая компания англичан получила огромные прибыли, от 300 до 400 процентов⁹. Неудивительно, что королева Елизавета Тюдор высоко оценила «заслуги» русского царя, открывшего поистине баснословные источники обогащения для английского купечества: Иван Грозный получил от королевы Орден Подвязки¹⁰.

По утверждению М.А. Алпатова, своим «западничеством» Грозный заметно превосходил боярское окружение. Особенно это проявлялось в его отношениях с англичанами. В беседах с ними Иван IV «восхвалял англичан за их смелость и лояльность к своей королеве». Он восхищался их мастерством и умением, приглашая к себе на службу аптекарей, ювелиров, архитекторов, столяров, плотников. Первые двадцать кораблей, украшенных скульптурами львов, драконов, слонов, единорогов, диковинными цветами, были построены для Грозного англичанами. В войске Ивана наряду с поляками, шведами, голландцами, стали появляться и выходцы с британских островов: шотландцы и англичане. Первые врачи при царском дворе также были родом из Англии. Один из них — Роберт Яков, прозванный в России Романом Елизаровым, находился, по признанию Н.П. Загоскина, «в большом доверии у Грозного и помимо своих врачебных обязанностей исполнял разного рода конфиденциальные поручения». Более того, именно этот доктор сделался своего рода «дипломатическим агентом» королевы, подробно информируя ее обо всем, что происходило при царском дворе¹¹.

В середине 1560-х гг. в англо-русских отношениях наметились осложнения. Военные неудачи в борьбе за Ливонские земли заставили царя задуматься о военно-политическом союзе с Англией, который он намеревался скрепить династическим браком с королевой Елизаветой. Иван Грозный также высказывал пожелание в случае внутренней смуты в государстве получить политическое убежище в Англии. Об этом извещал находившийся на дипломатической и коммерческой службе в России с 1573 по 1591 гг. Дж. Горсей. Иван IV «жил в постоянном страхе и боязни заговоров и покушений на свою жизнь, которые раскрывал каждый день», поэтому он и надумал найти убежище в другой стране. У Вологды, сообщал Горсей, Грозный построил множество судов, барж и лодок, «куда свез свои самые большие богатства, чтобы, когда пробьет час, погрузиться на эти суда и спуститься вниз по Двине, направляясь в Англию, в случае необходимости — на английских кораблях». Бежать царь предполагал

⁹ Tudor Economic Documents. Principal Navigation. Glasgow, 1973. Vol. II.

¹⁰ Загоскин Н.П. Врачи и врачебное дело в старинной России. Казань, 1891. С. 24.

¹¹ Там же. С. 25.

не с пустыми руками. Он намеревался отправить свою казну в Соловецкий монастырь на Северном море — «прямом пути в Англию»¹².

Около года правительство Англии вместе с королевой обсуждало предложения русского царя. Наконец, 18 мая 1570 г. Елизавета объявила свое решение: в случае мятежа в России принять царя с его семьей в Англии, где он «никакого не понесет ... оскорбления, либо утеснения в вере, но свободно и неудержно может из Англии по желанию своему, куда изволит ехать».¹³ Что же касается проекта военно-политического союза, равно как и династического брака, то положительного ответа на данные предложения царь от англичан не получил.

Между тем, Грозный не оставлял своих попыток породниться с английской аристократией. Будучи женатым седьмым браком на Марии Нагой и неразведенным с ее предшественницей — Василисой Мелентьевой, он, тем не менее, весной 1582 г. снарядил посольство Федора Писемского в Англию с целью переговоров о возможном браке с племянницей королевы Мэри Гастингс. Несмотря на то, что посольство в Лондоне, как отмечал Горсей, «приняли с почетом» и королева разрешила повидать «невесту» и даже «написать ее персону для передачи государю», из данной затеи ничего не вышло. Быть может, причиной тому послужил отказ Грозного считать детей от намечавшегося брака с английской аристократкой своими возможными престолонаследниками.

Как бы то ни было, но слухи о возможной женитьбе царя на англичанке и, как следствие этого брака — изменения престолонаследия, не на шутку взбудоражили общественное мнение в Моковском государстве. «Князья и бояре, особенно ближайшее окружение жены царевича — семья Годуновых, были сильно обижены и оскорблены этим, — свидетельствовал Горсей, — изыскивали секретные средства и устраивали заговоры с целью уничтожить эти намерения и опровергнуть все подписанные соглашения»¹⁴. Ближайшее окружение царя было недовольно не только стремлением Грозного заключить династический союз с английской аристократкой, но и всей его покровительственной политикой по отношению к англичанам. Как подчеркивал Э. Симмонс, «проанглийские симпатии» Ивана вызывали негодование ряда министров и знати, приближенной ко двору. Они подозревали в действиях своего царя «скрытые мотивы». Многие западные историки, продолжал ученый, не без основания усматривали в действиях царя Ивана англоманию¹⁵.

¹² Горсей Дж. Записки о России. XVI—начало XVII в. М., 1990. С. 56.

¹³ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1894. Ч. 1. С. 92.

¹⁴ Горсей Дж. Указ. соч. С. 84.

¹⁵ Simmons E.J. Op. cit. P. 8.

Православных жителей Московского государства удивляло и возмущало свободное обсуждение царя с иностранцами религиозных тем, а также его разрешение отправления протестантского богослужения и строительства кирки для иноверцев. Между тем, в народном сознании религиозный вопрос являлся господствующим. Естественно, на фоне нетерпимого отношения к иноверцам со стороны русского народа покровительственное отношение царя к ним и даже попытки вступить в брак с протестантками не могло не вызвать широкого недовольства в российском обществе, прежде всего, среди ближайшего окружения царя. И скоро против царя образовался заговор, жертвою которого стал он сам. 18 марта 1584 г. Иван Грозный скончался. Многие ученые сходятся во мнении по поводу насильственной смерти царя. Так В.И. Корецкий считал, что в заговоре против Грозного участвовали Борис Годунов, Богдан Бельский и лейб-медик царя голландец Иоганн Эйлоф, приготовивший питье с ядом¹⁶. Концепции отравления Ивана Грозного, а затем и его сыновей придерживается также современный журналист В. Манягин¹⁷.

Сторонник версии насильственной смерти Грозного А.Б. Соколов отмечал: «Разумеется, недовольство деспотическим правлением Ивана Грозного зрело давно: в обстановке террора никто из приближенных ко двору не мог быть спокоен за свою жизнь, страна опустошена войнами и опричниной, обезлюдели многие города, крестьянство накануне полного закрепощения было близко к взрыву борьбы. И все же именно английские дела... могли стать непосредственным поводом для заговора»¹⁸. Когда английский посланник Боус, который вел переговоры о браке царя с Мэри Гастингс, явился ко двору, дьяк Андрей Щелкалов встретил его словами: «Ваш английский царь умер!» Так стремление Грозного породниться с королевским домом Англии завершилось трагедией для самого царя.

Кончина царя-«англомана» не могла остановить начавшегося в России процесса вестернизации. В ту пору российское общество уже оказалось прочно втянутым в орбиту западного влияния. Придворная и служилая знать вместе с Грозным привыкали общаться с представителями западных держав. Они приобретали новые знания и навыки, знакомились с западной культурой. Купечество уже не могло обойтись без торговых операций со своими контрагентами. Наконец, и низы московского населения также стали привыкать к общению с «фрягами» и «немцами». Таким образом, «западничество» Ивана Грозного способствовало открытию для Европы столь замкнутого мира, каким было до него русское государство.

¹⁶ Корецкий В.И. Смерть Грозного царя // Вопросы истории. М., 1979. № 9. С. 103.

¹⁷ Манягин В. Правда Грозного царя. М., 2007. С. 150, 156, 161.

¹⁸ Соколов А.Б. Указ. соч. С. 54.

Борис Годунов продолжил политику, направленную на еще более тесное сотрудничество с Западом, в первую очередь, с Англией. Еще до вступления на царский престол Годунов, пользуясь своими родственными отношениями с царем Федором Иоановичем, сумел завязать отношения с английским двором. В одной из грамот 1586 г., обращаясь к «кровному любительному приятелю» — Годунову, королева писала: «И за ту вашу великую любовь к нам, к нашим подданным обереженье, вам много челом бьем и надеемся того, что и вперед вы всегда любви своей не оставите»¹⁹. Как видно, Елизавета прекрасно разбиралась в расстановке сил при царском дворе, хорошо понимая, на кого из приближенных царя она может положиться. В ответной грамоте Борис заверял королеву, что будет о ее подданных «печаловаться и держать их под своею рукою,.. славить перед государем и государыней» ее, королевскую «к себе милость и ласку»²⁰. Слово свое Годунов сдержал, и вскоре, благодаря его усилиям, царь Федор Иоанович выдал английским купцам жалованную грамоту, сохранявшую их прежние привилегии в торговле. В результате, констатировал С.М. Соловьев, благодаря «кровному любительному приятельству» Елизаветы к Годунову, английские купцы освободились от уплаты пошлин на сумму более чем 2000 ф. стерл. в год. Англичане получили торговые привилегии, каковых не имели прежде, признавал Э. Симмонс²¹. В знак признательности своему «лорду-покровителю», как стали величать Годунова англичане, купцы вручили ему дары: 9345 золотых монет, 71 изумрудов, золотой перстень, 14 позолоченных серебряных стопок, 2 запонки с камнем, 100 жемчужин, а также золотую запонку с портретом королевы²². Горсей заверял Елизавету: Борис Федорович «превыше всех государей и властелинов мира... почитает и мечтает быть полезным ее императорскому ... величеству»²³. Годунов настолько доверял англичанам, что даже подумывал, как в свое время Грозный, об эмиграции в Англию. «Правитель отослал свои богатства в Соловецкий монастырь, — свидетельствовал Горсей. — Он хотел, чтобы в случае необходимости они были там готовы к отправке в Англию, считая это самым надежным убежищем и хранилищем в случае необходимости, если бы его туда выжили». В случае побега Годунова Англия «получила бы большую выгоду от огромной ценности этого богатства», с долей цинизма заключал посланник²⁴.

Проанглийские симпатии Годунова сделались еще более очевидными после его вступления на престол в 1598 г. Королева Елизавета, прознав о

¹⁹ Сборник императорского русского исторического общества (далее — СИРИО). СПб., 1883. Т. 38. С. 170, 174.

²⁰ Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1989. Т. 7. С. 245.

²¹ Simmons E.J. Op. cit.. P. 27.

²² СИРИО. С. 250.

²³ Горсей Дж. Указ. соч. С. 112.

²⁴ Там же. С. 109.

воцарении «английского доброхота Бориса», незамедлительно направила грамоту, в которой упоминала его «прежнюю любовь и раденье» к ее подданным, торгующим в Московском государстве, и выражала надежду, что и впредь любовь Годунова к англичанам «неподвижна будет». «К тому же, мы радуемся, — продолжала королева, — что наш доброхот учинился на таком преславном государстве по избранию всего народа великим государем, и мы со своей стороны рады к вам всякою дружбою и доброхотеньем, где будет возможно, а от вашего величества к нам того же надеемся»²⁵. Царь в ответной грамоте заверял королеву: «И мы... хотим бытии в братской любви и... крепкой дружбе... и ваших торговых людей... как преж сего жаловали, так и впредь жаловати хотим... по-прежнему беспошлинно»²⁶. И действительно, торговые отношения с Англией при Годунове не изменились. По признанию Симмонса, все трения в коммерческих отношениях между странами к 1593 г. были упразднены. Не случайно, царь Борис высоко почитался английскими купцами как их друг и покровитель²⁷.

Покровительственное отношение Годунова к англичанам продолжилось и после смерти королевы Елизаветы в 1603 г. Желая добиться подтверждения от русского царя прежних привилегий в торговле, вступивший на престол король Яков I Стюарт передал с послом Т. Смитом богатые дары для Годунова, среди которых преобладала серебряная посуда (блюда, кувшин, кубки, фляги, высокие кружки с крышками) и ткани. Сыну Годунова царевичу Федору был преподнесен отрез бархата малинового цвета и два пистоля. Царю подарили нить жемчуга в две тысячи зерен и нарядно украшенную карету. Экипаж произвел неизгладимое впечатление не только на обитателей Кремля, но и на рядовых москвичей, когда запряженный двумя парадными лошадьми перемещался по городу²⁸.

Откровенно прозападные симпатии Годунова проявились и в его династических планах. Как бы продолжая традицию матримониальных проектов Грозного — женитьбы на англичанке — царь Борис также решил породниться с иностранными аристократами, хотя и не сам лично, но через своих детей — дочь Ксению и сына Федора. Поначалу Годунов надумал выдать замуж дочь за шведского принца Густава, но его кандидатура вскоре была отклонена²⁹. Англичане забеспокоились,

²⁵ СИРИО. С. 260.

²⁶ Там же. С. 281.

²⁷ *Simmons E.J.* P. 30.

²⁸ Арел М. С., Богатырев С. Н. Англичане в Москве времен Бориса Годунова (по документам посольства Т. Смита 1604—1605 годов) // Археографический ежегодник за 1997 год. М., 1997. С. 443—444.

²⁹ Подробнее см.: Лабутина Т. Л. «Несостоявшийся брак»: Матримониальные проекты русских царей в XVI—XVII веках // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2008. № 23. С. 266—281.

как бы русский царь не породнился с Австрийским домом. Королева Елизавета, отправляя в Россию посланника Ричарда Ли, наказывала подобным планам Годунова всячески препятствовать. В то же время она предлагала в невесты царевичу Федору дочь английского графа Дэрби. Поскольку «невеста» оказалась на несколько лет старше «жениха», ее кандидатуру отклонили. Тогда Елизавета прислала царю для ознакомления целый список своих родственников, чтобы Борис сам лично мог выбрать подходящие партии для детей. Однако англичане со своими предложениями припозднились: в Москве уже ожидали нового жениха для Ксении — младшего брата короля Христиана IV, датского принца Иоанна. Сватовство складывалось удачно, но внезапная смерть принца расстроила готовящийся брак. Годунов вновь обратился к английской королеве с просьбой о возможных претендентах для своих детей. Елизавета сообщила, что у нее на примете имеется одна молодая леди, которая вполне может составить партию царевичу Федору. Царь попытался прояснить ситуацию и в апреле 1603 г. направил запрос относительно упомянутой «невесты». Однако ответа он так и не дождался, поскольку к тому времени королева Елизавета скончалась, и на английский престол вступил новый монарх — король Яков I Стюарт.

Неудачей обернулось и еще одно предприятие царя, направленное на более тесное сотрудничество с Западом, в том числе с Англией: отправка «студентов» на обучение за границу. В 1601—1602 гг. Годунов послал «на учение» в разные страны — Францию, Любек и Англию 18 «студентов». Судьба большинства из них осталась неизвестной, так как никто из них на родину не вернулся. Лишь немногие сведения сохранились о тех молодых людях, которые обучались в Англии. Русское правительство периодически направляло ходатайства британским властям, настаивая на их возвращении. Произошло это уже в правление царя Михаила Романова. Тогда-то и выяснилось, что обучались «русские» студенты в колледжах Винчестера, Итона, Оксфорда и Кембриджа, но никто из них после завершения учебы не пожелал возвратиться на родину: два студента уехали в Ост-Индию, третий женился и поселился в Ирландии, четвертый — Никифор Григорьев — принял англиканскую веру и стал пастором. Так попытки Годунова «приобщить» русских «студентов» к западноевропейской образовательной системе провалились.

Между тем, начатый при Иване Грозном процесс вестернизации в России продолжался. Более того, при Борисе Годунове этот процесс, по мнению Симмонса, сделался более интенсивным. Иностранцы буквально «хлынули» в Москву. Военные и купцы, ремесленники и лекари желали устроиться на службу при богатом царском дворе. Западное влияние затронуло главным образом высшие слои русского общества. Молодые люди из знатных семей первыми перенимали внешние атрибуты одежды,

манеры поведения и обычаи европейцев. Они брили бороды, использовали такие же, как у них украшения в своих нарядах, изучали иностранные языки, интересовались жизнью за границей³⁰. Сам Годунов «задавал тон», всячески поощряя стремление своих подданных к сближению с европейцами. Все иностранцы признавали «большую любезность» к себе царя Бориса. Он часто и охотно беседовал со многими из них: медиками и дипломатами, учеными и священнослужителями. Поговаривали, что Годунов помышлял открыть в Москве университет³¹. И все же наибольшие симпатии Годунов проявлял к англичанам. Не случайно, большинство ученых, включая современных, называли Бориса Годунова «царем-англоманом»³². И.И. Любименко подчеркивала: царь Борис любил проводить время в иностранном обществе и в своем подмосковном имении Хорошево окружил себя английскими врачами. Близость Годунова к англичанам даже породила после его смерти в народе поверие, будто бы царь не умер, а уехал с казной под видом купца в Англию³³. Однако Годунов не успел покинуть свое отечество, хотя не раз и помышлял об этом. 13 апреля 1605 г. царь Борис скончался, по утверждению Н.И. Костомарова, от отравления ядом. На престол вступил его сын Федор. Правление царя Федора Борисовича было кратковременным: в результате боярского заговора уже в июне того же года он был низложен и вместе со своей матерью задушен. Лжедмитрий двинулся на Москву. Начиналось тяжелое время Смуты.

В «смутное» время англичане показали себя не лучшим образом. В условиях гражданской войны, интервенции, череды сменявших друг друга верховных правителей России, у них зародился план — взять Русское государство под свое «покровительство». В 1612 г. в Тайном совете король Яков I вынес на обсуждение вопрос о прямой интервенции на Севере России³⁴. Однако англичане опоздали с реализацией подобного проекта: в 1613 г. на престол вступил Михаил Романов. Прибывший в Москву английский посланник Джон Меррик, вместо оглашения плана об английском протекторате, был вынужден от имени своего короля передать поздравления новому царю. Несмотря на то, что английское правительство признало Михаила

³⁰ Морозова Л.Е. Иностранцы об изменениях в образе жизни русских людей (конец XV—XVI века) // Россия и мир глазами друг друга. Из истории взаимовосприятия. М., 2000. С. 38—39.

³¹ Платонов С.Ф. Москва и Запад в XVI—XVII веках. Л., 1925. С. 38.

³² Загородняя И.А. Московский посольский церемониал: английские дипломаты при царском дворе в XVII веке // Россия—Британия: К 450-летию установления дипломатических отношений. С. 25.

³³ Любименко И. Англичане в допетровской России // Русская мысль. М., Пг., 1915. Кн. III. С. 88.

³⁴ Подробнее об этих событиях см.: Лабутина Т.Л. «Курьезный эпизод» в англо-русских отношениях в период Смуты // Социально-политическая и интеллектуальная трансформация общества в переломные эпохи. М., 2008. С. 24—37.

Романова легитимным царем, однако, подтверждения своих прежних привилегий от него незамедлительно не получило. Как отмечала Любименко, «в Москве, видимо, знали, или подозревали об английских планах, направленных против Русского государства, некоторые иностранцы были об этих планах осведомлены и распускали неблагоприятные для своих конкурентов слухи»³⁵. Англичанам пришлось изыскивать всевозможные способы для налаживания добрых отношений с русским двором.

После завершения Смуты отношение народа к иностранцам, которые причинили России так много бедствий, что едва не разрушили само государство, приняло, по мнению Д. Цветаева, «недружелюбный характер»³⁶. Между тем, высшие слои российского общества не разделяли подобных оценок народа. Напротив, именно с XVII века начинается интенсивный процесс западного влияния на политическую элиту России. Обращаясь к понятию «влияние», В.О. Ключевский подчеркивал: Россия вела с Западной Европой дипломатические, торговые и культурные отношения еще в XV—XVI вв., заимствуя «плоды ее просвещения», приглашала художников, мастеров, врачей, военных специалистов. Но все это было лишь *общением*, а не *влиянием*. «Влияние наступает, — продолжал историк, — когда общество, его воспринимающее, начинает сознавать превосходство среды или культуры влияющей и необходимость у нее учиться, нравственно ей подчиняться, заимствуя у нее не одни только житейские удобства, но и самые основы житейского порядка, взгляды, понятия, обычаи, общественные отношения»³⁷. Такие признаки в отношении к Западной Европе появились в России именно в XVII веке. Ключевский подчеркивал, что западное влияние постепенно проникало во все сферы жизни, однако оно распространялось далеко не на все русское общество, а лишь на «тонкий, вечно подвижный и тревожный слой», который лежал на поверхности этого общества³⁸.

Каким путем осуществлялось западное влияние в России в XVII веке? Объектами подобного воздействия, как и в предыдущие времена, прежде всего, становились первые лица государства — царь и его ближайшее окружение. Очень быстро при Михаиле Романове возобновились дипломатические и торговые сношения со многими европейскими государствами. Первыми в Москву прибыли англичане. Летом 1620 г. царь принял доверенное лицо английского короля посла Джона Меррика. Среди обсуждаемых вопросов английский посланник важное место уде-

³⁵ Любименко И.И. Англия и Россия в XVII в. // Английская буржуазная революция XVII века. М., 1954. Т. 2. С. 94.

³⁶ Цветаев Д. Из истории брачных дел в царской семье московского периода. М., 1884. С. 49.

³⁷ Ключевский В.О. Соч. в 9 томах. Курс русской истории. М., 1988. Т. III. С. 241.

³⁸ Там же. С. 244.

лил транзитной торговле с Персией по Волге. Прежде чем дать ответ, государь собрал московских купцов, желая услышать их мнение, добавив при этом, что англичане «за дорогу в Персию дадут в помощь казны». Русские купцы к подобному предложению отнеслись весьма прохладно, но согласились его принять при условии увеличения пошлин за право вести восточную торговлю. Однако такие условия не устроили англичан.

Господствующее положение в торговле занимала по-прежнему привилегированная Московская компания. Выданные ей жалованные грамоты в 1613, 1617, 1621, 1626, 1628 гг. подтверждали право беспошлинной торговли. Большую роль в развитии экономики России в первой половине XVII в. сыграли иностранные, не в последнюю очередь английские специалисты, принимавшие участие в исследовании полезных ископаемых и их разработке. С помощью иноземных, чаще всего английских и голландских мастеров, снаряжались экспедиции для разработки руды в Соликамск, на Северную Двину, Мезень, Енисейск.

При Михаиле Романове были основаны в России первые иностранные концессии. Здесь также «задавали тон» британцы. Так, Фимбрандт получил в 1634 г. разрешение на 10 лет выделять лосиные кожи. Его соотечественник Коэт приобрел привилегию на «заведение» стеклянного и поташного заводов. Агенту С. Дигби были отданы на 10 лет беспошлинно соляные промыслы в Ярославском, Вологодском и Тотемском уездах. Полковник А. Краферт получил на 7 лет право «жечь золу и делать поташ» в Муромском лесу.

Особую категорию среди приглашенных специалистов при Михаиле Романове занимали «ратные люди». Англичане и шотландцы нанимались на царскую службу и раньше, некоторые состояли на службе у Василия Шуйского. В 1632 г. несколько англичан обратились к царю с просьбой принять их на службу. Полковник Сандерленд предлагал свои услуги по найму в Англии двух тысяч солдат для царской службы. Капитан Томас Линдзей ходатайствовал перед царем о приеме к нему на службу в чине полковника³⁹.

Правительство Михаила Романова предпринимало определенные шаги и в образовательном процессе. Подобно Борису Годунову, царь надумал обучать молодых людей на Западе. В 1617 г. вместе с посланником Дж. Мерриком в Англию был отправлен сын переводчика Посольского приказа Иван Алманзенов. Успешно завершив учебу в Кембриджском университете, он был направлен для продолжения образования во Францию и Италию.

На наш взгляд, правление первого царя из династии Романовых демонстрировало открытость государя по отношению к Западу, а также его стремление заимствовать опыт передовых стран во всех сферах

³⁹ Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 111.

жизни, будь то экономика или культура⁴⁰. Говорить же об особой приверженности царя Михаила к британской культуре (как то наблюдалось у Ивана Грозного и Бориса Годунова) не приходится. Его политика была направлена на диалог со всеми западными странами, которые не выражали откровенной враждебности в отношении России.

Как относился к выходцам с британских островов Алексей Михайлович? Летом 1645 г., когда в Англии вовсю бушевали революционные страсти, московское правительство направило в Лондон посольство Герасима Дохтурова с сообщением о смерти царя Михаила и воцарении его сына. Купцы Московской компании, узнав про это, обратились в парламент с ходатайством об организации достойного приема русского посланника. «Встреча и прием, которые будут оказаны этому лицу, независимо от ранга, в каком оно прибудет, могут иметь большое значение в том смысле, что это будет приятно русскому государю и побудит его в дальнейшем соблюдать и расширять привилегии, предоставленные им нашему государству», — говорилось в послании купцов⁴¹. Просьба купцов была удовлетворена в полной мере. Однако, несмотря на торжественность и пышность оказанного русскому посланнику приема, Дохтурова к королю так и не допустили, а потому своей главной миссии — вручения царских грамот Карлу I он выполнить не смог. Вскоре после возвращения посольства на родину, царь в 1646 г. лишил английских купцов их главной привилегии — права беспошлинной торговли. Причиной тому послужили многочисленные жалобы русских купцов на те «несправедливости», которые они терпели от британцев. Положение английского купечества еще более ухудшилось после того, как в 1649 г. король Карл I был казнен. Получив известие об этом событии, Алексей Михайлович своим указом от 1 июня 1649 г. потребовал выслать англичан за пределы Московского государства, дозволив им приезжать лишь в Архангельск. Свое решение царь мотивировал тем, что англичане «учинили большое злое дело, государя своего Карлуса короля убили до смерти». 20 сентября 1649 г. он подписал также обращение ко всем европейским монархам с предложением основать Священную лигу для войны с Англией. Происходившие в стране революционные события царь характеризовал как «мировую заразу, отравляющую христианские народы». Досталось от царя и английскому парламенту. Государь подчеркивал, что его агенты «неустанно совращают верных дотоле подданных проповедью

⁴⁰ Подробнее см.: Лабутина Т.Л. Британцы в России в правление царя Михаила Романова // Старая и новая Европа: Государство, политика, идеология. М., 2007. Вып. 3. С. 131—138.

⁴¹ Цит. по: Рогинский З.И. Поездка гонца Герасима Семеновича Дохтурова в Англию в 1645—1646 гг. Ярославль, 1959. С. 4—5.

обманчивой свободы, с расчетом на всеобщую смуту и в надежде похоронить монархию в анархии»⁴².

Между тем, царская опала против революционного правительства длилась недолго. С утверждением в Англии протектората Оливера Кромвеля, отношения между двумя странами начали постепенно улучшаться.

После реставрации в Англии монархии в 1660 г. король Карл II Стюарт, подобно своим предшественникам, обратился к восстановлению привилегий для своих купцов. «Мы не можем убедить Ваше императорское Величество даровать оные теперь же, хотя не можем и удовлетвориться ответами... по этому поводу, — писал английский король царю. — Однако мы до некоторой степени поддерживаем терпение наше надеждою на скорое дарование»⁴³. Карл последовательно защищал интересы своего купечества, прекрасно понимая, какие дивиденды сулила Англии торговля с Русским государством. Именно меркантильные интересы сделались преобладающими во внешней политике, как британского монарха, так и предыдущего, республиканского правительства Кромвеля. Как видно, даже революционные потрясения в королевстве, сопровождавшиеся изменением формы государственного правления, не смогли повлиять на смену ориентиров в экономической политике британцев, поскольку торговля с Россией была необыкновенно выгодна для них.

Чтобы поправить пошатнувшиеся позиции купечества, правительство Карла II неоднократно пыталось добиться возвращения привилегий и при новом царе — Федоре Алексеевиче. Однако уже ничто не могло изменить сложившегося положения вещей: англичане, подобно другим иностранным купцам, должны были выплачивать законные пошлины, что явилось, главным образом, результатом укрепления позиций национального российского торгово-промышленного капитала.

Между тем, осложнения в экономических связях отнюдь не ослабили процесса вестернизации высших эшелонов власти в России. Западное, в первую очередь, британское влияние по-прежнему оказывалось довлеющим в культурной сфере. Особенно наглядно это проявлялось в отношениях со специалистами. Как и в прежние годы, британцы продолжали играть важную роль в реорганизации и обучении русской армии. Не только армейские специалисты, но и кораблестроители из Британии все чаще стали появляться в Русском государстве. Англичанин Виниус предложил построить гребной флот на Каспийском море. По царскому указу 1667 г. в Коломенском уезде, на Оке, в селе Дединово был заложен первый русский корабль «Орел». В.О. Ключевский пола-

⁴² Цит. по: Мейендорф А. Англичане XVII и XVIII столетий о русских и о России // Сб. статей, посвященных П.Б. Струве. Прага, 1925. С. 300—301.

⁴³ Копия королевского письма к Императору Российскому // Гордон П. Дневник. 1659—1667. М., 2002. Приложение. С. 192—196.

гал, что строили его голландцы, но не обошлось и без участия британских мастеров, к примеру, полковника К. Бокковена,

Среди английских специалистов при дворе особое место со времен Грозного занимали аптекари и врачи. Наибольшую известность среди них приобрел личный врач царя Алексея Михайловича — С. Коллинс. Около 9 лет он пробыл при царском дворе, в 1666 г. по собственной просьбе уволился и с многочисленными подарками и похвальным аттестатом отбыл на родину. В 1674 г. он издал книгу «Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне», в которой делился своими впечатлениями об увиденном в стране и при дворе. Менее известным в России был английский врач-хирург Джон Эннанд.

Интерес к западной культуре в царствование Алексея Михайловича проявлялся также в сфере литературы и образования⁴⁴. Впрочем, не только предметы обихода, материальная культура или образовательная система европейцев привлекали внимание русских людей. Некоторых из них интересовало также государственное устройство западных стран. К примеру, переводчик посольского приказа Андрей Виниус в своем статейном списке впервые представил сведения о государственном правлении Англии. «Правление Английского королевства, или... Великой Британии, — писал он, — есть отчасти монархияльно (единовластно), отчасти аристократно (правление первых людей), отчасти демократно (народноправительно). Монархияльно есть, потому что имеют англичане короля, который имеет отчасти в правлении силу и повеления, только не самовластно. Аристократно и демократно есть потому: во время великих дел, начатия войны, или учинения мира, или поборов каких денежных, король созывает парламент или сейм. Парламент делится на два дома: один называют вышним, другой нижним домом. В вышнем собираются сенаторы и шляхта лучшая из всей земли, в другом собираются старосты мирских людей всех городов и мест, хотя что в вышнем доме и приговорят, однако без позволения нижнего дома совершить то дело невозможно, потому что всякие поборы денежные зависят от меньшего дома. И потому вышний дом может назваться аристократия, а нижний демократия. А без повеления тех двух домов король не может в великих делах никакого совершенства учинить»⁴⁵. Видно, что чиновник неплохо разбирался в системе государственного устройства Англии, при которой парламент обладал большим влиянием на короля.

Иностранцы, приближенные ко двору Алексея Михайловича, очень хорошо разбирались в тонкостях придворной московской жизни. Те придворные царя, которые проявляли особый интерес к западной культуре,

⁴⁴ Подробнее см.: Лабутина Т.Л. Западная культура в России в царствование Алексея Михайловича Романова // Вестник Владимирского государственного гуманитарного университета. Владимир, 2008. Вып. 18. С. 15—20.

⁴⁵ Цит. по: Соловьев С.М. Указ. соч. Т. 12. С. 518—519.

быстро становились объектами пристального внимания со стороны иностранцев, поскольку с их помощью можно было повлиять на государя. Показательно в этом отношении высказывание С. Коллинса. «Очень бы хорошо было, по моему мнению, — писал английский врач, — если бы какой-нибудь умный человек сделал в Москве самое выгодное описание государств, принадлежащих Его Величеству, королю Британскому, его могущества, западноиндийских колоний со всеми их доходами, и приложил карту всех этих земель, поднести бы это сочинение Афанасию Нащокину, чтобы... дать ему истинное понятие о могуществе британского короля... Нащокин занимает первое место в делах государственных»⁴⁶.

Возможно, царь лично общался с англичанами, не только с одним своим лечащим врачом. Так, историк С.М. Соловьев упоминал, что накануне Рождества государь посещал тюремный и английский дворы, где «жаловал милостыню из своих рук». Кто знает, быть может именно под влиянием бесед с англичанами, у царя зародился план об устройстве мануфактур, чтобы занять работой бедный люд, как практиковалось в ту пору в работных домах Англии. В семи верстах от Москвы, сообщал С. Коллинс, царь выстроил «для обрабатывания пеньки и льна красивые дома, которые находятся в большом порядке, очень обширны и будут доставлять работу всем бедным в государстве. Царица будет заведовать женщинами в этом заведении, для своих польз и выгод. Таким образом, царь совершенствует мануфактуры своего государства», — заключал англичанин⁴⁷.

Ярко выраженные симпатии царя и его ближайшего окружения к иностранцам, покровительство европейским специалистам, заимствование элементов западной бытовой культуры, восторженное отношение к носителям этой культуры — все это способствовало зарождению в XVII веке нового течения в общественной российской мысли — «западничества». «Это было несомненным шагом вперед, — отмечал М.А. Алпатов. — Появление западничества означало признание необходимости борьбы за ликвидацию отсталости России. С другой стороны, западничество таило в себе и опасность — оно, как показал дальнейший опыт, зачастую порождало недооценку, а то и прямое высокомерие ко всему русскому»⁴⁸.

Нельзя не признать того факта, что в западноевропейской культуре, оказавшей большое влияние на политическую элиту России при царе Алексее Михайловиче, основная составляющая принадлежала британцам. Они, как и в прежние времена, занимали ведущие позиции в торговле, промышленности, армии, медицине. В то же время положение

⁴⁶ Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. М., 1846. С. 39.

⁴⁷ Там же. С. 34.

⁴⁸ Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973. С. 322.

самых англичан в России в XVII веке заметно изменилось: в торговле и промышленности их все больше теснили голландские конкуренты, а царь более не освобождал от уплаты пошлин. Все это явилось результатом укрепления позиций национального торгово-промышленного капитала и Русского государства в целом.

Усиление западничества, а также проявление англомании и англофильства можно было наблюдать в XVIII веке, при Петре I. В 1698 г. царь посетил Англию, где встретил самый радушный прием. Король Вильгельм Оранский подарил Петру свою лучшую яхту «Транспорт-ройял», доставленную адмиралом лордом П. Кармартеном, который в награду получил от царя монопольное право на ввоз и торговлю табаком в России. Около четырех месяцев пробыл Петр в Англии. Газеты подробно описывали визит русского царя: все связанное с «государем Москвитии» сделалось «предметом всеобщих пересудов». Основное время царь проводил на корабельных верфях, изучал теорию кораблестроения. В Дептфорде, неподалеку от Лондона, он освоил курс кораблестроения под началом инспектора королевского флота сэра А. Дина. По приглашению короля Петр посетил главную базу английского флота — Портсмут, где были устроены учения военных кораблей; побывал на артиллерийских заводах; посетил кузницы и мастерские оружейников. Как свидетельствовал английский инженер Дж. Перри, «кажется, не было такого искусства или ремесла, с которым бы он не ознакомился в больших или меньших подробностях»⁴⁹. Большой интерес Петр проявил к монетной реформе, проведенной в 1695 г. при активном участии известных ученых Дж. Локка и И. Ньютона. Последний был назначен смотрителем, а с 1699 г. — директором Монетного двора. Петр несколько раз посещал Монетный двор и, предположительно, беседовал с известным физиком. Кроме того, царь посетил Гринвичскую астрономическую обсерваторию, где встречался с ее директором — известным астрономом, математиком и физиком Галлеем. Примечательно, что во время их беседы ученый дал Петру ряд советов «по части государственного преобразования России»⁵⁰. Побывал царь также в Королевском обществе (Британская Академия наук), где познакомился с выдающимся математиком из Абердина Г. Фаркерсоном, а также его коллегами С. Гвином и Р. Грайсом. Царь пригласил ученых на работу в Россию, где они вскоре возглавили Навигацкую школу.

Заметим, что во время визита Петра английский король предложил царю вступить в Орден Подвязки, однако тот ответил отказом, заявив, что собирается создать подобный орден у себя на родине. Впрочем, судя по но-

⁴⁹ Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871. С. 107.

⁵⁰ Андреев А.И. Петр I и Англия в 1698 году // Петр Великий. М.;Л., 1947. С. 82.

вейшим исследованиям, Петр был принят в масонскую ложу тамплиеров еще будучи в Голландии⁵¹. Он также дал обязательство учредить в России Орден св. Андрея Первозванного, что и исполнил в 1698 г. Примечательно, что внешний вид данного ордена имитировал английский Орден Подвязки. В 1720 г. Петр стал гроссмейстером духовно-рыцарского Ордена иоаннитов. По утверждению Е.Ф. Петиновой, русские масоны считали, что Петр был первым русским масоном, принявшим посвящение от самого Кристофера Рена (знаменитого английского архитектора XVII века, автора проекта Собора св. Павла — *Т.Л.*), основателя новоанглийского масонства. По возвращении из Англии Петр создал масонскую ложу, где первым лицом в ней — «мастером стула» стал Лефорт, сам царь занял место второго «надзирателя». Впрочем, на взгляд ученого, все вышесказанное относилось «к области преданий» и документами не подтверждалось. Петинова убеждена: время проникновения масонства в Россию датируется 1731 годом, когда гроссмейстер Великой Лондонской Ложи лорд Ловель назначил капитана Джона Филипса великим магистром «для всей России»⁵².

Не оставили без внимания визит русского царя и представители высшего духовенства англиканской церкви, долгое время помышлявшие о достижении унии с православной церковью⁵³. Несколько епископов нанесли визит Петру, а спустя неделю, царь сам посетил архиепископа Кентерберийского. Священнослужители пытались оказать влияние на русского царя не только в вопросе религиозного переустройства России. К примеру, известный богослов Ф. Ли составил проект необходимых, на его взгляд, для России реформ и, как утверждал историк А.И. Андреев, записка Ли сыграла важную роль в начальных преобразованиях Петра. К примеру, идея коллегиального устройства правительственных учреждений, на которой настаивал богослов (основание семи коллегий для поощрения развития науки, художеств, улучшения законов и нравов), возникла у царя именно под влиянием англичанина. Другие мероприятия, которые он предлагал (христианизация народов Сибири, устройство специальной школы в Астрахани для изучения калмыцкого, татарского и других языков), были также осуществлены Петром по возвращении из-за границы⁵⁴.

Находясь в Англии, Петр проявил определенный интерес к ее государственному устройству. «Неоднократно царь в беседах расспрашивал о том, как ведутся дела в парламенте, королевском Тайном совете и других государственных учреждениях Англии, в чем состоят права

⁵¹ Анисов Л. Восшествие на престол. Борьба латинских иезуитов и протестантов за Московский православный престол. М., 2000. С. 59—60.

⁵² Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. С. 72; Петинова Е.Ф. Указ. соч. С. 316.

⁵³ Britain and Russia. Op. cit. P. 181—184, 237.

⁵⁴ Андреев А.И. Указ. соч. С. 91.

и обязанности мировых судей, интересовался регламентами административных, финансовых, адмиралтейских, почтовых учреждений, расспрашивал о правах короля в мирное и военное время и т.п.»⁵⁵. Довелось царю посетить и парламент, где через слуховое окно он наблюдал за тем, как проходило заседание Палаты лордов. А.Б. Соколов отмечал: этот визит царя в парламент явно не относился к числу самых сильных его впечатлений, поскольку «слишком далеки английские порядки, право и государственное устройство от государственных норм России, от того, что Петр мог считать для себя образцом»⁵⁶.

Возвращаясь на родину, Петр вез с собой более 800 приглашенных специалистов (офицеров, матросов, инженеров, врачей), среди которых британцев, по разным источникам, насчитывалось от 50 до 500 человек⁵⁷. Царь вознамерился преобразовать Россию, желая использовать методы, опыт, уроки передовых стран для того, чтобы быстрее наверстать отставание своего государства. Заимствования из британского опыта оказались наиболее ощутимыми. Английский «след» отчетливо заметен в создании и строительстве регулярной армии, морского флота, промышленных мануфактур, делопроизводстве, церковной и образовательной реформах.

Образцом для подражания в реформировании армии послужила немецкая модель. Между тем, свой вклад в «усовершенствование русского войска» внесли и англичане, создавая в качестве мастеров артиллерийские орудия и снаряды. При самом активном участии англичан создавался флот в России. «В течение всего XVIII столетия Англия вносила в развитие русского флота большой и важный вклад, как отпуская британских офицеров и кораблестроителей на службу в Россию, так и принимая русских в обучение на суда британского флота и на верфи — осваивать искусство английских мастеров», — отмечал Э. Кросс. Английские мастера построили немало русских судов, «не было года, когда хотя бы один британский офицер не командовал российским военным кораблем»⁵⁸. Влияние английской корабельной науки на строительство русского флота признавали и современники Петра. Дж. Перри утверждал: царь решил строить свои корабли «только по английскому образцу», и когда находился в Англии, пригласил к себе на службу нескольких кораблестроителей и мастеров во главе с мистером Дином⁵⁹. Вернувшись в Россию, Петр первым делом заменил на верфях Воронежа голландцев английскими мастерами. Строительство флота, потреб-

⁵⁵ Там же. С. 87.

⁵⁶ Соколов А.Б. Указ. соч. С. 152.

⁵⁷ Cross A. Peter and Britain // Russia in the Reign of Peter the Great: Old and New Perspectives. Cambridge, 1998. P. 30.

⁵⁸ Кросс Э. Указ. соч. С. 167, 168.

⁵⁹ Перри Дж. Указ. соч. С. 106.

ность в котором Россия особенно сильно стала ощущать, вступив в войну со Швецией, велось интенсивно. Результаты не заставили себя долго ждать. В начале 1705 г. английский посланник Ч. Уитворт сообщал госсекретарю Р. Харли о строительстве царского флота из 40 или 50 военных судов, на самом большом из которых было размещено до 90 пушек. Спустя 14 лет, новый посол в России Дж. Джеффрис уже с тревогой извещал госсекретаря о том, что стараниями его соотечественников русский флот пополнился более чем 30 кораблями. Посланник выказывал опасения в том, что русский царь сможет в несколько лет создать могущественный флот и потому советовал английскому королю Георгу I Ганноверу немедленно отозвать корабельных мастеров из России⁶⁰.

Среди первоочередных мероприятий, проведенных Петром, была реформа государственного управления. Наиболее важные изменения претерпела Боярская дума. Сократилась ее численность, а также начал меняться социальный состав: аристократическое учреждение пополнялось представителями неродовитого дворянства и приказных дельцов. Преобразования затронули и приказы, или канцелярии. С 1 марта 1700 г. было велено все частные акты писать на гербовой бумаге. Изменился и порядок оформления казенных бумаг. К примеру, теперь не выписывались так пространно, как прежде, все титулы царя. Во всем этом Перри усматривал английское влияние⁶¹.

Британское влияние сказалось и на церковной реформе, проведенной Петром в начале XVIII в. Испанский посланник в России граф де Лириа отмечал: хотя Петр «в большей степени склонялся к лютеранству, яд которого он вкусил в Голландии», однако неизменно стремился стать главой церкви, «подобно английскому королю»⁶². Н.И. Павленко подчеркивал: еще в Англии, беседуя с епископом Бернетом, Петр интересовался не столько вопросами богословия, «сколько выяснением отношений между церковной и светской властью»⁶³. По возвращении на родину царь осуществил намеченную реформу. После смерти Патриарха Адриана он воспротивился избранию его преемника и ввел новую должность «местоблюстителя патриаршего престола», исполнявшего функции духовного пастыря.

Большое значение для укрепления мощи Российского государства имели экономические реформы, проведенные Петром. По возвращении из Англии царь приступил к монетной реформе, и уже в 1700 г. новые монеты были пущены в оборот. «Очевидно, — признавал В.И. Буганов, — посещение лондонского Монетного двора, беседы со специалистами пошли впрок и Петру, и его помощникам в этом важ-

⁶⁰ СИРИО. Т. 39. С. 59, Т. 61. СПб., 1888. С. 563—564.

⁶¹ Перри Дж. Указ. соч. С. 153.

⁶² Анисов Л. Указ. соч. С. 287.

⁶³ Павленко Н.И. Указ. соч. С. 75.

ном деле»⁶⁴. Руководство монетным делом было поручено «горячему стороннику англичан и английского влияния» Ф.А. Головину. Он же ведал внешними сношениями и снабжением армии и кораблестроением, поэтому англичане старались не упустить своего шанса, имея в лице Головина «славного покровителя».

Важным источником распространения британской культуры в России становились те молодые люди, которые отправлялись на обучение различным ремеслам в Англию. 22 ноября 1698 г. Петр издал указ об отправке «в разные государства учиться всяким наукам». Главным «университетом» для русской молодежи, отправлявшейся на обучение в Европу, становилась Англия. В сборнике российско-британских документов фигурирует список имен 42 студентов, которые в 1715—1717 гг. прибыли в Великобританию для обучения по следующим специальностям: строители баркасов и судов, барж, яликов; столярные работы на судне, изготовление мачт; мастера пушечных дел, по гребле и по окраске судов; якорыщики; мастера по металлу, плотницкому делу, бурению, сверлению, пилорамам; специалисты по украшению домов, изготовлению замков, мебели (столов и стульев) и одежды; декораторы спален и других помещений; изготовители математических инструментов и т.д.⁶⁵ Всего на протяжении XVIII века в Великобритании обучилось, по данным Кросса, несколько сотен «студентов» из России⁶⁶.

Важное место занимала торговля с Англией, товарооборот с которой при Петре резко возрос. Английские купцы являлись самой многочисленной группой среди заморских торговцев: из 98 торговых судов, прибывших в 1722 г. в Санкт-Петербург, 52 были британскими. Об интенсивных торговых контактах между Россией и Англией в правление Петра свидетельствовал профессиональный купец, публицист, журналист и писатель Д. Дефо. «Мы посылаем теперь 100 судов в год вместо 8—9, как в прошлые годы», — сообщал он в 1705 г. в журнале “The Consolidator”⁶⁷.

Западное, не в последнюю очередь британское влияние сказалось в России и на культуре, образовании, искусстве, литературе, а также внешнем виде русских людей и их бытовом поведении⁶⁸. Очевидно, что результаты подобных заимствований были положительными. Однако имелись в них и свои отрицательные стороны, сказавшиеся, прежде всего, в насильственном сломе морально-этических и религиозных норм поведения, обычаев и традиций, существовавших в ту пору в России. Стремление царя насильно навязать своим подданным элементы западной (в

⁶⁴ Буганов В.И. Петр Великий и его время. М., 1989. С. 60.

⁶⁵ Britain and Russia. Op. cit. P. 193.

⁶⁶ Кросс Э. Указ. соч. С. 348—363.

⁶⁷ Britain and Russia. Op. cit. P. 236, 326.

⁶⁸ Подробнее см.: Лабутина Т.Л. Восприятие английской культуры в России в эпоху Петра I. С. 375—384.

том числе британской) бытовой культуры (брадобрейство, европейский костюм, табакокурение, изменение летоисчисления и др.) вызывали в народе стойкое неприятие проводимых Петром реформ, и как следствие, привели к возникновению ксенофобии в российском обществе.

Как же воспринимали деятельность Петра британцы, образцам которых во многом он следовал? Поначалу и сам Петр, и его реформы встречали одобрение со стороны правящих кругов Англии. Госсекретарь Р. Харли писал посланнику в России Ч. Уитворту: «Я надеюсь вскоре услышать от Вас насколько европейские обычаи проникают в Россию и насколько Его Величество успевает привить своей армии, своему народу, своему законодательству, правительству, торговле своей страны все, что он и его сановники видели при своем путешествии за границей»⁶⁹. Английские журналисты восторженно отзывались о Петре. К примеру, Р. Стиль называл царя одним из «великих правителей мира»⁷⁰. Как отмечал Кросс, для Англии, да и для Европы в целом царь стал «героем эпохи Просвещения»⁷¹. Однако вскоре произошли события, которые изменили восторженное отношение и к «царю Московии», и к России в целом. Победа над шведами под Полтавой, присоединение прибалтийских земель, создание мощного флота — все это свидетельствовало о появлении в Европе нового сильного государства, с которым уже нельзя было не считаться. Новая Россия представляла серьезную конкуренцию Великобритании и потому отношения двух стран в последние годы правления Петра, а затем и его супруги императрицы Екатерины I напоминали собой, по меткой характеристике британского ученого Д. Хорна, «холодную войну»⁷². Следствием «холодной войны» явилось зарождение русофобии в Англии. Примечательно, что хотя Петр единственный из русских правителей, кто более всех следовал британским образцам в своей деятельности, а потому с полным основанием мог быть причислен к англофилам, ни одним из ученых таковым назван не был.

В какой мере британское влияние сказалось на культурной жизни России в правление Екатерины II? Заметим, что еще до ее вступления на престол отношения между Англией и Россией заметно улучшились, во многом благодаря заключению в 1734 г. торгового и в 1741 г. оборонительного договоров. Однако каких-либо свидетельств влияния британской культуры в России в этот период замечено не было: в стране царила бироновщина. В правление же Елизаветы Петровны распро-

⁶⁹ Цит. по: Андреев А.И. Указ. соч. С. 101.

⁷⁰ Britain and Russia. Op. cit. P. 111.

⁷¹ Кросс Э. Британский взгляд на Россию: происхождение, живучесть и изменение национальных стереотипов мышления в период с XVI в. до Крымской войны // От Елизаветы I до Елизаветы II: проблемы британской истории в новое и новейшее время. Ярославль, 2008. С. 24.

⁷² Horn D. Great Britain and Europe in the Eighteen Century. Oxford, 1967. P. 109.

странение французского языка в высшем свете повлекло за собой зарождение интереса к французской литературе, завязались отношения российского двора с «патриархом» просветителей Франции — Вольтером. Позиции англичан в правление Елизаветы Петровны оставались сильными лишь в экономике, прежде всего в торговле.

Французское влияние (в литературе, образовании, драматургии, моде) оставалось доминирующим в России и при Екатерине II. Между тем, ряд ученых (Э. Симмонс, Д. Хорн, Э. Кросс, А.Б. Соколов, Е.В. Потемкина) утверждали, что годы царствования императрицы были ознаменованы распространением в российском высшем обществе таких явлений, как англомания и англофильство. Даже саму Екатерину II они причисляли к убежденным англофилам⁷³. Иной концепции, которая нам представляется более убедительной, придерживались В.О. Ключевский и Н.А. Ерофеев. Ученые считали, что русское общество во второй половине XVIII в. особенно сильно испытало влияние французской культуры, и что в среде дворянства зародилась галломания⁷⁴. Ярой приверженцев французской культуры, на их взгляд, была и сама императрица.

Хотя англичане при Екатерине, по замечанию французского министра Вержени, «теряли в Петербурге прежнее влияние»⁷⁵, однако их позиции при дворе, да и в российском обществе в целом, оставались еще достаточно прочными. Доверительная переписка молодой Екатерины с английским посланником Ч. Уильямсом и те многотысячные займы, которые она через него получала от короля Великобритании, требовали ответной благодарности. Вступив на престол, Екатерина в одном из писем заметила: «Я так привыкла к дружбе англичан, что смотрю на каждого из них, как на лицо, желающее мне добра, и действую, насколько это от меня зависит, соображаясь с этим»⁷⁶. Объявив себя «другом Англии по влечению и по интересам», Екатерина сделала немало для сближения двух стран. В 1766 г. был принят новый торговый договор, продлевавший действие соглашения от 1734 г. В результате объем британской торговли в сравнении с началом века удвоился. По свидетельствам французского посланника Л.Ф. Сегюра, английские негодичанты образовали в Петербурге «грозную колонию», целый квартал в столице стал именоваться Английской линией⁷⁷. Примечательно, что британские купцы не ограничивались торговой деятельностью. Неред-

⁷³ *Simmons E.J.* Op. cit. P. 8, 16—17, 207; *Horn D.* Op. cit. P. 213; *Кросс Э.* Указ. соч. С. 292—293; *Соколов А.Б.* Указ. соч. С. 11; *Потемкина Е.В.* Указ. соч.

⁷⁴ *Ерофеев Н.А.* Указ. соч. С. 52—53.

⁷⁵ *Сегюр Л.Ф.* Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // *Россия XVIII в. глазами иностранцев.* Л., 1989. С. 342.

⁷⁶ *СИРИО.* СПб., 1874. Т. 13. С. 209.

⁷⁷ *Сегюр Л.Ф.* Указ. соч. С. 352.

ко они вкладывали свои капиталы в промышленное производство России. К примеру, купец Мартин Боттлер основал первую в нашей стране фабрику, изготавливавшую гобелены. Фрэнсис Гарднер приобрел недалеко от Москвы, в деревне Вербилки участок земли для строительства фабрики по изготовлению дешевой глиняной посуды.

Екатерина приглашала на службу в Россию английских офицеров и опытных моряков, а также различных мастеровых людей. Так, британские специалисты были задействованы в строительных работах в Царском Селе летом 1785 г. Она проявляла живой интерес к английскому искусству: агенты императрицы скупили знаменитую керамику Уэд-жвуда для Зимнего дворца и приобрели богатую коллекцию произведений искусств из собрания британского премьер-министра Р. Уолпола.

Императрица поощряла обучение российской молодежи в университетах Великобритании. «Студенты» изучали земледелие, шерстяные мануфактуры, торговлю, инженерное дело (в первую очередь, строительство каналов), математику, медицину, архитектуру, живопись, ландшафтное садоводство и многое другое, что могло им пригодиться на родине. Порой и почтенные профессора, как например, В. Прокопович и М. Ливанов отправлялись на Британские острова, чтобы обучиться там различным наукам. Получили образование в Англии профессор Московского университета Десницкий, а также будущий наставник императора Александра I граф Н. Мордвинов. Находясь в Англии, Мордвинов проявил большой интерес к британским политическим институтам, а также философии, научным и экономическим теориям. Он восхищался трудами Бэкона, Ньютона, Смита, Бентама. В Эдинбургском университете обучался сын первого президента Российской Академии наук Е.Р. Дашковой. Сама Дашкова посетила Великобританию в 1769—1771 гг. и своими впечатлениями впоследствии поделилась в «Путевых заметках». «Англия мне более других государств понравилась, — писала она. — Правление их, воспитание, обращение, публичная и приватная их жизнь, механика, строения и сады, все заимствует от устройства первого и превосходит усильственные опыты других народов в подобных предприятиях»⁷⁸. В 1776—1780 г. Дашкова навещала своего сына-студента в Эдинбурге, где ей довелось повстречаться с видными представителями шотландского Просвещения У. Робертсоном и А. Смитом. По возвращении на родину она издала свои переводы нескольких английских изданий, в том числе ряд номеров известного просветительского журнала “The Spectator”. Помимо Дашковой, поклонниками Англии в окружении Екатерины были

⁷⁸ Путешествие одной российской знатной госпожи по некоторым английским провинциям // Опыт трудов вольного российского собрания при имп. Московском университете. М., 1775. Ч. 2. С. 106.

и другие представители родовитых и могущественных семейств России: Г. Потемкин, Воронцовы, Чернышевы, Куракины, Орловы. Все они, по признанию Э. Кросса, «глядели на Англию с почтением и восторгом»⁷⁹.

В отличие от петровской эпохи при Екатерине заметное влияние на русскую культуру оказала английская литература. Надо отметить, что серьезным препятствием для знакомства с английской литературой являлось в ту пору слабое распространение в России английского языка. Первая школа, в которой преподавание велось на английском языке, была открыта Дж. Элмором в Петербурге лишь в конце 1793 г. В образованных кругах России долгое время господствовал французский язык. Да, и сама императрица не владела английским: в ее библиотеке имелись книги на немецком, французском и русском языках. В этой связи большой интерес, как самой Екатерины, так и образованной части общества, вызывали переводы английских изданий с французского и немецкого языков. К примеру, внимание императрицы привлекли: просветительский журнал С. Джонса «Скиталец» и дидактическое сочинение Р. Додсли «Наставник». Рекомендации последнего она намеревалась использовать в целях нравственного воспитания своих внуков — цесаревичей Александра и Константина. Екатерина собиралась также издать перевод всех номеров журнала «The Spectator». Отдельные его номера увидели свет в России еще в петровскую эпоху и затем неоднократно переиздавались на протяжении XVIII в. Этот журнал сыграл важную роль в становлении русской журналистики сатирико-нравоучительного толка. В 1769 г. в России начал выходить еженедельник «Всякая всячина», работу над которым возглавила сама императрица. По мнению специалистов, издатели «Всякой всячины» во многом ориентировались и подражали авторам английского журнала — просветителям Р. Стилю и Дж. Аддисону⁸⁰. Наиболее заметный вклад в дело популяризации просветительской литературы Великобритании внес известный писатель, просветитель, журналист и переводчик Н. Новиков, также испытывавший на своем творчестве (журналы «Трутень», «Пустомеля» «Живописец», «Кошелек» и др.) влияние просветительских идей британских предшественников. Образованные граждане России в XVIII в. смогли познакомиться с переводами трудов видных британских ученых — философа И. Бентама, экономиста А. Смита, математика и физика И. Ньютона, юриста У. Блэкстона, медика У. Бьюкена и других. Тем не менее, нам трудно согласиться с утверждением современного ученого А.И. Минаева о том, что Екатерина II «инициировала обращение отечественных интеллектуалов к политическим процессам, происходившим в «Туманном Альбионе»⁸¹. Подобный вывод автор делает на основа-

⁷⁹ Кросс Э. Указ. соч. С. 293.

⁸⁰ Левин Ю.Д. Восприятие английской литературы в России. Л., 1990. С. 47—49.

⁸¹ Минаев А.И. Британский парламентаризм и общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVIII—начало XX веков. Рязань-Москва, 2008. С. 95.

нии знакомства императрицы с переводом труда известного британского юриста Блэкстона. При этом Минаев приводит слова самой Екатерины, заявлявшей: «Я ничего не делаю из того, что у него в книге. Но это для меня пряжа, которую я разматаю по-своему»⁸². В действительности, более активный интерес императрица проявляла к государственному устройству Франции. Ее многолетняя переписка с Вольтером, многочасовые беседы с Д. Дидро, восхищение трудами Монтескье и других просветителей свидетельствовали скорее о «французских» предпочтениях Екатерины, нежели «британских». Не случайно, из 527 статей ее «Наказа» более 250 были позаимствованы у Монтескье⁸³! В английском же «наследии» императрицу более интересовала сентиментально-нравоучительная журналистика, да дидактическая литература. Показательно, что из трудов Дж. Локка своим вниманием императрица удостоила лишь его «Мысли о воспитании».

Усилия российских монархов, направленные на «европеизацию» русского народа, постепенно начинали приносить свои плоды. «С полвека уже все привыкли подражать иностранцам — одеваться, жить, меблироваться, есть, встречаться и кланяться, вести себя на бале и на обеде, как французы, англичане и немцы, — свидетельствовал французский посланник. — Все, что касается до обращения и приличий, было перенято превосходно. Женщины ушли далее мужчин на пути совершенствования. В обществе можно было встретить много нарядных дам, девиц, замечательных красотою, говоривших на четырех и пяти языках, умевших играть на разных инструментах и знакомых с творчеством известнейших романистов Франции, Италии, Англии... Обычаи, введенные Екатериной, придали такую приятность жизни петербургского общества, что изменения, произведенные временем, могли только вести к лучшему»⁸⁴.

Естественно, что обращение к западноевропейским образцам предусматривало исключительно позитивные их характеристики, что не могло не привести к искажению объективной картины представления о Западе и его культуре в целом. Современный ученый Л. Черная справедливо утверждала: «Мифологизированный Запад стал образцом для подражания, школой цивилизованного бытия, собранием идеальных человеческих типов. Это был, конечно же, искаженный, но цельный и привлекательный образ, повлиявший на формирование не одного поколения российских дворян»⁸⁵.

Глубоко укоренившееся при Екатерине западное влияние во многих сферах культурной жизни российского общества способствовало также ис-

⁸² Там же.

⁸³ Ключевский В.О. Западное влияние в России после Петра // Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 46.

⁸⁴ Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 329.

⁸⁵ Черная Л. Образ «Запада» в русской культуре XI—XVII вв. // Россия и Запад. Диалог или столкновение культур? (Сб. статей). М., 2000. С. 44.

чезновению столь распространенного в петровские времена явления, как ксенофобия. Теперь иностранцы, свидетельствовал Сегюр, «принимаются в России с самым внимательным гостеприимством»⁸⁶. Более того, преклонение перед западной (в том числе британской) культурой и подобострастное отношение к иностранцам стало заметным явлением в среде политической российской элиты. Дело порой доходило до того, что великосветское общество начинало презирать все русское. Дипломат екатерининской эпохи граф А. Воронцов отмечал: «Россия — единственная страна, где пренебрегают изучением своего родного языка и всего, что касается страны, в которой люди родились на свет... Те жители Петербурга и Москвы, которые считают себя людьми просвещенными, заботятся о том, чтобы их дети знали французский язык, окружают их иностранцами, дают им дорого стоящих учителей танцев и музыки, но не учат их родному языку, так что это ... воспитание ведет к совершенному незнанию родины, к равнодушию и даже презрению к стране, с которой неразрывно связано наше существование, и к привязанности ко всему, что касается нравов чужих стран»⁸⁷.

Преклонение перед западной культурой и подобострастное отношение к иностранцам к концу XVIII века становится заметным явлением в среде политической элиты. Однако, пропитавшись западной культурой и провозгласив себя европейским государством, Россия, в глазах европейцев, таковым отнюдь не стала. Запад, в том числе и Великобритания, по-прежнему продолжали видеть в ней «варварскую» страну. Британский ученый М. Андерсон отмечал: хотя англичане относились к екатерининской России с уважением, восхищением, а порой и с опаской, чего не бывало при Петре I, однако, они по-прежнему были далеки от мысли рассматривать русский народ как цивилизованный, и никакие, даже самые блестящие достижения царицы не могли переменить их мнения в том, что Россия являлась действительно европейской державой⁸⁸. Естественно, что подобное отношение западных держав, в том числе и Великобритании, к России не могло нравиться Екатерине. После того, как Россия отказалась выступить в качестве «естественного союзника» Великобритании в войне с ее североамериканскими колониями, в отношениях двух держав наступила полоса охлаждения, сопровождавшаяся новым приступом русофобии в Великобритании и неприкрытым недовольством англичанами со стороны российской императрицы и ее двора.

Подводя итоги, можно заключить следующее. Западное влияние в культурной жизни России стало очевидным уже в XVI веке. Предпочтение со стороны царя и его ближайшего окружения отдавалось британ-

⁸⁶ Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 337.

⁸⁷ Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век. М., 1914. Ч. I. От Петра I до Екатерины II (1698—1761 гг.). С. 390.

⁸⁸ Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia. 1553—1815. L., 1958. P. 102, 105, 142.

цам, поскольку Московское государство в ту пору находилось во враждебном окружении. Естественно, что Иван Грозный, а затем и Борис Годунов были признательны англичанам за их «прорыв блокады». В результате зарождение англomanии и англофильства в годы правления этих царей явилось закономерным и объективным процессом. По мере укрепления позиций Русского государства на мировой арене и расширением контактов со странами Запада в XVII в. наблюдалось усиление влияния европейской, в том числе британской культуры на политическую элиту России. В XVIII в. западное влияние в целом заметно прогрессировало. Особенно подвержен ему оказался Петр I. Его реформаторская деятельность во многом была инициирована британцами и имела в своей основе английскую «модель». Потому, на наш взгляд, имеются все основания причислять царя и его ближайшее окружение к англоманам или англофилам. В правление Екатерины в среде правящей элиты особенно ощутимую роль играла французская культура. Ее воздействию во многом оказалась подвержена и сама императрица. В этой связи утверждения ряда историков об англomanии (даже «широко распространенной англomanии») и англофильстве, якобы господствовавших в России при Екатерине II, нам представляется малоубедительными. Ни особого преклонения перед всем английским, ни стремления какой-либо части общества поддерживать во всем английские интересы, и уж тем более никакого перенесения элементов английского стиля жизни на русскую почву (трактовка Е.В. Потемкиной) в правление Екатерины II в России обнаружить не удалось.

Добавим, знакомство российского общества с западной культурой на протяжении XVI—XVIII вв., с одной стороны, обогащало его достижениями передовой науки, техники, знаниями прогрессивной общественно-политической мысли, а с другой — способствовало расколу самого общества. Западное, в том числе британское, влияние распространялось по преимуществу на высшие слои общества, основная же его часть по-прежнему оставалась верна своим историческим корням — вере, традициям и укладу жизни. Как справедливо отмечал известный ученый Н.Я. Данилевский, насильственный переворот русской жизни на иностранный лад, «европейничанье», по его меткой характеристике, усилившийся при Петре I, привел к расколу народа на два слоя: «Низший слой остался русским, высший сделался европейским — европейским до неотличимости»⁸⁹. И подобный раскол общества в последующие столетия не только не был преодолен, но еще более углубился, что и послужило, в конечном итоге, одной из причин, приведших к событиям 1917 года.

⁸⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Изд. 6-е. СПб., 1995. С. 225—226, 232.

Ни мира, ни войны. Джордж Фрост Кеннан о России и русских без «дури» и предубеждений

С некоторых пор удивительные вещи происходят с американской историографией холодной войны. Триумфализм отступает вместе с открытием того, что развал Советского Союза не воспринимается большинством россиян как «славная революция» с американского благословения по американскому образцу. Упрощенный взгляд на события и кризисные ситуации многолетней давности уступает место вдумчивому обхождению с фактами, рассмотрению их в неоднозначном «пространстве времени», вобравшим в себя главные черты эпохи с ее рассредоточением центров силы и смыслов.

Поток мемуарной литературы, публикация до последнего времени закрытых документальных материалов радикальным образом изменили познавательную ситуацию. Сегодня позволительно говорить о формировании новой истории холодной войны, когда речь должна идти не о коррекции тех или иных представлений, а о пересмотре принципиальных суждений о мотивации главных субъектов мировой политики, Вашингтона и Москвы в бесчисленных коллизиях и «перезагрузках» эры «на грани войны». И в этой связи важно отметить факт необычайного роста популярности частных архивов государственных деятелей, политиков и дипломатов эпохи холодной войны. Некоторые из них приобретают совершенно уникальное значение для понимания процессов, происходивших так сказать на клеточном уровне, заполняющих пустоты, вступающих зачастую в противоречие со ставшей уже канонической идеей причинности, а priori назначающей виновных и их антагонистов.

К их числу принадлежит огромный архив Джорджа Фроста Кеннана — фигуры без преувеличения знаковой в истории дипломатии и советско-американских отношений периода холодной войны и не только. Правда, использование бумаг Кеннана при его жизни долгое (1904—2005 гг.) носило ограниченный характер, что ставило его биографов в неравные условия. Особняком стоит изданная в 2011 г. фундаментальная книга историка-постревизиониста Джона Льюиса Гэддиса, получившего свободный доступ к дневниковым «заметкам-размышлениям» Кеннана и к его переписке с родными, находящимися в их собственности. Эта своеобразная

монополия вызывает раздражение критиков, справедливые нарекания которых касаются и существа многих проблем и сбалансированности в передаче ключевых моментов в карьере героя жизнеописания¹. По нашему мнению, все это имеет принципиальное значение.

В появившемся в книжных магазинах США, как выразился рецензент очень влиятельного журнала "Foreign Affairs", «авторитетнейшем и авторизованном» исследовании Джона Л. Гэддиса «Джордж Ф. Кеннан: американская жизнь»² центральное место занимает тема дебюта летом 1947 г. малоизвестного тогда дипломата в качестве творца внешнеполитической стратегии США. Именитый автор, пожалуй, самой полной биографии Кеннана, уделил особое внимание ключевому отрезку в жизнедеятельности почитаемой им «дипломатической Кассандры» — дипломата, ученого-историка и публициста³.

Останавливаясь на очень важном, хотя и кратковременном, этапе насыщенной новым опытом преподавательской деятельности Кеннана в Национальном военном колледже после временного прерывания прямых

¹ См. *Costigliola F.* Is This George Kennan? // *The New York Review of Books*. 08. 12. 2011;

² *Thompson N.* Ideas Man. The Legacy of George Kennan // *Foreign Affairs*. January/February 2012. Vol. 91. № 1. P. 148. Новая книга Гэддиса заслуживает специального внимания, прежде всего, как источник по истории холодной войны. Исследование, базирующееся на скрупулезном изучении рукописного наследия Джорджа Фроста Кеннана, его дневников и писем, отняло у историка почти три десятилетия, проведенного в постоянном живом общении с самим Кеннаном и с людьми, входившими в его семейный круг. Все эти контакты не могли не отразиться на общих представлениях самого Гэддиса, сблизив его вновь с ревизионистами (*Gaddis J.L.* George F. Kennan: an American Life. N.Y., 2011).

³ Личность Кеннан и его деятельность как дипломата и историка в последние десятилетия породили значительную литературу. Назовем только наиболее заметные труды, вышедшие в США: *Gellman B.* Contending with Kennan: Toward a Philosophy of American Power. N.Y., 1984; *Mayer D.* George Kennan and the Dilemma of US Foreign Policy. N.Y., 1988; *Hixson W.L.* George F. Kennan. Cold War Iconoclast. N.Y., 1989; *Stephanson A.* Kennan and the Art of Foreign Policy. Cambridge, 1989; *Miscambe W.D.* George Kennan and the Making of American Foreign Policy, 1947—1950. Princeton, 1992; *Harper J.L.* American Vision of Europe: Franklin D. Roosevelt, George F. Kennan, and Dean Acheson. N.Y., 1994; *George F. Kennan and the Origins of Eisenhower's New Look* / ed/ by W.B. Pickett. Princeton, 2004; *Kuklick B.* Blind Oracles. Intellectuals and War from Kennan to Kissindger. Princeton, 2006; *Congdon L.* George Kennan: A Whiting Life. Washington (Del.), 2008; и др. Отечественные историки также уделяют фигуре Кеннана серьезное внимание. Из работ последнего времени могут быть названы следующие, написанные на документальной базе: *Болховитинов Н.Н.* Полвека спустя. Послесловие к статье Кеннан Д.Ф. Америка и русское будущее // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 94—98; *Мальков В.Л.* Неизвестный Кеннан. Заметки о морфологии мышления дипломата // Россия XXI. 2003. № 4. С. 136—169; *Печатнов В.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006. С. 412—658; *Орлик И.И.* Уроки Джорджа Фроста Кеннана // Вестник Института Кеннана в России. 2008. Вып. 14. С. 76—88.

контактов с дипломатической службой, Гэддис пишет, что прошедшего нелегкую школу в предвоенной и военной советской столице молодого американского дипломата увлекла идея «заложить интеллектуальные основы американской большой стратегии, которая способна была бы противостоять советскому вызову»⁴. Амбициозная цель потребовала раскрепощения воображения от мифов до домыслов равно как и вхождения в глубь проблемы России и русских на историческом и социокультурном материале. Давнее увлечение Кеннана русской этничностью, классической литературой и общественной мыслью, знание советских реалий ставили его вне конкуренции не только в дипломатическом ведомстве, но и среди доморожденных советологов в университетских и журналистских кругах, пребывающих во многих случаях в плену унаследованной от эпохи коалиционной войны представлений об особой агрессивной направленности геостратегических планов Советского Союза, воинственном антизападничестве и коварстве его руководства. “Enemy studies” только начинали свое хождение по университетам и научным центрам США, но общая атмосфера в кратчайший срок оказалась отравленной взаимным недоверием и окарикуатуриванием образа «Другого»⁵.

Кратковременный опыт преподавания заставил Кеннана поверить в свои силы и призвание осуществить миссию общенационального толкователя «правильного понимания» необходимости смены внешнеполитического курса, избегая, впрочем, сваливания в крайности. Иными словами, оставляя прошлому память о Рузвельте, но не возводя в принцип «легально-моралистический» тон, усвоенный американской дипломатией и не грозя потенциальному противнику беспощадной расплатой за притязание стать вровень с Америкой в конкурентной борьбе за мировое лидерство⁶. Востребованность новой поросли в кругах аналитиков пришла не сама со-

⁴ Gaddis J.L. Op. cit. P. 249.

⁵ Одним из самых интересных и содержательных исследований на эту тему с привлечением внимания читателя к имени Джорджа Фроста Кеннана как последовательного оппонента журналистских «фантазий» и вульгарных пасквилей на происходившие в послевоенном СССР события является книга Д. Фогласонга (см. Foglesong D.S. The American Mission and the “Evil Empire”. A Crusade for a “Free Russia” since 1881. Cambridge, 2007. P. 107).

Стоит привести один фрагмент из этого неординарного исследования, чтобы понять, на какую глубину уходили культивируемые пропагандой официальной и неофициальной, частной мисперцепции американцев в отношении облика русских, их образа жизни, ментальности и политических убеждений. Д. Фоглесонг пишет: «Между развалом Великой коалиции и смертью Сталина в 1953 г. Целый сонм американских интеллектуалов, журналистов, политиков и государственных чиновников вдохновенно вели агрессивную пропагандистскую кампанию и энергичные тайные операции, направленные на освобождение Восточной Европы и Советского Союза от сталинской тирании» // Ibid. P. 109.

⁶ См. Hixson W.L. George F. Kennan. Cold War Iconoclast. N.Y., 1989. P. 32—35.

бой. Лекциям Кеннана в Национальном военном колледже предшествовала ставшая событием в дипломатии холодной войны «длинная телеграмма», посланная из Москвы 22 февраля 1946 г., в которую новый медиатор по части русской истории вложил, если воспользоваться точным определением Гэддиса, самостоятельно выработанное им «историческое постижение прошлого, которое позволяло ему предвосхищать будущее»⁷.

Согласно канонической версии сделавшая Кеннана (тогда временно поверенного в делах США в СССР) знаменитым «длинная телеграмма» была напрямую связана с первой большой послевоенной речью И.В. Сталина в Большом театре 9 февраля 1946 г. на собрании по случаю выборов в Верховный совет СССР. В американской (и не только) печати эта речь получила однозначную оценку, как призыв «к оружию». Однако из того, что мы узнаем сегодня у Гэддиса, она оставила Кеннана в первое время абсолютно невозмутимым⁸. Заметим, кстати, что в своих мемуарах, опубликованных в 1967 г., говоря об обстоятельствах происхождения «длинной телеграммы», Кеннан вообще не сказал ни слова о всполошившей западную прессу речи генералиссимуса. Он не спешил реагировать на всеобщий раздражитель, поскольку, по его мнению, в речи не было ничего существенного, что могло бы своей воинственностью привлечь внимание и тем более насторожить государственный департамент. В Вашингтоне знали, что Советский Союз слишком слаб, чтобы пойти на риск провокационных выпадов против Соединенных Штатов, располагающих атомным оружием⁹.

Существенно подкорректировав себя самого и своих многочисленных оппонентов (таких, например, как его личный критик слева М. Леффлер)¹⁰, Гэддис переводит внимание на Вашингтон, где президент Трумэн и видные чиновники госдепартамента вкупе с непреклонными сверхпатриотами решили открыть публике глаза на глубоко спрятанные между строк скрытые угрозы и антизападное жало сталинской речи, придав ей «эффект от выстрела по форту Самтер»¹¹. Деятели новой администрации Трумэна вроде министра военно-морского флота и в скором времени министра обороны Джеймса Форрестала увидели в ней чуть ли не объявление третьей мировой войны¹².

⁷ Gaddis J.L. Op. cit. P. 215.

⁸ Ibid. P. 216.

⁹ См. Kuklick B. Op. cit. P. 37.

¹⁰ См. Leffler M. A Preponderance of Power. National Security the Truman Administration and the Cold War. Stanford, 1992. P. 108. В своей работе, непосредственно предшествующей биографии Кеннана, Гэддис, останавливаясь на генезисе «длинной телеграммы», писал о «непримиримости» Москвы, возмущившей Запад и вынудившей его в качестве ответной меры изменить свою внешнеполитическую стратегию (см. Gaddis J.L. The Cold War. A New History. N.Y., 2005. P. 29).

¹¹ Gaddis J.L. George F. Kennan: an American Life. P. 217.

¹² The Forrestal Diaries / Ed. by W. Millis. N.Y., 1951. P. 135, 136.

В передаче Гэддиса Кеннан, оставшийся после отъезда Гарримана в посольстве США в качестве поверенного в делах, непростительно запаздывал с реакцией на запрос Вашингтона и своих непосредственных кураторов в госдепе. «Молчание Кеннана, — пишет Гэддис, проштудировав дневник дипломата и проинтервьюировав ближайших его коллег, жаждающих видеть в первой же публичной речи Сталина торчащие уши антизападничества и сигнал к началу информационной войны, — поразило Э. Дюрброу (видного чиновника госдепартамента и приятеля Кеннана, — В.М.) и не только его одного»¹³. Вскоре Кеннан понял, что от него хотят и преодолевая хворь, сомнения в способности изложить в краткой депеше наблюдения за много лет, принялся за диктовку. Непомерно длинная телеграмма в пяти частях («как протестантская проповедь восемнадцатого века»)¹⁴ 22 февраля 1946 г. была отослана с Моховой улицы в Москве в Вашингтон. Кеннан опасался, что его упрекнут в злоупотреблении вниманием руководства слишком подробным описанием традиций и особенностей русской истории и русского менталитета. Но в учреждениях на берегах Потомака никто и не ждал отписки в духе еще одной служебной записки в каждодневном потоке бумаг из посольства в адрес Белого дома или руководства госдепартамента, предельно лаконичных по форме, но часто малосодержательных по существу.

Текст «длинной телеграммы» (примерно из 8 тысячи слов)¹⁵ был составлен Кеннаном в соответствии с дошедшими до него «пожеланиями» из Вашингтона, в ставшей характерной для ее автора академической манере и уклоном в сторону системного анализа ключевых проблем американской дипломатии. Свои наблюдения и выводы относительно Советского Союза, его внутренней жизни и внешней политики Кеннан, условно говоря, рассредоточил «по полкам», в целях более полного постижения, как он сам писал, «мистической России» на переломе от войны с гитлеризмом к хрупкому расколотому миру. В сущности, поручение срочно дать анализ советской внешней политики в связи с речью Сталина 9 февраля 1946 г. было одним из таких, отнюдь не первым и не последним толчком к выполнению давно поставленной им самим большой и сложной задачи. Строительным материалом для нее послужили черновые наброски, написанные впрок и ждущие своего времени с тем, чтобы быть использованными для понимания русскости и русских в том числе.

Как и ожидалось, в суждениях о советском строе, советской внешней политике и советском восприятии Запада в документе был выдержан в целом обвинительный уклон. Но Кеннан не был бы Кеннаном,

¹³ Gaddis J.L. George F.Kennan: an American Life. P. 217.

¹⁴ Ibid. P. 218.

¹⁵ См. текст «длинной телеграммы» — FRUS. 1946. VI. P. 696—709.

если бы и реалии Америки и прямо, и косвенно не подверглись бы им «пытающему взгляду критики». Это выразилось, в частности, в осуждении «истерического антисоветизма». Обосновывая политику «сдерживания» в отношении Советского Союза, Кеннан делал ударение, как еще раз подтверждает рецензент книги Гэддиса, не на угрозе применения США военной силы, а на дипломатии пополам с созданием реальных, многообразных препятствий для экономического развития и распространения влияния Советов на страны и территории, входящие в его геополитическую орбиту, в обозначенный Сталиным «пояс безопасности» СССР¹⁶. В телеграмме отсутствовало прогнозирование военного нападения Советского Союза на Запад ни в скором времени, ни в отдаленном будущем.

Гэддис описывает редчайший случай в истории дипломатии: всего одна отосланная из далекой столицы, ставшей враждебной страны, секретная депеша, сочиненная «сравнительно неизвестным дипломатом», превращается в базовый документ для новой глобальной стратегии США¹⁷. Едва получив телеграмму, государственный департамент немедленно разослал ее в свои представительства за рубежом, руководству военного и военно-морского ведомств, командованию воинских контингентов за пределами США, даже генералу Джорджу Маршаллу, который находился с особо важной миссией в Китае с целью урегулирования отношений между компартией Китая и Гоминданом. «Длинная телеграмма» оказалась на столе и у коллеги Кеннана, английского посла в Москве Фрэнка Робертса сразу же после того, как была получена в Вашингтоне. В кругах лондонской элиты в анализе Кеннана увидели только одно — подтверждение своих подозрений в отношении опасной амбициозности намерений Кремля. Обращенная к мировому общественному мнению Фултоновская речь Уинстона Черчилля (5 марта 1946 г.), не заставившая себя ждать, хотя и отличалась по тональности от помеченного грифом «секретно» сочинения для избранных Кеннана, вместе с ним, констатирует Гэддис, стала «воплощением истории холодной войны»¹⁸.

Самому Кеннану вряд ли понравилось бы это сравнение, хотя он сознавал, что именно он первым нажал на спусковой крючок. Из всех одобрительных откликов на свое сочинение «для служебного пользования» он благосклоннее всего отнесся бы к тем, в которых содержалась похвала проявленному им реализму без истерии. Как бы то ни было мотивы «советского поведения» официально Вашингтону показались вскрытыми до конца и ничего лучшего для объявления их доказательством

¹⁶ *Thompson N. Op. cit.* P. 149; *Сталин И.В.* Соч. М., 2011. Т. 16. Ч. 1. С. 169

¹⁷ *Gaddis J.L. George F. Kennan: an American Life.* P. 227.

¹⁸ *Ibid.* P. 225.

существования гигантского «коммунистического заговора» против Запада не существует. Совершенно неожиданно, как позднее с горькой иронией писал он сам, его «педагогические усилия» были признаны образцовыми, исключительно полезными и достойными подражания¹⁹.

После возвращения в апреле 1946 г. в Соединенные Штаты и перехода в качестве «прикомандированного» дипломата на преподавательскую должность в Национальном военном колледже в Форте МакНейр (г. Вашингтон) Кеннан вскоре же становится популярным лектором и участником закрытых семинаров и многочисленных «круглых столов» в правительственных учреждениях и исследовательских центрах²⁰. Он в высшей степени востребован и узнаваем, что позволяет ему быть весьма свободным в общении с условно говоря первичным составом советологов в гражданском платье и военных мундирах. Пропаганда идеи «сдерживания» Советского Союза становится официальным брендом мероприятия, инициированного и оплаченного госдепартаментом. Однако Кеннан стремился отстоять свое право на озвучивание вариаций на заданную тему и не связывал себя прочно вошедшими в обиход благодаря средствам массовой информации «страшилками».

Мы узнаем из книги Гэддиса, что толчком к переосмыслению его (Кеннана) собственных выводов о глобальной миссии США была атомная бомбардировка японских городов Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 г. Кеннан начал знакомиться с первыми серьезными размышлениями об этом новом явлении в мировой политике и военном деле, когда в руках у него оказался вышедший в 1946 г. сборник статей под редакцией Йельского профессора Бернарда Броди «Абсолютное оружие: атомная энергия и мировой порядок»²¹. Книга наводила на грустные размышления. Дипломата, склонного к религиозной афористичности, поразил вывод, сформулированный одним из авторов сборника и звучавший как библейское послание: «Лучший способ избежать ядерной войны можно только поставив войну под запрет..., лучший способ запретить войну — это быть готовым прибегнуть к ядерному оружию».

Присоединение Кеннана к принципиально новому пониманию неприемлемости военных рисков в эпоху ядерного оружия — он называл его «самоубийственным» — отражало нечто большее, чем подавленность перед

¹⁹ Kennan G.F. *Memoirs 1925—1950*. Boston—Toronto, 1967. P. 294; Gaddis J.L. *George F. Kennan: an American Life*. P. 229.

²⁰ Подробно о всех обстоятельствах появления «длинной телеграммы» в контексте размышлений Кеннана о Советском Союзе и его лидерах см. в его мемуарах (Kennan G.F. *Memoirs 1925—1950*. P. 271—297). Дальнейшая полемика вокруг изложенных в них постулатов раскрыта в кн.: Печатнов В.О. Уолтер Липпман и пути Америки. М., 1994. С. 214—239

²¹ *The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order*/ Ed. by B. Brodie N.Y., 1946.

картиной повторения новых Хиросим. Самым существенным изменением в связи с появлением атомного оружия Кеннан посчитал невозможность возвращения к стратегическому мышлению XVIII в.: абсолютную победу одерживает сильнейший, который и захватывает территорию врага. Что касается противоборства с Советским Союзом, то он для себя более или менее четко обозначил пределы конфронтационной политики и мер по утверждению чисто военного превосходства Америки в случае крайнего обострения конфликта интересов. Война немыслима. Нужно было обладать недюжинным мужеством, чтобы в момент погружения Америки в состояние послевоенного антисоветского невроза, получившего название маккартизма, в выступлениях в различных аудиториях ставить и развивать эти вопросы²², не останавливаясь перед критикой эгоистических схем контроля над ядерным оружием и безостановочного пополнения его запасов.

В лекциях перед кадетами Национального военного колледжа, интеллектуалами и бизнесменами во время «больших гастролей» по Соединенным Штатам с целью ознакомления американцев с «реалиями русской ситуации», Кеннан предупреждал своих слушателей не видеть ее сквозь розовые очки, но и не демонизировать Советский Союз понапрасну. В целом его обзоры и интервью носили преимущественно просветительский характер и были свободны, как он сам писал в отчете, от «алармистского взгляда на советско-американские отношения»²³. После Фултоновской речи Черчилля, шпионских скандалов, напряженности вокруг Ирана и Турции²⁴, твердо выраженными самим президентом Трумэном и его ближайшими советниками взглядов на мировую обстановку как на разделенную пропастью непримиримых идеологических разногласий («два образа жизни»), среду обитания послевоенных поколений людей, после публичного осуждения конгрессом жестов «умиротворения» тоталитарной власти Кремля²⁵ желание Кеннана рассматривать возможности «разруливания» ситуации, не прибегая к мерам

²² См. *Gaddis J.L. George F. Kennan: an American Life*. P. 234, 235.

²³ *Ibid.* P. 238.

²⁴ См. *Егорова Н.И.* «Иранский кризис» 1945—1946 гг. Взгляд из российских архивов // *Холодная война. Новые подходы, новые документы* / Отв. ред М.М. Наринский. М., 1995. С. 294—313; *Кочкин Н.В.* СССР, Англия, США и «турецкий кризис» 1945—1947 гг. // *Новая и новейшая история*. 2002. № 3. С. 58—77; *Гайдук И.В.* В лабиринтах холодной войны: СССР и США в ООН 1945—1965 гг. М., 2012. С. 73—100. Через много лет Кеннан признает ложность многих пережитых страной военных тревог. О наделавшем много шума «турецком кризисе» Кеннан писал в своих мемуарах: «Туркам нечего было страшиться, кроме самого страха... Важно признать, как я полагаю, что советская угроза была тем, чем она была на самом деле — преимущественно политической опасностью, а не угрозой военного нападения...» (*Kennan G.F. Memoirs 1925—1950*. P. 316, 317).

²⁵ См. *Leffler M.P. A Preponderance of Power*. P. 100.

военного характера, выглядело далеко не для всех одинаково оправданно. Консенсусная психология брала верх. Призыв отдать предпочтение разным формам дипломатического давления, контрпропаганде и подрывной деятельности перед прямолинейными военными акциями мог не понравиться в первую очередь высшему командованию вооруженных сил США, вплотную занятому подготовкой военных баз в мире для ведения глобальной (третьей) войны и военными демонстрациями²⁶.

Опасность созревала изнутри. «Нервозность Кеннана осенью 1946 г., — пишет Гэддис, — вызывало осознание того факта, что слишком мало американцев понимают различие между дипломатией и войной: считалось, что в случае неудачи первой немедленно должна разразиться война»²⁷. А между тем, полагал Кеннан, в эпоху ядерного оружия альтернативы дипломатии, политике по существу уже не могло быть. Придя к такому заключению, Кеннан настороженно отнесся к разгоравшемуся конфликту между Трумэном и рузвельтовскими либералами и, в частности, министром торговли, бывшим вице-президентом Г. Уоллесом, настаивавшем на продолжении «теплых отношений» с Советским Союзом²⁸. Раскол в обществе становился очень глубоким²⁹. Симпатии к Уоллесу, связавшему себя с поддержкой левых сил, Кеннан не разделял. Но, убеждал он своих слушателей, имеется богатый арсенал средств, в том числе и таких, которые опираются на «логику силы» и способны успешно воздействовать на Кремль. Оставаясь твердыми, жесткими и вместе с тем терпеливыми и рассудочными Соединенные Штаты, как подлинно лидирующая в мире держава, пошлют Сталину месседж, который сделает его покладистым, осторожным и главное заставит очень остро почувствовать уязвимость своей обороны. Признанием успеха турне Кеннана и с целью объяснения новой американской стратегии государственный департамент США в декабре 1946 г. на началах строгой секретности посылает его в Оттаву. Канадцы должны были знать, что после отставки Уоллеса, Бирнса, заявлений самого Трумэна о нежелании «нянчиться с Советами» Вашингтон не пойдет на уступки Москве, хотя будет избегать прямой конфронтации. Но Кеннан остался верным себе: Сталин не планирует внезапного нападения. И вообще оно едва ли возможно в ближайшие 10—15 лет³⁰.

Канадский визит Кеннана предшествовал важной в его биографии череде событий, окончательно закрепившей за ним роль ведущего, но, как

²⁶ Ibid. P. 113.

²⁷ Gaddis J.L. George F. Kennan: an American Life. P. 243.

²⁸ См. The Forrestal Diaries / Ed. by W. Millis. N.Y., 1951. P. 154, 155, 206—210.

²⁹ См. Печатнов В.О. От Джефферсона до Клинтона. Демократическая партия в борьбе за избирателя. М., 2008. С. 160—167; Он же. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940 г. М., 2006. С. 438, 439.

³⁰ Gaddis J.L. George F. Kennan: an American Life. P. 246.

выяснилось, далеко не всегда удобного авторитета по части анализа «русской ситуации». Лучше узнав положение в американской глубинке, Кеннан неизменно заключал свои выступления тезисом о теснейшей связи внутренней и внешней политики. Само понятие «сдерживание» раскрывалось им, как сочетание превосходящей военной мощи с опережающим развитием американской модели общества, достижения им превосходства экономического, политического и морального над Москвой и социализмом.

Разномыслие усилилось к началу 1947 г. и совпало с приглашением Кеннану выступить 7 января в престижном Совете по внешней политике в Пратт Хаузе на 58 Ист 68 Стрит в Нью-Йорке. Через много лет Кеннан выразит сожаление, что выводы, в конечном счете сделанные из этого выступления, далеко разошлись с его намерениями. Хотя истины ради следует сказать, что в этом повинен был и он сам.

Краткий пересказ Гэддисом этого выступления Кеннана не дает полного представления о его сути и о той тональности, в которой проходила дискуссия в Пратт Хаузе 7 января 1947 г.³¹ Между тем в обмене мнениями приняли участие ряд видных специалистов по России, военных экспертов, публицистов, бизнесменов и дипломатов (Х. Болдуин, Р.Г. Вэссон, Ф. Альтшуль, Дж. Фишер, Дж. Робинсон, М. Флоринский и др.). Характер их вопросов и поднятые ими темы дали возможность Кеннану высказаться, не следуя заранее подготовленному плану, не устанавливая себе пределов дозволенного и недозволенного и не увлекаясь морализаторством. Стенограмма не велась, но запись дискуссии была сделана профессиональной рукой одного из участников заседания в Совете по внешней политике. Всегда взыскательный к себе Кеннан не был удовлетворен своими беглыми зарисовками советской жизни со всеми ее светлыми и темными сторонами, закрытостью и внутренней восприимчивостью к зарубежному опыту, недоверием к внешнему окружению и гибкостью в контактах с ним.

Но оказывается, рассуждения Кеннана, в которых слышались ностальгические нотки в связи с утратой им прямого контакта с культурой России, произвели должное впечатление на присутствовавших. Вскоре же последовало предложение видного журналиста-международника Гамильтона Фиша Армстронга, главного редактора печатного органа совета журнала «Foreign Affairs» выступить на страницах авторитетного журнала и поделиться с его читателями своими размышлениями о России, русских и советско-американских отношениях. Но речь не шла о простом воспроизведении лекции для избранной аудитории вроде той, что участвовала в дискурсе 7 января 1947 г. Кеннану предлагалось выступить анонимно (он числился сотрудником государственного департамента) с программной статьей. Она должна была соответствовать замыслу оказывающего

³¹ Ibid. P. 250, 251.

ее автору покровительство влиятельного члена администрации Трумэна министра военно-морского флота Джеймса Форрестала. Было гарантировано одобрение цензурной комиссией госдепа. Кеннан дал согласие, все же остальное происходило как бы помимо него, включая (как можно понять из мемуаров самого Кеннана) и предложение о названии для статьи в июльском номере "Foreign Affairs" за 1947 г.³² В журнальном варианте «длинная телеграмма» должна была называться «Источники советского поведения». Доведение текста дипломатической депеши до кондиции программной статьи, проделанная кем-то редакционная правка не прошли гладко и без каких-либо досадных потерь для авторского достоинства. По крайней мере, такое впечатление вынес сам Кеннан, вчитавшись в нее и с неудовольствием обнаружив сходство статьи «Х» с текстом выступления президента Трумэна 12 марта 1947 г. («доктрина Трумэна»).

Он считал, что статья «Х», авторство которой вскоре было раскрыто, сыгравшая в его личной судьбе и в обосновании новой внешнеполитической стратегии США важнейшую роль, содержала «несомненно немало серьезных недостатков»³³. Среди основных и самых серьезных Кеннан назвал крен в сторону военного понимания «сдерживания» Советского союза, как готовности прибегнуть к силе или угрозе силой³⁴.

Итак, Кеннан не был всегда свободен в своих суждениях о том, какими должны быть отношения США с Советским Союзом сразу после Второй мировой войны, когда продвижение национальных интересов Америки приобрело глобальный и по нарастающей наступательный характер. Позднее он самокритично признал это в своей опубликованной в 1986 г. статье «Мораль и внешняя политика»³⁵. В более подходящей обстановке академической дискуссии, когда Кеннан мог чувствовать себя раскованным и не робеющим перед оком внутреннего цензора, он позволял себе разнообразие приемов, тонов и полутонов в передаче своего

³² Kennan G.F. Memoirs, 1925—1950. P. 354—367.

³³ Ibid. P. 357. Возникшая смысловая и понятийная путаница не была преодолена и самим Кеннаном, поскольку он уже в апреле 1947 г. оказался на острие служебных обязанностей главы Отдела планирования политики госдепартамента и вынужден был колебаться между сомнениями в реальной агрессивности Советского Союза и казавшимися сверхубедительными доводами своих коллег — дипломатов, военных, ученых, жаждущих подвигов в борьбе с мировым коммунизмом. Успешную попытку разобраться в «уловках разума» автора доктрины «сдерживания» предпринял В.О. Печатнов (см. Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн. С. 589—638).

³⁴ Kennan G.F. Memoirs, 1925—1950. P. 358, 359.

³⁵ Kennan J.F. Morality and American Foreign Policy // Foreign Affairs. Winter 1985—1986. P. 205—218. Российскому читателю эта статья стала известна сравнительно недавно благодаря публикации И.И. Орлика (см. Кеннан Дж. Мораль и внешняя политики // Мир перемен. 2009. № 1. С. 81). Ей предпослана краткая, но содержательная статья самого И.И. Орлика «В назидание американским президентам... и не только» (там же. С. 68—72).

отношения к России довоенной и послевоенной, прибегая к более или менее жесткому тону вплоть до разрыва с консенсусным мышлением сторонников воинствующего антисоветизма. Содержание выступления 7 января 1947 г. более всего напоминает свободный, не скованный формальными обязательствами разговор с достаточно подготовленными слушателями, заинтересованными услышать не привычные изобличения сталинского деспотизма и его экспансионистских планов, а трезвую оценку советской модели развития, ее сильных и слабых сторон.

Выступления Кеннана и участников дискуссии в Пратт Холле 7 января 1947 г. не стенографировались. Велась запись, в ходе которой были допущены некоторые сокращения, а, возможно, незначительные искажения и даже стилистические небрежности. Естественно, перевод текста, осуществленный автором публикации, отражает все эти особенности, что ни в коей мере не затрудняет понимание его смыслового значения.

Файл «Россия»

Не для публикации

Конфиденциально

Отчет о дискуссии на тему «Советская внешняя политика»³⁶

Председатель: Уильям Х.Шубарт

Докладчик: Джордж Ф.Кеннан

Тема: Советское мышление и его влияние на советскую внешнюю политику.

Третий симпозиум

7 января 1947 г.

Краткое изложение дискуссии

Совет по внешней политике

58 Ист 68 Стрит Нью-Йорк 21

Аналитическая группа по советской внешней политике собралась на свое третье заседание в 7 час. вечера, в четверг 7 января 1947 г. в Гарольд Пратт Хауз для обсуждения темы «Советское мышление и его влияние на советскую внешнюю политику».

³⁶ Публикуемый документ в крайне ограниченном количестве копий был разослан членам Совета по внешней политике. В их числе был и небезызвестный Аллен Даллес, будущий директор ЦРУ, с которым Кеннан поддерживал доверительные отношения после возвращения из Москвы весной 1946 г. (Seeley G. Mudd Manuscript Library. Princeton, N.J. Allen W. Dulles Papers. Box 30. Council Report, January 7, 1947).

Присутствовали: Уильям Х.Шубарт, председатель; Джордж Ф.Кеннан, докладчик; Фрэнк Альтшуль; Хэнсон У.Болдвин; Джозеф Барнс; Эдвин де Т. Бетел; Джон С. Кэмпбелл; Джон Д.Куртис; Норрис Даррелл; Артур Х.Дин; Уильям Диболд-мл.; Стефен Дагген; Джон Фишер; Майкл Т.Флоринский; Джордж С. Франклин-мл.; Нантингтон Джил-Крист; Гарри Х.Харпер-мл.; Артур А. Хаугтон; Эдвин С. Хойт-мл., составитель отчета; Кларенс Э.Хэнтор; Грейсон Кирк; Фрэнсис У. Ла Фарг; Портер МакКивер; Чарльз П.Нойес; Альфред Огдон; Генри В. Пур; Эверетт Т. Кеннеди Стивенсон; Р.Гордон Вэссон.

М-р Шубарт представил м-ра Кеннана.

М-р Кеннан: Советское мышление и его влияние на советскую внешнюю политику.

М-р Кеннан начал свое выступление с замечания, что на обсуждаемый вопрос нет ясного ответа. Оглядываясь назад, он приходит к выводу, что участие в различного рода обсуждениях, он и сам высказывал на него различные точки зрения. Это многообразие возможных ответов показывает, что вопрос о влиянии советского мышления своими корнями уходит далеко вглубь, является сложным и тонким, что делает его непохожим на поведение человека.

Однако по возможности следует различать некоторые факторы, которые помогают разобраться в поставленном вопросе. Среди них три являются важными: 1) «идеология», 2) русские традиции и национальный тип мышления и 3) внутренние обстоятельства советского режима.

1. Идеология.

М-р Кеннан сказал, что под «идеологией» он понимает марксистско-ленинскую доктрину в том виде, в котором она сегодня выдвигается Кремлем. Марксистская доктрина не является движущим началом советских действий³⁷. Это движущее начало кроется значительно глубже. Мы подойдем к этому ближе в ходе дискуссии по поводу третьего фактора, обозначенного выше. Сочинения Маркса не содержали никаких рекомендаций для советских действий. Они имеют дело с переходом к новым условиям производства. Они не предусматривают во всех деталях принципов управления социалистическим государством будущего. Маркс не мог предвидеть, что его идеи будут подвергнуты испытанию в

³⁷ Смелое с учетом времени заявление Кеннана о вторичности идеологии для советской внешней политики совпадает с тем, в чем были убеждены два других видных дипломата США, непосредственно в довоенные и военные годы работавшие в СССР и по праву считавшиеся экспертами в своем деле — Аверелл Гарриман и Чарльз Болен (см. *Mark E. American Policy toward Eastern Europe and the Origins of the Cold War, 1941—1946: An Alternative Interpretation* // *The Journal of American History*. 1981. Vol. 68, № 2. P. 321—323). Оба они находились в тесном контакте и в дружеских отношениях с Кеннаном.

одной из самых слаборазвитых стран и что они будут навязаны сверху небольшой группой революционеров. Более того, даже Ленин никогда не мечтал, что диктатура пролетариата будет продолжаться много десятилетий, и он был разочарован, если бы предвидел это. Никаких детальных планов не содержится в учении Маркса и Ленина, и Кремль вынужден был играть свою мелодию на слух.

Тем не менее, идеология играет свою значительную роль. Прежде всего, она функционирует в качестве подобия внутреннего ока или призмы, сквозь которую советские комиссары обретают видение окружающего мира. Их образование не знает никаких других способов выражения. Старые большевики были группой весьма образованных людей. Но сегодня советский режим питается той картиной внешнего мира, которой живет новое поколение коммунистов, а у этой группы марксистско-ленинский жаргон пропитывает все дискуссии об объективной реальности.

Второе, идеология диктует форму, в которой должны быть представлены все решения Кремля. Преимущественно советская политика как бы остается незащищенной в глазах мирового сообщества, если ее лишить претензий на идеологическую значительность. По этой причине они при каждом повороте в политике должны на словах выражать преданность делу международного рабочего класса. Они никогда не должны быть слишком вежливыми или слишком сердечными в отношении буржуазных правительств и должны следовать мучительным путем между двумя крайностями. В этом объяснение нерешительности Советского Союза в формулировании им его политики и лаконичной формы, в которой он это делает.

И, наконец, нужно сказать, что идеология влияет на советский метод. В ней содержится главный принцип, который позволяет оправдывать используемые методы поставленной целью. Этот принцип не унаследован от Маркса и скорее обязан своим появлением глубинным особенностям русского менталитета. Он стал главным камнем преткновения между элементами русского революционного движения и был воспринят современным коммунистическим движением. Сегодня он является официальным принципом советского правительства.

Результатом стало отсутствие сдерживающих факторов в поведении советских лидеров. Очень часто их действия отличаются от криминальных поступков только благодаря соподчинению главной цели. Этот результат объясняет свободу режима от более гуманных и терпимых духовных качеств русского народа. Его лидеры не переносят этот дух и позволяют себе действовать без оглядки на этические соображения. Все это противоречит высокой морали русского народа³⁸.

³⁸ В этом заявлении Кеннана чувствовалось несогласие с распространенной после Второй мировой войны у американской либеральной интеллигенции тенденции

II. Национальные обычаи и традиции.

Воздействие национальных обычаев и традиций на советское мышление и советскую политику в Соединенных Штатах недооценивается. В действительности же существует удивительное постоянство в наших отношениях с Россией, которые следует рассматривать как проблемы текущего дня.

М-р Кеннан проиллюстрировал этот вывод, зачитав отрывки из донесений Нейла С.Брауна и Томаса Сеймура, американских представителей при царском правительстве в 1854 г. В этих донесениях отмечают проявление русскими страха перед иностранным влиянием, особые трудности в деле получения виз для путешествий в России, факт, что посланники оказались заподозренными в шпионаже, а их прислуга подвергнута расспросам в отношении того, что они привезли с собой. Они также жаловались на цензуру и на огромные трудности в получении информации. Оба посланника отмечали, что они сталкивались с превосходным умением со стороны правительства держать в напряжении иностранного представителя без предоставления ему какой-либо компенсации за доставленное ему беспокойство. Начиная с самой ранней своей истории Россия не знала миролюбивых и дружелюбно расположенных к ней соседей. Она вынуждена была воевать с ними со всеми. Ее договора всегда носили характер перемирия, диктуемого стремлением к передышке. Поэтому внешний мир представлялся в России в качестве враждебной силы, с которой мирное сосуществование невозможно.

В русском характере всегда присутствовала сильные признаки ксенофобии, уживавшейся бок о бок со славянским восхищением перед всем иностранным и подражательством ему. Это можно видеть в сочинениях Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Толстого и в нападении на немецкое посольство в 1914 г., а также на примере инцидентов, в которые были вовлечены американские представители в Москве.

Наконец следует сказать о традиционном мессианстве России в отношении пограничных государств. Это проявлялось в старой идее Святой Руси, простирающейся на все пространство, на котором царит православие. Во времена Ивана Грозного они говорили о Москве, как о «Третьем Риме». В их представлении не существовало никаких ограничений на распространение их власти, и они рассматривали Россию как страну, призванную завоевать весь мир.

Все эти традиции и верования вполне удачно сочетаются с современной советской идеологией. Идея Святой России находит свое ло-

видеть в сталинизме «азиатские» черты русского характера. Кеннан хорошо был знаком с такими ведущими пропагандистами этой версии как журналист и историк Уильям Чемберлин, дипломат Клинтон Де Витт Пул и др. (*Foglesong D.S. The American Mission and the "Evil Empire". P. 120, 121).*

гичное продолжение в идее неизбежного конфликта с капитализмом; традиционная ксенофобия проявляется сегодня в преследовании «шпионов, предателей и саботажников»; концепция предопределения расширения России вполне отвечает концепции неотвратимости мировой революции.

III. Внутренние особенности советской власти.

Всем режимам парвеню всегда было свойственно сильное ощущение собственной небезопасности. В этой связи м-р Кеннан высказал предположение, что советское правительство может служить классическим примером. Оно постоянно опасалось двух противников, один из них был внутренним, а другой — внешним.

Из-за внутренней угрозы советский режим никогда не был в состоянии отказаться от применения силы. Он всегда действовал против интересов больших масс народа. Он всегда был в меньшинстве, оказывающим влияние на волю большинства, на диктатуру пролетариата, действующую в лучших традициях большинства, но посредством решений, навязанных сверху.

В России всегда существовала внутренняя оппозиция, и она всегда рассматривалась как враждебная сила. Поэтому внутренняя безопасность всегда являлась главной заботой Кремля, и весь аппарат власти был настроен в соответствии с признанием существования внутренней оппозиции. Органы правительства, которые не выполняли непосредственных задач обеспечения безопасности, сокращаются, а те, которые служат этой задаче, стали сегодня самыми важными правительственными органами.

Однако советское правительство не в состоянии признать существование широкой оппозиции. Отсюда внутренняя угроза всегда объяснялась, как отражение внешней угрозы. Лица, которые были подвергнуты чисткам, представлялись в качестве агентов иностранных государств. Таким образом, внешний враг является официальным прикрытием мер, предпринимаемых против врага внутреннего.

Немцы и японцы всегда несли с собой внешнюю угрозу. В других случаях реально существовала организованная враждебная деятельность, которую всегда можно было устранить путем самых элементарных мер примирения и доброжелательства. Однако несмотря на разного рода виды внешней опасности русскому народу никогда не предлагались разные варианты ее объяснения. Судебные процессы 1930-х годов изображали французский генеральный штаб в тех же злокозненных тонах, в которых позднее были обрисованы действия германского генерального штаба. Режим медлил с признанием угрозы со стороны Германии в 1930-х годах, в то время как всячески продолжал подчеркивать значение англо-американской капиталистической оппозиции.

Внешняя угроза была логичным и неизбежным элементом советской системы мышления. Если бы ее не существовало, ее следовало бы выдумать. Однако субъективно, по крайней мере для членов советского режима она была реальностью. Но идея внешней угрозы и враждебного окружения России не является принадлежностью советских лидеров. Она имеет важное значение и для каждого, находящегося на более низкой ступени иерархии в тайной полиции или в партийной бюрократии, потому что если внешний мир не является враждебным, он и его организация лишаются смысла существования. Этот факт подтверждает принцип диалектического материализма, согласно которому идеология вытекает из глубочайших социальных и политических реалий, а не наоборот.

М-р Кеннан подчеркнул, что нет ни капли сознательного лицемерия или цинизма в этих доктринах. Русские без сомнения твердо убеждены, что они являются верными последователями Маркса, Ленина и мировой революции. Следует признать, что эти люди являются фанатиками. Как утверждал Гиббон³⁹, существует только один небольшой шаг от энтузиазма до обмана.

Обращаясь к коннотации этих черт советского образа мышления, м-р Кеннан не находит причин для уныния. Он полагает, что другие черты русского характера создают идеальную возможность для США и других стран сдерживать русскую силу, если это будет делаться (*courteously*) тактично, не провокационным образом и достаточно продолжительное время — одним словом так, чтобы содействовать внутренним изменениям в России. Если эти изменения произойдут, никто не будет им более рад, чем сами русские.

М-р Кеннан полагает, что нет необходимости в проведении «жесткой политики». Вместо этого нам следует проводить исполненную достоинства и самостоятельную политику в мире. Если мы продемонстрируем, что наши цели бескорыстны и что мы способны их мужественно отстаивать, русские никогда не решатся бросить нам вызов.

Но к русским нельзя подходить, как пытается нас убедить м-р Уоллес, на основе личных отношений, путем теплых рукопожатий и обволакивающих улыбок. Мы не имеем дела с личными капризами и характерами отдельных персон, речь идет о глубоко укоренившемся типе мышления, опирающимся на великую идею и взгляд на мир, который сформировался на основе опыта столетий.

Отвечая на вопрос м-ра Шубарта, м-р Кеннан сказал, что желание русского народа добиться изменений лежит ближе к поверхности, чем думают у нас в стране. Существует большое желание увидеть новое ру-

³⁹ Гиббон Эдуард (1737—1794) — английский историк, автор «Истории упадка и разрушения Римской империи», почитаемый Кеннаном.

ководство с новым подходом к проблемам и установить иные отношения с внешним миром. Отсюда отчасти понятно, почему сейчас в России происходит больше репрессий, чем прежде.

М-р Фишер выразил сомнение в отношении того, что русские заинтересованы в новом руководстве.

М-р Кеннан сказал, что хотя оппозиция не организована, в народе существуют моральная усталость и апатия. Он почувствовал недавно в России, что Кремль потерял контроль над духовными силами народа. Народ развил в себе сопротивление политической пропаганде. Когда от них требуют, они все еще будут маршировать по Красной площади, но уже сейчас совсем не чувствуется большого энтузиазма. С другой стороны, церковные праздники, хотя и не рекламируются, открыто привлекают все больше стихийно откликающихся на них и с энтузиазмом участвующих в них людей. Это не остается незамеченным в Кремле. Он чувствует угрозу оказаться в политическом вакууме, который вдвойне может стать опасным, если будет поддерживаться из-за рубежей России. Вот в чем причина возникновения «железного занавеса». Эмоционально поддерживаемая сила партийной доктрины, кажется, испарилась. Правительство вынуждено было обратиться к национализму как к ведущей силе с тем, чтобы довершить войну.

М-р Барнс заметил, что в последние три или четыре года русские власти позволили большому числу своих граждан установить контакты с внешним миром, чем это было прежде. Русские иностранные корреспонденты сейчас более многочисленны и более откровенны со своими коллегами, чем это было в начале 1930-х годов.

М-р Кеннан сказал, что умножение контактов русских с их коллегами за рубежом практически уравнивается фактом отсутствия иностранцев в России. Видимо, они пришли к выводу, что контакты за рубежом менее опасны.

М-р Стивенсон спросил м-ра Барнса, что он слышал о его русских друзьях-журналистах после того, как они возвратились на родину.

М-р Барнс ответил, что он получал письма из России.

М-р Стивенсон сказал, что он знает многих американских технических экспертов, которые писали своим русским друзьям, но не получили ответа.

М-р Франклин спросил м-ра Кеннана, что ему известно о других фактах, которые настраивают его на оптимистический лад относительно будущего наших отношений с Россией.

М-р Кеннан ответил, что с самых ранних времен столкновений с кочевниками русская дипломатия была чрезвычайно гибкой. Русские всегда давали понять, что готовы отступить. Они также своим поведением создавали уверенность, что очень осторожны в военном отноше-

нии, никогда не беря на себя обязательств, которые бы превышали их возможности. Когда они наталкивались на силу, в особенности на моральную силу, они признавали ее с усмешкой, но не обращали ее против вас. М-р Кеннан, однако, добавил, что он решительно отвергает надменность или препирательства в отношениях с русскими. Наоборот, нам следует тщательно оценивать их настроения. Однако мы ничего не достигнем путем глупых уступок русским без того, чтобы получить что-либо *quid pro quo* (равноценное взамен). Они подводят итоги каждый вечер, а утром заново определяют свои цели. Уступки, не поддающиеся объяснению, выводят их из равновесия и заставляют спрашивать с их представителей за неосведомленность о слабых сторонах вашей позиции. Они видят в вас искушенных оппонентов, которые не уступают, не получив что-либо в качестве компенсации. М-р Кеннан привел пример с американским судном, которое остро нуждалось быть поставленным в сухой док Мурманска. Советские власти отказались сделать необходимые распоряжения, командование военно-морским флотом заявило, что это дело наркомата внешней торговли, а наркомат внешней торговли в свою очередь заявил, что это компетенция военно-морского флота. Затем наркомат внешней торговли запросил американское посольство о групповой визе для 300 морских чинов с тем, чтобы принять несколько буксиров в США. И только путем задержки этой самой групповой визы и обмена ее на разрешение использовать сухой док мы смогли обеспечить ремонт американского судна в Мурманске. Чиновник, занятый этим делом, не мог представить это в виде любезности в отношении иностранного государства, пока он не смог показать, что СССР каким-то образом не получит что-то взамен.

М-р Вэссон сказал, что он находит затруднительным представить себе, как сочетаются мысль о русской ксенофобии с сообщениями путешественников в России XIX и XX веков (в особенности представителей компаний Интернационал Харвестер и Зингер) о том, что им было позволено путешествовать безо всяких ограничений, причем с ними обращались по-королевски. Нельзя также не сказать об интенсивных и близких по характеру интеллектуальных обменах между США и Россией в XIX столетии⁴⁰.

⁴⁰ Р. Гордон Вэссон, вице-президент банкирского дома «Дж. П. Морган» был очень близок к Кеннану и разделял его взгляды. Будучи женатым на русской женщине и возглавляя комитет, спонсирующий славянские исследования, Вэссон энергично противостоял мнению, что русские являются «азиатами». Он предпочитал их называть восточно-европейцами в противовес широко распространенному мнению, что народ Советского Союза ближе всего этнически и культурно стоит к монголам и индусам. Широко распространенная в то время в США точка зрения, что Америке и России просто не по пути из-за азиатского и византийского происхождения русского этноса (см. *Foglesong D.S. The American Mission*. P. 120, 121).

М-р Кеннан сказал, что обе тенденции существовали всегда бок о бок. Русские люди действительно были дружелюбно настроены к иностранцам, но русское правительство как царское, так и советское всегда пыталось подавить это чувство дружелюбия. Русская ксенофобия в реальности является официальной реакцией на дружелюбное отношение к иностранцам, которое широко распространено (в России. — В.М.).

М-р Флоринский заметил, что период с 1854 г. (именно в этот год появились донесения американских дипломатов, которые м-р Кеннан цитировал в своем выступлении) был отмечен ростом крайнего национализма в России, хотя наряду с этим в русской литературе проявился дух интернационализма. Но это чисто литературное явление не имело большого значения. Министр иностранных дел Нессельроде был рожден матерью католичкой и лютеранином отцом, а сам был членом англиканской церкви. Однако же он был одним из самых ярких представителей русского национализма.

М-р МакКивер сказал, что Объединенные Нации вынуждают русских подключаться к повседневной международной кооперации.

М-р Дагган остановился на существенном вкладе России в международное сотрудничество и инициативу в Гааге и в Лиге наций. Это относится и к настоящему времени.

М-р Кеннан высказал мысль, что во многих отношениях советское правительство является прямым наследником допетровской России. В 1917 г. Москва снова стала столицей, а русские границы снова оказались такими, как они были до Петра. Два века в Санкт-Петербурге стали периодом, когда режим оказался отрезанным от народа и не связанным с ним.

М-р Флоринский не согласился с этой точкой зрения. В его представлении советское правительство было ближе всего к режиму Николая I.

М-р Кирк полагает, что советское правительство было вытеснено из международного сотрудничества после революции. Ему кажется, что они теперь приветствуют официальное признание, которое возвратилось вместе с участием в таком взаимодействии.

М-р Кеннан согласился, признав, что существовало множество фактов, которые противоречили друг другу в советском подходе к мировым делам. Можно говорить о присутствии как скрытого желания добиться престижного статуса члена мирового сообщества, так и о препятствиях к этому, унаследованных из далекого прошлого.

М-р Пур задал м-ру Кеннану два вопроса. Будут ли русские подходить к научным проблемам таким, например, как атомная энергия с идеологических позиций? И второй. Чем мотивирована их особая заинтересованность в Азербайджане? Марксом и Лениным или заботами о территориальном единстве.

Что касается вопроса об атомной энергии, м-р Кеннан ответил в том духе, что ему не кажется, что русские займут жесткие идеологические позиции. Они будут приспосабливаться к ситуации, но будут это делать медленно, прибегая к идеологической аргументации. Данный вопрос затрагивает их самые глубинные настороженности, особенно в отношении инспекции. Есть железная логика в нашем плане контроля, и они (русские. — В.М.), возможно, согласятся с ним (за исключением, может быть, вопроса о вето), но это будет медленным процессом, в ходе которого они постоянно будут стремиться занять самые выгодные переговорные позиции.

Что касается вопроса о прилегающих территориях и в особенности Азербайджана, м-р Кеннан сказал, что он не может сильно винить русских за занятую ими позицию. Они пришли к народам по всему периметру их азиатских границ как цивилизующая сила. Их власть фактически была бы на руку движению Азербайджана по пути развития. Поэтому их ощущение своей особой миссии по отношению к таким народам не может считаться несправедливым. Там существует вакуум, который, как им кажется, естественно мог бы быть ими заполнен. С другой стороны, мы не находимся в таком положении, чтобы сделать что-либо конструктивное для народов на этой территории. Затем следует также принять во внимание озабоченность русских их собственной безопасностью. Их желание отвергнуть посягательство иностранцев на иранскую нефть еще сильнее, чем их желание присвоить ее себе. Достойно сожаления то, что, как кажется, мы приняли в штыки последнее изменение позиции русских в Азербайджане. Было три американских журналиста, которые на первом же джипе вошли в Табриз, а наш консул произнес речь, которую ему не следовало бы произносить.

М-р Робинсон заявил, что если мы согласимся с выводами, что сила необходима для сохранения настоящего правительства и что советские лидеры должны преувеличивать опасность на границах с тем, чтобы оправдать содержание этой силы, то не означает ли это, что режим обязан своим сохранением этим угрозам и стало быть не может позволить себе устранить их.

М-р Кеннан сказал, что вместе с падением Германии и Японии некоторые русские и в самом деле были напуганы тем, что они столкнутся с дружелюбно настроенным к ним окружающим миром. В таком мире многие русские не смогли бы найти оправдания всевозможным ограничениям и полицейской системе. Сельское хозяйство является особенно чувствительным пунктом в этом смысле. Во время войны коммунистическая партия полностью взяла в свои руки управление колхозами. Такая централизация власти и жесткие методы руководства оправданы, только если признано, что Россия находится во враждебном окруже-

нии. М-р Кеннан выразил сомнение в отношении того, что полицейская система в России выживет в условиях разоружения. Возможно, находящиеся у руля власти люди не смогут выжить и продолжат руководить страной в случае, если будут созданы условия для подлинного мира. Поэтому он думает, что сейчас сохраняется немного шансов установить всеобщий мир, который может оказаться прочным только в том случае, если будет отвечать реальному соотношению сил. Но м-р Кеннан думает, что русские будут идти в ногу с остальным миром в строительстве мирных условий, и он надеется, что и другие режимы, пришедшие к власти в результате других революций, последовательно будут становиться все более зрелыми.

М-р Куртис заметил, что советское правительство всегда в состоянии спровоцировать международную напряженность, если оно в ней заинтересовано, используя пропаганду и не заботясь о том, есть ли нужда в ней в реальной жизни.

М-р Кеннан сказал, что были примеры, когда становилось очевидным, что некоторые лица кормили Сталина ложной информацией для того, чтобы восстановить его против нас. Некоторые люди в России, видимо, заинтересованы в обострении отношений с внешним миром. К сожалению, мы ничего с этим не можем поделать. Могу привести хороший пример с инцидентом, который случился в Австрии. Русский офицер, без разрешения севший в американский военный эшелон, был убит американским сержантом из состава команды, сопровождавшей поезд. Военный трибунал оправдал сержанта, когда выяснилось, что этот самый русский офицер ранее угрожал сержанту пистолетом и снова полез в карман и всем своим видом показал американцам, что он хочет воспользоваться пистолетом. Русские наблюдатели, которые присутствовали на процессе, были под впечатлением проявленной судом объективности. Однако позднее агентство ТАСС пришло к заключению, согласно которому русский офицер не вынимал пистолет, что только и делало стрельбу на уничтожение полностью очевидной. Позднее маршал Конев в письме генералу Кларку заявил, что версия агентства ТАСС является убедительной, хотя его собственные офицеры присутствовали на суде. Это означает, что версия, выдвинутая ТАСС, стала официальной версией для русских. Описанный инцидент поднимает вопрос о том, что кто-то сознательно ухватился за возможность возбудить в русских людях враждебные чувства против нас, американцев.

М-р Альтшуль спросил о возможности какого-либо изменения в отношении русских в лучшую сторону по мере того, как они будут приближаться к овладению секретом атомной бомбы.

М-р Кеннан не думает, что это изменит их отношение или что они вознамерятся использовать бомбу, особенно против городов. Они зна-

ют, что в противном случае им придется признать крах их целей, а также то, что никто не сможет выиграть в атомной войне. Они мудрее, чем мы в этом смысле.

М-р Фишер сказал, что за последние пять лет большее число русских представителей за рубежом стали невозвращенцами, чем это было в прошлом.

М-р Кеннан заметил, что из первой группы молодых русских из дворянских семей, который Петр Великий послал за границу учиться кораблестроению, более половины не вернулось в Россию. Он добавил, что последнее время появляется все больше примеров того, что русские уполномоченные вести контакты с нами, выражают желание вести беседы с нами, выходящие за пределы их конкретных заданий. Один из таких советских представителей даже сделал удивившее нас замечание, что советскому правительству следует проводить соответствующую линию, хотя он и сомневается, что оно сделает это.

М-р Кеннан, отвечая на вопрос о ситуации в колхозах, сказал, что во время войны размеры частной собственности увеличились. Впредь каждый крестьянин по закону может иметь один гектар земли для своих собственных нужд (что не входит в состав земельных угодий, которые используются коллективно), этот земельный надел последовательно может быть увеличен до пяти гектаров. По большей части птичье поголовье, как и фруктовые деревья во многих хозяйствах также находятся в частных руках. Во время войны деревня существовала в основном благодаря труду женщин и детей. Теперь советское правительство пытается изъять продукцию, которая тяготеет к частной собственности, и это давление оказывается в тот самый момент, когда идет демобилизация армии, а мужское население возвращается в деревню. Это вызывает напряжение, которое отражается на уровне сельскохозяйственного производства. Далее, война серьезно ударила по производству тракторов. Что касается лошадей, то их всегда недоставало с момента первой волны коллективизации. Поэтому широко стали использоваться коровы во время пахоты. Это в свою очередь привело к падению производства молока. Удобрений также стало не хватать. Эта ситуация, возникшая в результате войны, затормозила развитие всей системы колхозов.

М-р Флоринский попросил объяснить, почему Совет народных комиссаров был переименован в Совет министров, почему «Красная Армия» уже так не называется и почему Советы вывели свои войска из Азербайджана.

М-р Кеннан полагает, что переименование Совета народных комиссаров проистекает частично из тенденции отдать дань памяти эпохе самодержавия, а частично из желания преодолеть путаницу, поскольку

существуют комиссары в армии, в секретной службе и т.д. М-р Кеннан не дал никакого объяснения ликвидации названия «Красная Армия». Другим изменением стало исключение слова «оборона» из названия министерства вооруженных сил. Что касается ситуации в Северном Иране, то впечатление такое, что Кавам⁴¹ «собирается надуть русских». Он сейчас находится в таком положении, когда может сказать им, что если они хотят законным путем получить нефтяные концессии в Иране, то должны позволить ему провести нормальные выборы. С другой стороны, если они хотят заполучить их незаконным образом, он не может отвечать за ту реакцию ООН, которая последует за этим. Русские сейчас не хотят дополнительных трудностей с ООН, хотя и стремятся получить нефтяные концессии. Кавам обещал им предоставить такие концессии, и когда они их получают, то фактически вновь завладеют провинцией, потому что соглашение позволяет им установить контроль на территории, где расположены скважины.

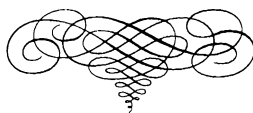
М-р Флоринский спросил, одобрит ли парламент соглашение о нефтяных концессиях.

Мзр Кеннан сказал, что он не может делать каких-либо предсказаний относительно иранского парламента.

*Запись выполнил
Эдвин С. Нойт-мл.*

⁴¹ Кавам-эс-Салтане, Ахмед, иранский политический деятель, 27 января 1946 г. в очередной раз стал премьер-министром Ирана. 20—25 февраля 1946 г. Кавам посетил Москву, где состоялись его переговоры со Сталиным и Молотовым по вопросам вывода советских войск из Ирана, нефтяной концессии и по азербайджанскому вопросу. К концу 1946 г., опираясь на поддержку США и Англии, Кавам добился ослабления влияния СССР в Южном Азербайджане (см. *Гасанлы Д. СССР — Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939—1953)*. М., 200., С. 508).

Феномен Ренессанса
в истории европейской
культуры

Библиотека Джанноццо Манетти

Видный флорентийский гуманист Джанноццо Манетти (1396—1459) был одновременно активным общественным и государственным деятелем, а также предпринимателем, т.е. выступал сразу в трех ипостасях¹, что было редкостью для того времени. Со времен Салютати в гуманизме утверждался принцип соединения занятий философией и наукой с деятельной жизнью, и многие гуманисты — и сам К. Салютати, и Л. Бруни, и М. Пальмиери — исполняли государственные должности и писали трактаты, диалоги, но от активного предпринимательства они были далеки. А представители финансово-купеческой верхушки, будучи людьми образованными, писавшими дневники и воспоминания (как правило, на вольгаре), до высот гуманистической образованности не поднимались. Манетти же не только был автором трактатов, диалогов, речей, биографий, но он изучил наряду с латынью древнегреческий язык и, видимо, одним из первых гуманистов — древнееврейский, впоследствии активно занимаясь переводами.

Манетти происходил из флорентийской купеческой семьи и получил образование в школе абако, дававшей ему возможность заниматься торгово-финансовыми делами. В возрасте 10 лет он был отправлен на работу в банк, где провел и юношеские годы (отвечал за кассу и бухгалтерские книги). Но затем обратился к гуманистическим штудиям. Когда-то и Петрарка, обучаясь юриспруденции, порвал с ней и начал заниматься любимым делом — поэзией и гуманитарными науками. Неудачным было и обучение торговому делу и юридическим наукам Боккаччо, который предпочел им литературу. Таков был дух эпохи.

Джанноццо Манетти был активным гражданином Флоренции, постоянно исполнял различные должности в коммунальном правительстве в самом городе и вне его, многократно участвовал в посольских миссиях. Однако в определенный момент в его жизни и деятельности возникли трудности, возможно, связанные с конкуренцией торгово-финансовых семей в городе, стремившихся ослабить роль и влияние Манетти во Фло-

¹ Ревякина Н.В. Портрет гуманиста (Джанноццо Манетти) // *Cursor mundi. Человек Античности, Средневековья и Возрождения*. Иваново, 2008. Вып. 1. С. 101—120.

ренции, что привело в конечном счете к «добровольному изгнанию» из города²; последние годы жизни гуманист провел в Риме при папской курии, а затем в Неаполе при дворе неаполитанского короля.

Все этапы жизни Манетти прослеживает в его «Жизнеописании» В. Бистиччи³. Джанноццо получил образование не в университете, а дома, где путем самообразования или с помощью приглашенных учителей изучил литературу (Вергилия, Теренция), риторику (Цицерона и другие работы) и подошел к логике; затем в монастыре Сан Спирито, бывшем во Флоренции своеобразным центром гуманистической образованности⁴, он слушал логику, естественную и моральную философию Аристотеля (у учителя Джироламо и магистра Еванджелисты⁵), а также теологию (читал Петра Ломбардского и его комментаторов, «О

² Биографы Манетти объясняют его «изгнание» по-разному. Бистиччи связывает его с завистью некоторых людей добродетели и славе Манетти; другой биограф Нальдо Нальди считает Манетти противником режима единовластия, который начал устанавливаться во Флоренции, борцом за демократию — *Vita di Giannozzo Manetti a Naldo Naldi fiorentino scripta // Rerum italicarum scriptores. 1731. T. XX. P. 604—605. Фрагменты биографии Нальди см. в рус. переводе в Cursor mundi. Иваново, 2010. С. 210—231 (пер. Н.В. Ревякиной). Современники Манетти (напр., Ф. Филельфо) объясняли его отъезд в гуманистическом духе — желанием заняться творчеством, уйдя из политической жизни. В современной историографии Л. Боскетто не разделяет попыток исключить серьезную ответственность Медичи и его союзников в том, что случилось с Манетти; Боскетто рассматривает также мнение М. Мартелли относительно стремления Манетти добиться канцлерства во Флоренции благодаря пребыванию в римской курии, как это было у Бруни, Поджо Браччолини. (*L'esilio volontario di Manetti // Dignitas et excellentia hominis. Atti del Convegno Internazionale di Studi su Giannozzo Manetti / A cura di Stefano. U. Baldassarri. Firenze, 2008. P. 141—142*). Ф. Риччарделли говорит о добровольном отъезде Манетти из Флоренции и не считает верным связывать его с республиканскими антимедичейскими идеями и противодействием Манетти политике Медичи на союз с Франческо Сфорца; он ссылается на анонимную биографию Манетти, недавно изученную Балдассарри, в которой отъезд гуманиста из Флоренции связан с его богатством и коммерческой деятельностью (*Ricciardelli F. Giannozzo Manetti, un intellettuale al potere // Dignitas et excellentia hominis. P. 287*).*

³ *Bisticci V. Comentario della vita di Giannozzo Manetti // Bisticci V. Vite di uomini illustri del sec. XV. Bologna, 1893. Vol. 2. P. 85—91.*

⁴ Августинский монастырь Сан Спирито со времен Луиджи Марсыллы (ум. 1394), одного из зачинателей гуманистического движения во Флоренции, был и продолжал оставаться центром гуманистических занятий. В келью Марсыллы приходили Салютати, Никколи, Бруни и др. Салютати считал его «несравненным учителем всех флорентийцев».

⁵ Монах-августинец Еванджелиста Пизано был одним из руководителей ученого собрания в Сан Спирито, читал лекции по философии и теологии. Был учителем Лоренцо Пизано, посвятившего ему свой трактат «Диалоги о любви» (появились не ранее 1438 г.). См. Юсим М.Ю. Неопубликованный трактат Лоренцо Пизано // Средние века. М., 1978. Вып. 42. С. 122—144.

граде Божиим» Августина Блаженного). Изучил он также геометрию у магистра Джованни дель Абако. После изучения наук Манетти решил выучить греческий язык, занимался с некоторыми учеными, которые были во Флоренции (Бистиччи не называет их по имени), а затем начал читать с Амброджо Траверсари (Амброджо дельи Анджели⁶) «Киропедию» Ксенофонта. Он продолжал совершенствоваться греческий дома, где у него жили два грека. И в завершении всего он решил выучить еврейский язык, «чтобы понимать основу божественных законов» и чтобы написать против иудеев, что он и сделал позже⁷. Для этого в его доме жил крещеный еврей, преподававший ему еврейский язык. Кроме этого он пригласил к себе жившего во Флоренции еврея Мановелло, «человека ученейшего и в еврейском и в латинском языках». Еврей согласился читать ему Библию на еврейском и комментарии к ней, в частности раби Моисея (Моисея Маймонида) и др., а Джанноццо в ответ на его просьбу читал ему естественную и затем моральную философию⁸.

Занятый в дальнейшем активной деятельностью в коммунальных органах власти в городе и вне города, постоянными дипломатическими поездками, Манетти тем не менее находил возможности заниматься творчеством. Тематика его работ часто была связана с диспутами, которые происходили в период его посольских поездок (трактат «О достоинстве и превосходстве человека», «Диалог на пиру»), с исполнением им общественных должностей («История Пистойи») или с событиями личной жизни («Диалог о смерти сына»). Заметный в его творчестве интерес к человеку, не ограничивался рассмотрением места человека в мире и его долга и назначения (в трактате «О достоинстве»), он дополняется интересом к отдельной личности, с чем связаны его жизнеописания Сократа, Сенеки, Данте, Петрарки, Боккаччо, папы Николая V и его трактат «О долгожителях». Интерес к истории раннего христианства привел Манетти к переводу Нового завета, к изучению древнееврейского языка и переводу Псалмов (и сочинению в защиту этого перевода), а также породил желание написать сочинение против иудеев и язычников, что он и осуществил (не до конца), находясь в Неаполе. Он занимался также переводами Аристотеля, в последние годы жизни в Неаполе написал сочинение «О землетрясении». Ему принадлежит также целый ряд речей, произнесенных либо во время посольских миссий, либо по торжественным или печальным случаям.

⁶ Амброджо Траверсари (1386—1439) — образованный монах, книжник, знавший греческий язык и переведший с него на латынь ряд работ отцов церкви и греческих писателей (в том числе Диогена Лаэртского, с 1431 г. генерал ордена Камальдулов.

⁷ Bisticci V. Op. cit. P. 90.

⁸ Ibid. P. 91

Манетти отличается от других гуманистов своего времени не просто глубокое уважение к христианской науке, но и активное использование образов и идей Библии и раннехристианских мыслителей в своем творчестве. С помощью античных мыслителей он формулирует главные идеи своих работ и соединяет их с идеями и примерами из христианских авторов и Библии. В его работах античность и христианство соединяются без видимых противоречий, если не считать его высказываний о язычестве древних, «не знающих света истины», что отнюдь не мешало ему воспринимать их вполне позитивно.

Можно предположить, что путь к гуманизму лежал у Манетти через книги. Трудно сказать, как и когда он начал их собирать, но известна его библиотека, которая, судя по книгам, составлялась не один год. О книгах Манетти пишет Бистиччи, хорошо знавший Манетти, ставший ему другом и бывавший в его доме. Будучи книготорговцем, он, видимо, и сам поучаствовал в создании его библиотеки.

Бистиччи пишет, что Манетти постоянно держал в доме греческих и латинских переписчиков и заставлял переписывать книги, которых не имел, и он покупал книги по любой отрасли (*in ogni facultà*). Он отмечает также, что у Манетти было много еврейских книг разного содержания и особенно Библий со всеми комментариями евреев на Библию. Также он сообщает, что были книги по гражданскому и каноническому праву, по медицине⁹.

Книги Манетти, по свидетельству Бистиччи, стоили много тысяч флоринов, и он постоянно их покупал, потому что его намерением было создать библиотеку во Флоренции в монастыре Сан Спирито, он учился в этом конvente и очень любил его¹⁰. Манетти был не одинок в подобном замысле. К этому времени книги гуманиста Никколо Никколи были переданы в Сан Марко (по завещанию Никколи 1430 г. и 1437 г.),¹¹ и пример Никколи мог вдохновлять и Манетти. Формирование библиотеки папой Николаем V (1447—1455)¹² также могло подвигнуть гуманиста подарить книги в монастырь Сан Спирито.

⁹ *Bisticci Vespasiano. Comentario*. P. 187.

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ См. об этом: Брагина Л.М. Библиотека Сан Марко во Флоренции // Книга в культуре Возрождения. М., 2002.

¹² К. Бьянка сообщает об интересном факте — просьбе папы Николая V прислать ему греческий кодекс Филона, которым владел Манетти для перевода его на латинский язык. Манетти не хотел посылать кодекс, в письме к Дж. Тортели, главному библиотекарю папы, он ссылается на ветхость рукописи и на то, что кодекс постоянно необходим ему для работы над сочинением “*Adversus Hebraeos*”; он предлагал послать копию с исправлениями, но в конце концов послал и оригинал и копию. См. Bianca C. *La biblioteca della famiglia Manetti // Dignitas et excellentia hominis. Atti del Convegno Internazionale di Studi su Giannozzo Manetti / A cura di Stefano U. Baldassarri*. Firenze, 2008. P. 105—110.

Библиотека Манетти не дошла до Сан Спирито. Бистиччи объясняет это тем, что Манетти не успел распорядиться об этом перед смертью. Но, возможно, сам гуманист изменил свое намерение, решив оставить библиотеку семье. У Манетти были сыновья, получившие хорошее образование. О сыне Манетти — Аньоло Бистиччи оставил свои воспоминания¹³. Он пишет о его хорошем знании латинской и греческой литературы, потому что отец хотел, чтобы он изучил оба языка в детстве; кроме того Аньоло научился писать и на еврейском языке, имея учителем жившего в их доме крещеного еврея. В 12 лет он знал все эти языки и помогал отцу при переписке книг, уже в этом возрасте он переписал Вергилия и Цицерона (те работы, которые находятся сейчас в Ватиканском фонде)¹⁴. С 13 лет отец начал брать его с собой в посольские поездки, и он бывал при дворе пап, неаполитанского короля, в Венеции и в других местах. На него отец возлагал все надежды, он очень изящно писал, был весьма красноречив и благоразумен. Но превратности отцовской судьбы лишили его дальнейшей возможности учиться, он везде сопровождал отца, а после его смерти занимался делами семьи, однако все время, которое у него оставалось, он уделял наукам¹⁵. Другой, старший, сын Манетти (1430—1497) — Бернардо — тоже был хорошо образован, он сопровождал отца в посольских поездках; если судить по работе Манетти «Диалог на пиру»,¹⁶ он в период пребывания в Венеции принимал активное участие в дружеском застолье и диспуте, где ему отведена в диспуте очень важная роль: он излагает содержание новелл о Танкреде и о Селевке, обсуждавшихся на диспуте, высказывает свое мнение и просит собравшихся включиться в полемику.

Возможно, все это и объясняет то, что после смерти Манетти в 1459 г. его книги из Неаполя были переправлены во Флоренцию. Ими занимался Аньоло,¹⁷ после смерти отца он, бережно сохранял книги, не допуская распыления библиотеки, приобрел еще ряд новых кодексов

¹³ Bisticci V. Vite di uomini illustri del sec. XV. Bologna. 1893. Vol. 3. Parte IV. P. 202—212.

¹⁴ Bianca C. La biblioteca della famiglia Manetti // Dignitas et excellentia hominis. Atti del Convegno Internazionale di Studi su Giannozzo Manetti / A cura di Stefano U.Baldassarri. Firenze, 2007. P. 114.

¹⁵ Bisticci V. Vite. Op. cit. P. 204—210. Бистиччи специально о книгах ничего не говорит, он рассказывает о судьбе Аньоло, его служении коммуне, посольской поездке во Францию, его ранней смерти.

¹⁶ Dialogus in domestico et familiari quorundam amicorum symposio Venetiis habitus... Firenze, Biblioteca Riccardiana, ms. 696.

¹⁷ Судьбу библиотеки Манетти подробно прослеживает Г.М. Каньи в ст.: Cagni G.M. I codici Vaticani Palatino-Latini, appartenuti alla biblioteca di Giannozzo Manetti // Bibliofilia. 1960. Vol. 62. P. 1—43. Он дает список всех латинских книг из библиотеки Манетти (в количестве 171), находящихся сейчас в Ватиканской библиотеке.

для библиотеки, о чем свидетельствуют владельческие записи на них. От Аньоло книги перешли к его брату Джованни, затем к сыну Джованни Джанноццо, от Джанноццо к его сыну Джованни, уже правнуку Манетти, который на 4 рукописях оставил собственное имя и дату 13 августа 1529 г. Между 1545 и 1555 гг. Джованни продал всю библиотеку одному из представителей дома Фуггеров — банкиру Ульриху через его агентов в Италии. Все книги или большая их часть ушли в Аугсбург¹⁸. Затем после смерти в 1560 г. главы коммерческого дома Антона Фуггера Старшего Ульрих Фуггер перевел библиотеку в Хайдельберг, где нашел покровительство и гостеприимство у курфюрста Фридриха. Книги в 86 ящиках были помещены в церкви Св. Духа и находились там до смерти Ульриха в 1584 г. По его завещанию библиотеку унаследовал курфюрст Фридрих и присоединил ее к дворцовой библиотеке.

В ходе Тридцатилетней войны владения курфюрста протестанта Фридриха Пфальцского заняли армии испанцев и Католической лиги, император лишил его достоинства курфюрста, передав эту должность главе Католической лиги Максимилиану I Баварскому. С капитуляцией Хайдельберга 19 сентября 1622 г. дворцовая библиотека стала военным трофеем Максимилиана, и 5 дней спустя он подарил ее папе Григорию XV в благодарность за денежную помощь во время осады города. В конце 1622 г. библиотеку от имени папы принял ватиканский представитель Лео-не Аллаччи, он поместил ее в 196 ящиков и доставил в Рим в конце июля 1623 г.¹⁹. Так библиотека Манетти снова оказалась в Италии, в Ватикане.

В ней были латинские, греческие и еврейские книги. Библиотекари Хайдельберга сохранили старую нумерацию для греческих и еврейских книг, а латинским дали новую нумерацию и новую систематизацию, которая остается до сих пор и в Ватикане. Латинские и греческие книги составляют фонд *Palatino Greco e Latino*, а еврейские книги включены в еврейский фонд Ватикана. Греческих книг из библиотеки Манетти в Ватиканской библиотеке в настоящее время насчитывается 43, а латинских — 171, в латинский список включены и переводы греческих книг на латинский язык.

В статье Г.М. Каньи самым тщательным образом исследованы все рукописи, принадлежавшие Манетти, и те, что находятся в настоящее время в Ватиканской библиотеке²⁰, в ней дан список только латинских

¹⁸ *Cagni G.M. Op. cit. P. 3.*

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ Канья реконструирует латинский фонд Манетти в Ватикане из 180 книг, замечая, что впоследствии с целью изучения или по другим соображениям некоторые книги были удалены с полки и не были возвращены, так что сейчас их содержится 171 книга — см. *Cagni G.M. Op. cit. P. 8.* Перечень этих книг дается Канья в его статье на Р. 19—43.

книг Ватиканского фонда, и только о них мы будем говорить. В списке книги расположены в алфавитном порядке.

В отличие от большой библиотеки гуманиста Никколи, который был скорее книжным коллекционером, от библиотеки правителя Урбино Федерико да Монтефельтро, ученика Витторино да Фельтре, имевшего в своем замке в Урбино большое книжное собрание (его очень высоко оценил Бистиччи в «Жизнеописаниях»²¹), библиотека Манетти была значительно меньше. Но можно предположить, что она стала основой для его творческой деятельности, рабочей библиотекой гуманиста. И как таковая она представляет большой интерес.

Внимательно изучая библиотеку Манетти (зная историю библиотеки и принимая во внимание владельческие записи на манускриптах, записи на полях, нумерацию страниц и др.), Каньи полагает, что она была полнее, чем современный Ватиканский фонд, представленный книгами, возвращенными из Германии. Во-первых, не все книги ушли за Альпы. В библиотеке Манетти было не менее 20 комедий Плавта, а среди книг каталога Фуггера Плавта не было.²² Не была продана Фуггеру «История схоластики» Петра Коместора с владельческими записями Манетти. «Источник достопримечательностей мира» Д. Бандини представлен частично, в нем недостает трактатов, которые могли бы более всего интересовать Манетти, видимо, они не были куплены Фуггером. Известно письмо Манетти к Бистиччи от 23 ноября 1454 г., в котором он, приняв от него предложенные Библию и «О жизни отцов» (последней книги нет в Ватиканской библиотеке), просит у него книги Авиценны, Павла Орозия и Геометрию Евклида.²³ Но этих книг в Ватиканском фонде нет. Том писем Иеронима был подарен самим Манетти монаху Оливетано.²⁴ Сын Манетти Аньоло видимо в силу дружеских связей продал Веспасиано да Бистиччи 4 книги²⁵. Из Германии в Италию не вернулись Авл Гелий, 5 речей Манетти, «Сопоставления св. отцов аббата Cherimontis», «Павел о благородных нравах и свободных науках»; по мнению Каньи, они могли быть подарены ученым либо печатникам, когда книги перевозили в 1623 г. в Италию²⁶.

Так что, видимо, в Ватиканском фонде книг оказалось меньше, чем в первоначальной библиотеке гуманиста. Список томов, публикуемый

²¹ См.: Черняк И.Х. Программа Урбинской библиотеки Федерико да Монтефельтро в контексте культуры Итальянского Возрождения // Книга в культуре Возрождения. М., 2002. С. 149—161.

²² Cagni G.M. Op. cit. P. 42.

²³ Ibid. P. 42—43.

²⁴ Ibid. P. 42.

²⁵ Bianca C. Op. cit. P. 114.

²⁶ Cagni G.M. Op. cit. P. 43.

Каньи, сохраняет старые названия, у ряда авторов указаны конкретные наименования книг (напр., у Аристотеля, Лактанция), у других названия общие, нуждающиеся в расшифровке, например, *Augustinus. De civitate Dei 22 libri. Augustinus 18 libri, Augustinus tractatus 10, Augustinus opuscula septem, Augustinus opuscula 5, Augustinus quaedam opera*²⁷. В этом случае Каньи раскрывает содержание конволютов, “opera”, “opuscula” в ссылках.

Большинство античных книг Ватиканского фонда составляют античные книги. Широко представлены древняя история, философия, поэзия. Из философов — прежде всего Аристотель («Органон», «Физика», «О животных», «Этика», «Политика», «Экономика», «О толковании» — в переводе Аргиропуло; «Этика», «Политика», «Экономика», «Большая этика», «Риторика» — в переводе Л. Бруни, «Проблемы» — в переводе Феодора Фессалоникийского). Аристотеля Манетти очень ценил, по свидетельству Бистиччи, он говорил, что мир имел двух удивительных людей — святого Августина у христиан и Аристотеля у неверных²⁸. Из работ Платона в латинском фонде есть «Федон» и «Горгий» — в переводе Л. Бруни. Цицерон, которого Манетти очень часто использует в своих работах, представлен трактатами «Об обязанностях», «О природе богов», «философскими книгами» (среди них главные философские работы Цицерона)²⁹, речами (их много и среди них находятся и речи Демосфена и Эсхина, письмо Плутарха Траяну — в переводе Бруни), отдельно указаны «Филиппики Цицерона против М. Антония»), письмами, а также риторическими сочинениями «Риторика старая и новая», «Оратор», «Брут», «Об ораторе»). Манетти внимательно следил за археографическими находками, благодаря чему у него и появились все сочинения Цицерона по риторике, «полный извод» которых был сделан к 1422—1425 гг. после находки в Лоди.³⁰ Здесь же переводы с греческого других риторических работ: Эсхин «Речь против Ктесифона». «Письма к афинянам» в переводе Бруни, Шесть Речей Демосфена. Были еще Квинтилиан (2 экземпляра), «Комментарий к риторике Цицерона» М. Викторина (IV в.), «Восемь книг по астрологии» ритора Фирмика Матерна.

Интерес Манетти к риторике понятен: произнесение речей было частью его работы как дипломата, Бистиччи неоднократно подчеркивает его высокое ораторское мастерство³¹; философские же сочинения Цицерона дают Манетти богатый материал для его работ.

²⁷ Ibid. P. 19

²⁸ Bisticci V. Comentario. P. 87

²⁹ Cagni G.M. Op. cit. P. 25 (n.4).

³⁰ Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / Под ред. М.Л. Гаспарова. М., 1972. С. 387—388.

³¹ Bisticci V. Comentario. P. 121—122 (речь при вступлении папы Николая V на престол), P. 148 (речь на короновании императора в 1451 г.).

Очень широко представлен у Манетти Сенека. Кроме его «Декламаций» и трагедий, в названных в списке «11 книгах» и еще «6 книгах» содержится много разных сочинений Сенеки. Есть еще небольшая работа пифагорейского философа Ксиста (Xisti).

Из историков в библиотеке имеются Тит Ливий, Цезарь, Валерий Максим, Курций Руф, Иосиф Флавий, был Авл Гелий, 5 книг историй Полибия (в переводе Перотти), Саллюстий, Помпоний Мела, «5 книг Истории» Гегесиппа. Когда-то был и Светоний, но он каким-то образом оказался в Лувене, где в 1940 г. сгорел вместе со всей библиотекой³². Из поэтов — Вергилий, Овидий. Гораций, Апулей, Катулл, Персий, Тибулл, Лукан, Проперций, Клавдиан, Макробий («Сатурналии»), Кальпурний. Из грамматиков — Присциан (VI в.), «Комментарий к Вергилию» Сервия (ок. 400), «Жизнеописания» Плутарха — в переводах Бруни, Гуарино, Филельфо.

Среди книг есть еще Витрувий «Об архитектуре». Из литературы по каноническому и римскому праву — Декрет, Дигесты и Институции Юстиниана. Из медиков — «Афоризмы» Гиппократ с комментариями Галена и еще 8 других его трактатов.

После античных книг видное место в библиотеке занимает раннехристианская литература. Кроме Библии в библиотеке были Отцы Церкви. Среди них очень ценимый Манетти Бл. Августин («О граде Божием» в 22 книгах, «О Троице» и многие другие его работы), Бл. Иероним («О временах», «О знаменитых мужах»», сочинения, посвященные еврейским вопросам и др.), Амвросий Медиоланский («Шестоднев», «Об обязанностях» и др.), Лактанций — автор, к которому Манетти обращается наиболее часто, в библиотеке были главные сочинения — «7 книг Божественных установлений», «О гневе Божием», «О творении человека», а также «Феникс» (его рукопись была найдена в 1433 г. в Германии). Об интересе Манетти к ранней истории христианства, кроме вышеназванных, свидетельствует и ряд других работ его библиотеки: Дионисий Ареопагит, Юстин, Евсевий («О временах»), «Хроника» Евсевия-Иеронима, «Комментарии к посланию Павла к евреям» Хризостома, Послания антиохийского епископа Игнатия (II век)³³, Письма епископа Смирны Поликарпа (II век),³⁴ Письма Антония аббата, трактаты Иоанна пресвитера, *Pastoris liber discipuli Pauli Apostoli*.

³² Cagni G.M. Op. cit. P. 16.

³³ По преданию, антиохийский епископ Игнатий был осужден при императоре Траяне и отправлен в оковах в Рим, где должен был погибнуть на арене амфитеатра. См.: *Свенцицкая И.С.* Раннее христианство: страницы истории. М., 1989. С. 145, 150. Письма Игнатия были открыты в монастыре Чертоза да Павия Парентучелли (будущим папой Николаем V), см.: *Sabbadini R.* Le scoperte dei codici latini e greci ne secoli XIV e XV. Firenze, 1905. P. 89, 91.

³⁴ Епископ Смирны Поликарп — первый христианский мученик, он погиб в возрасте 86 лет на арене амфитеатра. См. *Свенцицкая И.С.* Указ. соч. С. 150, 151.

Здесь же тройной перевод Псалтыри (Греческий текст Септуагинты, латинский — в переводе Иеронима, и перевод самого Манетти).

Из средневековых работ у Манетти были хронист раннего средневековья Марцеллин (ум. ок. 535) («О временах»), Ансельм Кентерберийский (1033—1109), Боэций («Об утешении»), Эгидий (ум. 1316), «Диалоги» папы Григория Великого, «Комментарии к Псалтыри» и «Сентенции» Петра Ломбардского (1091—1153), «Постилла» Н. Де Лира (1270—1349), труды Гуго Сен-Викторского (1097—1141) и его же «О Ковчеге Ноя», «Источник достопримечательностей мира» Бандини, «О флорентийской республике» Дж. Виллани, Хроника Мартина, Мартиролог, «Книга о согласии поэтов, философов и теологов» И. Кальдерия; были и не вернулись в Италию «История схоластики» Петра Коместора и *Abbatis Cherimontis collationes S.S. Patrum*.

Среди книг имеются арабо-латинский словарь от «А до К» (*Rasis*) и работа «О душе» («*De anima*») Фома (ее принадлежность Аквинату подвергается сомнению).

В библиотеке появились и сочинения современников — гуманистов. Это, прежде всего, «История Флоренции», основные трактаты и письма Л. Бруни, Ф. Бьондо, «Генеалогия богов» Боккаччо, «Монархия» и письма Данте (рукопись Данте содержит также «Буколики» Петрарки), комментарии Франциска Бутрия к 1 кантике «Божественной комедии», «О свободном воспитании» П.П. Верджерио, «Павел о благородных нравах и свободных науках юношей» (книга не пришла в Ватикан), «Риторика» Георгия Трапезундского, Комментарии к 11 речам Цицерона А. Лоски, «Книги грамматических комментариев» Дж. Тортелли, «О временах» М. Пальмиери, письма Панормиты (А. Беккаделли) (содержит работы Панормиты и собрание эпиграмм).

Некоторые их работы появились уже после смерти Манетти и были приобретением его сына Аньоло. Владельческие записи Аньоло Манетти оставлены на книгах 5 трактатов Петрарки и его «Буколиках», «О красотах латинского языка» Л. Валлы.

В библиотеке находятся и сочинения самого Манетти. Одни из них названы конкретно: «История Пистойи»,³⁵ «Жизнь Николая V»,³⁶ 5 речей³⁷ (их нет, но отдельные речи находятся в разных сборниках), Перевод Нового завета,³⁸ Перевод Псалтыри,³⁹ а также 5 книг в защиту

³⁵ *Chronicon Pistoriense a condita urbe usque ad annum MCCCCXLVI auctore Iannocio Florentino // Rerum italicarum scriptores. vol. XIX. P. 985—1076.*

³⁶ *De vita ac gestis Nicolai quinti summi pontificis / A cura di F. Modigliani. Roma, 2005 (с итал. переводом в Приложении).*

³⁷ *Wittschier H. W. Das Corpus des Orationes. Colonia-Graz, 1968.*

³⁸ В рукописи.

³⁹ В рукописи.

этого перевода⁴⁰, «О землетрясении»,⁴¹ «Диалог о смерти сына»,⁴² Биографии Данте, Петрарки, Боккаччо,⁴³ «Апология Нунния, испанского рыцаря»,⁴⁴ Похвала госпожи Агнессы Нумантийской,⁴⁵ перевод всех моральных сочинений Аристотеля на латынь.⁴⁶ В других сборниках Манетти (*opera*, *quatuor diversa opuscula*, *opera quaedam*) содержатся трактаты «О достоинстве и превосходстве человека»,⁴⁷ «О знаменитых долгожителях»,⁴⁸ «Жизнь Сократа и Сенеки»,⁴⁹ «О землетрясении», и ряд речей, а также документы посольств в Венецию в 1448 г.

Среди них нет сочинения, над которым он работал в Неаполе в последние годы жизни — трактата «Против иудеев и язычников». Бистиччи говорит в «Комментарии», что Манетти, будучи в Неаполе, правил эту работу, увеличив ее до 12 книг⁵⁰.

Книги из библиотеки Манетти были основой для его творческой работы, он постоянно к ним обращался, цитировал их; на полях рукописей, если судить по публикуемым фотокопиям их, следы внимательного и неоднократного чтения книг Манетти, иногда огромные отрывки из них он вставлял в свои работы. Были среди книг наиболее любимые, владельцами которых являлись знаменитые люди. Так, «*Historia Augusta*» принадлежала Петрарке, от которого остались глоссы. Данным кодексом Манетти располагал в последние годы жизни в Неаполе (в списке Каньи его нет). Кодекс Валерия Максима (копия 1397 г.) принадлежал Джованни Мальпагини, ученику Петрарки, преподававшему во Флоренции во времена Салютати.⁵¹

⁴⁰ *Apologeticus* / A cura di A. De Petris. Roma, 1981.

⁴¹ В книге *Dignitas et excellentia hominis*. Atti del Convegno internazionale di Studi su Giannozzo Manetti / A cura di Stefano U. Baldassarri. Firenze, 2007. P. 263. n. 3 сказано, что эта работа Манетти готовится к публикации Даниэлой Пальера для Edizione Nazionale dei Testi di Storiografia Umanistica.

⁴² *Dialogus consolatorius* / A cura di A. De Petris. Roma, 1983.

⁴³ *Vite di Dante, Petrarca e Boccaccio* / A cura di Stefano U. Baldassarri. Palermo, 2003.

⁴⁴ *Lawrance J.N.H.* Un episodio del proto-humanismo español. Tres opúsculos de Nuño de Guzmán y Giannozzo Manetti. Salamanca, 1989.

⁴⁵ В рукописи.

⁴⁶ В рукописи.

⁴⁷ *De dignitate et excellentia hominis* / A cura di Elizabeth Leonard. Patavia, 1975.

⁴⁸ *De illustribus longaevis* // *Manetti G.* Biographical Writings / A cura di Stefano U. Baldassarri e R. Baghemihl. Cambridge, 2003.

⁴⁹ *Manetti G.* Biographical Writings / A cura di Stefano U. Baldassarri e R. Baghemihl. Cambridge, 2003.

⁵⁰ *Bisticci V.* Commentario P. 178. В списке работ Манетти, данном Бистиччи в конце его «Жизнеописания Манетти», эта работа указана. См. *Bisticci V.* Le Vite / A cura di A. Greco. 1970. V. 1. P. 535—538. Этот список несколько отличается от перечня Каньи.

⁵¹ *Bianca C.* La biblioteca della famiglia Manetti // *Dignitas e excellentia hominis*. Atti del Convegno Internazionale di Studi su Giannozzo Manetti / A cura di Stefano U. Baldassarri. Firenze, 2007. P. 111—112.

Книги из собственной библиотеки, как уже говорилось выше, могли быть хорошей базой для творчества Манетти. Тщательно выявленные Е.Р. Леонард в научном издании трактата Манетти «О достоинстве и превосходстве человека»⁵² источники дают возможность сопоставить используемые гуманистом книги с теми, которые были в его библиотеке. В 1 книге трактата имеются отсылки к хранившимся в его собрании трудам Цицерона («О природе богов») и Лактанция («О творении человека»). Большие фрагменты из их работ дают описание физического устройства человека, которое дополняется затем изысканиями медиков — Галена, Авиценны, Альберта Великого. Комментарии Галена к Гиппократу и «Афоризмы» Гиппократа у Манетти были, но сочинения Авиценны и Альберта Великого отсутствуют, хотя, как говорилось выше, Бистиччи писал о том, что у него имелись медицинские книги, и сам Манетти просил прислать ему Авиценну. Имени анатома XIV в. Мондино ди Люччо Манетти не называет, но Е.Р. Леонард выявляет широкое использование гуманистом его «Анатомии». Ссылается Манетти на Аристотеля («О частях животных», «История животных», трактат «О душе») и на Августина («О граде Божиим»), на Овидия — на книги из своего собрания. Но Аристотель («О душе») в библиотеке отсутствует. Вероятно, греческие работы Стагирита и других авторов находятся среди греческих рукописей, принадлежавших Манетти, но нам они, к сожалению, неизвестны.

Во 2-ой книге трактата Манетти, где речь идет о духовных качествах человека, ссылки на источники разнообразнее, и большинство книг, на которые гуманист опирается, есть в его библиотеке: Цицерон («Тускуланские беседы», «О природе богов», «О старости», «Академики»), Аристотель («О душе», «Политика»), Лактанций («О творении человека», «Божественные установления», «О гневе Божиим»), Августин («О граде Божиим», «О Троице»), Амвросий («Шестоднев», «Об обязанностях»), Платон («Федон», «О государстве»), Библия, Вергилий, Валерий Максим. Но нет Плиния, «Киропедии» Ксенофонта в латинском фонде тоже нет, но она наверняка имеется среди греческих книг: работа была хорошо известна Манетти, он читал ее, по свидетельству Бистиччи, занимаясь греческим с Траверсари.⁵³ Нет также, как уже говорилось, трудов Альберта Великого, Лукреция, небольших работ Иеронима.

В 3-ей книге, в которой на основе понимания человека как телесно-душевного единства определяется его назначение в мире и обосновывается высокое достоинство, Манетти широко использует различные

⁵² *Manetti Ianotii De dignitate et excellentia hominis* / Ed. E.R. Leonard. Padova, 1975.

⁵³ *Bisticci V. Comentario*. P. 88.

сочинения Цицерона, Аристотеля («Политика», «О частях животных», «Этика к Никомаху»), Лактанция, Библию, Овидия, Вергилия, Августина («О граде Божием»), Дионисия Ареопагита, Петра Ломбардского («Сентенции») — все они имелись в библиотеке гуманиста. Манетти также обращается к трудам Плиния, Альберта Великого, поэтов Акция и Энния, которых, видимо, не было в его книжном собрании (их также нет и в списке Каньи). В перечне Каньи мы не нашли, в частности, сочинения Бл. Августина «О христианской науке», знакомство с которым Манетти демонстрирует в своем трактате.

В 4-ой книге гуманист ведет полемику с теми мыслителями, которые говорят о благе смерти и низко оценивают человека и человеческую жизнь. Среди них и античные мыслители (Плиний, Сенека, Цицерон и др.), и христианские (библейский Иов, Амвросий Медиоланский, папа Иннокентий III). Помимо ссылок на авторов, которых Манетти использует в первых трех книгах и которые есть в библиотеке гуманиста (Аристотеля, Цицерона, Лактанция, Вергилия, Августина, Плутарха, Иосифа Флавия, Библию), он обращается к Сенеке («Утешение к Марции», «Утешение к Эльвии», трактату «О краткости жизни» — все эти сочинения также есть в библиотеке Манетти). Что же касается Цицерона («Утешение»), работ Иннокентия III («О тщете человеческого состояния»), Амвросия («О благе смерти»), а также Плиния, Платона («Критон», «Апология Сократа») и Геродота, то этих книг в латинском Ватиканском фонде нет. Геродот и Платон, возможно, находятся среди книг греческого фонда.

Е. Леонард выявляет и прослеживает по работе Манетти заимствования из трактата Бартоломео Фацио «О превосходстве и преимуществе человека» (*“De excellentia ac praestantia hominis”*). Но на Фацио, труд которого Манетти был хорошо известен,⁵⁴ гуманист все же не ссылается (вероятно потому, что книга отсутствовала в его личном собрании).⁵⁵

Но в целом можно заключить, что при написании трактата «О достоинстве и превосходстве человека» большинство источников для работы Манетти взял из своей библиотеки. Аналогичные результаты

⁵⁴ Во введении к трактату «О достоинстве и превосходстве человека» Манетти говорит о том, что будучи в Неаполе в посольской миссии, он бегло познакомился с одной небольшой работой, достойной больших похвал, которую написал «муж образованнейший и равно искуснейший Бартоломео Фацио» и посвятил ее Римскому понтифику. И чуть позже король Альфонс попросил Манетти написать о тех же вещах и посвятить этот труд ему, на что гуманист ответил согласием (*Manetti Ianotii De dignitate et excellentia hominis* / Ed. E.R. Leonard. Padova, 1975. P. 2).

⁵⁵ Нам приходилось отмечать факт таких заимствований. См.: Ревякина Н.В. Учение о человеке итальянского гуманиста Джанноццо Манетти // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 250. Прим. 10.

можно получить, рассматривая и другие произведения гуманиста. Об этом свидетельствуют источники «Диалога о смерти сына» — Сенека «Утешение к Марции», Цицерон «Тускуланские беседы», Аристотель «Этика к Никомаху», Иосиф Флавий, Плутарх, Августин («О граде Божием»), Валерий Максим и др.;⁵⁶ все они из библиотеки Манетти. Среди книг, используемых им, имеются такие, из которых можно было взять более всего примеров, в частности, работы Саллюстия и Валерия Максима; они имеют следы внимательного чтения, записи на полях имен исторических и мифологических персонажей, наиболее важных событий, примеры добродетелей и пороков⁵⁷.

Все это позволяет считать книжное собрание Манетти рабочей библиотекой гуманиста. Ее состав, в которой широко представлены античные и раннехристианские авторы, а также средневековые работы и сочинения гуманистов, помогает лучше понять творчество самого Манетти, вырабатывающего собственный взгляд на разные проблемы с помощью античных идей и учений, мирно соединенных им с христианскими. Библиотека Манетти показывает и его отношение к культуре своей эпохи, времени археографических находок; внимательно следя за поисками археографов, гуманист делает нужные ему копии с новонайденных рукописей (риторических работ Цицерона, «Феникса» Лактанция, посланий христианских мучеников и др.), пополняя свою библиотеку и способствуя сохранению ценных текстов.

⁵⁶ Bausi F. Le due redazioni del *Dialogus consolatorius* di Giannozzo Manetti. Appunti sul testo e sulle fonti // *Dignitas et excellentia hominis*. P. 94—97.

⁵⁷ Bianca C. La biblioteca della famiglia Manetti // *Dignitas et excellentia hominis*. P. 112.

Мартин Дорп против Эразма Роттердамского

О тношения Эразма Роттердамского с Мартином Дорпом составляют примечательный эпизод в истории ренессансного гуманизма северной Европы накануне Реформации. Парадоксальность этих отношений — показатель усилий, с которыми новое гуманистическое мировоззрение, отстаивавшее необходимость реформы общества, преодолевало сопротивление не только реакционных теологов-схоластов, но и своих же сторонников-гуманистов. Необычность конфликта, возникшего между Эразмом и Дорпом, в том, что охранительная схоластическая позиция в споре отстаивалась отнюдь не представителем «темных людей» (*obscurorum virorum*), а гуманистом, к тому же принадлежавшим к числу друзей и почитателей прославленного автора «Энхиридиона» и «Похвалы Глупости».

Поводом для полемики стала «Похвала Глупости» или «Мория», написанная осенью 1509 г. в Лондоне, в гостеприимном доме Томаса Мора — одного из ближайших друзей Эразма. При всём своеобразии сатирического жанра, занимательной и шутливой литературной формы, «Мория» — сочинение серьезного и глубокого содержания. В творчестве Эразма ему принадлежит особое место — ни один из известных трактатов прославленного гуманиста не был столь популярен благодаря остроумию и занимательности, но главное, широте содержания и многообразию важных и актуальных тем идеологического, политического, этического и культурного значения. Яркая художественно-публицистическая форма, литературное совершенство и изящество латинского языка «Мории» способствовали пропаганде идей Эразма по самым актуальным вопросам жизни — идеологии и религиозно-церковного устройства, этики и социальной справедливости.

Публикация «Мории» не оставила равнодушных. Одобрительному и даже восторженному отношению к сочинению единомышленниками-гуманистами противостояла весьма сдержанная, а то и прямо враждебная оценка эразмовой сатиры «охранительным направлением» в католической церкви, отстаивавшем незыблемость традиционных порядков в церковном устройстве, университетской науке и общественной жизни. Предвидя непростую судьбу своей книги, Эразм в авторском посвящении «Похвалы Глупости» другу Томасу Мору, призвал его «всеусердно защищать «Морию»

от врагов и недоброжелателей¹. Но Эразм не предполагал, что «Морию» надо будет защищать не только от врагов, но и от некоторых друзей, которые станут повторять охранительные упреки и обвинения, выдвинутые против гуманиста и его просветительской деятельности. Таково, в частности, было выступление старого друга Эразма — Мартина Дорпа, оказавшегося выразителем интересов теологов-схоластов лувенского университета.

Небольшая по объёму, но весьма емкая по содержанию «Мория» отстаивала гуманистическую программу преобразования общества на началах справедливости, как её понимали лучшие представители Северного Возрождения. Под влиянием друзей-гуманистов, в первую очередь Томаса Мора, Эразм опубликовал её летом 1511 г. в Париже у знакомого книгоиздателя Жиля де Гурмона, а в 1515 г. переиздал в Базеле у Иоганна Фробена², — оно было дополнено пояснительными примечаниями, составленными Герардом Листером — учеником профессора Лувенского университета, друга Эразма — Иоганна Палудана. Популярность книги превзошла все ожидания, и в 1522 г. Листер выпустил новое издание «Мории». Только при жизни Эразма вышло около сорока изданий «Похвалы Глупости».

Соотечественник и старый друг Эразма — Мартин Дорп (1485—1525) был воспитанником Лувенского университета. Завершив курс обучения в 1504 г., Дорп здесь же, в университете, начал преподавать философию. Несколько лет он изучал теологию, в 1510 г. был избран в состав Совета Лувенского Университета, а в 1515 г. получил ученую степень доктора теологии и стал профессором теологического факультета и каноником церкви Св. Петра. В сентябре 1515 г. Дорп избирается президентом университетской коллегии Святого Духа.

Дружески увещевая Эразма, Дорп обратился к нему в сентябре 1514 г. с пространном посланием из Лувена. В нем, защищая университетскую систему схоластической теологии, он отстаивал авторитет Вульгаты, доказывая недопустимость исправления текста Св. Писания на основании греческих источников, указывая на опасность гуманистических штудий для христианского благочестия. Выступая лояльно по отношению к теологам-схоластам, управлявшим университетом, он добровольно взял на себя миссию продемонстрировать «заблуждения» Эразма и попытаться «по-дружески» предупредить его об «опасности» исследования и исправления священных текстов на основе филологических штудий. С охранительных позиций осуждалась идея реформы, за которую ратовали Эразм и его единомышленники — гуманисты. Особые претензии и нарекания

¹ Эразм Роттердамский. Похвала Глупости / Пер. с лат. П.К. Губера. М., 1960. С. 8. Далее всюду после ссылки на русский перевод «Мории» указаны страницы её латинского оригинала из второго тома дармштатского издания сочинений Эразма. См.: *Erasmus von Rotterdam. Ausgewählte Schriften*. D., 1975. Bd. 2. S. 6.

² Первое фробеновское издание «Мории» вышло в марте 1515 г.

вызывала публикация «Похвалы Глупости»: «...Твоя Мория возбудила великое беспокойство даже среди тех, кто прежде был твоим самым преданным почитателем»³. И далее: «не мое дело тебе давать советы, но я смею надеяться, что ты правильно поступишь, если против «Глупости» составишь и опубликуешь похвалу Мудрости ("Sapientia laudem")»⁴. Высказав свое отрицательное мнение по поводу «Мории», Дорп, тем не менее, одобрительно отозвался о работе Эразма по исправлению текстов посланий Св. Иеронима. Восстановление и объяснение множества искаженных переписчиками текстов Иеронима, по признанию Дорпа, дело полезное для теологов и достойное такого эрудита и филолога, как Эразм. Однако совершенно иное отношение Дорпа к трудам Эразма по исправлению и комментированию Нового Завета⁵. Из дружеских побуждений Дорп предостерегал Эразма об опасности подвергать сомнению авторитет латинской Вульгаты, тем более исправлять его на основе греческих списков Нового Завета. Утверждая, что латинский перевод Евангелия вполне доброкачествен, Дорп пытался убедить Эразма в бесполезности предпринятого им дела, ибо «неразумно полагать, что Вселенская церковь на протяжении стольких поколений ошибалась», когда она руководствовалась латинской Вульгатой. По его мнению, просто невероятно, чтобы многие святые отцы могли заблуждаться, когда, основываясь на Вульгате, они решали труднейшие вопросы на Вселенских соборах. Как признано большинством теологов и юристов, Вселенские соборы не допускают ошибок в делах веры⁶.

Примечательно, что ещё до того, как Эразм поучил послание Дорпа, оно уже распространялось среди некоторых его друзей в Брабанте. Как полагал Никольс, текст послания стал известен Эразму лишь в марте 1515 г., когда, покинув Базель, на пути в Англию он прибыл в Нидерланды, где в Антверпене, в доме Петра Эгидия, Эразм, видимо, впервые ознакомился с посланием Дорпа⁷. Путешествие из Базеля до Лондона

³ *Erasmus. Opus epistolarum. Oxonii, 1910. T. II. P. 12.*

⁴ *Ibid. P. 13.*

⁵ Латинский перевод с греческого Нового Завета был осуществлен Эразмом в Кембридже и в Лондоне в течение 1505—1506 гг. Текст перевода Эразм отдал скопировать знаменитому переписчику и своему соотечественнику Петеру Мегену, который трудился над рукописью с 1506 по 1509 гг. Полный манускрипт перевода составил четыре огромных тома in folio и ныне рассеян по библиотекам Лондона, Кембриджа и Гатфилда. Первое издание Эразмова перевода Нового Завета вышло в Базеле в 1516 г. в типографии Фробена. Всего при жизни Эразма увидело свет пять изданий этого труда и более двухсот изданий в течение XVI века. Ныне в Голландии впервые предпринята попытка переиздания Нового Завета непосредственно с рукописи Эразма. См.: *Morena. 1985. № 87—88. P. 28*

⁶ *Erasmus. P. 14—15.*

⁷ *The Epistles of Erasmus. V. 2. P. 181. Cf. 168—170.* Наиболее вероятной датой появления письма Дорпа к Эразму Никольс считает октябрь 1514 г. *The Epistles of Erasmus. N.Y., 1962. V. 2. P. 160.*

продолжалось три недели. Вероятнее всего, что только по прибытии в Англию Эразм смог приступить к составлению своего обстоятельного и похожего на пространный трактат ответа, заверщенного через несколько месяцев. В фундаментальной публикации корреспонденции Эразма, подготовленной Алленом, послание к Дорпу датируется концом 1515 г. из Антверпена⁸. Как полагает Аллен, оно было написано уже по возвращении из Англии на обратном пути в Базель и отправлено Дорпу из Антверпена в конце мая 1515 г. Послание Дорпу вошло в собрание писем Эразма, опубликованных Фробеном в августе 1515 г. С легкой руки Т. Мора Эразмово послание стали называть апологией⁹. В таком качестве оно неизменно перепечатывалось во всех ранних изданиях «Похвалы Глупости», начиная с 1516 г. И это вполне оправдано, поскольку значительная часть послания к Дорпу была посвящена защите «Мории», ведь именно «Мория», по словам Дорпа, «возбудила великое беспокойство» theologов. «Зачем было столь яростно бичевать профессию theologа?» — с упреком вопрошал Дорп Эразма (Ор. ер. Т. II. Р. 97). Как видно из послания Дорпа, из всей «Похвалы Глупости» наиболее острую реакцию вызвало как раз гуманистическое отношение к theologии, которое невозможно было скрыть даже под маской Мории. В сущности, отношение к theologии и два различных понимания смысла theologических штудий — составляют основное содержание полемики, отразившей борьбу двух противоположных концепций: гуманистической и официальной схоластической, господствовавшей тогда в университетах Европы.

Решительно отвергая обвинение Дорпа в оскорблении профессии theologа, Эразм утверждал, что как раз theologическую ученость он и считает истинной ученостью¹⁰. Высоко оценив theologию, Эразм пояснял, что он понимает под истинной theologией и каково ее отличие от theologии схоластов. Прежде всего, в theologe, по его мнению, ученость неизменно сочетается с добродетелью. «Мория» высмеивает как раз лжетеologов, которые всем своим поведением не только попирают христианскую мораль, но и позорят профессию theologа, понимаемую ими, как диалектическое искусство, сводящееся к хитросплетениям софистики. Причем «Мория», уточняет Эразм, не столько осуждает софизмы, «сколько тех, кто видит в софизмах начало и конец, нос и корму» корабля theologии и все theologическое искусство сводит к словесным баталиям. Всякого, кто знаком с подлинной theologией «тошнит от вздорных theologиче-

⁸ *Erasmus. Opus epistolarum. Т. II. Р. 90.*

⁹ «...apologiae tuae...» напишет о нем Мор Эразму 17 февраля 1516 г. *Erasmus. Opus epistolarum. Т. II. Р. 197.* О полемике Эразма с Дорпом см. *Henry de Vocht. Monumenta Humanistica Lovaniensia: Text and Studies about Lovain Humanists of the XVI-th Centure. Lovain, 1934. Р. 139 ff.*

¹⁰ *Erasmus. Opus epistolarum. Р. 100.*

ских хитросплетений»¹¹. Главную задачу теологии Эразм видел в постижении нравственного смысла «философии Христа» путем изучения Св. Писания и сочинений древних отцов церкви, преобразование жизни общества на основе Евангелия. Диалектическое искусство теологов, направленное на истолкование метафизических проблем, отталкивало гуманиста. Критикуя диалектический метод, как главный инструмент схоластической теологии, Эразм ратовал за возрождение древней теологии, опирающейся на изучение текстов Св. Писания, передающего дух небесной доктрины Христа. Что касается схоластической теологии, оперирующей лишь с помощью логических категорий, заимствованных у Аристотеля, к тому же превратно истолкованного, то, по словам Эразма, «это другой тип теологии», чудовищный по своей природе и враждебный «благородным наукам». Такая теология сосредоточена на человеческих установлениях и логических хитросплетениях, пренебрегает Св. Писанием, перестает видеть образ Христа. «Что общего между Христом и Аристотелем? Между софистическими ухищрениями и таинствами вечной мудрости? К чему эти лабиринты бесчисленных вопросов, среди которых так много пустых, так много вредных хотя бы по той причине, что они порождают раздоры? Но, возражат мне, что-то надо исследовать, что-то требует определения. Не отрицаю. Но, с другой стороны, очень многого правильнее вообще не касаться (и мудрость отчасти состоит в том, чтобы кое-чего не знать), об очень многом разумнее сомневаться, чем выносить постановления»¹². Между тем теологи «по своему произволу толкуют и объясняют сокровеннейшие тайны: ...по какому плану создан и устроен мир, какими путями передается потомству язва первородного греха, каким способом, какой мерой и в какое время зачат был... Христос»¹³. Не только эти, но и самые серьезные теологические проблемы, как правило, решаются «на основе жалких силлогизмов, выдуманных людьми». В результате получается, что даже дела величайшей важности «не зависят от закона Христа, но от дефиниций схоластов и власти некоего епископа». Все это, полагает Эразм, слишком далеко от подлинного христианства¹⁴. Занятые словесными баталиями теологи не имеют времени, чтобы читать Евангелие пророков или ранних отцов церкви. Таких теологов «слишком много», «я могу тебе назвать кое-кого, перешагнувшего восьмой десяток, кто потратил так много времени на эту бессмыслицу, что никогда не читал текста Евангелия»¹⁵.

¹¹ Эразм. Похвала Глупости. С. 75; S. 138.

¹² Erasmus. Opus epistolarum T. II. P. 101—102; Маркиш С.П. Знакомство с Эразмом. М., 1971. С. 100.

¹³ Эразм. Похвала Глупости. С. 71; Erasmus. Bd. 2. S. 132.

¹⁴ Erasmus. Opus epistolarum. T. II. P. 102.

¹⁵ Ibid. P. 101.

Итак, разъясняя Дорпу смысл своей сатиры, Эразм утверждал, что его «Мория» отнюдь, не направлена против теологии, но высмеивает лишь невежественных теологов, недостойных этого звания. Комментируя отдельные пассажи «Мории», гуманист излагает свое представление о теологии, ее источниках и значении для общего блага всего христианского мира. И хотя он не отрицает диалектический метод (“modus logicalis”) как таковой, он отдает предпочтение текстологическому методу изучения древнейших текстов Св. Писания и ранних отцов церкви, дабы восстановить подлинные первоисточники христианства, наиболее свободные от искажений невежественных переписчиков и ошибок переводчиков. Обличая своих противников-схоластов в невежестве, Эразм утверждал, что без знания древних языков, столь необходимых для изучения Св. Писания, нельзя причислять себя к профессии теолога. В действительности сочинения схоластов — противников «Мории», принадлежащих к привилегированной корпорации университетских теологов так далеки от подлинной теологии и «благородных наук», что «не имей я лучшей, чем у них подготовки, я скорее предпочел бы быть обыкновенным ремесленником, чем первым в их корпорации». Эразм высказывал обоснованное предположение: потому-то эти люди и противятся исправлению Вульгаты на основе греческих и еврейских источников, что боятся обнаружить свое невежество¹⁶. Под вымышленным предлогом заботы о «чистоте христианской веры» университетские схоласты предостерегают от изучения еврейского и греческого языков, говорят, что эти «опасные языки не обладают никакой ценностью и выдуманы только ради курьеза»¹⁷. С точки зрения таких теологов диалектическое искусство не нуждается в филологических штудиях, поскольку оно самодостаточно для постижения христианской мудрости.

Для лувенских теологов, которых представлял Дорп, Эразм был всего лишь «грамматиком» и потому не обладал достаточной компетенцией, чтобы судить о теологических проблемах¹⁸. Эразм иронизировал по поводу пренебрежительной оценки «грамматиков» теологами-схоластами: «законы грамматики кажутся им несовместимыми с достоинством священной науки»¹⁹. С явной горечью обнаружив, что столь же необоснованно высокомерно относится к «грамматикам» его друг Дорп, автор «Мории» напоминал своему корреспонденту, что и древние отцы церкви, в частно-

¹⁶ Erasmus. Opus epistolarum. Т. II. Р. 111.

¹⁷ Ibid. Р. 108.

¹⁸ Иной точки зрения придерживался Эразм. В послании к своему английскому ученику Генри Буллоку в августе 1516 г. он напишет: “Нельзя отрицать, что Иероним, Амброзии и Августин, на чьем авторитете главным образом основана наша теологическая система, принадлежали к разряду «грамматиков»” // Op. ep. Т. II. Р. 325.

¹⁹ Эразм Роттердамский. Похвала Глупости. С. 76, 3. 142

сти Иероним и Августин, не считали для себя зазорным принадлежать к разряду «грамматиков». Более того, глубокое знание священных текстов древними теологами — прямое следствие их основательной филологической подготовки, подлинного филологического мастерства, «которое св. Иероним и даже старый Ориген достигали такими огромными усилиями». Даже Августин, будучи епископом, пожилым человеком, словно юноша занимался филологическими штудиями, изучал литературные произведения, которые он считал полезными для понимания Священного Писания. И если литературные штудии отцов церкви для кое-кого всего лишь курьез, «я не желал бы быть святее, чем Иероним», — заключает Эразм²⁰. И при изучении Аристотеля, и на пути изучения Св. Писания стоит «та же Немезида, мстящая за пренебрежение языком. В результате презирающие грамматику вынуждены бесцельно блуждать, пораженные слепотой»²¹. «Но если ты тешишь себя мыслью, что истинное знание теологии возможно без знания языков, и особенно того языка, на котором были написаны главные божественные Писания, ты глубоко заблуждаешься»²².

Особое возмущение Эразма вызвала попытка Дорпа подвергнуть сомнению достоверность греческих источников Св. Писания на том основании, что «нельзя полагаться на сочинения тех, кто отпал от Римской церкви». «Мне трудно заставить себя поверить, — признавался Эразм Дорпу, — что ты написал это искренне. Что ты говоришь? Мы не должны читать сочинения людей, которые отпали от христианской веры. Почему же тогда наделяют таким авторитетом Аристотеля, язычника, который никогда ничего не делал с верой? Весь иудейский народ отделяет себя от Христа, что же Псалмы и Пророки не будут иметь в наших глазах никакого значения, раз они написаны по-еврейски? Перечисли все пункты, по которым греки расходятся с латинянами: ты не найдешь ничего, что не восходит от слов Нового Завета...». Если судьба благородных наук будет зависеть от теологов-схоластов, «лучшие писатели античности будут отвергнуты, и мир окажется во власти этих оракулов с их безжизненными заклинаниями»²³.

Эразм убеждал своего оппонента, что теологи, которых оскорбила «Похвала Глупости» никогда не одобряют публикацию сочинений и Св. Иеронима, ибо для них диалектическое искусство превыше Св. Писания и сочинений отцов церкви. «Нет ничего высокомернее, чем невежество. Есть такие, которые осуждают Св. Иеронима как грамматика. Очевидно потому, что не понимают его. Эти мужи высмеивают греческий, еврейский, даже латынь, и хотя они глупее свиньи и лишены обычного здравого смысла, они думаю, что владеют всей цитаделью учености... им

²⁰ *Erasmus. Opus epistolarum.* Т. II. Р. 108.

²¹ *Ibid.* Р. 109.

²² *Ibid.* Р. 107.

²³ *Ibid.* Р. 110—111.

неведомы сомнения и колебания... Эти люди составляют один великий заговор против подлинной учености». Они борются «за высокое положение среди теологов, опасаясь, что если бы возродилась истинная ученость... обнаружилось бы, что они ничего не знают, тогда как теперь их считают всезнающими... от них все потрясения, от них заговор против тех, кто стремится к настоящей учености... Они не любят «Морию», потому что не понимают ни греческого, ни латинского...»²⁴.

Из переписки с Дорпом у Эразма складывается впечатление, что публикация «Похвалы Глупости» вызвала наиболее острую негативную реакцию среди теологов-схоластов. Но ведь госпожа Глупость не обошла своим вниманием никого из смертных: ни королей, ни знать, ни магистратов, ни пап, ни кардиналов, ни епископов, ни аббатов, ни монахов. Почему же автору «Мории» пришлось держать ответ только перед теологами? «... почему именно теологов больше всех обидели речи госпожи Глупости: «больше, чем королей, чем знать, чем магистратов, чем епископов, чем кардиналов, чем верховных понтификов, чем купцов, чем мужей, чем жен, чем юристов, чем поэтов?»²⁵.

Теологическая концепция Эразма, изложенная в «Мории», открыто противостоит официально принятой в тогдашних университетах. В послании к Дорпу, несмотря на примирительный, дружеский тон, Эразм решительно отстаивал ее гуманистическое понимание, опровергая охранительную аргументацию своего оппонента и тех, кого он представлял. Изложив свой взгляд на источники, метод и задачи теологических штудий, Эразм не только вновь убедительно обосновал гуманизм религиозно-этической концепции, но и дал пространный, четкий комментарий к «Мории», отстаивая правомерность критики Вульгаты на основе сравнительного исследования древнейших текстов Св. Писания и сочинений отцов церкви. Такое понимание опиралось на давнюю ренессансную традицию, идущую от Лоренцо Валлы, и воспринятую не только Эразмом, но и другими гуманистами, например, современником и другом автора «Мории» — Лефевром д'Этаплем.

Автор «Мории» утверждал, что в его книге, направленной против невежд, которые маскируются под теологов, нет ничего неблагочестивого. Разве есть что-то неблагочестивое в «Фацетиях» Поджо Браччолини²⁶, которого повсюду воспринимают как христианского автора. А как обличает духовенство Джованни Понтано, которого, тем не менее, читают как превосходного писателя?²⁷ Остроумно парируя нелепое, на его

²⁴ Ibid. P. 99.

²⁵ Erasmus. Opus epistolarum. Т. II. P. 98.

²⁶ Ibid. P. 99. «Фацетии» Поджо, действительно, пользовались широкой известностью: в 1500 г. они были изданы по-английски, по-французски, по-итальянски по-испански.

²⁷ Вероятно, Эразм имеет в виду диалог Джованни Понтано (1426—1503) «Харон».

взгляд, обвинение Дорпа, будто он оскорбил всех теологов, Эразм замечает, что оно столь необоснованно, как если бы из-за обличения одного нечестивца весь человеческий род почел себя оскорбленным²⁸.

Хотя Эразм и имел ученую степень доктора теологии, он не был теологом в традиционном средневековом понимании. Для Дорпа он был всего лишь «грамматиком». Против уничижительно употребления слова «грамматик» Дорпом, как известно, решительно возражал и Томас Мор, защищавший Эразма от нападок лувенских теологов²⁹.

Что касается его отношения к схоластической теологии, то оно с достаточной определенностью выражено в «Мории». Прежде, чем заговорить о теологах, сама госпожа Глупость, которой будто бы все нипочем, испытывает сомнение: «Не лучше ли обойти их молчанием, не трогать болота Комаринского, не прикасаться к этому ядовитому растению? Люди этой породы весьма спесивы и раздражительны, того и гляди, набросятся на меня с сотнями своих конклюдзий и потребуют, чтобы я отреклась от своих слов...»³⁰.

Опасения были высказаны не напрасно. Только объектом нападок со стороны теологов оказалась, отнюдь не госпожа Глупость, — Мория, а ее автор. И поскольку резкая критика «Мории» содержалась в послании друга и недавнего единомышленника, Эразму пришлось с добродетельной сдержанностью в столь необычной ситуации, терпеливо и обстоятельно разъяснить оппоненту не только смысл «Похвалы Глупости», но и всей своей литературной, просветительской деятельности исследователя, переводчика и комментатора древних текстов. Так возникло «Послание Эразма к Мартину Дорпу», явившееся своеобразным послесловием и авторским комментарием «Мории».

Эразм, как это видно из его писем, понимал — критика «Мории» и «дружеские» советы Дорпа написать «Похвалу Мудрости» были инспирированы лувенскими теологами. То, что вдруг Дорп взялся защищать схоластическую теологию, авторитет Вульгаты, отговаривал от издания исправленного «Нового Завета», с охранительных позиций выступал против дела реформы, задевало Эразма. 17 октября 1516 г. в письме из Брюсселя к Петру Эгидию Эразм напишет по поводу выступления Дорпа: «Я никогда ещё не видел более недружественного друга» И далее: «Тунсталл после прочтения чепухи, которую он (Дорп — И.О.) мне написал, испытывает такое отвращение к этому человеку, что едва выносит упоминание его имени. Можешь убедиться, чего он достиг...»³¹. К чести Эразма следует признать, что и в своем ответе Дорпу, и в дальнейших от-

²⁸ Erasmus. Opus epistolarum T. II. P. 97.

²⁹ More Th. The Correspondence. Princeton, 1947. P. 65—66.

³⁰ Эразм Роттердамский. Похвала Глупости / Пер. с лат. П.К. Губера. М., 1960. С. 71; 5. 130.

³¹ Erasmus. Opus epistolarum. T. II. P. 359.

ношениях с ним он до конца сохранил дружественный тон, но ни в чем не уступил, последовательно и твердо отстаивая правоту своей позиции.

Анализ послания Дорпа убедил Эразма в том, что при всей половинчатости «дружеской» позиции своего оппонента, компромисс с ним невозможен по самой сути возникших разногласий. Однако с завидным самообладанием Эразм писал своему оппоненту, что дружеское расположение одного Дорпа он предпочитает приязни тысяч других людей. Вот почему, преодолевая болезненный недуг и усталость после утомительного путешествия на корабле и верхом на лошади, отложив разбор своего багажа, он принялся за это письмо, дабы подробно объясниться. В начале письма Эразм признается, что почти сожалеет о публикации «Мории», хотя книга принесла ему немалую славу: «По меня нисколько не интересует слава, если она сопровождается завистью»³². Между тем, из дальнейшего текста послания к Дорпу становится ясным, что автору «Мории» не в чем себя упрекнуть, поскольку «Похвала Глупости» лишь в иной манере «под маской шутки» излагала то же самое, что было сказано в других, серьезных книгах Эразма, например, в «Энхиридионе». И цель автора «Мории» оставалась той же самой: не раздражать и причинять боль, а «увещевать и исправлять людские нравы» — т.е. как и во всех других своих книгах, в «Похвале Глупости» автор преследовал одну лишь полезную цель — служение общему благу³³.

Эразмово послание Дорпу это своеобразная апология не только «Похвалы Глупости», но и главного дела жизни ее автора — возрождения и распространения «философии Христа», как важнейшего условия торжества реформы, о которой мечтали гуманисты перед Реформацией. Не случайно, что из всей «Похвалы Глупости» наиболее пристальное внимание и ожесточенные нападки вызывала гуманистическая трактовка теологии. Послание Эразма к Дорпу посвящено, прежде всего, именно этой, магистральной для того времени проблеме — духовная монополия церкви, в лице ее наиболее привилегированной теологической корпорации толковать Священное писание и решать основные вопросы христианского вероучения.

Эразм ратовал за возрождение древней подлинной теологии Христа, незамутненной «человеческими установлениями» и софистикой; той теологии, что олицетворяет соединение учености с добродетелью и способна «увлекать, вдохновлять, преображать» человека, т.е. учит жить по Христу. Как поясняет Эразм в «Параклезе» (1516), «этот род философии заключен скорее в чувствах, чем в силлогизмах, он больше сама жизнь, чем рассуждение или исследование, больше наитие, чем образованность, преображение, чем рассудок. Быть ученым выпадает совсем не многим, но никому не заказано быть христианином, никому не заказано быть

³² Erasmus. Opus epistolarum. T. II. P. 92, 93.

³³ Ibid.

благочестивым, дерзну добавить — никому не заказано быть теологом». И там же: «...с легкостью внедряется во все души то, что вполне согласно с природою. Но чем иным является философия Христа, которую он сам зовет «возрождение», как не восстановлением природы, изначально сотворенной благою?»³⁴. Так называемое «возрождение» древней теологии, подобно возрождению античной словесности в ту же эпоху Ренессанса означало по существу зарождение и утверждение новой гуманистической концепции теологии, предполагавшей не только критическое исследование Св. Писания, но и довольно своеобразную, отличную от официальной трактовку богословских сюжетов, равно как и христианского вероучения в целом. В полемике против охранительной позиции Мартина Дорпа и лувенских теологов Эразм не отделяет себя от созданного им персонажа — госпожи Глупости, которой не дозволено говорить что угодно; он определенно принимает сторону своей героини, по крайней мере, в ее отношении к теологам-схоластам; защищает рискованную двусмысленность ее суждений о благочестивой глупости апостолов и самого Христа.

Как видно из послания к Дорпу, автор «Мории» не находит в этом ничего предосудительного или опасного для христианского благочестия. Более того, рассуждая о различных родах безумия, Эразм, ссылаясь на апостола Павла (Первое послание к коринфянам. Гл. I. Стих 23, 25), приводит дополнительную аргументацию в защиту божественной глупости, которая мудрее любой человеческой мудрости. Дабы показать, насколько безобидно и правомерно рассуждение госпожи Мории, превозносящей «благочестивую глупость» и «блаженное безумие», Эразм подробно анализирует соответствующий пассаж из «Похвалы Глупости»³⁵, отмечая все литературные тонкости, помогающие раскрыть его авторский замысел. Здесь все имеет значение: и то, что Госпожа Глупость, трактующая столь темный и сложный предмет, облачена в львиную шкуру (намек на греческую пословицу; к сожалению, эта деталь опущена в русских переводах «Мории») и то, что обсуждается не глупость вообще, а лишь определенный род глупости. Причем, автором подчеркнута даже интонация, с которой произносится тирада о «блаженном» роде глупости, и т.д.³⁶.

Эразм утверждает о серьезности поднимаемых вопросов, несмотря на шутиливую форму повествования «Мории», о которых говорит «с благочестием и осторожностью и даже с большей почтительностью», чем это было бы свойственно такому персонажу, как госпожа Глупость. «В этом отношении я скорее предпочел пренебречь элегантною, нежели поступиться

³⁴ *Erasmus von Rotterdam. Ausgewählte Schriften...in acht Bänden. Darmstadt, 1967. Bd. 3. S. 22. Маркуш С.П. Знакомство с Эразмом. М., 1971. С. 156—157.*

³⁵ *Эразм Роттердамский. Похвала Глупости. С. 106; 8. 200.*

³⁶ *Erasmus. Opus epistolarum. Т. II. Р. 104—105; Erasmus. Adag., I, 3, 66 (Адагия о львиной шкуре).*

справедливостью в связи с важностью предмета. Я предпочел скорее обидеть риторику, чем причинить ущерб благочестию». В доказательство справедливости сказанного Эразм ссылается на заключительные слова Мории и поясняет: «Ты видишь, что я постоянно предотвращаю повод для обиды. Однако мужи, чьи уши не воспринимают ничего, кроме пропозиций, конклюзий, короллариев, недостаточно обдумывают такие вещи»³⁷.

Далее, ссылаясь на известную адагию № 2201 — «Силены Алкивиада», автор «Мории» напоминает своему корреспонденту, что он и прежде уже использовал этот образ греческой мифологии, образ силены — воплощения стихийных сил природы, называя силенами апостолов и даже самого Христа. По убеждению Эразма, в этой аллегории не содержится ничего предосудительного для благочестивых ушей³⁸.

Апология в форме послания к Дорпу позволила Эразму с достаточной полнотой и ясностью изложить гуманистическую трактовку теологии и послужила послесловием и превосходным авторским комментарием к «Похвале Глупости». Не случайно в последующие издания «Мории» наряду с комментариями Герарда Листера³⁹, к сожалению, не опубликованными в русском переводе, включалось и «Послание Эразма к Дорпу».

Другой важный вопрос послания к Дорпу — это издание исправленного Нового Завета.

Лувенские теологи, и, в частности, Дорп хорошо понимали, что задуманное Эразмом издание опирается на давнюю гуманистическую традицию критического изучения Священного Писания, идущую от Лоренцо Баллы и продолженную современником и французским другом Эразма — Якобом Фабером (Лефевром д'Этаплем). Не отрицал этого и сам Эразм, который все же счел возможным внести в этот вопрос уточнения. Он пояснял, что если бы названные авторы уже сделали всю необходимую работу по переводу и толкованию Священного Писания, в его собственных трудах не было бы никакой надобности. «Конечно, я считаю Валлу заслуживающим высочайшей хвалы, но он был больше риторик, чем теолог». Далее Эразм подчеркивал свои расхождения с Лоренцо Валлой в толковании некоторых мест Священного

³⁷ Эразм. Похвала Глупости. С. 111; S. 210. Op. ep. T. II. P. 105.

³⁸ Erasmus. Opus epistolarum. T. II. P. 104. «В “Хилиадах пословиц” ... мы назвали апостолов силенами, а самого Христа сказали, что он силен. Что может быть невыносимее, если бы вдруг явился слишком строгий истолкователь и в трех словах обернул бы все в худшую сторону. Но пусть прочитает написанное мною благочестивый и справедливый человек — он непременно одобрит аллегорию». См.: Маркиш С.П. Знакомство с Эразмом. С. 101 и далее.

³⁹ Герард Листер — ученик Иоанна Палудана, близкого друга Эразма, составил пространные пояснительные замечания к фробеновскому изданию «Похвалы Глупости», опубликованному в мае 1515 г. в Базеле. См. примечания П. Аллена в кн.: Erasmus. Opus epistolarum. T. II. P. 64.

Писания, особенно тех, которые имеют теологический смысл. С точки зрения Эразма, Лоренцо Валла просто прокомментировал несколько мест Священного Писания и сделал это в самой поверхностной манере. Что касается французского друга Эразма, Якоба Фабера (Лефевра д'Этапля), то он опубликовал комментарии лишь на послания св. Павла, но при переводе обошел ряд трудных мест. И хотя в целом Эразм и одобрял труд Лефевра, он отмечал свое несогласие с ним по некоторым вопросам. Характеризуя свой труд, Эразм писал: «Я перевел весь Новый Завет в соответствии с греческим оригиналом, снабдил перевод греческим текстом для более наглядного сравнения. Составил комментарий, который опирается на труды древних теологов»⁴⁰.

В послании к Дорпу приводится обстоятельная аргументация важности и необходимости издания исправленного Нового Завета. Эразм убедительно доказывал необоснованность опасений, будто бы исправление ошибок в латинском тексте Вульгаты может причинить ущерб христианскому благочестию и вызвать раскол среди христиан. Эразм показал истинную подоплеку опасений против восстановления утрат и исправления священных текстов по греческим рукописям. «Они не желают ничего восстанавливать, дабы не обнаружить своего невежества». Не зная ни греческого, ни еврейского, невежественные теологи только и могут довольствоваться текстом Вульгаты со всеми его ошибками и предпочитают цитировать Св. Писание с ошибками, нежели быть изобличенными в невежестве. «Люди этого сорта таковы, что скорее перевернется мир, чем они признают свое невежество. Для Эразма же важен лишь один критерий оценки деятельности — сознание, что его труды способствуют общему благу»⁴¹. Попытки Дорпа отговорить Эразма от издания Нового Завета ничуть не поколебали его убежденности в необходимости задуманного. Что касается возможного неудовольствия церкви, — писал Эразм, — то «я не побоюсь посвятить свой труд любому епископу, кардиналу или даже римскому понтифику...»⁴².

Понимая, сколь неблагоприятна роль Дорпа как защитника лувенских теологов, Эразм пытался вразумить его советом самому приняться за изучение греческого, без чего невозможно правильно судить о добротности латинской Вульгаты. «И если ты мудр, ты скорее согласишься с моим советом, чем с советом тех мужей, что рьяно хотят вовлечь твой гений в свою юшку, дабы приумножить свои силы и обрести лидера. Пусть они преследуют более благовидные цели. И если ты не можешь быть лучше их, по крайней мере, будь осторожен, дабы они не развратили тебя»⁴³.

⁴⁰ *Erasmus. Opus epistolarum*. Т. II. Р. 112—113.

⁴¹ *Ibid.* Р. 111.

⁴² *Ibid.* Р. 113. Исправленное издание Нового Завета Эразм посвятил папе Льву X.

⁴³ *Ibid.* Р. 113.

В своей апологии Эразм старался достигнуть определенного компромисса с лувенскими теологами, хотя не желал поступиться своими убеждениями. Он ясно понимал, что Мартин Дорп в возникшей конфликтной ситуации лишь орудие схоластов. Поэтому, заключая свое послание, Эразм откровенно просил Дорпа «защищать мое дело перед ними также верно, как ты защищал их дело передо мной. Постарайся насколько это возможно умиротворить этих мужей и убеди их; то, что я делаю, не имеет намерения оскорбить людей незнакомых с благородными науками, но имеет цель — служение общему благу»⁴⁴.

Таким образом, в послании Эразма к Дорпу традиционному средневековому пониманию теологии противопоставлена гуманистическая концепция теологии, акцентировавшая внимание на изучении Священного Писания и сочетавшая строгую филологическую критику источников — древних священных текстов с их преимущественно этическим толкованием, подчеркивавшим действенную роль «философии Христа» в нравственном преобразовании общества в духе евангельских заветов.

Расхождения во взглядах не сказались на личных отношениях Эразма с Дорпом. Об этом красноречиво свидетельствует теплая, дружеская эпитафия на смерть Дорпа:

«Едва покинул землю Дорпий наш Мартин,
По сыну плачет в скорби мать Голландия,
Теологи рыдают: их угасла честь,
Камены плачут с Грациями чистыми,
В слезах тоскуют о таком заступнике,
И школа вся Лувенская в стенаниях,
Своей звезды не видя, восклицает: «Смерть
Жестока, зла, люта, дика, завистлива,
До срока рубящая дерево...» и т.д.⁴⁵

Выступления Дорпа против Эразма положило начало острой полемике между гуманистами и охранительным направлением в католической церкви по поводу идеи церковного реформирования. В частности защитником идеи реформы церкви на основе позитивной теологии просвещения выступил друг и единомышленник Эразма Томас Мор. Он написал серию блистательных писем — эссе, жестко критикующих приверженцев охранительного направления. Таковы его послания к М. Дорпу, Эдуарду Ли, Оксфордскому университету, монаху Батмансону, написанные в 1515—1519 гг. Таким образом, Мартин Дорп сыграл роль катализатора в процессе формирования и развития гуманистической доктрины ренессансного христианского гуманизма.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Эразм Роттердамский. Стихотворения. М., 1983. С. 194.

Героическое «Я» Бенвенуто Челлини

Юрий Тынянов как-то сказал, что всякое литературное произведение «гуляет в веках, каждый раз поворачиваясь другой своей стороной»¹. В случае с автобиографическим «Жизнеописанием» Челлини можно смело сказать, что «в веках» вместе с самим произведением «гуляет» также и образ ее героя и автора.

Для первооткрывателя «Жизни» и родоначальника поразительно стойкой романтической традиции ее интерпретации знаменитого итальянского писателя и ученого XVIII в. Джузеппе Баретти² Челлини — необычайно яркая и самобытная фигура, воплотившая героические черты своего времени. Он не только создает художественные шедевры, гордо и смело отстаивает идеалы своего искусства, но и пишет гениальное сочинение, не имеющего себе равных во всей итальянской литературе³. С такой оценкой в целом соглашается Гете, первый переводчик «Жизни» на немецкий язык, хотя для него герой произведения — не только личность, достойная восхищения, но и исторический тип, фигура, в которой воплотились характерные черты эпохи⁴. Позднее безудержный восторг перед образом флорентийского мастера, «своеобразного и восхитительного человека», «головореза и одновременно гения»⁵, его гордым характером, бурным темпераментом, умением доказывать правоту своего искусства государям мы встречаем в письмах и мемуарах Гектора Берлиоза, создателя оперы «Бенвенуто Челлини»⁶. О Челлини и его «Жизни» восторженно отзывались Огюст Конт, Стен-

¹ Воспоминания о Ю.Н. Тынянове. Портреты и встречи. М., 1983. С. 122.

² Книга Челлини была известна и раньше: первое ее издание вышло в 1728 г. в Неаполе с предисловием А. Кокки, однако лишь после восторженных оценок Баретти она стала переиздаваться и пользоваться успехом у читателей.

³ Barretti G. La frusta letteraria. Bari, 1932. Vol. 1. P. 203—304.

⁴ Goethe J. W. Anhang zur Lebensbeschreibung des Benvenuto Cellini bezüglich auf Sitten, Kunst und Technik // Leben des Benvenuto Cellini florentinischen Goldschmieds und Bildhauers von ihm selbst geschrieben, aus dem Italienischen und mit einem Anhang ... Johann Wolfgang Goethe. Tübingen, 1803. Vol. 2.

⁵ Берлиоз Г. Избранные письма. Л., 1981. Кн. 1. С. 90—91.

⁶ Берлиоз Г. Мемуары. М., 1967.

даль, Альфред де Мюссе, Шарль Бодлер, а Александр Дюма-отец взял историю Бенвенуто за основу для одного из лучших своих романов — «Асканио».

Во второй половине XIX в., однако, отношение к личности Челлини — как литературных критиков, ученых, так и читающей публики вообще — в целом становится более сдержанным, а в некоторых случаях и весьма критическим. Знаменитый историк итальянской литературы Франческо де Санктис вдруг обнаруживает, что герой «Жизни» «лишен и тени нравственного чувства, не отличает добра от зла и даже хвалится преступлениями, которых не совершал»⁷. А начиная с Чезаре Ломброзо появляется целая серия исследований «Жизни» медико-психологического характера, в которых имя Челлини соседствует с определениями из области психопатологии⁸. У него обнаруживают непостоянство намерений, болезненную раздражительность, невропатическую предрасположенность к бредовым состояниям и видениям, склонность к мистицизму, импульсивность, ведущую к конфликтным ситуациям, и т.п.⁹. Диагнозы, выносимые в итоге флорентийцу, оказываются достаточно суровыми и категоричными: психический тип дегенерата¹⁰ или, в лучшем случае, личность, одержимая манией величия¹¹.

В России фигура Челлини и его сочинение впервые получили известность после выхода в свет в 1848 г. русского перевода «Жизни»¹². Впрочем, во второй половине XIX—начале XX в. этот перевод не вызвал особого интереса к сочинению и его герою. В немногих литературно-критических статьях, посвященных Челлини, его образ рисуется на основе известных клише, сформированных романтической литературной критикой, долгое время определявшей лейтмотив восприятия героя Бенвенуто в Италии, Германии и Франции¹³.

Первые серьезные научные исследования биографии Челлини и его «Жизни» появляются в России только в советский период. В 1929 г.

⁷ Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978. С. 133.

⁸ Maier B. Svolgimento storico della critica su Benvenuto Cellini scrittore. Trieste, 1950 (Annali Triestini. Vol. 20). P. 190—202.

⁹ Courbon P. Étude psychiatrique sur Benvenuto Cellini (1500—1571). Paris; Lyon, 1906. P. 77—80.

¹⁰ Courbon P. Étude psychiatrique sur Benvenuto Cellini (1500—1571). Paris; Lyon, 1906. P. 82.

¹¹ Querenghi F. La psiche di Benvenuto Cellini. Saggio critico. Bergamo, 1913. P. 52.

¹² Записки Бенвенуто Челлини, флорентийского золотых дел мастера и скульптора. СПб., 1849. Ч. 1—2. Перевод (анонимный) был выполнен в этом издании не с языка оригинала, а с французского. Точно так же с французского был сделан и второй перевод книги В. Штейном (См.: Жизнь Бенвенуто Челлини, им самим рассказанная. СПб., 1897. Т. 1—2), переизданный несколько лет назад (Челлини Б. Жизнеописание. Сонеты. Трактаты. СПб., 2003).

¹³ Месть Бенвенуто Челлини // Исторический вестник. 1901. Август. С. 717—719 (Имя автора заметки не указано).

блестящий русский ученый Алексей Карпович Дживелегов создает в своих «Очерках итальянского Возрождения» глубоко «встроенный» в культуру ренессансной эпохи и поразительно яркий портрет человека, художника и писателя. Формально следуя основным принципам доминировавшего в то время в советской историографии социологического подхода, он видит свою главную задачу в том, чтобы «осветить темную историю дебютов современной интеллигенции при помощи социального анализа»¹⁴ С этих позиций он рассматривает отдельные черты личности Челлини: «самовозвеличение в области искусства», «отношение к вопросам общественной и культурной жизни» и др., подчеркивая при этом ее типичность. Пафос исследования советского историка направлен в значительной степени на разрушение героического ореола, созданного вокруг имени флорентийского мастера «буржуазной наукой», однако прекрасное знание им культуры ренессансной Италии, обширный охват источников и литературы, живой и свободный стиль изложения заставляют забыть читателя об идеологической подоплеке, погружая его в захватывающий артистический мир Флоренции XVI в.¹⁵

В 1940-е гг. личность и художественное творчество Челлини привлекают внимание известного историка искусства Бориса Робертовича Виппера, предложившего решительно переосмыслить то место, которое ему традиционно отводилось в истории итальянской культуры. Виппер увидел в герое и авторе «Жизни», прежде всего, человека, жившего на излете Возрождения, на грани двух эпох, и в силу этого испытывавшего глубокий внутренний кризис. Этот кризис, в полной мере отразившийся в образцах пластического искусства Челлини, по мнению ученого, нашел отражение и в его автобиографии. Ее автор, говорит он, принадлежит «к тому поколению, которое непосредственно пережило крушение идеалов Ренессанса и первое болезненное зарождение нового мировосприятия»¹⁶ Соответственно, и образ героя «Жизни» полон внутреннего драматизма: «Неудовлетворённость и тоска являются обычным состоянием духа Челлини..., за его поступками всегда прячется

¹⁴ Дживелегов А.К. Очерки итальянского Возрождения. Кастильоне. Аретино. Челлини. М., 1929. С. 5.

¹⁵ А.К. Дживелеговым написана также вступительная статья к первому изданию перевода «Жизни», выполненного М. Лозинским (Дживелегов А.К. Бенвенуто Челлини Эпоха, среда, человек // Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентийца, написанная им самим во Флоренции. М.:Л., 1931). Статья представляет собой «опыт социологического комментария к Vita» (Дживелегов А.К. Бенвенуто Челлини Эпоха, среда, человек // Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентийца, написанная им самим во Флоренции. М.:Л., 1931. С. 34). Оценка личности Челлини совпадает в ней с той, что дается в анализируемой работе.

¹⁶ Виппер Б.Р. Бенвенуто Челлини // Он же. Статьи об искусстве. М., 1970. С. 525. (Статья была впервые опубликована в 1941 г.).

ирония безнадежности»¹⁷ Виппер настаивает, что ее герой — это уже не человек Ренессанса, а человек эпохи Контрреформации, носитель эстетики маньеризма: «Самое главное препятствие к истинному пониманию человека и художника Челлини — это упорно укоренившийся, но совершенно ложный взгляд, будто в автобиографии Челлини ярко отражаются типичные свойства эпохи Ренессанса. В том-то и дело, что Челлини не был человеком эпохи Ренессанса, что его характер, его искусство, его жизнь порождены культурой, во многих отношениях противоположной Ренессансу...»¹⁸

Более традиционную оценку места «Жизни» и ее автора в истории европейской культуры дает в 1950-е гг. советский филолог, специалист по истории западноевропейской литературы Леонид Ефимович Пинский. Вопреки мнению Б.Р. Виппера, он продолжает настаивать на том, что Челлини — типичная фигура эпохи, один из корифеев Возрождения, разделяющий все его основные ценности. «Независимая и мощная натура Челлини», — пишет он, — «в основном еще связана с прогрессивными завоеваниями периода расцвета городской культуры, с теми представлениями о человеке и его месте в мире, о его возможностях и правах, о его достоинстве и назначении, которые веками складывались в среде итальянских гуманистов»¹⁹. Л.Е. Пинский не обходит вниманием и вопрос о нравственной стороне вызывающих столько споров поступков Челлини, о которых тот рассказывает в своей автобиографии. Он призывает подходить к вопросу исторически, решительно выступая против «чудовищной модернизации», которую допускают исследователи, оценивая личность Челлини с позиций современной морали²⁰ «Образ Челлини, — заключает он, — как и воплощенная в нем этика “доблести”, если их не модернизировать в духе новейшей буржуазной “аморальности”, представляют своими достоинствами, как и своими пороками, определенную ступень общественного сознания переходной эпохи: его завоевания и достижения и его примитивность сравнительно с позднейшим развитием»²¹

В дальнейшем против «легенды о Бенвенуто как ренессансном человеке» выступила и исследовательница литературного наследия Челлини

¹⁷ Там же. С. 522.

¹⁸ Там же. С. 512.

¹⁹ Пинский Л.Е. Бенвенуто Челлини и его «Жизнеописание» // Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции. М., 1958. С. 7. (См. то же: Пинский Л.Е. Жизнеописание Челлини и ренессансная этика “доблести” // Он же. Реализм эпохи Возрождения. М., 1961. С. 224—249).

²⁰ Пинский Л.Е. Бенвенуто Челлини и его «Жизнеописание» // Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции. М., 1958. С. 13.

²¹ Там же. 1958. С. 15.

Наталия Павловна Подземская²². Вслед за Б.Р. Виппером она полагает, что в авторе и герое «Жизни» следует видеть не ренессансного героя, а человека времен кризиса и разлома — «человека маньеризма». Сложившаяся в научной литературе «легенда о Бенвенуто», говорит она, отражает в миниатюре «легенду о Возрождении». Новые представления о сущностных характеристиках культуры эпохи (в частности признание важных различий между зрелым и поздним Возрождением), а также сам текст «Жизни», считает исследовательница, дают достаточно оснований для переосмысления «легенды о Бенвенуто». С другой стороны, ставя перед собой задачу выяснить, «в каких отношениях находятся реальная модель и ее литературное воспроизведение»,²³ Н.П. Подземская уличает Бенвенуто-автора в том, что, создавая образ Бенвенуто-героя, он в целом ряде случаев вводит читателя в заблуждение. «Разоблачая» то, что она называет «мистификациями» автобиографического рассказа Челлини, Подземская заключает, что традиционный взгляд на фигуру героя и автора «Жизни» нуждается в решительном переосмыслении, в особенности в том, что касается его кажущейся «простоты» и «наивности»²⁴.

Если говорить о сегодняшнем восприятии автора и героя «Жизни» в научной литературе в целом, то можно заметить, что фигура Челлини в значительной мере утрачивает свое конкретно-личностное содержание. Меняется и сама проблематика исследований: многие современные историки и литературоведы пришли к согласию относительно того, что нельзя ставить знак равенства между героем «Жизни», ее автором и реальным человеком по имени Бенвенуто Челлини и что делать на основании текста сочинения прямолинейные выводы о реальных чертах личности недопустимо. Как считает Бруно Маер, образ, созданный Челлини, продиктован не столько действительными чертами прототипа, сколько эстетическими взглядами автора и общей поэтикой его произведения²⁵. Ученые все чаще задаются вопросами, связанными с поэтикой «Жизни», культурными моделями, на основании которых строится образ ее героя. Например, в исследовании Марциано Гульельминетти, посвященном ренессансной автобиографии, особо подчеркивается христианская составляющая этих моделей. Герой-Бенвенуто оказывается в нем не только носителем ренессансных ценностей, но и продолжателем христианской автобиографической традиции, восхо-

²² Подземская Н.П. «Жизнь» Бенвенуто Челлини в художественной и литературной критике: К легенде о ренессансном человеке // Известия АН СССР. № 6. Т. 48.

²³ Подземская Н.П. «Жизнь Бенвенуто Челлини» как литературный памятник позднего итальянского Возрождения // Культура Возрождения XVI века. М., 1997. С. 157.

²⁴ Там же. С. 158.

²⁵ Maier B. Svolgimento storico della critica su Benvenuto Cellini scrittore. Trieste, 1951 (Annali Triestini. Vol. 21).

дящей к Августину²⁶. Маргарет Галлуччи в своей недавней книге, вдохновленной «новым историзмом», рассматривает фигуру Челлини в совершенно иной перспективе: в связи с проблематикой ренессансной сексуальности. Заявленное в начале ее исследования намерение объяснить «неистовое хвастовство»²⁷ автора «Жизни» реализуется в ходе последующего анализа текста сочинения и изучения различных документов, относящихся к жизни Челлини, и приводит исследовательницу к погружению в разнообразные связи между эросом и искусством в Италии XVI в. «Новый историзм», оказавший огромное влияние на американскую историографию Ренессанса после публикации работы Стивена Гринблатта²⁸, нашел отражение и в исследовании Дугласа Байова, проследившего экстравагантные, порой агрессивные формы «моделирования Я» практиковавшиеся в литературно-художественной среде позднего итальянского Возрождения. Наряду с Бенвенуто Челлини в нем представлены фигуры трех его современников: Микеланджело Буонарроти, Пьетро Аретино и Антона Франческо Дони²⁹.

* * *

Так вкратце можно представить «путешествие» автора и героя «Жизни» в истории европейской науки и культуры на протяжении более трех столетий. Что их ждет впереди? Вряд ли кто-нибудь сегодня может дать более-менее определенный ответ на этот вопрос. Но совершенно ясно одно: читатели «Жизни» не перестанут удивляться рассказанной в ней удивительной и жизни человека, столь непохожего на их современника, одновременно такого далекого и близкого.

Исследователи ренессансной автобиографии не раз отмечали, что в рассказах о себе итальянских гуманистов и художников XIV—XVI вв. появляется много нового по сравнению с автобиографическими рассказами Средневековья. Наставительные и исповедально-покаянные мотивы все больше уступают место «автобиографическому самодовлению жизни» (М.М. Бахтин), а августинов рассказ об обретении человеческой душой Бога сменяется проникнутым жаждой мирской славы восхвалением собственного Я. Челлини принадлежит один из самых ярких образцов этого нового ренессансного автобиографизма — в своей «Жизни» он создал эпопею героя Бенвенуто и сегодня поражающую читателя своим эгоцентризмом.

²⁶ *Guglielminetti M.* Memoria e scrittura. L'autobiografia da Dante a Cellini. Torino, 1977. P. 309—386.

²⁷ *Gallucci M.A.* Benvenuto Cellini: Sexuality, Masculinity, and Artistic Identity in Renaissance Italy. N.Y., P. IX.

²⁸ *Greenblatt S.* Renaissance Self-Fashioning: From More to Shakespeare. Chicago, 1980.

²⁹ *Biow D.* In Your Face: Professional Improprieties and the Art of Being Conspicuous in Sixteenth-century Italy. Stanford, 2010.

И все же это новое восприятие ренессансным автором самого себя еще несет на себе отпечаток «средневековости»: в своей земной жизни он по-прежнему остается зависимым от небесных сил (по выражению Челлини, является «ведомым»); он все еще прочно «встроен» в сверхличное социокультурное целое; изображение его внутренней жизни, как и раньше, вполне укладывается в традиционную христианскую схему борьбы греховной человеческой природы и возвышенных устремлений души к Богу. Этот рассказ о себе к тому же оказывается по-прежнему ориентированным не на создание какого-то единственного и неповторимого образа его автора (что мы сплошь и рядом встречаем в современной автобиографии), а, наоборот, на воспроизведение идеальных человеческих типов христианской и античной традиций. По-видимому, рождение новоевропейского индивидуализма и новоевропейской автобиографии, подготовленное в ренессансную эпоху, в конечном счете было все же обусловлено более глубокими внутренними трансформациями европейской культуры, произошедшими лишь несколько столетий спустя, в Новое время.

Попытаемся дальше проследить, какие идеальные человеческие образы нашли воплощение в фигуре героя автобиографического рассказа Челлини. Речь пойдет по преимуществу о герое «Жизни», хотя предполагается, что избранная перспектива анализа выдвигает на первый план не различия между героем и автором, а, наоборот, их единство: ведь оба они принадлежат одной культуре, одной системе ценностей³⁰. Итак, каким моделям следует — вольно или невольно — автор Бенвенуто, создавая фигуру Бенвенуто — героя «Жизни»?

* * *

Избранник. В одной из первых глав «Жизни» Челлини довольно подробно рассказывает о своем рождении. Приведем здесь этот рассказ.

«Случилось, что она (его мать Элизабетта — Ю.3.) родила в ночь всех святых, после дня всех святых, в половине пятого, ровно в тысяча пятисотом году. Повитуха, которая знала, что они ждут его девочкой, обмыв создание, завернув в прекраснейшие белые пелены, подошла тихонечко к Джованни, моему отцу, и сказала: “Я несу вам чудесный подарок, какого вы и не ждали”. Мой отец, который был истинный философ, расхаживал и сказал: “То, что Бог мне посылает, всегда мне дорого”, и, развернув пелены, увидел воочию неожиданного младенца мужеского пола. Сложив престарелые ладони, он поднял вместе с ними очи к Богу и сказал: “Господи, благодарю тебя от всего сердца; этот мне очень дорог, и да будет он Желанным”. Все те лица, которые были при этом, радостно его спрашивали, какое ему дать имя. Джованни ничего

³⁰ Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 132, 134.

другого им не ответил, как только: “Да будет он Желанным (Бенвенуто — Ю.З.)”. Так решили, такое имя дало мне святое крещение, и так я и живу с помощью Божьей» (I. 3)³¹.

Этот эпизод явно указывает на особое значение обстоятельств рождения героя «Жизни»³². Обращает на себя внимание приподнятый тон повествования, подчеркивание даты рождения — не будничного дня, а «ночь всех святых, после дня всех святых», чудесное явление младенца мужского пола вместо ожидаемого всеми рождения девочки. Даже упоминание о «прекраснейших белых пеленах» свидетельствует о чем-то необычном и возвышенном. Смысл эпизода проясняется при сравнении его с рассказом Евангелиста Луки о чудесном рождении Иоанна Крестителя³³. Оказывается, Челлини строит свое повествование по Евангельскому образцу, уравнивая тем самым своего героя с одним из самых почитаемых христианских святых! Это первое сообщение автора «Жизни» о своей особой близости к Богу.

Еще два примечательных случая относятся к годам детства Челлини. В первом речь идет о чудесном спасении Бенвенуто от укуса скорпиона.

Как-то, играя, маленький Бенвенуто увидел странное существо и схватил его рукой. То был огромный скорпион. «Он был такой большой, что когда я его держал в ручонке, то по одну сторону торчал наружу хвост, а по другую сторону торчали обе клешни. Рассказывают, что я с великим торжеством побежал к деду, говоря: “Посмотри-ка, дедушка, какой у меня красивый рак!” Тот, увидев, что это скорпион, от великого страха и от тревоги за меня чуть не упал замертво...». Но тут подоспел отец Бенвенуто и ножницами, играючи, отрезал ядовитому животному хвост и клешни. «После того как он избавился от этой великой беды, — завершает свой рассказ Челлини, — он счел это за доброе предзнаменование» (I. 4).

Какого рода предзнаменование увидел отец Челлини в этом эпизоде, вновь поясняет обращение к Евангелию от Луки, где рассказывает-

³¹ Здесь и далее цитаты приводятся по переводу М. Лозинского, сверенному с итальянским изданием «Жизни» под редакцией Бруно Маера (*Cellini B. Opere / A cura di B. Maier. Milano, 1968*). Поскольку разбивка «Жизни» на книги и главы в них совпадает, ссылки даются, соответственно, на номер книги (первая цифра) и номер главы (вторая цифра).

³² *Guglielminetti M. Memoria e scrittura. L'autobiografia da Dante a Cellini. Torino, 1977. P. 314—316; Carrara E. Cellini (1500—1571). Torino, 1938. P. 13.*

³³ «Елисавете же настало время родить, и она родила сына. И услышали соседи и родственники ее, что возвеличил Господь милость Свою над нею, и радовались с нею. В восьмой день пришли обрезать младенца и хотели назвать его, по имени отца его, Захарию. На это мать его сказала: нет, а назвать его Иоанном. И сказали ей: никого нет в родстве твоём, кто назывался бы сим именем. И спрашивали знаками у отца его, как бы он хотел назвать его. Он потребовал дощечку и написал: Иоанн имя ему. И все удивились. И тотчас разрешились уста его и язык его, и он стал говорить, благословляя Бога» // Лк. 1, 57—64.

ся об избрании Господом семидесяти учеников и наделении их особой властью над нечистью³⁴. Чудесное спасение Бенвенуто, следовательно, нужно понимать как знак принадлежности его к избранным, тем, кому дарована Богом высшая благодать.

Второй случай произошел с Бенвенуто два года спустя. «Когда мне было лет около пяти и отец мой однажды сидел в одном нашем подвальчике, в каковом учинили стирку и остались ярко гореть дубовые дрова, Джованни (отец Челлини — Ю.З.) с виолой в руках, играл и пел один у огня. Было очень холодно; глядя в огонь, он вдруг увидел посреди наиболее жаркого пламени маленького зверька, вроде ящерицы, каковой резвился в этом наиболее сильном пламени. Сразу поняв, что это такое, он велел позвать мою сестренку и меня...». Потом отец обратился к Бенвенуто с такими словами: «...вот ящерица, которую ты видишь в огне, это — саламандра, каковую еще никто не видел из тех, о ком доподлинно известно» (I. 4).

Очевидно, что чудесное видение саламандры — в представлениях того времени, чудесного существа, являющего хранителем огня и его олицетворением, — является еще одним знамением, еще одним указанием на избранность Челлини, полученным в раннем детстве³⁵.

Указания на богоизбранность и особую близость героя «Жизни» ко Всевышнему не ограничиваются, однако, рождением и ранним детством. И позже, в зрелом возрасте, Челлини не раз удостоивается свидетельств особого расположения к нему Господа. В темнице замка Святого Ангела ему довелось увидеть то, «Чего душа не может зреть доколе / Не бросит лютого и злого мира» (I. 123)³⁶ — Христа на кресте «такой красоты в своем всеблагостном виде, какой разум человеческий не мог бы вообразить и тысячной доли», мадонну с младенцем, «которая как бы восседала очень высоко со сказанным сыном на руках, с прелестнейшим видом, словно смеясь», апостола Петра и множество других чудесных и возвышенных вещей (I. 122). Не удивительно, что Господь пожелал особо отметить Бенвенуто, дабы присущая ему высшая благодать была видна всем: над его головой засиял нимб! «С тех пор, как я это увидел, — рассказывает Челлини, — у меня осталось сияние, удивительное дело, над моей головой, каковое очевидно всякого рода человеку, которому я хотел его показать» (I. 128).

³⁴ «...се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью, и ничто не повредит вам; однакож тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах» // Лк. 10, 20—21.

³⁵ О саламандре см.: *Mc Culloch F. Medieval Latin and French Bestiaries*. Chapel Hill 1960. P. 161—162.

³⁶ Ср. в другом месте о том же: «Могущество Божие удостоило меня показать мне всю славу свою, каковой, быть может, никогда ещё не видело ничье смертное око...» (I. CXXII).

Эта убежденность Челлини в своей богоизбранности непосредственно связана с распространёнными в эпоху Возрождения представлениями о человеке как носителе высшего божественного начала. Для достижения совершенства в любой области мало собственных, пусть титанических, усилий. Здесь абсолютно необходим дар, ниспосланный свыше. Дар поэзии, например, по мнению Боккаччо, «происходя из божьего лона..., дается немногим душам при их сотворении»³⁷. Точно так же и у художников. О том, как являются миру великие мастера, мы узнаем из многочисленных рассказов Дж. Вазари. Самый яркий из них, пожалуй, — рассказ о ниспослании на землю гения Микеланджело:

«В то время как деятельные и отменные умы, просвещенные знаменитейшим Джотто и его последователями, изо всех сил стремились даровать миру образцы доблести, коей благосклонность созвездий и соразмерное смешение влажных начал одарило их таланты, ...тот, кто благосклоннейше правит небесами, милосердно обратил очи свои на землю и, увидев бесконечную пустоту стольких усилий, ...порешил, дабы вывести нас из стольких заблуждений, ниспослать нам на землю такого гения, который всесторонне обладал бы мастерством в каждом искусстве и в любой области»³⁸.

Но как отличить избранника, одаренного Божьей благодатью, от простого смертного? Особая близость к Богу обязательно проявляется в чудесных знамениях, счастливых сочетаниях звезд и т.п. В случае с Микеланджело таким знамением было внезапное озарение, снизошедшее на его отца и определившее имя новорожденному³⁹. Назвав сына Микеланджело, замечает Вазари, «отец хотел этим показать, что существо это было небесным и божественным в большей степени, чем это бывает у смертных»⁴⁰. И это чудесное предназначение потом подтвердилось в гороскопе Микеланджело, поскольку «при его рождении Меркурий в сопровождении Венеры были благосклонно приняты в обители Юпитера, а это служило знаком того, что искусством рук его и таланта будут созданы творения чудесные и поразительные»⁴¹.

Рассказы Вазари о богоизбранности художников и подобные им рассказы о самом себе Челлини являются знаками важных историко-культур-

³⁷ Эстетика Ренессанса. М., 1981. Т. 2. С. 25—26.

³⁸ Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. М., 1971. Т. 5. С. 213. Судя по этому отрывку, можно предположить, что для Вазари существуют два уровня одарения. Первый — небесный, в нём участвуют звёзды и стихии (на этом уровне миру даруются таланты). Второй — высший, божественный, давший миру Микеланджело и других немногих величайших гениев.

³⁹ Ср. с рассказом Челлини о его имянаречении выше.

⁴⁰ Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. М., 1971. Т. 5. С. 214.

⁴¹ Там же. С. 214.

ных перемен, произошедших в эпоху Возрождения. Они свидетельствуют о появлении в эпоху Чинквеченто нового понимания избранничества и святости: художник своими творениями может быть так же угоден Богу — и, следовательно, так же близок к Нему, — как и святой своими деяниями!

Мастер. «Бог природы», одаривший героя «Жизни» высшей доблестью, предначертал ему свершить великие дела, которые призваны удивить мир. Однако Он не предрешил заранее, какими именно делами должен прославить свое имя и имя Божье Челлини. Свой жизненный путь Художника герой «Жизни» избирает сам, причем вопреки воле отца, настаивавшего на том, чтобы Бенвенуто стал музыкантом⁴².

На этом пути высшей целью становится достижение совершенства в искусстве. Только создав великие, непревзойденные творения, Челлини может реализовать дарованную ему высшую доблесть, оставить о себе «такое свидетельство миру, что не один останется удивлен» (II. 76). И выполнению этой сверхзадачи подчинена вся жизнь его героя.

Во вступительном сонете Челлини говорит, что цель его книги — рассказать о своей беспокойной жизни (*“Questa mia vita travagliata io scrivo”*). Но, поскольку предмет этот слишком обширен, он вынужден остановиться лишь на самом главном — своем искусстве. И об этом искусстве, создании наиболее значительных работ, рассказывает подавляющее большинство сюжетов «Жизни». Лишь иногда автор отклоняется от главной для него темы, делая оговорку, что его вынуждают на это какие-то особые, исключительные обстоятельства, о которых непременно нужно знать читателю. Обычно, за небольшими исключениями⁴³, он говорит об этих обстоятельствах вскользь, мимоходом. Даже рождение дочери, о котором упоминается вскользь, не выглядит сколько-нибудь важным событием в сравнении с его «художествами»⁴⁴.

И наоборот, рассказы о создании его важнейших работ исключительно обстоятельны и наполнены каким-то высшим смыслом. Самый знаменательный из них, рассказ об отливке Персея, приобретает даже сакральное звучание⁴⁵. «Это дело чудесное, — прямо заявляет Челлини, — поистине направленное и содеянное Богом» (II. 78). Сам мастер

⁴² См. аналогичную историю, рассказанную А. Кондиви о Микеланджело (Переписка Микеланджело Буонарроти и жизнь мастера, написанная его учеником Асканио Кондиви. СПб., 1914. С. 3).

⁴³ Исключения составляют, как правило, случаи вмешательства в его жизнь высших сил, чудеса, проявления личной доблести, инциденты, в которых жизнь Челлини подвергалась смертельной опасности.

⁴⁴ Сообщив о факте рождения дочери (II. 37), Челлини заявляет: «...чтобы не мешать себе в остальном более важном, я ничего больше о ней не скажу вплоть до своего места» (II. 38).

⁴⁵ *Guglielminetti M. Memoria e scrittura. L'autobiografia da Dante a Cellini. Torino, 1977. P. 374—380.*

изображается здесь как герой, благодаря нечеловеческим усилиям преодолевающий невиданные трудности. Даже его враги вынуждены признать, что он не человек, а «сущий великий дьявол», потому что «сделал то, чего искусство не смогло сделать; и столько других великих дел, каковых было бы слишком даже для дьявола» (II. 77). «Можно подумать, — замечает в этой связи Л.Е. Пинский, — что перед Челлини, когда он диктовал эти вдохновенные страницы, возникал образ Бога отца в дни сотворения мира, увековеченный на плафоне Сикстинской капеллы его учителем Микеланджело»⁴⁶.

В своем стремлении достичь совершенства в искусстве Челлини героически борется с превратностями своей злой судьбы, доказывает свою правоту капризным и невежественным заказчиком, не знающим его подлинной цены, упорствует над неподатливым материалом, стремясь превзойти самого себя. Все это — излюбленные сюжеты «Жизни». Однако самый, пожалуй, популярный ее сюжет — это победоносное состязание в искусстве с другими мастерами, в котором Челлини не только доказывает свое собственное превосходство и приумножает свою славу, но и побеждает конкурентов в борьбе за выгодные заказы⁴⁷.

Еще в молодости герою «Жизни» довелось сразиться с Карадоссо, самым знаменитым медальером Италии, и он победил, сделав свою работу «гораздо лучше» и «много красивее» (I. 31). Превзошел он и первого ювелира в мире маэстро Милано Таргетта в оправке алмазов (I. 92), и еще многих других. А однажды даже одержал верх над «божественным» Микеланджело!

Челлини рассказывает, что как-то раз один богатый юноша обратился к «великому Микеланджело» с просьбой сделать рисунок для медали, которую он хотел подарить своей возлюбленной. На это знаменитый художник ответил: «Сходите к некоему молодому золотых дел мастеру, имя которому Бенвенуто; этот вам услужит очень хорошо; и ему, уж конечно, не требуется моего рисунка; но, чтобы вы не думали, будто я хочу избежать трудов над такой малостью, я весьма охотно сделаю вам небольшой рисунок; а пока поговорите со сказанным Бенвенуто, чтобы и он также сделал небольшую модельку; затем то, что лучше, возьмется в работу» (I. 41).

Возможность померяться силами с Микеланджело воодушевила Бенвенуто: «Мне придали столько духу эти слова этого великого человека, что я тотчас же принялся с превеликим усердием делать сказанную модель; а когда я её кончил, некий живописец, большой друг Ми-

⁴⁶ Пинский Л.Е. Бенвенуто Челлини и его «Жизнеописание» // Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции. М., 1958. С. 11.

⁴⁷ О состязаниях художников в эпоху Возрождения см.: Петров М.Т. Итальянская интеллигенция в эпоху Ренессанса. Л., 1982. С. 93—94 и др.

келаньоло... принес рисунок». Когда же этот живописец и заказчик сравнили обе работы, то пришли к единодушному мнению: медаль должна быть сделана по модели Челлини! (I. 41)

Дух соперничества, частые состязания в мастерстве создавали в среде художников постоянную необходимость сравнения себя с другими, требовали оценки своего собственного таланта. Такую оценку, выраженную иногда опосредованно, иногда прямо, дает себе как художнику и Челлини. Рассказывая о своих работах, он не скупится на самые высокие похвалы, охотно приводит восторженные высказывания окружающих. «Это величайший человек, который когда-либо рождался по его части» (I. 58), — восхищается папа, «первый человек на свете» (I. 59) в ювелирном искусстве — вторит ему неаполитанский король, а Алессандро Медичи «решается говорить» о его монетах, что это «самые красивые монеты во всем христианском мире» (I. 80). Челлини и сам часто заявляет, что в его искусстве ему нет равных. Например, он твердо убежден, что во Флоренции кроме Микеланджело нет другого человека, который мог бы сделать работу, подобную Персею (II. 97).

Как и его современники, герой «Жизни» высоко ценит творения древних мастеров, восхищается ими, учится у них. Это восхищение, однако, не походит на слепое безусловное преклонение⁴⁸: с античными шедеврами тоже можно соревноваться и их тоже можно превзойти⁴⁹! Он восторгается также современными ему произведениями итальянских мастеров: «превосходнейшего Рафаэло да Урбино» (I. 19), «искусного» Якопо Понтормо (II. 90), «превосходнейшего искусника» Джованбаттиста Тассо (II. 54), «великого» Леонардо да Винчи (II. 64), «удивительного живописца» Тициана (II. 62). Восхищаясь мастерством этих художников, Челлини, однако, уверен, что если ему представится случай вступить в состязание с любым из них, он будет победителем. Даже, казалось бы, недостижимый для автора «Жизни» и для его современников авторитет «божественнейшего» Микеланджело (I. 12), своим искусством превзошедшего всех древних и новых мастеров, оказывается не столь уж и недостижимым (I. 41).

Примечательно, что в представлении Челлини талант художника измеряется не только его произведениями, но и его жалованием. При таком подходе размер дарования его самого вырисовывается достаточно определенно: своим мастерством он не уступает никому из современ-

⁴⁸ Челлини с нескрываемым презрением говорит о живописце Болонья, который вместо того, чтобы ответить на его вызов, стал «лепщиком древностей» (II. 37), посвятив себя копированию античных скульптур.

⁴⁹ Это мнение Челлини разделяет Вазари и другие его современники. Герой «Жизни» подтверждает его на практике, создавая работы, которые «лучше чем античные» (II. 88).

ников, находящихся при дворе Козимо Медичи⁵⁰, а также великому Браманте⁵¹ и даже — самому Леонардо⁵²!

Представление о себе как о великом мастере и убежденность в высшей ценности своего искусства рождает в герое «Жизни» безграничное чувство собственного достоинства. Он абсолютно уверен, что его достоинство не ниже, а может быть и выше герцогского и королевского. «Такие как я, — заявляет Челлини майордому Козимо Медичи, — достойны беседовать с папами и с императорами и с великими королями». Ведь таких как он «ходит, может быть, один на свете» (II. 55). В другом месте Челлини сообщает, что «грамота (на французское подданство — Ю.3.) великого Пьеро Строцци стоила ему много сотен дукатов; мою мне принес один из этих первых его (короля Франциска I — Ю.3.) секретарей». И гордо добавляет: «Подобная милость никогда еще не оказывалась в этом королевстве» (II. 19).

Убежденный в обладании высочайшим достоинством великого мастера, герой «Жизни» пытается соответствующим образом строить свои отношения с окружающими, часто вызывая их недовольство и упреки в чрезмерной гордости⁵³. «Этот дьявол Бенвенуто не выносит никаких замечаний. ...Нельзя же быть таким гордым с самим папой» — передает Челлини слова римского первосвященника (I. 56).

Он приводит многочисленные рассказы о своих столкновениях с разными людьми, в которых это достоинство приходилось упорно отстаивать. Однажды, после долгого ожидания обещанного вызова на службу к Франциску I. Челлини, наконец, получает через одного феррарского дворянина приглашение. Оно имело, однако, неприемлемую для Бенвенуто форму: нужно было «живо собраться» и ехать на почтовых. «На что я сказал, — гордо заявляет он своим читателям, — что моим искусством на почтовых не занимаются и что, если я должен туда ехать, то я хочу ехать спокойными перегонами и взять с собой Асканио и Паголо,

⁵⁰ Споря о размерах своего содержания с майордомом Козимо, Челлини просит передать герцогу, что не желает быть поставленным ниже кого бы то ни было из людей его «художества», которых тот содержит (II. 55).

⁵¹ Он просит у папы должность такую же, какую имел в своё время «превосходнейший зодчий» Браманте (I. 56).

⁵² В кн. II. гл. 12 сообщается, что «христианнейший король» назначил Бенвенуто «такое же жалованье, какое его величество давал Леонардо да Винчи, живописцу, то есть семьсот скудо в год», оплачивая, кроме того все работы.

⁵³ Подобный упрек содержится и в оценке личности автора «Жизни», которую даёт Дж. Вазари. См.: «Ora, se bene potrei molto più allargarmi nell'opere di Benvenuto, il quale è stato in tutte le sue cose animoso, fiero, vivace, prontissimo, e terribilissimo, e persona che ha saputo pur troppo dire il fatto suo con i principI. no meno che le mani e l'ingegno adoperare nelle cose dell'arti...» // *Vasari G. Le vite de piu eccellenti pittori, scultori ed architetti*. Vol. I—IX. Firenze, 1875—1885. Vol. VII. 1881. P. 623.

моих работников... и, кроме того, я хочу с нами слугу верхом для моих услуг, и столько денег, чтобы мне хватило доехать оттуда. Этот больной старик (феррарский дворянин — Ю.З.) с надменнейшими словами мне ответил, что таким способом, как я говорю, и не иначе, ездят сыновья герцога. Я ему тотчас же ответил, что сыновья моего искусства ездят таким способом, как я сказал, и что так как я никогда не был герцогским сыном, то, как те ездят, я не знаю, а что если он будет употреблять со мной эти непривычные для моих ушей слова, то я и вовсе не поеду...»⁵⁴.

В том же роде столкновения происходят у Челлини с епископом Саламанки (I. 24—25) и кардиналом Сальвиати (I. 57), дворянином Санта Фиоре (I. 113), герцогом Феррары (II. 8) и другими. Заметим, что постоянные конфликты между героем «Жизни» и влиятельными заказчиками не только свидетельствуют о «гордости» Бенвенуто, но и несут в себе совершенно определенный историко-культурный смысл. Они показывают, как в его эпоху «практически» отстаивалась высшая ценность искусства и утверждался особый, невиданно высокий социальный статус его творцов⁵⁵.

Герой. В реализации своего высшего предназначения герой «Жизни» сталкивается с трудностями, преодоление которых требует от него исключительных личных качеств. Господь, хотя и наделил его особыми достоинствами — многочисленными талантами, доблестью, необычайно крепким здоровьем и недюжинной силой — и благословил на великие дела, отнюдь не предопределил его успех во всем. Скорее, как раз наоборот, его богоизбранность предполагает и стимулирует активную деятельность героя: в нем заложена великая потенция, реализация которой зависит в первую очередь от него самого, его *virtù*.

Но что мешает Челлини в достижении его жизненной цели? Он убежден, что это «зловредные звезды» и «злая судьба»⁵⁶. В борьбе с ними он, хотя и ощущает иногда потребность в Божественной поддержке, рассчитывает прежде всего на свои собственные силы: «Господь тебе поможет,

⁵⁴ Ср. с рассказом Микеланджело о его отъезде из Рима (Переписка Микеланджело Буонарроти и жизнь мастера, написанная его учеником Асканио Кондиви. СПб., 1914. С. 158—159) и другим рассказом А. Кондиви (Там же. С. 299—300).

⁵⁵ В одном месте Челлини поясняет, что сами по себе звезды не являются ни добрыми, ни злыми, однако их сочетания могут создавать благоприятные или неблагоприятные стечения обстоятельств: «...Не то, чтобы они сговорились против нас, чтобы делать нам добро или зло, но это делается от их сочетаний, каковым мы подчинены; хоть я и сознаю, что обладаю свободной волей» (I. 116). О роли и месте представлений о судьбе в эпоху Возрождения см.: Кудрявцев О.Ф. Античные представления о фортуне в ренессансном мировоззрении // Античное наследие в культуре возрождения. М., 1984. С. 50—57.

⁵⁶ Характерный эпизод, иллюстрирующий эту жизненную установку, встречаем в гл. 62, II кн.: «...Приехав затем в Венецию, поразмыслив о том, сколькими разными способами моя жестокая судьба меня терзает, и тем не менее видя себя здоровым и прежним, я решил сразиться с нею по своему обыкновению» (курсив мой — Ю.З.)

если ты сам себе поможешь» (II. 100). И потому в критических ситуациях герой «Жизни» чаще берется за рукоять кинжала или шпаги, бросая вызов судьбе, чем обращается к Богу с мольбой о спасении⁵⁷. Как раз здесь и проявляются наиболее ярко его героическая доблесть. Автор говорит сам о себе, что не знает, «какого цвета бывает страх», что может защитить себя против ста (I. 75) и подтверждает эти слова рассказами о многочисленных столкновениях, в которых он неизменно оказывается победителем.

Однажды ночью Челлини услышал громкий стук в дверь. Посланный узнать, в чем дело, слуга сообщил, что это барджелл со стражей, пришедший арестовать хозяина. Времени на раздумья не оставалось: «В правую руку я взял чудесную шпагу, которая у меня была, в левую охранный лист, потом побежал к заднему окну, которое выходило на некоторые огороды, и тут увидел тридцать с лишним стражников [...] Поставив этих двух мальчуганов (своих слуг — Ю.З.) перед собой, я им сказал, чтобы они не отпирали двери, пока я им не скажу. Приготовившись со шпагою в правой руке и с охранным листом в левой, в положении поистине оборонительном, я сказал этим двум мальчуганам: “Не бойтесь, отворяйте”. Тотчас же ворвавшись барджелл Витторио и с ним еще двое внутрь, думая, что легко могут меня схватить, видя, что я так приготовился, отступили назад и сказали: “Здесь шутить не приходится”. Тогда я сказал, кинув им охранный лист: “Прочтите это; и так как вы не можете меня взять, то я желаю, чтобы вы меня не трогали”. Барджелл тогда сказал некоторым из них, чтобы они меня взяли, а что охранный лист посмотрим потом. На это я смело выставил вперед оружие и сказал: “Бог да будет за правоту! Или уйду живым, или дамся мертвым”. Комната была тесная; они показывали, что идут на меня силой, а у меня был вид весьма оборонительный; поэтому барджелл понял, что ему не заполучить меня иначе, чем так, как я сказал. [...] Оставив это дело, они бросили мне охранный лист на пол и без меня пошли прочь» (I. 82).

По мнению Челлини, храбрость, решительность в поступках — одно из первейших человеческих достоинств. Он высоко ценит его в окружающих, с гордостью рассказывает о своих геройствах, о своем брате, храбрейшем юноше (I. 48), и наоборот, с презрением и насмешкой относится к трусости и нерешительности. Всякий человек, если он обладает какими-либо достоинствами, должен уметь смело их отстаивать, так же как и свои жизнь и свою честь.

Герой и храбрец, Челлини предстает в «Жизни» неутомимым борцом за правду и справедливость. Он готов неустанно повторять: «Я, который всегда был превеликим другом истины и врагом неправды...» (II. 83). И это для него не пустые слова. Бог, всегда выступающий за справедли-

⁵⁷ См. очень выразительный рассказ в гл. 97, кн. I.

вость, избрал Челлини для того, чтобы утверждать эту справедливость в людских делах. Когда французский суд вынес ему несправедливый приговор, он решил добиться правды по своему обычаю: «Когда я увидел, что мне вручают приговоры через этих поверенных, то, не видя никакого способа помочь себе, я прибег для помощи себе к большому кортику, который у меня имелся... и первый с которого я начал нападение был тот главный, который затеял со мной неправую тяжбу» (II. 28).

Столь же решительно Челлини готов действовать и в других случаях, когда против него замышляется какая-либо несправедливость. Узнав, что его соперник при дворе Франциска I художник Приматиччо по прозвищу Болонья получил заказ на создание колосса, первоначально предназначавшийся ему, Челлини, не мешкая, приступает к решительным действиям: «Я, почувствовав себя подобным образом обиженным и столь несправедливо, и увидев, что у меня отнимают работу, каковую я заслужил моими великими трудами, расположившись учинить что-нибудь немалое, с оружием отправился прямо к Болонье» (II. 32). На этот раз, однако, дело ограничилось угрозами, которые, впрочем, возымели действие. Справедливость, таким образом, была восстановлена, хотя и не совсем обычным способом.

Заметим, что понятия правды и справедливости фактически лишены для героя «Жизни» абстрактного содержания. Они возникают лишь тогда, когда речь заходит об ущемлении его личных интересов. При этом Челлини недвусмысленно заявляет читателю, что он является носителем высшей абсолютной Истины, орудием Божиим в установлении справедливости на земле. Преисполненный чувством своей исключительности герой «Жизни» нетерпим к малейшему ущемлению собственного достоинства. Он мгновенно вспыхивает по любому, иногда пустяковому поводу и не успокаивается до тех пор, пока обидчик не будет наказан. Возмущенный предательством своего слуги Паголо, Челлини впадает в «великое неистовство»: «Я тотчас же почувствовал, как меня охватила лихорадка, я говорю лихорадка, говоря не в виде сравнения. И так как, может быть, от такой зверской страсти я бы умер, то я избрал лекарством дать ей тот исход, который мне давался этим случаем, по тому способу, который я в себе чувствовал» (II. 33). В итоге Паголо за свое легкомыслие чуть было не поплатился жизнью.

В другом месте Челлини рассказывает, как во время путешествия со своим кумом Триболо ему пришлось однажды заночевать в гостинице, хозяин которой жестоко оскорбил его, потребовав довольно грубо плату вперед. Поскольку другого выхода не было и Триболо «дрожал от страха и щипал меня, чтобы я молчал», путешественникам пришлось уступить. «Что у нас было хорошего — продолжает Челлини, — так это превосходнейшие постели, совершенно новенькие и действительно чистые. Несмотря на это, я так и не уснул, обдумывая всю эту ночь, что

бы мне такое сделать, чтобы отомстить. То мне приходила мысль поджечь ему дом, то зарезать четырех добрых коней, которые у него стояли в конюшне». В конце концов, решение было принято: «Поднявшись наверх, я взял ножик, который был как бритва; и четыре постели, которые там были, я все их ему искрошил этим ножом; так что я убедился, что нанес убытку на пятьдесят с лишним скудо» (I. 79).

В заключение своего рассказа о путешествии с кумом Челлини предлагает читателю самому судить о том, кто из них двоих — он или Триболо — вел себя более достойно: «Этому моему куму казалось, что я был ему плохим товарищем, потому, что я оскорблялся и защищался против тех, кто хотел мне досадить; а мне казалось, что он сам был мне гораздо хуже товарищем, не стараясь помочь мне в такой нужде. Об этом пусть судит, кто в стороне, без пристрастия» (I. 79). Впрочем, едва ли автор здесь действительно сомневается во мнении читателя. Как можно усомниться в том, что обида непременно должна быть отмщена, а честь и достоинство следует защищать самым решительным образом?⁵⁸

Uomo universale. В герое «Жизни» поражает его удивительная разносторонность. Бенвенуто-мастер, например, может достигнуть совершенства в любом искусстве, будь то ювелирное дело, чеканка монет или изготовление печатей, хотя, казалось бы, это превосходит человеческие возможности. «Все эти сказанные художества, — заявляет Челлини, — весьма и очень различны друг от друга; так что если кто исполняет хорошо одно из них и хочет взяться за другие, то почти никому они не удаются так, как то, которое он исполняет хорошо; тогда как я изо всех моих сил старался одинаково орудовать во всех этих художествах; и в своем месте я покажу, что я добился того, о чем я говорю» (I. 26). Действительно, французский король Франциск I заявляет на страницах «Жизни», разумеется, имея в виду Бенвенуто, что он «достал из Италии величайшего человека, полного стольких художеств» (II. 41). Но это далеко не все, что может в искусстве герой «Жизни»: Бенвенуто еще и замечательный рисовальщик (II. 31), и скульптор. Он создает удивительные работы в мраморе (II. 100), проявляет необычайное мастерство в новом для него деле литья (II. 36), изготавливает «изумительнейшие» глиняные модели для своих творений.

Разнообразие талантов героя «Жизни», однако, не ограничивается только областью «художества». Он, кажется, может сделать все, что толь-

⁵⁸ Обозначив некоторые героические черты образа Челлини, отметим, что этот героизм имеет специфическую ренессансную окраску. Ренессансный герой замкнут на своих сугубо личных интересах, однако эта замкнутость не является абсолютной, как у героя эпохи Романтизма. Ведь отстаивая собственные интересы, Челлини тем самым выполняет и высшую задачу — реализует Божественную волю. О ренессансном героическом идеале см. подробное двухтомное исследование Георга Байзе: *Weise G. L'ideale eroico del Rinascimento*. Napoli, 1961—1965. Vol. 1—2.

ко в человеческих силах. Обладая «прекрасным талантом музыканта» (I. 2), Бенвенуто за свою игру на корнете удостоивается самых высоких похвал папы Климента — тот «никогда еще не слышал, чтобы музыка звучала более сладостно и более согласно» (I. 23). Он делает клинки, которые «гораздо красивее и гораздо прочнее турецких по многообразным причинам» (I. 31), великолепные пищали (I. 27), находит «наилучшие секреты изготовления пороха, какие когда-либо до сего дня кто-либо другой находил» (II. 27), и даже дает толкование темному месту дантовского «Ада», чего не мог сделать до него ни один ученый (II. 27). Он и врач (успешно лечит своего приятеля), и военный инженер (II. 85—86), и изумительный артиллерист. Оказывается также, что стрелять из пушки Бенвенуто может не хуже, чем заниматься своим искусством: «Я, который быть может, был более склонен к этому ремеслу, нежели к тому, которое считал своим, так охотно его исполнял, что оно мне удавалось лучше, чем сказанное» (I. 34).

Но обладая таким множеством разнообразных великих талантов, герой «Жизни» не ищет покоя. Он убежден, что может еще больше, что ему по силам совершить то, чего не в состоянии сделать ни один из людей. Однажды в темнице замка св. Ангела у Челлини завязалась беседа с кастелланом, человеком не совсем здоровым психически. Во время этой беседы кастеллан вдруг задал Бенвенуто неожиданный вопрос — не испытывал ли тот когда-либо желания летать? Ответ он получил вполне серьезный и обстоятельный: «Все то, что наиболее трудно для людей, я наиболее охотно старался делать и делал; что же касается летания, то, так как Бог природы даровал мне тело весьма способное и расположенное бегать и скакать много больше обычного, то при некотором хитроумии, применив его с помощью рук, я возьмусь полететь наверное». И Бенвенуто добавляет, что если ему будет дарована свобода, то он, «сделав себе пару воощенных крыльев из тонкого льняного полотна», готов полететь хоть сейчас! (I. 107)

Гордая уверенность в великом разнообразии своих талантов, превосходящих способности других людей, роднит Челлини с Леонардо, также открыто заявлявшем об этом миру⁵⁹, да и со всей ренессансной культурой, проникнутой идеалом uomo universale. Это человек, «который все может, на все решается и свою меру заключает в самом себе»⁶⁰. И как у Леонардо, и других современников, эта уверенность проистекает у него из более общего основания — убежденности ренессансного человека в своей огромности, в безграничности своих возможностей.

⁵⁹ В письме к Людовико Моро он пишет: «...Я надеюсь не уступить никому в архитектуре и строительстве зданий, общественных и частных, в проведении каналов из одного места к другому. Как скульптор, в мраморе, бронзе или глине, и в живописи берусь выполнить всё, что возможно, не хуже любого, кто взялся бы померяться со мной». Цит. по: Рутенбург В.И. Титаны Возрождения. Л., 1986. С. 8.

⁶⁰ Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. СПб., 1876. С. 271.

Образ Бенвенуто, созданный на страницах «Жизни», поражает своими грандиозными масштабами. Он превосходит художников своим искусством, воинов — храбростью и умением обращаться с оружием, других людей, самых разных, — решительностью, настойчивостью в борьбе за правду и справедливость, честностью. Он занимает особое место в мироздании вследствие своей непосредственной близости к Богу, вступает в прямые сношения с силами неба и ада⁶¹. Но ведь этот герой — не что иное, как alter ego автора, а значит, его космические размеры отражают представления автора о собственной личности, собственном «Я»!

Возвеличение Человека вообще и, как следствие этого, самовозвеличение индивидуального Я проходят сквозной темой через всю культуру Возрождения. Впервые эта тема открыто заявляет о себе у Петрарки. Утверждение «первым гуманистом» ренессансного понимания человека как «отблеска Бога на земле», а также идеи божественной природы поэзии и поэтов, преодолевая нравственные идеалы времени, рождают новую самооценку, позволяющую Петрарке принять как должное невиданные со времен античности похвалы и почести. «Эта царственная оценка, — признается он впоследствии, — в то время совпадала с оценкою многих и особенно с моею собственной»⁶².

Вслед за поэтами и гуманистами величайшие достоинства своего искусства и его творцов провозглашают художники. Л.-Б. Альберти в «Трех книгах о живописи» заявляет, что «живопись заключает в себе некоторого рода божественную силу, ибо она не только подобна дружбе, которая людей отсутствующих делает присутствующими, но даже больше — людей умерших через много веков делает как бы живыми, так что мы узнаем их с великим изумлением перед художником и с великим наслаждением»⁶³. Его мысли о божественности живописи и в особенности о богоподобности художника продолжает и доводит до предельной остроты звучания Леонардо, разъясняя в «Книге о живописи», что живописец «является властителем всякого рода людей и всех вещей»⁶⁴. А его современник, двадцатичетырехлетний Пико делла Мирандола, автор знаменитой «Речи о достоинстве человека», одного из самых ярких ренессансных прославлений безграничных возможностей

⁶¹ Пинский Л.Е. Бенвенуто Челлини и его «Жизнеописание» // Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции. М., 1958. С. 10.

⁶² Цит. по: Хлодовский Р.И. Франческо Петрарка. Поэзия гуманизма. М., 1974. С. 10.

⁶³ Мастера искусств об искусстве. Избранные отрывки из писем, дневников, речей и трактатов. В 4-х томах. М.;Л., 1937. Т. 1. С. 75.

⁶⁴ История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. М., 1962. Т. 1. С. 543—544.

индивида, бросает вызов всему образованному миру, объявляя о диспуте вокруг своих «900 тезисов». Сама идея такого диспута в контексте «Речи», как точно замечает Л.М. Баткин, неизбежно означала «утверждение космического достоинства автора»⁶⁵. Бесконечно высокая оценка абстрактного индивида закономерно предполагает возможность столь же высокой самооценки.

Уверенность ренессансной личности в космических масштабах своего «Я», несомненно, одна из наиболее характерных черт ее самовосприятия, чувство, вошедшее «в плоть и кровь» культуры Возрождения и ставшее психологической основой ренессансного «титанизма». Ведь без веры в безграничность своих сил невозможно помыслить феномены Петрарки, Пико, Леонардо. Грандиозные задачи, которые они ставили перед собой, требовали и такой же грандиозной веры в свои силы, в себя. Челлини — их современник.

⁶⁵ Баткин Л.М. *Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления*. М., 1978. С. 30.

Творчество Агриппы д'Обинье — воина, поэта и историка (к вопросу о миросозерцании позднего Возрождения)

Судьба как самого великого французского поэта позднего Возрождения, историка и политического деятеля эпохи гражданских войн Теодора Агриппы д'Обинье (1553—1630), так и его творчества оказалась почти барочно причудливой и трагичной¹. Вечный скиталец и изгнанник, он был позабыт в течение двух столетий, в период торжества классицизма, и лишь в эпоху романтизма Сент-Бев интуитивно почувствовал незаурядность и мощь его образов. Д'Обинье, выходец из дворянской семьи, перешедшей в кальвинизм, получил в детстве прекрасное образование, читал по-латыни, по-гречески, и даже по-древнееврейски. Его жизнь прошла под двойным знаком — Ренессанса (характер образования, литературные вкусы, отношение к наследию «Плеяды») и Реформации (он был кальвинистом и свято хранил верность своей вере). В детстве, став свидетелем казни участников Амбуазского заговора, мальчик дал отцу клятву отомстить палачам за гибель жертв и посвятить себя делу веры. Клятву свою он сдержал. Рано осиротел (1563), учился в Париже (у М. Бероальда), затем в Женеве (1565), но сбежал оттуда и прибыл в Лион. Его родственник вернул его в Сентонж. При всей преданности вере подросток сбежал назад во Францию из Женевы, где обучался с 1565 г. у самого Теодора де Беза, а затем в 15 лет снова сбежал уже из родного дома, приставив при этом нож к горлу опекуна, и стал профессиональным воином. Воевал он почти тридцать лет. Первая любовь семнадцатилетнего поэта Диана де Тальси случайно оказалась племянницей возлюбленной Ронсара Кассандры Сальвиати. Обращение к поэзии привело его к глубокому изучению современных направлений в ней, он прекрасно знал творчество «Плеяды» и оказался единственным, кто откликнулся на смерть Э. Жоделя небольшим сборником стихов (несмотря на то, что Жодель выступал как яроостный противник его единоверцев).

¹ Этому сюжету посвящена монография Ж. Шренка: *Schrenck G. Agrippa d'Aubigné*, Р., 2001.

Летом 1572 г. Обинье прибыл в Париж на свадьбу Генриха Наваррского. От гибели в Варфоломеевскую ночь его спасло то, что он вынужден был покинуть до этого Париж из-за ссоры, завершившейся дуэлью, и имел все основания опасаться преследований со стороны прево. Через год он стал конюшим, а затем близким другом и соратником Генриха Наваррского и в 1576 г. бежал вместе с ним из Парижа. Придворная карьера была не для него: резкий, слишком преданный вере и прямой поэт высказывал в глаза своему королю все, что думал, не мог и не умел угодничать и льстить. Об этом свидетельствует знаменитое стихотворение «К королю», в котором верный слуга сравнивается со старым выброшенным на улицу псом Лимоном, оно, как известно, завершается моральным наставлением: «неблагодарность, сир, горчайшее из зол». Показательно брошенное в одном из сонетов признание, «король, который то и дело мне дарит милости, увы, постыл и он». И неслучайно, обращаясь к своим детям, в назидательной автобиографии он говорит о том, что «умение сносить гнет вышестоящих требует куда большей хитрости»², чем умение отражать удары равных себе или нижестоящих.

Твердость и стойкость его характера сочетались с исключительной верностью вере, чести и королю и после перехода Генриха Наваррского в католичество (1593) отношения поэта с королем (которого он впоследствии горько оплачет в «Трагических поэмах») начинают разлаживаться. Тем не менее, он делал успешную военную карьеру и в 1586 г. даже стал полевым маршалом. Однако, его религиозная принадлежность и непримиримость несли с собой целый ряд сложных ситуаций³. Нелучайно, что на протестантском Синоде, где разрабатывались программы гугенотов и гарантии, которые должен был предоставить король, он получил невеселое прозвище «Козел отпущения» (инициалы его стоят на первом издании «Трагических поэм»). Много позднее Ж. Шаброль назовет так свой фантастический роман о поэте⁴. Нравственная бескомпромиссность и стойкость явно соответствовали и его решению поставленной им самим новой нравственной проблеме «быть или казаться». Д'Обинье не мог стать своим персонажем Фенестом, которого он беспощадно высмеял именно за стремление «казаться», сам он умел только «быть».

После смерти Генриха IV он доказал справедливость этого, бросив вызов властям, опубликовав и «Трагические поэмы», и «Всеобщую историю». Последняя в 1520 г. была сожжена палачом (чем автор гордился, «он почел за великую честь то, что эти книги были осуждены и сожжены в Париж-

² Д'Обинье Т.-А. Мемуары // Д'Обинье Т.-А. Трагические поэмы. М., 1996. С. 417.

³ Нелучайно, что в названии одной из последних монографий, посвященных поэту, упоминается этот момент. См.: Junod S.L. Agrippa d'Aubigné ou les misères du prophète. Geneve, 2008.

⁴ Chabrol J.P. Le bouc de desert. P., 1975.

ском королевском коллеже»⁵), в итоге после того, как поэт принял участие в выступлении герцога Рогана, он был вынужден покинуть родину и удалиться в Женеву, где сохранял тот же *modus vivendi* и нравственные устои. Последняя фраза его воспоминаний программна: «ненавидимый за то, что пять лет докучал жителям предостережениями, Обинье отверг всякую мысль о капитуляции и «отказался от всех других помыслов, дабы найти в Женеве почетную смерть»⁶. Ему довелось пережить вероотступничество единственного сына Констана, но, к счастью, не пришлось узнать, что внучка Франсуаза, став морганатической супругой короля Людовика XIV, добивалась преследований единоверцев деда и отмены Нантского эдикта⁷.

Воин и боец за веру — вот кем, судя по всему, поэт видел себя. Именно этот автопортрет он и запечатлел в своей XII оде: «паж, солдат, воин, я всегда носил оружие вплоть до седьмого по счету мира; в рядах сражения при Дрё, в осажденном Орлеане, отложив в сторону оружие, я принял стило и слова солдата»⁸. Любопытно, что в своих назидательных воспоминаниях он пишет исключительно о своей деятельности как военного и политика. По собственному признанию, был неукротимым сумасбродом, а, следовательно, политиком, судя по всему, оказался плохим; он следовал законам чести, о чем свидетельствует его фраза королю: «я предпочитаю покинуть пределы вашего королевства и отказаться от жизни, чем заслужить ваши милости, предав моих братьев и сотоварищей». Но характерно, что он почти не упоминает о своей литературной деятельности, а о своем историческом сочинении упоминает вскользь, что там имелись «проявления дурного вкуса». Итак, первый парадокс — потомки считали и считают его, прежде всего, великим поэтом, сам же он эту сторону своей деятельности, судя по всему, не считал значимой.

Однако не вызывает сомнений, что в жизни и творчестве д'Обинье проявился уникальный даже для того времени универсализм. Помимо политического и военного поприща он выступает как фортификатор, теоретик военного искусства, политический мыслитель и одновременно как летописец и историк. Мемуарист является в то же время прозаиком и поэтом. В этом отношении он действительно воплощает в себе идеал человека Ренессанса. Д'Обинье, явно наделенный ироническим складом ума, безоговорочно избрал активную жизнь, и эта жизненная позиция определила и образ жизни,

⁵ Д'Обинье Т.-А. Мемуары // Д'Обинье Т.-А. Трагические поэмы. М., 1996. С. 475.

⁶ Там же. С. 486.

⁷ Жизненный путь поэта привлекал и привлекает внимание исследователей до сих пор. Характерно, что если творчеством его занимались литературоведы, то жизнь притягивала преимущественно внимание историков. Среди последних работ можно отметить труды Э. Дешо и М. Лазар (*Deschodt E. Agrippa d'Aubigné. Le guerrier inspiré. P., 1995; Lazard M. Agrippa d'Aubigné. P., 1998*).

⁸ *D'Aubigné Th. A. Ode XII // D'Aubigné Th. A. Oeuvres. P., 1969. P. 305.*

и разнообразие деятельности. Его необычайно сложный образ, многогранная деятельность и грандиозный опыт определили характер его столь же разнообразного творчества. Творчество это вызывает до наших дней споры. Куда отнести его к XVI или к XVII в.? Кто сам д'Обинье — поэт Возрождения или кальвинистский пропагандист? Каков был его художественный метод? Относится ли его творчество к Ренессансу или барокко?

К этим вопросам обращались по преимуществу историки литературы, среди которых издавна вставал вопрос о влиянии на его творчество Ронсара и петраркизма. Нередко даже его раннюю лирику исследователи относили к барокко⁹. Но еще Э. Фаге определял творчество Обинье как обусловленное наследием Плеяды, а его самого — как поэта, воспитанного Плеядой¹⁰. Оценки его художественного творчества в отечественной литературе появились довольно поздно; его детальный обзор был дан в развернутой вводной статье А.Д. Михайлова к изданию «Приключений барона Фенеста»¹¹. Автор развивает идею о принадлежности наследия д'Обинье к переходной между XVI и XVII эпохе, которую он все же связывает скорее с «завершением эпохи Возрождения» и трагическим гуманизмом. В то же время он настаивает на автономности этого периода, не соглашаясь с тезисом Ю.Б. Виппера о необходимости понимания трагического гуманизма как понятия для обозначения «завершающего этапа в эволюции культуры Возрождения и присущих ей гуманистических и реалистических тенденций»¹². Отечественные же историки практически к наследию д'Обинье не обращались, и художественное творчество, и мемуары, и «Всеобщая история»¹³

⁹ См. Например работу М. Рэмона (*Raymond M. L'influence de Ronsard sur la poésie française. P., 1927. V. II.*), а также суждение издателя сборника «Весна» Ф. Дезоне: *Desonay P. Introduction // D'Aubigné Th.A. Le Printemps. Genève, 1952. V.II.* Эту позицию разделяет и более поздняя французская исследовательница Ж. Матье-Кастеллани. См. *Mathieu-Castellani G. Eros baroque. P., 1986.* Напротив, один из известнейших литературоведов Франции второй половины XX вв. А. Вебер (издавший, к слову сказать, возможно, лучшую подборку избранных литературных сочинений поэта, вышедшую до недавнего появления полного собрания сочинений (*D'Aubigné Th. A. Œuvres complètes de Théodore Agrippa d'Aubigné / Éd. V. Ferrer, J.-R. Fanlo et al., P., 2004.*)) не разделял данную точку зрения. См. *Weber H. La création poétique au XVI siècle en France de Maurice Scève à Agrippa d'Aubigné. P., 1956.*

¹⁰ «D'Aubigné poète est un très bon élève de la Pléiade» // *Faguet E. Seizième siècle. P., 1906. P. 340.*

¹¹ Михайлов А.Д. Теодор Агриппа д'Обинье или Осень Ренессанса // *Д'Обинье Т.-А. Приключения барона Фенеста. М., 2001.*

¹² Виппер Ю.Б. Творческие судьбы и истории. М., 1990. С. 66. Однако в свое время он характеризовал творчество д'Обинье как барочное. См. Виппер Ю.Б. Когда завершается эпоха Возрождения во французской литературе // Типология и периодизация культуры Возрождения. М., 1978. С. 156—157.

¹³ Впрочем, «Всеобщая история» и за рубежом лишь недавно дождалась своих исследователей (*Thierry A. Agrippa d'Aubigné: auteur de l'Histoire universelle. Lille,*

и политическое сочинение «Об обязанностях правителя и подданных» в нашей литературе не изучены¹⁴. Вместе с тем, его исторические и политические воззрения, его глубочайшая боль и сострадание к французскому народу, его оценки гражданской войны, страстный пафос и грубоватая ирония (и еще чаще сарказм) отразили особенности мирозерцания человека заката Ренессанса.

Об этом свидетельствует сам характер его многообразного творчества — поэтического, прозаического, исторического. Вначале он шел вполне в русле сложившейся литературной традиции, оставив сборник любовных стихов (хотя ряд образов уже предвосхищает грандиозные образы «Трагических поэм»). Главным его поэтическим сочинением стали «Трагические поэмы» (первое изд. 1616). Он выступал также как прозаик, его перу принадлежит один из первых романов Европы XVII в. «Приключения барона Фенеста» (1617), который нередко считается и первым плутовским романом. Он выступал и как памфлетист, автор «Католического вероисповедания сьера де Санси» (1560). Великий поэт был и историком своей эпохи, создавшим «Всеобщую историю». Его перу принадлежат «Мемуары, или жизнь Агриппы д'Обинье, рассказанная им своим детям».

Но при всем этом разнообразии и достаточно длительном творческом пути (1570—1630) можно выделить единые черты. Д'Обинье отличался необычайной цельностью натуры, неукротимостью и негибкостью; его мирозерцание сформировалось достаточно рано, причем черты его (равно как и стилистические приемы) характерны для всей его жизни и творчества.

Мироощущение автора отчетливо выражается уже в самом первом, еще связанном с петраркизмом, сборнике «Весна» (включавшем сонеты «Жертвоприношение Диане» «Стансы» и «Оды»), изданном только в XIX веке. К поэзии его обратила влюбленность, как он сам сообщил потомкам в «Мемуарах». В этой связи он почти пророчески отметил, что «в этой книге многое не отделано, но жар ее придется многим по вкусу»¹⁵. К петраркизму он относился достаточно критически (о чем свидетельствует его ода — пародия на бержеретты Ф. Депорта). «Весна» оценивалась рядом исследователей не как оригинальный сборник, («он не идет дальше подражания Ронсару»). Так ли это? Если рассматривать сборник в целом

1982; Dubois Ch. La conception de l'histoire en France au XVI siècle. P., 1978. P. 185—195), как и современного издания (*D'Aubigné Th. A. Histoire universelle* / Éd. A. Thierry. Genève, 1981—2000. V. 1—11).

¹⁴ За исключением достаточно критической и не слишком справедливой оценки его «Всеобщей истории» О.Л. Вайнштейном. См. *Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография*. М., 1964. С. 394—395. Едва ли поэта и историка можно обвинять в том, что ему присущи «заскорузлые предрассудки старины».

¹⁵ Д'Обинье Т.-А. Мемуары // Д'Обинье Т.-А. Трагические поэмы. М., 1996. С. 427.

то перед читателем предстает мир тягостных переживаний, контрастов страстей, душевной боли. В целом муки доминируют над радостью, а отчаяние преобладает над надеждой. Восприятие не только любви, но даже бытия и природы трагично. Из-за этого меняется и характер героя — подобная ситуация не терпит кроткого и терпеливого влюбленного, типичного для петраркистской поэзии. А потому здесь призыв иной — жажда преодоления трудностей и даже судьбы, дерзновенная отвага, пусть даже ведущая к гибели. Лирический герой тем самым укрупняется и становится ближе к позднейшим грандиозным образам автора. Именно изменениями в характере лирического героя вероятно и вызван своеобразный для лирического сборника лейтмотив — война и сражение.

Героизация дается во вполне привычном для эпохи духе — счастье достигается только через борьбу. Но сама борьба чувств носит трагический характер. Поэт (а ему 18 лет!) в лирическом сонетном цикле («Гекатомба Диане») подчеркивает, прежде всего, страдания, мучения, вызванные непосильной борьбой. Эта борьба и переносная — война любви и фортуны, но она ведет к жесточайшей муке (*"cruel torment"*) и герой умирает в мучениях от истощения сил в борьбе. Следует заметить, что ему (уже провоевавшему три года) чуждо восхваление смерти на поле битвы, «от пули, от меча, кинжала иль картечи кончина славная среди кровавой сечи». Смерть солдата его не привлекает по очень любопытной причине — не благодарности современников; по убеждению поэта, героическая смерть не вызывает ни уважения, ни почета («в наши времена его ничтожна плата») ¹⁶. Тем самым он подчеркивает (это при том, что он считал себя воином за веру) бессмысленность человеческого жертвоприношения на войне, в том числе и героического самопожертвования, и подвергает сомнению одну из идей гуманизма. Все иллюзии рассеялись: готовность служить родине или вере, по его мнению, славы не приносит и виновато в этом время. Категория времени приобретает уже с этих пор (как и у Шекспира) новый оттенок — оно враждебно гуманистическим идеалам.

Автобиографическим является и образ солдата в «буре врагов, сражений, заговоров», который всегда готов к смерти ¹⁷, но которому в этой буре явилась любовь. И уже в этом сборнике появляется то, что предвосхищает содержание «Трагических поэм» — образы войны и бедствий, политические суждения и оценки, что вообще-то далеко от любовной лирики.

Любовные переживания молодого д'Обинье, таким образом, переплетаются с гневной инвективой против войны, против тех людей, кто «всю Францию возвел на эшафот». Ужас гражданской войны прямо описан в

¹⁶ Д'Обинье Т.-А. Сонет // Европейские поэты Возрождения. М., 1974. С. 362.

¹⁷ D'Aubigné Th. A. Sonnet IV // D'Aubigné Th. A. Le Printemps: l'hécatombe à Diane et les stances. P., 1960. P. 199.

CIV сонете, где речь идет о том, что «государь обрушил огонь пушек на свой же город, носящий его герб и имя, и уничтожил честь свою, чтобы разрушить город»¹⁸. Инвектива в адрес монархов в дальнейшем станет одной из ведущих в «Трагических поэмах». Уже в «Весне» появляется стихотворная характеристика тирании: «обычные плоды тиранического правления — убийство, грабеж и изгнание, гибель добрых и поддержка дурных людей, несправедливость, насилие и бесчестие»¹⁹. И лишь однажды встречается в этом сборнике намек на подлинную подоплеку трагедии французских религиозных войн. Вероятно, почерпнутое в сложном конгломерате политических идей 60-х гг. требование свободы совести в любовном сборнике молодого поэта озвучивается как гимн свободе вообще: «прекраснейшая свобода, ничего нет драгоценней тебя, ты дороже жемчуга и злата»²⁰.

В других сонетах, вошедших в «Гекатомбу Диане», изображены жуткие картины гражданской войны. X сонет рисует тяжелое долгое сражение, ожесточенность обеих сторон. Место действия — покрытое кровью опустошенное поле, под градом свинца, где теряется и вновь обретается надежда. В этом земном аду «солдат унижается перед победителем, молитвенно сложив руки, укрощая смертельное бешенство»²¹. В XIV сонете натуралистически описывается смерть раненого: «струилась кровь и раздавался стон, в агонии он скрежетал зубами, моля, чтоб мы добились его сами; был ни живым, ни мертвым брошен он»²². Именно здесь поэт бросает впервые мысль о том, что бедствия страны вызываются борьбой вельмож (тема детально будет развита в «Бедствиях», первой книге «Трагических поэм»). В VIII сонете молодой поэт утверждает, что распри сильных мира сего (“*les débats des plus grands*”) приносят неисчислимые беды стране, именно они толкают народ к гражданской войне и поэт рисует последствия этих распр, победителю сражение оставляет все бедствия — «мертвое тело страны, пепел городов». Поэт видит как на «кровоточащем поле враждующая ярость изрыгает (“*vomit*”) кровавое убийство и скифский ужас»²³. Мысль, высказанная молодым автором, связана с общей идеей, витавшей во Франции в начале гражданских войн: противостояние внутри народа ведет страну к гибели (этому отдал дань и Ронсар). Два первых катрена сонета IX рисуют типичный эпизод: гибель города, внутри которого жители борются друг с другом. Грядущая трагедия обусловлена не мощью осаждающей стороны, а распрями между защитниками.

¹⁸ D'Aubigné Th. A. Sonnet CIV // D'Aubigné Th. A. Le Printemps: l'hécatombe à Diane et Les stances. P., 1960. P. 162.

¹⁹ D'Aubigné Th. A. Printemps. P., 1874. P. 19.

²⁰ Ibid. P. 30.

²¹ D'Aubigné Th. A. Oeuvres. P., 1969. P. 250.

²² Д'Обинье Т.-А. Сонет // Европейские поэты Возрождения. М., 1974. С. 368.

²³ D'Aubigné Th. A. Oeuvres. P., 1969. P. 249.

Вполне реальная ситуация предстает как бы символическим обобщением перспективы гражданской войны в масштабах страны.

Таким образом, уже в первом своем сборнике Обинье отталкивается от петраркистской традиции и проявляет свое, нетипичное для французской поэзии Возрождения трагическое мироощущение, порожденное неюношеским жизненным опытом — страшные образы войны и гибели становятся лейтмотивом любовной лирики, трагедия личная соединяется с трагедией всеобщей, описание томлений влюбленного приобретает особый запах «пороха, тревог, трудов». Любовная лирика включает в себя социальный аспект и страстность поэзии д'Обинье, тот самый «жар», который более ярко проявляется именно в зарисовке картин страданий и гибели людей, чем в описании собственных душевных переживаний.

Не менее показательна в «Весне» трактовка и другой традиционной для поэзии Ренессанса темы — природы. Драматическая напряженность и грандиозность переживаний наиболее отчетливо выразились в 1 и 3 стансах. В третьих стансах необычайно выразительно изображен процесс движения — отчаянный иступленный бег к смерти раненого, утратившего разум от мук влюбленного; это страдание приобретает почти космический размах благодаря тому, что природа сливается с героем и рыдает над его муками. Он словно отождествляется с загнанным и раненым оленем, человек уподоблен животному, а весь окружающий мир адекватно отвечает его переживаниям и словно очеловечивается в этой реакции на страдание — «все рыдает, все плачет и моя беда столь сильна, что вызывает жалость у цветов, деревьев и скал, тигров, львов и медведей и вод, нимф, ветров, небес, звезд и ангелов»²⁴. Эта идея проводится им не только этих стансах, но и в других стихотворениях цикла. В XII сонете природа, сочувствуя влюбленному, ограничивается тем, что плачет над его бедствиями в соответствии с его призывом — «плачьте со мной, нежные цветы, смешивайте ваши слезы с моими, а я в отчаянии»²⁵. Здесь есть кроткая жалоба (как и во множестве других поэтических произведений той эпохи), но отсутствует безграничное отчаяние, острое страдание влюбленного, природа вполне традиционна (нет безотрадных картин, суровых скал, грозных зверей, а самое главное, нет трансформации природных явлений в результате приобщения к безграничной страсти и страданию человека. В третьих стансах весь мир, включая мифологический, сопереживает с героем, присутствие страдальца производит опустошение в природе, за чем следует космическая катастрофа — солнце утрачивает свет, ангелы поют гимн смерти, луна

²⁴ D'Aubigné Th. A. Stances III // D'Aubigné Th. A. Le Printemps: l'hécatombe à Diane et les stances. P., 1960. P. 199.

²⁵ Ibid. P. 230.

закрывается темным покрывалом. Вполне традиционная идея, присущая многим поэтам эпохи, трактуется иначе, именно благодаря вселенской грандиозности реакции природы и ее ответа на мучительные страдания человека. И с этими образами перекликаются и первые стансы, где появляется апокалиптическое видение природы, соответствующее состоянию героя, природа представляет картину «пустынь, диких скал, непроходимых лесов, гибнущих деревьев»²⁶. Поднимается тема умирания, гибели, вплоть до натурализма описания трупов и костей животных, поэт любит «образом смерти». И природа приобретает особый колорит, которого Ренессанс не знал, ей присущ инфернальный, злоеущий облик: в черных озерах вместо рыб плавают змеи, черные вороны (словно предвосхищая Э. По) кричат о смерти, светила прячутся, опадают листья, появляются демоны и персонажи античной мифологии²⁷. Герой просит помощи у дриад, фавнов и сатиров, смерть его воспроизводится в тех же жутких тонах. А после его смерти нимфы обсуждают жестокость, непостоянство, ярость и гордость Дианы (имя героини позволяет как бы раздваивать образ)²⁸. Но герой и после смерти разрешает заглядывать в свою могилу только Сатурну. Несмотря на интеграцию в эту картину персонажей античной мифологии, страшные образы имеют мало общего с прекрасным миром Ренессанса, но парадокс — природа полностью соответствует состоянию души и характеру переживаний героя. И характер образов, восприятия природы и мира и беспредельный драматизм чувств заставляют усомниться в жестком противопоставлении «Весны» как воплощения мировоззрения Ренессанса более поздним «Трагическим поэмам», воплощению идей Реформации²⁹.

Юношеский любовный сборник отличался предельной конкретизацией образов, мощью и выразительностью, драматизмом, которая достигается необычайным обилием эмоциональных эпитетов и использованием контрастов. Уже здесь проявляется творческая индивидуальность и драматическое восприятие окружающего мира, с еще большей силой раскрывшаяся в позднейшем творчестве и, прежде всего, в «Трагических поэмах». Анализ «Весны» позволяет найти связи между двумя произведениями, выявить в юношеских стихах зародыши тех идей и образов, которые будут развиты позднее. Французская действительность эпохи гражданских войн, уже заявившая о себе в любовной лирике поэта, в «Трагических поэмах» становится уже не лейтмотивом, а главным объектом изображения.

²⁶ Ibid. P. 180.

²⁷ Ibid. P. 181—183.

²⁸ Ibid. P. 189.

²⁹ Эта антитеза отчетливо проводилась, например, М. Рэмоном: *Raymond M. L'influence de Ronsard sur la poésie française*. P., 1927. V. II. P. 314.

В отличие от прочих сочинений д'Обинье «Трагические поэмы» изучались множество раз. Следует отметить, что именно в последние десятилетия, когда идут бесконечные споры о месте поэта в истории культуры, одна за другой в разных странах выходили работы не только о нем, но о главном его произведении, равного которому ни Ренессанс, ни барокко не знали³⁰.

Как известно, начало работы над ними восходит к 1577 г., когда Обинье, тяжело раненный после битвы при Кастельжалу, начал диктовать фрагменты будущей поэмы. По сути, поэт порывает со своей прежней проблематикой, с петраркизмом, даже с «Плеядой»: время заставляет его говорить другим языком, и обращаться как к основной проблематике к тому, что уже звучало вторым планом в «Весне», отчетливо осознавая этот рубеж («я преступил черту») и обосновывая необходимость этого решения: «Я более не стану писать о пламени любви, но, став через страдание умудренным, я посвящаю мое перо иному пламени, которым охвачена страна моя»³¹. Выбор поэта был вполне обоснован: любовные песни под лютню все равно будут заглушены боевыми трубами (так он парафразировал античный афоризм). И потому поэту подобает обращаться только к темам, имеющим общественный резонанс, где «истинная кровь и подлинная боль»³². Первый вариант был завершен к 1589 г, но в дальнейшем дорабатывался автором. Замысел и структура, как и художественные образы поэмы, не имеют аналогов не только во французской, но и европейской литературе Ренессанса. Неслучайно последние десятилетия о ней говорят как о крупнейшем памятнике французского барокко. И все же в поэме отчетливо проявляется дух Ренессанса, «Трагические поэмы» — вопль попорванной человечности.

Поэт рисует грандиозные картины бед и страданий человечества, сочувствуя простым людям и гневно клеймя жестокость и нетерпимость. Поэтическому творчеству автора присущ и драматический накал и пылкий пафос убежденного сторонника Реформации. В результате и по трагическому мироощущению автора, и по изобразительной мощи, и по эмоциональному накалу «Трагические поэмы» представляют собой исключительный памятник позднего Возрождения.

В «Трагических поэмах» присутствуют три как бы сливающихся и переходящих друг в друга линии: поэт (как и во «Всеобщей истории»)

³⁰ Назовем только самые последние работы: *Conacher Megel A. Les tragiques d'Agrippa d'Aubigné: pour une poétique du témoignage.* Montréal, 2000; *Forsyth E.C. La justice de Dieu: Les Tragiques d'Agrippa d'Aubigné et la Réforme protestante en France au XVIe siècle.* P., 2005; *Prat M. Les mots du corps. Un imaginaire lexical dans les Tragiques d'Agrippa d'Aubigné.* Genève, 1996;

³¹ *D'Aubigné Th. A. Les tragiques.* P., 1967. P. 60.

³² *Д'Обинье А. Трагические поэмы.* М., 1996. С. 68.

рисует трагедию религиозных распрей, связывает их с предшествующей историей человечества и, наконец, проводит параллели с событиями и легендами Священного писания. В результате и здесь изложение приобретает грандиозную, чуть ли не космическую масштабность. Язык д'Обинье в целом изобилует выразительными образами, но здесь он вполне соответствует необычайному накалу страстей и возвышенному пафосу: «дымился небосвод и душами и кровью»³³.

В высочайшей художественной форме в поэме изложена кровавая летопись борьбы и гонений, войн; жуткие картины войн и бедствий, раздирающих страну. Описания их нередко носят натуралистический характер³⁴, которого не знало Возрождение, и в то же время они нередко заключены в чеканные афористические формулировки («к войне готова смерть, а с нею силы ада»). Возвышенный пафос сочетается с едким сарказмом и предельным драматизмом, страдания народа противопоставлены картинам придворного разложения. Фантастические образы принимают почти библейский обличающий характер, бичующий сарказм сочетается с обвинениями вселенского характера — «здесь нет невинных рук, здесь все за кровь в ответе»³⁵. Картина современного растленного мира, положения дел в эпоху, «когда безумный век — трагическое действо»³⁶, дана настолько ярко, что не утрачивает актуальности. Трагический пафос осуждения окружающей действительности по эмоциональному накалу заставляет вспомнить о столь же скорбных обличениях других великих художников эпохи трагического гуманизма: «Высокий дух и ум ничтожны, скажем прямо, в наш злополучный век лакейства и клевет, где добродетели и чести ходу нет, тут нужен злобный ум, должны быть души злы, дабы распутывать хитрейшие узлы... здесь знание ни к чему, кто много знает — пешки, здесь красноречие встречает лишь насмешки..., теперь не скажут «вор», а «человек при деле», о трусе говорят: «Идет с оглядкой к цели»... все грех прибрал к рукам и все сквернит при том»³⁷. Столь беспощадная критика эпохи, связанной с разложением и деградацией общества перекликается с шекспировским видением времени. Время показывает как объективная сила, враждебная человеку и развращающая его, а следовательно, уничтожающая предустановленный порядок вещей.

Художественные особенности поэзии Обинье (предельная конкретизация образа, сила и выразительность, обилие эмоционально-оценочных эпитетов, прием контрастного изображения) проявились в полной

³³ «le ciel fume de sang et d'ames" // *D'Aubigné Th. A. Les tragiques*. P., 1967. P. 226.

³⁴ См. *D'Aubigné Th. A. Les tragiques*. P., 1967. P. 67—69, 71—72 etc.

³⁵ Д'Обинье Т.-А. Трагические поэмы. М., 1996. С. 299.

³⁶ Там же. С. 124.

³⁷ Там же. С. 125—126.

мере. Но при всем этом поэт выражает свое личное отношение к отдельным событиям: сочувствие к страдающему человеку, глубокое уважение к его мужеству и стойкости, гнев и презрение к виновникам трагедии.

Историософская концепция, прослеживающаяся в гигантской поэме, более полно изложена в его сочинении «Всеобщая история». Для этого произведения характерна известная противоречивость, обусловленная тем, что сам поэт — верующий кальвинист распространял веру в предопределение и на процесс развития истории человечества. Обиные поистине писал историю *своего* времени, которую до известной степени сам и творил, его позиция определялась конфессиональными убеждениями, и его интерпретация событий гражданских войн — это политическое и поэтическое оправдание действий протестантов, пронизанное глубочайшим убеждением автора в правоте и кальвинизма, и политической программы гугенотов.

Однако, сами хронологические рамки сочинения ставят новые вопросы о видении истории автором. В предисловии к своему труду он отмечает: «Я начинаю свое сочинение с рождения моего короля, прозванного впоследствии Великим»³⁸, настаивая на значении его деятельности в истории Франции и вставляя настоящей панегирик личности и подвигам своего любимого монарха. При этом характерно, что, что Обинье подчеркивает, что Генрих IV достигал своих целей несмотря на беды и горести, которые выпадали ему на долю (включая бедность). Самым жестоким испытанием автор считает Варфоломеевскую ночь, когда король «оказался в центре резни, в которой погибли его ближние и последователи»³⁹. В лучшем духе гуманистической историографии прямо в предисловии дается портрет Генриха, с важным выводом «Блажен государь, которому Господь даровал сердца истинных французов». Д'Обинье, прекрасно знавший Генриха, не превращает его в идеальное лишенное недостатков существо, но, по его мнению, «печать почтения закрывает нам рот, а любовь открывает нам глаза». Личные недостатки не умаляют величия деяний, а потому людям дано видеть «как царственная храбрость благодаря мощи и натуре, выходящих далеко за рамки обычного, разрушала (если только это позволял Бог) все препятствия»⁴⁰. Личность самого Генриха для Обинье до того, как тот вступил на французский престол, существует в 4 ипостасях — человек по имени Генрих, король Наваррский, престолонаследник и защитник протестантской веры. Таким образом, идеал человека и правителя вполне может иметь и слабости и недостатки, но преодолевает их своими

³⁸ D'Aubigné Th. A. L'histoire universelle. S.l., 1626. P. 6. Верхние хронологические рамки он обозначил также границами жизни Генриха — прямо на титульном листе говорится о том, что труд завершается «концом жизни Генриха Великого»

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid. P. 8.

деяниями. Как ни относился Обинье к монарху при жизни последнего, в историческом сочинении образ монарха иной: «мудрый, храбрый и верный — мой государь»⁴¹. Именно этот образ историк собирался воплотить на века, отсюда и посвящение прямо на титульном листе — посвящается потомкам, повторенное в предисловии: «Я посвящаю свое творение исключительно потомкам»⁴². Он сам объясняет решение ограничить свое изложение: «мой замысел охватывает мою жизнь и мои возможности», заявляя, что «я не стану извинять себя страхом или надеждой», и он предпочитает скорее «быть наказанным за излишек своей свободы, чем избавляться от лстеца». Именно в таком ракурсе он критикует современную ему французскую историографию, оценивая ее как «чудовищные книги, которые распространяются, гнусные из-за бесстыдной лести, пророческих восхвалений, неестественного злословия, злоупотребления в поиске рекомендаций, невежестве при описании достижений»⁴³. Особо негативно он высказывается о трудах тех, «у кого коротко острижена голова (намек на католическое духовенство)», поскольку «их перо и их совесть продажны с самого начала». Большинство исторических сочинений, по его мнению, ничтожны, в них ничего найти нельзя, кроме воспоминаний, продиктованными интересами мемуаристов, а сами книги по его выражению «недостойны общественного света (*“lumière publique”*)». Лишь для двоих историков он делает исключение — Ла Попелиньера и де Ту (как известно, он черпал в случае необходимости информацию из их сочинений). Но отношение к собратьям-историкам определило исполненную горечи формулировку целей и задач собственного труда: «Примите это изображение бурного времени, полного честолюбивых замыслов, замечательных примеров верности и предательства, благоразумия и безрассудства, счастливых достижений и бедствий, возвышенной добродетели и постыдной подлости, изменений, столь неожиданных, что вы легко извлечете из этих описаний подлинный плод истории, то есть познание безумств и слабостей людей, правосудия и силы Господа»⁴⁴. Агриппа д'Обинье предельно своеобразно трактует гуманистический тезис о предназначении истории; в его представлении она служит для понимания слабости людей и могущества бога. Время, определившее трагическое видение поэта, его обращение к социальным катаклизмам, заставляло его иначе видеть и более мелкие события.

Построение книги значительно отличается от обычных исследований того времени. Первая книга — вводная, в ней излагается положение дел в Европе к середине XVI в., особые главы выделены для исто-

⁴¹ Ibid. P. 12.

⁴² Ibid. P. 6.

⁴³ Ibid. P. 4.

⁴⁴ Ibid. P. 7.

рии Германии, Италии. Испании, Англии. Со второй книги начинается рассмотрение истории преследования сторонников Реформации, точнее, противников католицизма. Изложение ведется под особым ракурсом — Обинье подчеркивает жестокость католической церкви в отношении своих оппонентов во все времена и преследование последователей Реформации в его трактовке есть логическое продолжение расправ с инакомыслием ранее. Любопытно его описание истории вальденсов и альбигойцев, где специально отмечается, «инквизиция не забыла ни об одном способе бесчеловечной жестокости, чтобы выкорчевать побежденных»⁴⁵. С третьей книги первого тома начинается непосредственное изложение событий гражданских войн и унифицируется построение — Обинье в конце каждой книги повествует о событиях за пределами Франции, а заключает ее главой о содержании и характере очередного мира (после очередной гражданской войны). Надо сказать, что с особой тщательностью он описывает военные действия эпохи.

Иногда в его изложении прямо просматривается влияние поэтического творчества. В особенности эта параллель заметна при сравнении соответствующих фрагментов двух сочинений, посвященных Варфоломеевской ночи. Эпизоды «Трагических поэм» и «Всеобщей истории» перекликаются — драматический эпизод с мадмуазель Иверни, с неизвестной убитой женой, тело которой дожидалось тела мужа в Сене, эпизод с убийством Рамуса, наставника принца Конти Бриона, с предательством мадмуазель де Руайан. Героизация жертв (и, прежде всего, образа Колиньи), подчеркивание роли отдельных лиц все это сближает «Всеобщую историю» с гуманистической историографией. От поэмы «Всеобщая история» восприняла возвышенный трагический пафос и динамизм изложения: «воздух звенел от воплей умирающих, тела падали из окон, тела убитых или умирающих занимали середину улиц, кровь по улицам стекала в реку; невозможно было подсчитать количество убитых мужчин, женщин и детей, иные из них только что покинули лоно матери»⁴⁶. В текст привносится поэтическое стремление к гиперболам: так, количество жертв Варфоломеевской ночи в «Трагических поэмах» насчитывает 30000, а во «Всеобщей истории» достигает 100000 человек (хотя число погибших в действительности составляло в Париже ок. 2000). Для контраста автор вводит трогательные вставные новеллы, особенно о судьбах детей, он иногда создает образ мелкой деталью — беспомощность, наивность и доверчивость жертв создают особый эффект эпизода, занимающего две строки: некто «убил двух своих малолетних племянников, которые спрятались под кроватью, думая, что он хочет их выпороть», тетка

⁴⁵ Ibid. P. 90.

⁴⁶ D'Aubigné Th. A. L'histoire universelle. Amsterdam, 1715. P. 549.

«терзала кнутом и оковами двух племянниц», старшая из которых (9 лет) впоследствии погибла от равнодушия монахинь, попав в больницу⁴⁷. С этим трагическим пафосом как-то контрастирует обобщающая фраза — «простой народ трудился, убивая своих соседей»⁴⁸.

Изображение гражданских войн и страданий простых людей достоверны, а его изложение событий Варфоломеевской ночи и в поэме, и в историческом сочинении — наиболее эмоционально впечатляющее описание резни и погрома в истории литературы.

Сам д'Обинье отмечает, что «утомившись возвышенными и трагическими материями, автор решил обратить перо к описанию своего века»⁴⁹. Закат великой эпохи, окрашенный в трагические тона, породил и такие новые черты, которые присущи скорее уже XVII в. Ирония и сарказм, сомнение и горечь, натурализм и грубоватость, черты, присущие иной раз прециозной литературе, появляются в прозаических сочинениях гуманиста, прежде всего в «Приключениях барона Фенеста» и «Мемуарах». Оба сочинения проникнуты другим духом и ставят новые проблемы. Повествование в «Мемуарах», адресованных детям, ведется от третьего лица, рассказ о сугубо личных, даже интимных событиях жизни автора как бы дополняет «Всеобщую историю» подобно комментарию, и предоставляет возможность взглянуть на собственную жизнь отстраненно. «Мемуарам» более присущи ирония и самоирония, живость изложения, нередко горечь и острый критический подход при описании интриг и придворной жизни, идейно и художественно они предвосхищают мемуары скорее XVII, чем XVI в.

Совершенно новое видение общества и личности присуще единственному роману д'Обинье, в котором справедливо усматривают⁵⁰ в определенной мере итоговое сочинение поэта. Роман связан с ренессансной традицией: его построение в столь излюбленной гуманистами форме диалога (первая книга романа в издании 1617 г. даже называлась «Диалоги»), определяющий содержание как морально-психологический спор, где автор не дает ответа, содержание последней части, по сути представляющей аллегорическое осмысление действительности, антимонашеские мотивы, нравственный облик одного из протагонистов — все это связывает роман с духовными установками Возрождения.

Но в нем присутствуют иные веяния, которые программно выражены даже в именах главных действующих лиц. Эрудиции Обинье читатели обязаны греческими именами ведущих действующих лиц, как бы символизир-

⁴⁷ Ibid. P. 553.

⁴⁸ D'Aubigné Th. A. L'histoire universelle. S.l., 1626. P. 548.

⁴⁹ Д'Обинье Т.-А. Приключения барона Фенеста. М., 2001. С. 9.

⁵⁰ См. например: Михайлов А.Д. Теодор Агриппа д'Обинье или Осень Ренессанса // Д'Обинье Т.-А. Приключения барона Фенеста. М., 2001. С. 283.

рующими центральный конфликт. Дав своим персонажам имена Фенеста (от греческого глагола «казаться») и Эне (от глагола «быть»), д'Обинье обозначил и центральную проблему романа, невыносимую для Возрождения, и принципиально новую социальную коллизию, также принадлежавшую уже другой эпохе. Для Возрождения проблема «быть или казаться» была чуждой, человек должен был достичь определенного человеческого идеала, состояться как личность во всех сферах, то есть именно «быть». Ренессансное представление о человеке и выражает герой Эне, причем отстаивает свои высокие нравственные жизненные принципы.

Однако его оппонент Фенест представляет собой новый социальный тип, продукт развития придворной культуры, это — человек без корней, стремящийся приобщиться к светской жизни. Ничего не имея за душой (ни подлинных нравственных ценностей, ни социальной опоры, ни даже денег), он стремится «казаться», изображать поддельный облик вместо того, чтобы проявлять подлинную сущность. С горечью автор отмечает, что именно «он — дитя своего века»⁵¹, и типичен настолько, что подобных людей каждый может найти в своем окружении. Образы эти вырастают до символов, обобщения, противопоставления бессмысленного притворного, иллюзорного существования — реальной жизни, современности — героическому прошлому: «прежде было время, а нынче — пора»⁵². А ко всему этому добавляются еще и отчетливо выраженные сатирические характеристики и особый сниженный язык. Все вместе не только подводит итоги XVI в., но и открывает пути духовного развития XVII века. Д'Обинье, фиксируя как художник и мыслитель новые явления, противопоставляет им нравственные устои былого времени, и моральные ценности, которые он перечисляет, типичны для гуманистов. Однако он с горечью отмечает, что теперь жизненные блага достаются «предателям, убийцам, трусам и бездельникам», а «людям, достойным, отважным и великодушным только и остается, что сгинуть навек из-за собственной порядочности»⁵³. Изменения в представлениях и идеалах общества, характерные для наступившего времени, с точки зрения д'Обинье, только идут во вред настоящим людям, и, следовательно, традиционные ценности для него более значимы и привлекательны.

И в глубокой старости, когда поэт обобщает свой человеческий и творческий опыт, он возвращается к благородным идеалам, которым остался верен до конца. Характерно, что в самом конце творчества д'Обинье в сборнике «Зима», увидевшим свет в 1530 г., утверждается ренессансное ясное начало и вера в человечество. Спокойное и твердое му-

⁵¹ Д'Обинье Т.-А. Приключения барона Фенеста. М., 2001. С. 33.

⁵² Там же. С. 26.

⁵³ Там же. С. 162.

жество проявляется в его отношении к старости и смерти в стихотворении «Зима месье д'Обинье» (возможно, давшего название сборнику). Его мысли во многом напоминают рассуждения Монтеня — «Я меняюсь без сожалений, так как мне возмещены пылкие страсти, я люблю зиму, она очищает мое сердце от пороков, как воздух от чумы, а землю от гадюк»⁵⁴. Старость вызывает не отчаяние, а скорее понимание закономерного процесса, одни жизненные радости сменяются другими. Старость не означает завершения, «разве не блещет во мне живое и священное пламя». Она сама, по убеждению поэта, — светлое и священное пламя, а не погребальный факел. Близость конца не вызывает ни отчаяния, ни страха — «благословенная старость» рассматривается как «время опыта, а не время трудов». По мнению поэта, не следует бояться закономерного конца.

В сборнике «Зима» содержится ряд стихотворений, религиозных по своей проблематике. Но именно в них одинокий и покинутый родными старик выразил наиболее отчетливо свое ренессансное мирозерцание. Он молит бога не о спасении или о милосердии: он просит его о помощи. Но показательно, в чем именно заключается эта мольба о помощи: «дай мне то, что мне подобает». Поэт не желает расставаться с земным миром: «если время моей военной службы, если годы моего служения продлятся, то тем лучше». Борьба для д'Обинье составляла и продолжает составлять смысл жизни и подлинное предназначение человека, она «меня не утомляет, мила мне остается жизнь, а отдых удручает»⁵⁵.

Программное утверждение гуманизма — торжество активной жизни над созерцательной, вера в высокое предназначение человека отчетливо прокламируется в этом обращении верующего гугенота к Богу. И то же гуманистическое видение жизни прослеживается и в другом стихотворении цикла «Зима» «Утренней молитве»: грандиозный ликующий образ солнца почти язычески сравнивается с образом Бога как источника сияния и ясности, мрак и тучи уподобляются человеческим грехам. В этом причудливом сплетении образов поэт выражает представления Ренессанса, завершая свою молитву прославлением жизни как торжества света и радости: «Из праха нам восстать над мраком над могилой, как день из ночи восстает. ... любой погожий день — кончина тьмы унылой, а жизнь над смертью верх берет»⁵⁶.

Таким образом, творчество Теодора Агриппы д'Обинье отразило и кризис ренессансного идеала, и трагическую ломку представлений

⁵⁴ D'Aubigné Th. A. L'hiver de M. Aubigné // Anthologie poétique française XVI siècle. P. 1965. V. II. P. 381.

⁵⁵ D'Aubigné Th. A. La prière // D'Aubigné Th. A. Oeuvres. P., 1969. P. 378.

⁵⁶ Д'Обинье Т.-А. Утренняя молитва // Европейские поэты Возрождения. М., 1974. С. 368. Ср. с оригиналом — "Le beau jour est la fin des espaissees tenebres et la vie est fin de la mort" // D'Aubigné Th. A. Oeuvres. P., 1969. P. 375.

о мире, и новое восприятие и оценку природы. По его убеждению, мир враждебен человеку, он находится в беспрестанной борьбе и гибнет в этой борьбе. Время дробит характеры людей и их цели. Но человек при этом все же сохраняет свое достоинство, волю к борьбе и торжество духа. Контрастность и грандиозность образов поэта уже предвосхищает барокко, и все же его творчество вполне вписывается в рамки «трагического гуманизма». Несмотря на то, что он ставит проблемы, свойственные уже XVII в., Агриппа д'Обинье все же до самого конца оставался человеком Возрождения, человеком, который, по выражению Челлини, «не знает какого цвета страх». По своему темпераменту, стилю мышления и художественным взглядам, наконец, по своей пламенной вере и неистовой энергии и активности он в большей мере принадлежал к XVI столетию.

Сохранив энергию и волю к борьбе, оставшись и в XVII в. гуманистом, по-прежнему сохранявшим верность идеалам Ренессанса, Теодор Агриппа д'Обинье, не взирая на любые жизненные испытания, выражал веру в человека, в торжество света над мраком.

Италия в чешском историко-культурном сознании (Средневековье, Ренессанс, барокко)

Италия присутствовала в историко-культурном сознании жителей Чешского королевства как одна из его важнейших внешних доминант начиная с раннего Средневековья вплоть до конца раннего Нового времени¹. В разные периоды чешской истории Италия виделась по-иному, выступая то как источник инспираций, новых идей и образов, то как враждебная сила, препятствующая утверждению чешской идентичности (преимущественно в гуситский период). Говоря о чешском восприятии Италии необходимо различать два «объекта»: Рим как центр папской власти и католической идеологии и Италию в целом как культурное пространство. Эти две ипостаси в чешской оптике не были идентичными, хотя в определенное время и в определенных аспектах они могли сливаться, фигурировать как синонимы. В задачу данной статьи не входит рассмотрение огромной по объему темы чешско-итальянских связей, автор стремится лишь охарактеризовать их основное содержание и динамику на протяжении X—XVII вв., а также дать новейшую библиографическую информацию.

В Средние века доминанта отношений двух стран имела сакрально-церковный характер: «культовой» фигурой здесь был св. Кирилл (Константин Философ). Культ почитавшегося тогда крестителем чехов и мораван грека, погребенного в Риме, куда он доставил мощи святого папы Клементя, укоренился в итальянских монастырях задолго до его по сути дела повторной официальной канонизации (для всей католической церкви) в середине XIV в. Именно в Италии почитателем и в определенной мере продолжателем дела св. Кирилла осознал себя св. Войтех-Адальберт, епископ Пражский, вступивший в конфликт с чешским князем и уехавший в Италию. Миссионерство и проповедь на «народном» языке становятся для Войтеха главной целью жизни, как

¹ Интересные материалы на эту, преимущественно относящиеся к истории искусств, содержатся в сборнике трудов специальной конференции: *Itálie, Čechy a střední Evropa*. Praha, 1986.

и укрепление христианской морали в уже христианизированных регионах Европы. Благодаря Войтеху кирилловская (кирилло-мефодиевская) традиция (исключая славянскую письменность) возвращается в Центральную Европу из Италии, подкреплённая авторитетом папского престола и монашества².

Однако для устойчивого существования сакральной мифологемы было слишком мало фактов, поэтому при Карле IV, проводившем политику возвышения своего родного Чешского королевства, в «Чешской хронике» Пришибика Пулкавы появляется утверждение о тесной мистической связи Праги и Рима. Хронист, писавший по заказу монарха, приводит, очевидно выдуманный в окружении Карла IV рассказ о том, что св. Кирилл, едучи из Великой Моравии к папе в Рим с мощами св. Клементя, остановился в Праге и жил там три года, храня святые мощи в капитуле на Вышеграде³. Таким образом возникала «сакральная ось»: Великая Моравия — Прага — Рим, где столица Чехии занимала срединное место.

Красной чертой по всему чешскому средневековому культурно-религиозному сознанию проходит тема Рима как центра христианского мира, города святых мучеников⁴. Поэтому столь прочны были отношения курии с Пражским епископством, подкрепляемые многочисленными паломничествами чехов в Рим, составлявшими предмет особой гордости для паломников, приобщившихся там к высшей святости.

По контрасту образ остальной Италии в чешской средневековой хронистике предстает лишенным какого-либо ореола. Этот образ сформировался в результате участия чехов в военных походах германских императоров в Италию и опирался на реальный военно-политический опыт. Продолжатель Козьмы Пражского в своем повествовании об участии чешских отрядов под командованием Владислава II, получившего за это королевскую корону, говоря о взятии Милана Фридрихом Барбароссой в 1158 г. дает негативную оценку итальянцам. Отмечая красоту и богатство города, он подчеркивает недостойное поведение его жителей. Негативный стереотип итальянцев в глазах чехов таков: они вероломны, неискренни, лживы, постоянно интригуют, а также враж-

² Krásel F., Ježek J. Sv. Vojtěch, druhý biskup pražský a jeho klášter i úcta u lidu. Praha, 1898; Turek R. Čechy v raném středověku. Praha, 1982; Nový R., Sláma J. Slavníkovci ve středověkém písemnictví. Praha, 1987; Třeštík D. Sv. Vojtěch a formování střední Evropy // Sv. Vojtěch, Čechové a Evropa. Praha, 1997; Bláhová M., Frolik J., Profantová N. Velké dějiny zemí Koruny české. I. Do roku 1197. Praha, 1999. S. 304—323.

³ Kroniky doby Karla IV. Praha, 1987. S. 280.

⁴ Эта и другие темы подробно разрабатываются в статьях специального сборника: Roma — Praga. Praha — Řím. Ommagio a Zdeňka Hledíková. Bollettino dell'Istituto Storico Ceco di Roma. Supplemento. 2008. Praga, 2009; См. также раздел «Чешские земли и папство» в кн.: Hledíková Z. Svět české středověké církve. Praha, 2010. S. 401—483.

дуют между собой. Поведение и характер итальянцев дают моральное основание императору воевать против Ломбардской Лиги⁵. Этот негативный этностереотип сохраняется и в XIV в., в частности в автобиографии Карла IV (*"Vita Karoli Quarti"*), в тех ее частях, где повествуется об участии юного Карла в итальянских войнах.

Но именно в этом столь значимом для чешской культуры сочинении Италия подкрепляет свой статус сакральной территории. Именно там при осаде одной крепости молодому Карлу было видение божественного характера, предрекшее его будущую карьеру. Позднее на основе толкования этого видения как своей особой богоизбранности монарх будет основывать новые принципы императорской власти, трансформируя ее в тип светского политического богослужения, что затем определило специфику идеологии власти Карла IV⁶.

Однако отмеченная сакральность носила «виртуальный» характер, так как политические реалии Италии середины XIV в. были от нее очень далеки. Прежде всего это касалось упадка Рима, который уже не мог стать вновь центром Империи, как бы к этому ни призывал Карла IV Франческо Петрарка, а перед этим Данте его деда Генриха VII в сочинении «Монархия». Рим оставался как бы «виртуальным центром» Империи, который должен был найти свое новое реальное воплощение. Таковым становилась Прага — «новый Рим», резиденция императора всего христианского мира. Именно эта идея, как показывает исследование К. Кубиновой⁷, легла в основу затеянной Карлом IV масштабной перестройки Праги. Основанный им Новый Город Пращский должен был стать «имитацией» как Иерусалима, так и Рима. Идеологическое обоснование этого содержится в «Чешской хронике» итальянского аббата Мариньолы, написанной по заказу Карла IV. Итальянский эрудит включил чешскую историю во всемирную, подчеркнув идеологему богоизбранности чехов и их правителя. В разделе об этногенезе чехов он возводит их к Энею и «италикам», доказывает происхождение Карла IV от самого Юлия Цезаря, а чешских епископов считает наследниками св. Петра. Более того, Карлу IV предстоит воссоединить христианский мир и воссесть на троне в граде Давидовом⁸. При католическо-военной

⁵ Pokračovatelé Košmovi. Praha, 1974. S. 79.

⁶ Karel IV. Vlastní životopis. Praha, 1978. S. 62—65; Kalista Z. Karel IV. Jeho duchovní tvář. Praha, 2007. S. 131—150; Nodl M. Tři Studie o době Karla IV. Praha, 2006. S. 21—64.

⁷ Kubínová K. Imitatio Romae: Karel IV. a Řím. Praha, 2006.

⁸ Kroniky doby Karla IV. S. 458—459, 502; Мельников Г.П. Итальянский автор чешской хроники (Джованни Мариньола и официальная идеология Чешского государства эпоха Карла IV) // Италия и славянский мир. М., 1990. С. 31—32; Kubínová K. Op. cit. S. 151—178.

невозможности новых крестовых походов и отвоевания реального Иерусалима его функцию, очевидно, символически должна взять на себя Прага как фактическая столица Империи. Объединение мифологем Иерусалима и Рима, чего не отметила К. Кубинова, придает Праге высший сакральный статус нового политического центра Европы.

Реальность оказалась далека от этих мистических идеологем, как показало гуситское движение в начале XV в. Во второй же половине XIV в. Рим для чехов сохраняет свое большое значение. Благодаря симфонии императорской и папской власти, установленной Карлом IV и Климентом VI, прекратились ставшие традиционными грабительские военные походы императоров в Италию для коронации в Риме, превращавшиеся в походы завоевательные. Римская коронация Карла IV обошлась без военного вторжения в итальянские дела. Из Рима в Прагу бежал Кола ди Риенцо — «последний римский трибун», боровшийся за новый подъем Рима. В Чехии он, хотя и содержался под стражей, интенсивно общался с чешскими интеллектуалами и политиками⁹. В Риме в 1368 г. открылся чешский странноприимный дом, а в соборе св. Петра по приказу Карла IV в 1333 или в 1355 г. был сооружен алтарь, посвященный чешскому небесному патрону св. Вацлаву. Популярный средневековый путеводитель по Риму “*Mirabilia Romae*” был хорошо известен в Чехии: сохранилось 6 его экземпляров, переписанных в XIV—XV вв. Знаменитую мозаику с изображением Страшного суда, где Карл IV показан как предстоятель перед Богом за все человечество, изготовили венецианские мозаичисты. Все это хорошо документирует взаимное итало-чешское религиозно-культурное присутствие¹⁰.

Сами итальянцы XIV в. благодаря возвышению Чехии начинают ею интересоваться; ее посещают гуманист Умберто Децембрио и дипломат Джан Галеаццо Висконти, который оставил два письма с описанием Праги, где уподобляет ее Риму. Влтава — это Тибр, собор св. Вита с наружной мозаикой подобен итальянским храмам, вообще Прага «выглядит почти что как Ромулов город»¹¹. Но, конечно, главной итальянской фигурой в чешском сознании стал Ф. Петрарка.

Об отношениях между Петраркой и Карлом IV, а также о влиянии Петрарки на чешскую культуру существует немалое количество научных работ¹². В планах итальянского гуманиста, связанных с идеей реп-

⁹ Kalista Z. Op. cit. S. 113—115.

¹⁰ Подробнее см.: Kalista Z. Karel IV. a Itálie. Praha, 2004. S. 145—334; Kubínová K. Op. cit. S. 63—104.

¹¹ Kubínová K. Op. cit. S. 217—220.

¹² Kalista Z. Karel IV. a Itálie. S. 230—279; Мельников Г.П. Петрарка и пражские интеллектуалы круга Карла IV // Франческо Петрарка и европейская культура. М., 2007. С. 128—136 (там же подробная библиография). Из работ последнего времени отметим капитальную монографию: Špička J. Petrarka: Homo politicus. Praha, 2010.

ovatio imperii Карл IV занимал центральное место. Важно то, что император, не разделявший этих устремлений, глубоко уважал Петрарку, о чем лучше всего свидетельствует приглашение его в Прагу на должность воспитателя императорских детей, от которого поэт отказался в вежливой форме. Кружок почитателей Петрарки в Праге состоял из высших лиц государства во главе с архиепископом и канцлером Яном Очко из Влашими. Давно отмечено влияние петрарковской латыни на язык императорской канцелярии. Однако при этом необходимо отметить, что Петрарка привлекал чехов как знаменитая личность, а не как гуманист. Интересно, что поэты — современники и сторонники Петрарки Фацио дельи Уберти и Антонио Беккари в едких стихах высмеивали Карла IV за то, что он не хочет властвовать в Риме, вновь сделав его центром Империи, а разводит виноградники и выкапывает пруды для рыбы у себя в Чехии¹³. Однако такая критика не испортила отношений: Никколо Беккари принял приглашение стать воспитателем сына Карла IV Сигизмунда в Праге. Вообще влияние Италии на культурную ориентацию Карла IV и его пражского окружения было очень существенным, как это многократно отмечал З. Калиста, хотя надо подчеркнуть, что в итальянской культуре монарх ориентировался на более консервативное готическое направление, а не на ранний гуманизм, о чем, в частности, свидетельствует стиль живописных произведений, которые он закупал в Италии для своих чешских резиденций¹⁴.

Резкий поворот от положительного к негативному восприятию Италии, прежде всего папства, обозначило гуситское движение. Гуситская литература создала образ папы-антихриста и Рима — Нового Вавилона. Наглядное воплощение эти образы получили в миниатюрах Йенского кодекса¹⁵. В таких условиях не могло быть и речи о восприятии гуманистических импульсов из ренессансной Италии XV в.

Наоборот, итальянские гуманисты живо интересовались «чешской ересью». Это нашло выражение и в знаменитом тексте Поджо Браччолини о мужественном поведении сподвижника Яна Гуса Иеронима Пражского на Констанцском соборе. Восхищаясь им как новым Соократом, он сожалеет о его гибели («Жаль, что такой муж — еретик»)¹⁶.

¹³ Kubínová K. Op.¹ cit. S. 196.

¹⁴ Stejskal K. Umění na dvoře Karla IV. Praha, 2003. Новейшие научные концепции и данные о рецепции итальянских влияний в Чехии XIV в. см.: Karel IV. Císař z Boží milosti. Kultura a umění za vlády Lucemburků. 1310—1437 / Ed. J. Fajt. Praha, 2006.

¹⁵ Drobňá Z. Jenský kodex. Husitská obrazová satira z konce středověku. Praha, 1970; недавно вышло двухтомное издание, содержащее факсимиле и исследование памятника: Jenský kodex. Faksimile. Komentář. Praha, 2009.

¹⁶ Čornej P. Velké dějiny Koruny české. V. 1402—1437. Praha, 2000. S. 174.

В «Чешской истории» Энея Сильвия Пикколомини, будущего папы Пия II¹⁷, для которого, как и для его преемников, чешское гуситство стало одной из основных проблем папской политики, также виден неподдельный интерес к Чехии. По отношению к гуситам у Пия II, гуманиста, победила позиция папской власти, далекая от толерантности. Собственно говоря, он создал «гуситский миф» для Европы, нарисовав ужасающую в своем величии картину восстания еретиков. Делая акцент на «ужасном», он в то же время отметил и некоторые положительные в глазах гуманиста качества гуситов — их любовь к книге и грамоте, непоколебимое мужество и уверенность в своей правоте. Именно он, как считал еще Й. Пекарж¹⁸, сделал Яна Жижку великим героем европейской истории, прославив его деяния, которые он осуждал, на всю Европу. Определенная двойственность подхода хорошо видна в высказывании Пикколомини о чешском «гуситском короле» Иржи из Подебрада, которого он называет «мужем, прославленным в делах войны и мира, у которого для власти есть и отвага, и разум, и приличествующий возраст»¹⁹. Интересно отметить, что чешское общество включая его гуситскую часть положительно отнеслось к сочинению папы-гуманиста: его чешский перевод впервые осуществил Ян Гоуска в 1487 г., в 1510 г. последовало издание книги, которое сделал известный пражский гуманист и книгопечатник Микулаш Конач из Годишкова, также публиковавший свои чешские адаптации Боккаччо. Второе издание сочинения Пикколомини предпринял в 1585 г. знаменитый чешский гуманист и книгоиздатель Даниэль Адам из Велеславина, объединив его вместе с хроникой Мартина Кутена в одну книгу под названием «Две хроники об основании чешской земли».

Неудивительно, что ренессансные влияния доходят до Чешского королевства минуя Италию, через Венгрию и Германию. Утвердившаяся в стране гуситская традиция негативно воспринимает католицизм и даже новую культуру, хотя и связанную с ним лишь опосредованно. Католическая культурная традиция в Чехии, на рубеже XV—XVI вв. воспринявшая итальянские ренессансные влияния (позиция Богуслава Гасиштенского из Лобковиц и других неолатинских поэтов), занимала второстепенное место, не определяя общего лица чешской культуры²⁰.

Положение начинает меняться с середины XVI в., после избрания в 1526 г. чешским королем Фердинанда I Габсбурга. Итальянское влия-

¹⁷ Aeneae Silvii Historia Bohemica. Praha, 1998.

¹⁸ Pekař J. Žižka a jeho doba. Praha, 1935. D. I. S. 93.

¹⁹ Aeneae Silvii Historia Bohemica. P. 254—257.

²⁰ Мельников Г.П. Культура Чехии X—начала XVII в. // История культур славянских народов. М., 2003. Т. 1. С. 346—352; Básník a král: Bohuslav Hasištejnský z Lobkovic v zrcadle Jagellonské doby. Praha, 2007.

ние в Чехии значительно усиливается. Этому феномену была посвящена специальная выставка «Bohemia — Italia. Чехи в Италии, итальянцы в Праге. 1600—2000», организованная Национальной библиотекой Чешской Республики и Итальянским культурным институтом в Праге²¹. Воздействие итальянской культуры проявлялось в двух ипостасях — как стиль в искусстве и как новый образ жизни преимущественно католической части аристократии. Чешская протестантская среда оставалась враждебна папскому Риму, поэтому можно говорить о гегемонии влияния итальянской светской культуры на чешское общество. Ее реципиентами были чешские аристократы, прежде всего католики, но к концу XVI в. она оказывала очень большое влияние и на более консервативную некатолическую шляхту, проникала в среду городского патрициата, что сказывалось на изменении его материальной культуры и внешнего облика городов. Их центральные площади теперь определяли периметры, образуемые домами с ренессансными аркадами. Итальянские купцы, число которых возросло с превращением Праги в столицу империи при Рудольфе II, привозили южные товары: фрукты, вина, сладости, ткани, роскошную одежду, мебель, ювелирные изделия, что укрепляло представления чехов об Италии как о крае природной благодати и роскоши.

Влияние немногочисленного католического духовенства почти не ощущалось до 1560-х годов, новые католические храмы тогда не возводились, поэтому церковная сфера не стала проводником итальянского Ренессанса. Эту функцию осуществляла крупная католическая аристократия, активно участвовавшая в политической жизни страны, занимавшая ведущие земские и придворные должности. Но импульс, который она получила, исходил от короля. Придворная культура, однако, в Чехии XVI в. так и не сформировалась в мощный культурно-инновационный фактор, поскольку ее существование в Праге в силу политических и династических причин оказалось кратковременным (1526—1547) и малоэффективным из-за постоянной нехватки денег²². Придворный круг наместника Фердинанда Тирольского (середина XVI в.) ориентировался преимущественно на ренессансную культуру германских земель. Поэтому в Чехии придворная культура, слабо выраженная, не смогла стать проводником Ренессанса, хотя первоначальные импульсы были даны Габсбургами.

Определенную роль проводника идей эпохи Возрождения играли чешские студенты, обучавшиеся в университетах Италии, причем, что

²¹ Bohemia — Italia. Češi ve Vlaších a Vlaši v Praze. 1600—2000. Katalog výstavy. Praha, 2000. (Издание на чешском и итальянском языках).

²² Мельников Г.П. Особенности придворной культуры в Чешском королевстве XVI в. // Бюллетень Всероссийской ассоциации медиевистов и историков раннего Нового времени. М., 1997. № 7. С. 8—12.

интересно, они происходили как из католических, так и из некатолических семейств²³.

Итальянский ренессансный образ жизни был активно воспринят чешской знатью во время «путешествия кавалеров» в 1551 г. в Италию. Речь идет о почетной свите избранного чешского короля Максимилиана II, встречавшей его и его супругу Марию в Италии, в составе которой находилось 53 чешских дворянина (с прислугой — более 200 людей), специально отобранных Фердинанда I для этой репрезентативной политической акции. Среди них преобладали католики, но были также уtrakвисты и лютеране²⁴. Представители лучших чешских дворянских родов в Италии середины XVI в., прежде всего, испытали на себе воздействие бытовой, повседневной культуры Италии, стали ее поклонниками и перенесли ее как эталон поведения в родное Чешское королевство. Так ей стал подражать патрициат, хотя в целом гуситская среда сохраняла строгий образ жизни. Участники «путешествия кавалеров» 1551 г. увлеклись также итальянским искусством и стали в Чехии первыми меценатами. Крупнейший вельможа Вилем из Рожмберка серьезно увлекся итальянской светской музыкой, в Чехии продолжавшей с гуситских времен считаться «греховной». У себя в Чешском Крумлове он организовал музыкальную капеллу, остававшуюся до конца XVI в. единственной в Чешском королевстве придворной капеллой.

Из искусств, процветавших в ренессансной Италии, значительное влияние на Чехию оказала светская архитектура и связанное с ней монументально-декоративное искусство. Чешские путешественники, побывавшие в Италии, восхищались ее архитектурой, прежде всего венецианской, но для самой Чехии эталоном стал тип загородного дворца—«виллы» и городского палаццо. Первыми стали перестраивать свои родовые замки в ренессансном стиле аристократы, побывавшие в Италии в 1551 г. Для этого они пригласили итальянских архитекторов, строителей, мастеров монументально-декоративного искусства. Образцовой постройкой в новом стиле, возведенной в Праге итальянцами,

²³ Pešek J. Šaman D. Studenti z Čech na zahraničních universitách v předbělohorském čtvrtstoletí // Ústecký sborník historický. Ústí nad Labem, 1983. S. 173—218; Kalista Z. Češi v Sieně // Český časopis historický. 1927. Vol. 33. S. 117—127; Svatoš M. Studenti z českých zemí na universitě v Perugii 1579—1727 // Archivní zprávy. Archiv Univerzity Karlovy. 1972. Vol. 2. S. 89—105.

²⁴ Этому событию посвящена специальная монография: Pánek J. Výprava české šlechty do Itálie v letech 1551—1552. Praha, 1987. Сведения об итальянском опыте чешских аристократов дополняет статья: Růžička J. Italská cesta Jaroslava z Pernštejna roku 1559. (Příspěvek k otázce vztahu české šlechty k humanismu) // Sborník prací východočeských archivů. 4. Pardubice, 1978. S. 153—185. См. также: Мельников Г.П. «Из Чехии аж на край света»: глобальные интенции малого народа // Одиссей 2009. М., 2010. С. 205—220.

для чешской знати стал Бельведер (Летоградек), построенный в середине XVI в. Фердинандом I в садах Пражского Града. Шоком для строгих нравом пражан-гуситов стали рельефы Летоградека на античные темы с многочисленными изображениями обнаженных женских тел, а также поющий фонтан с фигурами фавнов²⁵.

Прагу буквально наводняют мастера итальянского искусства, образовавшие там специфическую колонию, резко отличавшуюся от благовоспитанных пражан своим богемным образом жизни. Так, пражский хронист с ужасом отмечал, что итальянец мог из ревности зарезать свою жену или любовницу²⁶.

Вклад итальянцев в архитектуру ренессансной Чехии трудно переоценить. Кроме известных пражских построек²⁷ необходимо отметить высокое художественное качество таких ренессансных замков аристократии, постройкой которых руководили итальянцы, как Литомысль, Чешский Крумлов, Опочно, Телч²⁸. Среди новых роскошных интерьеров особенно выделяется Телч, где в технике сграффито на стенах изображены архитектурные итальянские пейзажи, придающие приземистым залам иллюзорное пространственное звучание, а потолок Рыцарского зала украшен деревянными раскрашенными рельефами с изображением знаков зодиака, не имеющими себе равных даже в итальянских палаццо²⁹. Крупные итальянские мастера в Чехии пользовались большим уважением, иногда они возводились в рыцарское достоинство. Характерна в этом плане надгробная плита Аосталиса Делла Сала в костеле в г. Подěбрады, где он изображен как рыцарь, а в сопроводительном тексте нет упоминания о нем как о придворном архитекторе³⁰.

Количество итальянцев в Чехии постоянно росло и к концу века они составляли второе после немцев национальное меньшинство в стране. Этому способствовала и начавшаяся Контрреформация. Ее главные проводники — иезуиты, подавляющее большинство которых составляли итальянцы, обосновались в Клементинуме, где с 1560 г. стали читать проповеди на итальянском языке. Там, очевидно, в 1581 г. выступал знаменитый Антонио Поссевино — папский легат в Восточной Европе. Между костелами св. Клементя и Сальватора в 1567 г. был по-

²⁵ Bažant J. Pražský belvédér a severská renesance. Praha, 2006.

²⁶ Janáček J. Italové v předbělohorské Praze (1526—1620) // Pražský sborník historický. 16. Praha, 1983. S. 77—118.

²⁷ Подробный искусствоведческий анализ работ итальянских архитекторов и художников в Праге см.: Preiss P. Italští umělci v Praze. Praha, 1986.

²⁸ Подробнее см.: Dějiny českého výtvarného umění. II / 1: Od počátků renesance do závěru baroka. Praha, 1989. S. 6—93.

²⁹ Telč: zámek a město. Libice nad Cidlinou, 2004.

³⁰ Hrabětová J. Poděbrady. Poděbrady, 1999. S. 52.

строен первый после большого перерыва католический объект в Праге — Влашская капелла (в чешском языке того времени итальянцев называли «влаши»). Проект ее перестройки, начатой в 1590 г. и завершённой в 1600 г., принадлежит, как полагают, римскому архитектору Оттавиано Маскерини — ученику знаменитого Виньолы, построившего первый иезуитский храм (Иль Джезу в Риме). В 1575 г. была основана Итальянская конгрегация Вознесения Девы Марии, ставшая наряду с иезуитской клементинской коллегией агентами влияния Рима по укреплению католицизма в Чехии. Постепенно главной сферой ее деятельности становится харитативная. Первый постоянный папский нунций в Праге Джованни Франческо Бономини в 1580-е гг. вместе с иезуитами и чешскими панами-католиками разработал подробную программу рекатолизации Чехии, которую осуществляли его преемники. Иезуиты активно издавали в Праге книги на латинском, итальянском и чешском языках. С 1588 г. с Прагой оказалась связана жизнь Вальериана Маньи — капуцина, придворного проповедника, дипломата, идеолога Контрреформации в Чехии, выступавшего за ее мирное, постепенное развитие, что привело его к конфликту с иезуитами³¹.

Новый взлет влияния итальянского искусства связан с придворной культурой Рудольфа II, превратившего в конце XVI в. Прагу не только в столицу Империи, но и в крупнейший европейский центр культуры маньеризма³². Среди художников-рудольфинцев господствовали нидерландцы и немцы, однако итальянское присутствие было ощутимо прежде всего в качественном отношении. Достаточно вспомнить о Дж. Арчимбольдо с его инновационным методом живописных квазиколлажей³³, об утонченных рельефах Дж. Б. Квадри, о портретах М. Роты, о Воротах Матиаса на Пражском Граде, выполненных по проекту В. Скамоцци, о великолепной технике и новаторстве формы изделий из стекла О. Мизерони. Влияние Арчимбольдо на чешскую среду следует представлять более глубоким, чем принято, поскольку в чешских провинциальных музеях, как мне удалось выявить, хранится несколько

³¹ Bohemia — Italia. S. 11—12, 31.

³² Из ныне огромной литературы о рудольфинском искусстве следует выделить: Preiss P. Op. cit. S. 56—143; Fučíková E., Bukovinská B., Muchka I. Umění na dvoře Rudolfa II. Praha, 1991; Rudolf II. a Praha. Císařský dvůr a rezidenční město jako kulturní a duchovní centrum střední Evropy. Praha — Londýn — Milán, 1997 [Т.1: статьи, Т. 2 — каталог выставки]; Rudolf II, Prague and the World. Papers of the International Conference. Prague, 2—4 September, 1997. Prague, 1998; Тананаева Л.И. Рудольфинцы. Пражский художественный центр на рубеже XVI—XVII веков. М., 1996; Деньщикова А.В. Рудольфинская культура // Культура Возрождения. Энциклопедия. М., 2011. Т. 2. Кн. 2. С. 92—94.

³³ См. каталог-исследование: Arcimboldo. 1526—1593 / Ed. S. Ferino-Pagden. Milano, 2007.

картин, представляющих местные вариации на стиль Арчимбольдо, что свидетельствует о его популярности и востребованности в среде чешской знати.

Итальянские ученые также посещали Прагу. Особо тесные связи с чешской средой сложились у выдающегося ботаника, личного врача Фердинанда Тирольского Пьерандреа Маттиоли, автора знаменитого «Гербария», опубликованного на немецком и чешском языках в роскошном иллюстрированном издании знаменитым пражским книгопечатником Иржи Мелантрихом. В 1585—1591 годах в Праге жил Франческо Пуччи — мистик, визионер, хилиаст, подружившийся там с Джоном Ди и Эдуардом Келли, показывавших императору алхимические опыты.

В рудольфинской Праге провел шесть месяцев в 1588 г. мятущийся Джордано Бруно. Здесь он опубликовал свои «Сто тезисов против математиков нашего времени», посвященные Рудольфу II, а также книгу о Раймунде Луллии, в которых речь шла о герметике, комбинаторике и мнемотехнике. Книги Бруно были хорошо известны рудольфинским интеллектуалам. Ученый также получил от императора, скупого на гонорары, 300 талеров — сумму, равную годовому жалованию придворного низшего ранга³⁴.

При рудольфинском дворе активно работали итальянские композиторы и музыканты А. Оролоджо, Дж. Б. Галлено, К. Ардези, Дж. Б. Пинелло ди Герарди, К. Дзанотти и др.

Образ Италии как страны высокой культуры нового типа складывался в Чехии под сильным влиянием записок чешских путешественников, собственно паломников в Святую Землю, садившихся на корабли в Венеции. В чешской ренессансной литературе они составили особый жанр. Начинает его Богуслав Гасиштейнский из Лобковиц, побывавший в Венеции в 1493 г. Затем Венецией и другими итальянскими городами восторгается Олдржих Префат из Влканова, посетивший их в 1563 г. Наиболее ярко итальянские впечатления, как историко-культурного, так и бытового характера, выразил будущий участник антигабсбургского восстания 1618 г., казненный за это писатель, композитор и воин Крыштоф Гарант в ставшем знаменитом описании своего путешествия в Палестину. Интересно отметить, что чехи-гуситы в Италии посещали также католические паломнические центры, такие как Лорето, и выказывали большую толерантность, а чтобы не идентифицировать себя как «еретиков», прикидывались католиками³⁵. Наиболее полно

³⁴ Stoll I. Štvanec a císař. Esey o Giordanu Brunovi // Bruno G. Divo Rodolpho II. Praha, 2001.

³⁵ Koldinská M. Kryštof Harant z Polžic a Bezdržic: Cesta intelektuála k popravě. Praha, 2004; Мельников Г.П. «Из Чехии аж на край света»... С. 212—216.

тому итальянских восторгов выразил Бедржих из Донины в своем «Путешествии», написанном после 1608 г., но оставшимся в рукописи. Это почти энциклопедическое описание Италии, где центральное место занимает Рим.

Закрепившийся в Чехии к началу XVII в. образ Италии как страны нового великолепного, роскошного искусства трансформируется в ходе рекаатолизации страны, начавшейся в 1620-е гг. Италия вновь становится сакральным центром, источником идей Католической Реформации (для протестантов это Контрреформация) и связанного с ней барокко³⁶, поэтому в архитектуре мы видим сильное влияние новой, барочной архитектуры Рима. «Вечный город» вновь становится для чехов сакрально-художественным эталоном. Среди мастеров барокко в Чешском королевстве в XVII—XVIII вв. было огромное количество итальянцев, которые наряду с немцами и чехами создали новый, барочный художественный облик страны³⁷.

Итальянская посттридентская религиозность также оказывает существенное воздействие на деятельность чешской католической церкви и Пражского университета, подчиненного Обществу Иисуса. Харитативные функции Итальянской конгрегации в эпоху барокко выполнял также основанный на Малой Стране комплекс госпиталя и костела Вознесения Девы Марии и св. Карла Борромейского. В гораздо большем объеме, чем в XVI в., переводятся и издаются книги итальянских авторов, меняется их репертуар: место исторической и инструктивной литературы занимают душеспасительные сочинения вроде знаменитой «Вечной адской тюрьмы» Дж. Б. Манни.

Несмотря на серьезное влияние итальянской католической религиозной культуры, остается в силе увеличение чешской знатью эпохи барокко итальянским стилем светских дворцовых построек, приобретающих с XVII в. особый монументализм (Вальдштейнский и Чернинский дворцы в Праге) и сохраняющих тип римской виллы (замок Троя около Праги).

В культовом строительстве появляется много первоклассных архитекторов-итальянцев (Дж. Пьерони, А. Спецца, К. Лураго, Дж. Филиппи, Я. Ваччани, Ф. Каратти, Дж. Б. Матей — француз, ставший представителем римской школы, Дж. Б. Аллипранди, О. Броджио и др.). Интересно отметить, что период их наивысшей активности в Чехии приходится на вторую половину XVII—начало XVIII в., т.е. на станов-

³⁶ Новейшая концепция эпохи барокко в чешской культуре содержится в кн.: *Sláva barokní Čechie* / Ed. V. Vlnas. Praha, 2001.

³⁷ *Praiss P. Op. cit. S. 144—432; Dějiny českého výtvarného umění. D. II: Od počátků renesance do závěru baroka. Praha, 1989; Baroko v Itálii — baroko v Čechách. Setkávání osobností, idejí a uměleckých forem. Praha, 2003.*

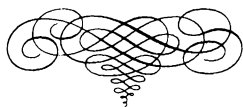
ление и расцвет стиля барокко. Также важно отметить, что у себя на родине, до приезда в Чехию, они еще не успели проявить себя в полной мере, поэтому их высшие достижения связаны с Чешским королевством. Если итальянцы доминировали в архитектуре, то в скульптуре и живописи этого времени они почти не представлены. Наоборот, крупнейший живописец чешского барокко Карел Шкрета, учась в Италии, как и большинство художников из Чешского королевства, приобщился там к стилю караваджизма и стал одним из выдающихся его представителей в европейском масштабе. Итальянская плафонная роспись оказала особенно сильное влияние на пражского живописца В. Райнера. В целом итальянское воздействие на художественное развитие искусства стиля барокко в Чешских землях было весьма значительным.

Также итальянская музыка оказала сильное влияние на чешских композиторов эпохи барокко. Почти все они учились в Италии. Некоторые оставались там и приобретали европейскую славу. Так, Б.М. Черногорский стал прославленным теоретиком и педагогом, а Й. Мысливечек, прозванный “*Il divino boemo*”, утвердился как один из крупнейших оперных композиторов. Чешские музыканты, работавшие во второй половине XVIII в. в Европе, иногда заменяли свои фамилии на итальянские для получения более выгодных ангажементов. Например, из Штиха стал Пунто, а из Рёсслера — Розетти.

В итоге следует констатировать, что в эпоху барокко влияние Италии становится всесторонним, а она сама занимает в чешской оптике место центра как сакральной, так и светской культуры. Это хорошо выразил еще в начале XVII в. Бедржих из Донины: «*Italia. Влашская земля, наиславнейшая, наипервейшая и наипрекраснейшая страна в Европе, regina et caput orbis et paradisus mundi*»³⁸.

³⁸ Bohemia — Italia. S. 40.

Визуальный код
в эпоху Возрождения:
к уяснению
историко-культурных
СМЫСЛОВ

Иконография рельефа «История Ноя» на Райских дверях Флорентийского баптистерия: Амброджо Траверсари и вторая Оригенова гомилия к книге Бытия

Феномен ренессансной религиозности неразрывно связан с важнейшим делом гуманистов — восстановлением древней культуры. Итогом было создание того свода античных авторов, который просуществовал до конца XIX в., когда он стал пополняться находками папирологов. Для нас важно то, что, начиная с Франческо Петрарки, в число классических авторов включались и раннехристианские писатели. Так постепенно создавалось представление о единой античной словесности, как языческой, так и христианской, на основе общности риторических, стилистических и лингвистических принципов. В этом проявляется во всей полноте ренессансное стремление обратиться к обоим равновеликим источникам европейской культуры (в известном смысле через голову предшествующей традиции)¹.

Обращение гуманистов к патристическому наследию не может быть сведено лишь к утилитарно-апологетическим целям. Разумеется, признание, пусть и с оговорками, необходимости изучения античных писателей, которые содержатся в сочинениях Василия Великого, Иеронима, Августина и др., стали главным арсеналом аргументов в борьбе с противниками новой учености. Но не меньшее значение имел сам литературный пример отцов Церкви, демонстрировавший возможность сочетания христианских идей со стилистическими приемами и жан-

¹ *Kristeller P.O.* Augustine and the Early Renaissance // *Kristeller P.O.* Studies in Renaissance Thought and Letters. Roma, 1956. Vol. 1. P. 360; *Gray H.* Vallà's Encomium of St. Thomas Aquinas and the Humanist Conception of Christian Antiquity // *Essays in History and Literature* / Ed. H. Bluhm. Chicago, 1965. P. 37—51; *Rice E.F.* The Humanist Idea of Christian Antiquity and the Impact of Greek Patristic Work on Sixteenth-Century Thought // *Classical Influences on European Culture. A. D. 1500—1700* / Ed. R.R. Bolgar. Cambridge, 1976. P. 199—203; *Idem.* Saint Jerome in the Renaissance. Baltimore; London, 1985. P. 84—115, 230—240; *Stinger Ch.L.* Humanisme and the Church Father: Ambrogio Traversari (1386—1439) and Cristian Antiquity in the Italian Renaissance. Albany, 1977; *Черняк И.Х.* Гуманизм эпохи Возрождения и христианская мысль древности // *Античное наследие в культуре Возрождения*. М., 1984. С. 27—40.

ровой системой, близкой к языческим образцам и столь отличной от богословской литературы, непосредственно предшествовавшей эпохе Возрождения. Отсюда стремление к систематизации и восстановлению лакунов, когда дело касалось сочинений латинских отцов, и практически новое и всеобъемлющее открытие для Запада греческих². Важность последнего до сих пор не осознается во всей полноте. Вполне понятно и то, что широкое воздействие идей патристики сказалось в самых разнообразных сферах, в том числе и в ренессансной иконографии.

Одним из наиболее известных примером такого влияния является изображение ковчега на рельефе Лоренцо Гиберти «История Ноя», помещенном на Райских дверях флорентийского баптистерия. Вопреки средневековой традиции, восходящей к Гуго Сен-Викторскому, согласно которой ковчег изображался в виде реликвария-ларца³, здесь он изображен в виде пирамиды. Со времени выхода работ Э. Винда и Р. Краутгеймера, указавших, что единственным толкователем Писания, предложившим такое понимание формы ковчега, был Ориген, этот пример стал хрестоматийным⁴ и проник даже в популярные работы⁵. По мнению Р. Краутгеймера, зарождение интереса к сочинениям Оригена во Флоренции связывается с деятельностью Амброджо Траверсари, который в 1432 г. нашел в библиотеке римского монастыря Святой Цецилии латинские переводы тридцати девяти гомилий Оригена к Евангелию от Луки и трех к Псалмам, сделанные св. Иеронимом⁶.

² *Geanakoplos D.J.* Interaction of the "Sibling" Byzantine and Western Cultures in the Middle Ages and Italian Renaissance (330—1600). New Haven; London, 1976. P. 265—280; *Черняк И.Х.* Гуманизм эпохи Возрождения и христианская мысль древности. С. 27—29.

³ «На протяжении всего Средневековья Запад предпочитал представлять себе ковчег как продолговатое строение, с тремя палубами и крытое, как правило, скатной крышей — тип, канонизированный в XII в. Гуго Сен-Викторским» // *Krautheimer R.* Lorenzo Ghiberti. Princeton, 1956. P. 177.

⁴ *Wind E.* The Revival of Origen // *Studies in Art and Literature for Belle da Costa Greene.* Princeton, 1954. P. 419; *Krautheimer R.* Lorenzo Ghiberti. P. 176—179; *Шастель А.* Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного: Очерки об искусстве Ренессанса и неоплатоническом гуманизме. М.; СПб., 2001. С. 204; *Stringer Ch.L.* Humanism and Church Fathers. P. 117.

⁵ Вот один из примеров: «...изображение Ноева ковчега в виде пирамиды восходит к греческому теологу III века Оригену — образ, совершенно утраченный в Средние века» // *Стратерн П.* Медичи. Крестные отцы Ренессанса. М., 2011. С. 127. Печально, что автор помещает этот рельеф на те двери, которые Л. Гиберти сделал после конкурса 1401 г., т.е. на первые, украшенные рельефами на сюжеты из Нового Завета и завершенные в 1425 г. Что же, по мнению П. Стратерна, он изобразил на Райских дверях?

⁶ *Krautheimer R.* Lorenzo Ghiberti. P. 177. Ср.: *Sabbadini R.* Le scoperte dei codici Latini e greci ne' secoli XIV e XV. Vol. 1—2. Firenze, 1905—1914. Vol. 1. P. 93; *Stringer Ch.L.* Humanism and Church Fathers. P. 83.

И хотя гомилия к книге Бытия, согласно которой ковчег имел пирамидальную форму, была известна и раньше, возможно эти находки навели на мысль использовать столь необычный вариант изображения. Таким образом, это стало примером не только влияния патристических текстов, но связи гуманистов и художников. При ближайшем рассмотрении оказывается, что дело обстоит несколько сложнее.

Оригенов текст гомилии к книге Бытия действительно содержит прямое указание на то, что ковчег был построен в виде пирамиды: «Я считаю, что он был построен в форме пирамиды, и в основании, по крайней мере, был длиной триста локтей, шириной пятьдесят, высотой триста, так что вершина была шириной и одновременно длиной в один локоть»⁷. Но в Средние века, вплоть до времени А. Траверсари, он был известен по латинскому переводу Руфина Аквилейского (345—410), в котором, по странной причине, слово пирамида отсутствует: «Я считаю, насколько это явствует из того, что об этом было написано, что он [ковчег] имел четыре угла снизу поднимающиеся и одновременно уменьшающиеся до верха, а в вершине стянутые до пространства в один локоть»⁸. Гуго Сен-Викторский был знаком с этим текстом и даже приводит его в своем сочинении «О Ноевом ковчеге в нравственном смысле»⁹. Но в другом сочинении «Пояснительные заметки к Пятикнижию», допуская и другие варианты, он не употребляет слова пирамида: «Относительно устройства ковчега существуют различные мнения: либо он был в основании широким и непрерывно поднимающимся вплоть до самого верха, уменьшаясь, все больше и больше, либо стены равномерно поднимались вверх, или более чем в основании они удалялись друг от друга, и только на крыше заострялись»¹⁰. Возможно, отсюда и происходит форма ковчега в виде реликвария-ларца, принятая в иконографии позднего средневековья¹¹.

⁷ Origen. In Genesim homilia II. // Patrologia graeca / Ed. J. Migne. T. 12. Col. 161 B.

⁸ Ibid. Col. 162 B.

⁹ Hugo de St. Victore. De arca Noe Morali. IV.3 // Patrologia Latina / Ed. J. Migne. T. 175. Col. 626 D.

¹⁰ Hugo de St. Victore. Adnotationes elucidatoriae in Pentateuchon // Patrologia Latina / Ed. J. Migne. T. 176. Col. 46 D—47 A. См.: Zinn G. Hugh of St. Victor and the Ark of Noah: A New Look // Church History. (Sep., 1971). Vol. 40. № 3. P. 261—272.

¹¹ Кроме того, хотя у латинских классиков слово *pyramis* встречается неоднократно и для обозначения строения («Я воздвиг себе памятник прочнее меди / и выше царственных построек пирамид» Horatius. Carmina 3. 30.1—2. // Horatius. Opera / Ed. D.R. Shackleton Bailey. Stuttgart, 1991. P. 109) и в качестве геометрической фигуры («...и конус, и пирамида тебе кажутся более красивыми, чем шар» // Cicero. De natura deorum. 2. 47 // Cicero. De natura deorum libri tres / Ed. J.B. Mayor and J.B. Swainson. Vol. 1—3. Cambridge, 2009—2010. Vol. 2. 2010. P. 17. Русский пер.: Цицерон. Философские трактаты / Пер. с лат. М.И. Рижского. М., 1985. С. 61), ясного представления о форме египетских гробниц мы не находим. Свидетельством тому является текст Плиния: «...между ним [Мемфисом]

Трудно предположить, что находка других гомилий Оригена могла подтолкнуть А. Траверсари к столь решительному разрыву с многовековой традицией, да и появление изображения ковчега в форме пирамиды относится только к 40-м гг. XV в¹².

Попробую предположить несколько иной ход событий. В феврале 1438 г. А. Траверсари находился в Венеции, где принимал участие в предварительных переговорах с императором Иоанном VIII и иерархами православной Церкви, прибывшими на предстоящий церковный собор, созванный для заключения унии. Среди прочего, зная об интересе многих западных ученых к наследию классической Греции, император и его спутники привезли несколько греческих рукописей. В частности в распоряжении Иоанна VIII были кодексы, содержавшие полный свод диалогов Платона, включая тогда еще не известный на Западе «Пир», и полный подбор сочинений Плутарха. А архиепископ Никейский Виссарион, хотя и оставил большую часть своей библиотеки в Медоне, венецианской приморской крепости на Пелопоннесе, тем не менее, привез с собой несколько математических сочинений, среди которых был труд Евклида и иллюстрированная «Космография» Птолемея¹³. Именно тогда, вероятнее всего, А. Траверсари и познакомился с текстом «Начал», в котором он мог прочесть: «*Пирамида* есть телесная фигура, заключенная между плоскостями <и> восставленная от одной плоскости к одной точке»¹⁴. Сходство этого определения и текста перевода Руфина достаточно велико и именно второй половиной 1438 г. можно датировать «прозрение» А. Траверсари, понявшего, какую форму ковчега имел в виду Ориген. За этим последовали его изображения на рельефе Л. Гиберти¹⁵ и на фреске Паоло Уччелло «Жертвоприношение и опьянение Ноя» (1446—1448), написанной на стене колоннады в Кьостро Верде

и номом Арсиной на Ливийской стороне есть башни (turres), которые называют пирамиды» // *Plinius. Historia naturalis* 5. 61. // *Pliny. Natural history* / Ed. H. Rackham. Vol. 1—9. London, 1958—1968. Vol. 2. 1961. P. 266.

¹² *Шастель А.* Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного. С. 204.

¹³ *Ševčenko I.* Intellectual Repercussions of the Council of Florence // *Church History*. (Dec. 1956). Vol. 24. № 4. P. 291, 312; *Stringer Ch.L.* Humanism and Church Fathers. P. 210.

¹⁴ *Евклид.* Начала. XI. 12. // *Евклид.* Начала / Пер. с греческого и комментарии Д.Д. Мордухай-Болтовского. При ред. участии И.Н. Веселовского. Т. 1—3. М.; Л., 1948—1950. Т. 3. С. 10.

¹⁵ П. Краутгеймер датировал создание рельефа Л. Гиберти «История Ноя» временем после 1435 г., но не позднее 1446 г., которым датируется фреска П. Уччелло «Потоп». *Krautheimer R.* Lorenzo Ghiberti. P. 201—202. Учитывая мои предположения, этот промежуток можно сузить, перенеся его начало на весну 1439 г., когда А. Траверсари вернулся во Флоренцию после перенесения туда из Феррары заседаний собора.

флорентийской церкви Санта Мария Новелла¹⁶, а через 60 лет в сцене «Явление Бога Ною», написанной Рафаэлем на сводах Станцы ди Элиодоро в Ватиканском дворце (1511)¹⁷.

Деятельность гуманистов XV в., связанная с развитием естественнонаучных знаний, получила в настоящее время заслуженную оценку: «Восстановление и открытие новых авторов и новых произведений предоставляло в распоряжение современников огромное богатство фактических сведений, идей, научных концепций классической древности»¹⁸. В нашем случае мы встречаем редкий случай влияния открытия математического текста на экзегетику хорошо известного святоотеческого текста, а затем на иконографический тип. При всей неординарности этого факта здесь нашла свое проявление характерная черта ренессансной культуры: потребность в «снятии барьеров» между различными сферами духовной жизни, порожденной успехами *studia humanitatis*¹⁹.

¹⁶ *Damisch H., Tomasi L. T. Tout l'œuvre peint de Paolo Uccello. Paris, 1972. P. 95.* Хадсон в своем подробном исследовании творчества П. Учцелло приводит разнообразные мнения, касающиеся иконографии этого цикла, связывая ее, вслед за Э. Вакаяма, с аллегорическими толкованиями изображений ковчега, в которых он символизирует воссоединение Церквей на Флорентийском соборе, но не упоминает его пирамидальной формы. *Hudson H. Paolo Uccello: The Life and Work of an Italian Renaissance Artist. Melbourne, 2005. P. 62—65; 215—216.*

¹⁷ *Prisco M., De Vecchi P. L'opera completa di Raffaello. Milano, 1979. P. 106; Ferino-Pagden S. Raphael's Heliodorus Vault and Michelangelo's Sistine Ceiling: An Old Controversy and a New Drawing // The Burlington Magazine. (Mar. 1990). Vol. 132. № 1044. P. 195—204.* К сожалению, в этой работе, специально посвященной плафону Станцы ди Элиодоро, иконологические аспекты не рассматриваются.

¹⁸ *Горфункель А.Х. Ренессансные предпосылки возникновения классической механики // Механика и цивилизация XVII—XIX вв. М., 1979. С. 25.*

¹⁹ *Шастель А. Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного. С. 30.*

Городская архитектура в сочинениях гуманистов Флоренции эпохи Возрождения

С эпохой Возрождения обычно связывают представления не только об «открытии человека», но и об открытии красоты мира и природы, о рождении живого интереса ко всей окружающей человека среде, в том числе им же созданной. Это засвидетельствовали живопись, рисунки, гравюры эпохи, в которых отразился интерес к архитектурному пейзажу. Люди Ренессанса любят строить, они возводят новые дворцы, храмы, крепостные сооружения, создают удивительные ансамбли разных видов искусства, на новый лад решают крупные градостроительные задачи. Естественно, можно было бы ожидать, что столь значительные перемены в среде, окружающей горожанина ренессансной Италии, особенно в таких центрах гуманизма и искусства, как Флоренция, Милан, Венеция, Рим, Неаполь, должны сказаться и в сфере слова, отразиться в литературе, которая в свою очередь проявляет небывалый интерес к жизненным реалиям.

В настоящей статье, не претендуя на развёрнутое исследование заявленной темы (впрочем, не очень заметной в современном ренессансоведении), автор обращается лишь к некоторым примерам, намечающим возможный вектор дальнейшего изучения проблемы. Начать необходимо с глашатая новой культуры, первого гуманиста, мыслителя и поэта Франческо Петрарки, хотя судьба его сложилась так, что он не бывал во Флоренции. В 1367 г. уже на склоне лет, он адресовал другу детства Гвидо Сетте автобиографическое послание, делясь воспоминаниями о многих городах, где ему доводилось жить. Так, он описывает свои впечатления об Авиньоне, «бедном жилищами», тесном для поселившегося здесь папы и его многочисленной свиты, из-за чего семье Петрарки пришлось переехать в маленький городок Карпентрас. Всё, о чём пишет поэт в связи с этим любимейшим местопребыванием юных лет, не содержит ни слова об архитектуре — мы узнаём лишь, какая тишина стояла в полях, окружающих Карпентрас, но даже не можем представить, существовали ли у этого города стены и ворота, через которые Петрарка уходил, ища покоя на лоне природы¹. Не намного боль-

¹ Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Сборник текстов. Саратов, 1984. Ч. 1. С. 84.

ше мы узнаём и тогда, когда речь идёт о Болонье, Париже, Риме, Неаполе и десятке других городов, которые перечислены в этом послании. О Болонье, где Петрарка также отправлялся в поля до глубокой ночи любоваться природой и предаваться размышлениям, говорится, что у города «не было стены; непрочный вал, разрушающийся от старости, окружал не боящийся нападения город»². Лишь позже «козни и нападения врагов» заставили построить стены, башни укрепления, завести вооружённую охрану и ночные караулы. Об архитектуре Рима сказано ещё более лаконично: «руины свидетельствовали о его былом величии». Неаполь, в ту пору один из крупнейших городов Европы, первые впечатления о котором, по словам поэта, навсегда остались в его памяти, представлен так, что перед нами возникает как бы вид города откуда-то сверху, издали, в сочетании архитектуры и окружающей природы. Петрарка «увидел стены, улицы, море, гавань, окрестные холмы с виноградниками и вдали с одной стороны — Фалерн, с другой — Везувий»³.

Дальше в послании Петрарки будут упоминаться Верона и Парма, Феррара и Падуя, Милан, Пиза, Сиена, Перуджа — но всё это лишь для того, чтобы нам прояснился, наконец, его замысел: он как бы ведёт своего друга «шаг за шагом по всей Италии, мало того, по всей Европе», чтобы доказать, что мир повсюду изменился в худшую сторону, что время рушит всё — медные и мраморные статуи, города и крепости, а тем более сокрушает человека, «смертное животное, состоящее из хрупких членов и нежной кожи»⁴. Петрарке было свойственно открывать сложнейшие оттенки человеческих чувств, настроений, душевных состояний, столь же блестяще создавать выразительные образы идиллической природы, но к городской архитектуре он может показаться почти слепым, или точнее, она просто не занимает его ума, а потому либо не отражается в слове вовсе, либо фиксируется в достаточно банальном клише, вроде «величественных руин Рима». О Риме, однако, он писал не раз. В письме, датированном «между 1337 и 1341», к Иоанну Колонне, монаху ордена проповедников, он подробно описывает свои прогулки по Риму в компании с приятелями: «Мы бродили вместе по великому городу... на каждом шагу встречалось что-то, заставлявшее говорить и восторгаться: здесь дворец Эвандра, здесь храм Карменты ... здесь арка Помпея, здесь его портик, здесь арка Мария, память о победе над кимврами. Тут Троянова колонна, здесь его же мост, получивший потом имя святого Петра; здесь Адрианова громада, под которой и он сам лежит и которую называют теперь замком Святого Ангела, ...

² Там же. С. 86—87.

³ Там же. С. 92.

⁴ Там же. С. 84, 94.

это заносчиво роскошные Нероновы дворцы; это дом Августа на Виа Фламиния, где, как некоторые говорят, и гробница его хозяина; вот колонна Антонина; вот неподалёку дворец Аппия ... Потом, усталые от ходьбы по огромному городу, мы часто останавливались в термах Диоклетиана, не раз поднимались и на крышу этого некогда величественнейшего здания, потому что нигде не найти более здорового воздуха, большей широты обзора, более полного уединения. Там — ни слова о заботах, ни слова о своих повседневных делах, ни слова о состоянии государства, которое достаточно оплакать один раз: шли ли мы по улицам разрушенного города, сидели ли там, перед глазами были обломки развалин; что делать? Много говорили, зато, об истории ...»⁵. Петрарка предстаёт в этом пространном послании (здесь приведена лишь малая его часть) не только прекрасным знатоком топографии Рима, но и поистине энциклопедическим специалистом по его древней истории. Именно ей отдано предпочтение в его описаниях великого города. Античные памятники перечисляются, но ни об их красоте, ни об особенностях древнего зодчества, рождающих ощущение его величия, заметного и по руинам, речь не идёт, а средневековая архитектура города, как и раннехристианские церкви, и вовсе остались за пределами внимания Петрарки и его спутников.

Разумеется, надо учесть, что описание архитектурных достоинств городов в обоих случаях не было специальной целью Петрарки, что два цитируемых письма не позволяют делать однозначных оценок обо всём огромном литературном наследии поэта, и если обратиться к его внимательному прочтению, то интересующая нас тема может обрести немало новых граней. И всё же письма, отразившие жизненные впечатления одного из основоположников Ренессанса, порождают ряд вопросов более широкого культурологического плана. Насколько показательны в данном случае взгляды Петрарки? В какой мере убеждение первых гуманистов в необходимости радикального обновления культуры строилось на её широком и целостном восприятии, или речь шла лишь о рамках *studia humanitatis*? Можно высказать и такое предположение: городская архитектура Италии во времена Петрарки, в XIV веке, в своих лучших образцах была представлена соборами и храмами, дворцами высших институтов власти, зданиями цеховых и торговых ассоциаций и монастырских комплексов, построенных, как правило, в эпоху коммун, в пору их независимости и экономического процветания. Но ведь это было время Средневековья, не заслужившее у Петрарки, да и ряда других гуманистов позитивной оценки. Новая культура в их представлениях ассоциировалась, прежде всего, с духовным наследием

⁵ Петрарка Фр. Эстетические фрагменты. М., 1982. С. 102—104.

древности, с освоением античной мысли. К тому же, в классификации искусств, унаследованной от Античности, архитектуру относили к «механическим искусствам», ставя её тем самым на более низкую ступень, чем всё, что связывалось с культурой слова. Не сказалось ли также и это на невнимании Петрарки к эстетике архитектуры? В какой мере сам этот факт, если он подтвердится в дальнейшем изучении творчества Петрарки и других представителей культуры его времени, может рассматриваться как характерный для позднего Средневековья, а тем самым и как часть его наследия в мировоззрении и вкусах первого гуманиста? Типична ли его позиция и для других гуманистов? В какой мере его позиция типична для других гуманистов?

Обратимся к его другу и последователю, блестящему прозаику раннего Возрождения Джованни Боккаччо. И у него, прожившего долгие годы во Флоренции и немало лет в Неаполе, трудно найти свидетельства пристального внимания к городской архитектуре. Описывая в «Декамероне» (около 1349—1451) страшное бедствие, обрушившееся на Флоренцию в 1348 г., безжалостно косившую людей чуму, Боккаччо немногословен в замечаниях о внешнем облике родного города. Они служат ему лишь для того, чтобы подчеркнуть контраст между его былой красотой и многолюдьем большого города и его запустением во время эпидемии чумы. «Когда славную Флоренцию, прекраснейший из всех итальянских городов, постигла смертоносная чума,.. сколько больших дворцов, прекрасных домов и роскошных помещений, когда-то полных челяди, господ и дам, опустели до последнего служителя включительно!»⁶. Боккаччо разделяет с флорентийцами характерную для них убежденность в том, что их город «прекраснейший» в Италии, но больше нигде в своих новеллах, даже там, где действие происходит во Флоренции, не даёт и намёка на то, в чём состояли, на его взгляд, архитектурные достоинства «больших дворцов» и «прекрасных домов», их помещений.

Автор «Декамерона» оказывается куда более красноречивым, когда повествует о том, как покинувшая Флоренцию группа молодых дам и юношей находит приют в её окрестностях: «На вершине (холма — Л.Б.) возвышался палаццо с прекрасным обширным двором внутри, с открытыми галереями, залами и покоем, прекрасными как в отдельности, так и в целом, украшенными замечательными картинами; кругом полянки и прелестные сады, колодцы свежей воды и погребов, полные дорогих вин,...»⁷. Это — не только восприятие Боккаччо-автора: всё увидено как бы глазами молодых горожан Флоренции, способных оценить

⁶ Боккаччо Дж. Декамерон. М., 1955. С. 33.

⁷ Там же. С. 42.

красоту природы и удобства архитектуры по контрасту с городом, где чума не щадила его обитателей. Общество рассказчиков новелл «Декамерона» обрело покой в своей недолгой жизни на лоне природы, хотя и не по правилам пастушеской идиллии, но с достаточным для горожан комфортом. Отсюда и внимание к достоинствам палаццо, которое предстало взору молодых людей и где они нашли приют. Эстетический аспект восприятия архитектуры у Боккаччо выражен скупой, но всё же присутствует, и он неотделим от оценки её функциональной роли, что и позволяет персонажам «Декамерона» рассматривать красивое и удобное здание как необходимое условие для благоустроенной и счастливой жизни. Такой житейский критерий, как показывают письма, записки, прочая мемуарная литература деловых людей, отражающие повседневную жизнь Флоренции, был характерен для менталитета состоятельных сограждан Боккаччо. XIV век стал временем активного градостроительства, когда во Флоренции в русле готики возводились не только новые храмы и публичные здания (церковь Орсанмикеле, перестроенная из торговой лоджии, доминиканский монастырский комплекс Санта Мария Новелла, палаццо Подеста, колокольня Джотто), но и многочисленные частные палаццо, принадлежавшие семейным кланам торгово-финансовой верхушки, облик которых, как и внешний вид их загородных вилл, возможно, навеял Боккаччо его описание дома на холме. Завершённое в начале XIV в. Палаццо Синьории — главное правительственное здание Флоренции — своей монументальностью и строгостью стиля символизировало силу республиканской власти и богатство государства. К концу столетия площадь дворца правительства была украшена лоджией Синьории. Велись работы по возведению в центре города грандиозного собора Санта Мария дель Фьоре⁸. Все эти шедевры позднесредневекового зодчества действительно сделали Флоренцию одним из самых красивых городов Италии, да и Европы в целом, чем не без основания высоко гордились её жители и что кратко, как само собой разумеющийся факт, выразил Боккаччо.

В первые годы XV в. один из самых известных гуманистов кватроченто Леонардо Бруни Аретино написал своё «Восхваление города Флоренции» (*“Laudatio Florentinae urbis”*). Родиной Бруни был город Ареццо (отсюда прозвище гуманиста). В 1382 году этот город оказался под властью Флорентийской республики. Бруно прибыл в столицу, чтобы получить образование в университете. Очарованный Флоренцией и проникнувшийся царившими в городе патриотическими настроениями, которые всколыхнула война с Миланом, угрожавшая свободе

⁸ См. подробнее: Льюис Р.У. Флоренция. История города / Пер. с англ. М.:СПб., 2009; Procacci U. Firenze. Aspetto urbano // Enciclopedia dantesca. 1970. Vol. II. P. 919.

города на Арно, Бруни создал в 1404—1405 гг. яркий, эмоциональный панегирик Флоренции. Она предстаёт во всех ипостасях как непревзойдённый образец совершенства, идеальный город-государство⁹. Бруни писал с искренней убеждённой, опираясь на реалии политического строя Флоренции, хотя и сполна отдавая дань канонам жанра панегирика¹⁰.

Бруни отмечает удобное расположение города и упоминает его климат как важный фактор для комфортной среды обитания: находящуюся в низине Флоренцию защищают от ветров и бурь окружающие холмы. Он подчёркивает царящую в ней и необычную для многих городских центров той эпохи удивительную чистоту: несмотря на многочисленное население, улицы Флоренции всегда опрятны, на них нет нечистот, да и дождевая вода не скапливается, а по специально прорытым канавам уходит в землю¹¹. Чистота этого города — одна из присущих только ему особенностей и важный атрибут его красоты. Архитектурный облик Флоренции Бруни описывает с особым вдохновением: «в городе нет улицы, которую не украшали бы огромные, красивые здания...и что за архитектура домов, насколько они великолепны! Какой великий дух зодчих заключён в этих творениях и как совершенен вкус их обитателей»¹². К тому же достоинства городских зданий могут удовлетворить любой вкус: «Если тебе нравятся древности, то ты найдёшь немало следов старины как в публичных, так и в частных зданиях. Если же ты желаешь новизны, то нет здесь ничего более великолепного и блистательного, чем новые здания»¹³. Можно предположить, что под «старинной» Бруни имеет в виду средневековые постройки XI—XIII в.

⁹ Рукопись «Восхваления города Флоренции» впервые была опубликована Гансом Бароном: *Bruni L. Laudatio Florentinae urbis* // *Baron H. From Petrarch to Leonardo Bruni. Studies in Humanistic and Political Literature*. Chicago, 1968. P. 232—263; новейшее критическое издание: *Bruni L. Laudatio Florentinae Urbis* / Edizione critica a cura di S.U. Baldassari. Firenze, 2000. Русский перевод «Восхваления», сделанный И.Я. Эльфонд, см. в кн.: Гуманистическая мысль итальянского Возрождения / Отв. ред. Л.М. Брагина. М. 2004. С. 166—196.

¹⁰ *Брагина Л.М. Город в итальянской гуманистической мысли XV в. // Средние века*. М., 1991. Вып. 54. С. 35—54; *Она же. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Идеалы и практика культуры*. М. 2002. С. 70—77; *Данилова И.Е. Итальянский город XV века. Реальность, миф, образ*. М. 2000; *Fubini R. La "Laudatio Florentinae urbis" di Leonardo Bruni: imagine ideale o programma politico? // Imago Urbis. L'immagine della città nella storia d' Italia. Atti del convegno internazionale (Bologna 5—7 settembre 2001) / A cura di Francesca Bocchi, Rosa Smurra*. Roma. 2003. P. 285—296; *Viti P. Leonardo Bruni e Firenze. Studi sulle lettere pubbliche e private*. Roma. 1992; *Cabrini A.M. Un'idea di Firenze. Da Villani a Guicciardini*. Roma. 2001.

¹¹ *Baron H. From Petrarch to Leonardo Bruni....* P. 235—236.

¹² *Ibid.* P. 235.

¹³ *Ibid.*

романского стиля (Баптистерий, церковь Сан Миньято аль Монте), а «новизна», очевидно, связана с готикой, утверждавшейся в тосканской архитектуре XIV в. Ренессансный стиль возьмёт свое начало позже, с 1420-х гг., в творчестве Филиппо Брунеллески, и к концу века придаст Флоренции новый величественный облик усилиями плеяды выдающихся зодчих — Микелоццо, Джулиано да Сангалло, Бенедетто да Майано, Леона Баттиста Альберти.

В градоустройстве и архитектурном облике Флоренции Бруни восхищается всё: «Невозможно описать, сколько пользы и красоты доставляет река, протекающая посреди города; её берега соединяют четыре моста, которые превосходно сооружены из квадров». Нет более приятных прогулок, чем по набережным реки, где расположено множество великолепных домов с портиками, принадлежащих знатным семьям; да что набережные, добавляет он, все улицы Флоренции отличаются прекрасной застройкой¹⁴. Восторг Бруни вызывают и храмы, выделяющиеся величественностью среди прочих зданий, и «замечательная крепость высшей красоты и отличного устройства (имеется в виду палаццо Синьории — Л.Б.), которая возвышается над прочими сооружениями, так что каждый «может понять, что в ней находятся лица, управляющие республикой». Восхищается он и частными зданиями с вестибюлями, атриумами, триклиниями, мозаичными полами, где летние покои отделены от зимних апартаментов, а все комнаты отличаются богатым убранством. Бруни считает, что дома горожан «хорошо обдуманы» в их устройстве и созданы «ради красоты и приятности». Он призывает читателя «внимательно осматривать пространство зданий,.. разглядывать выступы, своды, филанчатые потолки». И если чужеземец захочет познакомиться с достопримечательностями Флоренции, то должен делать это не спеша, «останавливаясь, вникая, созерцая». И тогда перед его взором «предстанет всё изящество зданий, всё великолепие и величие города: превосходные дворцы, мраморные храмы, базилики, прекрасные дома, стены с башнями», блеск декора¹⁵. Поражённый красотой города, чужеземец уже не будет удивляться достоинству и подвигам его жителей. Бруни искренне верит: «Подобно тому, как граждане, бесспорно, превосходят всех прочих людей разумом, роскошью и блеском, так и сам город намного превосходит все остальные города великолепием, множеством украшений и чистотой»¹⁶.

Для Бруни-гуманиста облик города отражает не только богатство, но и устойчивые черты нравов горожан. Увлекаясь возможностями жанра, он наделяет флорентийцев всеми гражданскими добродетеля-

¹⁴ Ibid. P. 236.

¹⁵ Ibid. P. 233, 236.

¹⁶ Ibid. P. 238, 263, 296.

ми — мужеством, справедливостью, щедростью, человеколюбием, а также мастерством и умением вести дела и не забывает подчеркнуть, что в нравственном отношении они превосходят другие народы. Его восторженная оценка архитектурного облика города на Арно сочетается с идеализированным образом социально-политического устройства Флоренции: по его убеждению, здесь царят свобода, равенство и справедливость, что делает её лучшим образцом демократии. Взгляды Бруни на исключительные достоинства Флоренции как города и как государства близки позиции Колуччо Салютати, канцлера Флорентийской республики и выдающегося гуманиста, к кругу учеников которого принадлежал и Бруни. В «Инвективе против Антонио Лоски», написанной Салютати в конце XIV в. и опубликованной в 1403 г., в ответ на хулу Флоренции со стороны миланского гуманиста, автор воздаёт ей высочайшую похвалу, считая лучшим городом в мире и по безопасности расположения в кольце стен с внушительными воротами, и по величелию дворцов, храмов, частных строений, и по обилию площадей и широте улиц, а также по богатству многочисленного населения¹⁷. Салютати подчёркивает также особую роль Флорентийской республики и её граждан в защите свободы многих городов Италии от порабощения Миланским герцогом Джангалеаццо Висконти.

В своей хвале Флоренции Бруни остаётся верен избранному подходу к оценке города как целостного организма, в жизнедеятельности которого не должно быть диссонансов, но всему следует пребывать в гармоническом единстве — от архитектуры и благоустройства до политической власти. Возможно, именно такая мировоззренческая позиция Бруни, тогда ещё молодого человека, объясняет его более пристальный, чем у Боккаччо, интерес к архитектуре Флоренции, при котором раскрывается и его осведомлённость в связанной с зодчеством терминологии. Пристальное внимание автора «Восхваления» к планировке и архитектуре зданий Флоренции позволяют видеть в его подходе к урбанистическим проблемам то эстетическое начало, которое станет важной особенностью ренессансного мировосприятия. Нельзя не заметить, что эстетическое чувство пробуждал у Бруни уже тот облик Флоренции, который сложился ещё в эпоху до развития специфически ренессансной архитектуры, накануне её появления. Видимо, именно с Бруни начинается линия нового восприятия облика города, в которой оценка его архитектурной специфики и достопримечательностей ста-

¹⁷ "Quaendam urbs, non in Italia solum, sed in universe terrarium orbe, est moenibus tutior, superbior palatiis, ornatior templis, formosior aedificiis, quae portico clarior, platea speciosior, viarum amplitudine laetior, quae populo maior, gloriosior civibus, inexhaustior divitiis..." // *Salutati C. Invectiva in Antonium Luschem Vicentinum* // *Prosatori latini del Quattrocento* / A cura di E. Garin. Milano, Napoli. 1952. P. 34.

нет важной частью общей характеристики Флоренции как центра ренессансной культуры.

Известный гуманист и политический деятель Флоренции, младший современник Бруни Джанноццо Манетти спустя почти полвека после его сочинения даст очень точную оценку началу новой эпохи флорентийского зодчества в своём трактате «О достоинстве и превосходстве человека» (*“De dignitate et excellentia hominis”*, 1451—1452): «И чтобы не говорить здесь много о древних восхитительных строениях, которым нет числа, сообщим о новых и недавних. С каким изумительным остроумием построил Филипп, по прозвищу Брунеллески, бесспорно, глава всех архитекторов нашего времени, тот великий, или вернее величайший, и удивительный купол флорентийского собора, возведённый (невероятно сказать!) без всякого деревянного или железного каркаса»¹⁸. Восхитивший Манетти купол украсил крупнейший храм города в конце 1420—начале 1430-х гг., а к середине века Брунеллески обогатил облик Флоренции такими архитектурными шедеврами, как Капелла Пацци (возле церкви Санта Кроче), церковь Сан Лоренцо, Воспитательный дом для сирот, став основоположником нового, ренессансного стиля. Манетти не ошибся в высокой оценке Брунеллески, возглавившего новое направление в итальянском зодчестве¹⁹. Его высоко ценил и Леон Баттиста Альберти, выдающийся гуманист, ставший знаменитым теоретиком и практиком архитектуры.

Фундаментальное сочинение Альберти «О зодчестве» (*“De re aedificatoria”*), написанное в 1450-е гг. (напечатано в латинском оригинале в 1485), опиралось на принципы античной ордерной архитектуры, почерпнутые из труда Витрувия, но также из наблюдений самого Альберти, изучавшего руины древнего Рима — города, где прошла большая часть его жизни²⁰. Центральной в архитектурной концепции Альберти,

¹⁸ Цитирую по переводу Н.В. Ревякиной: Манетти Дж. О достоинстве и превосходстве человека. Книга вторая // Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Сборник текстов / Предисловие и редакция С.М. Стама. Саратов. 1988. Ч. II. С.13.

¹⁹ О роли Брунеллески в формировании ренессансного стиля в архитектуре см.: Данилова И.Е. Брунеллески и Флоренция. Творческая личность в контексте ренессансной культуры. М. 1991.

²⁰ Santinello G. Leon Battista Alberti: Una visione estetica del mondo e della vita. Firenze, 1962; Tenenti A. Leon Battista Alberti. Milano, 1966; Gadol J. Leon Battista Alberti: Universal Man of Early Renaissance. Chicago, London, 1969; Michel P.-H. Un idéal humain au 15-e siècle: La pensée de L.B. Alberti (1404—1472). Genève, 1971; Ponte G. Leon Battista Alberti umanista e scrittore. Genova, 1991; Leon Battista Alberti. Architettura e cultura. Atti del Convegno internazionale (Mantova, 16—19 novembre 1995). Firenze, 1998; Leon Battista Alberti: Actes du Congrès International de Paris (Sorbonne-Institut culturel italien-Collège de France, 10—15 avril 1995) tenu sous la direction de Francesco Furlan, Pierre Laurens, Sylvain Matton / Ed. par F. Furlan. Paris, 2000.

как и в его гуманистическом учении, стала идея гармонии как главной закономерности природы. Ведь она «...охватывает всю жизнь человеческую, пронизывает всю природу вещей, ибо всё, что производит природа, всё это соизмеряется законом гармонии»²¹. Гармония проявляется в совершенстве, без неё «распадается высшее согласие частей». Этот закон должен лежать в основе деятельности человека, обустраивающего свой мир, считает Альберти, и выдвигает проект идеального города, вкладывая в систему градоустройства и планировку архитектуры зданий принципы пропорциональности, соразмерности, соотношения частей и целого. Он убеждён, что рациональная градостроительная структура может способствовать утверждению гармонии социального бытия. Особое внимание Альберти уделяет частному жилищу: «... при его постройке надобно учесть почти всё, что относится к строительству города: он должен быть вполне здоровым, иметь благоприятное положение, доставлять всякие удобства, которые нужны для жизни мирной, спокойной и отрадной»²². На украшение дома не следует жалеть средств, богатство должно найти достойное выражение в его архитектуре, становясь символом славы семьи. В то же время в планировке города Альберти учитывает его социальную неоднородность и помещает правительственные здания и палаццо богатых горожан в его верхней, укреплённой части, чтобы предотвратить пагубные последствия народных волнений, а дома ремесленников — в его нижней части, но при этом жители окраин не должны страдать от неудобств местности. И всё же главный путь к социальному миру, к гармонии частных и общих интересов он видит в политике правителей, их заботе о простом народе и в ещё большей мере связывает с нравственным совершенствованием человека и общества в целом²³.

Этическим проблемам посвящены многие сочинения гуманиста, написанные на латыни («Мом, или О государе», «Застольные беседы») и на вольгаре («Книги о семье», «Домострой»). Особой популярностью пользовались его «Книги о семье», где излагались принципы воспитания подрастающего поколения и организации домашнего хозяйства, нормы поведения в духе гуманистической морали²⁴. Альберти завоевал славу выдающегося мыслителя, литератора, эрудированного учёного и архитектора. Широкое признание у современников получили не только его многочисленные литературные произведения (в жанре диалога, басни, аллегории), исполненные глубокого философского смысла, но и

²¹ Альберти Л.Б. Десять книг о зодчестве. В 2 т. / Пер. В.П. Зубова. М., 1935—1937. Т. 1. С. 318.

²² Там же. С. 159.

²³ Там же. С. 140, 147, 149.

²⁴ Альберти Л.Б. Книги о семье / Пер. М.А. Юсима. М. 2008.

теория зодчества, заложившая основу ренессансного стиля. Альберти стал автором ряда архитектурных проектов, в которых нашли отражение его новаторские идеи.

Во Флоренции, городе его предков, Альберти создал проект фасада палаццо Ручеллаи (1446—1451), где впервые использовал, творчески переработав, принципы античной ордерной архитектуры. В ритмическом членении стены тремя ярусами пилястр с капителями различных стилей (дорического, ионического и коринфского) сказалось новаторство, которое вскоре станет нормой при сооружении городских дворцов знати и богатого купечества. Новые архитектурные идеи Альберти воплотил и в проекте мраморной облицовки фасада церкви Санта Мария Новелла во Флоренции (1456—1470), впервые используя декоративные волюты, которыми соединил высокую среднюю часть передней стены с более низкими боковыми частями. Исследователи считают возможным приписывать авторство Альберти ещё нескольким проектам — лоджии Ручеллаи во Флоренции, виллы Медичи во Фьезоле, а также здания папской канцелярии в Риме. Самое яркое выражение принципы архитектурной теории Альберти получили в его проектах по заказу Лодовико Гонзага, правителя Мантуи. Это — перестройка церкви Сан-Себастьяно (начата в 1459 г.) и церкви Сан-Андреа в Мантуе (начата в 1472 г. незадолго до смерти автора); фасад и интерьер последней отличали безупречная гармония и особая выразительность пропорций. Новые архитектурные идеи Альберти оказали заметное влияние на строительную практику его времени. Неслучайно, трактат «О зодчестве», переведённый в XVI в. на итальянский и другие языки, стал знаковым явлением в становлении ренессансной архитектуры Европы²⁵.

Урбанистические концепции и других видных флорентийских гуманистов XV в., как правило, уже включали наряду с размышлениями об идеальном политическом строе города-республики, духе гражданственности (служение «общему благу») и безупречной нравственности его граждан вопросы благоустройства города и «великолепия» его архитектурного облика. Маттео Пальмиери, активный государственный деятель Флорентийской республики и писатель, в обширном трактате (на вольгаре) «Гражданская жизнь» (*“Vita civile”*, 1439) обращает внимание на то, что цель его работы — представить реальный образ города — республики, достигшего могущества и величия и оказавше-

²⁵ Брагина Л.М. Этическая теория Леона Баттиста Альберти // Брагина Л.М. Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV века). М., 1983. С. 120—174; Данилова И.Е. Альберти и Флоренция. М. 1997; Зубов В.П. Архитектурная теория Альберти. СПб., 2001; Леон Баттиста Альберти и культура Возрождения / Отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2008.

гося жизнестойким, несмотря на сложности политической судьбы²⁶. Этот образ, по убеждению Пальмиери, в полной мере воплощает Флоренция, хотя в отличие от Бруни, он не склонен преувеличивать её достоинства. Обращая внимание на необходимость совершенствования внутренней политики в таком городе, Пальмиери в русле идей гражданского гуманизма о служении общему благу подчёркивает необходимость заботиться не только о социальной стабильности, экономическом процветании государства и благосостоянии граждан, но также принимать меры по благоустройству и украшению города, поскольку красота города должна свидетельствовать о величии и его самого, и его обитателей. Величие придают красивые, мощные крепостные стены и башни, торжественность храмов, изящество и изысканность частных домов. Красивыми должны быть площади и рынки, мосты и портики. Более того, пышные одежды магистратов и священнослужителей — тоже неперенный атрибут прекрасной и величественной городской жизни²⁷. Гуманист уверен, что возможно создать процветающую экономику, разумную популяционно-демократическую политическую систему, способствующую утверждению социального мира и воспитанию добрых нравов, наконец, украсить город эстетически совершенной архитектурой. Всё это осуществимо, на взгляд Пальмиери, лишь в условиях свободы, которую следует всемерно охранять и поддерживать. Забота об облике города оказывается в ряду важнейших направлений государственной политики не только потому, что красивая, благоустроенная жизнь необходима для самих граждан, но также и для того, чтобы служить целям репрезентации власти и всего населения, подчёркивая их разумность и величие²⁸.

На репрезентативную функцию архитектуры обращал внимание и Макиавелли, когда в «Истории Флоренции», описывая заслуги Козимо Медичи, перечислял палаццо, храмы и капеллы, сооружённые на его средства во Флоренции и её окрестностях. Восхваляя высокие качества Козимо, которыми он превзошёл всех других граждан и стал «в отечестве своим первым человеком», Макиавелли отмечает его «превосходство над всеми в щедрости и великолепии», о чём свидетельствует «большое число воздвигнутых им зданий»²⁹. Далее следует перечень его градостроительных заслуг: «он не только восстановил, но от самого основания построил во Флоренции церковь и монастырь Сан Марко,

²⁶ Palmieri M. Vita civile / A cura di G. Belloni. Firenze, 1982. P. 195.

²⁷ Ibid. P. 184.

²⁸ Ibid. P. 194—195. Braghina L.M. Il pensiero etico-sociale di Matteo Palmieri nella «Vita civile» // Filosofia e cultura. Per Eugenio Garin / A cura di M. Ciliberto e C. Vasoli. Roma, 1991. P. 153—171.

²⁹ Макиавелли Н. История Флоренции. Л., 1973. С. 265.

и Сан Лоренцо, и монастырь Санта Вердиана, и на высотах Фьезоле — Сан Джироламо с его аббатством, в Муджелло — церковь братьев-миноритов не только восстановил, но и заново отстроил. Кроме того, церкви Санта Кроче, Серви, Аньоли, Сан Миньято были украшены им богатейшими алтарями и часовнями, причём, эти храмы и часовни он не только построил, но и снабдил всевозможными украшениями и утварью, необходимыми для большей торжественности священнослужения. К этим церковным строениям надо добавить и его собственные дома, из которых один в городе (дворец Медичи-Риккарди, по проекту Микелоццо — Л.Б.), во всех отношениях подобающий столь именитому гражданину, четыре за городом — в Кареджи, во Фьезоле, в Каффаджуоло и Треббио, притом все эти дворцы достойны скорее какого-либо государя, чем частного гражданина»³⁰. Макиавелли не даёт развёрнутых оценок эстетического плана тем сооружениям, которые были связаны с именем Козимо Медичи. Он лишь добавляет к своему перечню: «по всей Италии прошла молва о великолепии его построек», хотя они были «чем-то царственным» и во Флоренции Козимо был подлинным государем, так велики были его благоразумие и сдержанность, что он никогда не переступал пределов скромности, подобающей простому гражданину»³¹. Очевидно, для Макиавелли именно достоинства дворцов и храмов, украсивших Флоренцию, немало добавили к славе Козимо Медичи как фактического правителя Флоренции, хотя он не имел никакого титула. Макиавелли считал нужным подчеркнуть репрезентативную роль его масштабной строительной деятельности. Что же касается конкретных оценок архитектурных особенностей построек, перечисленных Макиавелли и связанных с формированием градостроительного облика Флоренции, то они не только явно не входили в задачи его исторического сочинения, но, возможно, и не представляли для него особого интереса.

Подводя итоги, можно сделать несколько замечаний относительно особенностей восприятия городской архитектуры гуманистами, основываясь на тех высказываниях, которые они оставили в своих сочинениях. Разумеется, следует учитывать, что сделанные в статье наблюдения касаются преимущественно Флоренции в пору её бурной экономической активности, приносившей огромные богатства, что позволяло правительству республики и частным гражданам вкладывать немалые средства в строительство и благоустройство города. Уже к середине XV в. Флоренция стала лидером в процессе обновления культуры, центром утверждения гуманистических принципов об-

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

разования, ренессансного искусства и архитектуры. Менялся и облик города, очень крупного по тогдашним европейским масштабам и в то же время отмеченного высоким уровнем цивилизации. Это находило выражение в его планировке, благоустройстве улиц и площадей, в функциональных и эстетических достоинствах архитектуры. Граждане республиканской Флоренции становились активными участниками градостроительного процесса, входя в различные комиссии, курировавшие возведение общественных зданий, или привлекали лучших зодчих для сооружения собственных домов. Формировались и новые представления горожан о нормах достойной и благополучной жизни, для которой важным фактором становилось обретение удобного, красивого частного дома, комфортность всей среды обитания. В ренессансную эпоху восприятие архитектуры, воспитанное не только на шедеврах средневекового зодчества, но в ещё большей мере (особенно если иметь в виду новые частные палаццо) на творениях ренессансных мастеров, неизбежно приобретало эстетический ориентир, хотя не утрачивало и прагматического смысла. Общим становилось убеждение, что архитектура своей красотой должна отражать как величие богатого и могущественного города-государства, так и значительность престижа его состоятельных и благополучных обитателей. Репрезентативный характер городской архитектуры Флоренции проявился в монументальности церковных и светских общественных зданий, в великолепии частных палаццо, в блистательных художественных ансамблях архитектуры с разными видами изобразительного и декоративно-прикладного искусства.

Заслуживает внимания и общая черта урбанистических концепций гуманистов — город-государство рассматривается в них комплексно, в единстве всех его ипостасей, от расположения и благоустройства до системы власти и нравственного облика граждан. Эта традиция начала складываться ещё в коммунальную эпоху, в XII—XIII вв.х, в панегириках городам, принадлежавших перу образованных горожан. Архитектурный облик города в них не всегда становится предметом детального рассмотрения, порой хватает пары фраз о его бесспорном великолепии, но связь всех аспектов его жизнедеятельности непременно подчёркивается. Гуманисты привносят в эту традицию новые черты, в частности, акцентируя зависимость внешнего вида города от его богатства, которое в свою очередь обретает зримые черты, свидетельствует о престиже правителей и состоятельных горожан. Что касается восприятия архитектуры как сферы искусства, то у рассмотренных нами более ранних авторов оно эстетически окрашено, но лишено рационального осмысления её специфики. Лишь Бруни демонстрирует интерес к градостроительным проблемам и знакомство с терминологией зодчества.

Как ни парадоксально, зеркало гуманистической литературы той поры, за редким исключением, оказалось смутным и неполным отражением того, чем была тогда архитектура Флоренции с её шедеврами романской и готической традиции, на фоне которых позже новым мощным аккордом зазвучало ренессансное зодчество. Умение видеть архитектуру шире и глубже, чем только в самых общих её оценках, и тем более писать о ней, сознательно стремясь выразить свои впечатления по её поводу, в эпоху Возрождения сложилось не сразу, лишь в период появления целого ряда выдающихся архитектурных сооружений и расцвета ренессанса как стилистической основы различных видов искусства. Именно тогда получили хождение научные трактаты о зодчестве, причём особую популярность приобрёл труд Леона Баттиста Альберти «О зодчестве», ренессансные представления стали распространяться по всей Италии, а роль архитектуры как высокого искусства отразилась не только в живописи, и графике различных мастеров, но и в проектах идеального города, которым отдал дань и Леонардо да Винчи, создав наиболее яркий его вариант.

От Возрождения к барокко. Проблема эволюции купольной базилики в культовой архитектуре второй половины XVI в.

Главной проблемой в развитии церковной архитектуры Возрождения был поиск идеального типа храма, в котором традиционная для западного христианства типология базиликального храма гармонично сочеталась бы с центрально-купольной системой, характерной для восточнохристианской церкви¹. Актуальность этой проблемы возросла с середины XV в., когда падение Константинополя сделало Рим единственным центром западного христианского мира.

У истоков нового понимания архитектурной формы — пластической и пространственной организации интерьера, стояли такие выдающиеся архитекторы Возрождения как Филиппо Брунеллески и Леон Баттиста Альберти. В их творчестве наметились основные пути развития ренессансной архитектуры, ее последующая эволюция вплоть до барокко и классицизма. Ориентируясь на наследие античного и раннехристианского Рима, они приходят к созданию архитектуры, отвечающей идеологическим, эстетическим и практическим запросам времени.

Если Брунеллески работал, главным образом, во Флоренции и круг влияния его новаторских идей был ограничен Тосканой и Умбрией, то Альберти, связанный с разными городами и центрами Италии — Римом, Римини, Урбино и Мантуей, оказал более широкое и глубокое воз-

¹ О проблемах развития центрической архитектуры Возрождения писали практически все, кто когда-либо обращался к этой теме. Накоплен богатейший опыт изучения данной проблемы. При этом не утрачивают своей научной актуальности давние работы Витткоувера и Лотца, на которые мы опирались (*Wittkower R. Architectural Principles in Age of Humanism*. L., 1962. P. 3—9, 24—49; *Heydenreich L.H., Lotz W. Architecture in Italy 1400—1600*. L., 1974), а также: *Ventury A. Storia dell'arte italiana. Architettura del Quattrocento*. Milano, 1923—24. Vol. VIII. Part I. P. 472 ff.; *Sinding Larsen S. Some Functional and Iconographical Aspects of the Centralized Church in the Italian Renaissance*. Acta ad Archaeologiam et atrium Historiam pertinentia. 1965. Vol. II. P. 203 ff.; *Benevolo L. Storia dell'Architettura del Rinascimento*. Bari, 1968. Vol. I. P. 176—182, 201—209; *Quattrocento Architecture and Antique. Some problems // Classical Influence on European Culture*. A. 500—1500. Cambridge, 1971.

действие на архитектуру XV—XVI вв.² Теоретические положения его трактатов побуждали к дальнейшему развитию нового архитектурного языка и нашли продолжение в художественной теории и практике Леонардо да Винчи, Донато Браманте и Андреа Палладио.

Соединение опыта и новаций этих двух выдающихся архитекторов в деятельности мастеров начала XVI вв. сделало новый архитектурный язык общим для Италии, способствовало его усвоению другими европейскими странами, как благодаря непосредственным контактам и знакомству с новой архитектурой, так и благодаря трактатам по архитектурной теории, в которых был учтен и переработан практический опыт поколения Брунеллески и Альберти.

Трудно переоценить тот вклад, который внесли эти мастера в развитие церковной архитектуры. Их совместными усилиями к концу XV в. была выработана типология ренессансного храма, соответствующего потребностям обновленной веры, задачам укрепления церковного института после Великой схизмы и падения Константинополя, поднятия авторитета папского Рима в христианском мире³.

² О влияние Брунеллески и Альберти пишут во всех работах по архитектуре quattrocento, однако основное внимание в них уделяется более широкому влиянию Альберти и как архитектора-практика, и как архитектора-теоретика. Определенный итог рассмотрения целого комплекса проблем с этим связанных были две большие юбилейные выставки, посвященные Альберти и изданные к ним каталоги, в которых дается не только полная библиография творчества архитектора, но и рассматриваются его связи с предшествующим и последующим архитектурным опытом: Leon Battista Alberti architetto. Firenze, 2005; La Roma di Leon Battista Alberti: umanisti, architetti e artisti alla scoperta dell'antico nella città del Quattrocento. Cat. della mostra. Milano, 2005; L'Uomo del Rinascimento. Leon Battista Alberti e le arti a Firenze tra ragione e bellezza. Cat. della mostra. Firenze, 2006.

³ Сближение с восточнохристианской традицией было обусловлено историческими обстоятельствами и в первую очередь ситуацией сложившейся в христианском мире после падения Константинополя. Укрепление позиций Римской церкви как Вселенской, ее претензии на роль единственного центра христианского мира идеологически оправдывали объединение двух типологически разных храмовых зданий в единый образ, символизирующий возврат к изначальному христианству. Распространению центрических зданий способствовало и конкретное знакомство с архитектурной практикой греков через эмиграцию и греческие колонии в Италии, особенно на севере и северо-востоке страны. О некоторых, на наш взгляд, важных аспектах церковной жизни этого времени см.: Firenze e il Consilio del 1439. Atti del Convegno di Studi. Firenze, 1994. Vol. 1—2; All'ombra delle volte. Architettura del Quattrocento a Firenze e a Venezia. Milano, 1996. Хотелось бы отметить еще один важный для развития культовой архитектуры Возрождения момент. До середины XVI в. церковь не имела возможности заниматься проблемами церковного строительства, как и не располагала ресурсами для выделения достаточных средств. Развивалось, главным образом, монастырское строительство и строительство, инициированное частными донаторами. Вследствие этого в характере архитектуры наблюдается большая свобода планировочных

Первостепенное значение в культовой архитектуре Возрождения имела идея создания идеального сакрального пространства, которое понималось как пространство центрическое, тяготеющее к ясной обозримости, пропорциональности и гармоничному взаимодействию частей, участвующих в создании целостного архитектурного образа. В идеальном образе храма нашли отражение утопическая мечта Возрождения о синкретической религии, объединившей языческую древность и христианскую веру, обращение к истокам христианства, еще не разделенного на западную и восточную церкви. Более того, центрическая форма храма, увенчанного куполом, в плане тяготеющего к кругу, как к «первой и последней из фигур» выражающей философский «иероглиф» — образ Бога и неба, метафорически воплощала структуру Вселенной⁴.

Пропорциональная взаимосвязанность мира, гармония мироустройства выражались в форме круга, вписанного в квадрат, центром которого была фигура человека (можно вспомнить знаменитый рисунок Леонардо с так называемой витрувианской фигурой). Идеальный план здания, особенно храма, должен быть подобен «хорошо сложенному человеку», то есть соотносится с пропорциями человеческого тела, как считали Филарете и Альберти, развивая в своих трактатах органическую теорию архитектуры римского теоретика и архитектора Витрувия. В основе их градостроительных и архитектурных идей лежало понятие «всемирного синтеза», под которым понималось единство архитектуры, как искусства преобразующего и организующего жизнь, философии, жизнь осмысляющей, и археологии или истории, благодаря которым обеспечивалась преемственность культур.

Круглое или тяготеющее к кругу храмовое здание воспринималось в период Возрождения как «античное», то есть корнями уходящее к изначальному христианству и античным мавзолеям. Так современники Брунеллески и Альберти называли, например, флорентийский баптистерий — самое древнее культовое здание города на Арно, храмом Марса, а Иерусалимский храм представляли как купольную ротонду — один из излюбленных мотивов в живописных и рельефных фонах, в архитектурных фантазиях и ведутах, ставший чуть ли не обязательным

решений и преобладающим будет обращение к центрическому плану, более характерному для небольших капелл или сакристий. К середине века по мере укрепления позиций церкви, ослабления военной экспансии и противостояния протестантизму на первый план выступают проблемы не только реорганизации института церкви, но и более жесткого контроля за церковным строительством

⁴ Об идеологии и семантике центрического храма подробнее см.: Wittkower R. Op. cit. P. 3—9, 24—28, 29—32, 100—103; Benevolo L. Op. cit. P. 176—182; 201—209; Sinding Larsen S. Op. cit.

атрибутом «исторической античности»⁵. Достаточно вспомнить архитектурные построения Пьеро делла Франчески, архитектурные фоны в произведениях Перуджино, Пинтуриккьо, Синьорелли и Рафаэля. Идея центрально-купольного или базиликального, но тяготеющего к центричности, храма последовательно развивалась в архитектурной практике Брунеллески и Альберти, Джулиано да Сангалло и Браманте, Леонардо и Микеланджело, наконец, у Палладио и Виньолы, оказав влияние на архитектурный облик и характер интерьера церковных зданий в период барокко и классицизма.

Особое место в эволюции новой типологии вотивного храма сыграло архитектурное наследие Браманте, особенно его постройки и проекты римского периода. Именно в истории создания проектов собора св. Петра и их последовательной эволюции от центрического к компромиссному базиликальному варианту выразились основные противоречия в идеологии сакральной архитектуры, характерные для Возрождения и нашедшие свое разрешение как в творчестве Андреа Палладио, так и в культовой архитектуре Виньолы⁶.

Последние годы жизни Браманте связаны с проектированием и началом строительства собора св. Петра (с 1506 по 1514), замысел которого стал одним из самых масштабных инициатив папы Юлия II.⁷ План Бра-

⁵ Помимо панелей с изображением идеального города, лучшая из которых находится в Национальном музее области Марке в Урбино (сейчас приписывается архитектору Лучано да Лаурано), где в центре утопического города изображена центрическая ротонда как воплощение наиболее совершенной формы сакральной архитектуры, можно упомянуть ротонду во фреске Перуджино «Передача ключей апостолу Петру» в Сикстинской капелле, Иерусалимский храм в «Обручении Марии» Рафаэля из галереи Брера в Милане или во фреске Пинтуриккьо «Христос беседует с книжниками» из капеллы Бальони в церкви Санта Мария Маджоре в Спелло. Не менее важным было реальное изучение центрических построек Рима, где помимо Пантеона, особым вниманием пользовалась раннехристианская церковь Сан Стефано Ротондо (*Krautheimer R. Santo Stefano Rotondo a Roma e la Chiesa del S. Sepolcro a Gerusalemme // Rivista di Archeologia Cristiana. 1935. Vol. 12. P. 51—102; Rossi S. Santo Stefano Rotondo a Roma // L'Architettura. 1959. Vol. 41. P. 774—779; Burns H. Op. cit.*).

⁶ Творчеству Донато Браманте посвящена обширная литература, мы опирались на фундаментальное исследование Ф. Борси из серии трудов, посвященных главным фигурам из истории ренессансной архитектуры: *Borsi F. Donato Bramante. Milano, 1989* (особенно P. 264—335).

⁷ К настоящему времени накоплен большой опыт изучения и интерпретации эволюции проекта собора св. Петра. Отметим те публикации, в которых подводятся определенные итоги предшествующим дискуссиям: *Wolf W. Le premier projet pour Saint-Pierre de Rome. Bramante et Michel-Ange // The Renaissance and Mannerism. Studies in Western Art. Princeton; New York. 1963. Vol. II. P. 70 ff.; Heydenreich L., Lotz W. Op. cit. 1974. P. 157—161, 198—199, 254—256; Ackerman J.S. The Architecture of Michelangelo. Harmondsworth. 1970. P. 199—225; Francia E. 1506—1606. Storia della costruzione del nuovo San Pietro. Roma. 1977; Carpi A.*

манте, как можно судить по сохранившимся рисункам, а также описаниям и плану в трактате Серлио, представлял собой равноконечный греческий крест со скругленными апсидами по всем четырем сторонам и с куполом над средокрестием, опирающимся на подпружные арки и паруса. В углах креста Браманте собирался разместить купольные капеллы, а на западном фасаде поставить две высокие ярусные колокольни.

План Браманте строился на классическом соотношении круга, вписанного в квадрат. В интерьере собора должно было господствовать подкупольное пространство с широким взмахом арок. Поднятый на цельный цилиндрический барабан, окруженный по периметру коринфскими колоннами, купол напоминал тот, что Браманте сделал в церкви Санта Мария делле Грассе в Милане.

В равно ориентированном пространстве плана не оставалось места алтарю, что вызывало ответную реакцию в церковных кругах, вызвавших сомнения в допустимости центрического плана для богослужбной практики. Более того, центрический план не позволял выявить ясную пространственную ось с Запада на Восток, что лишало литургическое действие его символической взаимосвязи с Гробом Господнем в Иерусалиме.

Стремясь к идеальной центричности, Браманте последовательно проводит идею нарастания масс к центру. Доминантой внутреннего пространства и внешнего облика собора должен был стать купол. Повторяя в уменьшенном виде форму главного купола, купола боковых капелл подчеркивали его господствующее положение в объемно-пространственной композиции здания. В этом проявилась характерная для Возрождения идея пропорционирования и последовательно проведенной принцип соотношения большого и малого: большой купол и малые купола, большой ордер и малый, подкупольное пространство средокрестия и пространство малых капелл. В этом соотношении большого и малых куполов заметно влияние Леонардо да Винчи и его проектов центрического храма, которые он разрабатывал в Милане⁸. Как и в проектах Леонардо, Браманте мыслил собор, состоящим из простых, одно-

La fabrica di San Pietro. Roma, 1983; Fagiolo M. La Basilica Vaticana come tempio-mausoleo "inter duas metas". Le idee e i progetti di Alberti, Filarete, Bramante, Peruzzi, Sangallo, Michelangelo // Antonio da Sangallo il Giovane. La vita e l'opera. Roma, 1986. P. 187—209; La Basilica di San Pietro in Vaticano. Modena, 2000. V. 1—4.

⁸ Из многочисленной литературы, посвященной архитектурным замыслам Леонардо, отметим только: Sartoris A. Leonard architecte. Paris, 1959; Agata G.U. Leonardo architetto e urbanista. Milano, 1953; Heydenreich L. Leonardo architetto. Firenze, 1963; Idem. Die Sakralbaustudien Leonardo da Vinci. München, 1970; Murray P. Leonardo and Bramante // Architectural Review. 1963. Vol. 134. P. 346ff.; Gilbert C. Bramante on the Road to Rome (with some Leonardo Sketches in his Pocket) // Arte Lombarda. 1983. Vol. 66. P. 5—14.

типных архитектурных форм, которые вместе образовывали слитную архитектурно-пространственную композицию, подобную простому стереометрическому объему. Последний принцип восторжествует в архитектурных решениях центрических построек позднего Возрождения и раннего барокко.

Основной проблемой архитектуры зрелого Возрождения была проблема выбора типа церковного здания. Браманте и его последователи, для которых были важны идеи, вдохновленные античностью, пытались модернизировать центрический купольный храм, тем более что на христианском Востоке он получил широкое распространение. После падения Византии, Рим считал себя единственным оплотом христианства в Европе, поэтому обращение к центрическому купольному храму с равноконечным греческим крестом в плане было вполне закономерным⁹.

Главным для Браманте было максимальное выявление центричности здания, как внутри, так и снаружи. Поэтому куполу, как основной доминанте постройки, подчинялись все ее пространственные и пластические отношения. Купол осенял гробницу св. Петра и венчал Ватиканские холмы, делая христианский Рим господствующим в городской структуре. Как и Темпьетто, собор мыслился Браманте памятником, надгробным монументом над криптой, где находилась могила святого Петра, наподобие античных купольных мавзолеев или раннехристианских мартириев.

После смерти Браманте в 1514 г. главным архитектором собора св. Петра был назначен Рафаэль, который совместно с Бальдасаре Перуцци попытался совместить центрический тип храма-мавзолея с традиционным продольным планом христианской базилики. Ту же идею проводил в разработке проекта их преемник Антонио да Сангалло Младший, который значительно усложнил план собора, сильно выдвинув вперед его базиликальную часть. Наконец, в 1546 г. папским указом главным архитектором собора был назначен Микеланджело. Благодаря его титаническим усилиям дело сдвинулось, наконец, с мертвой точки и план собора приобрел ясные и четкие очертания.

Принципиальным для Микеланджело было возвращение к проекту Браманте. Упростив его структуру, он усилил роль купола и просторного

⁹ Последовательное использование в плане равноконечного греческого креста встречается впервые в проектах Альберти церкви Сан Себастьяно в Мантуе, впоследствии эти идеи были развиты в проектах Микеланджело церкви Сан Джованни деи Фиорентини. Подробнее см.: *Гращенков В.Н.* Альберти как архитектор // *Леон Баттиста Альберти* М., 1977. С. 171—172 (особенно прим. 90); *Schiavi A.* Il restauro della chiesa di San Sebastiano di Leon Battista Alberti in Mantova. Mantova, 1932; *Wittkower R.* Op. cit. P. 41—46; *Heydenreich L., Lotz W.* Op. cit. P. 336; *Lamoureux R.E.* Alberti's Church of San Sebastiano in Mantova. N.Y., L., 1979 (особенно P. 219—221); *Calzona A., Volpi L.* Ghirardini Il San Sebastiano di Leon Battista Alberti. Firenze, 1994. О проектах Микеланджело см.: *Ackerman J.S.* Op. cit. P. 227—249.

средокрестия под ним. Подкупольное пространство, преобладающее в восприятии интерьера, подразумевало мощное эмоциональное воздействие, обозначив сакральный центр храма, его пространственную доминанту. Огромная чаша купола осеняет могилу св. Петра, окна барабана и окулус светового фонаря дают сильный поток света, который, устремляясь вниз, делает средокрестие эмоциональным и символическим центром собора.

Пластическое восприятие архитектуры, свойственное Микеланджело, активизировало все объемно-пространственные отношения. Единство образа собора возникает на основе взаимодействия разнонаправленных сил: опоры, обозначенной на стенах пилястрами гигантского ордера, и тяжестью покоящегося на них аттика. Стены вместе с аттиком воспринимаются как мощное основание, на котором лежит купол. Внутри и на фасаде гигантские пилястры коринфского ордера объединяют стены по высоте и способствуют их восприятию как единого целого. Только по окнам между пилястрами можно представить себе количество этажей одного из самых величественных и впечатляющих своими масштабами и своим пространством собора.

В период Контрреформации купольный центрический храм был признан непригодным для христианской церкви, предпочтение отдавалось постройкам, объединяющим идею центричности с базиликальным храмом, что определялось теми изменениями, которые были внесены в богослужение, придание ему более открытого и направленного на максимальный контакт священнослужителей с паствой характер¹⁰.

Под влиянием новых идей был окончательно изменен план Браманте-Микеланджело. К центрическому ядру собора добавили широкое и короткое базиликальное крыло, а также величественный, напоминающий гигантский античный портик, фасад с широким пронаосом (архитекторы К. Мадерна и Джакомо делла Порта).

Нововведения, инициированные Сикстом V в связи с празднованием Юбилейного 1600 г., были завершены к 1606 г., когда собор св. Петра получил дополнительное базиликальное крыло и монументальный нартекс с величественным колонным портиком, что подвело черту под столетием поисков типологии храма обновленной западнохристиан-

¹⁰ Развернутая типология центрических и базиликальных храмов дается в трактате Себастьяно Серлио, который был хорошо известен не только в Италии, но и за ее пределами, так же как и трактат театинца, архитектора и математика барокко Гварино Гварини, который существенно дополняет сложившуюся типологию и дает ей объяснение с точки зрения сакрального смысла. Не меньшее значение для понимания богослужебной практики в ее соотношении с архитектурой имеет трактат святого Карло Борромео. См.: *Serlio S. Il Trattato di architettura di Sebastiano Serlio* / Ed. M. Rosci. Milano, 1967; *Guarini G. Disegni d'architettura civile ed ecclesiastica*. Torino, 1686; *Borromeo C. Instructionum fabricae et supellectilis ecclesiasticae*. Milano, 1577.

ской церкви. Компромисс был достигнут тогда, когда церковь смогла вернуть себе контроль за церковным строительством и на практике реализовать идеи нового сакрального пространства, не утратившего новаций века гуманизма и сохранившего традиции, восходящие к истокам христианской архитектуры. Итог церковным дискуссиям подвел епископ Милана Карло Борромео в своих инструкциях по сооружению и украшению церковных зданий (1577), в которых он допускал известную свободу, при условии сохранения верности традиции.

Так было завершено формирование облика главного собора тогдашнего христианского мира. Задуманные еще Браманте высокие колокольни, фланкирующие западный фасад, так и не были осуществлены¹¹. Попытка, предпринятая Бернини, оказалась неудачной, то ли из-за неправильного расчета фундамента, то ли из-за плавучести почв.

Идеи Браманте, разработанные им в планах собора св. Петра, нашли продолжение в двух замечательных центрических постройках: в церкви Санта Мария делла Консолацоне в Тоди и в церкви Санта Мария ди Сан Бьяджо в Монтепульчано.

Вотивная церковь Санта Мария делла Консолацоне в Тоди была центром паломничества, так как в ее алтаре хранилось чудотворное изображение Богоматери — фреска XV в. «Маэста». Начало строительства храма относится к 1508 году и согласно документам оно было связано с именами папских архитекторов Кола да Капрарола и Амброджо да Милано¹². Строительство огромного храма было длительным: его своды были возведены только в 1568 г., а купол еще позднее — в 1606 г. Построенный на нижней террасе города, вознесенным вверх куполом и мощными объемами боковых полукуполов он господствует над окружающим умбрийским пейзажем.

Нигде более не была с такой последовательностью реализована идея абсолютной центричности, продемонстрированная Браманте в проекте собора св. Петра. На фасаде и в интерьере четко выявлены основные

¹¹ Вместе с тем, идеи Браманте получили развитие в архитектуре конца Возрождения и в римском барокко. Так отталкиваясь от проекта Браманте собора св. Петра, перуджинец Галеаццо Алесси построил в Генуе на высоком холме, господствующем над городом, вотивный храм семьи Саули — церковь Санта Мария ди Кариньяно. Помимо того, что план его центрической церкви ориентирован на проекты Браманте, Алесси реализовал его идею с колокольнями по четырем углам храма (правда, были построены только две на западном фасаде). Не случайно именно церковь Санта Мария ди Кариньяно оказала большое влияние на архитектуру барокко за пределами Италии. Можно вспомнить также и разработку Борромини нового фасада церкви Сант Аньези в Риме, где использован мотив двух боковых колоколен на западном фасаде.

¹² О проектах и строительстве церкви Санта Мария делла Консолацоне подробнее см.: Heydenreich L., Lotz W. Op. cit. P. 182—183.

координаты плана, представляющего собой равноконечный греческий крест с куполом над средокрестием и ветвями креста, завершенными скругленными апсидами. Восточная апсида, где находится алтарь с чудотворным изображением Богородицы, напоминает глубокую римскую экседру, форма, столь любимая Браманте. Три другие многогранные в плане апсиды перекрыты полукуполом и имеют одинаковые порталы. Объем здания и его структура четко выявлены ордерными членениями и воспринимаются как единый архитектурный образ.

Интерьер церкви напоминает величественный интерьер церкви Санта Мария ди Сан Бьяджо, чем более, что обе церкви строились почти одновременно и были центром паломничества. Схожий материал — травертин, лишенный дополнительных украшений, за исключением кессон с розетками на софитах арок и на гранях полукуполов апсид, деликатного рельефа в парусах и на фризе, сближает стилистику двух построек.

Высокий, граненый купол опирается на широкие подпружные арки, поражающие размахом своих дуг. Широкие подпружные арки опираются на мощные пилоны, оставляющие открытым подкупольное пространство. В интерьере последовательно проводится пропорциональное соподчинение гигантских пилястр на пилонах и двухъярусных ионических пилястр малого ордера на стенах и в апсидах. Побелка чаши купола и теплый тон золотистого травертина стен облегчают восприятие архитектуры, усиливают впечатление единства просторного и светлого интерьера.

Как и в других постройках Возрождения, в интерьере использованы фасадные формы архитектурного декора, что позволяет объединить как пластически, так и системой декора, фасад и интерьер здания. В интерьере почти нет украшений, за исключением стукowego рельефа фриза, кессон подпружных арок, широких ребер купола и полукуполов апсид. Архитектурный образ, подчиненный законам соразмерности и тектоники, создается языком чистых и простых сферических форм, выразительностью мощных пластических объемов.

Другим не менее впечатляющим примером последовательно проведенной попытки обретения идеальной центричности в архитектуре середины XVI века является церковь Санта Мария ди Сан Бьяджо в Монтепульчано, начатая в 1510 г.¹³ Как и церковь Санта Мария делла

¹³ История строительства храма довольно подробно изложена у Дж. Вазари в «Жизнеописании знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» (М., 1970. Т. 3. С. 144—145), а также подробно освещена с использованием документов и архивов в: *Borghesi L., Bianchi L. Nuovi documenti per la storia dell'arte senese. Siena, 1898; Cantini D.P. IV Centenario della costruzione del tempo di San Biagio: notizie storiche. Montepulciano. 1918; Schivo A. La Madonna di San Biagio presso Montepulciano // Bollettino del Centro Studi di Storia dell'Architettura. 1952. Vol. IV. P. 33—50; Barucci E. Il tempo di San Biagio a Montepulciano. Montepulciano, 2002. См. также:*

Консолацоне в Тоди, она находится за чертой города, господствуя над окружающим ландшафтом.

В этом новом взаимодействии с пейзажем, в том внимании, с которым выбиралось место для постройки храма, угадывается не только связь с античностью, но и влияние «живописной архитектуры». В картинах ренессансных мастеров центрические постройки второго плана обычно изображаются на фоне пейзажа и его далеких видов.

Архитектором церкви Санта Мария ди Сан Бьяджо был Антонио да Сангалло Старший, брат Джулиано да Сангалло, тридцатью годами раньше построившего центрическую церковь Санта Мария делье Карчери в Прато¹⁴. В 1529 г. церковь Санта Мария ди Сан Бьяджо была освещена папой Климентом VII. Купол начали возводить только в год смерти Антонио да Сангалло, в 1534 г. и вплоть до 1564 г. продолжалось строительство под руководством архитекторов Баччо и Джулиано д'Аньоло из Флоренции. Тогда же была возведена одна из двух колоколен, вторая была доведена только до второго яруса.

Церковь производит цельное и ясное впечатление. Ее величественные формы с доминантой высокого купола, венчающего мощный кубический объем центрического храма, господствуют над окружающим пространством. Строгая геометрия и пластика архитектурных форм усилены за счет выразительности материала. Травертин, со временем ставший золотистым и лишенный каких-либо дополнительных украшений, выявляет выразительность архитектурных членений и мягкий рельеф архитектурной поверхности, подчеркнутый игрой света и тени.

В плане церковь имеет равноконечный греческий крест с куполом над средокрестием, что напоминает план вотивной церкви Санта Мария делье Карчери, построенной немногим раньше в Прато по проекту Джулиано да Сангалло. Последнее не случайно, если учесть, что после смерти брата Антонио завершал, начатое им строительство. В отличие от других центрических построек тоже времени церковь имеет сильно выдвинутое вперед восточное крыло с апсидой, что было связано с паломническим предназначением храма и тем, что в восточном крыле, помимо алтаря с чудотворным изображением, находилась овальная в плане сакристия. Верхняя часть апсиды оставлена открытой и обрамлена сквозной балюстрадой, что придает постройке необычный, почти «дачный» облик. Вместе с тем, аналогичный прием использовал Браманте в Темплетто и он встречается, так-

Дажина В.Д. Церковь Санта Мария ди Сан Бьяджо в Монтепульчано. Проблема сложения типологии вотивной и паломнической церкви Возрождения // Леон Баттиста Альберти и культура Возрождения. М., 2008. С. 173—194.

¹⁴ Подробнее о церкви Санта Мария деи Карчери и истории ее строительства см.: Bardazzi S., Castellani E., Gurrieri F. Santa Maria delle Carceri a prato. Prato, 1978; Fantappie R. Il bel Prato. Prato. 1983. Vol. 1—2.

же, в зарисовках Джулиано да Сангалло античных купольных ротонд — мавзолеев. Позднее, в барокко балюстрада будет широко использоваться как декоративный прием на фасадах и внутри фронтонов.

Крылья креста имеют прямоугольную форму и одинаково разделены на два яруса, между которыми проходит красивый профильный карниз с полным фризом. Окна и порталы имеют прямоугольную форму и фронтонное завершение. Все четыре ветви креста снаружи завершены фронтонами с небольшими круглыми окнами в центре. На фасаде и в интерьере барабан купола расчленен ордерными пилястрами.

В интерьере господствует подкупольное пространство средокрестия. Высокий алтарь закрывает овальную сакристию, поэтому внутри храма ветви креста, перекрытые цилиндрическими сводами, кажутся равновеликими. Мощные квадратные в плане пилоны скрыты свободностоящими колоннами, поддерживающими полный антаблемент с триглифами и метопами на фризе. Ордерные членения стен и апсид выявлены активно и масштабно, ветви креста «прочитываются» как глубокие капеллы, обрамленные аркой, опирающейся на колонны. Все ордерные элементы имеют объем и обладают массой, то есть опять, как в античности выполняют тектоническую роль опоры.

Сильное эмоциональное воздействие чистой и соразмерной архитектуры церкви Санта Мария ди Сан Бьяджо зависит не только от ясной структурности и открытости наполненного светом и воздухом пространства, в котором господствует подкупольное средокрестие, но и от мощной выразительности самой архитектуры — массы стен, широких угловых пилонов, колонн и пилястр, деталей архитектурного декора, напоминающих «римскую лексику» Альберти и особенно Браманте. Архитектурный образ, подчиненный законам соразмерности и тектоники, создается языком чистых и простых сферических форм, выразительностью мощных пластических объемов, то есть тем языком, которым в совершенстве владел Андреа Палладио.

Завершением ренессансных поисков в области церковной архитектуры и одновременно прологом ее будущего развития является творчество таких мастеров конца Возрождения как Андреа Палладио и Виньола. Каждый из них по своему попытался совместить идею абсолютной центричности, характерную для утопических архитектурных исканий мастеров Возрождения, с традиционным базиликальным типом церковной постройки, что стало основным требованием к храмовому зданию со стороны заказчика — католической церкви.

Большое значение в формировании пластического языка архитектуры Палладио и того, присущего только ему чувства цельности пластического объема, имело то, что, получив образование каменщика, Палладио до 1545 г. занимался в основном скульптурными работами.

Общеизвестно его страстное увлечение античностью и хорошее знание ренессансной и античной архитектурной теории.

В период дружбы с Триссино, одним из самых преданных его покровителей, он ездил в Рим, где провел почти два года — с осени 1545 по лето 1547 г. Плодом его изучения античных построек Рима и ответом на сформировавшийся запрос времени стали два его небольших трактата «Античный Рим» и «Описание достопримечательностей Рима» (1554), получившие широкую известность. В этом Палладио был солидарен с другими энтузиастами изучения античного Рима, особенно с Пирро Лигорио. Знакомство Палладио с античностью не ограничивалось Римом — для изучения памятников древней архитектуры он объездил практически всю Италию, вплоть до Неаполя, что не могло не сказаться на широком диапазоне его знаний¹⁵.

В своем знаменитом трактате «Четыре книги об архитектуре» Палладио большое внимание уделил культовой архитектуре, видя в Пантеоне идеальную центрическую постройку, наиболее подходящую и для выражения возвышенных христианских идей. Согласно Палладио, круг, как самая совершенная геометрическая фигура, отражает божественное единство мироздания, его бесконечность, целостность и справедливость. Выбирая для храмового здания центрический план с куполом над средокрестием, архитектор тем самым выбирает самую совершенную форму, заключающую в себе все остальные формы. Отдавая предпочтение центрическим храмам за их прочность и гармоническую ясность, Палладио подчеркивал, что «фигура эта в высшей степени способна воплощать единство, бесконечную сущность, однородность и справедливость Бога»¹⁶.

Рассуждая далее о двух типах храмов — центрическом и базиликальном, Палладио отмечает разные варианты планировки и возможность расположения алтаря или алтарей по отношению к входу так,

¹⁵ В связи с празднованием 500-летия со дня рождения Андреа Палладио прошли крупные художественные события и выставки ему посвященные, что позволило в полной мере оценить значение того вклада, который он внес в развитие европейской архитектуры не только своего, но и последующего времени. Важной основой изучения Палладио явились исследования, относящиеся ко второй половине XX века и те труды, которые выходят под маркой Палладианского центра в Венеции и носят интернациональный характер. Мы хотели бы, помимо классических исследований Дж. Акермана (*Ackerman J.S. Palladio. L., 1966. Vol. 1—2.*), обратить внимание на ряд важных для нас работ других авторов: *Constant C. The Palladio Guide. Princeton, 1985; Caye P. Le savoir de Palladio: Architecture, metaphysique et politique dans la Venise du Cinquecento. Paris, 1995; Wundram M. Andrea Palladio, 1508—1580: Architect between the Renaissance and Baroque. Köln-L., 2004.* Относительно путешествий Палладио и многочисленных зарисовок им сделанных см.: *Ackerman J. Op. cit. Vol. 1. P. 25—26.*

¹⁶ Цит. по: *Палладио. Четыре книги об архитектуре. М., 1936. С. 26.*

чтобы одним взглядом воспринималась перспектива церковного интерьера. По существу, Палладио ставит перед собой задачу решения важнейшей проблемы для современной ему сакральной архитектуры — уравновесить идеи абсолютной центричности ренессансной архитектуры с требованиями новой богослужебной практики.

Во второй половине столетия изменения в церковной архитектуре были, прежде всего, связаны не столько с чисто архитектурными опытами и идеями, сколько с изменениями в церковной политике и практике религиозной жизни. Укрепление ордена иезуитов, образование новых религиозных конгрегаций и мирских религиозных братств, так называемых ораторий, создало микроклимат, в котором архитектура находилась в прямой зависимости от церковных требований и имела возможность развиваться лишь в определенных пределах или в условиях частной инициативы.

Архитектурные идеи эволюционировали в сторону продолжения поисков середины века в плане соединения центрического ядра храмового пространства с куполом в средокрестии и равновеликими ветвями хора, трансепта и трибуны, имеющими форму греческого креста, с широким зальным пространством продольного нефа, достаточного для того, чтобы вместить большое количество членов церковной общины. Особое внимание уделялось изолированным, но открытым в пространство продольного нефа и связанным между собой проходами (как в церкви Сант Андреа Альберти), боковым капеллам, которые были чрезвычайно важны в новой богослужебной практике и предназначались для частного использования, для почитания вновь канонизированных святых, для погребения наиболее уважаемых членов конгрегации и пр. Именно во второй половине XVI в. церковная архитектура делает важнейший рывок по пути создания нового храмового пространства. Накопленный за столетие опыт архитектурных экспериментов привел в итоге к появлению новой типологии сакрального пространства обновленной церкви и на этом пути особые заслуги принадлежат Андреа Палладио и его культовой архитектуре.

Первой значительной культовой постройкой Палладио была церковь бенедиктинского монастыря Сан Джорджо Маджоре в Венеции, начатая в 1566 г. и законченная уже после его смерти в 1610 г. Опираясь на опыт римской архитектуры, с которой он был прекрасно знаком, а также на идеи Альберти, реализованные им в проекте собора Сант Андреа в Мантуе, Палладио по новому решает проблему пространства традиционной базиликальной церкви, усиливая ее центричность за счет доминанты подкупольного средокрестия.

В своих рассуждениях о формах храмов, Палладио замечает, что достойны одобрения «те церкви, которые имеют форму креста и у ко-

торых вход — в том месте, где было бы подножие креста; против него — главный алтарь и хоры; а в обеих ветвях, которые как руки, простираются с той и с другой стороны, — два других входа, или два других алтаря; ибо эти церкви, имеющие форму креста, являют взорам смотрящего то древо, на коем висело наше Спасение. Церковь Сан Джорджо Маджоре в Венеции сделана мною этой формы», завершает свое описание Палладио¹⁷.

Практически за несколько лет до наставлений Карло Борромео Палладио выделил как доминирующий символический смысл базиликального плана, одновременно проводя идею трех основных зон храмового пространства — продольного нефа, купольного средокрестия с трибуной и алтаря с хорами.

Не менее существенными были его нововведения на фасаде. В нем он впервые использует модульную систему двух наложенных друг на друга фасадов — вытянутого горизонтального и высокого вертикального, что соответствует внутренней планировке базилики с высоким центральным нефом и пониженными боковыми. Системой двух ордеров — большого и малого, Палладио связывает воедино разные части фасада и интерьера.

Просторный, светлый и высокий интерьер церкви Сан Джорджо Маджоре производит необыкновенно целостное и гармоничное впечатление. Продольный неф и ветви скругленного на концах трансепта перекрыты цилиндрическими сводами на парусах. Стены и своды побелены, на их фоне выразительно читаются все архитектурные тектонические элементы — полуколонны, пилястры, дуги арок и карнизы, выполненные в сером камне. В этой связи нельзя не вспомнить еще одно важное замечание Палладио относительно интерьеров храмов, «которые следовало бы делать такими прекрасными, чтобы ничего лучшего себе нельзя было вообразить,... Из всех цветов нет ни одного более подходящего для храмов, чем белый, ибо чистота цвета и жизни особенно угодны Богу»¹⁸.

Опорные столбы главного нефа, скрытые полуколоннами и пилястрами большого ордера, членят пространство храма на продольные нефы, не разрушая его целостного зального интерьера. Гигантские полуколонны на высоких пьедесталах вдоль главного нефа, пилястры, на которые опираются арки, полуколонны между пилястрами в боковых нефах организуют пространство и фиксируют членящие его вертикали.

Необычно больших размеров хор за алтарем, что было связано с монастырским назначением храма, по ширине соответствует главному

¹⁷ Там же. С. 26.

¹⁸ Там же. С. 27.

нефу и воспринимается как его продолжение. Цилиндрический свод хора поддерживают свободностоящие колонны, не связанные со стеной. В дальнейшем, особенно в барокко и классицизме подобные приемы пространственного и пластического решения интерьера, характерные для Палладио, будут широко использоваться.

Оправдывая свое обращение к формам классической архитектуры в интерьере и на фасаде монастырского храма, Палладио обращает внимание на то, что ее формы являются самым совершенным из творений человеческого разума и поэтому они могут и должны быть использованы при строительстве и украшении христианского храма, как Дома Господа.

В своей церковной архитектуре Палладио стремился создать новый тип храма, опираясь как на опыт античности, так и на идеи обновленной церкви, характерные для интеллектуальных кругов Венеции и связанные не только с деятельностью Тридентского собора, но и с возросшим влиянием новых религиозных конгрегаций, особенно иезуитов, имевших в городе свои общины. Более того, в основе его опыта по созданию новой церковной архитектуры было отличное от гуманистов понимание диалога с античностью. В его основе лежали идеи не столько сравняться с древностью или уподобиться ей, сколько желание ее превзойти, как христианская вера превзошла язычество.

Не менее существенным был опыт изучения Палладио римской архитектуры, в первую очередь проекта Микеланджело по перестройке церкви Санта Мария дельи Анджели с его использованием пространства римских терм и мощной пластики колонн, а также новаторских решений Микеланджело в проекте Капеллы Сфорца в базилике Санта Мария Маджоре¹⁹.

В церкви Сан Джорджо Маджоре Палладио остается в рамках древней традиции, сохраняя трехнефную структуру, но максимально расширяет пространство главного нефа за счет больших расстояний между опорами, что придает интерьеру храма зальный характер. В этой первой серьезной культовой постройке заметно стремление Палладио привести сакральную архитектуру в соответствие с требованиями обновленной литургии — выделение здания посредством высокого подиума, особое внимание к подкупольному пространству средокрестия, отделение хора от алтаря, отказ от не архитектурного

¹⁹ Ackerman J. Op. cit. P. 126—159; 148—156. Вместе с тем, Акерман замечает, что Палладио вряд ли мог испытывать воздействие римской архитектуры Микеланджело, т.к. большинство его архитектурных работ находились в момент пребывания Палладио в Риме на стадии проекта. Но возможно Палладио мог быть знаком с проектами Микеланджело, так как близость их пространственно-пластических идей очевидна.

декора, предпочтение лаконичной пластики белых стен взамен ренессансному декоруму.

Последней крупной культовой постройкой Палладио была вотивная церковь Спасителя (Иль Реденторе) в Венеции, первый камень в ее основание был заложен в 1577 г., а завершалась она уже после смерти архитектора в 1592 г.²⁰ Решение построить храм было принято венецианским Сенатом в память о страшной чуме 1576 г., унесшей почти треть населения города, и в благодарность за спасение от нее. Тогда же был установлен праздник в честь Спасителя, который и сегодня торжественно отмечается в июле. Центром праздничного действия и кортежа дожа в сопровождении церковной и светской власти города стала церковь Иль Реденторе, к которой по традиции и сейчас делается мост из барок, а вечером на Джудекке устраивается фейерверк.

Фасад храма, как и его интерьер, становятся фоном для праздничного действия. Его кульминацией является храмовое пространство под средокрестием у алтаря, у которого дож читал благодарственную молитву. Таким образом, в пространственном решении храма были объединены три зоны: монастырская (храм был отдан дожем на попечение капуцинам) в хоре, вотивная — под средокрестием у алтаря, и общинная — в главном нефе и боковых капеллах, широко открытых в продольное пространство храма. Первоначальный проект Палладио был значительно более традиционен в плане решения центрического пространства и имел только небольшой нартекс перед входом вместо просторного главного нефа.

Фасад, высокий купол, плотно прижатые к телу здания колокольни и высокая кровля образуют целостную и компактную архитектурную композицию. Палладио максимально уплотняет характерную для него схему двух фасадов, очищая ее от всего лишнего и второстепенного. Вертикализм фасада, его строгая симметрия и почти аскетическая простота отделки придают образу храма величественную монументальность, уподобляя его скорбному монументу.

Вотивное предназначение храма находит отражение в его просторном и строгом интерьере. Литургическим центром церковного пространства является средокрестие с куполом, которое активно выделяется и масштабом, и ритмом, и массой. Высокий и протяженный главный неф окружен с двух сторон полуколоннами большого ордера. Напротив входа огромная арка открывает перспективу высокого алтаря. Выразительный объем полусферы над алтарем, символически во-

²⁰ *Portogruaro David P.* Il tempio e il convento del Redentore // *Rivista di Venezia*, 1930. P. 141—224; *Sinding-Larsen S.* Palladio's Redentore, a Compromise in Composition // *The Art Bulletin*. 1965. Vol. 47. P. 419—437; *Ackerman J.* Op. cit. P. 132—140.

площадь древнюю идею божественного покровительства, подчеркнут стройной колоннадой, отделяющей от него хор.

В отличие от церкви Сан Джорджо Маджоре боковые нефы заменены капеллами, широко открывающимися в пространство главного нефа. Новое звучание приобрела и стена, ее белая, мало расчлененная поверхность смягчает границы объемов и усиливает впечатление пространственности и открытой просторности интерьера. Также как и в других постройках, Палладио цветом выделяет все тектонические ордерные элементы, тем самым, организуя восприятие интерьера, усиливая его пластическую и ритмическую выразительность.

Однако главным является принцип разделения пространства на функциональные и сакральные зоны, принцип, напоминающий, как справедливо отмечает Акерман, принцип разделенности пространства в римских термах, таких как термы Агриппы за римским Пантеоном²¹. Важнейшей зоной остается подкупольное пространство трибуны с алтарем, которое прекрасно просматривается со всех сторон и позволяет участникам богослужения следить за ходом литургии.

Трибуна отделена от хора сквозной колоннадой, через которую беспрепятственно проходят свет и звук, играющие важнейшую роль в эмоциональном насыщении сакрального пространства. Просторный и широкий неф с выходящими в него капеллами выполняет роль церковного атриума, вмещающего молящихся, взору которых открывается перспектива трибуны под средокрестием и сияющего пространства церковного хора.

Свет является важнейшим выразительным средством в архитектуре Палладио. Палладианская эстетика света существенно отличается от световой эстетики в средневековой готике и построена на полутонах, как сфуматто в живописи. В его архитектуре нет резких контрастов света и тени, свет заливает все пространство храмового интерьера, мягко обтекая объемы и выявляя их пластику. Стены в архитектуре Палладио не нуждаются в декоре или живописи, его архитектурный язык основан на восприятии чистой формы в ее первоэлементах — массе, объеме и пластике.

Идеальная центричность, играющая важную роль в ренессансной храмовой типологии, и христианская символика креста объединились в другом проекте Палладио лишь частично реализованном — в храме при вилле Барбаро в Мазер²².

В проекте храма в Мазер Палладио использует в плане греческий крест и тип ротонды с портиком, столь чтимой им в римском Пантеоне.

²¹ Ackerman J. Op. cit. P. 132

²² Idem. P. 137—38.

В облике храма сохраняется свойственная Палладио лаконичная сферичность пластического объема, его монолитность, в которой слегка прочитываются боковые апсиды. Стремясь к максимальной уравновешенности масс, Палладио делает хор и входной портик симметричными и равновеликими. В интерьере масса стены расчленена глубокими нишами-апсидами со скульптурными алтарями — идея, подхваченная церковной архитектурой барокко. Лепной орнамент, торжествующий в архитектуре барокко, здесь используется более чем деликатно. В целом Палладио находит принципиально иную интонацию в использовании классических форм, в его архитектуре появилась большая мягкость и деликатность светотеневой пластики. К сожалению, отдаленность церкви в Мазер и ее незавершенность ограничили круг воздействия этого тонкого и деликатного произведения Палладио на дальнейшую эволюцию архитектуры.

В конце XVI века вырабатывается та форма церковного здания и его пространственного решения, которые будут продолжены в барокко и в классицизме. У истоков нового развития объемно-пространственной храмовой композиции стояла церковь Иль Джезу (1568—84), построенная в Риме по проекту архитектора Виньола и при участии Джакомо делла Порта²³.

Джакомо да Бароцци, прозванный Виньола, после смерти Микеланджело принимал участие в завершении его построек — собора св. Петра и Капитолийских палаццо. В отличие от своих маньеристических коллег, таких, например, как Буонталенти или Амманати, он придерживался более традиционных форм и классических стандартов. Не случайно, он написал трактат «Правила пяти ордеров» (1562), сопроводив его кратким вступлением и 32 таблицами вариантов ордерных композиций с объяснениями. Свою задачу Виньола видел в том, чтобы подсказать практикующим архитекторам «пропорции наиболее красивые и приятные для глаз».

К концу Возрождения и, особенно в маньеризме, складывается практика использования «модуля» в качестве системы пропорциониро-

²³ Во всех исследованиях, посвященных формированию новой типологии барочной культовой архитектуры, особое внимание уделяется церкви Иль Джезу, стоявшей у истоков общеевропейского процесса обновления церковной архитектуры. Нет каких-либо прямых свидетельств того, что Игнатий Лойола высказывал какие-либо конкретные соображения о характере храмовой архитектуры, тем более что иезуитская церковь строилась уже после его смерти. Тем не менее, фасад и интерьер церкви Иль Джезу оказались наиболее востребованы в церковном строительстве, которое во многом было связано с ростом влияния ордена Воинов Христовых. Подробнее см.: Heydenreich L., Lotz W. Op. cit. P. 273—276; Ackerman J., Lotz W. Vignoliana // Essays in Memory of Karl Lehmann. New York, 1964. P. 14 и далее с ранней библиографией относительно истории создания проекта и строительства церкви Иль Джезу в Риме.

вания и «образца» ордера со всем набором составляющих его элементов для того, чтобы, не фантазируя, использовать данный модуль и образец в том или ином здании вне зависимости от его предназначения. По существу, Виньола предложил архитекторам набор образцов, которые те могли использовать в разных вариантах и комбинациях своих постройках.

Виньола, как и многие архитекторы его времени, начинал с живописи, работая в Ватикане, и скульптуры, делая для ансамбля королевского замка-резиденции в Фонтенбло близ Парижа бронзовые копии с античных подлинников Ватиканской коллекции. Позднее он участвовал в конкурсе на завершение фасада болонской церкви Сан Петронио, в котором попытался соединить готические формы с новыми принципами пропорционирования и декора. Однако при всей живописности и игре готическими формами проект фасада церкви Сан Петронио выглядел довольно эклектичным, хотя подобное использование готики не удалось в оправдании, так как собор являлся классическим примером зрелой готики области Эмилия-Романья.

Наиболее значительной из построек Виньолы стала церковь Иль Джезу, главная церковь иезуитского ордена, построенная рядом с резиденцией Игнатия Лойолы и Советом ордена Воинов Христовых. Игнатий Лойола, стремясь укрепить институт церкви, сделал личный религиозный опыт основой веры. Именно овладение каждым верующим духовным опытом посредством эмоционального переживания евангельской истории и углубленной молитвы ведет к познанию «идеи» Бога. Помощниками верующим на этом пути должны стать музыка, театр, искусство и архитектура. Перед церковным искусством и архитектурой стояли задачи пробуждения религиозного рвения и возвышенного религиозного переживания, поддержания веры и наставления в ней. Постепенно выстраивается новый характер взаимоотношений внутри христианской общины, ведущий, с одной стороны, к индивидуализации веры через личный молитвенный опыт, а, с другой стороны, к включенности каждого в общее дело благочестия²⁴. От архитектуры не только требовалось следование традиции, но и активизация патетического воздействия на верующего своими монументальными формам и обилием «декора», последнее было призвано выражать идею «великолепия» реформированной церкви.

Широкий и высокий фасад церкви Иль Джезу, завершенный архитектором Джакомо делла Порта, напоминает фасады Альберти схожим делением на два яруса, расчленением стены пилястрами, завершением

²⁴ О новом благочестии и молитвенной практике, характерной для иезуитов, подробнее см.: *Кихле Ш. Игнатий Лойола. Учитель духовности* / Пер. с нем. М., 2004.

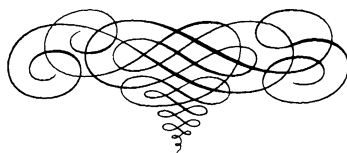
фасадной композиции фронтоном и подчеркиванием выступающими карнизами всех горизонтальных членений. Помимо сходства есть и отличия, которые заключаются, в первую очередь, в масштабах, превышающих обычные пропорции. Усилена и рельефная артикуляция стены, на которой полуколонны сочетаются с пилястрами, прямоугольные в плане порталы с фронтонами и нишами для статуй.

Внушительное впечатление мощных архитектурных форм фасада не исчезает в просторном, высоком и ясном в своих объемно-пространственных ориентирах интерьере храма. Роскошь и великолепие его декора усилены живописью, цветным мрамором и позолоченным стукотом более позднего времени. Первоначально своды главного нефа и ветвей трансепта были побелены и сочетались с более темными архитектурными членениями и ордерными элементами.

Как и у Альберти в церкви Сант Андреа в Мантуе, боковые нефы заменены глубокими капеллами. Соединенные узкими проходами между собой, они широкими арками открываются в пространство главного нефа. Сравнительно короткий главный неф подготавливает восприятие подкупольного средокрестия, которое доминирует в пространстве интерьера, как бы аккумулируя духовную энергию молитвы.

Как и в архитектуре Палладио все большее значение начинает играть организация освещения. В главном нефе кажется, что приглушенный свет с трудом пробивается сквозь «лежащие» окна цилиндрического свода. В апсиде свет, проникающий через небольшие окна с не меньшим трудом преодолевает таинственный полумрак. Сияние света озаряет подкупольное пространство и дарит верующим возвышенное чувство восторга перед величием Бога. В этом новом понимании архитектурной формы, наделенной мощным и направленным эмоциональным воздействием, были заложены основы для дальнейшего развития церковного интерьера в барокко и последовательного насыщения его малыми архитектурно-скульптурными формами и полихромией декора.

Смена вех:
новые культурные
явления в Европе
XVI – XVII вв.

Псевдонимы гуманистов и реформаторов как исторический феномен

К размышлениям на обозначенную тему меня побудила работа над персоналиями деятелей Ренессанса для энциклопедии «Культура Возрождения»¹, а также анализ статей коллег по этому изданию, у которых я заранее прошу прощения за то, что в дальнейшем не делаю на них точных ссылок (они были бы слишком многочисленны), т.к. при желании можно просмотреть эти материалы и увидеть фамилии их авторов. Юбиляр имеет к «Энциклопедии Возрождения» самое прямое отношение, поскольку именно Олег Федорович Кудрявцев и Нина Викторовна Ревякина были вдохновителями, главными редакторами и «двигателями» этого проекта. Не претендуя на далеко идущие выводы, позволю себе поделиться некоторыми эмпирическими наблюдениями².

Феномен возникновения псевдонимов коренится в особенностях первобытного мышления, мифологической и ритуально-символической картине восприятия мира, предполагающей, в т.ч., разнообразные табу, которые впоследствии в разной форме воспроизводились национальными и мировыми религиями. Например, иудаизм запрещал произносить «всуе» имя Бога (Яхве): первосвященник Иерусалимского храма неслышно для окружающих проговаривал его только раз в году, в День очищения. Ветхий Завет содержит рассказ о борьбе патриарха Иакова с Богом (названным «Некто»), после победы над которым Иаков получил от него благословение и новое эпонимическое имя «Израиль» (Быт., 32:24—32)³. (Примечательно, что противник Иакова в ответ

¹ Культура Возрождения. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2007—2011. Т. I—II.

² На русском языке есть как общие сочинения по философии имени и теории имени собственного, так и научно-популярные работы, посвященные конкретно псевдонимам, см. например: Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 11—192; Потемня А.А. Слово и миф. М., 1989; Флоренский П.А. У водоразделов мысли. М., 1990; Булгаков С.Н. Философия имени. СПб., 1999; Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973; Дмитриев В.Г. Замаскированная литература. М., 1973; Он же. Скрывшие свое имя. М., 1977; Он же. Придуманые имена (рассказы о псевдонимах). М., 1986.

³ Фрезер Д.Д. Фольклор в Ветхом завете. М., 1985. С. 278—279; Шифман И.Ш. Ветхий завет и его мир. М., 1987. С. 115—117; Булгаков С.Н. Указ. соч.... С. 260.

на его просьбу назвать свое имя, отказался это сделать). В Новом Завете тоже приводятся примеры «Божьего» наречения другим именем, переименование будущих апостолов: Симона — в Петра (Иоанн., 1:42), Савла — в Павла (Деян., 13:9). В патриархальных обществах существовала практика замены или сокрытия первоначального имени ребенка, если он заболел, чтобы обезопасить его от дальнейших поползновений со стороны «злых духов». Обычной являлась смена имени египетским фараоном при вступлении на престол, обязательной она была также в определенных ситуациях в Китае и Японии.

В западной культуре псевдонимия известна с античности (Лже-Нерон), но, тогда ее, видимо, еще трудно было отделить от «самозванства», преследовавшего сугубо корыстные цели. Однако уже в античное время возникли эпитеты (соимена, эпиклесы) языческих богов, которые в некотором смысле можно считать предтечей псевдонимов (Зевс — «Громовержец»; Афина — «Паллада», «Эргана»; Аполлон — «Мусагет»; Артемида — «Бендида»; Марс — «Сильван», «Фавн», «Луперк» и т.п.⁴). Псевдонимия как таковая возникла, очевидно, на рубеже поздней Античности и раннего Средневековья, но и тогда встречалась эпизодически, в качестве варианта аллонимии (Псевдо-Дионисий Ареопагит). В Средние века она также являлась, скорее, исключением, будучи в основном достоянием признанных церковных авторитетов: напр., Бонавентура, собств. Джованни Фиданца (Bonaventura — букв. «благое пришествие») — возможно, аллюзия на заголовок его программного сочинения «Путеводитель Души к Богу» (*Itinerarium mentis in Deum*), ставшего своеобразной классикой катафатического (положительного) мистицизма⁵. В то же время, для характеристики и возвеличивания знаменитых религиозных мыслителей начали использоваться эвфемизмы, что тоже можно считать неким преддверием псевдонимов: Фома Аквинский — «ангелический доктор» (*doctor angelicus*), Роджер Бэкон — «удивительный доктор» (*doctor mirabilis*), Дунс Скот — «тонкий доктор» (*doctor subtilis*), Бонавентура — «серафический доктор» (*doctor seraphicus*) и т.п. Существуют, кстати, разные трактовки приобретения францисканцем Джованни Фиданца своего латинского прозвища — по одной из канонических версий он еще в детстве получил его от самого основателя ордена Франциска Ассизского. Можно по-разному относиться к подобным легендам, но существенно то, что вышеназванные эпитеты, как правило, не были «самонаречением» — ими награждали современники или близкие (а иногда дальние) потомки. Однако параллельно, особенно в переломном во

⁴ Суперанская А.В. Указ. соч.... С. 184—185.

⁵ Бонавентура. Путеводитель души к Богу. М., 1993.

многих отношениях XIII веке, появляется мода и на собственную латинизацию оригинального имени — стоит вспомнить известного «рейнского мистика» Генриха Сузо (Suso, собств. нем. Seuse). На протяжении XIV—XVI вв. она дополняется эллинизацией, что вызывалось не только интересом гуманистов к античности, но также явилось результатом постепенного упадка, а затем гибели Византийской империи, когда большое число византийских интеллектуалов, носителей греческого языка и культуры (от Максима Грека до Эль-Греко), постепенно «рассеивалось» по Европе (т.н. «эксода»), образуя достаточно влиятельную греческую диаспору. В совокупности все вышеупомянутое, очевидно, и вызвало позднее к жизни «вал» ренессансных псевдонимов. В целом же, Средневековье продолжило архетип «топонимических прозвищ», геонимов, которые давались по месту рождения или (реже) основной деятельности. Проиллюстрировать это можно сотнями примеров — от Амвросия Медиоланского до Фомы Кемпийского (Русский православный канон перемены имени при принятии монашеского пострига находится вне западноевропейского историко-культурного дискурса, поэтому не будем его рассматривать, хотя подобное изменение, бесспорно, маркировало важнейшее изменение духовных ориентиров и социального статуса индивида).

Эпоха Возрождения и Реформации создала совершенно новую ситуацию «смены вех». Нараставшая секуляризация сознания породила возможность отказа от своего имени, данного при крещении, и тем самым — от небесного «ангела-хранителя», что было крайне болезненным для средневекового религиозного мышления⁶. Принципиально важным было то обстоятельство, что принятие нового имени становилось для гуманистов и реформаторов способом мировоззренческой и социальной самоидентификации, подтверждением их ориентации на античные образцы и одновременно — демонстрацией своего отличия от тех, кто не принадлежал к *respublica litteraria*. Включение сюда реформаторов представляется вполне оправданным, поскольку большинство из них начинало свою деятельность в качестве гуманистов (в т.ч. «отцы» протестантизма — У. Цвингли, Ж. Кальвин, отчасти даже М. Лютер). Новизна заключалась также в том, что появляются «настоящие» псевдонимы, т.е. прежняя «аккумуляция и агглютинация имен»⁷ заменяется полным переименованием, когда старое имя поглощается новым.

⁶ См. интересные наблюдения на этот счет А.М. Панченко, который, правда, анализирует русское самозванство, однако его выводы имеют и более универсальное значение: Гумилев Л., Панченко А. Чтобы свеча не погасла: Диалог. Л., 1990. С. 90—91.

⁷ Формулировка С.Н. Булгакова. См. Булгаков С.Н. Указ. соч.... С. 261.

Показательно, что большая часть гуманистических (соответственно и реформационных) псевдонимов принадлежит заальпийским странам, прежде всего Германии и Швейцарии. В Италии они встречаются в основном у представителей изобразительного искусства, причем в значительной мере являются продолжением традиционных геонимов — Пармиджанино, Веронезе, Корреджо, Караваджо, Пизано, Бассано, Монторсоли и т.д. Правда, были и настоящие псевдонимы, возникшие либо от профессии отца (Гирландайо — «гирляндщик», Тинторетто — «маленький красильщик»), либо от имени учителя (Боттичелли, Верроккьо), либо от внешних черт (Гверчино — «косоглазый»)⁸. Как видим, все это не имело непосредственной связи с античным наследием. Северный Ренессанс представлял в этом отношении более любопытную картину, видимо, потому, что, в отличие от итальянского, он не был прямым преемником античности, и заальпийские гуманисты особенно нуждались в акцентировке своих «античных» корней. Не случайно, немецкие гуманисты сформулировали идею «перенесения Империи и знаний» (*“translatio imperii et studii”*) из Рима в Германию, которая в разной степени была заимствована и реформаторами. В то же время, мы находим не так уж много латинизированных и грецизированных псевдонимов у французов и практически не обнаруживаем их у англичан и испанцев — возможно, из-за того (как ни парадоксально), что ренессансное движение в этих странах было по отношению к Италии еще более реципированным и даже маргинальным явлением, но скорее всего потому, что задача развития национального самосознания через подчеркнутое внимание к собственной истории здесь в меньшей степени, чем у немцев, отягощалась имперскими мифологемами (а в Испании к тому же решалась на фоне Реконкисты). Одно из французских «исключений» — Жан Кальвин (латинизированное *Calvinus* от собств. *Cauvin*). Впрочем, он испытал заметное влияние швейцарско-верхненемецкой реформации и в течение нескольких лет (1538—1541) возглавлял в Страсбурге французскую протестантскую диаспору.

Разумеется, мотивы выбора того или иного псевдонима и его форма были сугубо личными и субъективными, не всегда поддающимися объяснению. Однако здесь все-таки можно выявить некие тенденции и даже попытаться их классифицировать. Часть псевдонимов северных гуманистов и реформаторов, равно как у итальянцев, являлись обычными геонимами, но нередко уже в латинизированной форме. Видный швейцарский гуманист Генрих Лорици назвал себя Глареаном (*Glareanus*), т.е. гларусцем, по месту рождения в кантоне Гларус, подобным же образом поступили основоположник протестантской историографии

⁸ Дмитриев В.Г. Придуманные имена... С. 230—233.

Иоганн Филиппи, ставший Слейданом (Sleidanus, от города Шлейден) и баварский историк Иоганн Турмайр — Авентин (латинизированное название его родины Абенсберга — Aventinus). Другой знаменитый немецкий историк и филолог Беат Ренан (Rhenanus, собств. Bild) латинизировал место рождения отца (Rheinau). Гуманист и зачинатель антиреформационной публицистики Иоганн Добнек (Добенек) остроумно переименовал название родного города Wendelstein (букв. «спиралевидный камень»), став Кохлеем (лат. cochlea — улитка). С другой стороны, за выдающимся реформатором Андреасом Боденштейном закрепилось в качестве псевдонима немецкое название его родного города — Karlstadt, а соратника М.Лютера Иоганна Бугенхагена современники часто именовали «доктор Поммерн» (Pommern, родом из Померании). Встречаются также интересные примеры «многослойной» псевдонимизации. Известный математик и астроном Иоганн Мюллер из Кёнигсберга вошел в историю как Региомонтан (Regiomontanus) — латинская калька названия города, близ которого он родился (Königsberg — «королевская гора»), — обладая при этом еще множеством прозвищ, в т.ч. Molitor, что было не только переводом немецкой фамилии (Müller — «мельник»), но и указывало на занятие его отца. Страсбургский реформатор Вольфганг Капито, помимо латинизации фамилии (Köpfel — Capito, букв. «головастый»), принял латинизированное второе имя Fabricius, также намекавшее на отцовскую профессию (faber — «кузнец»). У гуманиста Конрада Мута (Muth) латинизированная фамилия фактически превратилась в имя собственное (Mutianus), а роль фамилии стало выполнять латинское прозвище Rufus («рыжеволосый»), поэтому известность он приобрел как Муциан Руф. Кстати, такое указание на внешность было не вполне типично для Северного Ренессанса и скорее было присуще итальянцам, как показано выше. Весьма причудливый путь псевдонимирования избрал Иоганн Егер (Jäger), который первоначально взял в качестве псевдонима перевод своей фамилии на латынь — Venatorius (охотник), но позднее по каким-то причинам передумал и сменил его на эллинизированный вариант — Crotus (лучник, стрелец), дополнив его латинским переводом названия родного города (Dornheim — Rubeanus, «колючка, кустарник»). В итоге автор первой части знаменитого сочинения «Письма темных людей» вошел в историю как Крот Рубеан. Не менее своеобразную процедуру проделал один из лидеров швейцарско-верхненемецкой реформации Иоганн Эколампад. Не найдя, видимо, адекватных соответствий своей фамилии Hussgen, он сначала трансформировал ее в Hausschein («домашний свет»), а затем перевел на греческий (οἶκος+λαμπάς). Французский филолог и поэт (итальянец по происхождению) Джулио Бордони поступил еще оригинальнее. Будучи выходцем из средних слоев, он, тем

не менее, всю жизнь претендовал на знатное происхождение и причислил себя к роду Делла Скала, латинизировав эту фамилию (Scaliger), но одновременно, поселившись во Франции, использовал и французский вариант (Jules Cezar de Lescalle), а для его сына Иосифа Юста, тоже известного лингвиста, Скалигер стало в сущности уже родовым именем.

Во многих других случаях оригинальная фамилия тоже буквально переводилась на латынь и греческий, либо просто латинизировалась или (реже) эллинизировалась. Например, один из первых швейцарских гуманистов Генрих Вёльфлин (Wölfflin — «волчонок») был известен также как Lupulus, аугсбургский реформатор Урбан Ригер или Кёниг («король») как Regius (одновременно латинизация и перевод!), реформатор и бургомистр Санкт-Галлена Иоахим фон Ватт (Watt) как Вадриан (Vadianus) и т.п. Любопытно, что к такому способу псевдонимирования почти всегда прибегали деятели французского ренессанса. Основатель династии книгоиздателей и печатников Анри Этьенн, а вслед за ним его потомки пользовались латинизированной формой Stephanus, как и другой издатель и гуманист Этьенн Доле (Stephanus Doletus). Заметим, что не всегда это являлось самоназванием. Ближайший сподвижник М. Лютера, автор «Аугсбургского исповедания», реформатор и эллинист Филипп Шварцэрд (Schwarzerd — букв. «чернозем»), будучи внучатым племянником выдающегося гуманиста Иоганна Рейхлина (Reuchlin), именно последнему обязан греческой калькой фамилии — Меланхтон (μέλας+χθών, «черная земля»), которую Рейхлин впервые употребил в посвящении на экземпляре своей греческой грамматики, подаренной родственнику. Сам Рейхлин тоже использовал греческую кальку фамилии — Καπνίο (καπνός — «дым», «очаг», перевод немецкого слова Rauch).

Однако этимология некоторых латинизированных псевдонимов остается не вполне ясной. Так, сразу несколько видных деятелей Возрождения имели одинаковое прозвище «Агрикола» (agricola — «земледелец», «крестьянин»). Но если у Георга это однозначно было буквальным переводом немецкой фамилии (Bauer), то у Иоганна (собств. Schnitter, «жнец») — приблизительно, что могло, вероятно, указывать также на его крестьянское или плебейское происхождение, хотя никаких достоверных сведений на этот счет не сохранилось. Видимо, аналогичными мотивами руководствовался финский реформатор и просветитель, сын шведского рыбака Михаэль (собств. Olavi или Olafsson). Еще более приблизительно расшифровывается псевдоним Стефана (собств. Kastenbauer). Не совсем понятен и выбор псевдонима голландцем Рудольфом, сыном аббата бенедиктинского монастыря. Правда, его подлинную фамилию (Huisman) можно истолковать, в т.ч., как «работник», «батрак» (тоже неточный перевод), либо умозрительно пред-

положить, что, пройдя школу движения «Нового благочестия» (*Devotio moderna*), он хотел продемонстрировать приверженность трудовой этике «братьев общей жизни». Подобные случаи не единичны.

Между прочим, столь массовая распространенность латинских и греческих псевдонимов в эпоху Возрождения породила пару казусов в позднейшей историографии — псевдонимы «находили» даже там, где их на самом деле не было. Видный европейский реформатор Мартин Буцер (*Butzer*) возводил свою фамилию к немецкому глаголу *putzen* (*butzen*, «чистить» — «р» и «b» в средневерхненемецком языке были взаимозаменяемыми), но у ряда историков, начиная с XVIII в., возникла иллюзия, что она якобы является калькой греческого слова, перешедшего в латынь (*bucerus* — «рогатый»), оригинального немецкого имени *Kuhhorn* (коровий рог), однако никаких убедительных подтверждений не приводилось. На русском языке эта версия появилась в словаре Брокгауза и Ефрона, потом периодически повторялась в советских энциклопедиях и справочниках, а теперь встречается на интернетовских сайтах, посвященных гуманистам и реформаторам (которые в основном воспроизводят статьи из Брокгауза и Ефрона). Это заблуждение во вступительной статье к первому тому полного собрания сочинений Буцера опроверг его составитель и редактор, крупнейший «буцеровед» XX в. Р. Штупперих, который отметил также, что «*Butz*» является сокращением собственного (родового?) имени *Burkhard*⁹. В своих латинских сочинениях Буцер по определению использовал, конечно, латинизированный вариант (*Bucerus*), но это было именно латинизацией, а вовсе не переводом какой-то качественно иной фамилии.

Другой пример касается руководителя нюрнбергской реформации Андреаса Осиандера (*Osiander*). По непонятной причине появилось мнение, что его фамилия является грецизацией оригинальной немецкой *Hosemann*, которую очень приблизительно можно перевести как «брючник», притом, что эти два слова не имеют никаких лингвистических, фонетических или смысловых соответствий. Логичнее было бы увидеть здесь связь между латинским *ossa* — «кости», «скелет» и немецким *hose* — «брюки», «штаны» (надеваемые на ногу, «кость»?). Кстати, не исключено, что подобную связь усматривали редакторы статей, где упоминается Осиандер (в т.ч. моих) в первом томе энциклопедии «Культура Возрождения», поскольку упорно исправляли написание на Оссиандер, хотя у него самого такое удвоение нигде не встречается (во втором томе эта ошибка устранена). Однако это предположение не только было бы произвольной натяжкой и в целом абсурдно, но оно не-

⁹ Martini Bucer opera omnia. Ser. 1. Deutsche Schriften. Bd. 1. Gütersloh-Paris, 1960. Erläuterungen zur Edition. S. 14—15.

верно по существу — установлено, что «Осиандер» является родовым именем, а не псевдонимом¹⁰. Тем не менее, утверждения о нем как эллинизированном псевдониме обнаруживаются даже в авторитетных изданиях, например, *Encyclopaedia Britannica*, а уж в Интернете насчитываются десятками.

Как видим, формы и проявления ренессансной псевдонимии были очень разнообразными. В чем же состоит ее феномен? С одной стороны, она вписана в многовековой исторический контекст, с другой, — именно в то время псевдонимия перестает быть спорадическим и случайным явлением, но получает широкое распространение в научных и литературных кругах, подтверждением чему служит тот факт, что с середины XVII в. начинают издаваться первые словари псевдонимов (И. Сауэрс, Ф. Гейслера, В. Плакция, А. Байе и др.)¹¹. Стоит отметить, что причины принятия ренессансных псевдонимов несколько отличаются от того, что мы видим в последующие столетия. Довольно редко обнаруживается стремление к конспирации, присущее литераторам, а особенно профессиональным революционерам нового и новейшего времени. Конспирирование чаще выступает в форме анонимности опубликованных произведений, иногда — в виде использования анаграмм. Например, Франсуа Рабле издал первые две книги о Гаргантюа и Пантагрюэле под псевдонимом «Алькофрибас Назье» (*François Rabelais — Alcofribas Nasier*)¹², но впоследствии от него отказался. Заметим, что представители радикальных направлений Реформации (С. Франк, Г. Денк, К. Швенкфельд, Т. Мюнцер и многие другие), которые действительно подвергались жестоким преследованиям, обычно никакими псевдонимами не пользовались — адепты «истинной веры» не собирались прятать свое имя перед лицом ее гонителей. Как правило, не ставилась и цель скрыть социальное происхождение, характерная позднее, например, для аристократов, занявшихся «низким» сочинительством или актерством, тем более что большинство гуманистов и реформаторов не могли похвастаться знатностью. Приведенная выше ситуация с псевдонимом *Agricola* доказывает обратное — плебейство выпячивалось, в т.ч., для того, чтобы показать, что талант и образованность важнее родословной, а это свидетельствовало о формировании новых мировоззренческих установок. Противоположные попытки присвоить себе знатность (в случае со Скалигером), следует, очевидно, считать исключением.

¹⁰ Lenkner G. Name und Herkunft Andreas Osianders // *Württembergisch Franken*. 1962. № 46. S. 55—62.

¹¹ Дмитриев В.Г. Скрывшие свое имя... С. 4—5.

¹² Там же. С. 193.

Национальная принадлежность тоже не скрывалась, а скорее подчеркивалась. Доменико Теотокопули всегда подписывал свои произведения подлинной фамилией, но всемирную славу все-таки приобрел под «этническим» прозвищем «Эль-Греко», против которого, видимо, не возражал. Цюрихский реформатор Лео Юд или Юде (Jud, Judä), близкий соратник У. Цвингли, судя по фамилии, происходил из крещеных евреев, однако уже его отец Иоганн носил ее в качестве родового имени. Швейцарский художник Никлаус Мануэль прославился с прозвищем «немец» (Deutsch), французский математик Этьенн де ла Рош был известен как «галл» (Gallus). Уместно вспомнить также их современников в Московии: Максима и Феофана Грека, «старого» и «нового» Алевинов Фрязинов (итальянцев).

Одним из немногих совпадений причин принятия ренессансных псевдонимов и их собратьев в последующие столетия является, пожалуй, желание «облагородить» неблагозвучное имя. Сподвижник У. Цвингли в Цюрихе, видный гебраист Конрад Кюршнер (Kürschner — букв. «скорняк») заменил банальный немецкий оригинал звучным латинским аналогом «Пеликан» (Pellicanus). Великий немецкий гуманист Конрад Пикель (Pickel или Bickel — букв. «крестьянская мотыга») совершил еще более лукавую подмену, приняв латинский псевдоним Celtis («резец для гравирования»). Однако определяющей причиной псевдонимирования у гуманистов и реформаторов, повторю, была мировоззренческая и корпоративная идентификация, декларирование своей принадлежности к ренессансному (в широком смысле слова) интеллектуальному сообществу. Именно в эту эпоху псевдонимия по-настоящему прочно входит в европейскую научную и литературную традицию. Так что в этом отношении, как и во многих других, Возрождение можно смело считать одним из переломных периодов европейской истории и культуры.

Специфика диалогов в публицистике ранней Реформации в Германии

Первые годы Реформации привели в Германии к расцвету полемической литературы, поистине небывалому не только в этой стране, но и во всей Европе. Таких масштабов и бурных темпов развития публицистики, такого разнообразия её форм не знали в Средние века ни в периоды столкновений империи с папством, ни во времена самых острых военных конфликтов. Погрузившись в дебаты по вопросам религии, церкви и связанным с ними насущным проблемам жизни страны, авторы публицистических работ в поисках поддержки обратились с пропагандистскими и агитационными целями ко всем слоям общества. Лютер, который не отказывался от латыни, основную массу своих реформационных работ стал писать на немецком языке, заявляя, что дело религии касается всех христиан и его следует обсуждать открыто. Вслед за ним к немецкому языку обратился гуманист Ульрих фон Гуттен, крупнейший политический публицист того времени. Он особенно энергично подчёркивал национальный аспект Реформации, видя в ней путь борьбы за «свободу отечества» от папского Рима и его ставленников в Германии: «Я жалуюсь и обвиняю, Я правду говорить желаю И обнаружить тот недуг, Под коим страждем мы от мук, И вся немецкая страна Жестоко отягощена... О пользе всех нам думать ныне! Писал я прежде по-латыни — Не всем ясна латынь моя. Теперь же по-немецки я Немецкой нации кричу: Пора отмстить! Пора — к мечу!»¹.

Другие поборники Реформации следовали этим примерам, но и защитники старой церкви, поначалу демонстративно выступавшие в печати на латыни, вскоре также были вынуждены использовать в публицистике немецкую речь. При этом в начальный период Реформации они попросту не поспевали за развитием идей Лютера: они обрушивались с критикой на какое-либо из его сочинений, а он за это время создавал несколько новых. То была самая плодоносная пора в его творчестве. Реформационная литература пользовалась тогда настолько

¹ Гуттен, Ульрих фон. Диалоги. Публицистика. Письма. М., 1959. (Далее — Гуттен. Диалоги...) С. 385, 389. (Пер. Е.И. Маркович).

большим спросом и приносила такой доход издателям, что ею оказались загружены 90% всех немецких печатных станков². Даже многие из тех печатников, которые оставались на стороне оппонентов Лютера, не могли удержаться от возможности хорошо заработать и публиковали его сочинения.

В подобной обстановке не было случайностью, что в 1518—1523 гг. чрезвычайно резко, до более чем 3000 наименований, возросло число печатных изданий, тип которых по-немецки называется «флугшрифт» (*“Flugschrift”*)³. Он стал излюбленным в публицистике реформационной эпохи. Это был один из двух родственных видов изданий, названия которых в немецком языке чётко различаются, а на русском часто именуются одинаково — «летучими листками», хотя каждое из них имеет свою специфику⁴. Собственно «летучим листком» является односторонняя листовка — «флугблатт» (*“Flugblatt”*). Она печаталась с текстом и гравюрной иллюстрацией лишь на одной стороне листа, имевшего формат ин-кварто, как листы большинства книг эпохи. В некоторых случаях листовка достигала размера плаката: так были напечатаны, например, в формате ин-фолио и в два столбца «95 тезисов» Лютера, вывешенных для диспута на дверях церкви виттенбергского замка. Для сочинений в форме диалогов, которым посвящена моя статья, листовка была слишком мала, они печатались в виде «флугшрифтов», всегда многостраничных — это одна из их особенностей.

Само это слово стали использовать в немецком языке лишь к концу XVIII в., в XVI столетии такое издание называли *“büchlein”* — «книжечка». По-русски «флугшрифт» называют то на французский лад «брошюрой», то на английский «памфлетом» (оба слова укоренились в этих языках тоже только в XVIII веке). В первом случае учитывают, прежде всего, небольшой объём таких изданий, во втором — частые особенности их содержания со времён XVIII в. Я буду пользоваться термином «брошюра», хотя необходимо сразу оговорить, что принципиальная чисто техническая особенность флугшрифта — как раз отсутствие брошюровки. При его изготовлении исходный большой типографский лист перегибали посередине (получались два листа ин-фолио), затем оба пере-

² Die Wahrheit muss ans Licht! Dialoge aus der Zeit der Reformation / Hrsg. von R. Bentzinger. Leipzig, 1982. (Данное издание — одно из важнейших при изучении «реформационных диалогов». Далее — Die Wahrheit...). S. 14.

³ Schwitalla J. Flugschrift. Tübingen, 1999. S. 10.

⁴ О специфике брошюр и листовок см.: Honemann V. Frühe Flugblätter. Zum deutschen Einblattdruck des 15. und frühen 16. Jahrhunderts // Humanismus und früher Buchdruck. Nürnberg, 1996. S. 15—42; Schwitalla J. Flugschrift. Tübingen, 1999; Giesecke M. Der Buchdruck in der frühen Neuzeit. Frankfurt a.M., 2002; Faulstich W. Medien zwischen Herrschaft und Revolte. Die Medienkultur der frühen Neuzeit (1400—1700). Göttingen, 2002.

гибали пополам ещё раз до формата ин-кварто и сверху обрезали, получая в результате минимальный размер нужного издания — 4 листа, то есть 8 страниц для печатного текста. Известный нам максимум объёма брошюры в пору Реформации — 60 страниц (позже, во второй половине XVI в., нередко бывало и больше). Подобный флугшриффт складывали из нескольких малых блоков, но не сшивали их, как книгу, и тем более не переплетали, а располагали листы без скрепы подобно тому, как в наше время это делают в многостраничной газете. Иногда целое даже соединяли, чтобы оно не рассыпалось, одной ниткой.

Такое издание малого объёма, вроде тонкой книжицы или тетрадки, можно было изготовить быстро, и это давало возможность отклика на самые злободневные вопросы времени (недаром флугшриффт считается предшественником газеты). Стоил он гораздо дешевле книги, соответственно ещё меньше была цена листовок. Немецкие исследования показали, что в пору ранней Реформации минимальный по объёму, но широко распространённый флугшриффт в 4 листа стоил не дороже обеда рядового ремесленника, а в 16 листов — столько, сколько килограмм говядины на рынке или треть дневного заработка подмастерья. Частый малый объём брошюр (он отмечен у более чем половины всех изданий) во многом объясняется уровнем грамотности в то время: ею обладали лишь около 5% городского населения и менее 1% всего населения страны⁵ (оно составляло тогда около 12 миллионов человек), но даже часть грамотных стремилась читать прежде всего небольшие тексты и ценила помогавшие в этом «картинки».

Флугблатт и флугшриффт как печатные средства массовой коммуникации, информации и пропаганды имеют каждый свою историю. Летучие листки стали широко использовать ещё в XV в., в частности, для печатания индульгенций. В 1492 г. листок с сенсационным текстом гуманиста Себастьяна Бранта о падении метеорита впервые был сопровождён специальной иллюстрацией — гравюрой на дереве. После этого немецкие летучие листки разного назначения стали систематически иллюстрировать, а текст любили писать чаще всего в стихах. Тексты флугшриффтов, напротив, писали в прозе, заглавие на титульном листе, нередко длинное, во вкусе эпохи, иногда сочетали с иллюстрацией, но обычно обрамляли полосами гравюрных бордюров с самыми разными изображениями, вовсе не обязательно связанными с текстом. Неоднократно используя одни и те же элементы украшения для титульных листов различных сочинений, печатники таким образом стремились экономить. Бордюры зафиксированы в трёх четвертях всех сохранившихся брошюр.

⁵ Schwitalla J. Flugschrift. S. 27.

Одновременно с бурным распространением флугшрифтов в пору ранней Реформации выросли и тиражи всех других видов публикаций, включая книги: если к концу XV в. средний тираж книг (без переизданий) составлял около 300—400 экземпляров, то теперь он поднялся до одной — полутора тысяч, а брошюры, выходившие на немецком языке, нередко публиковались ещё большим числом экземпляров. Одно из важнейших произведений Мартина Лютера, «К христианскому дворянству немецкой нации об улучшении состояния христианства», появилось в 1520 г. в 4 тысячах экземпляров, разошлось за 5 дней и в том же году было переиздано разными печатнями 14 раз⁶. Всего с конца 1517 по конец 1519 г. насчитывают более 300 изданий различных работ Лютера; к 1525 г. 288 его сочинений в общей сложности были изданы уже 1738 раз, в среднем каждая работа — более шести раз⁷. К моей основной теме, однако, сочинения Лютера могут привлекаться лишь для каких-либо сравнений, поскольку, обращаясь в своём творчестве к разным жанрам, этот самый плодовитый из немецких авторов XVI столетия ни разу не использовал форму диалога, что, кстати, в немалой мере характеризует его натуру. Бесконечно вступая в разнообразные идейные дискуссии и открытые конфликты, он стремился прежде всего энергично, твёрдо, уверенно утверждать как истину собственную позицию, а не подвергать её ненужным испытаниям со стороны оппонентов, цитируя или пересказывая их возражения, что было бы неизбежно в диалоге.

Одной из важных перемен в исследуемый период стало значительное изменение в соотношении числа изданий, выходивших на латыни и на немецком языке. Это сказалось даже по отношению к чисто книжной продукции. В 1500 г. соотношение книг на латыни и на немецком языке составляло 20:1 в пользу латыни, в 1524 г. уже только 3:1⁸. Издания с актуальной религиозной и церковно-политической проблематикой и здесь оттеснили на периферию все иные виды печатных работ, включая учебные книги, публикации гуманистами античных авторов, популярные в прежний период сборники житий святых и прочее. В 1522 г. на книжном рынке Германии впервые появился всего лишь один небольшой любовный рыцарский роман, хотя раньше в книгопечатании уделялось немало внимания литературе этого жанра. Выросла роль не только слова, но и иллюстраций к нему. Для малообразованных людей и для неграмотных, которым грамотные читали или пересказывали печатную информацию, зрительные образы иллюстраций играли

⁶ *Engelsing R. Analphabetentum und Lectüre. Stuttgart, 1973. S. 28.*

⁷ *Schilling J. Hutten und Luther // Ulrich von Hutten in seine Zeit. Kassel, 1988. S. 110.*

⁸ *Ibid. S. 26.* Равное соотношение будет достигнуто только в конце XVII века.

особенно важную роль: их наглядность способствовала не только конкретизации представлений о персонажах, месте действия и его ключевых моментах, но и пониманию и запоминанию главной сути текста. Изменившаяся специфика изданий привела в обстановке Реформации к ещё одному новому результату: расширению их географической и социальной распространённости⁹.

На лавинообразное развитие публицистики повлияли тогда не только реформационные идеи Лютера и начавшийся конфессиональный раскол общества, но и целый ряд других важных факторов, сложнейшее переплетение старого и нового, которое обусловило саму возможность такого раскола. В конце XV—первые десятилетия XVI в. в Германии на застойном укладе жизни общества стала всё сильнее сказываться ломка привычного, обострение кризисных явлений под воздействием новых хозяйственных, социальных, культурных процессов, что вызывало недовольство и брожение в различных слоях населения. Засилие идеологии католицизма стало сочетаться с нарастанием мечтаний о церковных реформах «во главе и в членах», с достижениями зрелой поры гуманизма, обогатившего культуру не только крупнейшим возрождением античного наследия, но и собственным творчеством, идеями совершенствования человека и общества просветительскими путями. Не случайно критика церкви и евангелизм постепенно уточнявшейся позитивной реформационной программы Лютера поначалу были восприняты многими современниками лишь как расширение и дополнение чаяний гуманизма, породив надежды на возможность реального «улучшения христианского состояния». Особо надо отметить большую роль в становлении и развитии Реформации книгопечатания, ставшего технологической опорой информационной революции. Разумеется, этот перемены импульсов, породивших Реформацию и связанную с ней «войну идей», далеко не полон, но, как представляется, минимально достаточен для постановки основных проблем данной статьи. Они связаны с задачами изучения своеобразия диалогов как одного из главных жанров полемической литературы раннего периода Реформации, с осмыслением эволюции их содержания и формальных особенностей.

Диалоги, вышедшие в свет в 1518—1523 гг., — это большой комплекс источников, более ста сочинений, изданных, как правило, в виде брошюр на немецком языке. В них отразились процессы становления новой конфессии, новые оценки ряда важных сторон жизни общества и одновременно — формирование характерных черт межконфессиональной полемики, которая позже будет длиться веками. Другие два комплекса, гораздо меньшие по количеству сочинений, — группа диалогов

⁹ Schwitalla J. Flugschrift. S. 1, 55.

поры Крестьянской войны и группа следующей четверти века, до середины XVI столетия. В немецкой науке диалоги всех трёх групп принято именовать одинаково, причём не по литературно-эстетическим критериям, а по времени главного исторического феномена, определившего их возникновение — их называют «реформационными», даже если авторами были католики. Изучением комплекса 1518—1523 гг., в отличие от двух последующих, занимались преимущественно историки литературы, стремившиеся разобраться в специфике скачкообразной смены литературной доминанты в Германии от неолатинской поэзии и прозы гуманистов к расцвету диалогов в немецкой прозе периода ранней Реформации. Это определило доминирующий в исследованиях интерес к ряду наиболее художественно ценных образцов жанра, к успехам в развитии немецкого языка, но соответственно привело к несколько выборочному характеру освоения интересующего меня комплекса. Подобный подход в известной мере даже понятен: при чтении диалогов одного за другим нередко возникает ощущение длиннот, монотонности, повторов на разные лады сходных аргументов, бесконечных педантичных ссылок на Священное Писание или на тех, кто был в этой связи авторитетен для автора. Всё это хорошо отразило вкусы времени, но в наши дни такое чтение довольно утомительно, а созданные почти тогда же гуманистические диалоги в сравнении с этими произведениями представляются значительно более живыми и разнообразными. И всё же у «реформационных диалогов» есть свои достоинства — прежде всего мощная, хотя и грубоватая, струя представлений, запечатлевших взгляды, характерную речь, живые детали быта «простого человека», да и ряда персонажей из других социальных групп общества. К тому же в нашей стране, за исключением «реформационных диалогов», изучавшихся в контексте творчества Ульриха фон Гуттена, в их исследовании сделаны лишь первые шаги. В переводе на русский язык есть только некоторые диалоги Гуттена начальной реформационной поры и псевдогуттеновский диалог «Новый Карстганс»¹⁰, отсюда необходимость в

¹⁰ Гуттен. Диалоги... Это издание переводов сочинений Гуттена, сделанных с латыни С.П. Маркишем, с немецкого языка — Е.И. Маркович, с вводной статьёй М.М. Смирин, вышло в серии «Научно-атеистическая библиотека» и не включило, к сожалению, ни одного из чисто гуманистических диалогов Гуттена дореформационного периода, без чего трудно понять радикальные перемены, произошедшие в его творчестве. Все диалоги Гуттена охарактеризованы в его знаменитой фундаментальной биографии, ставшей классикой жанра, написанной Давидом Штраусом в 1858 г. и позже переведённой на русский язык с её второго издания. (См.: Штраус Д. Ульрих фон Гуттен. СПб., 1896). Краткие сведения о ряде диалогов Гуттена даны в книге, также переведённой с немецкого языка и до сих пор остающейся единственной в России сводной работой по гуманизму в Германии: Гейгер Л. История немецкого гуманизма. СПб., 1899. Интересующая

дальнейшем хотя бы кратко знакомить читателя с содержанием анализируемых работ.

Сам жанр диалога с участием двух или нескольких персонажей был замечательно приспособлен к отражению бытовавшего в обществе идейного многоголосия, спектра разнообразных взглядов и позиций. Новым словом в развитии жанра в Германии стало активное использование уже накопленного немецкими гуманистами литературного опыта, опиравшегося на освоение античных образцов, диалогов Платона, Цицерона, Лукиана, а также примеров латинских диалогов итальянских гуманистов и Эразма Роттердамского. Важным было и другое новшество: широкое включение в диалогах в число персонажей самых различных типов «простого человека» — свидетельство обращения не только к античным традициям комедий Теренция и Плавта, но и к народной стихии позднесредневекового масленичного карнавала, немецким и швейцарским «фастнахтшпилям». Персонажами «реформационных диалогов» стали апостол Пётр и Люцифер, Лютер, Эразм и Цвингли, священники и монахи, а наряду с ними — целая толпа людей разных профессий и социальных статусов: ремесленники и их подмастерья, менялы, слуги, кухарки и трактирщики, прохожие с улицы или городской площади, крестьяне и некие никому не известные «Кунц и Фриц». Представители этой толпы рассуждали в диалогах не о том, что было связано с их прямыми занятиями и потому могло бы восприниматься как определённые знания. Тем более, они не представляли знатоками в сфере схоластики или гуманистических наук. Они впервые с момента рождения книгопечатания как нового средства коммуникации получили от авторов диалогов функции выражения собственных мнений о проблемах, волновавших всё общество, рупоров своих личных представлений или взглядов, воспринятых ими со стороны, но ставших именно своими, пусть даже в наивном, бессистемном, противоречивом виде. При та-

меня проблема российскими учёными практически не затрагивалась до книги Б.И. Пуришева (Очерки немецкой литературы XV—XVII вв., М., 1955), основной материал которой вошёл позже в написанные им разделы в «Истории немецкой литературы» (М., 1962. Т. 1) и в «Истории всемирной литературы» (М., 1985. Т. 3). Помимо краткого общего рассмотрения сочинений Гуттена, Б.И. Пуришев упоминает анонимные диалоги «Обструганный Экк» и «Карстганс» и один из диалогов Г. Сакса. См. также: Володарский В.М. Социально-политические взгляды Ульриха фон Гуттена // Средние века. М., 1964. Вып. 26. С. 54—79; Он же. Тиран в подземном царстве. Миф в диалоге Ульриха фон Гуттена // Миф в культуре Возрождения. М., 2003. С. 190—197; Он же. Ренессансный театр в Германии и театрализация в гуманистическом диалоге // Театр и театральность в культуре Возрождения. М., 2005. С. 134—143; Он же. Образ Арминия в сочинениях немецких гуманистов XVI в. // Историческая память в культуре эпохи Возрождения. М., 2012. С. 141—153.

ком подходе они одновременно становились и типичной частью «голосов толпы», как это и входило в замыслы их литературных создателей. С другой стороны, понятно, что уже один только расчёт авторов диалогов на массовую аудиторию, которой могли быть интересны суждения подобных схожих с ней персонажей, неизбежно должен был сказаться на специфике диалогов, и они действительно обрели по сравнению с предшествующей немецкоязычной литературой черты большей ясности и простоты композиции, большей образности стиля, заметного сдвига в развитии возможностей национальной письменной речи.

В Германии сложилась тогда на короткое время уникальная ситуация: и поборники Реформации, и её противники, стремясь привлечь общественное мнение на свою сторону, были вынуждены апеллировать ко всей массе христианского населения. Чёткие различия двух конфессиональных систем и церковных организаций в ту пору полностью ещё не сложились, при всей остроте полемики пока были живы надежды на возможность каких-то компромиссов, и для «рядовых» христиан возникла недолгая возможность сравнительно свободно выбирать, какая трактовка веры им предпочтительна. Жёстко проводимый принцип «чья власть, того и вера» станет возможен только в будущем, после многих событий — поражения рыцарского мятежа и Крестьянской войны, войн князей-католиков во главе с императором Карлом V с союзом протестантов, закрепления конфессиональных содружеств «трон и алтарей» в середине столетия. Лишь тогда власти смогут определять веру в своих владениях именно «сверху», широко опираясь на «законные» репрессивные меры и целенаправленную пропаганду в среде подданных. Между тем первые симптомы этих будущих порядков проявились уже в раннюю пору Реформации, особенно после антилютеровской папской буллы и осуждения и запрета реформационных идей на Вормском рейхстаге 1521 г. Уже тогда только треть изданий флугшрифтов была опубликована с обычным указанием имени автора и типографии; большинство брошюр с диалогами из-за цензурных условий и опасения возможных преследований выходило в свет анонимно или с фиктивными сведениями об их создателях и типографах. Исследователям, однако, удалось выяснить, что они были написаны главным образом гуманистами и представителями духовенства, образованной элитой, которая при этом часто выступала якобы от лица людей из простонародья. Например, 12 авторов диалогов называли себя крестьянами, но в ходе изучения их работ стало ясно, что ни один из них крестьянином не был. В то же время оказалось, что хотя такой «маскарад» в анонимных работах доминирует, в числе авторов всё-таки действительно были сапожник, пекарь, скорняк, ткачи, овощевод, дубильщик, ландскнехт, литейщик колоколов, художники, музыкант, не-

сколько женщин — дамы-дворянки, монахини, ушедшие из монастыря, 20-летняя жена сборщика налогов, выступившая за отмену celibата как явления, противоречащего Библии. Никогда раньше такие люди не принимали участия в публичных письменных дискуссиях о сути Писания и учения церкви. Изучение и осмысление их позиций — одна из увлекательных задач исследователей «реформационных диалогов». В данной статье главный акцент сделан на освещении двух вопросов: той роли, которую сыграло в становлении специфики этих диалогов творчество немецких гуманистов, и тех проблем (естественно, на примере лишь их части), которые волновали авторов брошюр и их читателей в ранний период Реформации.

* * *

Одной из главных заслуг Ульриха фон Гуттена в немецкой культуре считается его крупный вклад в создание коллективной сатиры гуманистов «Письма тёмных людей», пародии, беспощадно высмеявшей невежество и моральное убожество противников гуманизма — монахов и теологов. Во второй части «Писем», вышедшей в 1517 г., Гуттен был основным автором. 3 апреля 1518 г. он сообщил в письме своему другу Г. Нейенару о борьбе «двух партий» в Виттенберге. Речь шла о спорах в кругах монашества и клира в связи с первыми выступлениями Лютера против индульгенций. Гуттен радовался, что враги наук раздорами сами губят себя. «Пожирайте и истребляйте друг друга», «сгиньте и пропадите» — таков его комментарий к пока недооценённому им началу Реформации¹¹. Лишь лейпцигский диспут Лютера с Экком летом 1519 г., на котором Лютер отверг непогрешимость соборов, а вскоре открыто повёл полемику против католического правоверия, побудил Гуттена изменить прежнюю позицию. Он смог увидеть в реформаторе возможного союзника в его собственной борьбе против Рима. Гуттен под уже упомянутым патриотическим лозунгом «свободы отечества» выступал за политическую и финансовую независимость Германии, усиление центральной власти и единство страны, прекращение междоусобиц и других проявлений своеволия князей и подчинение этих властителей императору. Он связывал разрыв с Римом и политические перемены с надеждой на расцвет гуманистической культуры и с церковными реформами, хотя и не слишком ясно очерченными. Не забывал он, однако, и интересов своего сословия — рыцарства, что вносило в его планы немало противоречий. Антиримская публицистика Гуттена развивалась параллельно с нараставшей критикой Лютером католической церкви и её учения. Между обоими авторами было немало идей-

¹¹ Гуттен. Диалоги... С. 289.

ных переключек, хотя сам Гуттен подчёркивал, что он не «лютеранин» в строгом смысле слова, а занимает в противостоянии Риму самостоятельную позицию.

Уже вскоре после лейпцигского диспута, 3 августа 1519 г., Гуттен написал друзьям — гуманистам Э. Гессу и П. Эбербаху, что работает над диалогом «Римская троица» — «самым страстным и самым свободным из всего, что издавалось против римских златопийц»¹². Когда этот диалог — «Вадиск или римская троица» — в апреле 1520 г. вышел в свет вместе с четырьмя другими («Фортуна», «Лихорадка. Диалог первый», «Лихорадка. Диалог второй» и «Наблюдатели»), именно он произвёл сенсацию особой резкостью неприятия папства и порядков, царящих в Риме, а также остроумным приёмом группировки этих обличений в целую серию триад (три вещи определяют значение Рима: авторитет папы, мощи святых и торговля индульгенциями; о трёх вещах в Риме не хотят слышать: о вселенском соборе, переменах в положении духовенства и о том, что глаза у германцев стали открываться, и т.п.) Ссылаясь на недавние свидетельства некоего знатока римских нравов Вадиска, Гуттен-персонаж диалога подробно обсуждает со своим другом, юристом Эрнгольдом, финансовую практику папства, способы, которыми оно эксплуатирует Германию, нравственные пороки духовенства. Речь идёт о том, «что ворует папа» (деньги от продажи епископских кафедр, доходы от индульгенций, сборы на несуществующую войну против турок и т.д.) и «чем промышляют остальные» (разнообразные поборы, вымогательства и махинации клира на всех ступенях его иерархии)¹³. Всё более распаляясь и негодуя, нападая на подложность Константинова дара и лживость папского учения об индульгенциях, на продажность римского правосудия и другие «мерзости» церкви, собеседники в числе других предлагаемых реформ приходят к идее необходимости лишить церковников богатств как основного корня их ненасытной алчности, во сто раз сократить само число духовных лиц, а главное — пробудить правдой своих протестов единодушие всех германцев и их готовность отомстить оружием римской «клоаке гнусности», наказать «грабителей отечества» за нанесённый Германии позор и ущерб¹⁴. Триада папа — курия — клир предстаёт в диалоге, таким образом, как некая нечестивая троица, противопоставленная всему, что является предметом истинного благочестия.

В марте 1521 г. четыре упомянутых выше диалога, за исключением «Фортуны» (более раннего, чем они, ещё типично-гуманистическо-

¹² Ulrichi Hutteni equitis Germani Opera quae reperiri potuerunt omnia / Ed. E. Böcking. Lipsiae, 1859. Vol. 1. P. 302. (Далее — Hutteni Opera).

¹³ Гуттен. Диалоги... С. 85, 91, 93, 125 и др.

¹⁴ Там же. С. 90, 112, 124—125.

го создания Гуттена), вышли в свет в подготовленном им переводе на немецкий язык (участие в этом принимал и сторонник Лютера, теолог Мартин Буцер). Издание называлось “Gesprächbüchlein” — «Книжечка диалогов». На её титульном листе были изображены наверху, среди облаков и между двумя гербами рода Гуттена, Бог-Отец и царь Давид с арфой, призывающий судию земли словами псалма воздать возмездие гордым; по сторонам названия книжечки и перечня диалогов были представлены фигуры Лютера в монашеском облачении, с книгой Писания в руках, и Гуттена в рыцарских доспехах, с мечом, на который он, как перед битвой, уже положил руку; внизу группа рыцарей с длинными копьями устремлялась в атаку на толпу клира и монахов, включавшую перепуганного папу в тиаре, кардинала в круглой шляпе и епископа в его головном уборе. Эти четыре гравюры на дереве обычно приписывают одному из видных немецких художников Гансу Бальдунгу Грину¹⁵. Перевод расширил и закрепил славу «Вадиска» у современников как самого знаменитого диалога Гуттена этой поры, а в исследовательской литературе, по справедливой констатации Барбары Кённекер, уже давно общим местом является указание на важность его роли для развития «реформационных диалогов»: его считают первым выдающимся образцом диалога в прозе на немецком языке¹⁶. Не затихает и давняя, едва ли не полуторавековая дискуссия о том, в какой мере идеи «Вадиска» и использование триад могли повлиять на появившуюся несколько позже одну из важнейших работ Лютера «К христианскому дворянству немецкой нации об улучшении состояния христианства». Лютер, в частности, пишет в ней о необходимости разрушить три стены лжи, воздвигнутых «романистами» для защиты их «безобразий и злодейств», упоминает три розги, которые они похитили у своих критиков и т.д.¹⁷. Правда, Лютер, к которому ещё в июне 1520 г. Гуттен обратился с письмом, призывая его к совместной борьбе против Рима,

¹⁵ Oldenburg M.C. Die Buchholzschnitte des Hans Baldung Grien. Ein bibliographisches Verzeichnis ihrer Verwendungen. Baden-Baden/Strasburg, 1962. S. 122, № L181.

¹⁶ K  nneker B. Vom „Poeta laureatus“ zum Propagandisten. Die Entwicklung Huttens als Schriftsteller in seinen Dialogen von 1518 bis 1521 // L’Humanisme Allemand (1480—1540). M  nchen-Paris, 1979. P. 304. Гуттен, однако, признавал, что ему самому больше нравится и кажется более художественным его текст на латыни. (См. Huttener Opera. Vol. 1. P. 247).

¹⁷ В своём более раннем фундаментальном исследовании Б. К  ннекер, знающая, какие бури вызывала эта проблема «первородства» в среде протестантов, осторожно пишет, что при обращении обоих авторов к целому ряду сходных вопросов нельзя исключить возможного влияния Гуттена на гораздо более объёмное и программное, но более позднее произведение Лютера. См.: K  nneker B. Die deutsche Literatur der Reformationszeit. Kommentar zu einer Epoche. M  nchen, 1975. S. 94. (Далее — K  nneker. Kommentar.).

к поре публикации «Книжечки» уже решительно отверг призыв рыцаря к использованию силы¹⁸, но в кругах противников папства имена обоих по-прежнему ставили рядом, видя в них союзников по общему делу. Б. Кёнкекер в многолетнем цикле своих работ, посвящённых Гуттену, неоднократно возвращается к мысли о борьбе в его творчестве двух начал — тяги к художественности, к «мимической сатире», так ярко проявившейся в «Письмах тёмных людей», и в то же время ориентации на прямую пропаганду его плана «войны против попов», что требовало функционально иной литературной техники, обращения к риторике, к прямолинейному воздействию на умы, к элементам демагогии. Именно Гуттен, по мнению исследовательницы, создал прототип диалога, предназначенного для мобилизации общественного мнения и манипулирования им, что вообще характерно для политической публицистики. В созданной Гуттенем серии «Новые диалоги», изданной после «Книжечки», но также в начале 1521 г., слово, по мнению Кёнкекера, особенно в диалоге «Разбойники», используется уже для внелитературных целей, как оружие для реализации конкретных политических планов, и автор с помощью целого арсенала цитат из Библии выступает как агитатор¹⁹.

Если Гуттен на рубеже перехода от гуманистического диалога к реформационным сумел с такой яркостью выявить национальное значение Реформации, что ни один из авторов в её первый период не смог его в этом превзойти, то изданный в 1520 г. диалог «Обструганный Экк» (возможно, коллективное творение гуманистов, как и «Письма тёмных людей») стал образцом для активного включения в немецкие диалоги сценических, зрелищных элементов, для театрализации образов и действия. От него ведёт начало смешанная форма полемической литературы, сочетающая диалогические и драматические особенности. Диалог стал прямым откликом на лейпцигскую полемику ингольштадтского теолога Иоганна Экка с Лютером и продолжавшиеся энергичные нападки Экка на новое учение и лично Лютера. Сочинение появилось с указанием фиктивного места издания, под псевдонимом Котта Лембергиус, на латинском языке. Оно принадлежит к ряду латиноязычных реформационных диалогов, создателями которых были видные гуманисты, в данном случае — видимо, их группа, в которой

¹⁸ В письме к Спалатину от 16 января 1521 г. Лютер в связи с намерениями Гуттена прямо утверждал, что не хочет бороться насилем и кровопролитием за Евангелие: словом была утверждена церковь, словом она и должна быть восстановлена. Точно так же в упомянутом обращении к дворянству он писал: «Чем больше насилия, тем больше горя, если не действовать со страхом Божиим и смирением». См.: *Лютер М. Избранные произведения*. СПб., 1994. С. 57.

¹⁹ *Könneker. Kommentar*. S. 94—95, 97.

ведущая роль принадлежала нюрнбергскому патрицию Вилибальду Пиркгеймеру. Энциклопедически образованный гуманист, блестящий знаток греческого языка и классической латыни, близкий друг Альбрехта Дюрера и советник императора Максимилиана, он отличался широким кругом интересов — выступал как юрист, историк, переводчик античных авторов, собиратель древней эпиграфики, известен и другими гранями своего вклада в культуру. Поскольку в его наследии был обнаружен набросок продолжения диалога об Экке, Пиркгеймера нередко считают единоличным создателем этого произведения.

Диалог начинается со сцены страданий Экка, заболевшего от чрезмерного увлечения вином и дарами Венеры²⁰. Друзья уговаривают его вызвать врача из Лейпцига, поскольку в других местах все враждебно к нему из-за нападок на Лютера. Помогает в этом деле ведьма Кандия, которая не раз служила Экку сводней в его отношениях с женщинами. Имя Кандии заимствовано из поэзии Горация — в его эпохах это безжалостная колдунья, убивающая мальчика, чтобы из его высушенной печени и мозга, смешанных с яйцами, окропленными кровью жабы, с ядовитыми травами и прочим сделать приворотное зелье, одну из «колхидских отрав»²¹. Теологический факультет Лейпцигского университета посылает к Экку в Ингольштадт хирурга, которого козёл ведьмы полётом доставляет к больному. Его ещё можно спасти с помощью операции. Больного побуждают перед ней исповедаться и причаститься, но он затевает спор, и в конце концов сам себе даёт отпущение грехов. Экка (по-немецки это «угол») обстригают, сглаживают, колотя дубинкой, у него вырывают острый клык, освобождают от софизмов и силлогизмов, рвотным извлекают из него теологические сочинения и степень доктора канонического права, сдирают с него кожу, вырезают и выжигают опухоли и гнойники всяческих пороков, наконец, кастрируют и посыпают раны смолой. Хотя друзья хором хулят врача, Экк чувствует себя лучше.

Многие места текста имеют подтекст, понятный лишь узкому кругу тех, кто был хорошо информирован об Экке, деталях его дискуссий, пародийных переключках происходящего с античным наследием и т.д.

²⁰ В письмах единомышленникам в Ингольштадт Экк сообщал о ходе лейпцигского диспута и своих планах, но упоминал и о качестве местного пива, а также воздал краткую хвалу любвеобилию женщин этого города. Его высказывания каким-то образом стали известны автору диалога, и он не преминул ими воспользоваться для диффамации Экка. См. письмо Экка к Г. Хауеру и Ф. Буркхарту от 1.07.1519 г. в электронном издании его переписки (<http://ivv7srv15.uni-muenster.de/mnkg/pfnuer/Eckbriefe/N087.html>). Издание диалога, использованное в данной статье: Eckius dedolatus / Hrsg. von N. Holzberg. Stuttgart, 1983.

²¹ Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М., 1970. С. 224—226, 239—241.

Грубости, оскорбления и осмеяние по отношению к конкретной личности противника отнюдь не были редкостью в то время, и достаточно напомнить, что вскоре яростный противник Лютера, католик и сатирик Томас Мурнер в своём сочинении «О большом лютеровском дураке» будет описывать процедуры, производимые над Лютером и очищающие его от пороков и глупостей, примерно в том же духе, как поступали с Экком. Да и сам Лютер не брезговал называть в своих сочинениях ряд своих оппонентов, передразнивая их имена или фамилии, кличками «козёл», «баран», «наглец» и тому подобными наименованиями. Собственно религиозные вопросы в диалоге «Обструганный Экк» занимают немного места, разительно отличаясь этим от последующих реформационных диалогов, но хотя те по содержанию, языку, стилистике не схожи с этим сочинением, по приёмам сатиры, персонализации и театрализации оно оказалось достаточно влиятельным.

Самым ранним реформационным диалогом на немецком языке, широко использующим простонародную речь, стал получивший исключительную популярность диалог «Карстганс» — «Ганс-Мотыга». Всего за несколько месяцев он выдержал 10 изданий, первое из которых выпустил в свет И. Прюс Младший в Страсбурге. Технические типографские особенности той эпохи настолько теперь изучены, что во многих случаях удаётся точно определить, о какой неуказанной в самом издании печатне и её владельце может идти речь. С авторами дело обстоит хуже. Могла бы помочь, например, характерная для разных областей Германии и немецкоязычной Швейцарии диалектная специфика, но в центрах публикаций издатели часто правили тексты рукописей в соответствии с местными языковыми нормами, стирая первоначальную речевую окраску. Автор «Карстганса» не был назван, и все попытки исследователей XX века его установить признаются в наши дни спорными, хотя приводились аргументы в пользу нескольких имён. Наиболее вероятной, хотя также не общепризнанной, считается кандидатура гуманистически образованного историка, городского врача и одно время бургомистра швейцарского города Санкт Галлен Иоахима Вадиана, позже — видного деятеля цвинглианской Реформации. Трудности в определении конкретного авторства первых реформационных диалогов, созданных по всем признакам гуманистами, не случайны: ведь в ту пору, поначалу, Лютера поддерживали и могли стать авторами многие из них; расхождение гуманистов по мере развития Реформации по разным конфессиональным лагерям произошло позже. Само словосочетание «Карстганс» не было придумано создателем диалога, в южной Германии и Швейцарии так с насмешкой именовали «деревенщину». Уже упоминавшийся видный сатирик Т. Мурнер, монах-францисканец, доктор теологии и обоих видов права, использовал прозвище Ганс

Карст, чтобы в полемике с Лютером обвинить его в разжигании недовольства римским папой и подвластной ему церковью и предупредить, что в результате крестьянин Ганс Карст может взять свою мотыгу и, начав мятеж, станет всё крушить направо и налево. В ответ на обвинения Лютера и его последователей в подготовке бунта и появился диалог «Карстганс». Он был опубликован во второй половине декабря 1520 г. — начале января 1521 г. в напряжённой обстановке: в Кёльне и Лувене сожгли книги Лютера как еретические, а он в ответ 10 декабря 1520 г. публично устроил костёр из книг церковного права, сочинений противников и экземпляра папской буллы с угрозой отлучения.

Диалог «Карстганс» начинается с краткого введения, в котором перечислены пять персонажей сочинения и читателя предупреждают, что некое духовное лицо, считающее себя высокоучёным человеком, на деле проявит себя весьма неблагоприятно и, скрывая свою волчью суть и малое разумение в Писании, поведёт спор с самим «божественным Мартином Лютером»²². Действие происходит зимой, когда не надо работать в поле, в доме Карстганса, который, как видно из дальнейшего, не вполне «рядовой» крестьянин: он грамотен, хотя слабовато, и потому предпочитает слушать чтение других, достаточно состоятелен, чтобы оплачивать обучение сына-студента, благочестив и твёрд характером, он не раз председательствовал в крестьянском суде и привык для объективного решения выслушивать в споре обе стороны. Его сын, также персонаж диалога, — студент Кёльнского университета, он учится у профессоров-схоластов и инквизиторов и полностью им доверяет. В доме всё время присутствует Меркурий в роли резонёра, который время от времени комментирует происходящее краткими репликами на латыни.

Действие начинается с каких-то непонятных Карстгансу, близящихся к дому завываний — то ли это кошачья песня, то ли змея шипит, то ли человек вопит. Он посылает сына — студента прогнать эту гадость камнями, но тот поражён увиденным — там, за дверью, какой-то страшный зверь, хотя и похожий на кошку, и он становится всё больше и больше! И он весь изгибается — то голову нагнёт, то выпрямится. Меркурий бросает реплику: по воле Юпитера произошло переселение души. Карстганс хочет расправиться с зверем-дьяволом: «Где мой цеп?». Студент: «Нет, нет, отец, это человек!». Карстганс присматривается: «О Господи, да это духовное лицо!». Входит Мурнер²³. Для понимания дальнейшего важно пояснить, что имя этого видного писателя-

²² Die Wahrheit... S. 85; Володарский В.М. Немецкая публицистика и гравюра первых лет Реформации. Образ Карстганса // Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи. М., 1997. С. 124. (Далее — Володарский В.М. Образ Карстганса...)

²³ Die Wahrheit... S. 87.

моралиста, который возненавидел Лютера до фанатизма и стал одним из главных католических публицистов, систематически выступавших против Реформации, на немецком по созвучию можно было истолковать как «кот-Мурлыка», а в кругах сторонников Лютера было искажено на «мурр — нарр», «Мурлыка — дурень». Но продолжим краткое изложение содержания диалога.

Карстганс смущён, что обознался: деревенский люд не привык к тому, что столь важные особы могут, оказывается, бегать по крышам, ведь духовные лица ночью должны быть в монастырях, молиться. Мурнер разгневан: чтоб лихорадка побрала этого мужлана, он всё ещё не видит, с кем имеет дело! Студент уговаривает отца не гневить столь высокую особу — он узнал известного поэта и знатока права, францисканца и доктора Священного Писания. Карстганс удивлён: почему же гость не в рясе? Студент стремится объяснить: это разрешено при странствиях. И наивно добавляет: да ведь монахи как раз в обычной одежде ходят также и в публичные дома. Меркурий: «Ежедневно». Карстганс не верит, что можно по орденским порядкам вести в монастыре духовную жизнь, а за его пределами — весёлую. Разгневанный Мурнер ссылается на каноническое право и цитирует «крестьянскому чурбану» на латыни отрывки из декрета Грациана. В дверь стучат. Студент идёт посмотреть, кто пришёл, и объявляет: «О отец, это доктор Лютер!»²⁴. Мурнер не хочет оставаться в доме, если впустят этого еретика, с которым он не раз полемизировал, и предлагает Карстгансу познакомиться с его, Мурнера, мудростью и мастерством по двум книжечкам — «О папстве» и «Христианское и братское увещание Мартина Лютера». Он исчезает, и в дом входит Лютер. Студент напоминает — он еретик, отлучён от церкви. Карстганс опять хочет схватить свой цеп. Лютер предлагает, однако, выслушать его, ведь нельзя в споре верить лишь одной стороне. Карстганс соглашается, студент недоволен: в Кёльне инквизиторы учили его, что спорить с еретиками нет нужды, ведь они учёностью могут посрамить самих инквизиторов. Да и Мурнер писал, что христианскую веру запрещено «перетряхивать и исследовать». Тем не менее Карстганс предлагает Лютеру высказаться. Он недоволен тем, что папа, которого студент объявляет всесильным, хочет погубить насилем Лютера, человека, который учит святому Евангелию, и всё больше возбуждаясь, обещает защиту Лютеру, опять с горячностью восклицая: «Где мой цеп?». Студент: «Он обезумел!». Меркурий на латыни: «Пусть справедливость станет охраной!» Лютер: «Нет, дорогой друг, по моему мнению, не следует ни сражаться, ни убивать. Если бы Христос захотел, он мог бы послать на помощь двенадцать легионов ангелов... но он учит

²⁴ Ibid. S. 89.

терпеливо переносить за истину страдания и смерть.»²⁵ Это ключевой момент. Лютер уходит, оставив Карстганса растроганным его последними словами, завершается первая часть диалога.

Во второй меняется роль Карстганса — диалог превращается в его дискуссию с сыном и поддерживаемую репликами студента и Меркурия цепочку монологов крестьянина, который уже не столько вопрошает, сколько сам утверждает «истины», с полным знанием дела цитируя Писание. По его просьбе сын читает Карстгансу книжечку Мурнера о папстве, и Карстганс резко отвергает идею высшей власти папы в христианской вере: верховенство принадлежит только Христу, все апостолы были равны, ссылки на унаследованное от святого Петра превосходство римских пап ложно, Мурнер не понимает Писания, у него получается не теология, а «глупология». Не нравятся Карстгансу и нападки Мурнера на Лютера — никакого «братского увещания» в них нет. На предупреждения студента, что мнения Лютера грозят вызвать мятеж против власти и порядка, Карстганс приводит примеры злоупотребления властью, вынуждающего этому противостоять, начиная с давнего изгнания общиной Рима за дурные дела «короля Тарквиния». Но не надо, однако, утверждает Карстганс, и относиться к власти с пренебрежением. Весь пассаж заканчивается, таким образом, миролюбиво, в духе сказанного Лютером. Что касается веры, то она, по словам Карстганса, не зависит от римского папы, ни один из них дать её не в состоянии, это действие Святого Духа в наших душах может дать только Христос, Сын Божий. Слушать «бесполезную болтовню» Мурнера крестьянин больше не хочет: кошка Мурнер или кот Мурлыка, пусть оставит его, Карстганса, в покое, а если действительно учёный — пусть отправится в Виттенберг к Лютеру, уж тот ему на всё ответит! Неожиданно выясняется, что Карстганс, оказывается, ещё раньше сумел ознакомиться с сочинениями Лютера и Мурнера со сходным названием «К дворянству» и полностью согласен с Лютером, который на основе Писания показал, что священство принадлежит всем христианам²⁶. Но если так, то автор не сводит концы с концами — к чему тогда были все перипетии споров в доме Карстганса? Почему Карстганс, увидев входящего Лютера и услышав от сына, что он еретик, хватался за свой цеп? Автора подобные несообразности, а они не единственные в тексте, не смущают. Он завершает диалог сценой вежливого прощания персонажей друг с другом, Меркурия и студента — на латыни.

Если первая часть сочинения служила, прежде всего, разоблачению и саморазоблачению Мурнера как противника Лютера, что раскры-

²⁵ Ibid. S. 98.

²⁶ Ibid. S. 112.

валось всей его речью и поведением, изображёнными в комических, пародийных, местами откровенно гротесковых тонах, в стилистике, близкой к стилю «Писем тёмных людей», то во второй части диалога торжествует риторика реформационной проповеди, рупором которой предстаёт Карстганс. Здесь отвергаются тезисы о верховенстве папской власти, её всесилии и непогрешимости, популяризируются идеи всеобщего священства, ориентации на Писание как единственный авторитет в вопросах веры, говорится о необходимости обращения к образцу церкви апостольских времён и т.д. Динамика сцен и обмена репликами, напряжение споров в первой части диалога сменяются иными, более замедленными темпами действия, открыто дидактическими задачами воздействия на читателя примером рассуждений Карстганса. Как и в эволюции творчества Гуттена, публицистические цели во второй части диалога вытесняют ещё доминирующие в первой цели художественные, выдержанные в духе гуманистической литературы, и как в «Обструганном Экке», здесь широко используется смешение специфики жанра диалога со сценичностью, театрализацией. Так складывается стержневая линия развития реформационных диалогов, и когда завершается формирование их основного типа, оказывается, что их характерные черты сходны, прежде всего, с тем, что преобладает во второй части «Карстганса». К этим диалогам я теперь и перехожу, не касаясь уже освещавшейся мною в другой работе проблемы многочисленных откликов современников на образ «евангелического крестьянина» Карстганса и эволюции этого образа в его различных трактовках²⁷.

В 1521 г. вышел в свет очередной анонимный флугшрифт, напечатанный в Страсбурге, хотя местом действия в нём назван Базель, за 20 лет до этого вошедший в состав швейцарской конфедерации. Сочинение называлось «Отличный большой диалог на немецком языке между двумя добронравными подмастерьями, а именно Гансом Шёпфером и Петером Шабенгутом». Кроме этих персонажей, в диалоге есть и третий — трактирщик, который устраивает религиозный диспут в своём заведении, сочувствуя евангелизму и его стороннику Гансу, и надеясь, что тот сможет обратить в свою веру Петра, упорно сохраняющего верность католической церкви. Ганс соглашается на встречу, хотя хорошо знает этого Петра, упрямого в споре, как осёл или буйвол. Сам он известен своей любовью к чтению, и однажды так увлёкся, зачитался в саду за городской стеной, что опоздал ко времени, когда городские ворота Базеля закрывали на ночь, и смог вернуться домой только утром. Ганс немолод, да и Петеру примерно около 50 лет. Сам спор ведётся очень чинно, оппоненты обращаются друг к другу вежливо: «дорогой

²⁷ Володарский В.М. Образ Карстганса... С. 132—135.

Ганс», «дорогой Петер». Оба избегают чисто личных обвинений, разбирают лишь идущие к делу аргументы.

Первый аргумент Петера — он не хочет отступать от веры его покойных родителей, благочестивых христиан. Чтобы облегчить их участь на том свете, он не раз покупал индульгенции и может перечислить все сделанные им платежи. Ганс напоминает ему, что как бы ни уважали своих родителей святые Пётр и Павел и другие апостолы, они стали последователями другой веры. То же сделали святые Екатерина, Варвара, Доротея и множество других, которые даже претерпели мученичество из-за своих родителей. Надо ценить заповедь Божию больше, чем заповеди человеческие, и только соответствующие ей личные дела, только то, что основано на чистой вере — путь, который ведёт к небесному блаженству. И его нельзя обрести никакими индульгенциями, никакими деньгами, даже крупными, и тем более — если они украдены или добыты ростовщицеством. Что касается индульгенций, то сами же попы тайком посмеиваются над ними²⁸. Петер, выслушав длинную речь, кратко здесь изложенную, возражает: сам он никакого отношения к дурным делам с деньгами не имеет, а суть в том, что каждый человек должен знать — Божьей властью на земле до конца времён доверено распоряжаться папе как наместнику св. Петра, и ему нельзя противоречить. Ганс несогласен: учение Божье было доверено проповедовать всем апостолам, они все равны, и уже в силу этого претензии нынешних пап несостоятельны. Они к тому же отклонились от учения Христа, погрязли в страсти к деньгам²⁹. Спор постепенно становится напряжённым, особенно когда Петер подробнейшим образом рассказывает, как он исповедовался, получал отпущение грехов, платил за это, и как священники не упускали в таких случаях возможности знакомить его с обвинениями Лютеру в алчности, пустом тщеславии и распространении духовного яда. Ганс спешит опровергнуть эти представления: если бы Лютер был таков, он бы мог стать каким-нибудь епископом с их бессчётными деньгами, а он предпочёл с риском для себя учить Евангелию. Ганс переходит в наступление: противопоставляет первых, ещё благочестивых пап тем нынешним, которые ведут войны и грабежи; доказывает, что за Лютером идёт множество благочестивых людей, в том числе учёнейших; с точными ссылками на евангельские тексты излагает ряд важных положений лютеровской теологии. Он поминает финансовые обременения со стороны церкви, неконтролируемость расходов папы, огромные средства, собранные за индульгенции и мессы, которые идут не на содержание бедняков, даже не на строительство огром-

²⁸ Die Wahrheit... S. 190—192.

²⁹ Ibid. S. 193.

ного храма в Риме, которое никак не закончат, а на роскошь множества бесполезных папских служащих. Он напоминает, что нет таких ремесленников или мелких торговцев, которые не должны были бы каждый день думать, как прокормить своим трудом себя, держать в порядке свой дом или хижину, полные детей. А у попов таких забот нет. Пусть же Петер посмотрит, каковы дела церкви, пусть вместо ложной веры в индульгенции и всемогущество папы обратится к главному — доверию вместо них к самому себе, к голосу собственной совести, которая сама, без посредников, честно даст ему понять и правдиво оценить себя и свои поступки. Он может и должен спастись только верой, чистым сердцем, в котором ничто не скрыто от Бога, и доброй волей³⁰. Упрямый Петер внемлет, наконец, всем этим аргументам, благодарит Ганса, наставившего его на правильный путь служения Богу, и просит и дальше помогать ему своими советами. Диалог, наглядно осветивший процесс «перевербовки» оппонента на свою сторону, продемонстрировал методы и аргументацию, обеспечившие в данном случае победу евангелизма. Сочинение стало, таким образом, не только свидетельством о своём времени, одним из отразивших его литературных «зеркал», но и могло сыграть функциональную роль как бы некоего образца для тех, кто захотел бы использовать опыт подобной «инструкции».

Проблемы выбора между Лютером и папой, реформационными идеями и традициями католического учения и церковных порядков дополнялись в диалогах частым обращением к обсуждению финансовых вопросов. В этой связи я остановлюсь на двух диалогах 1522 года. Первый из них называется «Очень хороший диалог, или, иначе, беседа, которую вели друг с другом монах-проповедник по имени Бембус, бюргер Силенус и его шут», второй — «О том, как крестьянин приходит к богатому горожанину по поводу платежей, ростовщичества. А потом является священник и ещё позже — монах. Для очень недолгого чтения». Этот диалог часто называют кратко — «Von Gült» («О платежах»)³¹.

Уже в самом начале первого диалога выясняется, что монах Бембус, пришедший к опытному и богатому горожанину Силенусу, своему знакомому, известен как кюстер, хранитель церковных сокровищ. Он рассчитывает на доверительную беседу с Силенусом, но мешает этому находящийся в комнате шут. Тот спешит притвориться спящим, чтобы подслушать разговор, а собеседники считают, что если шут что и услышит, по глупости своей не поймёт. Монаху нужны совет и помощь, Силенус их обещает, ведь он не раз доказывал своё расположение к

³⁰ Ibid. S. 201—203.

³¹ См.: Володарский В.М. Диалог в немецком городе // Социокультурное пространство диалога. М., 1999. С. 109—116.

монахам, отдавая им имущество — своё и своей родни. Шут тихонько комментирует: Евангелие и апостол Павел не учат таким поступкам³². Бембус сообщает, что его в такую рань прислали монастырские власти, поскольку они и он сам озабочены тем, что некий неучёный монах Мартин Лютер вместе с сообщниками начал осуществлять то, чего раньше хотел Эразм Роттердамский: сделать так, чтобы Евангелие значило больше, чем мнения учёных докторов и святых учителей, таких, как Фома Аквинский или Дунс Скот. Правда, против Лютера выступили Экк, Эмзер, Мурнер, воистину люди учёные, но оказалось, что против Лютера ничто не помогает³³.

Бембус излагает суть просьбы: перечислив различные виды доходов монахов за год, он сообщает как тайну, что монастырским властям удалось скопить больше тысячи гульденов и припрятать их в большом крестьянском горшке, который закопали, а теперь перемещают уже в четвёртое место, боясь, что всё узнает монастырская братия и поднимет шум. Времена ведь такие, что можно и вообще денег лишиться. Пусть же Силенус спрячет деньги, пока пронесётся этот вихрь, в безопасное место, дав, конечно, расписку, а монахи, может, ещё и другой такой горшок наберут. Шут комментирует: тайна сохранится только пока он добежит до народа на рынке — её должны узнать все³⁴. Силенус предлагает передать деньги на хранение порядочным людям в городском магистрате, но Бембус сулит ему бочонок итальянского вина, а жене — красивый дорогой мех, и Силенус соглашается. Шут иронизирует: ещё Овидий писал, что дары любят получать и люди, и боги, а Вергилий — что проклятая жажда золота к чему только не принуждает людские сердца. Но тут он и сам соображает, что если промолчит, может получить от хозяина одежду красного цвета. Силенус просит уточнить, сколько же денег в горшке. Бембус скромно отвечает, что тысяча семь-восемь гульденов. Шут не может выдержать: «Ах ты, благочестивый турок! Да разве должны монахи иметь столько рент и доходов, да ещё вдобавок столько гульденов, и при этом ходить среди бедных людей, выпрашивая милостыню! Какой стыд!»³⁵. Силенус готов принять деньги в любое время. Бембус напоминает, что надо хранить тайну. И тогда шут наглово обращается к нему: пусть принесёт вино и мех и не забудет также о красном одеянии ему, шуту, а то он всё растрезвонит! Автор добавляет от себя: «Я очень смеялся».

Среди брошюр 1522 г. этот диалог отличается сравнительной живостью движения сюжета и умеренностью тона в высмеивании против-

³² Die Wahrheit... S. 214.

³³ Ibid. S. 215.

³⁴ Ibid. S. 216.

³⁵ Ibid. S. 218.

ников Реформации. Тема алчности монахов уже давно разрабатывалась гуманистами, как и насмешка над оппонентами Лютера. В диалоге, однако, никак не отразилась всё более опасная в то время атмосфера преследований сторонников евангелизма в связи с выполнением Вормского эдикта императора Карла V (май 1521 г.). Книги, объявленные цензурой еретическими, подвергались сожжению, хотя за нарушение запрета их печатать ещё не казнили авторов или типографов, как начнут делать позже в католических княжествах.

Второй диалог, «О платежах», начинается с просьбы крестьянина, пришедшего в город, к сидящему за столом богатому бюргеру — нельзя ли посмотреть, какими делами он занят. Тот простаку отвечает проще: «Я ничего не делаю, только сижу здесь и считаю мои деньги». Крестьянин просит объяснить, как же достаются такие большие деньги? Богач поясняет примером: приходит крестьянин, хочет, чтобы ему ссудили 10 или 20 гульденов. Горожанин узнаёт, что у того есть луг или хорошее поле ценой чуть ли не в сто гульденов. Крестьянину дают займы 20 под залог имущества с условием возвращать по гульдену в год. Но если через пару лет он задержал выплату, заложенное переходит к горожанину, должника можно согнать с земли, забрать его луг и поле. Так можно поступить и с ремесленником, только в залог берётся его дом³⁶. Крестьянин изумлён: так вот как занимаются ростовщичеством. Богач возмущается — никакое это не ростовщичество, а просто платежи за взятое займы. Крестьянин стоит на своём: богач только слово подобрал поделкатнее, это ростовщичество, которое осуждает Господь, так складываются большие кучи денег, а их владельцы, выставляя брюхо вперёд, словно хотят сказать всем другим «прочь с дороги, я иду!». Богач разъярен — если бы тут был грех, разве стали бы попы брать, как они делают, платежи с данных в долг денег? Он просит появившегося кстати священника растолковать этому мужичью разницу между платежами и ростовщичеством. Попытка не удаётся — крестьянин теперь обвиняет попов, что их бог иной, чем у таких бедняков, как он сам, Христос запретил ссуду с приростом денег, а ростовщики, попы, монахи только прикрываются другим названием дела, будто от этого меняется его суть. Когда мальчонку именуют Гансом или Гансином, это всё тот же ребёнок!³⁷. К спору присоединяется монах: почему бы крестьянину, раз речь о прибыли, не назвать и купцов ростовщиками? Тот не согласен: купец покупает товар за свои деньги, ездит с ним в дождь и снег, в грязь и пыль, пока не возместит затраченного, его прибыль — из-за хлопот и забот, а тут ссуду дают на 20 гульденов, а тре-

³⁶ Ibid. S. 262.

³⁷ Ibid. S. 265.

буют 100! В ответ все трое его оппонентов решают больше не говорить с упрямым.

Автор диалога следует скорее желанию правдиво отразить позицию крестьян в характерных для времени спорах о ростовщичестве, чем полностью поддержать позицию Лютера, который многократно выступал против ростовщичества, но считал его практически неискоренимым (как и вообще зло до конца света, пока будут перемешаны «зёрна пшеницы и плевелы»). Лютер предлагал властям добиться хотя бы ограничения взимаемого процента. В обоих диалогах ссылки на Писание, конечно, есть, но они ещё далеко не так часты, как это станет обязательной нормой вскоре, после выхода в свет в сентябре 1522 г. сделанного Лютером перевода Нового Завета на немецкий язык. Такое новшество можно проследить по одному из четырёх относящихся к 1524 году прозаических «реформационных диалогов» Ганса Сакса, крупнейшего в XVI веке немецкого поэта — мастерзингера и сапожника по профессии. Диалог называется «Диспут между одним священником (Chorherren) и сапожником, в котором защищаются Слово Божие и истинная сущность христианская». В диалоге, кроме этих двух главных персонажей, участвуют также кухарка священника и (к концу) истопник. Поскольку цензура в Нюрнберге, где жил автор, запретила печатать реформационные работы, сочинение Сакса было издано в Бамберге и в том же году выходило в свет ещё десять раз.

В самом начале диалога священник, кормивший где-то в доме своего соловья, по зову кухарки выходит к сапожнику взять принесённые ему башмаки, а тот поминает другого сапожника, соловей которого только начал петь (имеется в виду сам Ганс Сакс, в аллегорическом стихотворении «Виттенбергский соловей» сравнивший Лютера с соловьём-вестником новой зари). Священник откликается на это грубой бранью в адрес и такого башмачника, и его соловья. Сапожник, ссылаясь на Писание, увещает разгневанного — христианин должен не ругаться, а помогать своим братьям в делах совести. Священник хочет знать, уж не евангелист ли его собеседник? Тот отвечает коротко: «Да». Начинается дуэль цитатами из Писания, которая быстро концентрируется на вопросе об отношении к власти — папы, кардиналов, всего духовенства, императора, князей, других светских лиц. Для священника папа — Солнце, светская власть — Луна (давняя излюбленная аллегория сторонников теократии), для сапожника папа и всё духовенство — лишь служители христианской общины, что подкрепляется целой серией цитат³⁸. Для священника папа — без греха, всесвятейший и потому ненаказуем, для сапожника, цитирующего, что кто без

³⁸ Ibid. S. 355—356.

греха — лжец, папа — грешник или лжец и не всесвятейший, а подлежащий наказанию. И кто не слушает своих собратьев, должен послушаться всей общины, а нет — пусть уходит как язычник. Священник считает, что мирянам не подобает судить о духовенстве. Сапожник возражает, что если даже ослица могла научить важному пророка Валаама, почему бы мирянину не судить о духовном лице или не наказывать его. Священник предлагает сапожнику заниматься кожей и ваксой, а не Священным Писанием, это не дело мирян. Тот напоминает цитатами, что в битве с дьяволом Слово Божье — наш меч, что надо исследовать Писания, которые свидетельствуют о Христе. Священник настойчив: пусть миряне заботятся, прежде всего, не о Писании, это не их дело, а о том, как прокормить жену и детей. Сапожник верит — Бог прокормит, а Слово его — для всех, не хлебом единым жив человек. А трудиться, конечно, надо, по Писанию человек рождён для труда, как птица для полёта³⁹. Один иронизирует — в какой высшей школе учились те, кто и букв не знает? Другой отвечает — а в какой школе учился Иоанн, который писал столь возвышенно? Это от Святого Духа. Не сказано ли: Вы храмы Божьи, в которых живёт Дух Божий? Спорящие переходят к теме книг Лютера, и выясняется, что священник не читал ни одной из них. Тем не менее, он знает, что лютеране не постятся. Почему? Ответ: пост не запрещён, но и не предписан от Бога, это дело свободное. А почему вы не исповедуетесь? Ответ: по той же причине. Когда священник захотел проверить правильность цитирования у оппонента, оказалось, что Библию в его доме надо искать, он не часто в неё заглядывает, зато под рукой — Декреталии, священник читает, прежде всего, «полезное». Естественно, оба по-разному оценивают Лютера. Для одного он христианский наставник, какого не было с апостольских времён, для другого — величайший еретик с поры Ария⁴⁰.

После ухода сапожника священник признаётся кухарке, что хотел швырнуть тому в лицо башмаки. Сапожник его осрамил, больше он здесь работы не получит. Сам же он озабочен — не будет ли мятежа в общине. Надо заставить молчать евангелических проповедников. Кухарка, признающая, что её господин не смог преодолеть спорщика Писанием, удивлена, как искусны стали миряне. Священник вспоминает, что их истопник много читает Библию — пусть его самого научит кое-каким изречениям из неё. Зовут истопника — пусть проверит, всё ли верно говорил сапожник, тот начинает цитировать Писание не хуже ушедшего, и священник приходит в ярость — истопник тоже лютеранин! Пусть эта наглая скотина убирается из дома! Он ждёт в гости своих коллег, ука-

³⁹ Ibid. S. 359.

⁴⁰ Ibid. S. 367, 369.

зывает кухарке, какую сделать еду и велит приготовить для их обычных занятий в таких случаях всё для игры в кости и в карты. Финальная сцена дополняет саморазоблачение невежественного и грубого духовного лица. В целом диалог Ганса Сакса живостью действия, выразительностью речевых характеристик и поведения спорящих, обращением то к юмору, то к элементам сатиры и сарказма скорее напоминает более ранние работы гуманистов, хотя Сакс не входил в их круг. Важным отличием, однако, стало то, что автора занимает исключительно религиозно-церковная проблематика, и даже затронув политико-правовой вопрос о соотношении церковной и светской власти, он решает его крайне кратко, как бы мимоходом. Такая доминанта позволяет отнести диалог к числу типичных памятников этой фазы развития жанра.

Я оставляю в стороне требующие специального исследования работы видных католических публицистов поры ранней Реформации, имеющие свою специфику и не изучавшиеся в нашей науке, но должен кратко остановиться на сочинении, стоящем особняком во всём комплексе диалогов первой половины двадцатых годов XVI в. Это анонимный диалог 1522 г. «Игра в кегли», в стихах, явно не слишком умелых, вышедший без указания места издания. Полное название важно для понимания аллегорий сочинения: «Игра в кегли, идущая ныне из-за раздора в вере христианской, и на одной стороне стоят все, кто примыкает к Мартину Лютеру, а на другой — те, кто следует, каждый по своим возможностям, верному старому пути Евангелия, и с ними вместе также те, кто здесь называет эту игру ложью и извращением. Шар, который бросают, — это Священное Писание. Цель — вера. Место — наша земная юдоль печали. Кегли — это бедные скромные простые миряне. То, что хотят выиграть — жизнь вечная. Токари по дереву — святой учитель Павел, четыре евангелиста, двенадцать апостолов. В год 1522-й.»⁴¹. Уже заглавие позволяет утверждать, что автор не занимает пролютеранской позиции: представлениям о Лютере как защитнике и пропагандисте Евангелия противопоставлены те, кто идёт по «старому пути Евангелия», названному здесь «верным». Сама игра в кегли была одной из старинных и любимейших народных игр, особенно в Швейцарии, однако блюстители нравственности видели в ней «чёртову забаву», и существовали запреты играть в кегли на деньги и штрафы за игру в селениях, что побуждало игроков уходить в лес. В диалоге много персонажей с краткими речами об их отношении к игре, которые одновременно характеризуют их самих и их позиции именно в 1522 г. (позже они могли стать иными).

⁴¹ Володарский В.М. «Игра в кегли» — анонимный памфлет эпохи Реформации // Феномены истории. М., 1996. С. 108—109.

Авторское вступление лаконично — о вере и крещении как верном пути, причём цитата обоснования из Иак. 2,17 — не «лютеровская», о спасении верой, а традиционная — «вера без дел мертва». Первым слово берёт Лютер, гордо называющий себя породителем, «матерью» игры в кегли. Он в агрессивном тоне бросает обвинения старой церкви: нужно, бросая шар, совершенно изменить (дословно — «искривить») цель, то есть веру. Следом за ним выступает рыцарь Гуттен. Он хочет метнуть шар — Писание «назло папе», а свои лучшие надежды возлагает «на Гуса», то есть на методы гуситов — войну против Рима⁴². Речь Эразма Роттердамского пародийна — это поток самовосхваления своей учёности, ответы по игре искать надо только у него. Та же пародийность отличает и речь Меланхтона: ханжески-скромные начала фраз соратника Лютера и их амбициозные концовки — например, о том, что он выводит древних на свет «искусно, мудро, толково», ведь ум «так и выпирает» из него⁴³. Автор даёт слово ряду сторонников Цвингли. Хорошая осведомлённость в их позициях, порой малоизвестных тогда в самой Швейцарии, может служить аргументом в пользу швейцарского происхождения рукописи брошюры. От имени молодёжи выступает юноша — клирик, откровенный циник. Игра замечательная — можно будет теперь и жениться, и мало молиться, а если дойдёт дело до войны, начнут отнимать у людей имущество — может, и ему что-то перепадёт. Поэтому куда бы шар ни катился — туда, сюда, ему-то самому какая беда? Он от этого меньше спать не будет⁴⁴. Ульрих Цвингли укоряет участников игры — сотоварищи бросают шар без равного умения, так в деле не продвинешься. Сам он готов идти по верному пути, не жалея себя, игра ему по нраву. Пародийности здесь нет, зато стремление Цвингли «открыть в себе» истину и передать пастве — с католической точки зрения некая гордыня, попытка быть мудрее традиций церкви. Слово даётся «зрителям». Римский папа жалуется на поношения. Надо было, видно, дать Лютеру сан кардинала, он не точил бы меч «против всего святого». Император грозит Лютеру и примкнувшему к нему «сброду», но готов выждать, не победит ли благоразумие. Епископ увещает воздерживаться от игры. Группа «простых священников» обвиняет «молодых ловкачей» в искривлении старой веры, отчего теперь каждый хочет толковать её на свой «кривой лад». Шар раскручивают жульнической рукой, Святое Писание служит лишь приманкой⁴⁵. Крестьянский староста добавляет, что среди крестьян уже есть те, кто не хочет платить десятину.

⁴² Flugschriften aus den ersten Jahren der Reformation / Hrsg. von O. Clemen. Leipzig, 1909. Bd. III. S. 241.

⁴³ Ibid. S. 242.

⁴⁴ Ibid. S. 244—245.

⁴⁵ Ibid. S. 251—255.

Автор подводит итог: всюду сейчас раскол, всюду идёт игра. Казалось бы, он, как никто другой, уже смог показать многоголосие происходящего, но в заключение он даёт слово некоему «простому человеку». Тот заявляет: «Много пишут о Христовом учении. Я не вижу тех, кто его держится. И новые, и старые выглядят очень сходно. Что касается меня — то лишь дал бы Бог, чтобы я стал богат. Так ведь заведено в этом мире — меня заботит мирское, я хотел бы иметь денежки»⁴⁶. Автор ироничен к этому персонажу, но не хочет упустить, что есть и такая прагматичная позиция, достаточно равнодушный взгляд как бы со стороны на полемику по поводу веры. В результате попытка в целом осмыслить спектр происходящего здесь оказалась шире, чем в каком-либо другом диалоге раннего периода Реформации. Уже эти наблюдения неизвестного автора показали, что происходящее не сводится только к конфликту «католики — лютеране», что внутри самого реформационного движения назрели предпосылки дальнейших расхождений, раскола, что всё сильнее начинают заявлять о себе и различные социальные интересы. Именно с этой усложняющейся и многогранной проблематикой, в отличие от специфики и эволюции рассмотренных в данной статье диалогов первой фазы Реформации, придётся иметь дело создателям комплекса диалогов следующего этапа развития — поры восстания части рыцарства, грандиозного размаха Крестьянской войны, расцвета того, что получило у одних историков название «радикальной», у других — «народной» Реформации.

⁴⁶ Ibid. S. 256.

«Магдебургские Центурии» как идея и как книга

Различные обстоятельства появления на свет первой масштабной церковной истории — «Магдебургских Центурий»¹ — получили освещение в специальной литературе. Историки довольно подробно реконструировали историю формирования авторского замысла, принципы работы авторского коллектива. Исследованиям способствовала публикация большого количества архивных документов из хранилищ Вены, Вольфенбюттеля и других городов². Тем не менее, «белые пятна» в этой картине ещё остались. Как авторы «Центурий» оценивали своё произведение ещё в процессе его создания? Как они представляли свой труд с точки зрения развития исторического знания и как их деятельность выглядела со стороны? По сути дела, эта проблема проливает свет на формирование новых отношений между людьми Раннего Нового времени: внутри авторского коллектива, между авторами, спонсорами, читателями, союзниками и противниками

¹ *Ecclesiastica historia, integram ecclesiae Christi ideam, quantum ad locum, Propagationem, Persecutionem, Tranquillitatem, Doctrinam, Haereses, Ceremonias, Gubernationem, Schismata, Synodos, Personas, Miracula, Martyria, Religiones extra Ecclesiam, et statum Imperij politicum attinet, secundum singulas Centurias, perspicuo ordine complectens: singulari diligentia et fide ex uetustissimis et optimis historicis, patribus, et aliis scriptoribus congesta. Per aliquot studiosos et pios uiros in urbe Magdeburgica* (Далее — *EH*). XIII Vv. Basileae, apud Io. Oporinum, 1559—1574.

² *Schulte J.W.* Beiträge zur Entstehungsgeschichte des Magdeburger Centurien // Bericht der Philomathie in Neisse, 1874—1877. Bd. 19. S. 50—154; *Bibl V.* Der Briefwechsel zwischen Flacius und Nidbruck // Jahrbuch der Gesellschaft für die Geschichte des Protestantismus in Österreich. Wien. XVII. Jahrgang (1896), S. 1—24, XVIII. Jahrgang (1897), S. 201—238; 1898. Bd. XIX. S. 96—110; 1899. Bd. XX. S. 83—116; *Idem.* Nidbruck und Tanner. Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte der Magdeburger Centurien und zur Charakteristik König Maximilians II. Wien, 1898; *Schaumkell E.* Beitrag zur Entstehungsgeschichte der Magdeburger Centurien. Ludwigslust, 1898; *Schottenloher K.* Handschriftenschätze zu Regensburg im Dienste der Zenturiatoren (1554—1562) // Zentralblatt für Bibliothekswesen. 1917. Bd. XXXIV. S. 67—82; *Strecker K.* Quellen des Flacius Illyricus // Zeitschrift für deutsches Altertum und Deutsche Literatur. 1929. Bd. 66. Hf. 1. S. 65—67; *Duch A.* Eine verlorene Handschrift der Schriften Bernos von Reichenau in den Magdeburger Centurien. In: Zeitschrift für Kirchengeschichte. 1934. Bd. LIII. S. 417—435; *Steinmann M.* Aus dem Briefwechsel des Basler Buchdruckers Johannes Oporinus // Basler Zeitschrift für Geschichte und Altertumskunde. 1969. Bd. 69. S. 103—203.

в идеологической борьбе. Эти отношения существенно отличались от тех, что были характерны для эпохи Возрождения, и их глубокое качественное изменение — ещё один признак зари новой интеллектуальной эпохи. В начале работы над «Магдебургскими Центуриями» их авторы представляли себе многие вещи так же, как многие их предшественники-гуманисты; в конце многолетней эпопеи отношения, о которых мы говорим, выглядят уже качественно по-иному, хотя прошло — с точки зрения историка — совсем не много времени. В частности, в эти годы (и в первую очередь благодаря книгоиздательскому проекту «Магдебургских Центурий») книжная элита приобретает первый опыт поиска частных спонсоров своего проекта, не получившего достаточной поддержки со стороны государственной власти. В более широком смысле перечисленные выше аспекты помогут понять, в какой мере полученный — как с идеологической, так и с чисто рыночной точки зрения — результат соответствовал изначальному авторскому замыслу. Ведь результат находился не только во власти авторов; чем масштабнее книжный проект, тем разительнее могут быть расхождения между изначальным замыслом и полученным результатом.

Замысел книги был весьма амбициозным. Во-первых, он должен был выдвинуть новую историко-церковную концепцию, в корне противоречащую папской. К началу 50-х гг. XVI в. богословская полемика постепенно выродилась в обсуждение ряда проблем второго порядка; богословы, как и верующие, ожидали перемен от Тридентского Собора. Именно историческая перспектива позволяла конституировать «новую церковь» и подчёркивала коренное отличие её от обычной ереси. Во-вторых, последователи Лютера остро нуждались в обновлении идеологического фундамента своего движения, отличного от богословских материй *stricto sensu*. Представления об идеологическом фундаменте характерны для более поздней эпохи; интересно узнать, как авторы «Центурий» подходили к её пониманию этой идеи, в какие слова её облакали.

Процесс возникновения идеи, её кристаллизации в словах и тезисах вполне может быть реконструирован по переписке авторов между собой, по документам, регулировавшим их взаимодействие, по воспоминаниям авторов и других лиц, причастных к подготовке издания. Организаторы всего проекта «Центурий» Флаций Иллирик, Нидбрук, Ланге³

³ Маттиас Флаций Иллирик (1520—1575) — один из ведущих лютеранских богословов, соперник Меланхтона и лидер гнесиолутеран — наиболее непримиримого течения в протестантизме; основатель проекта «Магдебургских Центурий», руководитель авторского коллектива в первый период работы. Каспар фон Нидбрук (ок. 1525—1557) — блестяще образованный гуманист, дипломат на службе императора Священной Римской империи Фердинанда I и его наследника, будущего императора Максимилиана II. Юбер Ланге (1518—1581) — французский

начали обсуждение деталей будущего сочинения ещё в начале 50-х гг. XVI в. Флаций написал при подготовке издания несколько сочинений меньшего масштаба, в которых оттачивал его концепцию: они также привлекли внимание современных исследователей⁴. Значительно меньшее внимание было уделено самим «Центуриям»: при том, что их концепция была описана в исторической литературе не раз, подробного анализа этого сложного и многопланового сочинения до сих пор проделано не было. Совсем мало внимания исследователей досталось тем элементам книги, которые не относятся к основному её содержанию, эрудитскому тексту. В данной статье будет сделана попытка привлечь к нуждам исторического исследования информацию, чаще всего обходимую молчанием.

Загадки титульного листа

Полное название вышедшей книги мало запомнилось современникам, к тому же точная формулировка немного варьировалась от тома к тому во второстепенных деталях. Тома книги посвящались отдельным столетиям, откуда и возникло принятое самим авторами и устоявшееся среди потомков краткое название книги⁵. Авторами на титульном листе первого тома скромно назывались «несколько учёных и благочестивых мужей из города Магдебурга». Почему на обложке не были указаны имена руководителей проекта, в частности, Флация Иллирика? Дело в том, что в отсутствии указания на имя автора имелся глубокий символический смысл. Оно интерпретировалось как заявка на некоторое сверх-знание, на универсальность высказываемых в книге истин, не принадлежащих кому-то одному из мыслителей. Важнейшая из книг того времени — Библия — не имела авторов на обложке, как их не имели и катехизисы, и многие другие тексты религиозного содержания, лишённые полемического потенциала и заключающие «базовые» знания.

богослов и дипломат, придворный юрист Максимилиана II. Все трое в 40-е гг. были учениками и коллегами Меланхтона в Виттенберге, где и познакомились.

⁴ Среди множества исследований особо отметим: *Hartmann M. Humanismus und Kirchenkritik. Matthias Flacius Illyricus als Erforscher des Mittelalters.* Stuttgart, Jan Thorbecke Verlag, 2001; *Catalogus und Centurien / Hrsg. von A. Mentzel-Reuters und M. Hartmann.* Tübingen, 2008.

⁵ Авторы не без гордости сообщали в предисловии к своему сочинению, что и слово «центурии» родилось у них в ходе работы над сочинением. См. ЕН I, р. 7. В печати это слово появилось в 50-е гг., в памфлетах Флация против Меланхтона и его сторонников — «филиппистов». Те пренебрежительно прозвали авторов «центуриаторами»; слово прижилось и используется в качестве названия этого авторского коллектива и по сей день.

Вообще, применительно к западному богословию, наличие имени автора на обложке означало, что перед нами — произведение, с помощью которого этот автор в той или иной степени определял свою позицию относительно других авторов, будь то ученый спор, квалификационная работа в университете, учебное или справочное пособие. Если же автора не было, то тогда — как и много позже — отсутствие имени сигнализировало читателю об официальной, бесспорности концепции. Вспомним, в частности, что обычно в XVI—XVII вв. (а в учёных книгах и в XVIII столетии) имя автора не предшествовало названию, а завершало его, стояло в косвенном падеже с предлогом и в целом в меньшей степени служило идентификации книги, нежели название.

В отношении «Центурий», однако, всё было не так однозначно. Указание на «благочестивых и учёных мужей» рассчитано на подтверждение высокого статуса руководителей проекта, авторитетность их мнения. В то же время поимённо они не называются, поскольку они выступают не от своего имени. Оставить книгу вообще без указания на авторство было невозможно — это убило бы полемический заряд книги, сообщило бы читателям, что ничего нового по отношению к «официальной» книжной культуре она не содержит. Вспомним, что вся основная печатная продукция лютеран была авторской. При этом приведение конкретных имен, напротив, сводило бы содержание книги к мнению конкретных лиц, в то время как они претендовали на выражение группового мнения своих единомышленников-лютеран, ставших уже довольно многочисленными.

Профессор А.П. Лебедев воспринял идею титульного листа так, как этого и хотели когда-то центуриаторы: «авторами были многие и никто в особенности»⁶. Для того облика «Центурий» на книжном рынке, на который рассчитывали авторы идеи, крайне важно было представить его как труд коллективный, выражающий общее мнение. Отдельные имена, как мы увидим, не скрывались — в этом не было особой нужды, да и авторские амбиции были авторам не чужды. Кроме того, было естественным ожидать со стороны римской Курии идеологическое противодействие. Если против Лютера аргументы *ad personam* некоторое время действовали, то против целого коллектива это бы не сработало. Имплицитно Курии было заявлено: идеологическому противнику придётся иметь дело с силой, способной реализовать значительный потенциал, как человеческий, так и материальный. По этой же причине, кстати, авторы перестали скрывать некоторые детали материального обеспечения своего проекта: значительные суммы, многочисленные авторы делали книгу выражением «официального», не отмеченного личностным отпечатком того или иного лидера мнения.

⁶ Лебедев А.П. Церковная историография в главных её представителях с IV по XX в. СПб., 2001 (3-е изд.). С. 207.

Несмотря на отсутствие прямого указания, имена авторов не представляли никакой тайны: те, кто брал на себя ответственность за публиковавшееся, подписывали своими именами «Посвящения» в начале каждого тома. Такое оформление авторства претендовало на некую большую по сравнению с указанием на авторство отдельных фрагментов авторитетность: ведь речь шла об очень злободневных вещах, говорить о которых было отнюдь не всегда безопасно. Кроме того, сугубая коллегиальность помогала отдельным авторам справиться с религиозным волнением. Это важное обстоятельство исследователи до сих пор обходили молчанием. Затянутое Флацием Иллириком и его единомышленниками дело — подведение мощного исторического базиса под обвинения в адрес римской церкви — было очень рискованным с точки зрения спасения души, и сплоченный строй коллег был мощной духовной поддержкой.

Показательным было упоминание в заглавии не «Истории Церкви», а «церковной истории». Вариант *historia ecclesiae* мог лучше подойти к истории грехопадения собственно римской Курии; тем не менее, был предпочтён оборот, отсылающий к Евсевию Кесарийскому и заявляющий о недвусмысленной претензии на преемственность.

На титульном листе первой центурии проставлено интересное указание (на втором издании оно было уточнено адресацией «Типограф-читателю»). Оно гласило, что взявший эту книгу в руки («справедливый и искренне судящий читатель») быстро поймёт, что от самого сотворения мира на данную тему не было издано ничего более полезного или более необходимого. Обычная реклама, но с уточнением, обращающим особое внимание на Предисловие («где, в частности, указываются причины создания сего труда») и специальную главу в начале сочинения, *Methodus*, разъясняющую цели создания отдельных глав каждого тома. Отдельно подчёркнуто наличие в томах разного рода предметных указателей.

Важное свидетельство отсутствия восприятия авторами своего текста как связного рассказа — формат издания. После появления замечательных работ Роже Шартье историки обращают внимание на внешние формы, в которых появляются те или иные тексты⁷. «Центурии» были изданы *in folio*. Фолианты не очень удобны для чтения, тем более регулярного; они служили для хранения информации и её классификации в сопоставлении как с другими фолиантами, так и внутри каждого отдельного тома. Затянутые в дорогую кожу дарственные экземпляры играли важную роль своим внушительным внешним видом; более практичные (и менее дорогие) картонные переплёты обеспечива-

⁷ Ряд статей опубликован на русском языке в сборнике Шартье Р. Письменная культура и общество. М., 2006.

ли многолетнее хранение, но не облегчали манипулирование текстом. Ключевым понятием для фолианта становилась содержащаяся в нём информация, по необходимости утрачивающая принадлежность своим авторам в качестве интеллектуальной собственности. «Смерть автора» развязывала руки читателю, давала ему физическую возможность и моральное право самостоятельно выбирать из книги аргументы, составлять из них новые тексты — от воскресной проповеди в сельской церкви или выступления перед многотысячной толпой верующих, от придворного богословского спора до памфлета или обращения к властям. Именно из этого источника власть предрежащие могли черпать необходимые для каждодневных идеологических баталий факты. Реформация первой сделала шаг в сторону справочника, претендующего на полный охват прошлого. После этого она окончательно вырвалась за пределы её восприятия и самоидентификации как «ереси»: в её распоряжении теперь была уникальная «база данных», а тот факт, что книга стала началом новой эпохи в историографии, оказался, в общем, случайностью, безусловно счастливой для всех современных историков.

Несколько слов о языковом выборе авторов «Центурий». Кажется очевидным, что такое сочинение могло быть напечатано только на латыни. Конечно, во второй половине XVI в. почти все крупные сочинения выходили именно на латинском языке, и немецкоязычные авторы в поисках более широкой аудитории делали такой выбор ещё долго. Современные историки не видят в языковом выборе никаких интересных нюансов⁸. Всё было бы просто, если бы не вторая страница первой центурии. Там посреди чистого листа содержится просьба не готовить немецкого перевода и не публиковать его самостоятельно. Форма этой просьбы позволяет увидеть за ней не абстрактные «авторские права» (самого понятия о которых, как мы знаем, тогда просто не существовало), а конкретную коммерческую выгоду, которую авторы надеялись извлечь из немецкого переиздания своего труда⁹. Издатель Томас Ребарт выпустил в 1560—65 гг. на немецком языке первые четыре тома центурий¹⁰. Немецкая публикация

⁸ Die Magdeburger Centurien. Döbel, Janos Stekovics, 2007. Bd. 1. Die Kirchengeschichtsschreibung des Flacius Illyricus (далее — MC 1). S. 63.

⁹ “Passim hoc seculo plurimi fuci proueniunt, qui alienos labores sine fronte rapiunt, suosque faciunt. Id ne nobis quoque accadat, significandum duximus, nos ipsos, qui hoc Opus historicum iam in lucem damus, in hoc esse, ut in Germanicam transfundatur lingua: et in eo negocio quotidie progredimur. Rogamus igitur omnes amanter, ne nobis quae nostra sunt abalienentur. Nouit enim unusquisque, praeceptum Dei, Non furtum facias. Vale”.

¹⁰ Второй том, к примеру, назывался так: Kirchen Historia. Die anddere hundred Jar oder Centurien, Darinnen ordentlich, und mit hohem vleis beschrieben wird der ganze stand und das wesen der Kirchen Christi, nach deme die Apostel nun sind hinweg gewesen, zu den zeiten, da Keiser Traianus, Antoninus Pius, Antoninus Verus, Commodus, und zum teil auch Severus regieret haben, und etliche fürtreffliche Lerer in der

преследовала прежде всего рыночные цели, но их не оправдала; важнее то, что появление немецкой версии не сделало книгу существенно популярнее. Авторы были недовольны результатами сотрудничества с йенским издателем, и публикация немецкой версии была приостановлена. Очевидно, определяющим для успеха и распространения книги был всё-таки латинский текст. Любопытно, что диспут с виттенбергской школой Меланхтона — главными идейными противниками Флация внутри лютеранского лагеря — вёлся в основном на немецком, несмотря на богословский характер; печатная перепалка с основным защитником филиппистов Юстом Мением проходила полностью на немецком языке. Очевидно, не тематика была определяющей в выборе языка. Скорее, выбор объяснялся масштабностью поднимаемых проблем, расчётом на конкретного идейного противника, которым в случае с «Центуриями» была римская Курия. Центуриаторы опасались, что кто-то лишит их издателя прибыли; ука-зывая на латыни (!), что готовится немецкий перевод, они обращаются прежде всего к тем, кто способен его сделать, а не к абстрактному немецкоязычному читателю. К 1562 г. надежды на материальную выгоду рассеялись окончательно, и центуриаторы не только не видели более смысла препятствовать частной инициативе, но и попытались придать ей видимость легитимности. После «Посвящения» 6 центурии следовало обращение к читателям. В нём содержалось самое широкое разрешение переводить «Центурии» на новые языки, а также просьба делать это правильно и целиком. Отметим, что после такого разрешения попытки издать «Центурии» на новых языках прекратились на очень долгое время.

Титульный лист, оформление, предисловия, посвящения, даже выбор языка показывают нам (как и показывали когда-то читателям-современникам), какого конкретного эффекта ожидали руководители проекта от его реализации. В частности, титульный лист сообщает, что книга издавалась не по распоряжению властей какого-то конкретного германского государства и не претендует ни на какой официальный статус в условиях противостояния светской и духовной власти, а также противостояния внутри церкви. Напротив, система посвящений каждой отдельной центурии новым светским государям (а позже — и просто влиятельным лицам) свидетельствует не только о напряжённых поисках спонсоров и политических покровителей проекта, но и о стремлении заявить о книге на надгосударственном и даже на наднациональном уровне.

Kirchen, aus Gottes gnaden und segen gewesen sind, als Ignatius, Polycarpus, Papias, Apollinarius, Melito, Theophilus, Polycrates, Egesippus, Pantenus, Clemens, Justinus, Ireneus, und dergleichen mehr, welche der lieben Apostel fustapffen nachgefolget, aus den fürnemesten geschichtbüchern, auch der Vetern und anderer schriften. Aus dem Lateinischen Exemplar durch die Authores vleissig verdeuscht und trewlich übersehen. Jhena, durch Thomam Rebart. 1560.

И Евсевий

Амбициозность замысла книги проявлялась, в частности, в намеренном противопоставлении нового труда прежним историко-церковным сочинениям; её сразу необходимо было чётко позиционировать среди благословлённых церковной традицией предшественников. Наиболее очевидным казалось сопоставление новой работы с общепризнанной классикой — «Церковной историей» Евсевия Кесарийского. Эта работа используется в качестве ориентира в различных аспектах; особенно очевидна преемственность с сочинением «Отца церковной истории» в расположении материала. Разумеется, сам сюжет предусматривает определённую последовательность событий; традиционно (эту традицию основал именно Евсевий) первая книга сочинения посвящена личности Иисуса Христа, рассуждениям о его природе, его подробной биографии (говоря словами Евсевия, изложению «Божественного Домостроительства, основание которому положено Господом нашим Иисусом Христом»¹¹). Хронологически первая книга сочинения Евсевия (и первая книга первой Центурии) завершается событиями, непосредственно последовавшими за Вознесением. Евсевий предпослал первой книге несколько строк, в которых описал тематику своего исследования применительно к различным эпохам, а заодно и порядок расположения материала. Эти строки в «Центуриях» были расширены до пространного описания методов подбора материала и его системы расположения и вылились в своего рода манифест исследовательского подхода¹². Они представляют собой связный текст, приобретающий особенную важность как источник по проблеме восприятия авторами своего труда. Написание такого текста станет в историко-церковной полемике традицией, и мы увидим, как и последователи, и противники центуриаторов будут особенно тщательно готовить вводные главы и насыщать их программным содержанием.

Конечно, авторы отдавали себе отчёт в том, что, несмотря на весь новаторский потенциал, тематически их произведение будет помещено читателями в контекст сложившейся историографической традиции. Желая направить ассоциации своей целевой аудитории в нужном направлении, центуриаторы обозначили во введении к первому тому интересный ряд избранных предшественников. Помимо Евсевия, в этот ряд попали его продолжатели (Сократ Схоластик, Созомен, Феодорит Кирский), а также

¹¹ *Евсевий Кесарийский. Церковная история* (далее — ЦИ). I.2.

¹² “Praefatio in historiam ecclesiasticam, causas contextendae historiae, et commemorationem utilitatum, et denique quandam ipsius scriptionis formam atque rationem seu Methodum continens”. ЕН I α4-β3(9 страниц, Praefatio), β4-γ3 (15 страниц, Methodus). Последнее — это лишь схема расположения материала по главам; то, что мы назвали бы «методом» сегодня, находится в Praefatio.

ещё несколько малопримечательных церковных историков, среди которых мы неожиданно встречаем Науклера и Сабеллико. Конечно, упоминание этих историков в первых строчках «Предисловия» — не более чем риторическая фигура, и не следует придавать ей серьёзного, тем более программного значения. Тем не менее, отметим, возможно, первое в истории проявление «политкорректности», заставившее центуриаторов упомянуть не имевших особых заслуг перед историей Церкви представителей и нарождающейся германской исторической мысли, и итальянского гуманизма¹³.

Историко-церковная традиция довольствовалась соображениями о методе своей работы, которые предпослал своей «Церковной истории» сам Евсевий. Продолжатели Евсевия избегали рассуждений на методологические темы. Сформулировав собственные представления о методе, Центуриаторы поставили себя на один уровень с легендарным «отцом церковной истории», что в классической римской историко-церковной традиции было абсолютно невозможно! В самом деле, ни один из средневековых или ренессансных продолжателей Евсевия (пусть не в объёме всего замысла, фрагментарно) не мог и помыслить соперничать с образцом в теоретическом плане: столь непререкаем был авторитет данного сочинения и, в более широком смысле, письменного слова предшественника вообще. Формулирование Метода во введении «Центурий» — шаг исключительной смелости с политической точки зрения. Для нас сегодняшних он имеет и другое значение: с него начинается методологическое осознание историком Нового времени своего труда — исток современной теории истории.

Петер Майнхольд отмечал, что центуриаторы совершенно чётко осознавали новаторский характер своей работы¹⁴. Их «совершенно новый способ изложения» основывался на критике всех предшествующих работ. Разрыв с предшествующей традицией был подчёркнут уже во Введении. Этот ход фактически вынудил последующих критиков Центурий из католического лагеря, наоборот, искать утраченный континуитет, пытаться его восстановить. На некоторое время опора на преемственность по отношению к историко-церковной традиции станет козырной картой католического лагеря, но крупнейший из противников «Центурий» — Бароний — снова сделает ставку на кри-

¹³ Главное основание не считать этот перечень пустой формальностью или случайным выбором — это выход несколькими годами ранее сочинения Флация «Каталог свидетелей истины» — перечня всех (около 400) авторов, могущих по тем или иным причинам (часто довольно условным) считаться предтечами Лютера в деле критики Церкви. *Catalogus testium veritatis, qui ante nostram aetatem reclamarunt Papae, opus varia rerum, hoc praesertim tempore scitu dignissimarum, cognitione refertum...*, cum Praefatione Matth. Flacii Illyrici. Basileae, Oporinus, 1556.

¹⁴ *Meinhold P. Geschichte der kirchlichen Historiographie. Freiburg, 1967. Bd. 1. S. 277.*

тику практически всех своих предшественников. Дело в том, что необходимость опираться на континуитет связала руки католическим историкам и потребовала дополнительных усилий, софистических ухищрений, материальных ресурсов для того, чтобы сохранить требуемые самой дискуссией темпы профессионализации ремесла, повышения качества исторического анализа¹⁵. Попутно обратим внимание на уже упоминавшееся подготовительное сочинение Флация — «Каталог свидетелей истины». В момент его подготовки автор ещё опирается на концепцию всеобъемлющей преемственности; она является стержнем, объединившим более 400 исторических персонажей (подчас притянутых вопреки логике). Этот текст — свидетельство кристаллизации общей исторической концепции «Магдебургских центурий»; сам факт его выхода в печати обнаруживает напряжённую работу мысли, эволюцию мышления целого авторского коллектива. В период после его выхода (1556) до выхода первого тома «Центурий» (1559) происходит превращение тезиса о непоколебимой преемственности в череду предшественников лютеранства в фигуру речи, неизбежный идеологический штамп. В ходе осознания своего места в историографическом процессе центуриаторы сделали свой выбор в пользу разрыва, чтобы подчеркнуть новаторство.

Авторы нового сочинения не ставят перед собой цели создания цельного, удобочитаемого текста («подобно Илиаде Гомера»¹⁶); они тщательно изучают произведения тех, кого сами включили в линию своих предшественников (от Евсевия до Сабеллико) и обнаруживают, в частности, недостатки и лакуны, которые следует запомнить. Так, они обещают тщательно воссоздать в историческом разрезе «историю догмы», которая и станет основным содержанием их исследования от столетия к столетию. Эта сторона знания «по праву занимает главенствующее место в истории церкви», при том, что предшественники центуриаторов на ниве церковной истории сами не разбирались в дан-

¹⁵ Цезарь Бароний в своих «Церковных анналах» (*Annales Ecclesiastici*, 1589—1607) подверг профессиональной критике всех своих предшественников, в том числе — Евсевия и его ближайших продолжателей (Сократа Схоластика, Созомена, Феодорита). За Баронием была организация, которая могла обеспечить выдерживание множеством последующих историков заданной линии, и католическая историко-церковная традиция будет столетиями выдерживать и всячески подчёркивать континуитет по отношению уже к Баронию и его продолжателям. Впрочем, это — тема другого исследования.

¹⁶ ЕН I β2. Отметим, кстати, начало конца отождествления историографии с литературными жанрами. Пока ещё не вполне осознанно, но уже ошутимо различие между способами написания художественного текста (для которого как раз и потребно пресловутое «вдохновение») и научного (для которого тщательность важнее красоты).

ном вопросе¹⁷. Воссоздание эволюции догмы станет главным шагом вперёд «Центурий» по сравнению с предшествующими сочинениями.

Первым объектом для полемики становится сам Евсевий. Дискуссия начата прямо в «Предисловии», и её тема символична: определение христианина и понятия праведника. Евсевий избегает чёткого определения своей позиции, но говорит, что некоторые люди, даже если у них отсутствует понятие о Христе, могут считаться праведниками (например, Авраам)¹⁸. Центуриаторы пренебрегли тем фактом, что, по мнению Евсевия, известный Аврааму бог и есть Христос, Слово Божие. Со своей стороны, они расширяют число праведников за счёт тех, кого можно описать как честного человека *Ethnico more*¹⁹.

Центуриаторы утверждают: концепция Евсевия слишком обща и неконкретна, для использования в церковных диспутах непригодна. Конечно, этот выпад в адрес великого предшественника политически ангажирован. В частности, они подчёркивали, что для Евсевия принадлежность к сообществу христиан определяется знанием Христа и учения, умеренностью духа и справедливостью, скромностью жизни, силой добродетели, а также любовью к Господу; его основной виной было невнимание к проблеме отпущения грехов и божественного правосудия, а главное — к догмату оправдания верой²⁰. Центуриаторов совершенно не смущает, что этот догмат не мог быть известен Евсевию, не формировался и не обсуждался в его времена даже в самых суровых и отвлечённых богословских спорах. Мы не будем касаться доктриналь-

¹⁷ "... de doctrinae forma, quae quolibet seculo in Ecclesia Christi extiterit (...) Iure autem haec pars vel principem in Ecclesiastica historia locum obtinet: siquidem praecipua nota et cor uerae Ecclesiae existit. Imo ne illi ipsi quidem historici uidentur satis bene doctrinam hanc coelestem intellexisse".

¹⁸ ЦИ. I.4.

¹⁹ То есть в духе трактата Цицерона «Об обязанностях» или Данте, проводившего в 4 песне Ада различие между христианскими и моральными добродетелями.

²⁰ "Christianum esse uirum, qui per Christi cognitionem ac doctrinam, animi moderatione et iusticia, continentiaque uitae, et uirtutis fortitudine, ac pietatis confessione erga uerum, unum ac solum omnium Deum excellit. Ista primum nimis generaliter dicuntur: deinde, nihil de regeneratione, nihil de fide, de qua tamen toties Christus et Apostoli concionantur, exprimit: et ad illam Philosophicam cardinalium uirtutum enumerationem, quae sunt, modestia, iusticia, temperantia, fortitudo, magis alludit, quam ad Decalogi seriem: neque obscure significat, ad id tali homini noticiam Christi eiusque doctrinam solum prodesse, ut uirtutibus possit excellere. nihil de remissione peccatorum, atque imputata iusticia per fidem in Christum dicit, quae est quasi ipsissima Christiani hominis forma: uirtutes autem seu bona opera sunt fructus ex iustificato homine promanantes, ut docet Christus, Apostoli, et uniuersa sacra Scriptura. Ne vero quis hic respiciat iudicij aequitatem et moderationem (ut solent quidam, nimis lenes et bonos interpretes, etiam cum ueritatis iactura, sese praebere) sed integrum potius historicum Eusebij corpus aspiciatur: ex quo patebit, eum non satis perspicue articulum Iustificationis, qui in doctrina Christiana summus est, uel intellexisse, uel explicuisse".

ной стороны: она очень важна в изучении идеологической стороны столкновения, но нас интересует больше дискурс в пределах «искусства истории». Обращение именно к Евсевию, вкладывание распространённого положения именно в его уста с последующим их опровержением — это признание авторитетности историка из Цезареи не только для «Рима», но и для всего христианского мира в целом. Евсевий отвергнут потому, что он не разобрался в том, в чём люди стали претендовать на понимание тысячи лет спустя.

Исходя даже только из списка признаваемых центуриаторами предшественников, мы можем понять, что зарождающаяся именно здесь новая методология должна будет не только подвергнуться сравнению с евсевианской, но и проявить себя более совершенной. В самом деле, структура глав, принятая в сочинении Евсевия Кесарийского «Церковная история», послужила прообразом структуры отдельных Центурий. Евсевий выстраивает свои книги по императорам; авторы нового сочинения — по векам, что выглядит несколько искусственно, но не более искусственно, чем периодизация церковной истории по светским правителям. При этом некоторые упомянутые в «Метод» темы развивают темы Евсевия, заявленные во введении к его труду²¹ — наследование епископских кафедр, история теологов, ересей, евреев, мучеников и т.п.

Первый полемический удар, наносимый по Евсевию, вовсе не означает, что «Центурии» были направлены против Евсевия или задуманы для того, чтобы поставить под сомнение его престиж. Недаром Евсевий и возражение против него вынесены во «Введение»: эта коллизия также наполнена символическим смыслом. Она отделяет «Центурии» от предшествующей историографической традиции, от трудов «авторитетных» писателей, чей авторитет, как известно, держался на уважении к традиции, на том, что их тексты были освящены веками. Декалог становится критерием веры, важнейшим параметром, по которому оценивается человек. Таким образом, те качества, которые Евсевий признавал положительными, ничего не значат по сравнению с тем, чего «в действительности» требует христианский закон. Строгость увеличивается, но приобретает несколько «внешний» характер: при всей нечёткости в формулировках и понятийной непроработанности некоторых вопросов Евсевий обнаруживал большую по сравнению с центуриаторами терпимость в вопросах веры.

Во введении в кратком виде сформулированы все претензии к предшественникам на ниве церковной истории. Они сводятся к увлечению описанием людей и событий и отсутствию внимания к таким аспектам, как суть идеологических конфликтов и воздействие этих самых событий

²¹ ЦИ I.1.1

на облик и даже на само учение Церкви²². Например, описывая ереси, церковные историки не анализировали её содержание, не сопоставляли его с позицией официальной Церкви. Недостаточно освещались и различия в церковной практике различных католических стран, в управлении Церковью на той или иной территории. Предшественники уделяли такое внимание личностям, что их можно назвать «историками личности»²³. Претензия заключается в том, что много внимания уделяется событиям, и мало — теориям и спорам. Достойным же внимания историков провозглашается то, что более поздние историки Церкви назовут *Dogmengeschichte*, историей догмы (в «Центуриях» — *doctrinae forma*).

Несмотря на наличие столь категорических претензий, центуриаторы положительно относятся к личностям древних церковных историков, а также чаще всего доверяют их информации. В основном тексте «Центурий» их работы широко привлекаются к реконструкции исторической картины; в «Предисловии» говорится и о ценности их работ в целом²⁴. В этом утверждении нет никакого противоречия с принципом «разрыва преемственности», о которой речь шла выше. Центуриаторы воспринимают свою работу в ключе, понятном и общем для историографии вплоть до эпохи Просвещения: они «надстраивают» свои умозаключения и разыскания на произведениях предшественников, не подвергая этих последних особенной критике. В частности, объявляется, что из предшественников будут братья целые куски повествования, и делаться это будет не равнодушно, но с благодарностью (*gratis animis*) и, конечно, без каких-то угрызений. Если практикующие историки раннего Нового времени, как правило, избегали давать развёрнутое определение своему отношению в предшественникам, то для центуриаторов этот пункт стал одним из важнейших программных утверждений.

Уже при чтении «Предисловия» становится очевидным, что авторы «Центурий» не воспринимали свою работу как историко-церковную в узком смысле слова. Ни один известный им сюжет не отбрасывался из их сочинения априорно, на основании того, что тематически он не относится к церковной истории *stricto sensu*. Единственная оговорка необходима в отношении дохристианской истории. Она не заслуживала

²² *“Plurimum enim occupati sunt in describendis et laudandis personis. Commemorant, qualis ac quam sanctus vir quis fuerit, quam mirabilem uitam duxerit, quam multum ieiunarit et orarit, quae miracula uiuus aut mortuus fecerit: quorum tamen nonnulla, ac sint ueritati consentanea, non praeter rem ambigitur. Non ibi dogmata, non certamina perspicue exponuntur”*.

²³ *“tantum sunt personales, ut sic dicamus, historici”*.

²⁴ *“Habent sane illi historici quoque suam laudem, et gratis animis hoc beneficium amplectimur et praedicamus: quod tamen aliquam Ecclesiae historia ab ipsis acceperimus, uiuant maneatque ipsorum etiam monumenta”* // EH I α4.

внимания лишь потому, что церковь была хронологически самым первым «внешним» проявлением Бога (*“visibilis in hac terra coetus”*). С её возникновением, однако, начались и преследования её, о которых (а также о том, что по поводу этого думали различные благомыслящие мужи) центуриаторы собирались писать особенно подробно. Таким образом, после проповеди христовой интриги всемирной истории сложилась моментально и более уже не прекращалась.

Центуриаторы указывают, что после достаточного, но не слишком пространного (*mediocriter*) изложения «внешнего» состояния церкви нас ждёт описание «внутреннего»²⁵. Впервые в церковной историографии провозглашается, что объектом исследования достойно стать не только то, относительно чего авторитетные церковные писатели соглашались друг с другом, но и то, что вызвало их споры, рождённые столкновением мнений ошибки и разногласия, понимаемые как однозначный ущерб для единства мнений (*corruptelae*).

Отдельную речь центуриаторы собирались вести о ересь, причём не о вызванных ими событиях внешней истории, а об их учениях и о тех положениях, в которых они расходятся с «генеральной линией» (*sincera doctrina*). Никакого снисхождения к еретикам не будет: они однозначно трактуются как внутренние враги Церкви. И всё же читателю будет даваться возможность самостоятельно судить о том, в каких положениях еретики противоречат «божьей истине»²⁶. Это положение тоже имело для центуриаторов программное значение. Дело в том, что римская Курия обвиняла Лютера и его последователей в ереси, и чтобы отвести такое уничижительное для новой философии религии обвинение, требовалось не просто создать историческое произведение (см. выше), но и категорически отмежеваться от множества еретических учений предшествующих эпох.

Интересно, что установка на изучение ересей как «вещи в себе» натолкнула центуриаторов на новые классы источников, о которых предшествующие историки не имели даже отдалённого представления. Например, было замечено, что церковный церемониал не остался неизменным и носит в себе следы изменения догмы. Отсюда следует, что его следует изучать как явление, имеющее своё рациональное объяснение. Помимо церемониала, изменялась и система управления церковью (*politia*), которая также вбирала в себя новые элементы светского характера (*“metamorphosis quaedam Ecclesiastici regiminis in civile aut mundanum tentata”*): Флаций Иллирик в «Предисловии» осознаёт эти изменения во времени и считает их вполне достойным исследования сюжетом. Были также от-

²⁵ *“His externis explicatis mediocriter, interior et propinquior Ecclesiae forma ac ratio proponeretur”* // EH I βi.

²⁶ *“Magis autem perspicue capita seu hypotheses haeresium recensendae essent, ut Lector intelligeret, in quibus articulis haeretici veritatem Dei labefactare conati sunt”*.

мечены расхождения между учениями отдельных крупных церковных писателей, которые в «Центуриях» впервые были восприняты как закономерное явление, развивающееся по определённым закономерностям.

Разумеется, заявленная на самых первых страницах «Центурий» проблематика не ограничивалась только новаторскими темами, однако они занимали наиболее видное место. Кроме них, в «Центуриях» должны были присутствовать и более привычные глазу тогдашнего читателя сюжеты — рассказы о святых и мучениках, о чудесах, «которыми Господь украсил свою Церковь», а также об изменении политической картины мира (*“de mutationibus imperiorum politicorum”*). Это последнее вполне нивелировало различия между историей христианской Церкви и общей историей христианских земель и даже всеобщей историей.

Наши представления о сути «Центурий» определяются их практической ценностью для ведения полемики против римской Курии; при анализе этого произведения обычно делаются оговорки, подчёркивающие несоответствие книги принятым в те времена канонам исторического произведения, а также нынешним представлениям. Между тем, центуриаторы не только называют свою работу «Историей», но и всячески подчёркивают её принадлежность к этой сфере гуманитарного знания. В предисловии (с. 4) говорится, что авторы книги не стремятся собрать факты сами по себе, а предлагают общую картину — Церковную Историю. Основополагающими в этой истории являются деяния Господа, а задача историка, в общем, проста — разъяснять важнейшее из того, что Он предпринял для достижения своих целей. При этом, считают центуриаторы, современные историки никак не могут уступать древним. Если языческие авторы подробно описывают высказывания великих людей, а также «формы правления, законы, декреты, конституции, письма, речи и деяния», то это тем более уместно в истории церковной, «где учёность и другие подобные качества имеют тот же самый смысл». При этом, правда, не следует соперничать с политическими историками в описании событий внешней истории: это не будет полезно для церкви, а значит, будет поводом для всяческих обвинений²⁷. Одновременно приходится отказаться и от занимательных фактов, которые не имеют отношения к основной теме: они «доставляют некоторое удовольствие любопытному уму, однако расстраивают вкус и приводят в беспорядок память»²⁸.

Зачем центуриаторы пишут свою книгу? Главной своей целью они видят создание целостной картины церковной истории, которую благодаря «Центуриям» можно будет «держат перед глазами, будто нарисо-

²⁷ “Si igitur quaedam rectius ac plenius exponuntur, idque in utilitatem Ecclesiae cedit, non debet peruersis criminationibus obrui”.

²⁸ “Confusio seu narratio uariarum rerum in historiis, potest quidem aliquid delectationis afferre curiosae menti, sed iudicia perturbat, et memoria”.

ванную на картине». Они будут доказывать единство всей христианской церкви, основанной на общих принципах единым основателем, а также покажут, что учение, распространившееся в церкви в последнее время, соответствует изначальному. Всё появившееся позже будет рассмотрено в хронологическом порядке, по мере возникновения: претензии римского епископа на первенство, детали богослужения, нововведения культа (таких, например, как почитание покойников и т.п.). Отдельно будут обсуждаться «признаки истинной Церкви» и «признаки ложной» — то, что можно будет непосредственно использовать в идеологическом споре с Римом, не прибегая даже к посредству исторической информации и аргументов. Таким образом, одним из важнейших качеств «Центурий» планировалось сделать полезность книги даже для дискуссии вне историко-церковного поля. Разумеется, значительное место в книге планировалось отвести и «длани Господней» — проявлениям благодати, снизошедшей на различных выдающихся мужей Церкви, карам, постигшим как «фальшивых и фанатичных учителей», так и тех, кто должен был бороться против искажений, но не делал этого.

Можно только догадываться, каким интересным их сочинение обещало стать для читателя, прочитавшего «Предисловие». Он заинтригован! Оказывается, Евсевий во всеуслышание объявлен не вполне удовлетворительным, а с ним — и череда популярных его продолжателей²⁹ (Созомена, Сократа Схоластика и Феодорита в первую очередь). Оказывается, кто-то может взяться за новое изложение материала, уже описанного когда-то великими классиками: на этом материале будет построено новое, не виданное доселе здание церковной истории многих столетий, прошедших после создания классических греческих историй. Эта история будет доведена до современности, а источниками её будет то, что ранее никто и никогда не принимал в расчёт: история христианской Истины! Изменения в вероучении, содержание ересей, споры между церковными авторитетами — всё это раньше тщательно замалчивалось официальными церковными авторами, а те, кто пытался им печатно возражать, ещё не применяли системный подход. Наконец, менее значительные факторы (такие, например, как изменения в церковном церемониале или эволюция

²⁹ Свидетельство популярности этих авторов среди читающей публики — большое количество переизданий. Любопытно, что сам издатель «Магдебургских Центурий» Иоганн Опорин незадолго до выхода первого тома переиздал в одном томе все самые популярные «Церковные истории», в том числе знаменитую «Трёхчастную историю» (*“Historia Tripartita”*, составленная из текстов Созомена, Сократа и Феодорита). Это издание способствовало подогреванию читательского интереса, готовя рынок к выходу новой истории Церкви — скандальные слухи о ней уже просочились. С другой стороны, издание именно у Опорина не имело прямого воздействия на рынок (при большом количестве сравнительно недавно вышедших других изданий).

органов церковного управления) иллюстрировали главную идею лютеранства в таком неожиданном и новом ракурсе, что проявляющиеся при этом свете истины приобретали особую очевидность, казались совершенно бесспорными. Выход «Центурий» был долгожданным событием; читатель, наконец получивший первый том в руки, читал «Предисловие» и снова осознал новаторство книги, глобальность подхода, смелость, отрицание традиционных авторитетов, критический дух по отношению к предшественникам и всякого рода «официальным точкам зрения»!

После «Предисловия» в книге помещён «Метод» — перечень глав, на которые будет разбит каждый том. Ещё Флаций с Нидбруком априорно решили, что каждое столетие прошлого даёт достаточно информации для того, чтобы заполнить соответствующие ячейки заранее составленной и продиктованной, конечно, идеологическим императивом матрицы. «Метод» — это и своего рода указатель, являющийся главным стержнем «Центурий», ключом к пониманию всего огромного сочинения, сложного и длительного предприятия. После знакомства с ним становится понятным, что «Центурии» не предназначались для чтения: материал изначально планировалось препарировать таким образом, чтобы он, лишённый логической последовательности и целостности, был при этом легко находим. Опираясь на «Метод», можно было найти информацию по любому аспекту церковной жизни (или сосуществования церкви и государства), если дата события приблизительно известна. Как мы знаем, центуриаторы ранее заявили о своём намерении написать «историческое сочинение», то есть нечто связное и предназначенное для чтения; одновременно они дают ключ к интерпретации сложнейшей фактологической «мозаики» с помощью «Метода». Налицо явное противоречие, которое легко разрешается: слова об «историческом сочинении» — это обязательная фигура речи, это расположение своего труда «в линию» с Евсевием и его непосредственными продолжателями, но никак не характеристика основного текста в жанровом отношении. В конце каждого тома давался и подробный географический и именной указатель (в первой части первой Центурии, посвящённой евангельским событиям, имелся ещё и указатель отсылок на текст Библии). Рассматриваемый нами труд был задуман как «готовый к употреблению» подсобный материал, возможно, как готовые фрагменты текста для других сочинений, уже подготавливаемых с конкретной целью участия в спорах.

Удалось ли центуриаторам выполнить все заявления, приведённые во введении? Конечно, точный ответ на этот вопрос может дать лишь подробный анализ содержания «Центурий» тезис за тезисом — анализ, до сих пор так и не произведённый историками. Вес «Центурий» в глобальном историографическом процессе различается в зависимости от взгляда на этот процесс, от эпохи, из которой этот взгляд бросают в глубь

веков. Постановка себя в ряд историков Церкви, начинающийся с Евсевия, и одновременный разрыв с традицией предшественников полностью себя оправдали. Исследователи более поздних эпох — Штойдлин, Баур, Лебедев, Нигг, Майнхольд³⁰, а также авторы множества работ с меньшим охватом материала — при изложении материала следуют схеме, фактически предложенной центуриаторами во введении. Согласно этой схеме, историография Церкви начинается с Евсевия, развивается авторами «Трёхчастной истории» и некоторыми другими продолжателями, а затем застывает вплоть до появления «Центурий». Разумеется, более поздние исследователи в той или иной мере отдают должное и дискуссии с католиками, порождённой «Центуриями» непосредственно.

Зачем в книгах бывают посвящения

Важнейшим элементом определения места нового проекта в общественной жизни и в церковной полемике была целая система «Посвящений». Посвящения были предпосланы каждому тому-«центурии», а в первой центурии, разделённой на две «книги», были предусмотрены отдельные посвящения для каждой, и всякий раз, разумеется, разным лицам. Масштаб светских политических деятелей, охватываемых этими посвящениями, не только различен; он имеет также собственную динамику. Странным образом персоны, упомянутые в «Посвящениях», ни разу не привлекали внимание позднейших исследователей, и мы сделаем первую попытку обобщить полученную информацию.

Первая центурия посвящена «Христиану и его сыну Фридриху», королям Дании, Норвегии, «готов и генетов», герцогам Шлезвигским и Эльзасским, государям Дитмархским, графам Ольденбургским и Дельменхорстским и пр. Датский король Кристиан III умер как раз во время подготовки к печати первой Центурии, и в память о его обещаниях, а также в надежде на верность отцовским принципам наследника престола Фредерика II центуриаторы решили прославить его в первом посвящении. Конечно, довольно странно видеть среди адресатов посвящения недавно умершее лицо, но сами центуриаторы ещё не знали, какой вариант поиска спонсоров окажется наиболее эффективным. Помимо датских королей, был отмечен и шеф покойного Нидбрука

³⁰ *Stäudlin C.F.* Geschichte und Literatur der Kirchengeschichte. Hannover, 1827; *Baur F.Ch.* Die Epochen der kirchlichen Geschichtschreibung. Tübingen, 1852; *Лебедев А.И.* Церковная историография в главных её представителях с IV по XX в. СПб., 1903; *Nigg W.* Die Kirchengeschichtesschreibung. Grundzüge ihrer historischen Entwicklung. München, 1934; *Meinhold P.* Geschichte der kirchlichen Historiographie. Freiburg, 1967.

Максимилиан — будущий император Священной римской империи, а пока — «лишь» король Богемии, эрцгерцог австрийский, герцог Бургундии и Силезии, маркиз Моравский, граф Тирольский и т.д. Подробное перечисление титулов и корон — не только абсолютно необходимый в ту эпоху этикет, но и средство, могущее охладить пыл у критиков-католиков. Второе посвящение, конечно, было необходимо для того, чтобы воздать должное человеку, с чьего благосклонного согласия Нидбрук вложил в проект столько сил.

Вторая книга первой Центурии посвящена Отто Генриху стольничему (Archidapifer) Священной Римской империи, курфюрсту, графу Рейн-Пфальцскому, князю Баварскому и т.д., а также Августу, Священной Римской империи архимаршалу и курфюрсту, герцогу Саксонскому, ландграфу Тюрингскому и прочая и прочая. Эти лица сыграли особую роль в подготовке издания, и о ней мы скажем ниже. Вторая центурия была посвящена представителям местной феодальной власти. Книга посвящена Иоганну Фридриху II, Вильгельму, Иоганну Фридриху Младшему — братьям, герцогам Саксонским, ландграфам Тюрингии, бургграфам Магдебургским; Иоганну Альберту и Ульриху герцогам Мекленбургским (Mecklenburgensium), князьям Вандальским, графам Шверинским, Ростокским и Штаргартенским; Вольфгангу, князю Анхальтскому, графу Асканскому, государю Бернбургскому и пр. Эти князья обеспечили своей благосклонностью саму возможность работать над книгой в Магдебурге, и, конечно, признательность авторов должна была быть отмечена. Центурия третья посвящена «щедрым и прославленным господам» Вильгельму, графу Нассау, Катенельбогена и Дитца; Гюнтеру, графу и государю Шварцбургскому; Гебхарду, Альберту, Иоганну Георгу и Иоганну Альберту, Вольраду сыну Альберта, Христофору сыну Гебхарда — графам Мансфельдским, государям Шраппелау и Хельдрунгена и пр., а также Людвигу, Генриху, Альберту Георгу, Вольфгангу Эрнесту, Бодону, Иоганну и Генриху — графам Штольбергским, Кёнигштайнским, Рутцефортским, Вернигеродским, государям Эпштейнским, Минценбергским, Бройбергским и пр.

Мы видим, что количество лиц, упомянутых в посвящениях, растёт, но вес каждого из них невысок и до поры до времени имеет тенденцию к уменьшению. Кто эти люди? Это, конечно, спонсоры и потенциальные политические покровители: как мы увидим при анализе содержания книги, оно подразумевало резкое обострение конфликта с Римом, а значит, появление физической опасности для его авторов. Спонсорство подобных проектов — очень интересное явление; прежде всего, это результат длительной эволюции этических взглядов на взаимоотношения историка и государя, начавшейся трудами Петрарки и продолжавшейся уже более двух столетий. Помещение имён и титулов мелких (но большей частью всё же формально политически независимых!) владетелей —

это «билет в бессмертие» нового образца. Он сменил старый, со времён Петрарки беззастенчиво навязывавшийся многими гуманистами своим мелкопоместным покровителям: историки Возрождения описывали их деяния с пафосом и размахом, достойными Тацита, Ливия или Светония³¹. Если деятели Возрождения непосредственно возвеличивали деяния своих меценатов, то в середине XVI в. неприкрытая лесть и непропорциональная заслугам пафосность воспринимались как безвкусица и в солидном издании, посвящённом к тому же проблеме всемирно-исторического масштаба, появиться не могли. И всё же спонсорам было мало торжества абстрактной идеи на свои деньги: они хотели и увековечивания своего имени в той форме, в которой это делалось в «Центуриях», с титулами «щедрых и прославленных господ». Со своей стороны, ища спонсоров, центуриаторы продавали идею, стремились сделать имеющий огромное мировоззренческое значение проект наиболее привлекательным для тех, для кого это значение могло быть и не столь важным.

Мартина Хартманн отмечала: «Вопрос о спонсорах предприятия очень сложен, поскольку, вероятно, просьбы о поддержке были в основном устными и адресованными лично, а возможная передача средств также вряд ли отражалась в переписке, поскольку она могла быть перехвачена, и этого боялись даже в эпоху Поздней Реформации»³². Последнее замечание маловразумительно, поскольку, как мы знаем из упоминавшихся выше публикаций ещё XIX в., переписка была очень интенсивной, и в ней нашли своё отображение самые разнообразные, даже довольно деликатные аспекты работы. С другой стороны, Нидбрук подписывался псевдонимом и в качестве места отправления письма указывал «Утопию». Ему действительно приходилось принимать меры конспирации, впрочем, довольно элементарные.

Вероятно³³, основным спонсором на этапе подготовки и начальной публикации был курфюрст Отто Генрих Пфальцкий (1502—1559), которому (наряду с курфюрстом Августом Саксонским) была посвящена 2-я часть 1 тома, вышедшая в 1560 г. Отто Генрих был очень набожным государем и в молодости даже совершил паломничество в Святую землю. В 1542 г. он не только сам перешёл в лютеранство, но и распространил его на своих подданных в Пфальц-Нойбурге, а с 1557 распространено на всё курфюршество. Главной заслугой его стало собирание книг.

³¹ Это явление было блестяще описано, в частности, у Георга Фойгта. См. *Фойгт Г. Возрождение классической древности, или Первый век гуманизма*. В 2 тт. М., 1884—1885.

³² *Die Magdeburger Centurien*. Döbel, 2007. Bd. 1. *Die Kirchengeschichtsschreibung des Flacius Illyricus*. (Далее — МС 1). S. 59—60.

³³ Эту гипотезу также высказывает М. Хартманн. МС 1, S. 60. Правда, Хартманн ошибочно указывает на 2 центурию и 1560 год выхода.

Собранная к концу жизни коллекция — знаменитая *Bibliotheca Palatina* — была одним из богатейших собраний своей эпохи, ставшим желанной добычей католической армии в 1622 г., в ходе Тридцатилетней войны. Поддерживая проект «Магдебургских центурий» сначала книгами, а затем — и деньгами, Отто Генрих руководствовался гуманистическими представлениями о необходимости покровительствовать искусствам и гуманитарным наукам; эти представления требовали огромных материальных затрат и практически полностью отвлекли графа от других традиционных для светского государя занятий. Курфюрст испытывал особое расположение к Флацию и в 1557 г. даже пытался переманить того к себе в Гейдельберг на преподавательскую работу. Это обеспечило бы Флацию личное благополучие, но затруднило бы работу над проектом. Флаций отказался, что, впрочем, не помешало ему вскоре переехать в гораздо менее удалённую Йену.

Тенденция благодарить в «Посвящениях» тех, кто помог проекту деньгами или предоставлением личной библиотеки, прерывается в 4 центурии: её адресатом является Елизавета (1533—1603), «королева Англии, Франции и Ирландии». Елизавета стала королевой в самом конце 1558 года; 4-я центурия увидела свет в 1560-м. Разумеется, «Посвящение» содержало исчерпывающую информацию, оправдывающую обращение к венценосной особе, ничего проекту пока не давшей. Дело всё в том, что Британия, без сомнения, является богоизбранной страной³⁴. «Ибо некоторые утверждают, что»³⁵ Иосиф Аримафейский, снявший тело Иисуса с креста «среди такой злобы иудеев» и предавший его погребению, «примерно в 63 году по Р. Х.» прибыл в Англию, где с ревностным усердием основал град нового духовного Рая. Конечно, такое обращение к королеве было вынужденным исключением из общей стратегии поиска адресатов отдельных центурий. Только что взошедшая на престол королева и до коронации была известна своими симпатиями к протестантизму; год с небольшим ушёл на подтверждение этих симпатий, выяснение желательности такого посвящения, наконец, на печатание книги. Казалось бы, материал IV века не даёт никакого повода сделать особенный акцент на английских делах, в то время как

³⁴ «Est autem Britannia quoque inter eas regiones, quae statim post exhibitum Messiam, lucem Verbi divini accepit: & quam Deus hoc honore dignatus est, ut in ea Paradisum spiritualem plantaret atque excoleret» // EH IV Dedicatoria 7.

³⁵ «Sunt enim qui affirmare non dubitent...» // Ibid. Эта фраза сама по себе в состоянии обнаружить искусственную притянутость этого аргумента, который упоминается только в «Посвящении» 4 тома. Ни в одном из мест 1 тома (вышедшего всего годом ранее!), где речь идёт о деяниях Иосифа Аримафейского, нет и тени упоминания о его поездке в Британию, при том, что, например, авторы обнаруживают знакомство с апокрифическим Евангелием от Никодима. См., например, EH I 362.47 и далее.

более естественным могло бы стать ожидание выхода томов, где такие маркетинговые ходы были бы более оправданы тематически. Однако в первые годы издания центуриаторы тяготели к обращению к величайшим коронам протестантской Европы, и каждая возможность должна была быть использована. В данном случае центуриаторы подхватили утверждение Евтропия о том, что Константин родился в Британии³⁶, а этот факт случайным быть никак не может.

Впрочем, Британия выделяется среди других стран не только как родина Константина. На наш взгляд, не следует сбрасывать со счетов и её историческую близость Германии. Многие факторы прошлого были общими для этих двух стран, к тому же их объединяло общее противостояние Риму, и поэтому протестанты Германии чувствовали к Англии особую симпатию. Пытаясь найти этой симпатии рациональное объяснение, центуриаторы прибегнули даже к такой категории, как «естественное право». Этими словами в «Посвящении» королеве они назвали то общее, что появилось в законодательстве «самых процветающих языческих государств» на основе Второй таблицы декалога. Божественное Провидение, очевидно, создало моральную базу для дальнейшего торжества протестантизма в Англии, а также в других «процветающих языческих государствах». Мы присутствуем при попытке выделить общие качества, присущие народам, первыми и наиболее полно воспринявшими идеи протестантизма³⁷.

Маркетинговая стратегия четвертого тома «Центурий» была продолжена в пятом (1562). Во-первых, надо было закрепить связь между выходящей книгой и ведущими коронами протестантской Европы: эта связь была пока неустойчивой и скорее эмоциональной, чем конкретно-материальной, однако авторам, возможно, казалось, что её можно консолидировать, попутно решив проблему материальной стороны проекта. Во-вторых, самолюбие королевы могло быть задето тем фактом, что она в качестве объекта для «Посвящения» оказалась в компании лиц, расположенных на феодальной лестнице значительно ниже неё. Пятая центурия посвящена королю Швеции (а также «готов и вандалов») Эрику XIV (1533—1577), находившемуся на троне с 1560 по 68 гг. Обращение к королю было выдержано в значительно менее эмоциональном

³⁶ См. EH IV *Epistola dedicatoria*, 10 и EH IV 61; см. также: Римские историки IV века. М., 1997. С. 67.

³⁷ Отметим попутно, что адресованное английской королеве — первое, в котором вводится нумерация страниц. Традиционно нумерация относилась строго только к основному тексту, а всякого рода развёрнутые эпиграфы, разрешительные письма, введения и посвящения, а также указатели и оглавления нумерации не имели — по этой причине приходится указывать страницы по сохранившимся типографским значкам. Видимо, стремились устранить любой повод для недовольства... Начиная с 5 тома, пагинация в посвящениях снова исчезает.

тоне, чем предыдущее обращение к королеве; оно построено главным образом на представлении о неотвратимости божьей кары за различные преступления против учения Христа, совершённые Церковью. Лично монарх упоминается только в самом конце. Центуриаторы говорят о высоком авторитете адресата среди истинно верующих христиан, о пользе своей книги. После должных ссылок на Давида и Исайю (говоривших об авторитете царской власти) авторы позволяют себе крайне осторожно намекнуть на желательность материальной помощи³⁸. Сопровождаются намёки обычным для большинства «Посвящений» лейтмотивом существования при адресате неких «клеветников» (очевидно, меланхтонианцев), которые распространяют лживую информацию о книге. Эту клевету и должен рассеять подарок — экземпляр тома, в виде которого то или иное «Посвящение» вручалось адресату.

Смелый маркетинговый ход не дал результата. Оба монарха не только не выказали поддержки проекту, но и вообще в своей практической деятельности воздержались от обязывающих шагов на конфессиональном поле. Эксперимент не удался, и центуриаторы возвратились к стратегии, опробованной в третьем томе. Шестой, седьмой и последующие тома были посвящены малоизвестным и совершенно неизвестным спонсорам, мелким феодалам, а также частным лицам. Из общего ряда снова выбивается 11-я Центурия, посвящённая толпе «мудрейших, светлейших и славнейших мужей, господ консулов и сенаторов» и вообще «всей республике и церкви» Линдау, что на Боденском озере. Этот крохотный городок был известным форпостом евангелической веры на Юге Германии, но это не главное: он стал единственным городом, официально оказавшим материальную поддержку проекту. Почин показался многообещающим, и его необходимо было всемерно поддерживать, прославив посвящением в отсутствие более материально обусловленных кандидатур.

На наш взгляд, самыми интересными объектами «Посвящений» стали как раз безвестные персоны, не облечённые светской властью даже в минимальном масштабе. Их присутствие в «Посвящениях» становится преобладающим начиная с 7 тома (исключением, как уже говорилось, был том 11-й). Среди нескольких десятков этих людей мы встречаем дипломатов и медиков (8-я), группу «граждан Нюрнбергской Республики» (там же), маршалка Гессена (10-я), а также массу лиц, точную классовую принадлежность которых выяснить очень затруднительно. Мы видим, что проект получил основную поддержку не государей и не церковных лидеров, а представителей интеллигенции, чиновников, даже простых горо-

³⁸ *“Petimus igitur quanta possumus subiectione, ut R. T. M. hunc nostrum laborem, difficilem certe, et mazimos sumptus requirentem, ut omnes pij facile iudicare possunt, sed (ut speramus) Ecclesiae Christi salutarem, sereno vultu accipiat, et istos pios conatus adiuvet”* // EH V Epistola dedicatoria A4 (9).

жан (правда, скорее всего, обеспеченных). Мы видим, как в различных германских городах зарождается интеллектуальная среда, особый слой населения, соответствующий, например, «гражданскому сословию» итальянского Неаполя. Отдельные представители этого сословия в исторической перспективе лишены интеллектуальной индивидуальности: речь не идёт о религиозных лидерах или авторах сочинений. Этот слой становится заметен только при достижении определённой массовой доли, и, видимо, в середине XVI в. в Германии необходимый процентный уровень уже был достигнут, и была создана важнейшая предпосылка для дальнейшего развития гражданского и национального сознания.

В своём знаменитом эссе³⁹ Роже Шартье, привлекая внимание историков к «Посвящениям» книг XVI—XVII вв. как научной проблеме, нарисовал в целом однородную картину иерархически ориентированных отношений между авторами и венценосными адресатами своих текстов. Авторы «подносят» монарху своё творение, «ищут покровительства», пытаются «снискать его благосклонность»... Возможно, французский материал позволяет сделать такие выводы, но они будут неизбежно касаться только парижской картины. Мощная централизация власти, контроль короны за книгоиздательской деятельностью, относительная слабость церковной цензуры вне собственно церковного книгопечатания — всё это выделяло Францию даже среди сохранивших верность католичеству государств. Развернувшаяся в английской историографии дискуссия не дала чёткого ответа на вопрос о реальной роли покровительства адресатов (пресловутого «патронажа») в складывании книжного рынка, но именно в рамках этой дискуссии впервые в данный контекст были введены различные понятия из сферы сегодняшнего бизнеса⁴⁰. «Магдебургские центурии» не дают повода думать, что их авторы стремились «снискать благосклонность» своих адресатов вне вполне осязаемой материальной поддержки своего проекта. Проще говоря, перспектива просить денег на продолжение работы не заставила Флация обратиться к практике восхваления государей или даже к какому бы то ни было определению иерархического превосходства своих адресатов. С другой стороны, мы обязаны отметить, что «Посвящения» максимально выделены на фоне основного текста «Центурий»; это выделение достигнуто не только размером шрифта или расположением в книге, но и при помощи инструментов стили-

³⁹ Chartier R. Le prince, la bibliothèque et la dédicace // *Le Pouvoir des bibliothèques: La mémoire des livres dans la culture occidentale / Sous la dir. de M. Barantin, C. Jacob.* Paris, 1996. P. 204—223. См.: Шапмье Р. Письменная культура и общество. М., 2006. С. 78—101.

⁴⁰ Rutter R. William Caxton and Literary Patronage // *Studies in Philology.* 1987. Vol. LXXXIV. № 4. P. 440—470. Edwards A.S.G., Meale C.V. The Marketing of Printed Books in Late Medieval England // *The Library.* 1992. Vol. 15. № 2. P. 95—124.

стики. Ирония, сарказм, остроумные метафоры, обыгрывание омонимов и другие риторические трюки, вкус к которым обнаружили ещё гуманисты, — всё это обильно присутствует в тексте «Центурий», но совершенно прекращается в «Посвящениях». Панегириками эти «Посвящения» тоже не становятся: авторы знают себе цену и не унижают себя, чрезмерно восхваляя адресатов. Скорее «Посвящения» выражают надежды на дальнейшую поддержку, убеждают адресатов в том, что благое дело зачтётся на Страшном Суде. Оценка поддержки проекта как мероприятия, важного для судьбы каждого могущественного христианина, в той или иной форме присутствует на первых страницах каждого тома; при этом авторы, конечно, не позволяют себе никакой иронии даже в адрес противников. Текст «Посвящений» пишется для людей авторитетных и серьёзных, в словесных экивоках не искушённых; принятые в основном тексте приёмы, понятные подкованным в гуманитарных науках богословам, проповедникам, студентам, здесь просто не уместны.

Люди и деньги

«Магдебургские центурии» — первый в мировой историографии проект с коллективным авторством. Функции отдельных членов авторского коллектива были чётко разграничены⁴¹. Важнейшим элементом организации работ такого масштаба стала организация финансирования и распределения средств. Первый исследователь «Центурий» Каспар Уленберг отметил, что с самого начала заботой Флация и его коллег было собрать деньги, причём весьма красноречиво сравнил поиск средств с процессом подготовки к войне⁴². По мере распространения информации о проекте верующие стали предлагать книги и деньги. Один из членов авторского коллектива стал выполнять функции казначея⁴³. Его личность по понятным причинам не афишировалась; скорее

⁴¹ Подробнее о составе и функциях авторского коллектива см. *Scheible H.* Die Entstehung der Magdeburger Zenturien. Ein Beitrag zur Geschichte der Historiographischen Methode. Gütersloh, 1966.

⁴² Латинский текст Уленберга (*Historia de vita, moribus, rebus gestis ac denique morte praedicantium lutheranorum, D.M. Lutheri, Ph. Melancthonis, Matthiae Flacii Illyrici, Georgi Majoris et Andreae Osiandri*) вышел в Кёльне в 1622 году. В настоящей работе использовано немецкое издание: *„Ihre erste Sorge also war, unter Leuten von lutherischem Bekenntniss das Geld zusammen zu bringen, das sie bei diesem Geschäft, wie bei dem Kriege, als den Hauptnerv ansahen“ // Ulenberg C.* Geschichte der lutherischen Reformatoren. Mainz, 1837. Bd. 2. S. 321.

⁴³ Среди множества текстов, посвящённых распределению обязанностей внутри авторского коллектива «Магдебургских центурий», выделим написанный самим Флацием. *De ecclesiastica historia: quae Magdeburgi contextitur, narratio, contra*

всего, это были Алеман или Кёппе, которых Флаций в своих письмах Нидбруку несколько раз назвал латинским словом *quaestor*.

Первоначальный план работы сложился в ходе бесед и переписки Нидбрука, Ланге и Флация к концу 1553 г. В организационном отношении были приняты важнейшие решения. Мобильность интеллектуалов в той или иной степени была свойственна многим европейским национальным культурам, особенно в результате утверждения гуманистических ценностей, но нигде, пожалуй, она не была такой, как в Германии. Яркий пример: место работы над проектом, требующим привлечения целого ряда специалистов, определяется в общении трёх интеллектуалов. На заключительном этапе обсуждения городов-кандидатов осталось два — Виттенберг (где, как считал Ланге, может оказаться полезной близость людей круга Меланхтона, составлявших костяк интеллектуального потенциала протестантской партии) и Магдебург (преимуществом которого было благорасположение городских властей, отсутствие — при демократических порядках — ярко выраженного политического лидера со своими предпочтениями, симпатиями и антипатиями). Окончательный выбор был сделан в пользу Магдебурга.

Печатать книгу в Магдебурге, однако, не стали. Мартина Хартманн предположила⁴⁴, что причины могут быть самыми разными, например, опасение, что и в Магдебурге скоро можно будет издавать только то, что соответствует Интериму⁴⁵, или же уверенность, что в городе нет достаточно мощной по производительности и по подготовленности кадров типографии. Вероятнее, однако, что магдебургские издатели не взялись за рискованный проект, а базельский издатель и типограф Опорин⁴⁶, имевший обширные связи в гуманистических кругах, рассчитывал справиться с этим дорогостоящим, но очень амбициозным проектом. Читающая Европа хорошо его знала: например, он первым посмел издать

Menium et Scholasticorum Wittebergensium epistolas a gubernatoribus et operariis ejus historiae edita Magdeburgi. Cum responsione Scholasticorum Witebergensium ad eandem. Witebergae, 1558. A1-G4. См. Ecclesiastica historia... I. Praefatio. P. B2s, а также Лебедев А.П. Указ. соч. С. 210 и далее.

⁴⁴ См. МС 1 66

⁴⁵ Этим словом (от лат. *interim* — «тем временем») называли соглашения между лютеранами и католиками в ожидании подготовки другого, более всеобъемлющего и долговременного. В годы публикации «Центурий» горячим сторонником компромиссного решения противоречий был Меланхтон, разработавший даже особое понятие — «адиафора», т.е. «несущественное». В эту категорию входили все теологические принципы, не носившие принципиального характера и могущие быть принесены в жертву компромиссу. Флаций Иллирик был главой «гнепсиолютеран» — партии, категорически не приемлющей компромиссов. Борьбе с «адиафористами» он посвятил лучшие годы своей жизни.

⁴⁶ Как и Меланхтон, Опорин поменял свою оригинальную фамилию Хербстер на греческий аналог, по гуманистической традиции.

латинский перевод Корана. Его издательство выпустило более 700 книг, значительную часть которых представляли собой издания текстов классической древности или религиозного характера. Опорин был поставщиком книг для центуриаторов: он заказывал их из Парижа и Кёльна и пересылал центуриаторам в счет гонорара, который был им должен.

Важным обстоятельством в пользу Магдебурга было то, что двое из лидеров проекта несколько лет работали в главной городской церкви — церкви св. Ульриха⁴⁷ (Виганд с 1553 г. и Юдекс с 1554 г.). Возможно, их проживание в городе и высокое положение в протестантской иерархии рассматривалось как возможность сократить денежные расходы на проект: вопросы экономии, ставшие по мере развития проекта его основной трудностью, ощущались в переписке главных его идеологов с самого начала. Некоторым живущим в других городах ведущим членам авторского коллектива (в частности, Базилию Фаберу) для облегчения коллегиальной работы пришлось переезжать в Магдебург. Указание Магдебурга на обложке имело не только чисто географическое смысловое наполнение: оно свидетельствовало как о лютеранских убеждениях авторов, так и об их политической независимости от «князей мира сего», а также о дистанцированности от умеренного течения, отождествлявшегося с Меланхтоном и его единомышленниками-виттенбергцами. По этой причине указание на город него в титульном листе ещё некоторое время сохранялось после того, как все разъехались. Переписчиков и прочих «пролетариев умственного труда» искали уже, разумеется, на местах. Из семерых так называемых *studiosi* (молодых исследователей, задачей которых была подготовка выписок из прорабатываемых текстов) пятеро были уроженцами Магдебурга; правда, все семеро примерно в одно время учились в Виттенбергском университете.

Первоначальные планы финансирования включали в себя выделение средств на четырёх главных исполнителей проекта. Очевидно, в самом начале Флаций, Ланге и Нидбрук считали, что столько специалистов будет достаточно. Необходимость привлечения других исполнителей была очевидной с самого начала, но оплата их услуг планировалась из личных средств специалистов, что было распространённой практикой.

Общая сумма оплаты труда специалистов была определена в 500 гульденов в год. Это не мало и не много⁴⁸: заработная плата самого Флация в

⁴⁷ Церковь св. Ульриха сыграла исключительную роль в культурной истории Магдебурга вплоть до сравнительно недавнего времени (она серьёзно пострадала в ходе Второй мировой войны, а её остов был варварски уничтожен властями ГДР в 1956 г.). О ней см.: *Köppe T. Die Magdeburger Ulrichskirche. Geschichte. Gegenwart. Zukunft. Imhof, Petersberg, 2011.*

⁴⁸ Хайнц Шайбле (*Scheible H. Op. cit. S. 23, Bem. 25*) считал, что эта сумма рассчитана «с исключительной экономией», но приводимые им доводы (сравнение

должности университетского профессора в бытность его в Виттенберге составляла 300 гульденов⁴⁹. Хайнц Шайбле уверял, что сумма в 500 гульденов очень невелика, однако приводимые им аргументы выглядят не очень убедительно. Так, запрошенное в 1544 г. годовое жалованье для крупного германского историка Слейдана в 300 гульденов (плюс 100 на экстренные нужды) соответствовало заработку Флация в университете. Кроме того, тот факт, что Слейдан получил лишь 250 гульденов, мало что означает. Во-первых, на эти деньги можно было совершенно безбедно существовать, а во-вторых, будем помнить, что личности уровня Слейдана (автора самого популярного в те годы учебника по истории) или Флация (авторитет которого как лютеранского богослова если кому-то и уступал, то только Меланхтону) «стоили» значительно больше, чем рядовые работники⁵⁰. В одном месте⁵¹ Флаций даже прикидывал предварительную смету расходов на персонал: руководитель проекта должен был получать 150—200 гульденов в год, два его сотрудника по 100 гульденов, а переписчик — 50 гульденов в год. О порядке этих сумм может свидетельствовать, например, тот факт, что 10 гульденов могло хватить на краткосрочную «научную командировку» в Париж⁵². В письме к Нидбруку, относящемся как раз ко времени подготовки цитируемого текста (ноябрь 1553 г.), Флаций указывал: для переписывания материалов по первым столетиям планировалось нанять на год двух работников, потратив на это 200 гульденов⁵³. Резонно предположить, что, в отличие от Флация, эти работники должны были существовать только на приведённую выше сумму. Скорее всего, именно эта цифра показывает нам реальный «прожиточный минимум» в середине XVI в. в немецком протестантском университетском городе среднего размера.

с окладом Слейдана) не вполне убедительны: Флаций на университетском поприще получал даже больше Слейдана, а выплаты за участие в «Центуриях» не рассматривались в качестве основного источника средств.

⁴⁹ Правда, с существенной оговоркой: дрова на зиму доставлялись бесплатно. См. *Preger W. Mattias Flacius Illyricus und seine Zeit. Erlangen, 1861. Bd. 2. S. 429.*

⁵⁰ К слову, сумма в 300 гульденов оговаривалась из расчёта, что Слейдан будет из своего кармана содержать переписчика (своего рода «расходы на машинистку»). См. *Baumgarten H. Über Sleidans Leben und Briefwechsel. 1878, S. 68.* Получается, что, сократив Слейдану содержание до 250 гульденов, на самом деле сэкономили на переписчике, которому теперь доставалось лишь 50. С другой стороны, мы видим, что и Флаций отводил переписчику столько же.

⁵¹ Рукописная “*Consultatio de conscribenda accurata et erudita historia ecclesiae, in qua potissimum doctrinae ac religionis forma, quo tempore ac loco qualis fuerit, diligenter exponetur*”. См. *Scheible H. Op. cit. S. 24ff.*

⁵² *Bibl V. Der Briefwechsel zwischen Flacius und Nidbruck // Jahrbuch der Gesellschaft für die Geschichte des Protestantismus in Österreich. Wien. 1896. Bd. XVII. S. 4; 1899. Bd. XX. S. 97.*

⁵³ *Ibid. S.13—20.*

Где взять эти 500 гульденов? Очевидно, на начальном этапе у спонсоров. Права на прибыль от продажи книги принадлежали издателю Опорину. Среди первых спонсоров должны были оказаться Отто Генрих и саксонский курфюрст Иоганн Фридрих.

Самого себя в число оплачиваемых в рамках проекта сотрудников Флаций не вносил, будучи уверен, что ему хватит его университетского жалования. Во-первых, это обстоятельство свидетельствует об отсутствии даже малейших поползновений авторов проекта нажиться за его счёт; во-вторых, это означало, помимо прочего, что перегружать себя черновой работой в рамках проекта Флаций не намеревался. Это положение подтверждается различными источниками. В частности, в письмах Нидбруку Флаций пишет, что единственная работа, которая могла соответствовать его уровню и авторитету — составление окончательной версии текста — была ему недоступной, поскольку он не владел в достаточной степени латинской стилистикой. Конечно, настоящей причиной была занятость Флация другими формами идеологической борьбы против меланхтонистов, римской Курии и некоторых других врагов. На позицию «ответственного за стилистику» Нидбрук в ответ на сетования Флация рекомендовал директора магдебургской школы Готшалька Преториуса. Он мог удовлетвориться гонораром в 100—120 талеров. Для зачисления в авторский коллектив Преториус должен был выдержать испытание — написать на латинском языке стилистическое упражнение в форме трактата. Этот трактат на банальную тему (*“De utilitate ecclesiasticae historiae”*, «О пользе церковной истории», завершённый 1 февраля 1554 г.) полностью удовлетворил ожидания в области изящной словесности, но — как многие другие трактаты о том, как писать историю — был совершенно лишён оригинальности по существу. К слову, этот эпизод характеризует и отношение к подобным трактатам не только историков-практиков, но и в более широком смысле интеллектуальной элиты.

Мы видим, что в более широком смысле слова «Центурии» не рассматривались как способ личного обогащения тех или иных его авторов. При этом соображения самоокупаемости, соответствия расходов доходам, а на более позднем этапе — даже драматического сведения концов с концами не исчезали из переписки организаторов, из тем их повседневного общения. Одним словом, «Центурии» в целом были единым бизнес-проектом, но понимался он именно как коллективное мероприятие, в рамках которого индивидуальные денежные потоки были делом второстепенным.

Со временем выяснилось, что найм менее квалифицированных работников требует значительно больших сумм, чем планировалось изначально. «Никто не хочет работать бесплатно», — жаловался Флаций⁵⁴. В отли-

⁵⁴ Scheible H. Op. cit. S. 22.

чие от католиков, лютеране никаким ресурсом бесплатной рабочей силы невысокой квалификации не располагали — за всё надо было платить. По мере роста авторского коллектива, распространения исследования «вширь» на новые географические просторы росли и материальные расходы, требовавшие, в свою очередь, привлечения всё новых средств спонсоров. Центуриаторы оказались в ловушке: для того, чтобы стать привлекательными для новых спонсоров, они своими исследованиями должны охватить самые обширные временные и географические пространства, что, в свою очередь, требовало увеличения спонсорских инвестиций. В это время «старые» спонсоры — Отто Генрих и некоторые другие — стали обнаруживать некоторое беспокойство: деньги были вложены и, очевидно, их количество на начальном этапе было объявлено достаточным; теперь денег требовалось больше, а никаких особенных изменений в проекте не планировалось, и обосновать свои возросшие материальные запросы центуриаторам было просто нечем. Они периодически упоминали о своей бедности, о том, что не обогащаются за счёт проекта; и без этого было понятно, что они не обманывают своих спонсоров. Пока велась работа над первыми центуриями, исследователи опирались в основном на хорошо известные тексты римских языческих или раннехристианских авторов: эти тексты хорошо сохранились, часто переписывались и были доступны не только в монастырских хранилищах, но и в книжных собраниях. По мере продвижения в глубь средневековья источников становилось всё меньше, и работа по их добыванию становилась всё более затратной. В то же время снизить планку было невозможно: недостаток источников, потеря энциклопедичности не только делали издание менее функциональным (его ценность как компендиума необходимой для идеологических сражений информации резко снижалась), но и превращали его в лёгкую мишень для критиков со стороны римской Курии — людей, как правило, глубоко образованных и широко информированных. Одним словом, денежные тиски зажали центуриаторов после выхода первых двух фолиантов, охвативших пять веков церковной истории. Поддержать темп издания становилось всё сложнее. Изыскиваются новые способы привлечения спонсоров. Меняется, как мы видели, стратегия «Посвящений». Центуриаторы прибегают ко взаимоисключающим линиям маркетингового поведения — обращаются к великим государям и к мелким функционерам, даже частным лицам неблагородного происхождения, не облеченным светской властью или церковным авторитетом. Тем не менее, даже эти ходы не смогли обеспечить проект в необходимом размере. В 1566 г., то есть после выхода девяти Центурий, когда большая часть проекта была уже позади, Флаций жаловался⁵⁵, что ни один из монархов и ни одна из «республик» (то есть городов), за ис-

⁵⁵ Preger W. Op. cit. Bd. II. S. 429.

ключением Линдау, так и не выделили центуриаторам денег. Король Дании (это тот самый, которому была посвящена первая книга первой центурии) когда-то обещал дать 200 гульденов, но обещание не выполнил. Весь финансовый груз вынесли на себе Нидбрук, центуриаторы, а главным образом — те самые частные лица, которые были упомянуты в «Посвящениях». Жертвовали они очень помалу; например, в Регенсбурге в 1557 г. удалось собрать для проекта 100 гульденов, и эта сумма внушала центуриаторам сдержанный оптимизм, но этого было, как мы знаем, совершенно недостаточно.

В 1558 г. разгорелся скандал. Люди из виттенбергского окружения Филиппа Меланхтона обвинили Флация в воровстве — они не верили, что этот проект выполним при отсутствии централизованного и обильного финансирования. Главным оружием «филиппистов» стал сарказм. Начавшаяся склока, которая не только насторожила и поссорила между собой лютеран, но и проинформировала главного идеологического врага — папство. Центуриаторы подготовили ответную публикацию⁵⁶, которую подписали 14 членов авторского коллектива. Флация среди них не было, поскольку, как сообщил Уленберг, он считал неэтичным «самому свидетельствовать о собственной невиновности»⁵⁷. Центуриаторы форсировали подготовку первых томов, поскольку положить конец скандалу можно было только выходом книги в печати.

Когда рукопись первого тома была готова, с её помощью было решено попытаться сплотить вокруг проекта весь протестантский мир, а не только лютеранскую его часть. Под видом сбора экспертных мнений её выслали на экспертизу (во всём этом мероприятии огромную роль сыграл Нидбрук, пользовавшийся своими обширными связями среди религиозной и богословской элиты разных стран)⁵⁸. В частности, экземпляр рукописи был отправлен Кальвину; письмо Нидбрука с этим известием датировано 31 марта 1556 г. При общей положительной оценке работы Кальвин отметил, что повторения сюжетов от столетия к столетию будут чрезмерно утомлять читателя, и это оттолкнёт его. Очевидно, женевский реформатор не понял жанрового своеобразия и предназначения «Центурий» и принял их за обычную книгу для чтения.

⁵⁶ De ecclesiastica historia: quae Magdeburgi contextitur, narratio, contra Menium et Scholasticorum Wittebergensium epistolas a gubernatoribus et operariis ejus historiae edita Magdeburgi. Cum responsione Scholasticorum Witebergensium ad eandem. Witebergae, 1558. A1-G4.

⁵⁷ Ulenberg K. Op. cit., S. 324. Меланхтонианцы обвиняли Флация ещё и в том, что тот сказал, что родители поступят лучше, если отправят детей в публичный дом, нежели в виттенбергский университет. Тот факт, что люди из окружения Меланхтона, сами преподававшие в университете, печатно повторили эти слова, придал склоке комический оттенок. См. Ibid. S. 327.

⁵⁸ Подробнее см. MC 1 64.

Рукопись была также переправлена в Аугсбург и Нюрнберг, где была представлена главным меценатам. Представляется обоснованной точка зрения Г.-И. Кренцке⁵⁹, согласно которой целью цензуриаторов в данном случае было успокоить их относительно распускавшихся «филиппистами» слухов. Только после этих представлений готовый текст был секретной миссией отправлен в Базель издателю Опорину.

«Посвящения» не были единственным средством привлечения к проекту денежных покровителей, а также сплочения вокруг него определённой интеллектуальной среды. Важную роль играло и представление дарственных экземпляров книги правителям, администраторам и другим чиновникам, а также ведущим церковным деятелям и лютеранским богословам. Мы знаем, что сразу по получении первого тома из типографии цензуриаторы (Копус, Алеманн, Виганд и Юдекс) вручили городской школе дарственный экземпляр с посвящением «Церкви и Городу»⁶⁰. Флация среди них не было по прозаической причине — он уже два года жил в Регенсбурге, где тоже занимался «продвижением» проекта. В частности, он там непосредственно получал из Базеля «бочки с книгами».

Почему «бочки»? Дело в том, что даже спустя 100 лет после изобретения книгопечатания было далеко не таким высокотехнологичным делом, как это представляется сегодня. Для сохранности в процессе перевозки (а сырость и тряска разрушали даже самые крепкие переплётные) книги укладывали в специальные сундуки; именно в таких сундуках, как это следует из переписки Флация с Нидбруком, цензуриаторы получали материалы от своих агентов. Если же речь шла о совершенно новых изданиях, которые предназначались в дар или на продажу и сохранение товарного вида которых приобретало первостепенную важность, то легче было уложить неразрезанные листы книги в сундук округлой формы — так называемую «книжную бочку» (*Bücherfaß*), которая сохраняла кипы в наилучшей сохранности. В этом случае листы разрезали и сшивали прямо на месте, а местные переплётчики получали много работы. В частности, это было обычным способом доставки книг на книжные ярмарки Лейпцига и Франкфурта-на-Майне. Во Франкфурте, где книжная ярмарка проводилась два раза в год, это обстоятельство обеспечивало работой множество переплётчиков. Именно этим обычаем объясняется, в частности, существование среди экземпляров «Центурий» томов, переплётённых существенно позже выхода книги в свет в мастерских других городов. Переплётные книги, покинувшие издательство в виде листов, часто носят собственную да-

⁵⁹ Krenzke H.-J. Die Autoren der Magdeburger Centurien und ihre Verknüpfung mit dem Zeitgeschehen. S. 48.

⁶⁰ MC 1 49. Экземпляр погиб в огне Второй мировой войны.

тировку, но не место изготовления⁶¹. Определённая часть тиража хранилась в листах либо допечатывалась по старым гранкам (этот приём сохранится вплоть до XVIII в.). Чаще всего допечатка сохраняла выходные данные прототипа; первый том «Центурий» также был допечатан в «родной» типографии, но на титульном листе была указана новая дата — 1560 г. (такой экземпляр хранится в Отделе редкой книги Библиотеки РАН в Санкт-Петербурге).

Как соотносится стоимость печатной книги со стоимостью рукописной? Дешевизна печатной книги — понятие относительное, как относительной является дороговизна книги рукописной. С одной стороны, организовать копирование вручную было технически намного проще, чем набор объёмистого текста — шрифты были дорогими, а хранение гранок (каждый лист — две большие наборные доски) требовало специальных помещений. Набор быстро изнашивался, и его приходилось перенабирать. С другой стороны, в католической Церкви, например, ресурсы дешёвой рабочей силы были неисчерпаемыми, и римской Курии книгопечатание обходилось дешевле.

Финансовые отношения с издателем были оформлены следующим образом. Опорин сам продавал напечатанную книгу, покрывая тем самым понесённые расходы. При этом он после выхода первого тома (три центурии) обязался выслать в Магдебург 100 экземпляров и одновременно выплатить 100 гульденов. От каждого последующего тома он доставлял центуриаторам 50 «авторских» экземпляров и 50 гульденов. Экземпляры представлялись спонсорам и служили для побуждения других людей жертвовать на проект. Денежная сумма невелика, особенно если принять во внимание масштабность проекта. В примере, который привела А. Паран⁶² и цитировал Р. Шартье⁶³, парижский автор (а точнее, переводчик классического текста на новый язык) в 1540 и 1542 гг. требовал с издателя 80 золотых экю (по курсу обмена экю примерно соответствовал гульдену) за четыре тома плюс 12 авторских экземпляров, а также обязательство не выставлять книгу на продажу до тех пор, пока она не будет представлена королю. За последующие два тома он получал немного больше 80 монет (если учитывать погашенный долг) и опять-таки по 12 экземпляров каждого тома. Практика издержек за счёт издателя с последующим переходом тиража в его собственность была общепринятой, но экземпляры книги составляли существенную альтернативу денежным выплатам. Особенно велика доля авторских экземпляров в

⁶¹ Автор может указать на экземпляр первого тома (I—III центурий), переплетённый в 1567 году.

⁶² Parent A. Les métiers du livre à paris au XVIe siècle (1535—1560). Genève, 1974. P. 300 et suiv.

⁶³ Шартье Р. Письменная культура и общество. М., 2006. С. 85—86.

тех случаях, когда издание было призвано пополнить библиотеку короля или другого покровителя, которому книга адресовалась посредством «Посвящения», и в этом мы вполне согласны с Шартье. Та же Паран несколько раз упоминает о других парижских переводчиках, которые вообще отказывались от гонорара⁶⁴. Очевидно, эти издания не рассматривались их авторами (или инициаторами в более широком смысле) как источник прибыли; важнее был поиск покровительства через «Посвящения» или простые дарения книги. Если верить французской исследовательнице, в середине XVI в. во Франции обычной практикой было платить гонорар авторам только в тех случаях, когда они понесли расходы на улаживание бюрократических формальностей или тогда, когда издание грозило стать исключительно популярным (а значит, обогатить издателя). В последнем случае речь шла, как правило, о развлекательной литературе. Как бы то ни было, практика массового отказа авторов от гонорара представляется сомнительной даже для одной европейской страны. Путём простого сравнения мы обнаруживаем, что сумма денег, которую получали центуриаторы, совсем не велика и не выделяется на фоне других. Скорее, наше внимание должно привлечь количество авторских экземпляров, и оно подтверждает наши представления о том, сколь важную роль центуриаторы отводили практике дарения книги и — в более широком смысле — какое значение авторы проекта придавали маркетингу. Деньги в данном эпизоде оказываются по сравнению с экземплярами на втором плане.

Авторы, конечно, хотели бы получать от Опорина больше денег, но тогда проект рисковал стать убыточным для него самого — все риски возлагались на издателя. Кстати, именно это обстоятельство заставляло Опорина печатать книгу партиями и допечатывать по мере реализации. По мере распространения печатной книги и роста числа типографий (а в 1500 в Священной Римской империи их было 62) цена на книги падала, и книгопечатание в целом становилось всё менее прибыльным бизнесом⁶⁵.

Известно, что помощники Флация должны были собрать огромный материал в течение очень короткого времени (при тогдашнем состоянии связи и транспорта 6 лет с начала работы до выхода первого тома — не много). Естественно поэтому, что документы (в частности, книги и рукописи) не только переписывались или конспектировались, но и похищались целиком или фрагментами. Меланхтонианцы, обвиняя Флация и его людей в незаконном обогащении, инкриминировали им не только бесконтрольное пользование спонсорскими деньгами, но

⁶⁴ Parent A. Op. cit. P. 99 et suiv., 286 et suiv. e. a.

⁶⁵ Подробнее о состоянии книгопечатания см.: Schottenloher K. Das alte Buch. Berlin, 1921; Idem. Buchdrucker als neuer Berufsstand des fünfzehnten und sechzehnten Jahrhunderts. Mainz, 1935.

и применение их для скупки дорогих книг и манускриптов. Если верить филиппистам, эта скупка была ещё одним хитроумным способом перевести средства в личное пользование. Скупку якобы сопровождали воровство текстов и их фрагментов, которые предприимчивые сборщики материалов просто вырезали из попавших к ним на время книг. Широко распространялось обозначавшее этот метод работы с текстами выражение “*culter Flacianus*” («флациев нож»)⁶⁶. Исследование Прегера показало, что обвинения Флация в обогащении носят преувеличенный характер⁶⁷, однако применение для обработки документов ножиц и ножей не воспринималось в ту пору как преступление «против информации» и даже как предосудительный поступок. Известно, что в самом начале работы Флаций предоставил в распоряжение соавторов собственное собрание книг и документов⁶⁸. Экземпляры книг, принадлежавшие друзьям или спонсорам, не портились (в самом деле, следов обвинений в краже или порче документов в переписке с Нидбруком, например, нет), однако в случае проникновения в католическую монастырскую библиотеку люди Флация, видимо, не особенно церемонились. Обвинения в порче текстов явно не появились на пустом месте. Как показал Прегер, обвинение в личном обогащении абсурдно: оставшуюся после смерти Флация коллекцию из 165 манускриптов герцог Генрих Юлий Брауншвейгский выкупил для своего собрания в Вольфенбюттеле за 247,5 талеров — невелико богатство. Тем не менее, обвинение в предосудительном (подчёркиваю, с нашей сегодняшней точки зрения) отношении к документам и материалам полностью отвергать нельзя⁶⁹. Характерное для средневекового мышления отсутствие восприятия временной перспективы проявляло свой рудимент: новый документ (в виде «Центурий») не только полностью заменял старый, использованный для написания книги, но и компенсировал его возможную утрату. Ещё не было представлений об экспериментальной подтверждаемости как основном критерии научного познания — это придёт только в XVII в., после трудов Декарта и особенно Ньютона.

Переписка Флация с Нидбруком позволяет реконструировать любопытный эпизод, относящийся к подготовительному периоду работы над «Центуриями». Как известно, вторая — результативная — попытка начала работы над «Центуриями» относилась к началу июня 1554 г. Поначалу всё шло довольно гладко, но вскоре работа над первыми найденными документами замедлилась. Найденные Флацием и нанятые им за

⁶⁶ См., например: *Nigg W. Op. cit. S. 52.*

⁶⁷ *Preger W. Op. cit. Bd. II. S. 430ff.*

⁶⁸ МС I 69

⁶⁹ Из всех высказывавшихся по этому поводу историков нам ближе оценка Вальтера Нигга. См. *Nigg W. Op. cit. P. 52.*

собственный счёт два работника явно не могли справиться с заданием, данным им вперед почти на целый год. В сентябре 1554 г. он сообщает об этом в Вену Нидбруку⁷⁰, в то время как тот собирал новый материал для отправки Флацию в Регенсбург. По меньшей мере частично материал проходил первичную переработку в Регенсбурге: туда было легче переправить книги из городов, находившихся в бассейне Дуная, и в первую очередь — из самой Вены. Конечно, наиболее ценным из венских собраний для центуриаторов была коллекция, которую собрал сам Нидбрук. Речь шла об очень большом количестве материалов: одна отправка могла составлять четыре больших сундука или бочки. Нидбрук охотно предоставлял эти материалы в распоряжение центуриаторов, но, поскольку книги представляли большую материальную ценность, хотел получить гарантии их сохранности. Прежде всего, даже от Флация требовались сохранение операции в секрете и строгая отчетность. В частности, сам Флаций должен был выдавать их третьим лицам под залог — дело в том, что часть книг сам Нидбрук брал напрокат и нес за них материальную ответственность. Особенное беспокойство вызывала вероятность внезапной смерти одного из участников «сделки»: очевидно, Нидбрук боялся, что если Флаций умрёт, то спросить книги будет не с кого. 23 октября 1554 г. Нидбрук отправил первую партию книг в Регенсбург, посреднику по имени Николай Галл. Вскоре после этого хозяин пожелал оформить официальную гарантию сохранности своих книг, подтвержденную на уровне Городских советов Регенсбурга и Магдебурга. Выдвинутый Нидбруком уровень материальных претензий в случае утраты или порчи книг был признан невысоким, и регенсбургские власти ответили быстрым согласием. В Магдебурге дело несколько застопорилось. Флаций считал, что виной этому довольно демократическое устройство городского совета: для получения нужной бумаги требовалось согласие слишком широкого круга магистратов. В частности, пунктом преткновения стал вопрос о времени выдачи такой бумаги. Нидбрук хотел иметь гарантии до поставки основной партии книг в Магдебург, а господа из Городского Совета хотели сначала увидеть книги и вообще побаивались слишком легко соглашаться на невиданную операцию. Библиотеки вообще были большой ценностью, а передаваемое целой группе лиц на долгое время, к тому же для профессиональной деятельности книжное собрание вызывало массу подозрений. Добавим сюда и соображения секретности, на которой — в первую очередь ради безопасности книг и собственной безопасности — настаивал Нидбрук! Вспомним, что как дипломат он представлял католическую Вену, и оправдание сделки его участием в проекте, протестантском *par*

⁷⁰ См. письма н. 15, 16 и 17 из публикации В. Библа: *Bibl V. Der Briefwechsel...* S. 221f.

excellence, вызывало подозрения в Магдебурге, а в Вене сама причастность к «Центуриям» могла навлечь серьёзные неприятности. Конечно, состоя на дипломатической службе, Нидбрук мог рассчитывать и на иммунитет, и на личную охрану в поездках, однако никакой серьёзной и длительной гарантии личной безопасности это не давало. Письма Нидбрука к Флацию носят следы опасений: некоторые понятия (имена сотрудников, находившихся в католических странах в поиске материалов, а также свои адреса и даже в некоторых случаях собственное имя) были зашифрованы. Эти шифры не вызывали у Флация затруднений, а для Нидбрука (вкуче с его служебной мобильностью, позволявшей ему постоянно переезжать из города в город, будучи всё время на виду) были важным средством обеспечения хотя бы эфемерной безопасности.

Но вернёмся к эпизоду с книгами. «Мужи власти» в Магдебурге не спешили выдавать своих гарантий. Шли месяцы, а дело не сдвигалось с мертвой точки. Лишь в декабре 1554 г. Флаций нашёл выход, который всех устроил. Он предложил Нидбруку коллективную гарантию от группы ведущих авторов, которые по положению в авторском коллективе должны были «всё обсуждать и знать обо всём, что выдаётся и что принимается». В этот момент мы впервые, как отметил ещё Шайбле⁷¹, узнаём о существовании авторского коллектива с распределёнными ролями (открыто о нём будет заявлено только в ходе упоминавшегося выше конфликта с «филиппистами», незадолго до выхода первого тома). Нам кажется, что в оценке этих событий можно пойти гораздо дальше. Необходимость дать Нидбруку материальные гарантии в сочетании с отмеченными выше трудностями с подбором квалифицированных сотрудников стала важным толчком в конституировании авторского коллектива. Стресс, вызванный «вопросом о гарантиях», сделал коллектив более сплочённым, а роли внутри него — более чётко осознанными. Нидбрук согласился с предложением Флация 15 марта 1555 г.; всё лето он переживал, что не получал требуемой бланковой квитанции, и лишь 27 сентября подтвердил её получение. С этого момента книгообмен пошёл значительно быстрее.

В 1557 г. Флаций переехал в Йену. Его пригласили работать в тамошнем университете ещё осенью 1556 года, но он выпросил отсрочку почти на год. Это время потребовалось ему, прежде всего, для того, чтобы поставить на ноги работу над «Центуриями»; отъезд означал его постепенное отдаление от проекта. Расстояние в 150 километров невелико, однако теперь участие Флация в еженедельных субботних заседаниях авторского коллектива исключалось. В Йене Флаций стал профессором

⁷¹ Scheible H. Op. cit. S. 30—31.

Теологии Нового Завета. Его жалование составило 300 талеров в год плюс дрова на зиму (либо денежная компенсация за них). Эта сумма рассматривалась однозначно как крупная, хотя от подобного предложения от Отто Генриха, предусматривавшего переезд на профессорскую должность в Гейдельберг, Флаций отказался. В любом случае, Флаций ещё долго не испытывал никаких материальных проблем.

Примерно в это же время проект покинул Готшалк Преториус. Его конфликт с коллективом начался из-за его согласия с меланхтонианцами в вопросе о толковании первородного греха. Вопрос этот имел принципиальный характер; к примеру, обнаружившееся несколько ранее расхождение точек зрения Преториуса с программными положениями, сформулированными Флацием для «Центурий», было преодолено без скандалов и, в любом случае, без разрыва. Преториус немедленно покинул Магдебург, а в 1558 г. он уже работал профессором древнееврейского языка в университете Франкфурта-на-Одере. На замену ему выбрали магдебургского аристократа Эбелинга Алеманна. Наконец, в конце 1557 г. неожиданно умер Нидбрук; почти одновременно от проекта отошёл лучший из сборщиков материала Маркус Вагнер.

После этих потерь авторский коллектив некоторое время сохранял стабильность. Только в 1560 г., уже после выхода первого тома, содержащего три центурии, Виганд и Юдекс были приглашены на преподавательскую работу в Йену и переехали туда. С ними в Йену перебрались и некоторые подчинённые им сотрудники. При этом Виганд и Юдекс заранее оговорили, что их преподавательская нагрузка не составит более двух часов в неделю. Это позволило им продолжить работу над Центуриями. Уезжая, Виганд выражал надежду⁷², что сумеет найти квалифицированных работников и там. Это означает, что не все сотрудники авторского коллектива покинули Магдебург. Неожиданно мы можем подтвердить, что найти нужных людей в Йене удалось! Х. Шайбле наткнулся на письмо одного йенского студента о том, что он живёт у Виганда и «поэтому у него мало времени»⁷³. Вероятно, он — в качестве оплаты крова — выполнял какие-то обязанности по подготовке «Центурий».

После 4-й центурии коллектив покинул Базилий Фабер — он уехал по приглашению занять возглавить школу в Кведлинбурге. Наконец, в 1561 г. Юдекс, а затем — Флаций и Виганд были высланы из Йены из-за конфликта с властями. Флаций уехал в Регенсбург. Там он занимался более общими проблемами — организовывал Академию (рядом, в Ингольштадте, иезуиты организовали свой университет), а также тре-

⁷² *Schaumkell E. Op. cit. S. 50f*

⁷³ *Sillem C.H.W. Briefsammlung des Hamburger Superintendenten Joachim Westphal. 1903. S. 440; Scheible H. Op. cit. S. 57.*

бовал форсировать работы над историческим проектом⁷⁴. Фактически третий том (5 и 6 центурии) подготовили Виганд и Юдекс.

Флаций ещё некоторое время помогал центуриаторам, присылая обнаруженные в многочисленных поездках книги, но эта помощь находит документальное подтверждение только до 1561 г. Виганд и Юдекс вернулись на некоторое время в Магдебург. На обложке 6-я центурий имеется указание на то, что она написана в изгнании⁷⁵. Там друзья попытались вновь устроиться на оставленные когда-то должности в церкви св. Ульриха⁷⁶. Это не удалось, но Виганд получил в 1562 г. приглашение на должность суперинтенданта в прибалтийский Висмар. Юдекс опять поехал с ним. Очевидно, появившиеся среди подписывавших отдельные «Центурии» Хольцхютер (Хольтхутер) и Андреас Шоппен — это люди, которых Виганд смог привлечь к работе уже в Висмаре.

Висмар стал последним центром, в котором велась интенсивная работа над проектом. Флаций в нем уже не участвовал, хотя его подпись ставилась под всеми центуриями вплоть до 9-й (1565). Эти подписи имели несколько формальный характер и свидетельствовали скорее о стремлении сохранить континуитет издания. Впоследствии, когда обозначился конфликт Флация с Вигандом, было признано более разумным сохранить подпись одного из них, тем более, что и имя Виганда обеспечивало в необходимой мере сохранение этого континуитета. Другой пример: Юдекс умер в мае 1564 г. (в возрасте 35 лет!), но его подпись под 9-й центурией также стоит. Затем последовала двухлетняя задержка, вызванная не только финансовыми трудностями, но и чисто физическими: пронёсшаяся эпидемия унесла жизни двух сборщиков материала⁷⁷. Были отоброшены все немногие остававшиеся под контролем Виганда ресурсы. Под «Посвящениями» 10 и 11 центурий появляется подпись его зятя Андреаса Корвина, а в 12-й — приходского священника Томаса Хольцхютера.

Мы видим, что центуриаторы продолжали работу, преодолевая колоссальные трудности. Все эти годы велась сборка и спонсорских средств, и собственно исторического материала. Тома становятся несколько менее глобальными по охвату, крупные проблемы почти совершенно исчезают из них, уступая место скрупулёзно подобранными единичным событиям, россыпи фактов, подтверждающих авторскую историческую концепцию. В конце 60-х гг. проекту был нанесен удар, от которого он уже не смог оправиться: произошёл окончательный разрыв между Флацием и Вигандом. Ещё в 1560 г. разошлись мнения двух коллег относительно учения о первородном грехе. Тогда Виганд вы-

⁷⁴ MC 1 50.

⁷⁵ In exilio per autores contexta.

⁷⁶ *Schaumkell E.* Op. cit. S. 53.

⁷⁷ Ibid. S. 56 Bem. 2.

сказал свои замечания Флацию в частной записке; спустя семь лет тот решил ответить в печати, включив отповедь в новое издание своего знаменитого текста “*Clavis Scripturae Sacrae*” (1567). В ответ Виганд отказался встречаться с Флацием, выступил против него в 1568 г. с серией памфлетов, а также исключил сохранявшееся по традиции его имя из подписей под «Посвящением» 13 центурии.

Как раз в 1568 г. из Йены были изгнаны те, кто когда-то изгонял оттуда Виганда — сторонники Меланхтона⁷⁸. Виганд вновь получил приглашение в этот город, приехал туда, но вновь сумел пробыть там только 5 лет, до следующей смены правительства. В 1573 г. он уехал в Брауншвейг, а затем — в Кёнигсберг, на профессорскую должность. В мае 1575 г. он стал епископом Помезании (на территории совр. Польши), а с 1577 — возглавил церковь Самбии (на территории совр. Калининградской области). Проект «Центурий» постепенно зачах. 12 том вышел в 1569 г., а 13-й — только в 1574. И снова указание на то, что том написан Вигандом, Корвином и Хольцхюттером в Висмаре, не следует понимать буквально. Виганд, конечно, и в изгнании продолжал контролировать проект, но это становилось всё более затруднительно. В 1578 г. из-за разногласий вокруг «Формулы согласия» был изгнан из проекта (и из города) Хольцхюттер, а занявший вместо него место Суперинтенданта вскоре Корвин прекратил участие в проекте из-за занятости. Виганд в одиночку продолжал работу над оставшимися 14, 15 и 16 центуриями. Сохранившиеся в библиотеке Вольфенбюттеля рукописные фонды, по словам Шайбле, содержат связанные тексты только немногих отдельных разделов⁷⁹. Сохранилось письмо (увы, не датированное) Виганда Корвину, в котором он сообщает о том, что наследники издателя Опорина в Базеле⁸⁰ недовольны предоставленным им материалом по оставшимся центуриям и не хотят продолжать издание до его исправления. Увы, Виганд остался совсем один, а сбор материала был ему уже не под силу. Он обратил свою энергию на ведение богословской полемики, выпустил за время пребывания в Восточной Пруссии

⁷⁸ Обстоятельства дальнейшей тяжелой судьбы Виганда нам известны по ряду работ его дальнего родственника Конрада Шлюссельбурга. См., напр., *Schlüsselburgius C. Oratio funebris de vita et obitu reverendissimi viri, pietate, doctrina, humanitate et constantia praestantis D. Ioannis Wigandi, Episcopi Pomezaniensis, in Borussia, dignissimi, de Ecclesia Iesu Christi, praeclare meriti, implicata controversiarum Ecclesiae et memorabilium temporis illius, Theologorumque praecipuorum mentione, cum expositionis serie cohaerentium, conscripta et habita in Schola Wismariensi. Francoforti ad Moenum, 1591. P. 21ss.*

⁷⁹ Scheible H. Op. cit. S. 61.

⁸⁰ Состарившийся Опорин продал типографию в 1567 г., и уже на следующий год умер. На титульном листе 12 и 13 тома издателями названы «наследники Опорина».

десятки брошюр-памфлетов, догматических и других сочинений; конспект Центурий был доведён до 1524 г., т.е. костяк работы был всё-таки составлен. Увы, его не удалось заполнить материалом, и весь проект был оставлен, а после смерти в 1587 г. Виганда — и вовсе забыт. Значительно позже, в начале XVIII в., предпринимались попытки дописать Центурии, но они не были реализованы. Переиздания оказались неудачными прежде всего с коммерческой точки зрения. Первые три тома переиздал в 1624 г. в Базеле Людвиг Луций; он убрал из текста Посвящения и Введение, а текст переделал в соответствии с кальвинистской идеологией. Видные деятели немецкого Просвещения З.Я. Баумгартен (1706—1757) и И.С. Землер (1725—1791) предприняли в 1757—1765 гг. в Нюрнберге новое издание «Центурий», но сумели выпустить только первые пять томов в шести книгах.

Почему Флаций потерял интерес к проекту? С конца 60-х гг. он вёл борьбу против учения кальвинистов о причастии и против собратьев-лютеран по вопросу о первородном грехе, а также по нескольким сюжетам меньшего масштаба. Среди его новых занятий одно из основных мест занимала борьба против тех, кто стремился опровергнуть «Центурии», выступал против них. Со временем проект трансформировался из планировавшегося памятника Истине в лютеровском смысле слова в подспорье для идеологических баталий. Научная фундированность постепенно утрачивала свой смысл, становилась слишком дорогостоящей роскошью. За годы выхода «Центурий» в свет выяснилось, что не только примирение невозможно: невозможен и простой компромисс, даже временный. Борьба Флация против Интеримов вылилась в нечто более фундаментальное — в битву за непримиримость, за отказ от уступок. Флаций потерял в 70-е гг. интерес к «Центуриям» потому, что проект утратил практический смысл: в качестве яблока раздора он уже выступил, и оставшиеся тома ничего не могли бы добавить. Ситуация определилась, интеллектуалы заняли свои места в сражающихся лагерях. Новые центурии уже не могли бы укрепить уверенность лютеран (особенно «непримиримых») в своей правоте, немецкие государи также по большей части определились. На первый план вышли проблемы более политического свойства; кроме того, обострилось противостояние с властью предержащими. Они, *ex officio* более склонные к компромиссам, не могли разделить решимости гнесиолутеран, и влияние Флация на умы (особенно интеллектуальной элиты, чиновничества, а главное — самих государей) постепенно снижалось. Кстати, это демонстрируют и трудности, с которыми центуриаторы столкнулись в поиске новых спонсоров. Проект сыграл свою роль, и дальнейшее его развитие (даже простой выпуск оставшихся томов) влекло за собой расходы, но не могло принести ощутимых дивидендов. По этой причине проект «завис», а со смертью Виганда и во-

все угас. Характерно, что и в начале XVIII в. завершить его не удалось. За век с четвертью наука сделала большой шаг вперед, и возводить новую надстройку на базисе флациевых «Центурий» было уже неразумно — это идеологическое здание могло рухнуть от первого удара критики. Проект можно было бы завершить, только полностью переделав всю работу по первым 14 столетиям, а этот труд требовал не только энтузиазма многих достаточно подготовленных к такой работе специалистов, но и колоссальных материальных ресурсов, которых никакая церковь, кроме римской, просто не могла себе позволить.

Анализ финансовой составляющей проекта показал удивительное отсутствие в событиях какой бы то ни было «этики капитализма», хотя, казалось бы, именно лидеры Реформации должны были бы всячески подтверждать правоту тезисов Макса Вебера. Пресловутый «этнос Бенджамина Франклина»⁸¹ никак себя не проявлял: масштабный проект, требовавший огромных средств, вовлекший в качестве авторов, их помощников, спонсоров, типографов, переплётчиков, библиотекарей и так далее сотни людей, не обогатил ни одного из них. Напротив, проект планировался как расходный с самого начала, и даже торговля экземплярами была далеко за пределами полномочий и обязанностей организаторов проекта и авторов. Из-за недостатка средств проект остался незаконченным; невозможность для его авторов заинтересовать возможных спонсоров прибылью — это не их неспособность, а отсутствие в языке той эпохи понятий, на которые можно было бы опереться. В новейшей литературе нет недостатка в критике построений Вебера⁸², и наш материал её только подтверждает. Ни о какой преемственности между пресловутым капиталистическим духом Возрождения и «капитализмом» центуриаторов не может быть и речи, поскольку, как становится понятным, второго не существовало, а первое вызывает у исследователей серьёзные сомнения⁸³.

Исключительный интерес вызывает факт, до сих пор не обсуждавшийся историками: все руководители проекта, реализованного в «Магдебургских центуриях», — люди книжной культуры, в той или иной степени реализовавшие карьеру в университете или в других об-

⁸¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 74 и далее.

⁸² См., например, Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. М., 2006. Т. 2. Игры обмена. С. 380 и далее.

⁸³ См. Бродель Ф. Указ. соч. С. 591—593. Руджеро Романо, характеризуя неконкретность хрестоматийного восприятия Леона Баттисты Альберти как «предвестника нового общества, буржуазного менталитета и ещё бог знает чего», давно рекомендовал «более внимательно перечесть наших классиков: тогда рухнут многие мифы, положив конец определенной историографии и сыграв на пользу истории». Romano R. La storia economica dal secolo XIV al Settecento. In: Storia d'Italia. Torino, 1974. Vol. 2. T. 2. P. 1883.

разовательных учреждениях. Только Виганд был священником и стал чиновником, но и он, как и его товарищ по скитаниям Юдекс, побыв некоторое время на преподавательской работе. Случайно ли это? Историческое знание итальянского гуманизма, к примеру, не было институционально связано с университетской средой: редкие историки-гуманисты профессионально занимались образованием и в других странах. Дело в том, что рост количества учёных специальностей, нашедших приют под крышей университетов, сдерживался ограниченным количеством факультетов. Чаще всего их было три, и в рамках классических маршрутов подготовки юристов, врачей и богословов формировались зародыши естественных и гуманитарных наук нашего времени. При необходимой поправке на германские реалии рискнём предположить, что мы присутствуем при институционализации исторической науки. На данном этапе историки находят себе место в роли преподавателей логики (особенно Аристотелевой), древних языков, красноречия. Напомним, что вторая половина XVI в. — это время ускоренного развития хронологии⁸⁴ и некоторых других «вспомогательных» исторических дисциплин. История пускает корни в университетах, причём участвуют в этом не авторы отвлечённых трактатов «о пользе истории», а лучшие из практикующих исследователей.

Можно ли сказать, что проект «Магдебургских Центурий» не выдержал испытание практикой? Конечно, с формальной точки зрения издание не было завершено, а неоднородность вышедших томов (в отношении масштабности рассмотренных проблем) довольно заметна. При этом, книга разошлась довольно широко, а произведенный ею эффект вообще превзошел все ожидания. Мы видим, что та фундированность, скрупулёзность в подборе и систематизации материала, на которую делали основную ставку идеологи и авторы «Центурий», стала и основным препятствием в использовании книги. Она не имела рыночного успеха, а поиск спонсоров стал очень трудоемким занятием. Авторский коллектив оказался довольно хрупким организмом; при том, что при подборе его членов особое внимание уделялось соответствию между собой личных амбиций, со временем идеальная пропорция разладилась. Конечно, конфликт Виганда с Флацием в 50-е гг. был немислим. Только позже, когда Виганд приобрёл гораздо больший вес в среде лютеранских теологов, его выступление против Флация могло быть и было услышано. Занятость центуриаторов другими сюжетами сумела стать почвой для конфликта, который пришёл в проект «Центурий» извне и разрушил его.

⁸⁴ Хронология отталкивалась от необходимости датировки библейских древностей и структурно долгое время относилась к богословским наукам. Мощный толчок она получила как раз в ходе межконфессионального конфликта, начатого «Магдебургскими центуриями».

Уже первый опыт коллективного исторического труда показал, что наряду с соблюдением пропорциональности личных амбиций отдельных участников необходимо также выдерживать темпы издания и вообще не затягивать его. Возможность для участников проекта уделять внимание другим поприщам порождала дополнительные трудности: подтверждением тому может служить и конфликт Юдекса с йенскими властями, из-за которого троим лидерам проекта пришлось разъехаться, и ссора Флация с Вигандом, и замедление публикации на последнем этапе. Исключительно хорошо информированные, идеологи католического контрудара тщательно проанализировали результаты деятельности противников. С самого начала католического противодействия⁸⁵ ставка делалась на работу одиночек, сдерживаемых в своей научной работе только наличием предела собственными силами. Централизованная структура, практически неограниченный материальный ресурс позволили противнику избежать ошибок центуриаторов: денежные средства были определены с самого начала, документы выделялись крупными комплексами, и в поисках отдельных текстов не приходилось колесить по Европе. Кроме того, большинство католических ученых относилось к монашескому званию, а это позволяло существенно минимизировать бухгалтерию.

Тем не менее, «Центурии» составили новую ступень в процессе формирования истории как науки. Именно немецкие учёные выдвинули на первый план письменный документ как главный источник информации, попытались преодолеть всевозможные «предрассудки» в масштабе всемирной истории, а также не виданным ранее образом «разъять», выражаясь словами пушкинского Сальери, исторический процесс на бесчисленное множество составляющих его фактов. Подвигу «учёных мужей из города Магдебурга» отдали должное даже противники: недаром каждый из авторов-католиков стремился превзойти именно «Центурии», опровергнуть именно их, предложив более тщательные методы исследования, более широкий источниковедческий кругозор, большую общегуманитарную эрудицию. Началась эпоха многотомных сочинений, охватывающих огромные географические и хронологические пространства; она привела к расцвету «эрудитского» жанра в конце XVII—XVIII вв., к формированию высокого профессионального стандарта, от которого, в свою очередь, отталкивались его критики — историки Века Просвещения. Организационная составляющая этого сложного процесса профессионализации истории — один из важнейших элементов, который заслуживает тщательного изучения наряду со всеми другими.

⁸⁵ Имеются в виду не только тома «Церковных annales» Ц. Барония, но и работы его менее известных предшественников — Женебрара, Эйзенгрейна, Бруна, Панвинио и других.

Геральдика как отрасль эрудитского знания XVI в. в наследии Антонио Агустина

Вклад ученых-эрудитов XVI—XVII вв. в развитие исторической науки огромен; были заложены основы целого ряда отраслей исторического знания, и геральдика также не выпала из сферы их интересов. Вопрос отношения ранних эрудитов к данному феномену европейской цивилизации остается в значительной степени открытым. С одной стороны, именно они сделали геральдику доступной для научного изучения, а с другой, — эрудиты как продолжатели и выразители духа Возрождения в стиле ренессансного умонастроения отнюдь не приветствовали традиционную геральдику, противопоставляя ей, во-первых, свои «книги эмблем», а во-вторых, отвергая все геральдико-генеалогические стороны жизни общества, поскольку многие из них придерживались общего мнения, что положение человека зависит исключительно от его личных заслуг, а не предков. В тех же случаях, когда эрудиты все же обращались к геральдике, их штудии бывали подчас более чем странными; и во многом именно они оказались творцами второго издания мифологизации геральдики уже на новом этапе исторического знания, когда чрезмерное ее удревнение, придание ее ранней истории античного облика стало подкрепляться сносками и цитатами. Это вызывало и продолжает вызывать неоднозначное к ним отношение. Естественно, возникает вопрос о мотивах их внимания к гербам. Каковы были подходы эрудитов к геральдике в целом: как к характеристике современного им общества или как к одной из сторон знания? К тому же по прошествии времени их труды, правые и неправые, заняли свое место в ряду посвященной геральдике ученой литературы. Испанская традиция геральдической литературы, берущая начало в XIV—XV вв., одна из древнейших в Европе, имеет свои уникальные особенности и представляет в этом отношении исключительный интерес.

В испанской культуре раннего Нового времени фигура богослова, видного деятеля Контрреформации, историка и правоведа Антонио Агустина и Альбанель (Сарагоса, 26.02.1516—31.05.1587) неординарна. Он один из самых известных представителей испанского Возрождения, обладавший, по свидетельствам современников, глубокими энциклопедическими познаниями, с именем которого связано становление

гуманистической и эрудитской традиции Пиренейского полуострова. Младший из шестерых детей Антонио Агустина и Альдонсы Альбанель и Дураль¹, он обучался философии в Алькала де Энарес (1526—1528), затем в течение семи лет гражданскому и каноническому праву в Саламанке (1528—1535), с 1535 г. по 1537 г. изучал юриспруденцию в Болонском университете, совершенствовал латынь и греческий в Падуанском, побывал во Флоренции (1538). В Болонье в течение четырех лет он написал свою первую книгу о гражданском праве² в подражание учителю Андреа Альчати. За всю жизнь он опубликовал немало важных источников по гражданскому и церковному праву. Своими научными интересами Агустин был близок кругу итальянских друзей-гуманистов XVI в. и принимал активное участие в их предприятиях, связанных с изданием античных авторов. Доктор обоих прав (с 3.06.1541), в 1555—1556 гг. он в качестве папского нунция ездил в Англию в связи с браком Филиппа II Испанского и Марии Тюдор, выполнял и многие другие дипломатические поручения. С 1557 г. А. Агустин занимал епископскую кафедру Алифе в Беневенто (Неаполитанское королевство), с 13.10.1561 г. по представлению короля Испании стал епископом Лериды, в качестве какового активно, будучи исключительным эрудитом и знатоком церковного права, участвовал в работе Тридентского собора. В 1573 г. он получил привилегию гражданства Рима для себя и всех потомков обоего пола³. По предложению Филиппа II 30.10.1576 г. Агустин был избран архиепископом Таррагонским и утвержден папой Григорием XIII; с 1577 г. и до конца жизненного пути

¹ Арагонский род Агустин берет начало от мосена Гильена Агустина, в XIV в. секретаря короля Арагона Альфонса IV (1327—1366); их герб — в синем поле золотая 7-лучевая звезда. Поскольку род расселился, то ветви стали использовать разные, в том числе и четверочастные формы (за исключением герба валенсийских Агустинов с совершенно другим изображением). А. Агустин принадлежал к каталонской ветви и пользовался четверочастным гербом: в первом синем поле золотая звезда (Агустин); во втором золотом синий орел (материнский герб рода Альбанель из Барселоны); в третьем красном золотая осока; в четвертом (?) три рыбы в столб (*Gonzalez-Doria F. Diccionario heráldico y nobiliario de los Reinos de España. Madrid, 1987. P. 362, 367*). И прадеды и деды А. Агустина были ле-традо. Отец ученого, Антонио Агустин (Сарагоса, ? — Вальядолид, 1523), юрист, первый вице-канцлер Консехо Арагона, посол во Францию к Людовику XI и в Италию к папе Юлию II, активный участник Кортесов в Каталяуд в 1515 г., по приказу Фернандо II был заключен в замок Симанкас, где находился вплоть до 1516 г. Дед по материнской линии Х. Альбанель в 1594—1504 гг. входил в совет Арагона.

² *Emendationum et Opinionum juris civilis libri IV. Venetia, 1543*; переиздана в Лионе, Венеции, Базеле.

³ Ею могли воспользоваться, например, племянники А. Агустина: каноник в Сарагосе Мартин Агустин, иезуит Антонио Агустин.

он находился на этой кафедре. В Таррагоне Агустин провел несколько местных соборов, сочетая обязанности пастыря с исследованиями, содействовал развитию книгопечатания. Смерть застала его во время подготовки к изданию «Этимологий» Исидора Севильского. Последовательный сторонник историко-критического метода в изучении права, исключительный любитель книг, обладавший богатой библиотекой, включавшей большое число латинских и греческих рукописей, оригиналов и копий, впоследствии перешедшей в Эскориал⁴, А. Агустин — одна из наиболее репрезентативных фигур века Филиппа II. Он автор более 80 трудов по римскому и каноническому праву, догматическим аспектам богословия, истории, нумизматике, эпиграфике и, в том числе, — геральдике⁵. Агустин не относится к числу забытых авторов, изучение его биографии и творчества насчитывает три столетия. Большинство из книг эрудита написано на латыни, и только две — в том числе и интересующая нас — на кастильском⁶. Безусловно, Агустин предстает не тривиальным простоватым автором, обратившимся к геральдике с целью поведать *urbi et orbi* о своей приобщенности к «благородному знанию», а весьма искушенным и образованным представителем испанского общества XVI в. Вполне естественно желание понять, что именно привлекало его в геральдике, и какую она представляла перед взором этого выдающегося мыслителя.

Интерес к истории, включающий в сферу коллекционирования и рассмотрения все типы источников: кодексы, документы, надписи, археологические находки, монеты, медали и проч., был весьма распространенным среди гуманистов. Связанным с модными для круга Агустина археологическими интересами развивалось и увлечение нумизматикой. Многие из гуманистов создали частные собрания большой значимости, настоящие музейные коллекции, хотя в целом этот интерес к истории ограничивался исключительно «классическими

⁴ Библиотека А. Агустина является предметом изучения историков с XVI в. вплоть до наших дней, список трех ее частей (греческих рукописей, латинских рукописей и изданий на разных языках) опубликовал Ф. Мей в 1586 г.; см. также *Alcina J.F., Salvadó J. La biblioteca de Antonio Agustín. Alcañiz, 2007.*

⁵ Библиография изучения научного творчества А. Агустина насчитывает десятки работ, посвященных самым различным сторонам деятельности ученого. См. подробнее: *Antonio Agustín between Renaissance and Counter Reform / Ed. by M.H. Crawford. London, 1993.*

⁶ *Agustín A. Diálogos de medallas, inscripciones y otras antigüedades. Tarragona, 1587* и *Agustín A. Diálogos de las armas y linages de la Nobleza de España. Madrid, 1734* [далее — *Agustín A. Diálogos de las armas...*]. Труд Агустина сохранился в двух рукописях: одна под названием “*Libro de Armas y Linajes y Antigüedades curiosas, así de España y de su nobleza como de otros puntos del mundo*” и другая — “*Diálogos de Armas y Linajes de don Antonio Agustín*”, обе хранятся в Библиотеке Академии истории в Мадриде.

древностями». Агустин активно участвовал в подготовке книги своего итальянского друга Ф. Орсини, посвященной античным монетам⁷. Теме нумизматики отдали дань А. де Небриха, Х.Л. Пальмиренко; и у А. Агустина, считающегося одним из зачинателей испанской археологии, есть произведение, посвященное нумизматике — “*Diálogos de medallas*” — подготовленная им к печати, но уже посмертная публикация, вышедшая впервые в Таррагоне в 1587 г. и сразу распространившаяся в Европе⁸. Оно построено в форме диалога трех персонажей; упоминания монет сопровождаются поэтическими фрагментами и цитатами из других литературных источников, подобное сочетание филологии и нумизматики на основе гуманистической эрудиции в XVI в. оказалось новым прочтением нумизматики, попыткой систематизации нумизматического материала. Главное отличие позиции Агустина от многих современников, в том числе авторов-эрудитов, кроется в его неоднократном (наряду с особым вниманием к изучению древности) обращении к изучению национальной истории. Но может быть и геральдический интерес Агустина — это лишь своего рода разновидность коллекционерского увлечения, подобного нумизматике? Материал для посвященного геральдике сочинения Агустин начал собирать еще во время обучения в Саламанке в 1532 г.⁹ Вопросы геральдики он затрагивал также в 1557 г., отвечая на вопрос о происхождении и именах грандов Испании в письме к римскому другу О. Панвинию (1530—1568); эрудит сообщал, что нашел большую книгу с гербами знати всей Испании, Сицилии, Неаполитанского королевства¹⁰. Среди многочисленных созданных им книг она оказалась единственной на эту тему. Из письма Агустина из Сарагосы к своему другу Херонио Сурита (10.10.1563) известно, что в работе над нею во многом он

⁷ *Orsini F. Familiae Romanae quae reperiuntur in antiquis numismatibus ab urbe condita ad tempora divi Augusti*. Roma, 1577.

⁸ Переведена на итальянский, опубликована в Венеции и в Риме в 1592 г. В 1617 г. появился ее перевод на латынь иезуита А. Скотто (*Antonii Augustini Archiepisc. Tarracon. Antiquitatum romanarum hispanarumque in nummis veterum dialogi XI / latine redditus ab Andrea Schotto Societ. Iesu cuius accessit duodecimus De prisca religione diisque gentium. Seorsim editae Nomismatum icones a Iacobo Biaeo aëri-graphicè incisae. Antuerpiae, 1617.*). В 1650 г. вышло второе дополненное испанское издание, с примечаниями Л. Паскуалино. После антверпенского издания были еще на итальянском в Риме в 1692 и 1698 гг. “*Diálogos de medallas*” переиздавались в 1747 г. и оценивались как книга редкая; ее первое издание в конце XVIII в. стоило 500 реалов. В 1765—1774 гг. в Лукке вышло полное собрание сочинений Агустина с приложением биографии и перечня рукописей из его библиотеки.

⁹ *Mayáns i Siscár G. Vida de D. Antonio Agustín, Arzobispo de Tarragona // Agustín A. Diálogos de las armas y linages de la Nobleza de España*. Madrid, 1734. P. 161. § 295.

¹⁰ *Carbonell i Manlís J. Epigrafia y numismatica a l'epistolari d'Antonio Agustín (1551—1563)*. Barcelona, 1991. P. 55.

опирался на гербовник арагонца Педро Видаля¹¹. В другом послании к тому же адресату из Лериды (24.03.1566) он отмечал весьма заинтересовавшую его Книгу “Becerro”¹², одна из рукописей которой находилась в его библиотеке¹³, и сравнивал ее с «Родословной книгой» третьего графа де Барселуш Педру (1314—1354), содержащей перечни королей Испании и Португалии¹⁴. В одном из писем к Х. Сурита он просил книгу “Un llibre d'armas i llinatges”, которой владел Сурита (эпистола от 12.02.1576)¹⁵. Также Агустину была известна «Книга о гербах Метелина» (“Libro de armas de Metelin”), о которой он в июне 1576 г. писал, что получил ее от Х. Сурита, и отмечал, что многое в ней изложено хорошо, а большая часть представляет собой копию анонимной книги, увиденной им в Саламанке¹⁶. Возможно, имелся в виду Саламанкский гербовник и трактат Стеве Тамбурино. Агустин знал произведения Ф. Мехии и Диего де Валеры, которые он оценивал не столь высоко, как французские — Кассанеуса и других¹⁷, работал с каталонскими книгами. Таким образом, «Диалоги о гербах» являются не изложением любительских впечатлений или мнений А. Агустина, а результатом исследовательской и сопоставительной работы, основанной на изучении испанской и французской геральдической литературы, на знании истории Испании и доступных архивных источниках¹⁸. Основная активная работа велась во второй половине

¹¹ Педро Видаль (Pedro de Vitales) (1500—1574), доктор теологии, каноник монастыря де Монтеарагон, епископ Хуэски, автор первого арагонского гербовника “Nobiliario do armas y apellidos de Aragón”.

¹² Можно предположить, что имеется ввиду не известная «Телячья книга бегетрий» (“Becerro de las Behetrías de Castilla”), перечень налогов, привилегий и прав сер. XIV в., а книга под названием “Libro del Becerro de las armas y blasones de los linages de Espanha” (Agustín A. Diálogos de las armas... P. 83 § 44) (Franckenaу, Gerhardi Ernesti de [Juan Lucas Cortés]. Bibliotheca Hispanica: historico-genealogico-heraldica. Leipzig, 1724. P. 67. № 188). Однако и «Телячья книга бегетрий» Агустину также была знакома (Agustín A. Diálogos de las armas... P. 84 § 45; P. 86 § 47).

¹³ Carbonell i Manlís J. Epigrafia i numismatica a l'epistolari d'Antonio Agustín (1551—1563). Tesi doctorali. Barcelona, 1991. P. 53

¹⁴ Mayáns i Siscár G. Op. cit. P. 211. Имеется в виду рукопись XVI в.: Livro das linhagens dos nobres do Reino de Portugal e Castella / Pelo Conde D. Pedro filho del Rey D. Diniz. Roma, 1640.

¹⁵ Carbonell i Manlís J. Epigrafia y numismatica a l'epistolari d'Antonio Agustín (1551—1563). Barcelona, 1991. P. 53.

¹⁶ Carbonell i Manlís J. Epigrafia y numismatica a l'epistolari d'Antonio Agustín (1551—1563). Barcelona, 1991. P. 55.

¹⁷ “El nobiliario de Megía i mossén Diego Valera han escrito como el vizcaíno historiador, no tan bien como los franceses Casaneo i otros” // Mayáns i Siscár G. Op. cit. P. 211.

¹⁸ Mayáns i Siscár G. Опоу cit. P. 210—211. О намерении издать свое сочинение о гербах, Агустин писал Х. Сурита 12.10.1573 из Сарагосы (Carbonell i Manlís J. Epigrafia y numismatica a l'epistolari d'Antonio Agustín (1551—1563). Barcelona, 1991. P. 55)

1560-х гг. и Агустин предполагал издание своего произведения¹⁹. Однако его исследование об испанских гербах и генеалогии, к сожалению, осталось неоконченным и под названием “*Diálogos de las armas y linajes de la nobleza de España*” («Диалоги о гербах и родах знати Испании») было опубликовано доном Г. де Майанс-и-Сискар (1699—1781) в 1734 г. с приложением написанной им биографии автора²⁰. Рукописи «Диалогов» достаточно многочисленны; в хранилище Королевской Академии истории находится не менее трех манускриптов XVII в. этого произведения. Кроме того, сочинение упоминается и в библиографии Г.Э. Франкенау²¹. Знания А. Агустина в области гербов были весьма обширны, а его интерес к геральдике оказал фундаментальное воздействие на всех испанских авторов XVIII в. Воззрения эрудита и по сей день имеют значение для понимания умонастрояний XVI столетия.

Из шести диалогов собственно геральдике посвящен первый диалог, затрагивающий вопросы формальной геральдики (происхождения гербов, деления, фигур, дополнений). В последующих диалогах геральдические материи излагаются в генеалогическом контексте: сначала линияжи королевской крови, затем роды титулованной знати, гербы и линияжи некоторых герцогов. Последний диалог — о других родах — не окончен. Впрочем, подобная ситуация вполне естественна, т.к. при анализе гербов знатных фамилий Агустин столкнулся с тем, что представители разветвленных родов пользуются неодинаковыми гербами. По мере рассмотрения более низких иерархических уровней знати подобная пестрота нарастает (а обеспеченность источниками снижается).

Так или иначе, но Агустин отказывается привести современную ему испанскую геральдическую практику к единому строгому правилу, он отмечает ее вариативность и ссылается на свой опыт знакомства с латинской и французской геральдической литературой²². В принципе, это распространенная ситуация, когда в национальных рамках, значи-

¹⁹ Так же считал и Г. Майанс (*Mayáns i Siscár* G. Op. cit. P. 212).

²⁰ *Agustín A. Diálogos de las armas y linajes de la Nobleza de España*. Madrid, 1734. В 1765—1774 гг. вышло полное собрание его сочинений в Лукке, с латинским переводом биографии А. Агустина (*Antonii Augustini opera omnia*. Lucca, 1766. Vol. II), но вряд ли оно было широко распространено в Испании. Существует также каталонский перевод с первого издания, сделанный J. Pin y Soler, Barcelona, 1917. Факсимильное переиздание — *Librerías Paris-Valencia*, Valencia, 2005.

²¹ *Franckenaу, Gerhardi Ernesti de* [Juan Lucas Cortés]. *Bibliotheca Hispanica: historico-genealogico-heraldica*. Leipzig, 1724. P. 32. (№ 93). В библиографии упомянуты 1490 произведений 750 испанских и португальских авторов, писавших о геральдике и генеалогии с 1400 г.

²² *Agustín A. Diálogos de las armas...* P. 6. § 26.

тельно более известных автору, вопросы регламентации и приведения к единым стандартам решаются гораздо труднее, а возможность обращения к зарубежному опыту (Агустину знаком материал Франции, Германии, Фландрии, различных частей Испании²³) позволяет, напротив, делать обобщения существенно легче.

Диалог трех собеседников, в форме которого написано произведение А. Агустина, напоминает катехизис — традиционную жанровую составляющую геральдических трактатов²⁴. Агустин распределяет информацию между тремя участниками разговора, и в вопросах его оппонентов нередко содержится немалая часть ответа, например, в пассаже о причинах появления геральдики, когда собеседник «В» говорит о том, что гербы существуют, дабы отличить кабальеро от всех других²⁵. В вопросе о времени появления гербов Агустин, знаток античных древностей, оценивает их как «не очень древние»²⁶, что выделяет его как среди предшественников, так и современников, многие из которых утверждали, будто гербы введены в обращение Юлием Цезарем. Для Агустина характерно скептическое отношение к существующей геральдической литературе; он отмечает, что «от книг, написанных об этом предмете, мы получим мало помощи. Особенно в [вопросе] о древности гербов, которые полны многих баснословных вещей», толкующих гербы двенадцати колен израилевых, или гербы греков, в основном троянцев времен разрушения Трои²⁷. При этом он слегка касается единства терминов, обозначающих гербы и оружие (*armas*)²⁸.

Гербы для Агустина — визуальные признаки, равные знаменам, знакам легионов, когорт и т.п. в античную эпоху²⁹. Эрудиция Агустина проявляется во всем: например, он упоминает позднеантичный источник “*Notitia Dignitatum*”, оценка которого в те времена полагала его памятником самых ранних гербов, и не считает приводимые в нем комплексы тождественными гербам («Я их не считаю гербами (*armas*), а лишь знаками (*señales*) различения отдельных когорт»³⁰). В деликатном вопросе о королевских гербах Кастилии Агустин отрицает их существование во времена Ноя, считая выдумками, полемизируя со сто-

²³ Agustín A. *Diálogos de las armas...* P. 9—10.

²⁴ См., например, «Сон Садовника»: Черных А.П. Геральдика и право в трактате “*Songe du Vergier*” // Древнее право / *Ius antiquum* 1996. М., 1996. № 1. С. 221—238.

²⁵ Agustín A. *Diálogos de las armas...* P. 1.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid. Подробнее об этом вопросе см.: Антонов В.А. Датская геральдика XII—XVII вв. М., 2008. С. 116—142.

²⁹ Agustín A. *Diálogos de las armas...* P. 2.

³⁰ Ibid. См. также: Ткаченко А.А. “*Notitia Dignitatum*” как источник по позднеантичной эмблематике // *Signum*. М., 2000. Вып. 2. С. 33—40.

ронниками этого взгляда и утверждая: «лучше полагать, что эти гербы носили графы Кастилии Фернан Гонсалес и Гарсия-Фернандес, и их потомки, после того как они объединились с королями Леона. И замечу, что это было немного времени тому назад...»³¹.

Историческая позиция Агустина отчетливо выразилась в ответе на вопрос о ношении готскими королями гербов в качестве сеньоров Кастилии и Леона, когда он добавляет, что они были «также сеньорами Арагона, Наварры и Португалии и не носили гербов этих королевств, и во времена готов не было ни самих имен Кастилии, Леона и Арагона, ни гербов их»³². Сдержанно критически Агустин настроен и в отношении хронологии появления французского королевского герба, связываемого со святым Ремигием и крещением Хлодвиг³³. Агустин относил начало распространения гербов ко временам Карла Великого³⁴. Подобная точка зрения, хотя и далека от истины, но все же знаменует более взвешенное отношение к проблеме истоков гербов и порывает с традицией отнесения их к эпохе Юлия Цезаря. Интереснее другое — Агустин обратил внимание на несомненную связь появления гербов и родовых имен (*sobrenombres de linage*); подметив этапы и типы формирования родовых имен, он заключил: процесс начался не ранее 1000 г. и более или менее завершился к 1300 г.³⁵ Говоря о гербе рода де Кастро — «это были синие круги в серебряном поле», Агустин напоминает, что лишь один из четырех сыновей держал от короля замок (*castrum*), от которого и произошло родовое имя (Р. 49. III). Агустин достаточно подробно останавливается на связи гербов с именами³⁶. Впрочем, еще в середине XIV в. Бартоло да Сассоферрато сопоставлял герб с именем, а с его трактатом, весьма распространенным на Пиренейском полуострове, Агустин вне всяких сомнений был знаком, по меньшей мере по труду Ф. Мехии³⁷.

В вопросах формальной геральдики, которые Агустин неизбежно затрагивает, уровень знаний, в т.ч. и геральдических, заставляет его из-

³¹ *Agustín A. Diálogos de las armas...* P. 3.

³² *Ibid.*

³³ *Ibid.* P. 4.

³⁴ *Ibid.*

³⁵ «Как они различались, если каждый звался Педро, Хуан или Мартин? По имени своего отца, как среди греков и евреев. Только изменяли это имя через *ez*, и сына Мартина называли Мартинес, Педро — Перес, и Фернандо — Фернандес; Антона — Антолинес и также других. Потом усвоились имена мест, которых были наследниками, как де ла Фос де Лара (*de la Foz de Lara*) или Барбадьельо (*Barbadiello*) или, если были от завоевателей, то звались сеньор в таком-то месте, как говорим Артал ен Алагон (*Artal en Alagon*), Ото ен Монкада (*Oto en Moncada*) и также говорится в старинных привилегиях» // *Agustín A. Diálogos de las armas...* P. 4—5.

³⁶ *Agustín A. Diálogos de las armas...* P. 71—72. § 8—12.

³⁷ *Ibid.* P. 86. § 46.

бегать категорических суждений. Он говорит: «каждый раз есть столько неправильностей (*abusos*), особенно в Испании, что я не могу дать определенного правила. Я могу сказать то, что прочитал в различных французских, латинских и испанских книгах... Сид Руи Диас носил зеленое знамя, и в нем красную перевязь (*vanda*). Если это считать гербами, это будет противоречить... правилу»³⁸.

Не вдаваясь в особые подробности изложения формальной геральдики, имеет смысл отметить, что Агустин приводит сравнительные французские названия геральдических цветов и терминов³⁹. Испанская геральдическая терминология была в то время не столько неустоявшейся, как иногда пишут, сколько находилась в процессе формирования как национальная. Позже она испытала сильное воздействие французской геральдической литературы и приобрела более унифицированный романский облик.

Агустин старается каждое свое положение проиллюстрировать. Приводимые им примеры являются в большинстве своем испанскими. Более того, он постоянно говорит о частотности бытования того или иного элемента в той или иной стране, той или иной части Испании. Агустин, рассуждая о гербе маркиза де Альмасан графа де Монтеагудо, у которого в гербе десять панелас (геральдические листы тополя), очень поэтично заключает — «они как серебряные сердца в красном поле». Далее он считает нужным добавить вопрос собеседника о панелас и говорит, ссылаясь туманно на «книги гербов», что это «некая трава из Бискайи» и связывает ее возникновение в гербах с давней битвой между родами Мендоса и Гевара⁴⁰. Объясняя появление отдельных элементов в гербах, он апеллирует к национальной истории и считает многие элементы — памятью о славных деяниях, подвигах, сражениях и т.п. Старинное право «знамени и котла», по его мнению, послужило основой появления котлов (*calderas*) во многих испанских родовых гербах⁴¹. Наличие кастильской каймы в гербах Португалии он, пусть ошибочно, объясняет браком графа Бургундского Энрике с дочерью Альфонса V Кастильского. Известны ему и версии португальского герба⁴². Несмотря на то, что иногда его утверждения бывают неверны с точки

³⁸ Agustín A. *Diálogos de las armas...* P. 6.

³⁹ «Цвета есть красный (*colorado*), синий (*azul*), зеленый (*verde*), черный (*negro*) и пурпурный (*morado*). Металлы — золото (*oro*) и серебро (*plata*). Покрытия (*pellejos*) — горностаи (*armiños*) и белка (*varios o verso*). Французские гербовые короли называют красный *goles*, синий — *blau*, зеленый *sinoble*, черный *sable* и пурпурный *purpura*» // Agustín A. *Diálogos de las armas...* P. 6. § 26.

⁴⁰ Agustín A. *Diálogos de las armas...* P. 92. § 8—10.

⁴¹ Ibid. P. 84—86. § 45—47.

⁴² Ibid. P. 43. § 24—26; P. 84—86. § 45—47.

зрения истории геральдики и самой истории, но Агустин считает гербы сохранившимися свидетельствами деяний знати, т.е. памятниками национального прошлого, и исследует их как исследовал бы археологические древности. Такой подход показателен для позиции Агустина и является, безусловно, положительным моментом его концепции.

Это говорит об огромной работе, оставшейся за рамками текста «Диалогов», свидетельствует об объеме проанализированного материала и солидных знаниях. Для Агустина основным доказательством являются источники. То, что не подтверждается источником для него спорно: «я не видел этого в памятниках», пишет он⁴³. Судя по тексту, в рукописи присутствуют рисунки, необходимые по ходу изложения правил формальной геральдики и отдельных элементов в родовых гербах, но обычно он изредка прибегает к пояснительному рисунку, как, например, при объяснении чеканов (*cunhas*)⁴⁴. Агустин отмечает существующие примеры отклонений от этих правил и их нарушений⁴⁵. Что же касается самих правил (речь идет о сочетании цветов и так называемых металлов в гербах), то их появление Агустин объясняет предельно рационально — «видно лучше»⁴⁶, одновременно не придавая всему этому дополнительных символических значений, которые в его время были уже достаточно распространены. Сочинения XVI в. пестрят соответствиями значений цветов качествам и добродетелям, драгоценным камням, планетам, дням недели и проч. Агустин рационален и в других вопросах формальной геральдики: в частности, упоминая о крестах, он отказывается перечислять все их виды, как это делают другие⁴⁷, что, кстати, совершенно справедливо, и свидетельствует о его разумном и историчном подходе.

Когда в «Диалогах» ведется речь об отдельных составляющих герб-фигурах, особую важность приобретает свидетельство Агустина о роли главы в гербах. Он отмечал, что эта фигура употребляется для выражения иерархии такими лицами, «как новые кардиналы, которые в главе щита помещают гербы папы, который их возвел [в сан]. И также новые кабальеро стремятся поместить там гербы короля, который сделал их кабальеро», и что таковые гербы являются не очень древними⁴⁸. Агустин сравнивал характерные для Германии, Франции, Испании геральдические способы обозначения различных ветвей рода⁴⁹. В его тексте

⁴³ Agustín A. *Diálogos de las armas...* P. 5.

⁴⁴ Ibid. P. 75. § 24—25.

⁴⁵ Ibid. P. 7.

⁴⁶ Ibid. P. 8.

⁴⁷ Ibid. P. 10.

⁴⁸ Ibid. P. 9.

⁴⁹ Ibid. P. 12.

уже появляется тема запрещения ношения определенных иерархических элементов герба, хотя он и подчеркивает, что в Испании подобные злоупотребления не бытуют⁵⁰. При этом отчетливым признаком внимания Агустина к подлинной геральдике XVI в. является его наблюдение об уже существующей на практике иерархизации геральдических шлемов, которой столетием раньше, в XV в., не было вовсе: «Прямо обращенный — есть шлем королей, герцогов или грандов, а не других сеньоров. Короли носят его с двумя или тремя решетками, а другие [повернутыми] в сторону и с большим числом решеток. Носить его закрытым, [обращенным] вбок и без решеток [надлежит] кабальеро или эскудеро без титула»⁵¹. Агустин совершенно резонно утверждал, что и в части соотношения размеров делений и фигур не все делается с точностью⁵². Напомню, что это наблюдение относится к XVI в., а известно, что позднее в геральдической литературе вплоть до конца XIX в. упорно высчитывались пропорции гербовых щитов и фигур.

Весь разделенный на 54 параграфа первый диалог посвящен формальной геральдике. Собственно, это вводная часть к остальным диалогам, в которых геральдика неотделима от генеалогической истории. Изложение Агустина всегда очень конкретно и основано на испанских геральдических реалиях. Хотя отдельные сведения по теоретической геральдике он и в дальнейшем включает в текст изложения по мере необходимости (например, счет четвертей), но именно первый диалог с наибольшей убедительностью свидетельствует о принципах Агустина.

Говоря о классификации родовых гербов, Агустин предлагает разные ее варианты. Во втором диалоге он пишет: «Одни [можно упорядочить] по времени, следуя самым старинным примерам; другие по достоинству, как у королей, и от королевской крови, и от герцогов и их потомков и также от других путем передачи»; или по провинциям, располагая те, что из Каталонии, Арагона, Наварры, Кастилии, Леона, Галисии, Португалии и Андалусии и Валенсии; а также следуя алфавитному порядку их фамилий или родовых имен⁵³. Агустин считал возможным выделить как раздел классификации гербы наиболее важных городов. Это упоминание весьма ценно, потому что городские гербы в испанской литературе нередко гербами не считались, и наряду с родовыми не рассматривались. Данная классификация говорит о том, что Агустин воспринимал геральдику как историческое, изменяющееся явление, отмечал роль этого обычая в обществе, очень близко подошел к его действительной хронологии и раннему генезису.

⁵⁰ Agustín A. Diálogos de las armas... P. 13.

⁵¹ Ibid. P. 13—14.

⁵² Ibid. P. 11.

⁵³ Ibid. P. 14. § 4.

Первым диалогом, посвященным формальной геральдике, геральдический компонент произведения Агустина не исчерпывается. Следующие диалоги представляют собой еще и вторичный гербовник высшей испанской знати, настолько много в них гербов и блазонов; только на трех страницах, посвященных Каталонии, насчитывается 70 блазонов. Агустин упоминает их разночтения, причем про отдельные варианты говорит как о наиболее точных⁵⁴. Однако именно отмеченная Агустином неоднократная вариативность гербов⁵⁵, практика ношения схожих гербов⁵⁶ представляют собой наибольшую ценность.

Пять генеалогических по содержанию диалогов в неменьшей степени раскрывают отношение Агустина к геральдике. Испания как некое единство только формируется с начала XVI века: объединившиеся личной унией Кастилия и Арагон, завоеванная в конце XV в. Гранада. И, пожалуй, Агустин первый, кто попытался сплотить в своей книге то, что представляла собой испанская геральдика XVI в., включая в пиренейское единство и Португалию.

При этом Агустин подчеркивает, что гербы являются главным предметом его произведения⁵⁷. Агустин высказывает сомнение в том, что самые древние гербы есть самые благородные⁵⁸, подвергая тем самым ревизии мнение, которое считалось базовым не только в XVI в., но и гораздо позже. В отличие от авторов-геральдистов, он, как правило, настроен критически. Однако в XVI в. решение проблемы соотношения знатности с древностью рода не всегда очевидно. Самые благородные, по его мнению, независимо от гербов — дети королей и те, кто от них происходит⁵⁹. Наследование благородства по женской линии для Агустина равнозначно наследованию по мужской⁶⁰. Агустин пишет о том, что многие из бастардов королевской крови используют элементы королевских гербов. В уста собеседника Агустин вкладывает тезис о том, что у кого гербы не подобны королевским, в большинстве своем не относятся к королевской крови⁶¹. Королевские бастарды — в родах Понсе, Манрике. Хихон, Гусман, Вега, Вильена и др. Королевский род — «источник многих главных родов в Кастилии», пишет Агустин, ссылаясь на Х. Сурита, например, «от них происходит род Кастилья, которые носят гербом зеленую правую

⁵⁴ Agustín A. *Diálogos de las armas...* P. 60—64. § 25.

⁵⁵ Ibid. P. 75. § 23.

⁵⁶ Ibid. P. 81. § 41.

⁵⁷ Ibid. P. 41. § 13.

⁵⁸ Ibid. P. 14. § 6.

⁵⁹ Ibid. P. 14—15. § 6—8.

⁶⁰ Ibid. P. 15. § 10; P. 20. § 24.

⁶¹ Ibid. P. 52.

перевязь (*vanda verde*), которая выходит из двух голов зеленых змей, вверху золотой замок, внизу пурпурный (*morado*) лев, как носят короли Кастилии и Леона»⁶².

Внимание к генеалогии связано с тем, что в процессе исследования геральдических сюжетов гербы приходится рассматривать в генеалогическом контексте. Агустин был внимательным читателем «Родословной книги» Д. Педру и авторитет этого источника для него очень высок. В середине XVI в. в Испании давнее обладание гербами еще не было включено в число необходимых доказательств знатности и проверка наличия герба не вошла в комплекс проверки знатности⁶³, но герб без генеалогии скорее мог вызвать обоснованные подозрения, чем общественное уважение. С минимальными генеалогическими сведениями Агустин перечисляет роды, в гербах которых присутствуют королевские (кастильские) гербы⁶⁴, и попутно пытается объяснить, почему некоторые элементы (например, двуглавый орел) присутствуют в гербах отдельных родов, как например, в гербах рода Кардона⁶⁵. Рассказывая о гербе рода Мануэль, Агустин считает его гласным (*imitacion del nombre*) *Manalá* (окрыленная рука)⁶⁶. Возможно, автобиографический текст Хуана Мануэля о гербах ему неизвестен, может быть в этом сказались его филологические пристрастия. В любом случае перед нами попытка рационалистического подхода. Агустин отмечает и фактические, и терминологические разночтения: «почему вы называете льва пурпурным (*morado*), а Гарибай⁶⁷ говорит что он красный (*colorado*) или золотой (*dorado*)»⁶⁸. Дело не в том что терминология не устоялась (а это действительно так), но она безусловно еще не является общей⁶⁹.

Диалоги остались незаконченными из-за масштаба поставленной задачи. Формальная геральдика уже в XVI в. не представляла собой ничего загадочного и изложена Агустином даже с известным изыществом. Верхние социальные уровни не лучше геральдизированы, а полнее представлены в источниках. Когда же Агустин подошел к не-

⁶² *Agustín A. Diálogos de las armas...* P. 21. § 24.

⁶³ См.: *Ведюшкин В.А.* Идальго и кабальеро: испанское дворянство в XVI—XVII вв. // *Европейское дворянство XVI—XVII вв.: границы сословия.* М., 1997. С. 110.

⁶⁴ *Agustín A. Diálogos de las armas...* P. 23. § 28.

⁶⁵ *Ibid.* P. 27—28. § 31—32. Это упоминание не случайно: в 1540 г. его сестра Исабель вышла за Феррана I Фолька, одного из герцогов Кардона, и род Агустин породнился с высшей арагоно-каталонской знатью.

⁶⁶ *Agustín A. Diálogos de las armas...* P. 30. § 36—40.

⁶⁷ Эштебан де Гарибай и Самальоа (*Esteban de Garibay y Zamalloa*) (1533—1599), испанский историк, геральдист и генеалог.

⁶⁸ *Agustín A. Diálogos de las armas...* P. 32. § 45—46.

⁶⁹ *Ibid.* P. 27. § 32.

титованной знати, то неожиданно начал с рассуждения о том, от кого происходить хуже: от мавров, иудеев или еретиков? И пришел к выводу, что хуже всего от еретиков, потому что их потомки не могут обладать ни должностями, ни достоинствами⁷⁰. Мне представляется, что его рассуждения об иудеях и маврах могут быть связаны с тем, что он вел к оправданию происхождения некоторых родов кабальеро от мавров. Он говорит, что кровь мавров во внешнем облике незаметна, а одна капля иудейской — видна сразу⁷¹. В шестом Диалоге Агустин многократно отмечает различия в гербах одного разветвленного рода (например, рода Алеман)⁷² или случаи ношения одних гербов родами с разными родовыми именами, разницу в почти одинаковых гербах родственных семейств⁷³.

Место, которое занимают «Диалоги о гербах» в творчестве Агустина, скромнее, чем его богословские и правовые сочинения. Это произведение — результат его душевных увлечений, подобно нумизматике и всему комплексу «археологического» эрудитского гуманизма. Неслучайно, оно вместе с ними осталось в рукописи. Однако в комплекс данных занятий и пристрастий оно вполне вписывается — в этом содержится немалый инновационный компонент. Гербы не относились к античным древностям, ко временам Агустина — это были уже «древности» средневековой Европы. И многими из его коллег по увлечениям геральдика рассматривалась как нечто безусловно вторичное по сравнению с классической, «настоящей» историей. Поэтому даже само обращение к ним — неординарно. Это первое. Второе — то, что прекрасно устроенный ум Агустина внес и в данную область присущий ему во всем принцип организации, позволяющий систематизировать материал и попытаться расположить его в логической последовательности.

Книга Агустина о гербах увидела свет лишь спустя полтора века. Но она была известна и в рукописи, еще до издания. Так, крупнейший из писавших о геральдике в конце XVII в. европейских авторов, К.-Фр. Менетрье, упоминал о ней в 1675 г.⁷⁴, хотя вряд ли она была ему доступна. Трудно судить о том, каким именно образом труд Агустина оказал влияние на гербоведение XVII—XVIII вв. при относительно небольшом числе известных копий. Однако, несомненно, авторитет его автора был заслуженно высок.

⁷⁰ Agustín A. Diálogos de las armas... P. 90. § 1—2.

⁷¹ Ibid. P. 92. § 6.

⁷² Ibid. P. 63. § 25.

⁷³ Ibid. P. 92.

⁷⁴ Le véritable Art du Blason et l'origine des Armoiries. Lyon, 1675. P. 31. Mayáns i Siscár G. Op. cit. P. 157.

Испанские историки не единодушны в оценке Агустина-геральдиста. Первый публикатор «Диалогов» и автор первой биографии А. Агустина Грегорио Майанс и Сискар в 1734 г. с восторгом писал, что диалоги есть самое совершенное творение, которое мы имеем в этом роде, наиболее методичное и точное изложение геральдических обычаев, собрание генеалогических заметок, в которых эрудиция восхитительна; называл их книгой достойнейшей, что читается с удовольствием и одновременно с пользой для самого строгого и эрудированного читателя⁷⁵. Несмотря на такой энтузиазм Майанса и Сискар, в середине XX в. строгий И. Касканте считал, что Агустин не усовершенствовал геральдический язык, не предложил скрупулезного рассмотрения относящихся к геральдике правил⁷⁶. Однако мне самому эти упреки по отношению к Агустину кажутся продиктованными излишним геральдическим пуримом, надуманным и неисторичным.

Агустин творил не в пустоте. Ему предшествовали геральдические трактаты Дього де Валеры и, в особенности, геральдический трактат в «*Nobiliario Vero*» Феррана Мехии, изданный в конце XV в., еще вполне средневековый *tratado de blazon*. Позднее, уже в XVII в. данная традиция в Испании была продолжена и развита в «Беседах о знати Испании» Б. Морено де Варгас⁷⁷. Однако Агустин был первым, кто внес в эту область принципы, близкие к научным, что определяет вполне заслуженное место произведения в испанском гербоведении. Он оценивал весь круг иберийской геральдики (включая и Португалию), подчеркивая тем самым ее единство.

Данный памятник раннего гербоведения и в мировой эрудитской литературе по геральдике занимает особое место. Во Франции, даже несмотря на деятельность ряда эрудитов, например, филолога, генеалога и главы Монетного двора Клода Фоше (1530—1602), знатока гербов, составившего реестр средневековых блазонов, все равно на протяжении всего XVI в. лишь многократно переиздавали трактаты герольда Сицилии и Клемана Прэнсо⁷⁸. На их основе возник такой жанр геральдического сочинения как квазиучебник. Среди них первым по времени, и притом одним из интереснейших по содержанию было «Толкование гербов» Жерома де Бара⁷⁹, увидевшее свет

⁷⁵ *Agustín A. Diálogos de las armas...* Prologo. P. XXXIX.

⁷⁶ *Cascanete I. V. Heraldica General y fuentes de las armas de España.* Barcelona—Madrid, 1956. P. 83.

⁷⁷ *Moreno de Vargas B. Discursos de la Nobleza de España.* Madrid, 1636.

⁷⁸ *Douët D'Arcq. Un Traité du blason du XV siècle // Revue Archéologique.* 1858. Vol. XV. P. 257—274, 321—342.

⁷⁹ *Hiérosme de Bara. Le blason des armoiries, auquel est monstrée la manière de laquelle les Anciens et Modernes ont usé en icelles...* Lyon, 1579; 2 ed. Lyon, 1581.

в 1579 г., а затем неоднократно переиздававшееся вплоть до середины XVII в. В Германии в конце XVI в. известно подобное сочинение страсбургского историка и богослова Кириакуса Шпангенберга (1528—1604) под названием «Зерцало знати» (*“Adelspiegel”*) (1591—1594). В нем присутствует сильный «теологический» уклон в толковании герба. Однако практически все современные Агустину европейские работы значительно уступают ему в интеллектуальности, я бы сказал, исторической непредвзятости. Позднее, в процессе развития традиции ученого гербоведения появились достойные труды, но они относятся уже к XVII в.

Нельзя не сказать и еще об одном обстоятельстве. В то время, когда Агустин писал свой труд о геральдике, уже существовали, активно создавались и публиковались многочисленные книги эмблем. Забытый, практически вышедший из употребления как обозначение каких-либо визуализаций в Средние века термин «эмблема» в эпоху Возрождения возродился в трудах гуманистов, постепенно приобрел значение символического изображения, сопровождаемого текстом, нарисованной идеи, выраженной через образ предмета, фигуры или ситуации. Таким образом, термин получил новую жизнь, породив целый жанр своеобразной литературы, получившей общее название «книг эмблем».

Предшественники книг эмблем известны со второй половины XV в. И «Сон Полифила» Франческо Колонна, и греческий перевод «Иероглифики» Гореполлона к началу XVI в. уже были опубликованы и имели огромный издательский успех. Первым собранием собственно ренессансных эмблем⁸⁰ стала работа будущего наставника Агустина в *studia humanitatis* (хотя сам Агустин никогда не употреблял этого термина) Андреа Альчати *“Emblematum liber”*, вышедшая в Аугсбурге в 1531 г., когда А. Агустин учился еще в Саламанке. Она послужила основой для многочисленных переводов и подражаний; и сам автор переиздавал ее каждые 4—5 лет⁸¹.

В отличие от визуального признака — герба — эмблема эпохи Возрождения представляет собой синтез изображения и текста моральной сентенции с сильным эзотерическим подтекстом. Несмотря на частные различия между книгами, общая структура эмблемы сохраняется в каждой. Эмблема состоит, как правило, из трех элементов: 1) изображения, которое составляет «тело» эмблемы; 2) названия или девиза, ко-

⁸⁰ Махов А.Е. «Печать недвижных дум» // Эмблемы и символы. М., 2000. С. 8.

⁸¹ *Emblematum liber*. Augsburg, 1531, 1534; Paris, 1534, 1542; Frankfurt am Main, 1567; *Livret des emblems*. 1536; *Les Emblemes*. Paris, 1539, 1542, 1584; *Emblematum libellus*. Venise, 1546; *Los Emblemas*. Lyon, 1549; *Emblemata*. Lyon, 1550, 1551, 1556; *Toutes les emblems*. Lyon, 1558 etc.

торое составляет «душу» эмблемы; 3) пояснительного текста, который раскрывал смысл изображения и девиза; без него эмблема чаще всего малопонятна. В первой части пояснительного текста автор обычно описывал изображение, во второй давал применительно к теме моральный урок. В предисловии к французскому изданию Альчати 1584 г. его переводчик, дижонский юрист Клод Миньо дал характерное для того времени определение эмблемы: «Эмблемы есть некие изображения, подобные иероглифическим буквам египтян, искусно изобретенные знающими людьми, которые сохранили секреты мудрости древних посредством определенных изображений (*devises*), позволявших передавать тайное учение только тем, кто способен его хорошо понять, и не без веской причины исключавших из этого профанов»⁸². Книга эмблем или иллюстрированных девизов в XVI в. стала модным жанром, к которому обращались гуманисты, поэты, религиозные деятели и христианские моралисты всей Европы. Вслед за книгой Альчати, не принимая в расчет прочие европейские страны, в Испании еще при жизни А. Агустина вышли “*Triumphos morales*” Франсиско де Гусман⁸³. Да и в XVII столетии общее увлечение книгами эмблем не ослабло, напротив, даже увеличилось⁸⁴.

Существует мнение, что в первой половине XVI в. в Испании формировалась испано-итальянская придворная культура, в которой саморепрезентация рыцарства достигалась за счет использования ренессансных эмблем⁸⁵. Старший современник А. Агустина, Гонсало Фернандес де Овьедо (1478—1557), королевский хронист Индий с 1532 г., постоянно пребывавший в Америке, но публиковавший свои труды в Испании, написал около 1528 г. геральдический трактат, “*Libro del blazon*”, по всей вероятности, первый испанский трактат об эмблемах⁸⁶. Он предполагал подготовить большой труд о геральдике в 9 книгах, и даже начал его, но до нас дошли только неполные два первых тома. В трактате де Овьедо классическим элементам герба приданы символические значения драгоценных камней, планет и дней недели⁸⁷. Геральдический труд обращен в противоположную от геральдики

⁸² *Alciato Emblemata... Les Emblèmes latin-françois*. 1584 7v—8r. Цит. по: Saunders A. *The Seventeenth Century French Emblem. A Study in Diversity*. Geneva, 2000. P. 308.

⁸³ *Guzmán, Francisco de. Triumphos morales*. Alcalá de Henares, 1565.

⁸⁴ В течение 200 лет в Европе было издано около 1000 книг эмблем. Научная литература, посвященная изучению ренессансных эмблем, без преувеличения, огромна. Существуют современные международные исследовательские проекты.

⁸⁵ См. *Carillo Castillo J. Cultura cortesana e imperio: el Libro del blasón de Gonzalo Fernández de Oviedo* // *LOCVS AMENVS*. 1998—1999. № 4. P. 137—154.

⁸⁶ *Ibid.* P. 142.

⁸⁷ Цит. по: *Ibid.* P. 142.

сторону — к эмблемам, которые он хочет привести в систему. Практически де Овьедо имел в виду уже эмблемы, которые — в отличие от гербов — являются преимущественно личными и претендующими на внешнюю оригинальность и выразительность. Это тоже эрудитский подход, но другой, попытка соединить и переосмыслить геральдику в мире эмблем. Подобное почти полное переосмысление геральдики описано М. Пастуро⁸⁸. Эмблема у де Овьедо присутствует еще преимущественно в виде нашлемников, но у него они уже начинают превращаться из лаконичных средневековых изображений в композиции ренессансных эмблем⁸⁹.

Ренессансная эмблема — культурное явление особого рода. Если средневековый и ренессансный гербовник представляет собой собрание гербов территории, корпорации, родовых или личных гербов, но всегда конкретных обладателей (за исключением, возможно, воображаемой геральдики), то книга эмблем отличается тем, что изображения в ней не являются принадлежностью или обозначением какого-либо лица или институции, а всегда выражают некий моральный или иной смысл, общий для культурного контекста общества XVI—XVII вв., или, по крайней мере, некоторой его, достаточно образованной, части. Появление ренессансных эмблем было подготовлено не менее чем трехвековой изобразительной традицией Средневековья, в том числе и геральдической (изобразительные девизы и пр.). Причины, вызвавшие в свое время к жизни особую визуальность Средневековья, значительно ослабили влияние, уступая место текстовому компоненту в силу возросшей грамотности раннего Нового времени. Средневековая визуальность продолжала влиять на деятелей Возрождения, историков и ранних антикваров, и в ренессансной эмблеме изобразительная традиция Средневековья соединилась со словесной культурой Ренессанса. Вербализация эмблемы не связана со средневековым блазоном, это ее объяснение, истолкование, как правило, косвенное, с использованием логических и культурных аллюзий и параллелей. В отличие от герба индивидуальность автора и читателя-зрителя играет в ней очень большую роль. Уровень понимания различными слоями стал дифференцироваться гораздо сильнее, чем в Средние века, поскольку затрагивал всю систему образованности (причем особой — гуманистической) индивидуума. Характерное качество эмблемы выразил П. Йовий (Джовио), когда (в числе прочего) отметил: она должна быть «не настолько ясна, чтобы любая чернь могла

⁸⁸ Pastoureau M. Aux origines de l'emblème: la crise de l'héraldique européenne aux XV et XVI siècles // *Emblems et devises au temps de la Renaissance*. Paris, 1981.

⁸⁹ См. Carillo Castillo J. Cultura cortesana e imperio: el Libro del blasón de Gonzalo Fernández de Oviedo // *LOCVS AMCVS*. 1998—1999. № 4. P. 150—151.

ее понять»⁹⁰. Современный рядовой человек, как, впрочем, и простец XVI—XVII вв., не может включиться в предлагаемую игру смыслов и значений. Это «кино не для всех». И в подобной необщедоступности, а не в принципиальной свободе сочетаемости, которая якобы отличает геральдику с ее жесткими общими правилами конструкции⁹¹, состоит одно из основных отличий эмблем XVI в. от геральдики.

Эмблемы Возрождения не оставались «чистым» жанром, среди них присутствуют и «пограничные» примеры, в которых геральдические элементы сильнее. Но Возрождение не интересовали средневековые идеалы, образцы, всяческие *exempla*; оно предпочитало собственные образцы-эмблемы. Ренессансные эмблемы, в отличие от гербов, не являются визуальными признаками участников социальных отношений. Эмблема в ее специфическом ренессансном понимании есть обозначение идей, образов и т.п. из области культуры, философии — в большинстве случаев без конкретного социального содержания. И конечно, такая эмблема принципиально не имеет практически никакого исторического измерения. Книги эмблем не подразумевали напрямую никакой персонализации, поэтому набор эмблем мог быть любым. Но со временем эмблемами стали наделяться и конкретные лица, и средневековый изобразительный девиз иногда получал вполне ренессансное толкование — подобно личной эмблеме португальского короля Мануэла I (армиллярная сфера) или Франциска I (саламандра). Культурный контекст, в котором существовали книги эмблем — это отрицание Средневековья, разложение средневековой визуализации. По сложностной структуре, избирательности возможностей прочтения, по принципиальному исходному ребусному энигматизму ренессансная эмблема не принадлежит геральдической, во многом навсегда средневековой, культуре. Напротив, ренессансная эмблема с ее принципиальной установкой на разгадывание стала оказывать влияние на восприятие геральдики и общей эмблематики; в гербах и их составных частях подразумевается обязательное наличие скрытого значения.

Агустин писал в ту пору, когда не только книги эмблем начинали распространяться, но уже в практической жизни эмблемы употреблялись очень широко и использовались художниками, декораторами торжеств, скульпторами, литераторами. Агустину, неординарной личности, человеку высокой образованности, была вполне доступна предлагаемая эмблемами игра ума и эрудиции. Но он, с его вкусом и любовью к подлинным историческим памятникам, не мог не видеть от-

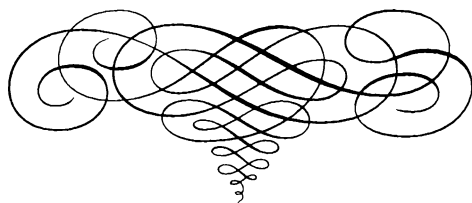
⁹⁰ "Seconda, ch'ella non sia oscura, di sorte, c'habbia mistero della Sibilla per interprete a volerla intendere; ne tanto chiara, ch'ogni plebeo l'intenda" // *Giovio P. Dialogo dell'imprese militari et amorose*. Lyon, 1574. P. 12.

⁹¹ *Махов А.Е. «Печать недвижимых дум» // Эмблемы и символы. М., 2000. С. 16.*

сутствия в эмблемах исторического компонента, их бытование исключительно в пространстве культуры. Естественно, что при историческом чутье и ориентированности на древности национального испанского прошлого, его гораздо больше привлекали гербы как визуальные элементы социального пространства. На вопрос, был ли знаком с ними А. Агустин, можно с уверенностью ответить утвердительно. Агустин близок кругу одного из отцов-основателей данного жанра, автору “*Emblematum liber*” А. Альчати, поддерживал многие начинания своих друзей-гуманистов и, тем не менее, отдавал предпочтение не этому, весьма, без преувеличения следует сказать, модному в XVI в. интеллектуальному увлечению, а геральдике. Для многих творцов культуры Возрождения геральдика прочно ассоциировалась с презренным «готическим» прошлым, миром иерархий, связанных с происхождением, наследованием статуса и пр. Лишь небольшая часть из них, в полной мере достойная именования эрудитами, проявляла интерес не к интеллектуализированным ребусам «книг эмблем», а к генеалогическим и геральдическим источникам. Эмблемы представлялись морализирующей игрой, а гербы были свидетельствами славного прошлого пиренейской знати. Они относились к столь любимой Агустином истории.

Разумеется, полный ответ на вопрос — чем геральдика привлекала эрудитов — лежит за пределами самой книги Агустина. Чтобы ответить на него, следует попытаться окинуть взором весь круг их интересов, и станет очевидно, что геральдика была лишь малой частью коллекционерских, и отчасти уже научно-исторических интересов. Но как квинтэссенция визуального и генеалогического, она воспринималась эрудитами в качестве законной части истории как процесса и как формирующейся науки. Трактат де Овьедо с его обращением к эмблематическому материалу был ориентирован, прежде всего, на практические применения, а труд Агустина — попытка изучения, результат исследования. Посвященное геральдике произведение Агустина по позиции автора, подходу, принципам изложения принадлежит Новому времени и представляет собой начало формирования того образа науки, который в полной мере раскрылся уже в XVII в. И А. Агустин стоял у его истоков.

Меняющаяся Европа:
динамика внутреннего
развития и культурного
самосознания до начала
Нового времени

Великие миграции народов: модели и проблемы корреляции

Миграции в истории — один из системообразующих элементов исторической эволюции человека, имеющий чётко выраженные этносоциальные и этнополитические детерминанты. Выполняя функцию регулирования людских потоков, миграции формируют состав населения, стимулируют его подвижность в одних районах и стабилизируют в других. Они не являются целью или ценностью, но ценой, которую человечество платит за обрётённую стабильность или выход из кризиса. Людская, энергетическая и интеллектуальная цена миграции при открытии новых территорий или новых ресурсов неизбежно очень высока и практически невыносима. Каждой исторической эпохе присущи свои доминирующие особенности мобильности населения, типы, виды и формы его подвижности. Конкретно-исторические блуждания мигрантов в прошлом исследованы историками достаточно детально и основательно. Однако их сравнительно-исторический анализ не проводился и нуждается в дальнейшей разработке. Историки пока не договорились, с помощью каких индикаторов можно маркировать *завершённые* древние и средневековые миграции, возможно ли выявить их типологические признаки, которые могут оказаться важными для понимания современных *незавершённых* миграционных процессов. В настоящей статье предлагается рабочий вариант подхода к подобной типологии, который нуждается в дальнейшей конкретизации.

Вся история человечества подтверждает, что человек на Земле находился в состоянии постоянных передвижений. Человек — единственный из рода приматов — в результате массовых миграций колонизировал планету, заселив все континенты. В контексте исторической эволюции миграции стали мощным источником культурного многообразия. Этот стремительно развивающийся феномен для каждой исторической эпохи имел свои характерные особенности развития. В современной науке не существует единого универсального определения понятия «миграция». Но в трактовке природы и сущности этого явления специалисты более-менее едины. Миграции рассматриваются как перемещение людей через границы тех или иных территорий с переменой места жительства навсегда или на длительное время. Использо-

вание в качестве синонимов таких понятий как «переселение», «перемещение» лишь подчёркивает эпистемологическое многообразие и разнородность значения категории «миграция». Я рассматриваю миграции как совокупность безвозвратных территориальных перемещений людей из одного региона в другой, а переселение как одну из форм стихийной либо организованной миграции.

Сейчас все признают, что любой человеческой общности присуща мобильность. Для популяции она является естественным состоянием, в основе которого лежит ощущение определённого дисбаланса и нарушения привычного равновесия. Нельзя недооценивать, что популяция сама по себе является нестабильным объектом, постоянно меняющейся системой, где мобильность выступает своеобразным индикатором и генератором, регулирующим её равновесие. С точки зрения различных научных направлений миграция считается важным диалектическим фактором развития — с одной стороны, она помогает выйти из кризиса, снять накопившееся напряжение, дать новый импульс развитию, но с другой, — создаёт новые проблемы.

Исследование миграции как отдельного феномена объективно предполагает присутствие междисциплинарного подхода. Однако специалисты подходят к изучению миграций, опираясь не на общую парадигму, а с позиций разных и конкурирующих друг с другом теоретических воззрений, раздробленных между дисциплинами, регионами и идеологиями.¹ Миграционные процессы находятся в поле зрения представителей различных научных направлений, формулирующих свои подходы и методологию исследования.²

— *Антропологи*, изучая скелетные останки, получают информацию о поведении, образе жизни, рационе питания и здоровье человека в связи с его расселением;

— *Генетики* анализируют древние образцы ДНК для определения филетических связей среди различных мигрирующих популяций;

— *Археологи*, изучая продукты человеческой деятельности, показывают присутствие человека в различные периоды и на различных территориях;

— *Экологи* определяют степень зависимости перемещений человека от экотона;

¹ Бретттелл Кэролайн Б., Холлифилд Джеймс Ф. Теория миграций // Методология и методы изучения миграционных процессов. М., 2007. С. 34; Massey D. An Evaluation of International Migration Theory // Population and Development Review. 1994. Т. 20. Р. 700—701.

² Подробную классификацию основных научных подходов к изучению миграций см.: Ионцев. В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М., 1999.

- Биологи исследуют рецессивные генетические признаки активно-го миграционного поведения;
- Демографы изучают миграции с точки зрения воспроизводства и сохранения человеческой популяции, её численности и половозрастной структуры;
- Социологи уделяют основное внимание проблемам адаптации мигрантов к новым условиям жизни;
- Лингвисты изучают дивергенцию и конвергенцию языков в ходе расселения народов;
- Экономисты рассматривают миграции как важнейший регулятор численности трудоспособного населения;
- Юристы определяют правовой статус мигрантов;
- Психологи акцентируют внимание на мотивационной природе переселений, рассматривают их как способ удовлетворения ряда социальных потребностей, в том числе потребности в самоутверждении;
- Историки, изучая причинно-следственные связи и движущие силы мобильности населения в конкретном географическом пространстве различных исторических эпох, раскрывают закономерности их влияния на историю человечества.

На мой взгляд, используемый историками цивилизационный подход в наибольшей степени способствует междисциплинарному диалогу изучения миграций, так как раскрывает мобильность в контексте исторической эволюции. Историки предлагают комплексный системный взгляд на мобильность человека, ставя вопросы о том, *где, когда, кто и почему* начинал движение, каковы его причины, как проходило переселение и расселение на новом месте, каковы *последствия* миграционных процессов, как при этом мигрирующие выстраивали свою идентичность.

Историк вряд ли может довольствоваться взглядом на миграцию как на любое перемещение людей независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности. Миграция — это не только подвижность населения, его мобильность, совокупность эпизодических, маятниковых, сезонных и безвозвратных перемещений, но организованный или неорганизованный массовый процесс, наиболее динамичный ответ на вызов, *способ реагирования* людей на меняющуюся экологическую, технологическую, экономическую, социальную, политическую и военную ситуацию. Массовые перемещения людских популяций присущи не только историческому (с IV тыс. до н.э. по настоящее время), но доисторическому (до VI тыс. до н.э.) и протоисторическому (VI—IV тыс. до н.э.) времени. По классификации моделей миграций, на мой взгляд, можно дифференцировать четыре фундаментально различных по своей природе явления — *переселенческую колонизацию, адаптивное радиальное расселение, вынужденно-принудительное пересе-*

ление и аттрактивную миграцию. Поскольку общая теория и подходы к исследованию миграционных процессов историками практически не разработаны, их моделирование как промежуточный этап, временная схема, позволяет, как кажется, отразить представление о том, чем могло быть, или чем должно быть переселение народов как изучаемая система. Модели можно использовать для связи теоретических выводов с историческим опытом, опыта с воображением, одних теоретических выводов с другими, интуитивных представлений с формализованной теорией и т.д. В ходе научного исследования модели великих переселений народов могут выполнять многообразные функции: *упорядочивающая функция* существенна при сборе и первичной обработке данных о движении народов; *психологическая функция* позволяет легче представить сложные взаимодействия в ходе миграций; *нормативная функция* даёт возможность сделать широкие сопоставления переселений; *объяснительная функция* учитывает разнообразие в построении теории миграций; *конструктивная функция* связана с расширением уже существующих подходов к изучению миграционных процессов.

Для перемещений доисторического периода исследователи различных направлений нашли самое подходящее определение — *переселенческая колонизация* как движение отдельного вида, расширяющее ресурсные возможности и характерные для данной популяции зоны проживания. Подразумевается, что такая популяция, переходя от фазы изолированного проживания на ограниченной территории к фазам возобновления колонизационного процесса, постепенно обретает свою идентичность, свою индивидуальность, равно как и свои собственные формы изменчивости.³ Известно, что 6—7 млн. лет назад в Африке произошло расхождение между ветвью человекообразных обезьян и гоминидов, а различные виды существ, называемых австралопитеками, обитали здесь уже 2,5 млн. лет назад.⁴ Согласно новейшим представлениям, три гоминидных вида (*Homo habilis*, *Homo rudolfensis* и *Homo erectus*), «соперничая» в праве называться предком современного человека, в течение какого-то времени существовали одновременно.⁵ Происходили их постоянные внутриконтинентальные передвижения, связанные с поиском пищи. Исследователи определяют три

³ *Legrand J. Migration and Nomadic Pastoralism: Major Antropological Alternatives // First Great Migrations of Peoples. Paris, 2009. P. 125; Heyer E. Genetic Diversity and the History of Population // Ibid. P. 18.*

⁴ В Восточной Африке появляются *Homo habilis* («человек умелый»), *Australopithecus boisei* (австралопитек Бойса), *Zinjanthropus* («восточно-африканский человек»), в Южной Африке — *Thelanthropus* («человек завершённый»), а затем *Australopithecus robustus* или *Paranthropus* («околочеловек»), в Юго-Восточной Азии — *Meganthropus* («человек крупный»).

⁵ *Collard M., Wood B. Defining the genus Homo // Handbook of Paleoanthropology / Ed. W. Henke and I. Tattersall. Berlin, 2007. P. 1575—1610.*

волны исхода из Африки. Около 2 млн. лет назад *Homo erectus* стал двигаться из Африки, направляясь в Европу и Азию, т.н. первая волна переселенческой колонизации.⁶ Будучи собирателем и охотником, он покинул Африку в основном без особых намерений и планов, в поисках пищи, невольно продвигаясь все дальше, уходя за пределы ограниченной области. В процессе этих передвижений, которые длились сотни тысяч лет, сменилось не одно поколение. Подобные перемещения следует относить к категории тех, когда не идут куда-то конкретно, но двигаются куда-то, потому что оно (в данном случае пища) там находится. Не могли не подталкивать к исходу из Африки также любопытство, жажда приключений, чувство неограниченных возможностей, рост населения и слишком большое давление на ограниченные ресурсы.⁷ Девиз, отражающий сущность переселенческой колонизации — «Иду, чтобы выжить».

В качестве двух наиболее вероятных маршрутов продвижения исследователи считают Левант и Африканский рог — так называемый «южный маршрут».⁸ Через левантский коридор и Ближний Восток *Homo erectus* двигался в сторону Кавказа, где обосновался 1,8 млн. лет назад, оттуда вдоль побережья Черного моря, и затем через Балканы либо через Малую Азию и Босфор попал в Западную Европу 1,4 — 1 млн. лет назад.⁹ Его европейские потомки получили название «Гейдельбергский человек», которого 300 тыс. лет назад сменил неандерталец (*Homo sapiens neandertalensis*).¹⁰ *Homo erectus* очень рано устремился и в Азию, добравшись до Китая примерно 1,8 млн. лет назад.

⁶ Dettel R., Roebroeks W. An Asian Perspective on Early Human Dispersal from Africa // *Nature*, 2005. № 438. P. 1099—1104; Hughes J.R. Investigating Early Hominin Dispersal Patterns: Developing a Framework for Climate Data Integration // *Journal of Human Evolution*, 2007. № 53. P. 465—474. Некоторое время *Homo erectus* сосуществовал с *Homo habilis*, постепенно расселяясь по территории Восточной (Sinanthropus, или «пекинский человек») и Юго-Восточной Азии (Pithecanthropus, или «яванский человек»), а также Европы (находки в деревне Мауэр, пещере Араго, селе Вертешселлеш, пещере Петралона).

⁷ Мейер Дж. Предыстория человечества. М., 2006. С. 106—113.

⁸ Macaulay V. Single, Rapid Coastal Settlement of Asia Revealed by Analysis of Complete Mitochondrial Genomes // *Science*. 2005. № 308. P. 1034—1036.

⁹ Depaepe P. The Settlement of Europe in the Pleistocene: Breaks and Continuities // *First Great Migrations of Peoples*. P., 2009. P. 57. 500 тыс. лет до н.э. из вида *Homo erectus* выделились две ветви — пренеандертальцы в Европе и протокроманьонцы на Среднем Востоке.

¹⁰ Палеоантропологи связывают расселение неандертальцев в Европе с началом последнего на этом континенте вюрмского оледенения, когда везде распространялась новая фауна — мамонты, северные олени и т.д. Человек искал пристанище в пещерах и под скальными навесами, где и были обнаружены следы его жизнедеятельности — индустрия, названная мустьерской. Пространство расселения неандертальцев охватило и Средний Восток, близкие типы были идентифицированы также в Родезии и на Яве.

Прямой предок человека современного анатомического типа *Homo sapiens sapiens* появился в восточной части Африки южнее Сахары примерно 200—150 тыс. лет назад.¹¹ Этот африканский потомок *Homo erectus* вновь двинулся из Африки, заселяя огромные площади вплоть до Австралии, т.н. вторая волна переселенческой колонизации. В период 200—80 тыс. лет назад *Homo sapiens sapiens* распространился вплоть до Ближнего и Среднего Востока и уже 80 тыс. лет назад он был известен на Ближнем Востоке.¹² Пройдя через узкое «горлышко» Ближнего Востока, эти «путешественники», 46 тыс. лет назад проникли в Европу, двигаясь сначала по дунайскому коридору, либо вдоль юго-западного побережья Средиземного моря, осуществляя колонизацию стремительно и целенаправленно. Затем 37 тыс. лет назад они начали процесс заполнения, который мог привести к большей степени оседлости и некоторым формам удержания границ.¹³ В Европе и, возможно, в других регионах *Homo sapiens*, известный как кроманьонец, столкнулся с более древними людьми, прежде всего неандертальцами. Это «столкновение цивилизаций» завершилось гибелью последних. Причины исчезновения неандертальцев (30 тыс. до н.э.) до сих пор являются предметом дискуссий: эпидемии, межплеменные войны, конкуренция за рыболовные ресурсы, различие в адаптационных возможностях.¹⁴ Вторая волна движения из Африки была спровоцирована мегазасухой, прежде всего высыханием лесов, в результате чего в период 135—75 тыс. лет назад в восточной части этого континента сформировался резкий, чрезмерно засушливый климат.¹⁵ *Homo sapiens sapiens* пережил суровые демографические испытания, в ходе которых его общая численность сократилась, как полагают, до

¹¹ Macchiarelli R. From Africa to Asia through Arabia: Models, Predictions, and Witnesses of First Phases of Human Settlement // *First Great Migrations of Peoples*. Paris, 2009. P. 22. По мнению палеоантропологов *Homo sapiens sapiens* появился на одном континенте, вероятно в Африке, а потом распространился на остальные, сменив древнейшие местные формы «Человека разумного». Другие исследователи полагают, что архаичные местные формы превратились в современный подвид человека независимо друг от друга. Согласно компромиссной теории, *Homo sapiens sapiens* появился в одном месте, а впоследствии произошло его скрещивание с более древними местными формами.

¹² Macchiarelli R. *Op. cit.* P. 22—23; Depaepe P. *Op. cit.* P. 58—59.

¹³ Davies W. A Very Model of a Modern Human Industry: New Perspectives on the Origins and Spread of the Aurignacian in Europe // *Proceedings of the Prehistoric Society*. 2001. № 67. P. 195—217.

¹⁴ Одни исследователи предполагают, что европейские неандертальцы были уничтожены кроманьонцами, которые сформировались где-то в другом месте. По мнению других — неандертальцы скрестились с кроманьонцами, или сами эволюционировали, превратившись в них. Генетическое смешение неандертальцев и кроманьонцев пока не подтверждено (Sykes B. *The Seven Daughters of Eve*. N.Y., 2001).

¹⁵ Macchiarelli R. *Op. cit.* P. 23.

25 тыс. человек.¹⁶ Перемещение из Африки, безусловно, не было потоком только в одном направлении, его следует рассматривать как комплексный и многополярный процесс. Примерно 60—40 тыс. лет назад начался процесс колонизации Азии, в том числе Дальнего Востока, где дальнейшая эволюция *Homo sapiens sapiens* происходила независимым образом, 30 тыс. лет назад отмечено начало колонизация Северной Америки и Австралии, зоной—«колодцем» стала Центральная Азия, заселяясь в результате пересечения миграционных потоков с востока и запада.

В настоящее время генетики моделируют третью волну переселения из Африки, отмечая её как движение генов, а не индивидуумов. Поток генов — это эволюционный процесс, при котором индивидуумы из одной группы сочетаются браком с индивидуумами другой и, производя на свет потомство, обмениваются своим генетическим материалом.¹⁷ Генетические и фенотипические исследования подтверждают, что вариативность в рамках популяций уменьшается по мере удаления от Африки и это уменьшение соответствует процессу последовательного расселения людей.¹⁸ Так, из популяции выделяется подгруппа и колонизирует новое пространство, когда численность этой подгруппы возрастает, из неё выделяется новая подгруппа и колонизирует более отдалённую территорию. На каждом этапе подгруппа содержит лишь часть генетического разнообразия той группы, из которой она выделилась. Таким образом, градиенты генетического разнообразия уточняют исторический сценарий и масштабы первого великого переселения народов. Исследуя перемещение людских потоков из Африки, антропологи и генетики определяют это движение как достаточно хаотичное, вызванное скорее случаем, чем осознанными целями, точная мотивация которых неизвестна. Процесс сапиентации и расширение первоначальной ойкумены дали импульс формированию человеческих рас (европеоидная, монголоидная (азиатско-американская), экваториальная (австрало-негроидная) и возникновению мозаики различных языков, у которых было более чем достаточно времени, чтобы эволюционировать в различные языки и языковые семьи.¹⁹

¹⁶ *Harpending H.C., Sherry S.T., Rogers A.R., Stoneking M. The Genetic Structure of Ancient Human Populations // Current Anthropology. 1993. Т. 34 (4). P. 483—496.*

¹⁷ *Мейер Р. Дж. Указ. соч. С.174.*

¹⁸ *Manica A., Amos W., Balloux F., Hanihara T. The Effect of Ancient Population Bottlenecks on Human Phenotypic Variation // Nature. 2007. № 448. P. 346—348.*

¹⁹ *Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. М., 1985; Рулен М. Происхождение языка: ретроспектива и перспектива // Вопросы языкознания. 1991. № 1. С. 5—19; Nettle D. Is the Rate of Linguistic Change Constant? // *Lingua*. 1998. № 108. P. 119—136; Алаев Л.Б. Всемирная история: первобытный период. (Лекция). М., 1999; Nichols J. Diversity and Stability in Language // *The Handbook of Historical Linguistics* / Ed. B. Joseph, R. Janda. Oxford, 2003. О сравнительно недав-*

Было бы слишком схематичным утверждение, что переселенческая колонизация характерна лишь для до- и протоисторического периода. Учитывая мотивацию и поведение людей (движение по суше, вдоль побережья, через проливы и моря, от острова к острову и т.д.), а также конечные результаты, историки пока не могут с точностью определить, в какой момент происходит переход от одной модели передвижения к другой. Не ясно, возможно ли с точностью маркировать, к примеру, такие конкретные перемещения людей в истории, как движение финикийцев в Средиземноморье (X в. до н.э.), переселенческую колонизацию греков в Средиземноморье и Причерноморье (VII—VI вв. до н.э.), колонизацию викингами неосвоенных территорий, открывшую Исландию, Гренландию и Америку (IX—X вв.), открытие незаселённых земель в эпоху Великих географических открытий (XV—XVII вв.), процесс непрерывной колонизации России (IX—XIX вв.) и др.

От переселенческой колонизации следует отличать *адаптивное радиальное расселение*, на которое человек вынужден был пойти, несмотря на то, что он уже давно, возможно, прочно и серьёзно обосновался на каком-то месте, в каком-то ресурсном пространстве, смог создать свою собственную стратегию и методы приспособления к окружающей среде, свои пространственные и временные категории, свои единицы социального структурирования. Несмотря на некоторое сходство и кажущееся подобие, важно отличать природу, механизмы и логику мобильности этой модели передвижений, а также то, когда и как происходил переход от первоначальной колонизации к переселению и расселению. Адаптивное радиальное расселение основано на стратегии поиска и освоения новой территории с достаточными ресурсами и площадью обитания. При этом существенны многочисленные адаптации. Одна — в условиях переселения с жёнами, детьми, обозами и имуществом. Другая — при движении отряда мужчин во главе с вождём, предводителем-сверстником. Третья — в ходе походов групп молодёжи, преследовавших наряду с социально-регулятивной и экономико-демографической, также цель инициации возрастной когорты воинов. Было важным приспособиться к новым ресурсам, к новым способам потребления, к питанию самим и кормлению скота, как в дороге, так и на новом месте. Различными возможностями адаптации обладали мирные и военные переселения. Здесь было важно, что и кого встречали переселенцы по дороге — пустое пространство или другие народы, как формировались отношения пришлых и автохтонов, что происходило с «путешественниками» в дальнейшем. Искания лучшего устройства или

нем развитии языковых семей см.: Trask L. The Dictionary of Historical and Comparative Linguistics. Edinburgh, 2000. См. также «лоскутную теорию» Т. Веннемана (Vennemann T. Languages in prehistoric Europe north of the Alps // Languages in Prehistoric Europe / Ed. A. Bammesberger, T. Vennemann. Heidelberg, 2003. P. 319—332).

поиск такого же витального пространства, в котором существовал народ до появления необходимости переселения, являлись основой в мотивации движения. Но к этому были готовы только здоровые, полные сил и мобильной энергии люди, ибо процесс переселения не шёл медленно, постепенно, маленькими незаметными шажками, но взрывал пространство и время, был постоянным преодолением, переломом, многообразием флуктуаций разрыва. Подобные миграции мог бы сопровождать девиз — «Иду, чтобы жить».

Адаптивно-радиальная модель миграции не являлась простым линейным процессом с одной отправной точкой и одним пунктом прибытия, так как переселения сопровождалась отказами от перемещений, возвратами на прежние места обитания, контактами между теми, кто мигрировал, и теми, кто оставался на месте, невыгодными издержками к прибылям переселения. Потери и приобретения, сопутствующие расселению, напряжённый процесс выбора и освоения маршрутов, новых ресурсов, методов использования этих ресурсов приводили к появлению «зон-перекрёстков», «зон-коридоров», обозначили будущие «ресурсные бассейны». На мой взгляд, вовсе не случайны маршруты и повторное заселение одних и тех же территорий в удалённые друг от друга эпохи. Адаптивно-радиальные переселения характерны в основном для древности и средневековья. В качестве примера ограничусь некоторыми наиболее значительными миграциями, которые могут служить формирующей матрицей для многих классических и даже современных переселений народов.

Когда человек в эпоху мезолита и неолита перешёл к оседлому образу жизни, он тем самым ограничил свою мобильность, сводя её до эпизодических свободных, но бессистемных передвижений в борьбе за землю как основной ресурс, а также с целью обмена продуктами и товарами. Однако рост населения заставлял искать всё новые и новые места обитания, изобретать всё новые и новые способы деятельности для получения средств существования. Ради выживания человеку пришлось перейти от присваивающего хозяйства к производящему (так называемая «неолитическая революция»)²⁰. Однако его жизненная активность обуславливалась не только стремлением утолить голод, но и побуждением

²⁰ О разделении деятельности в первобытном обществе как феномене человеческой активности, см., например; Жигунин В.Д. Древность и современность. Человечество на пути к синтезу. Казань, 2000. С. 81—83; Сайко Э.В. Цивилизация в пространственно-временном континууме социальной эволюции и проблема её системного слома // Цивилизация. Восхождение и слом: Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. М., 2003. С. 34—37; Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. М., 2006. Т.1. Теория и история цивилизаций. С. 488—491. Ср. Дьяконов И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М., 2007. С. 18—19.

к новому, вызванным импульсом поиска («что это?»). Психологически дискомфортный, враждебный мир первобытной эпохи, порождая в человеке агрессивность, также подталкивал к движению.²¹

Заметно выделяется великое переселение индоевропейцев, которое, по сути, открывает древний этап человеческой истории. Хотя вопрос о прародине этих племён по-прежнему вызывает дискуссии,²² одна из наиболее обоснованных локализаций определяется ареалом Передней Азии, в частности, регионом на стыке юго-восточной части Малой Азии и Северной Месопотамии.²³ Отсюда часть племён мигрировала на восток через Иранское плоскогорье в сторону Средней Азии и Северной Индии. Движение шло, вероятно, южнее и севернее Каспийского моря, достигая областей Южного Зауралья, Алтая и Хакасии.²⁴ Другая часть индоевропейцев продвигалась на запад через Малую Азию. Пере-

²¹ Дьяконов И.М. Указ. соч. С. 20—21; Жигунин В.Д. Указ. соч. С. 81.

²² Лингвисты, археологи и антропологи предлагали искать прародину индоевропейцев в Индии, на склонах Гималаев, в Согдиане в бассейнах Яксарта и Окса, в азиатских степях, в Месопотамии, на Ближнем и Среднем Востоке, на смежных с хеттами территориях, на Армянском нагорье, на территориях от Западной Франции до Урала, от Рейна до Дона, в Восточной Европе, в степном Поволжье, в областях между финно-уграми и кавказскими народами, в черноморско-каспийских областях, в степях от Рейна до Гиндукуша, между Средиземноморьем и Алтаем, в юго-западной части южнорусских степей, в Западной, Северной и Северо-Восточной Европе, в области от Западной Балтики до Одера и до предгорий Карпат, на территории к северу от Балкан, Альп и Пиренеев. Подробнее см.: Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989. С. 12—27. В настоящее время наиболее распространены и обсуждаемы три концепции локализации прародины индоевропейцев: в Балкано-Дунайском регионе, с историческими связями с Малой Азией (Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ. 1982. № 3—4); на территории Северного Причерноморья и низовьев Волги (от Днепра до Южного Урала) (Шрадер О. Индоевропейцы. СПб., 1913. Т. 1—2; Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племён Передней Азии. М., 1970; Gimbutas M. Old Europe since 7000—3500 B.C.: the Earliest European Civilization before the Infiltration of the Indo-European Peoples // The Journal of the Indo-European Studies. 1973. Vol. 1. № 1. P. 1—21; Idem. Old Europe in the Fifth Millennium B.C.: The European Situation on the Arrival of Indo-Europeans // The Indo-Europeans in the Fourth and Third Millennia. Ann Arbor, 1982. P. 1—60); в Малой Азии (Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984).

²³ Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Указ. соч.; Они же. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным // ВДИ. 1980. № 3. С. 3—30; Они же. Миграции племён — носителей индоевропейских диалектов — с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии // ВДИ. 1981. № 2. С. 11—33; Они же. К проблеме прародины носителей родственных диалектов и методам её установления // ВДИ. 1984. № 2. С. 107—122.

²⁴ Археологические следы движения индоевропейцев на восток встречаются в Южном Зауралье в районе Синташты и Аркаима (2000 тыс. до н.э.).

селение индоевропейцев принимало характер повторных миграционных волн, направленных уже с востока на запад Евразии, где в дальнейшем эти племена оседали и заселяли определённую территорию. Вновь прибывавшие племена присоединялись к уже осевшим, образовывая общий промежуточный ареал, который становился областью контактов и вторичного сближения племён, как её определяют исследователи — «вторичной» прародиной. С V тыс до н.э. регион вокруг Чёрного моря (кроме Кавказа) стал местом притяжения индоевропейцев, образовав балканский и северочерноморский центры их консолидации.²⁵

Переселения индоевропейцев проходили одновременно с другими адаптивными массовыми миграциями. В Южную Месопотамию нахлынули шумеры, амореи переселились в Сирию, арабские семиты двинулись в Месопотамию, где основали Вавилон и Ассирийское царство. Защищая свою среду обитания и устремляясь к новым витальным ресурсам, египетские фараоны вели войны с Нубией, с ливийскими и семитскими племенами, а правители Аккада соперничали с хурритами и осуществляли походы «до кедровых лесов и Серебряных гор». Экспансия индоевропейцев, которые волна за волной просачивались на новые территории, старались на них закрепиться, расширяя ареал своего обитания, проходила в несколько этапов. При этом индоевропейцы не совершали длительных многолюдных походов, не завоевывали другие народы, не создавали крупных империй, а осваивали новые земли путём инфильтрации, путём постепенного проникновения. Как полагают, успеху их переселения способствовало совпадение социальных структур и духовной общности мигрировавших и аборигенов.²⁶ Историко-лингвистические и археологические материалы позволяют выделить несколько миграционных волн (4400—4200 гг. до н.э.; 3400—3200 гг. до н.э.; 3000—2800 гг. до н.э.; 2300—1800 гг. до н.э.), приведших индоевропейцев в соприкосновение с неиндоевропейскими народами как в Европе, так и в Азии. Пришедшие с севера ахейцы, ассимилируя догреческое население, расселились в Греции, стали обживать район Эгейского моря. Хетты и лувийцы заселили Малую Азию, вытеснили хурритов, которые двинулись на Средний Восток. Результатом этих передвижений, особенно переселений 2300—1800 гг. до н.э., стало возникновение на территории материковой Греции и островах Эгейского моря множества мелких древнегреческих (ахейских) государств и Хеттского царства в Малой Азии.²⁷

²⁵ Головинёв А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009. С. 136—139.

²⁶ Иванов Н.А. Всеобщая история. М., 2005. С. 18—35.

²⁷ Новиков С.В. Ахейская Греция во II тысячелетии до н.э. // История Древней Греции. М., 2006. С. 44—45; Немировский А.А. Малая Азия и Закавказье в древности // Древний Восток. М., 2008. С. 333—380.

Под натиском великих переселений протоиранцы осели на северо-западе Иранского нагорья, племена ариев поселились в долине Инда. Поход касситских племён в Вавилонию и натиск хеттов сдвинул с обжитых мест гиксосов, которые вторглись и надолго осели в Египте, подчинив также Сирию, Палестину и Финикию. Продолжался приток семитов-кочевников в Месопотамию.²⁸ В Европе образовались новые культурно-исторические общности: от Нижней Волги до Рейна возник огромный ареал культуры боевых топоров и шнуровой керамики, в Центральной Европе сформировались Унетицкая культура, на Верхнем Днепре и Десне появилась Фатьяновская культура, в районе Альп возникла культура свайных поселений, в Северной Италии распространились культуры Вила Нова и Террамара.²⁹ Новые места обитания и взаимодействие с местным населением привели к распространению древних индоевропейских диалектов.³⁰ Впоследствии обособились и стали развиваться как самостоятельные этнолингвистические общности северные и южные индогерманцы. Наступивший затем период исторического затишья, относительной стабильности, экономического и демографического подъема продлился всего 500 лет.

Продвигаясь и наслаиваясь на местное население, индоевропейцы несли с собой развитое земледелие, металлургию, практику использования колесниц и одомашненных лошадей, но одновременно меняли культурно-исторический фон Европы, нарушая равновесие в регионе Эгейского моря (т.н. «эгейское переселение») и втягивая в крупное переселение народы Восточного Средиземноморья (т.н. движение «народов моря»), Египта, Ближнего Востока и далее вплоть до Бенгалии. Около 1250 г. до н.э. из Среднедунайской низменности началось переселение иллирийцев, около 1100 г. до н.э. дорийцы, двигаясь на юг, захватили большинство регионов Греции, под их натиском фракийцы, ионийцы, ахейцы и другие местные жители вынуждены были переселиться на острова Эгейды и в Малую Азию. Прошедшие через Балканы три волны миграций разных индоевропейских племён согнали «народы моря» с завоёванных территорий, и те, в свою очередь, двинулись в Египет, Сирию, Палестину и Малую Азию.³¹ В Восточном Средиземноморье прошла вторая волна переселений семитоязычных народов, арамейские племена двинулись в менее плодородные земли, образовав

²⁸ Немировский А.А. Древние арии и их переселения на юг Евразии // Древний Восток. М., 2008. С. 415—417; Ладынин И.А. Древний Египет. Там же. С. 103—105.

²⁹ Титов В.С. Европа в III тыс. до н.э. // История Европы. М., 1988. Т. 1. Древняя Европа. С. 87.

³⁰ Баюн Л.С. Древняя Европа и индоевропейская проблема // История Европы. М., 1988. Т. 1. Древняя Европа. С. 104.

³¹ Немировский А.А. Малая Азия и Закавказье в древности. С. 356—59.

Израильско-Иудейское царство (XI в. до н.э.).³² Впервые так ярко проявилась диалектичная природа миграции как процесса и состояния. Она помогала человеку, двигала прогресс и развитие цивилизаций, и одновременно могла играть деструктивную роль. Движение индоевропейцев завершилось общим кризисом бронзового века, а последнее крупное переселение народов ранней древности — 1250—950 гг. до н.э. — изменило этно-политическую карту мира, привело к гибели одни цивилизации и остановило прогресс других. Померкло великолепие эгейского бронзового века, исчезла централизованная экономика, которой руководили из дворцовых лабиринтов, забылись торговые пути, жители стали покидать поселения. Испытав внутреннюю трансформацию и внешнее нашествие, погибла Хеттская цивилизация в Анатолии. В результате движения «народов моря» и ливийских племён едва не гибнет Египет. Исчезла цивилизация Хараппы, а на севере Иранского нагорья молодые, процветающие города Окса превращаются в жалкие поселения.

Диалектичность адаптивного радиального расселения заключалась ещё и в том, что в ходе него зарождались новые тенденции, позже нашедшие своё развитие. Нарастала мотивационная составляющая, движения начинают обретать большее целеполагание, прежде всего коммерческий, (перемещения купцов и ремесленников из Сирии, Месопотамии, Египта, Финикии, Персии, Индии, Эллады, Кельтики, Этрурии, Скифии) и этнический (переселения еврейских племён) характер. При этом мотивация представляет собой не только конкретную направленность на какую-либо цель, но и причинную связь потребности выхода из кризиса. Адаптивные радиальные расселения в большинстве своём происходили в процессе или после крупных технологических прорывов. Распространение железа, рудного дела и металлургии открыло широкие горизонты военному делу, в итоге — новым возможностям перераспределения занятых территорий, новым экспансиям и миграциям, в целом, проявлению более высокого уровня мобильности племён и взаимных коммуникаций между ними, что способствовало формированию новых этнических общностей, предшественников исторических народов.

В эпоху «первого железного века» (750—475 гг. до н.э.) на Верхнем Дунае в зоне Гальштатской культуры состоялось становление кельтов. Восточнее, на территории между Верхним Дунаем, Словацкими горами и Балтийским морем, между Одером-Шпрее и Волынью выделилась Лужицкая культура, на основе которой, как полагают, сформировались славянские племена. К северо-востоку от них выделились балты. Равнины Северной Германии,

³² Он же. Восточное Средиземноморье в первой половине I тысячелетия до н.э. // Древний Восток. М., 2008. С. 393—395.

Ютландию и Южную Скандинавию занимали древние германцы, носители Ясторфской культуры.³³ Уже в VIII в. до н.э. между Доном и Дунаем обозначился центр противостояния двух мигрирующих народов — киммерийцев и скифов. Победа скифов закрепила за ними южную часть Восточной Европы и развернула киммерийский миграционный поток в Балканском и Кавказском направлении, и далее на юг — в Малую Азию, Ближний Восток, Сирию и Палестину.³⁴ Миграции киммерийцев привели к гибели в VII в. до н.э. Фригийское царство, которое являлось щитом Запада от передвижений и нашествий с Востока. Исключительной мобильностью и динамизмом отличались лидеры «первого железного века» — греки. Беженцы, переселенцы, приезжие гости заполнили греческие полисы, жителям которых и без того была присуща постоянная тяга за горизонт (так называемый «дух Фауста»). Экономический подъем греческого мира создал материальное благосостояние, достаток, обеспеченность, способствовал демографическому росту, который побуждал первую в истории человечества вынужденную массовую эмиграцию греков, принявшую форму периодического основания колоний в Средиземноморье и Причерноморье.³⁵ Основной мотив греческих миграций — поиск минеральных ресурсов (прежде всего металлов), необходимых продуктов (зерна), материалов (дерева), стремление к обладанию ключевыми позициями в коммерческом, а не территориальном плане. Торговый динамизм повлек за собой перемещение многих людей, зарождение неожиданных и продолжительных контактов и конфликтов (конкурентная борьба с финикийцами). Уже с VIII в. до н.э. эти адаптивные миграции греков, став регулятором перенаселения, сопровождались таким же не менее массовым явлением, как переселение изгнанников («панэллинский сброд»), дискредитировавших полис в ходе политических мятежей, и выселение нежелательных лиц. Благодаря стимулирующей роли греческой колонизации пробудился атлантический фасад Европы, представленный, возможно, переселившимися в начале I тыс. до н.э. из Северной Африки иберами, а также жителями древней Британии, сохранившими традиции племён колоколовидной керамики.³⁶

³³ Колосовская Ю.К., Шкунаев С.В. Кельты в Европе в первой половине I тыс. до н.э. // История Европы. М., 1988. Т. 1. Древняя Европа. С. 203—212; Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994. С. 95—135.

³⁴ Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтаев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993; Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII—VII вв. до н.э. М., 1996.

³⁵ Андреев Ю.В. Великая колонизация // История Европы. М., 1988. Т. 1. Древняя Европа. С. 229—237.

³⁶ Иберы не принадлежали к индоевропейской языковой семье, вопрос об их происхождении окончательно не решён. См.: Петерс Д. Проблема этногенеза населения Иберии (древней Испании) // ВДИ. 1940. № 2—4; Козловская В.И. Испания // История Европы. М., 1988. Т. 1. Древняя Европа. С. 200.

«Второй железный век» (V в. до н.э. — рубеж н.э.), стремительно завершая переход к железу, выявил лидеров постоянных пульсирующих передвижений — кельтов и скифов. Экспансия кельтов завершилась образованием в V в. до н.э. в верховьях Рейна и Дуная двух центров их племенной консолидации. Отсюда началось их расселение по всему континенту, и в течение нескольких столетий эта экспансия была одним из наиболее существенных политических факторов в жизни государств Средиземноморья. Кельты вели опустошительные войны с этрусками и римлянами, совершали набеги в Грецию, вторгались в Малую Азию. В ходе миграций они установили господство на огромной территории, от Британских островов до Карпат и Западного Причерноморья, включая почти весь Пиренейский полуостров и Галлию. В пору своего предельного расширения кельтский мир охватил три четверти Европы.³⁷ Их беспорядочные, непоследовательные перемещения, прерываемые периодами затишья, отразили характерную черту этих племён — динамизм. По сути, они осуществили сухопутную колонизацию, сыграв на европейском континенте ту же цивилизационную роль, что и греки в Средиземноморье. Мотивация кельтской миграции определялась, прежде всего, экономическим и демографическим характером. Экспансия кельтов сопровождалась движением «железных дел мастеров» (причём целыми семьями или группами семей), ибо с наступлением эпохи железа кузнецы находились на особом положении. На завоевание новых земель более отдалённых районов отправлялась в период «весны священной» недовольная и буйная часть молодых людей во главе с представителями племенной элиты. Вновь прибывшие вряд ли полностью заменяли предшествующее население, но лишь демографические лакуны, которые впоследствии переполнялись из-за особой плодovitости кельтов. Миграции кельтов зачастую принимали форму наёмничества, когда авантюрный дух сочетался с общепризнанной ценностью кельтских солдат, и лучшие кельты со своим оружием поступали на службу к далёким иноземным правителям. Наёмничество не было личной инициативой, но имело форму переселенческих потоков, с которыми оно иногда смешивалось. Кельты отличались хорошей способностью к адаптации в различных средах, к включению в инородные системы, быстрой ассимиляцией и гибкостью в зависимости от ре-

³⁷ Moreau J. Die Welt der Kelten. Stuttg., 1950; Филипп Я. Кельтская цивилизация и её наследие. Прага, 1961; Duval P.-M. Les Celtes. P., 1977; Широкова Н.С. Переселение кельтов // Город и государство в древних обществах. Л., 1982; Она же. Древние кельты на рубеже старой и новой эры. Л., 1989; Колосовская Ю.К., Шкунаев С.В. Указ. соч.; The Celts / Ed. S. Moscati. L., 1991; Drda P., Rybová A. Les Celtes en Bohême. P., 1995; Green M. The Celtic World. L.; N.Y., 1995; Гюйонварх Кр.Ж., Леру Фр. Кельтская цивилизация. СПб., 2001; Пауэлл Т. Кельты. М., 2003.

гионов. В результате инфильтрации кельтов в местную среду появились новые народности: кельтиберы (на Пиренейском полуострове), реты (в Альпах), вероятно, карпы (в верховьях Тисы), даки (в Трансильвании), белги (в низовьях Сены и Рейна). Миграции кельтов на Британские острова (X в. до н.э.; 750 г. до н.э.; ок. 650 г. до н.э.; ок. 250 г. до н.э.) завершились образованием здесь новой этнической общности — бриттов. Однако адаптивные передвижения разрушали единство Латенской культуры, а демографический рост, отсутствие рационального землепользования, перенаселённость территорий, повышая мобильность, неизбежно приводили к столкновениям, войнам и завоеваниям. Ибо всякое движение в пространстве равносильно вытеснению, и миграции одних племён означали такое же движение других, принимая самые различные формы, в том числе мотивированные потребностью защиты. На смену медленному, столетия длившемуся продвижению, просачиванию племён на новые территории, постепенной их инфильтрации и адаптации к новой среде обитания, приходит миграция в форме завоевания новых территорий с целью переселения на них.

Переход к железу привёл к развитию технологий и в военном искусстве. В миграционной мозаике потоков, стекавшихся в южные районы Восточной Европы, среди пришедших со Среднего и Дальнего Востока, из Индии через Иран, из Китая и Монголии через Алтай особую роль сыграли скифские передвижения.³⁸ К началу Латенской эпохи они сосредоточились в степном коридоре от Дона до Тисы, образовав в Северном Причерноморье т.н. «скифский барьер», который в III в. до н.э. остановил в районе Карпат и Днестра миграцию кельтов в восточном направлении. Степь как гигантская дорога постоянных передвижений долго не задерживает народы, подвергая их различному смешению. Новые переходы на незаселённые пространства осуществляются здесь легко, тем более что скифы имели ничтожную демографическую плотность и вступали в союзы с покорёнными народами. Не производя крупного наступательного оружия, как кельты, скифы революционизировали военное дело, используя двухпёрые и трёхпёрые наконечники стрел, улучшающие баллистические качества стрелкового оружия. Их тактика стрельбы из лука с коня, т.н. «скифский поворот», способствовала созданию массового конного войска. Новые военные технологии опасно сближали и одновременно противопоставляли племена не только в борьбе за первенство, но и за пространство как абсолютно необходимое условие существования.

Адаптивные расселения поздней древности принимают особый поворот. Древний мир знал только два вида передвижений — миграцию

³⁸ Граков Б.Н. Скифы. М., 1971; Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII—IV вв. до н.э. Киев, 1982.

человека (мастера-ремесленника, купца, наёмника, путешественника) и массовую миграцию племён или их авангардных отрядов. Овладение природой побуждало племена к постоянным движениям с целью отыскать новые места, удобные для обитания. Торговля побуждала перешагнуть через границы племенных владений и раннегосударственных образований, а товарообмен стимулировал движение предметов материальной культуры, вёл к экспансии, которая почти неизбежно завершалась столкновением с местным населением, войной и завоеванием. Характерная особенность адаптивных радиальных расселений состоит в том, что переселенцы распространялись в сторону наименее заселённых областей, в обход гущи населённых мест, в том направлении, где встречали меньшее сопротивление. Чем многочисленнее становились народы, тем сильнее проявлялись внутри них самих препятствия к передвижениям. В условиях адаптации подвижность народов обратно пропорциональна уровню их цивилизационного устройства, хотя миграции ускоряли культурную эволюцию народов, расширяя их горизонты в ходе освоения новых географических и культурных локусов. В условиях дивергенции и конвергенции языков обрели субъектность и стали двигаться также названия народов (этнонимы), зачастую покидая в ходе миграции своего хозяина. Движение артефактов и этнонимов усложняет исследование конкретных передвижений народов и многие споры археологов, историков, этнологов и лингвистов фактически вызваны разногласиями по поводу методики доказательного, репрезентативного моделирования формализованной теории миграций.

Яркую иллюстрацию этих особенностей адаптивно-радиальной модели расселения даёт Великое переселение народов II—VII вв., завершающее эпоху поздней древности. Во II—VII вв. Европа Азия и Северная Африка были охвачены обширным миграционным движением, серией переселений германских, тюркских и славянских племён. Европейский континент стал ареной этнических перемещений с периферии Римской империи на ее территорию и в ее пределах. Основные миграционные потоки здесь двигались с севера на юг и юго-восток.³⁹ В Восточной Азии шли этнические перемещения с северных окраин Китайской империи на ее территорию и также в ее пределах.⁴⁰ В ходе этих перемещений часть кочевых племен ушла на северо-запад, транс-

³⁹ Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. М., 1999. С. 7—155; Wolfram H. Das Reich und die Germanen: Zwischen Antike und Mittelalter. B., 1990.

⁴⁰ Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970; Сюй Тао. Китай и северные варвары (III в. до н.э.—VI в. н.э.) — взаимодействие народов и культур. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; Крадин Н.Н. Империя хунну. Владивосток, 2001; Головнёв А.В. Указ. соч. С. 180—191.

формировалась и в Северном Причерноморье слилась в один поток с восточным крылом европейских варваров-мигрантов. Их дальнейшее движение было направлено к границам Римской империи.

Массовое переселение народов было вызвано комплексом причин: изменением климатических условий среды обитания варварских племен, высоким уровнем плотности населения, порождающим лавинообразный характер миграций, влиянием на варваров Римской и Китайской цивилизаций. Втягивая германские племена в сферу своего влияния, Римская империя стимулировала их миграции. Взаимодействие включало военные (территориальная экспансия, войны, военные конфликты), политические (предоставление римского гражданства), дипломатические («гостеприимство», заложничество), экономические (сеть торговых дорог, пунктов разрешенных торговых операций, право посреднической торговли) и иные контакты и влияния.⁴¹ Качественные сдвиги в экономике, происходившие у германцев и славян накануне Переселения, привели к росту общественного богатства, что создавало возможность для содержания большого числа людей, не занятых производительным трудом. Возрастающая по численности знать испытывала потребность в накоплении богатств, средством добывания которых становились походы на земли Римской империи (у германцев) и Византии (у славянских племён). Китайская империя также оказывала влияние на миграционную активность кочевых племен Восточной Азии. Причины миграций варваров-кочевников в большей степени были связаны с природными факторами, влияние которых на кочевые общества сильнее, чем на земледельческие.

В переселении народов II—VII вв. можно выделить три миграционных волны — «германскую» (II—IV вв.), с Маркоманнских войн (166—180 гг.) до Адрианопольского сражения (378 г.), «гунскую» (IV—V вв.), после Адрианопольским сражением до битвы на Каталаунских полях (451 г.) и «славянскую» (VI—VII вв.), связанную с передвижениями племён в Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европе. Каждый из этих этапов отличался составом племён, их отношением к империи и ближайшим соседям, направлением и динамикой переселений, результатами в достижении конечной цели.⁴² Здесь существенную роль играл пространственный фактор в виде появления (или ликвидации) технически оснащенной границы (*limes*, Великая китайская стена), разделявший два мира, двигавшегося и сдерживающего это движение:

⁴¹ Колосовская Ю.К. Рим и мир племен на Дунае. I—IV вв. н.э. М., 2000; Мансуэлли Г. Цивилизации древней Европы. Екатеринбург, 2007. С. 308; Budanova V. The Great Migration: Ethnic Perspective of the Era Change // First Great Migrations of Peoples. P., 2009. P. 116.

⁴² Буданова В.И. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М. 2000. С. 7.

Римская цивилизация — Барбарикум, кочевой племенной мир — Ханьская империя.⁴³ Важен и фактор времени, в виде начала либо завершения расселения племён в пределах империи (в Европе и Азии). Вуаль «варварских королевств» к VII в. окончательно скрыла очертания Западной Римской империи, обозначив предельную полосу развития миграционного процесса.⁴⁴ Не менее значительным для этих переселений народов стал и юридический фактор. Эдикт Каракаллы 212 г. и реформы Лю Бана 202 г. до н.э. стали определённой «точкой невозврата», ибо гражданство перестало быть привилегией и превратилось в подданство, сделали доступным то, что привлекало племена и двигало ими — земли и достаток.⁴⁵

Наиболее активными участниками переселений были германцы, занимавшие обширные территории. Между бассейнами Рейна и Эльбы обитали хавки, батавы и фризы, южнее их сикамбры и херуски, ближе к верховьям Дуная — гермундуры и наристы. Земли к северу от Норика и Паннонии принадлежали маркоманнам и квадам, в горах Словакии и по течению её рек жили котины, озы и буры. Эти места обитания отличались экстремальными географическими и климатическими условиями — обилием рек, озёр, огромных лесных массивов непригодных для занятий земледелием и животноводством.⁴⁶ Как следствие формировался довольно высокий уровень мобильности. Готы, герулы, бургунды, англы, саксы, лангобарды покидали свои исконные территории на севере и двигались на запад, юг и юго-восток, встречая у границ Дакии

⁴³ См., например: *Шкунаев С.В.* Германские племена и союзы племён // История Европы. М., 1988. Т. 1. С. 604; *Гумилёв Л.Н.* Хунну. СПб., 1993; История Китая. М., 1998. С. 115; *Колосовская Ю.К.* Рим и мир племен на Дунае. I—IV вв. н.э. С. 124—127; *Хлезов А.А.* Предвестники викингов. СПб., 2003. С. 39;

⁴⁴ См.: *Колосовская Ю.К.* Паннония в I—III вв. М., 1973; *Она же.* Некоторые вопросы истории взаимоотношений Римской империи с варварским миром // ВДИ. 1996. № 2; *Топоров В.Н.* Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы // Балто-славянские исследования. М., 1983; *Ременников А.М.* Борьба племен Северного Подунавья и Поднестровья с Римом и ее роль в падении Римской империи. Казань, 1984; *Дряхлов В.Н.* Войны германских племен с Римом и их влияние на развитие древнегерманского общества на Рейне // ВДИ. 1987. № 2; *Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб., 1999; *Wolfram H.* Geschichte der Goten. Munchen, 1980; *Die Germanen.* B., 1976. Bd. I; 1983. Bd. II; *Bona I.* Das Hunnenreich. Budapest; Stuttgart, 1991; *Goffart W.* Barbarians and Romans. A.D. 418—584. Princeton Univ. Press. 1980; *Idem.* Barbarian Tides. The Migration Age and the Later Roman Empire. Philadelphia, 2006; *Idem.* Roms Final Conquest: the Barbarians // History Compass. 2008. № 6/3.

⁴⁵ *Дьяконов И.М., Якобсон В.А.* Гражданское общество в древности // ВДИ. 1998. № 1. С. 23.

⁴⁶ *Алексеева Т.И.* Географическая среда и биология человека. М., 1977; *Шевеленко А.Я.* Природные, демографические и материально-производственные условия в Европе раннего Средневековья // История крестьянства в Европе. М., 1985.

роксоланов и костобоков, на Нижнем Дунае — бастарнов и певкинов. Переселения на восток были остановлены миграциями аланов и гуннов. Экспозиция передвижений германцев представлена различными типами мобильности: переселение племён, движение отдельных дружин, профессиональная миграция (телохранители императоров), деловая миграция (ремесленники и купцы). Возник своеобразный миграционный стандарт, который включал сценарий поведения переселенцев в стереотипных ситуациях (походы, вторжения, переговоры) и стандартный набор их претензий. Различная степень зависимости от римского мира и соседних племён стимулировала консолидацию, высшим проявлением которой было образование «больших» племен аламаннов к югу от Майна, франков на Нижнем Рейне, саксов на Нижней Эльбе, вандалов в Паннонии, готов к северу от Дуная.⁴⁷ Сложились различные формы расселения германцев в пределах империи (леты, федераты), которые определялись статусом, полученным племенем в результате заключенного мира. В привилегированном положении внутренних федератов были выходцы из среды «друзей Рима», тогда как подчинившиеся племена поставляли преимущественно колонов и летов. В выделении мест для расселения германцев Римская империя занимала принципиальную позицию. Выделялись земли в провинциях, реже в Италии, ибо, как утверждал один из римских императоров, помощь германцев римлянам должна быть ощутимой, но невидимой. Следуя старой традиции, вновь прибывавшие племена размещались на периферии римского мира. Здесь они скапливались, и совместное проживание местных жителей и мигрантов постепенно входило в привычку. Племена инкорпорировались в римский мир от мелких (наристы, котины, буры, бастарны) и не очень сильных, до части «больших племен» или племенных союзов (маркоманны, гепиды, асдинги, грейтунги). Институт федератов, давал возможность переселенцам получать землю, денежное содержание, делать на римской службе карьеру, создавать полунезависимые формирования с собственным управлением и внутренней организацией. Постепенное проникновение их в армию открыло доступ к гражданству и высоким чинам. Миграции меняли германцев, начинал переселение один народ, заканчивал — совсем другой.⁴⁸

На обширном пространстве Великого пояса степей, тянувшегося от Забайкалья до Паннонии, были сосредоточены различные кочевые племена, которые создали свой особый миграционный мир. Территория,

⁴⁷ Колесницкий Н.Ф. Этнические общности и политические образования у германцев I-V вв. // Средние века. М., 1985. Вып. 48. С. 5—26; Budanova V. The Great Migration: Ethnic Perspective of the Era Change. P. 113—123.

⁴⁸ Ременников А.М. Указ. соч. С. 44; Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. С. 96—117.

над которой устанавливался контроль того или иного кочевого сообщества и с которой эти кочевники себя идентифицировали, представляла собой маневренный, воинственный ареал постоянных передвижений. Здесь границей был круг людей, составляющий данное кочевое сообщество, принадлежность к которому определялась отшлифованными на протяжении многих веков нормами родства. Кочевой мир — рассеянная пространственная структура, где евразийский степной коридор — лишь одна из важнейших межконтинентальных артерий, по которой осуществлялись миграции различных племен гуннов, аваров, булгар. Здесь владели различными средствами адаптации к встречавшимся на пути кочевания оседлоземледельческим народам. Кочевой мир жил периодическими набегами, регулярным грабёжом, навязанным вассалитетом, данничеством. Сложилось представление о гораздо большей престижности военного промысла, походов и завоеваний, в сравнении с мирным трудом, что формировало культ войны, воина-всадника, героизированных предков. В ходе кочевых передвижений создавались племенные конфедерации, вождества, «кочевые империи», сокрушительный эффект которых европейский континент испытывал в течение нескольких столетий. Преимущество кочевой мобильности во многом определялось и наличием монгольских лошадей.⁴⁹

Нарастающая интенсивность кочевого марша тюркских миграций в западном направлении, которую можно условно определить как «миграция миграций», в значительной степени увязла на Нижнем и Среднем Дунае в V—VI вв. в славянских переселениях. Обширный славянский мир отличался особой интенсивностью межэтнических контактов, в том числе с балтами, сарматами, германцами, фракийцами и иллирийцами, а также с некоторыми тюркскими племенами. Адаптируясь к миграционному пространству других народов, смешиваясь с ними и усваивая их культуру, славяне не теряли своей идентичности. Их миграционная активность во многом была спровоцирована Византийской империей и движением аваров. Двигаясь на юг и обретая местожительство на Балканском полуострове, они растворили в своей среде тюркоязычных булгар, вступили в контакты с греками, фракийцами, иллирийцами, положив начало южнославянским этносам.⁵⁰

В сравнении со всеми предшествующими миграциями, движение народов II—VII вв. отличалось рядом характерных черт. На рубеже н.э. большая часть населения Европы и Азии уже организовалась и прочно осела на определённой территории, сплошь занимая земли, возможности

⁴⁹ Budanova V. The Great Migration: Ethnic Perspective of the Era Change. P. 117—118.

⁵⁰ Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 1999; Гавриутхин И.О. Начало великого славянского расселения на юг и запад // Археологічні студії. Київ-Чернівці, 2000.

проникновения на которые резко ограничивались. Карты археологических памятников в Европе подтверждают, что даже незначительные перемещения совершались в плотной демографической среде, просочиться между звеньями которой без последствий было уже невозможно.⁵¹ Миграции II—VII вв. утратили характер движения к неизвестному, ибо мигранты хорошо представляли привлекательность и предполагаемые условия жизни в тех местах, куда устремлялись. Несмотря на соперничество, в ходе переселений формировалась солидарность племён, которая объединяла их уже не только в рамках этнической идентичности. В динамике передвижений стала проявляться некоторая организованность, стратегические и тактические расчёты, которыми занимались предприимчивые и ловкие лидеры племён, именами которых изобилует история II—VII вв. (Эрманарих, Атанарих, Аларих, Атила, Арбогаст, Рекимер, Гейзерих, Одоакр, Хлодвиг, Теодерих и др.). В истории миграций это был последний массовый исход населения, покидавшего родные места ради расселения на новой территории и действительно соответствующий его названию — Великое переселение народов, *Die Völkerwanderung*, *The Great Migration*, *Les grandes invasions*, *La grande migrazione*.

Это адаптивно-радиальное расселение народов имело весьма значительные последствия, как в европейском, так и в азиатском регионе. Прекратила существование Западная Римская империя, варвары-германцы как инструмент сохранения Римского государства, как щит от других племён, в ходе миграций использовали империю для создания собственной государственности, образовав «варварские королевства».⁵² В Азии, на Великой равнине, «плавильной печи» китайского этноса, кочевые племена с севера также создали своеобразное «варварское государство», которое добровольно пошло по пути стремительной китаизации. Несмотря на значительные территориальные потери, в Европе утвердилась и набирала силу Византийская империя. Меняя этно-политическую структуру ойкумены, миграции уничтожили большую часть племенного мира. Одни племена, не выдержав марафона передвижений, погибли, другие ассимилировались более сильными племенами, третьи подверглись романизации и институци-

⁵¹ Мансуэллы Г. Указ. соч.

⁵² Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств: до середины VI в. М., 1984; Буданова В.И. Варварский мир эпохи Великого переселения народов; Werner J. Die Langobarden in Pannonien. München, 1962; Zöllner E. Geschichte der Franken bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. München, 1970; Goffart W. Barbarians and Romans (418—584). Princeton, 1980; Todd M. The Barbarians: Goths, Franks and Vandals. N.Y. 1980; Wolfram H. Geschichte der Goten. München, 1980; Idem. Das Reich und die Germanen: Zwischen Antike und Mittelalter. Berlin, 1990.

онализации, трансформировались под влиянием средиземноморской культуры. Выжившие и сохранившие свою идентичность племена германцев и славян расселились от Британии, Галлии и Испании до Финского залива, Верхней Волги и Дона. После Великого переселения народов в европейском Барбарикуме, не знавшем государственного строя, стали формироваться новые государства, новые народности, новая Средневековая цивилизация.

После Великого переселения народов II—VII вв. характер миграционных процессов меняется кардинально: в передвижениях начала преобладать *монодоминантная мотивация*. Так, сезонные перемещения племён Передней Азии, связанные с кочевым верблюдоводством и караванной торговлей, постоянная готовность к длительным переходам, стали отличительной особенностью стремительных завоеваний арабов в период создания Арабского халифата. Была покорена Северная Африка, завоёван почти весь Пиренейский полуостров и Южная Франция, захвачен Крит, Сицилия и Южная Италия, завоёвано Закавказье, Средняя Азия, Иран, Афганистан, Индия и Китай. Арабы активно адаптировались, усваивая культуру покорённых ими народов, в свою очередь, передавая им свой язык, письменность и религию. На Пиренейском полуострове переселения с юга на север, освоение внутренних районов эмигрантами, заселение безлюдного пограничья актуализировала Реконкиста — возвращение и колонизация ранее потерянных земель, т.н. «обратное переселение». Экономическими причинами, в том числе острой нехваткой земли, продиктованы движения норманнов на запад («путь Вествег») через Северное море в Англию и Францию, на север («путь Норвег») вдоль побережья Скандинавии, на восток («путь Аустервег») по Балтийскому морю. Военственные норманны укрепились на побережье Северной Англии, нападали на Русь, Византию, Францию, Испанию, Италию, завоевали Неаполь и Сицилию. Их передвижения принимали также форму наёмничества (на Руси и в Византии), колонизации неосвоенных территорий, торговых экспансий («путь из варяг в греки»). С XI в. на европейском континенте немаловажную роль стала играть коммерческая миграция, связанная с развитием городов (движение крестьян и ремесленников) и торговых перекрёстков (Средиземноморье и Ганзейский союз). Походы новгородских ушкуйников в северные районы Азии за «мягкой рухлядью» (пушниной) обернулись освоением Югорской земли, населённой хантскими и мансийскими племенами. В Восточной Европе продолжалась территориальная экспансия оседлоземледельческих славянских племён из Среднего Поднепровья в междуречье Волги и Оки. Переселение захватило правобережье Волги, проникая местами в Заволжье, где происходила взаимная адаптация славянских и неславянских племён. Распространение христианства, перенаселённость и бедность стимулировали движение населения

на европейском континенте (миссионерство) и миграции в район Восточного Средиземноморья (паломничество, крестовые походы XI—XIII вв.). Подобные движения различных социальных и этнических групп населения были *временными* и *возвратными*, но способствовали почти полной христианизации Европы к XIII в., а также усилению позиций европейских торговцев на Ближнем Востоке. Не останавливалось движение и в пределах обширной Великой степи. Венгры Поволжья мигрировали между Доном и Дунаем, постепенно смещаясь, заполняли Дунайскую низменность. Вытесненные хазарами из приазовских степей за Дунай булгары, взаимодействуя со славянскими племенами, создали своё государственное образование и новую этническую общность. Значительным по масштабу и последствиям стало мощное передвижение монголо-татарских племён. В XIII в. впервые в истории Великая степь объединилась и создала единое государство кочевого типа — Золотую Орду. Насилие, свойственное степям, обратилось вовне, к соседним цивилизациям.⁵³ Миграции и завоевания монголо-татарских племён охватили земли Северного Китая, Средней Азии, Забайкалья, Волжской Булгарии, Киевской Руси, Польши, Венгрии, Моравии, Хорватии и Далмации. Спасаясь от них, турки-османы перекочевали в XIII в. из Средней Азии на земли турок-сельджуков, в XV в. заняли Константинополь и заселили земли южных славян на Балканах. Ровно через тысячу лет после движения гуннов в середине II тысячелетия миграции кочевого мира Великого пояса степей стали катализатором гибели империи, теперь уже Византийской, изменили этническую структуру населения евразийского пространства.

Ното *mobilis* до XV в. не осознавал, что своими передвижениями он объединяет мир. Первая глобализация началась в эпоху Великих географических открытий, качественно меняющих понятие «миграция», когда «Великими» были названы не сами переселения, но их итог — географические открытия. Для XVI—XIX вв., на мой взгляд, характерна модель *вынужденно-принудительного переселения*, ибо причины, побуждавшие человека к миграции, включали притягивающий (*pull*) и выталкивающий (*push*) компонент.⁵⁴ Девиз, отражающий сущность подобных миграций, — «Ухожу, чтобы выжить».

История всех предшествующих миграций подтверждает, что естественные преграды — реки, горы, леса, степи, пустыни, моря не останавливали человека от движений. Социально-экономические зависимости и связи феодального общества «долгого XVI века» (1451—1560) также не привязали его к месту и не удержали от переселений. Непосредственной их при-

⁵³ Фернандес-Арместо Ф. Цивилизации. М., 2009. С. 158.

⁵⁴ Лебедева Н.М. Социально-психологические закономерности аккультурации этнических групп // Этническая психология и общество. М., 1997. С. 271—289.

чиной были поиски новых морских путей в Индию и Китай, о которых (особенно об Индии) распространялась слава как о стране несметных сокровищ и с которыми торговля была затруднена из-за арабских, монголо-татарских и османских завоеваний.⁵⁵ В экономическом развитии Восток до XI в. опережал Европу, а Китай и Индия превосходили по уровню жизни и культурным достижениям, считая жителей европейского континента «варварами».⁵⁶ Основная масса населения Европы была бедной, нищей, не имела жилья. Голод стал обычным явлением, сопровождался эпидемиями чумы, холеры, оспы и других заболеваний.⁵⁷ Голод подстёгивал *внутренние* (Россия) и *внешние* (Америка) движения народов. В XVI—XVII вв. активизировалась миграция населения Восточной Европы. Происходило заселение и освоение южных и юго-восточных окраин России (образование вольных казачьих войск, заселение «засечных черт», переселение крестьян на незаселённые земли). Это были как *добровольные* (бегство от помещиков), так и *принудительные* (организованные государством или помещиком) переселения. В этом «собираании земель» преобладало восточное направление, быстрое продвижение, как говорили, «встречь солнца» казаков, московских служилых людей и поморов от Предуралья до берегов Тихого океана,⁵⁸ осуществлялась колонизация-миграция.⁵⁹ Перемещение населения шло на сопредельные земли, с жителями которых ранее поддерживались торгово-экономические связи. Освоение новых пространств не сопровождалось гибелью местного населения.

В демографически перегруженном регионе Западной Европы человеку некуда было расширяться, а возможности общества прокормить людей оказались недостаточными⁶⁰. В XV—XVI вв. экономическая

⁵⁵ Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. М., 1983. Т. 2; Малов В.Н. Великие географические открытия. Международные отношения конца XV—XVI вв. в Западной Европе // История Европы. М., 1993. С. 388—389.

⁵⁶ Stunkel K.R. Technology and Values in Traditional China and West // Comparative Civilizations Review. 1991. Vol. 23. P. 75—91; Мельянцев В.А. Восток и запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996; Иванов Н.А. Указ. соч. С. 205. Только в XVIII в. Восток утратил чувство превосходства над европейцами. (Там же. С. 216).

⁵⁷ Cohen M.N. Health and the Rise of Civilization. New Haven, London, 1989; Ле Гофф Ж. Рождение Европы. СПб., 2007. С. 236.

⁵⁸ Покишишевский В.В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951; Максаковский В.П. Историческая география мира. М., 1997. С. 235, 313—315.

⁵⁹ Ахизер А.С. Эмиграция из России: культурно-исторический аспект // Свободная мысль. 1993. № 7. С. 70—78.

⁶⁰ Бродель Ф. Материальная цивилизация: экономика и капитализм. XV—XVIII вв. М., 1986. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. С. 42; Фернандес-Арместо Ф. Указ. соч. С. 599. Ф. Бродель отметил скачки роста населения в 1100—1350 гг., 1450—1650 гг. и с 1750 г. (Бродель Ф. Указ. соч. С. 43).

структура европейских государств начала меняться, формируя систему свободной рыночной экономики. Недостаток денег, обусловленный нехваткой находившихся в обращении благородных металлов, стал одним из важнейших стимулов повышенной мобильности населения. Менялся и *Homo mobilis*, привыкая к личной ответственности, рациональному поведению и находя самореализацию и самоудовлетворение в фаустовском стремлении проникнуть за горизонт (т.н. «фаустовская сущность личности»). Итальянцы, испанцы и португальцы, отправляясь за моря, совершили великий прорыв, связанный с тремя плаваниями. «Неудачная попытка» Христофора Колумба попасть в Индию в 1492 г. закончилась открытием Центральной Америки, в 1496 г. Джон Кобота проложил путь по морю в Северную Америку, после первого плавания Васко да Гамы в Индию в 1498 г. португальцы установили контроль над всем бассейном Индийского океана. Таким образом, океан как преграда на пути *Homo mobilis* превратился в средство доступа, звено связи с новыми землями и рынками.⁶¹ Эпоха Великих географических открытий резко сократила число и размеры изолированных областей, превратила большую часть мира во взаимосвязанное общеевропейское глобальное пространство. Жители Западной Европы получили возможность переселяться через океан, начинать завоевания, колонизацию и торговлю. «Сценарий» переселений включал героическое плавание в опасном окружении морской стихии, безжалостное обращение с туземцами, попытку приспособиться или отыскать поддерживающие условия выживания на новом месте, бескомпромиссное преобразование среды, быстрое формирование коммерческого интереса, достижение процветания благодаря настойчивости. В ходе экспансии европейских народов и колонизации огромных пространств Нового Света местные жители (индейцы) либо оставались жить чересполосно с переселенцами, либо вытеснялись или полностью истреблялись, а выходцы из Испании, Португалии, Англии, Франции и других стран Европы становились основным населением, но почти нигде абсолютно не преобладали. Для пополнения ресурсов рабочей силы, использовали негров-рабов, которых в огромном количестве вывозили из Африки.⁶² Первыми занялись работорговлей португальцы (XV в.), затем в этот процесс включились испанцы и англичане (XVI в.). В XVI—XVIII вв. работорговля представляла собой одну из форм *депортации*, которая была запрещена только в 1825 г. Венским конгрессом. Перемещение и перемешивание людей приводило к сложному взаимодействию

⁶¹ Фернандес-Арместо Ф. Указ. соч. С. 597—616.

⁶² Среди американских колонистов 70% прибывших между 1520—1820 гг. были негры-рабы (Фернандес-Арместо Ф. Указ. соч. С. 625.).

и смешению европейской, африканской и туземной чуждой друг другу культур. Чем сложнее был этнический состав, тем чётче отмечалось совпадение этнического и расового деления с социальным. Социальные конфликты и вражда начали тесно ассоциироваться в сознании людей с расовыми различиями, возникает такое явление, как расизм.⁶³ В XVI—XIX вв. европейцы покидали Европу, перебирались в Северную и Южную Америку, Южную Африку, Австралию, Новую Зеландию на постоянное место жительства или чтобы управлять новыми колониями.

Миграции эпохи Великих открытий имели свою специфику. По динамике пространственной мобильности в XVI в. выделялись испанские (т.н. «иберийская колонизация») и португальские переселения. Миграции испанцев в Америку и на острова Океании мотивированы, прежде всего, алчностью и нуждой. Миссионерское рвение представителей различных монашеских орденов, которые следовали за переселенцами, создавая свои миссии, идеализация приключений, дух авантюризма, культ морского рыцарства настраивали испанцев на отъезд из страны. В XVI в. Испанию с населением 8 млн. человек покинуло 270 тыс.⁶⁴ Жители небольшой Португалии (1,5 млн. чел.) также уезжали в Америку, однако, главным направлением португальских миграций были Азия и Африка. Португальцы не занимались освоением обширных территорий, но создавали, как и подобает подданным португальского короля «повелителя торговли и мореплавания», опорные пункты для занятий торговлей. В самых густонаселённых районах Африки размещались колонии португальцев, чем отчасти объясняется их лидерство в работорговле. Мигранты из Нидерландов также не осваивали обширных пространств Азии, Африки и Нового Света, но обустраивались в небольших колониях не столько хозяйственного, сколько торгово-стратегического типа. В мобильности рвущихся из страны англичан на первых порах доминировали алчные криминальные побуждения (пиратство и контрабандная торговля). Однако первые переселенческие колонии в Северной Америке создавались теми, кто желал, прежде всего, дистанцироваться от дома и уезжал по разным причинам: из-за религиозных преследований, ограничения социальных возможностей или бедности. Здесь на американском континенте светские и духовные конкистадоры стремились построить американскую утопию без социальных унижений и преследований. Как показывает ход «боль-

⁶³ Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 87—92.

⁶⁴ Фердинанд и Изабелла разрешили всем кастильским подданным переселиться в Новый Свет при условии внесения в казну 2/3 всего добытого золота. Поощрялась миграция крестьян. Им предоставлялась земля, свободная от налогообложения на 20 лет (Максаковский В.П. Указ. соч. С. 329—330).

ших переселений», для каждой исторической эпохи движение имело свои пределы, за которыми принимающая сторона либо закрывалась, либо теряла свою идентичность. Проблема запрета миграций в истории практически не разрабатывалась. Для объективной оценки места и роли миграционного фактора в истории было бы, на мой взгляд, важно показать: кто, когда и почему пытался остановить процессы переселений; какие способы и механизмы включались в решение этой задачи; каковы последствия и перспективы притормаживающих акций в целом на исторический процесс. Так, например, в XVI в. произошла самоизоляция Японии, которая стремилась оградить себя от иностранных влияний, отрицательно сказывавшихся на традиционном образе жизни японцев (закон, запрещавший выезд из страны и въезд). Необходимо также отметить, что в разных исторических ситуациях вынужденно-принудительного переселения соотношение вынужденного и принудительного было различным. Так, миграцию английских протестантов в Америку можно в большей степени считать вынужденной. Принудительный элемент играл доминирующую роль при работорговле и массовой высылке преступников из страны (из Англии в Австралию).⁶⁵

Продолжающаяся колонизация, индустриальные революции, быстрый рост урбанизации стимулировали мобильность европейцев в XVIII—XIX вв. Идёт приток населения в города (внутренняя миграция), растёт масса избыточного рабочего населения (т.н. резервной армии труда), которые пополняли ряды желающих покинуть европейский континент. Не только экономические нужды, но политические (недовольство общественным порядком в стране проживания) и религиозные (гонения со стороны господствующей церкви) причины *вынуждали* Homo mobilis покидать родную страну и переселяться на заокеанские земли (внешняя миграция). Освоение новых территорий и экономический рост расширяли возможности колоний по приёму мигрантов. Основной поток внешних межконтинентальных миграций был направлен из Европы в Северную и Южную Америку, Африку, Австралию, из Индии в Африку. Движение шло также из Китая в Юго-Восточную Азию. Сохранялась и вынужденно-принудительная миграция рабов из Африки. Из внутренних передвижений наибольшее значение имели колонизационные потоки в пределах России и Северной Америки. Внутриконтинентальные миграции в Европе в XVIII в. проходили также преимущественно по политическим и религиозным мотивам. Отмена Людовиком XIV в 1685 г. Нантского эдикта, учреждавшего свободу

⁶⁵ Первый флот с заключёнными (270 мужчин и 16 женщин) из 11 судов под командованием капитана А. Филлипа был отправлен из Англии в Австралию в мае 1787 г. Ввоз заключённых в Австралию продолжался до 1868 г. (Рогинский В.В. Австралия // Новая российская энциклопедия. М., 2005. Т. II. С. 73).

вероисповедания, подтолкнула десятки тысяч гугенотов эмигрировать из Франции, переселялись также лютеране, кальвинисты, чехи-гуситы, после разделов Речи Посполитой началась массовая миграция поляков, от османских притеснений бежали славяне. В XIX в. голод, эпидемии, войны, революции, восстания активировали подвижность населения, способствовали его оттоку в колонии. Всего с начала XIX в. до 1914 г. из Европы эмигрировало около 50 млн. человек, из которых примерно треть впоследствии вернулась (*возвратная миграция*).⁶⁶ Европа стала преобладающим районом эмиграции, откуда *Homo mobilis* устремлялся в США — главную страну иммиграции. До середины XIX в. основной поток эмигрантов шёл из Западной и Северной Европы (т.н. «старая миграция»), затем эпицентр сместился в Южную и Восточную Европу (т.н. «новая эмиграция»), охваченную аграрным кризисом и национальными притеснениями. При отъезде из Европы в зоне предпочтения оказывались также Южная Америка, Африка, Австралия, Новая Зеландия. Подлинный переворот в динамике внутренних передвижений произошёл с появлением железных дорог, которые, по меткой характеристике Генриха Гейне, «убили пространство».

Вынужденно-принудительные переселения XIX в. отличались преобладанием экономической мотивации перемещений, появлением значительной политической миграции, расширением районов эмиграции, усилением культурных различий между переселенцами и жителями мест вселения. Исследователи отмечали, что миграция стала в XIX в. навязчивой идеей.⁶⁷ И хотя снимались какие-либо ограничения для перемещений, в самих перемещениях всё более явственно проявлялся их принудительно-насильственный характер. Сами обстоятельства жизни выталкивали человека в миграционное поле, где переселение было не только способом выхода из кризиса, но доминантным способом сохранения всего процесса жизнедеятельности человека. Насильственные переселения, как, например, *депортация* и *интернирование*, применялись уже в предвоенные и послевоенные годы Первой мировой войны (из Турции, Болгарии, Греции, России, США). С утверждением в ряде стран Европы фашизма и началом систематического преследования евреев связана первая волна их эмиграции во Францию, Швецию, Швейцарию, Чехословакию, СССР, Палестину. В период Второй мировой войны значительную часть мигрантов составляли *эвакуированные* и *беженцы* из оккупированных и прифронтовых районов, а также *перемещённые лица* из порабождённых стран.⁶⁸

⁶⁶ Моисеенко В.М. Миграция населения // Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 251—255.

⁶⁷ Юдина Т.Н. Социология миграции. М., 2006. С. 71.

⁶⁸ Фишер В. Европа: экономика, общество и государство. 1914—1980. М., 1999.

Экономический подъем послевоенного периода существенно изменил характер миграций, превратив движение народов в *аттрактивное переселение*, как один из возможных способов реализации предпочтительной траектории витального процесса, один из каналов исторической эволюции. Девиз, отражающий сущность аттрактивного переселения — «Ухожу туда, где лучше». Со второй половины XX в. в формирующемся транснациональном пространстве миграции все более становятся желанием, ожиданием и нормальной частью жизненного пути *Homo mobilis*, когда он превращается в *Homo migrans*. Во многом аттрактивные миграционные процессы отражают противоречия между интересами транснациональных компаний и национально-государственной формой политической организации обществ глобализующегося мира. Теперь движение *Homo migrans* определяется не столько поиском новых территорий, материальных ресурсов, или способом защиты от политических и религиозных преследований, сколько побуждением качественно изменить уровень удовлетворения жизненных потребностей. Типы, виды и формы миграционных процессов порождаются уровнем цивилизационного развития мест исхода населения и областей его прибытия. Преобладающая добровольная трудовая миграция, как форма экономических передвижений человека, определяемых привлекательными факторами, повышает прибыль корпораций, но порождает цивилизационные конфликты (этнические, конфессиональные, социально-правовые). Сохраняется и вынужденная трудовая миграция, определяемая выталкивающими факторами, как ответом на социальное напряжение, политические конфликты, войны, преследования. В переходные эпохи цивилизация и миграция становятся антиподами, ибо экономический и культурный подъём предоставляет всё больше возможностей, чтобы, с одной стороны, развивать мобильность, а с другой, — подавлять её или трансформировать. Меняется и характер направления переселений в сторону территорий с высокой плотностью населения, в отличие от предыдущих миграционных моделей, когда движение шло в обход гуще населённых мест. На всех этапах исторического развития периферия всегда проявляла большую мобильность по сравнению с центром цивилизации, бедный приходил к богатому, а слабый к сильному, что уравнивало баланс в дихотомии центр-периферия. Парадокс современных аттрактивных переселений состоит в том, что движение устремлено туда, где оно встречает наибольшее сопротивление, и миграционные потоки могут идти первоначально рядом, сливаясь только у цели. Среди множественных факторов, провоцирующих подвижность аттрактивных переселений, кризис позитивной идентичности личности становится зачастую преобладающим.

В заключение считаю необходимым отметить, что миграции являются предметом исследований значительного числа социологов, демо-

графов, экономистов, этнологов, культурологов, и также нельзя сказать, что историки оставили без внимания эту проблематику. Однако, именно в исторической науке сейчас стоит целый ряд открытых острых проблем, касающихся самого феномена миграционных процессов. Прежде всего, нуждается в уточнении предмет исследования. Он включает особенности мобильности народов в истории, их мотивы, влияние на динамику исторического процесса, выявление путей и направлений, по которым шло движение народов, определение состава мигрантов, последствий их передвижений, экономических, этнополитических, социальных и ментальных механизмов, предопределявших отношения в ходе передвижений, степень влияния миграций на жизнь местного населения. Внимание также может быть сосредоточено на структурной характеристике мигрантов, на основных проблемах, с которыми они сталкивались в пути, в том числе конфликтах и ситуативном поведении лидеров в принятии решений о переселении. Нуждаются также в осмыслении стратегии поведения, направленные на выживание в ходе переселений и на новом месте, способы и формы адаптации к резким переменам, трансформации социальных отношений в процессе миграций. Не менее актуальна и проблема методологии исследования миграций. Ещё раз следует обратить внимание на то, что движение народов в истории исключительно сложное многоуровневое явление и сегодня уже недостаточно ограничиться исследованием отдельных его аспектов в дисциплинарном и проблемно-тематическом ракурсе. Цивилизационный подход при взаимодополнительности различных научных парадигм открывает более широкие возможности пересмотра стереотипных, во многом устаревших представлений о движении народов в истории. В настоящее время историки находятся в ситуации решения сложной методологической проблемы — перехода от изучения конкретных миграционных процессов к обобщающим интерпретациям, перехода от исследований с микро на макро уровень, *от миграций в истории к истории миграций*. Это, возможно, позволит ответить на вопрос, было ли передвижение народов на всех исторических этапах простым набором конкретных проявлений мобильности, или представляет единую целостную матрицу миграций, имевшую общие принципы становления и функционирования, соотносимые с законами эволюционного развития. В этой связи принципиальным является вопрос о правомерности рассматривать великие переселения как баланс «вызовов» и «ответов» в траектории цивилизационного движения. От этого зависит, в том числе, представление о тупиковых путях развития и преждевременном угасании некоторых цивилизаций. Отдельной проблемой является построение исторических моделей миграций, логически непротиворечивые варианты которых можно, вероятно, ожи-

дать лишь после максимально полной контекстно-временной их систематизации и классификации. При этом в методических предпочтениях историк может отчасти опираться и на рекомендации известного исследователя древностей Бартольда Нибура — понять «целое из частей, а части из тщательного сравнения и изучения отношения последнего к первому».⁶⁹ Как явления реальной действительности миграции нельзя рассматривать внеисторически, ибо движение народов — это событийно-ориентированный феномен, появление и развитие которого определено совокупностью исторических обстоятельств, реальной последовательностью фактов и событий в их реконструкции историком. Поэтому так актуален понятийный инструментарий миграционной проблематики. В исторических исследованиях, (и не только!), он изрядно запутан. Историки оперируют смыслами понятий «миграция», «миграционный процесс», «мобильность», «передвижение», «переселение», взятыми из смежных наук (социологии, демографии, археологии, этнологии), не всегда корректируя дисциплинарную их специфику. Все эти наблюдения не претензионная проекция, но желание обозначить собственную позицию в прочтении истории великих переселений, как значительной ресурсной темы в решении современных проблем.

⁶⁹ Нибур Б. Письмо к филологу // Классен И. Бартольд Нибур. Его жизнь и деятельность. М., 1984. С. 107.

Король Франции *Любимый* или *Грозный*? Два полюса монархической идеологии в позднее Средневековье

*«Для сохранения и удержания власти
самое подходящее из средств — быть любимым,
самое несообразное — внушать к себе страх»*
(Цицерон «Об обязанностях». Кн. 2, VII, 23)

*“Il n'est pas sire de son pays,
Qui de ses subgetz est hays”*
(французская пословица)

*«Хотел и всеми наружными способами воз-
вышаться пред людьми, чтобы сильно дей-
ствовать на воображение... Ему первому
дали в России имя Грозного, но в похвальном
смысле: грозного для врагов и строптивых ос-
лушников»*

(Н.М. Карамзин об Иване III.
«История государства российского». Том VI, глава VII)

Историки, занимающиеся изучением феномена власти, давно вступили на шаткую для них почву исследования психологии, поскольку обнаружили большую роль чувств людей в политической сфере, прежде всего в процессе принятия государства как способа поддержания мира и порядка в обществе¹. Складывание в период позднего Средневековья основ государства нового типа (*État moderne*), матрицы современных государственных институтов, подразумевало и изменения в сознании людей, в их восприятии верховной власти. Внимание исследователей к феномену государства позднего Средневековья включало в себя изучение не только высоких учёных идей, но и массовых политических представлений, которые отражали процесс возникновения государственных институтов

¹ О роли иррационального, в том числе доклического, в восприятии власти как вневременного факторе, а также об историографическом аспекте темы см. подробнее: Хачатурян Н.А. Сакральное в человеческом сознании. Загадки и поиски реальности // Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2006. С. 5—16.

и его восприятие, по-новому высветив роль человеческого сознания в истории.

Разумеется, первое, что приходит на ум в качестве объяснения структурообразующей роли разнообразных аффективных связей государя и подданных, это слабость королевской власти и неразвитость государства на данном раннем этапе централизации, когда господство нуждалось в опоре на чувства — верности, любви и т.п.² Вместе с тем, монархия как форма единоличной власти основывалась на личностном принципе властвования и, следовательно, органично порождала всевозможные чувства к персоне короля, персонифицирующего государство³. Но не стоит забывать и в целом о роли чувств людей в их отношении к собственному государству как важнейшем факторе его стабильности, ведь это наиболее абстрактная форма власти, нуждающаяся в осознанном согласии граждан считать её легитимной⁴. Этот вневременной фактор оказался наиболее значим именно на первом этапе возникновения централизованных государств в период позднего Средневековья.

Как следует из названия статьи, мне бы хотелось привлечь внимание к теме любви, причём в динамическом сочетании и конфликте с темой насилия/страха как форме осмысления и, более того, стратегии укрепления королевской власти во Франции в период «осени Средневековья». В моём внимании к этой теме нет ничего новаторского и необычного: она, в общем, давно уже вошла в поле внимания историков, исследующих французскую монархическую идеологию. Самый яркий пример тому — фундаментальная работа Ж. Кринена «Импе-

² Известный французский социолог П. Бурдьё справедливо обращал внимание историков на большую роль аффективных связей в поле власти как на специфику начального этапа формирования государства. См.: *Бурдьё П.* От королевского дома к государственному интересу // *Бурдьё П.* Социология социального пространства. М.; СПб., 2007. С. 259.

³ Показывая в своих исследованиях по истории сословной монархии во Франции трансформацию природы королевской власти — от патримониальной к публично-правовой, Н.А. Хачатурян предостерегает, тем не менее, от недооценки личностного фактора во взаимоотношениях короля и подданных («неуловимость границ перехода от частного к публичному»), пусть и трансформирующегося под влиянием права, администрации и теории «общего блага». См. в частности: *Хачатурян Н.А.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. С. 169—177; *Она же.* Запретный плод... или Новая жизнь монаршего двора в отечественной медиевистике // *Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда* / Под ред. Н.А. Хачатурян. М.; СПб., 2001. С. 6—19.

⁴ В этой связи не могу не упомянуть вдохновляющую книгу Дж. Стрейера «Средневековые истоки современного государства», где он подчёркивал важность чувств людей: поскольку ни одно из определений государства не является исчерпывающим, он считал, что, в конечном счёте, государство существует только в головах и сердцах граждан; и если они не верят в него, никакая сила не вдохнёт в него жизнь. См.: *Strayer J.* Les origines médiévales de l'État moderne. Paris, 1979. P. 15—16.

рия короля», в заключении которой автор признал, что, возможно, самым главным фактором принятия во Франции королевской власти оказались вовсе не изученные им высокие теории, споры теологов и юристов, программы реформ или политическая пропаганда, а просто... любовь французов к своим королям⁵. Почти одновременно на эту же проблему обратил внимание Р. Фоссье: сначала, описывая «новый феодальный мир», он в число его характеристик включил стремление элиты «стать центром внимания, объектом восхищения и любви»; а затем при анализе зарождающегося государства он подметил, что все монархи желали быть любимыми, не важно за что — Лоренцо Великолепный за то, что пишет стихи, Рене Анжуйский — за то, что рисует, Карл Смелый — за то, что пьёт, Людовик XI — за то, что не пьёт и т.д.⁶

Однако при всей кажущейся очевидности стремления властей предержащих внушать людям любовь и тем самым править на основе согласия граждан, внешне противоположное чувство — страха — также, по сути, подразумевало принятие обществом государства как «легального насилия» (в духе М. Вебера), иначе ему никто бы не подчинялся. Таким образом, любовь и страх представляются мне двумя полюсами формирующейся во Франции монархической идеологии, причём их меняющаяся интерпретация отражает процесс укрепления королевской власти и её диалог с обществом. И оба мотива далеко не так однозначны, как может показаться из приведённых выше отсылок к работам французских коллег.

Обращаясь к этой сложной, запутанной и почти неуловимой теме, стоит оговорить два основополагающих фактора. Первый заключается в определяющей роли Церкви в сфере политической теологии. Дело не только в том, что все идеи и просто весь политический словарь взяты были идеологами монархии из арсенала христианской доктрины, и даже так называемая рецепция римского права на деле подразумевала его «христианское прочтение», то есть переосмысление его норм в духе христианства и приспособление их к конкретным условиям западноевропейского общества XIII—XV веков⁷. Сам феномен власти неразрывно связан, как показано в исследованиях Н.А. Хачатурян, с сакральным компонентом и с архетипами сознания людей: уже в самых древних цивилизациях господствовал принцип «институт власти спущен с небес»,

⁵ Поняв значение любви, как и в целом аффективного и психологического фактора, автор не решился, тем не менее, погружаться в эту тему. См.: Krynén J. L'Empire du roi. Idées et croyances politiques en France, XIIIe—XVe siècle. Paris, 1993. P. 458.

⁶ Fossier R. La société médiévale. Paris, 1991. P. 144, 354.

⁷ О «теологических истоках» État moderne см.: Badie B. L'État moderne : le point de vue du politologue // L'État moderne: le droit, l'espace et les formes de l'État. Paris, 1990. P. 211—214.

усиливая одновременно роль харизмы правителя и наделяя его функцией соединения человека с Высшей волей⁸.

Второй фактор связан с античным наследием, по-новому осмысленным в условиях возникновения национальных монархий. Построение государства возродило к жизни идеи гражданственности и служения общему благу, получившие опору в авторитете античной древности. Настала эпоха повального цитирования не только Аристотеля, но и Цицерона, Сенеки, Теренция и других авторов, востребованности идей гражданского гуманизма и новой ценности человека. Античное наследие обогатило средневековые политические концепции о власти, а вопрос о том, что лучше для государя — внушать к себе любовь или страх, сделался предметом размышлений и споров гуманистов, прежде всего, итальянских. Вполне достаточно напомнить XVII главу именно с таким названием в шедевре политической мысли эпохи Возрождения, в «Государе» Макиавелли⁹. Хотя французская политическая мысль исследуемой эпохи не достигала таких высот, как в трудах итальянских гуманистов, важно, что размышления о власти во Франции развивались в том же направлении, опирались на те же античные корни и подогревались сходной общественной реальностью и её запросами.

Итак, тема любви во взаимоотношениях власти и общества в Средние века проистекает из христианской доктрины, согласно которой всякая власть имеет «мандат неба»¹⁰. Как добрый христианин должен любить Бога, так же он обязан подчиняться Его «викарию на земле» — государю, поставленному для спасения своего народа. Не углубляясь в эту достаточно разработанную тему, заметим, что именно любовь подданных к государю провозглашалась лучшей опорой и защитой власти. Самый распространённый топос на эту тему — сюжет о Дионисии, правителе Сицилии: увидев его в окружении большой вооружённой охраны, Платон спросил, какое же зло тот совершил, что нуждается в подобной защите, ведь добрый правитель охраняем любовью народа¹¹.

⁸ Анализируя сложные взаимоотношения светской и духовной власти и феномен сакральности в политической истории Запада периода Средневековья, автор обращает внимание на громадную роль Церкви в становлении *État moderne* и на единую основу истока двух властей. См.: *Хачатурян Н.А. Власть и общество...* С. 14—30.

⁹ В данном случае, наряду с глубокими исследованиями Л.М. Брагиной, М.А. Юсима и других, уместно сослаться на труды О.Ф. Кудрявцева, в том числе на его недавнюю фундаментальную работу: *Кудрявцев О.Ф. Флорентийская платоновская академия: очерк истории духовной жизни ренессансной Италии.* М., 2008.

¹⁰ О процессе «теизации власти» см. подробнее: *Хачатурян Н.А. Власть и общество...* С. 14—17, 24—26.

¹¹ Эта история фигурирует в «Поликратике» Иоанна Солсберийского, шедевре политической мысли Средневековья и настольной книге государей. Труд был переведён на французский язык Дени Фульша по заказу Карла V Мудрого в 1372 г.

И надо заметить, что тема любви присутствует повсеместно как опора власти, как метафора согласия между монархом и подданными: в политических представлениях эпохи господствовало убеждение, что в государстве должна царить взаимная любовь короля и народа (*amor regis*), чтобы подчинение власти было добровольным¹². В обширном трактате об управлении королевством наставник Карла VI Филипп де Мезьер писал: «управление королевством есть ничто иное как нежная любовь и сострадание короля к своим подданным и нежное, любовное и благосклонное подчинение ненасильственное подданных их сеньору»¹³. Выдающийся теолог эпохи и канцлер Парижского университета Жан Жерсон, ссылаясь на цитату из Сенеки и приводя пословицу, обе вынесенные мной в эпиграф статьи, напоминал в своей проповеди: «кто любит, тот и любим... и если государь ненавидит свой народ, то народ тоже не будет его любить»; эту же пословицу приводит и Жан Жувеналь дез Юрсен, обращаясь к королю с наставлением в 1452 г. — «кто ненавидим людьми, тот не хозяин страны»¹⁴.

Любовь подданных считалась самым верным залогом поддержки власти: так, вотируя налог на освобождение из плена короля Иоанна II Доброго, депутаты Штатов Лангедойля в 1356 г. ссылаются на «добрую волю всех сословий и любовь к своему сеньору»; и напротив, в качестве главной цели зачинщиков политического кризиса 1356—1358 гг., известного под названием «восстания Этьена Марсея», обиженные ими служители короны объявляли их намерением поколебать любовь народа к королю¹⁵.

Постепенно повышается мера ответственности самой власти за сохранение этого «царства любви и согласия»: прежде всего, королю вме-

См.: *Foulechat D.* Tyrans, princes et prêtres (Jean de Salisbury. Policratique. Livre IV et VIII) / Éd. Ch. Brucker. Montréal, 1987. P. 58.

¹² Об этой взаимной любви как одним из фундаментальных условий «добротного правления» в представлениях эпохи см.: *Guenée B.* L'opinion publique à la fin du Moyen Âge d'après la "Chronique de Charles VI" du Religieux de Saint-Denis. Paris, 2002. P. 21—22.

¹³ "doulce amour et compassion du roy a ses subgiez, et une doulce et amoureuse et benigne obeissance non contrainte des subgiez au seigneur" // *Mézières Philippe de.* Le Songe du viel pèlerin / Ed. G.W. Coopland. 2 vols. Cambridge, 1969. T. 1. P. 557.

¹⁴ *Gerson J.* Oeuvres complets / Éd. P. Glorieux. 10 vols. Paris, 1960—1975. T. 7. P. 529; *Juvénal des Ursins J.* Écrits politiques / Éd. P.S. Lewis. 2 vols. Paris, 1978, 1985. T. 2. P. 207.

¹⁵ "pour la bonne volonté de tous les estats et l'amour qu'ilz ont au seigneur" // *Journal des états réunis à Paris au mois d'octobre 1356* / Éd. R. Delachenal // *Nouvelle revue historique de droit français et étrangers.* 1900. An. 24. P. 456). Позиция чиновников была выражена в «Обвинительном заключении против Робера Ле Кока», идеолога восстания: «Он начал ругать и порицать его правление, чтобы его верные подданные и добрые города не жалели и не любили его и ничего не делали для его освобождения..., подорвав великую и благородную любовь жителей Парижа к нему» (Цатурова С.К. Скандал в коридорах власти // *Право в средневековом мире.* М., 1996. С. 240, 249).

няется в обязанность самому любить подданных. Эта тема далеко не случайно рефреном проходит через весь трактат Филиппа де Мезьера: сравнивая государство со Святой Троицей, он считает обязанностью короля и дворян «горячую и пылкую любовь» (*“amour enflamant et ardent”*) к церкви и народу; ссылаясь на авторитет Гуго Сен-Викторского, он советует королю «знать и любить своих подданных». Жан Жерсон, говоря о трёх ипостасях короля — телесной, духовной и гражданской, трактовал последнюю как «верную любовь к государству» (*“loial amour du bien public et commun”*). В труде Мезьера и в анонимном трактате начала XV в. монарху подробно объяснялось, как заслужить и удержать любовь подданных, и даже — как больше понравиться им¹⁶. Любопытно, как тема любви государя к своим подданным прозвучала на Генеральных Штатах 1484 г.: если в кризисной ситуации середины XIV в. упор делался на любви подданных к королю как опоре его власти, то здесь в речи канцлера на открытии первого заседания подчёркивалось, что король любил своих депутатов, ещё не видя их, а «узрев неоспоримую верность и явное подчинение, будет любить ещё больше»¹⁷.

Следовательно, и это представляется мне очень важной трансформацией темы, любовь подданных надо было заслужить, более того, слепая и незаслуженная любовь к дурному государю провозглашается грехом. Уже Мезьер разъяснял юному Карлу VI, что только исполнение королём долга и соблюдение им законов королевства обеспечит ему любовь подданных, как и иных народов. Но самое важное, с моей точки зрения, рассуждение Мезьера касается опасной для государя коллизии — требовать от народа любви и подчинения, не имея на то оснований. Здесь отчётливо прозвучала важная для дальнейшей национальной идентичности идея об этимологии наименования французов как народа «свободных» (от слова *“franc”*). Оттолкнувшись от незаконности требовать исполнения воинского долга у тех, кому давно уже не платят жалованья, Мезьер прямо возглашает: «либо ты король истинный, природный (*“naturel”*) и милостью франков, либо король сервов и рабов (*“des serfs et des esclaves”*)». Обыгрывая значение слова «франки», он пишет далее: «поскольку французы, твои подданные и истинно подчинённые, на деле и по названию должны почитаться свободными, если из-за владения (землёй — *С.Ц.*) и против их воли они будут порабощены, то тогда, Доб-

¹⁶ Mézières Ph. de. Songe. T. 1. P. 526; T. 2. P. 132; Gerson J. Op. cit. T. 7. P. 1006; Avis à Isabeau de Bavières (anonyme) / Éd. E. Deprez // Bibliothèque de l'Ecole des chartes. 1866. T. XXVII. P. 138, 144, 147 (*“pour toujours entretenir la bonne amour et leale subjection du peuple envers le roy... et en ce qui pourra luy complaire... soit plus plaisant à ses subgiez”*).

¹⁷ Masselin J. Journal des États Généraux de France tenus à Tours en 1484 / Éd. A. Bernier. Paris, 1835. P. 53.

рый Сын, ты потеряешь сущность твоего имени и твоей естественной славы». Поскольку «среди всех христианских народов галльский народ по прозванию и на деле является наиболее свободным, и верно и естественно подчинён благородному королю Франции, кто обязан править и обходиться (с ними) свободно», то нарушение этой свободы грозит королю «потерей сердец подданных» и, как следствие, утерей власти¹⁸. Спустя почти сто лет эта тема была умело использована Тома Базеном для противопоставления «доброго правления» Карла VII дурному правлению его сына Людовика XI и для обоснования законности сопротивления «тирану»: «Итак, свободные люди, подчинимся же охотно и радостно тому, кто правит законно и справедливо во имя добрых целей... Но тому, кто правит без разумных мотивов, не ради общего блага, кто хочет обратить нас в рабство, откажемся подчиняться»¹⁹.

Оставляя в стороне проявившееся здесь влияние тираноборческих идей на французскую политическую ментальность, хотелось бы обратить внимание на важный, с моей точки зрения, поворот в теме взаимной любви государя и подданных. Христианская основа политической теологии нашла выражение в идее известного равенства «сторон» — правителя и народа. Эта идея оказалась очень востребована именно во Франции, где опорой национальной идентичности стал миф о «естественной» свободе франков-французов²⁰. Не случайно эта тема возникает в известном трактате королевского чиновника Филиппа де Бомануара «Кутюмы Бовези», ведь заботы о легитимности власти и о завоёвании ею морального авторитета как опоры правления были наиболее востребованы у тех, кто действовал «именем короля». Начиная трактат с достоинств «идеального бальи», Бомануар в описании истинной любви к Богу как второго по значению достоинства чиновника замечает, что эта любовь не должна походить на любовь сервов к их сеньорам, «коих любят потому что боятся», но должна походить на сыновнюю любовь к отцу²¹. В такой проговорке «любовь» сервов к сеньорам из страха дурна сама по себе, поскольку страх делает их несвободными. В наиболее развёрнутом виде эта тема прозвучала в трактате «Совет Изабо Баварской»: «Посколь-

¹⁸ Mézières Ph. de. Songe. T. 2. P. 344, 359, 389—391.

¹⁹ Basin Th. Histoire de Charles VII / Éd. et trad. Ch. Samaran. 2 vols. P., 1933—1944. T. 2. P. 43.

²⁰ Анализируя этимологию слова «гражданин» и подчёркивая роль аффективных форм межгрупповых отношений (обмен клятвами, поцелуй и т.д.), Э. Бенвенист обращал внимание на наличие взаимности и равенства членов одной группы, на дружеское поведение по отношению к партнёрам по союзу. См.: Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 220—221.

²¹ “non pas de l’amour que li aucun des sers ont a leur seigneurs, qui ne les aiment que pour ce qu’il les craient et doutent” // Beaumanoir Ph. de. Coutumes de Clermont en Beauvaisis / Publ. A. Salmon. 2 vols. Paris, 1899—1900. T. 1. P. 17.

ку люди подобны Богу и имеют жизнь вечную ... государи должны править по образу и подобию Бога... истинным милосердием и любовью к подданным из уважения к Богу, передавшему народы в их управление, не как животными бессловесными, но как братьями и равными себе»²². Это равенство «сторон» подчёркивало, что любовь подданных к монарху как форма принятия его власти должна была быть добровольной и основанной на добродетелях государя. Поэтому так важен был моральный авторитет власти, соблюдение государем обычаев страны и прав подданных, в целом, следование вверенной ему миссии главы «политического тела».

Самым изысканным образом этой особой связи государя и подданных стала во французской политической системе теория «брака короля с королевством». Вне всякого сомнения созданная юристами-теоретиками монархической власти, метафора брака использовалась вначале для подкрепления теории неотчуждаемости домена короны и ограничения прав короля на распоряжение им. Однако в дальнейшем она воплотилась и в особую церемонию при коронации государя во Франции: он торжественно принимал кольцо как знак того, что он становится «мужем» королевства. И тут вновь стала обыгрываться тема взаимной любви «брачующихся» как залог «счастливого союза»²³. Статус «мужа королевства» также символизировал солидные обязательства короля перед подданными, что способствовало закреплению этой метафоры в политическом сознании эпохи. На эти обязательства ссылался Жувеналь дез Юрсен, когда осмеливался порицать Карла VII за небрежение Парижем как столицей королевства и резиденции высших органов управления. В подготовленной им для собрания Штатов в Орлеане в 1440 г. речи он писал о Франции как о «вдове без мужа и правителя» и, обращаясь к королю, прямо обвинял: «Вы сами, являясь истинным супругом и мужем Франции, не оказываете ей никакой помощи»²⁴.

Эта смесь искренней любви и жёстких обязательств как незыблемая опора общественного согласия любопытным образом преломлялась во взаимоотношениях короля и его чиновников как полномочных представителей зарождающегося государства²⁵. Здесь также имела место

²² «qui leur a baillé le peuple en gouvernement, non mie comme bestes mues, mais comme leurs freres et pareulx à eulx» // Avis. P. 134—135.

²³ Об этой теории и её церемониале см. подробнее: Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М., 2014. С. 320—322; Descimon R. La symbolique de l'inaliénabilité du domaine: les fonctions de la métaphore du mariage politique du Roi et de la République en France de XVe au XVIIe siècle // Annales E.S.C. 1992. P. 1127—1147.

²⁴ Juvénal des Ursins J. Écrits politiques. T. 1. P. 360.

²⁵ См. подробнее: Цатурова С.К. Истоки чиновного дворянства во Франции XIII—XV веков: персона монарха как фактор легитимации новой властной элиты // Средние века. М., 2010. Вып. 71 (3—4). С. 11—31.

причудливая смесь аффективных связей и жёстких обязательств. Действительно, с одной стороны, служба чиновника определялась предписанным ему кругом обязанностей, делегированных королём и зафиксированных в приносимой клятве при вступлении в должность. Хотя суть этих обязанностей можно свести к простой формуле — «хранить интересы короля и королевства», она подразумевала и «кодекс должностного поведения», который преследовал, помимо узко дисциплинарных, прагматических целей, и возвышенную задачу поддержания авторитета верховной власти, дабы подданные охотнее подчинялись ей. Не менее важной целью этого контракта была лояльность чиновника власти, его согласие защищать короля «от всех и против всех». Эту лояльность призваны были обеспечить обязательства короля по отношению к чиновникам — платить регулярно жалованье, поощрять за особые заслуги пенсионами и дарами, защищать от нападков при исполнении служебного долга и т.д. Казалось бы, здесь, как и в более широкой сфере взаимоотношений короля с королевством, мы имеем дело со взаимными обязательствами сторон и прагматическим контрактом.

Но, на деле, и в поле власти мы сталкиваемся с той же темой любви, которая надёжнее всего призвана обеспечить союз и согласие между королём и его служителями. На эти аффективные связи чиновников с персоной монарха первым обратил внимание исследователей Р. Казель, изучая политическое общество во Франции XIV в. Он показал рост влияния чиновников в политической сфере и зависимость короля от них, что по мере автономизации сферы управления от персоны монарха должно было уравниваться личной преданностью должностных лиц и особыми доверительными отношениями «сторон». Неслучайно принципиальным водоразделом в этом плане стало правление короля Иоанна II Доброго: современники и историки обвиняли его в приверженности устарелым рыцарским идеалам и в отсутствии политической дальновидности, не говоря уже о едва прикрытом подозрении в содомском грехе, а он-то оказался весьма прозорлив, и не только спас честь Франции на поле битвы при Пуатье, но до этого установил новые порядки в сфере королевской администрации, которые помогли стране выйти из кризиса²⁶.

Институциональное оформление ведомств и служб короны Франции и фиксация их штатов, превратившие должности в постоянные и обезли-

²⁶ Слухом о «незаконной любви» короля к своим ближайшим советникам и чиновникам мы обязаны Джованни Виллани, но этот слух отразил и реакцию в обществе на новое качество взаимоотношений внутри поля власти. К тому же, созданная Иоанном II Добрым сплочённая команда отнимала надежды у тех, кто стремился попасть на королевскую службу, что стало одной из причин политического кризиса. См. подробнее: *Cazelles R. Société politique, noblesse et couronne sous Jean le Bon et Charles V. Genève, 1982. P. 45—47.*

ченные, получили противовес в виде особых доверительных отношений между конкретным монархом и его чиновниками. Их символически выражала формула обращения короля в его письмах к чиновникам «наши любимые и верные», неизменно использовавшаяся в Канцелярии уже начиная с середины XIII в., со времени правления Людовика IX Святого, и закрепившаяся в самих текстах указов в середине XIV в.²⁷ Зависимость власти короля от правильных действий чиновников, на фоне начавшейся неудачно для Франции войны и нестабильности новой династии Валуа, стимулировала заботу о качественно лучшей администрации, способной спасти поколебавшийся авторитет монархии. Совпадение интересов короля и его служителей в этом вопросе способствовало успеху проведённых после тяжёлых военных поражений французов реформ. Как показал Р. Казель, «команда короля» действовала не только как политические, но и моральные реформаторы, поставив во главу угла при отборе на службу нравственные достоинства — честность, верность, справедливость и милосердие, дабы поддержать любовь подданных к королю²⁸. Политический кризис 1356—1358 гг., когда нападки на чиновников едва прикрывали угрозы самому монарху, высветил эти новые взаимоотношения короля с должностными лицами как опору верховной власти. В «Обвинительном заключении против Робера Ле Кока», составленном самими чиновниками, не раз почёркивалось, что действия мятежников направлялись именно против преданных служителей короны, «кто по-настоящему любили короля», и отстранённые по настоянию Штатов 22 высших чина были как раз «превосходно исполнявшие свой долг и очень любившие короля» люди²⁹. Точно также политический кризис 1418 г. при переходе Парижа под власть герцога Бургундского сопровождался смещением, изгнанием или убийством чиновников-«арманьяков», которые в трактовке «партии дофина Карла» представляли жертвами преданной любви к королю³⁰.

²⁷ “a mez amez et feaulx conseillers”, “dilectus noster et fidelis”. Как один из тысяч примеров, приведу указ Карла V Мудрого от 1372 г. о выплате Никола Орезму вознаграждения в 200 франков золотом за перевод на французский язык «Политики» и «Экономики» Аристотеля, где король ссылается как на залог неукоснительного исполнения его приказа на «любовь», которую адресат письма испытывает к монарху: “sur toute l’amour que vous avez à nous” // *Delisle L. Mandements et actes divers de Charles V. Paris, 1874. P. 458.*

²⁸ *Cazelles R. Société politique, noblesse et couronne sous Jean le Bon et Charles V. P. 123—124.*

²⁹ *Цатурова С.К. Скандал в коридорах власти. С. 240, 246. Восстановление на должностях смещённых чиновников сопровождалось в указе 1359 г. заверениями, что они «восстановлены и в любви короля» (Ordonnances des rois de France de la troisième race. 22 vols. Paris, 1723—1849. Т. III. P. 348).*

³⁰ Вот как сказано об этом в хронике Жиля Ле Бувье: “et especialement de ceux qui amoient le Roy et son filz” // *Le Bouvier, Gille dit le Héraut Berry. Les chroniques du roi Charles VII / Éd. H. Courteault et L. Celier. Paris, 1979. P. 86.*

Тема любви как основы взаимоотношений короля и его служителей прочно вошла в политический словарь эпохи и сделалась предметом размышлений теоретиков монархической власти. Панегирики королям неизменно включали в перечень достоинств монарха пассаж о том, как тот любил своих чиновников и был любим ими³¹. Причём эта любовь также должна была иметь разумную причину: в написанном королевским советником Эвваром де Тремогоном трактате о правах короля «Сновидение садовника» есть горькое сетование на подчас незаслуженную любовь монарха к недостойному чиновнику и, наоборот, «безответную любовь» преданных людей³².

Такой поворот темы показывает, что любовь как опора взаимоотношений короля с чиновниками символизирует сложную конструкцию. Прежде всего, чиновники в известном смысле были такими же подданными короны, и взаимоотношения с ними подчинялись тем же правилам: от короля требовалось защищать их права, жалеть и охранять, не искушать преданность и верность, привлекать милостями и личными достоинствами. Более того, Мезьер учил юного Карла VI, как поддерживать любовь чиновников к себе совершенно в духе *ars amandi*: так, он рекомендовал ему иногда отсутствовать и скрываться из виду, дабы чиновники сильнее желали видеть короля и ещё больше бы любили. Любовь чиновников к королю Кристина Пизанская ставила на первое место среди достоинств хорошего служителя, а связывающие их контрактные обязательства считала даже сильнее брачных уз³³. Вместе с тем, эта «любовь» начинает трактоваться и в прагматическом духе, как гарантия лояльности должностного лица. Не случайно тот же Мезьер предупреждал короля об опасности «двоелюбия» чиновников, под которым подразумевалась «служба двум господам», и неизвестно, какая из «люболей» перевесит при столкновении их интересов³⁴.

Взаимная любовь государя и его служителей как «частный случай» общей теории гармоничного устройства общества, основанного на добровольном исполнении всеми своего долга, восходит, разумеется, к фундаментальной для Средневековья метафоре «тела», разработанной и внедрённой в политическую теорию церковными мыслителями. Она опиралась на Первое Послание к коринфянам Апостола Павла, но име-

³¹ "moult ama ses officiers et moult les accroissoit" // *Chronique des quatre premier Valois* (1327—1393) / Éd. S. Luce. Paris, 1862. P. 288; "Undo miro modo ad officariis regni carus habebatur" // *Basin Th. Histoire de Charles VII*. T. 2. P. 303.

³² *Songe du vergier* / Éd. M. Schnerb-Lièvre. 2 vols. Paris, 1982. T. 1. P. 234.

³³ "plus ardamment desirer la presence et veue de ta face royalle... doucement a toy aymer" // *Mézières Ph. de. Songe*. T. 2. P. 245—246; "Amour premierement à son seigneur doit avoir" // *Pisan Ch. de. The «Livre de la paix»* / Ed. Ch.C. Willard. S.-Gravenhage, 1958. P. 84—86.

³⁴ "Si te doys garder de telz serviteurs, qui sont ansi aliez et en l'amour divisez" // *Mézières Ph. de. Songe*. T. 2. P. 254.

ла глубокие архаичные корни и была впоследствии перенесена от церкви на рождающееся светское государство³⁵. Возникновение концепции «политического тела» общества усилило тему любви как органичной связи между частями единого целого. Так, Жерсон сравнивал взаимопомощь и любовь в обществе с человеческим организмом, где все части тела помогают друг другу; об этом же писал и Жувеналь: «государство спасительно, когда все едины в доброй любви и взаиморасположении, и каждый думает о пользе и согласии»³⁶.

При известной «демократической» интенции этой концепции, возвеличивающей каждую часть тела как необходимое звено в функционировании всего организма, она, на мой взгляд, изначально содержала в себе зёрна «естественного неравенства», поскольку жизнь тела обеспечивает и гарантирует, в конечном счёте, только глава, поскольку без головы тело существовать не может. Это неравенство заключено и в этимологии слова «dominus», подкрепившего содержащийся в антропоморфной концепции конфликт статусов «политического тела» и его главы³⁷. Хотя органицистская концепция устройства общества поддерживала «естественную любовь» друг к другу всех частей «тела», она же закрепляла в сознании «природное неравенство» этих частей, призывая всемерно беречь и защищать «главу тела» как условие выживания общества. Эта идея звучит уже в фундаментальном труде Иоанна Солсберийского «Поликратик», по сути, внедрившем метафору тела в политическую теорию Средневековья: «когда грозит опасность, все члены защищают главу, как диктует природа»³⁸. Но содержащееся в этой концепции противоречие между «главой и членами» по мере усиления роли политического общества начинает акцентироваться, причём зачастую не в пользу государя. Так, Жувеналь с помощью различных схоластических ухищрений пытался уравнивать «в правах» тело и его главу, отстаивая зависимость короля от подданных: «хотя глава выше тела, но и тело выше главы; тело управляется главой, но и главу держит и несёт тело». Он настаивал на зависимости короля от подданных, «без которых он не может ничего». И, как следствие, жестокость «главы к своему телу» предстаёт в его концепции неоправданной и неестественной. Противовесом этой жестоко-

³⁵ «Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, — так и Христос» (1 Кор. 12, 12).

³⁶ Gerson J. Oeuvres. T. 7. P. 528; Juvénal des Ursins J. Écrits. T. 2. P. 203—204.

³⁷ Об этимологии слова «dominus» как «единого хозяина дома», «кормчего лодки» и т.д. см. подробнее: Бенвенист Э. Указ. соч. С. 200. Об этом противоречии внутри органицистской концепции, когда государь требует от подданных, по сути, односторонней жертвы, см.: Канторович Э.Х. Указ. соч. С. 373.

³⁸ «Car se aucun peril vient, chascun de ses sougiéz met son chief pour lui aussi comme nous voions en nature que touz membres s'opposent pour deffendre leur chief" // Foulechat D. Tyrans, princes et prêtres. P. 58.

сти и самым естественным поведением Жувеналь, как и многие его современники, считал любовь и милость государя к своим подданным³⁹.

И всё же, именно антропоморфная концепция устройства общества помогла обосновать право короля на «легальное» насилие, и тем самым стала мостом к соединению любви и страха⁴⁰. Ведь государи «получали власть от Бога» в интересах вверенного им сообщества верующих, и диктуемый ею примат общей пользы над личными желаниями правителя возвышал того, кто призван нести эту ношу, и принуждал к подчинению его воле⁴¹. Миссия короля *imago Dei* вести вверенный ему народ к спасению через поддержание мира и порядка в обществе стала главной темой всех политических трактатов о власти и её обязанностях. Так возникает сначала внутри церковной доктрины, а затем и в светской политической теории концепция ответственного «служения» монарха на общее благо королевства⁴². Моральный авторитет власти со временем обосновывался именно этими обязанностями монарха — защитой мира и порядка, охраной прав каждого, милосердием к наиболее незащищённым группам — монахам, беднякам, вдовам, сиротам и т.д. Такая власть обязана была покоиться не только на добровольной любви, но и на страхе. Показательно, что в трактате о суверенных правах короля Франции, написанном Эвразом де Тремогоном по заказу Карла Мудрого, прямо говорится об этом соединении, казалось бы, противоположных чувств: «каждый обязан по природе бояться государя и любить, ибо он заботится об общем благе и управлении государством, а не о собственной частной выгоде»⁴³.

³⁹ «Corpus regitur a capite, sed capud regitur a corpore et portatur» // *Juvénal des Ursins* J. *Écrits*. T. 2. P. 214, 309.

⁴⁰ Хотелось бы сделать важную оговорку: я вовсе не отношу «легальное насилие» к определяющим атрибутам государства. Точно таким же правом на насилие обладал и любой носитель публичных функций (сеньор в своих владениях и т.п.). О сложностях в определении понятия «государства», в том числе «феодального государства» см. послесловие Р. Шартье к одному из первых сборников статей в рамках проекта изучения *État moderne*: *Chartier R. Construction de l'État moderne et formes culturelles : perspectives et questions* // *Culture et idéologie dans la genèse de l'État moderne: Actes du colloque organisée par la Fondation européenne de la science et l'École française de Rome*. Rome, 18—31 mars 1990 / Éd. par W. Blockmans et J.-Ph. Genet. Roma, 1993. P. 491—501.

⁴¹ Об этом см. подробнее: *Bournazel E. Robert, Charles et Denis: "Le roi de France est empereur en son royaume"* // *Droits savants et pratiques françaises du pouvoir (XIe—XVe siècles)* / Sous la dir. J. Krynen et A. Rigaudière. Paris, 1992. P. 69—77; *Sassier Y. L'Utilisation du concept de «res publica» en France du Nord aux Xe, XIe et XIIe siècles* // *Ibid.* P. 79—97.

⁴² См. подробнее: *Цатурова С.К. «Король — чиновник, священная особа или осел на троне?»*: Представления об обязанностях короля во Франции XIV—XV вв. // *Искусство власти*. Сб. в честь профессора Н.А. Хачатурян. СПб., 2007. С. 99—131.

⁴³ «chacun doit naturellement doubter le Roy et amer... car c'est celui qui plus singulièrement tent au bien commun et au gouvernement de la chose publique» // *Songe du vergier*. T. 2. P. 264.

Способом сохранения общественного мира и гармонии становится сфера права и судопроизводства, поскольку концепция верховной светской власти наделяла монарха наивысшей функцией — вершить правосудие «по образу Бога на земле»⁴⁴. Государь обязан был «употребить власть» к нарушителям общественного порядка, используя насилие и жестоко карая преступников. Но и здесь — в сфере правосудия — мы вновь встречаем сложное соединение темы любви и страха. Как прозорливо подметил Г. Дж. Берман, унаследованный христианством от иудаизма образ Бога — одновременно любящего отца и праведного судии — был весьма парадоксален, что сказалось на специфике западной правовой системы⁴⁵. «Карающий меч» правосудия, который вручался королю во время церемонии коронации, причудливым образом сочетался в средневековой доктрине «праведного суда» с требованием милосердия и любви как способа разрешения споров, апеллирующим к христианским заповедям. Эта коллизия выражалась в размышлениях о том, как же надо судить: по праву или по справедливости, по закону или по любви, по праву или по правде?⁴⁶ Наиболее ярко этот образ «суда по любви и справедливости» выражен был в проповедях Жана Жерсона, который возвеличивал нравственный аспект правосознания и функцию короля-миротворца: «суд должен вершиться любовью, доброжелательно и душевно, а вовсе не страстями или в суете»⁴⁷.

Так по мере усиления королевской власти и расширения её прерогатив в политических теориях происходит органичное соединение любви и страха как единственной гарантии сохранения мира и порядка в обществе. Эту тему в разных аспектах обосновывал Филипп де Мезьер, наставляя юного Карла VI в «науке управлять» и внушая, что без страха не бывает истинной любви. Он учил его не только, как заставить чиновников любить и бояться государя, чтобы они лучше исполняли свои должностные обязанности, но и, ссылаясь на Блаженного Августина, как внушить подданным страх, дабы они больше любили и охотнее подчинялись его власти. «Внушать страх без тирании и быть любимым без лести» — таков должен быть девиз праведного государя⁴⁸. Столь же под-

⁴⁴ См. подробнее: Цатурова С.К. Священная миссия короля-судии, её вершители и их статус во Франции XIV—XV вв. // Священное тело короля. С. 78—95.

⁴⁵ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994. С. 166—167.

⁴⁶ О нравственных понятиях, прежде всего, любви («любовь лучше закона»), подчинивших себе идею права, см. подробнее исследование: Малинин Ю.П. Идея права во французской политической мысли позднего Средневековья (XIV—XV вв.) // Право в средневековом мире. М., 1996. С. 153—175 (особенно 155—157).

⁴⁷ “justice se doit faire par amour, volentiers et de cuer plus que par aultre quelconque affection ou occasion” // Gerson J. Oeuvres. T. 7. P. 599.

⁴⁸ Mézières Ph. de. Songe. T. 2. P. 322—323, 330 (“tu te dois faire raisonnablement doubter sans tyrannie et aimer sans flatterie. Car qui ne doute son seigneur de la sainte doubtance ardente, ja ne l’aimera ainsi comme il dovyra”), 368.

робно эту тему затрагивает Кристина Пизанская, которая посвящает отдельную главу в «Книге о политическом теле» тому, «как добрый государь, будучи милостивым и милосердным, должен стремиться внушать страх». В основе этого страха лежит высшая власть короля карать за проступки («там, где государя не боятся, нет места истинному правосудию»); и даже воины должны бояться своего правителя — больше смерти и больше всех врагов, дабы не струсить на поле брани; сочетание в сеньоре мягкости и благосклонности с силой и суровостью олицетворяют, по её мнению, оливковая ветвь в одной руке и обнажённый меч в другой на самых древних и потому самых авторитетных изображениях верховных правителей⁴⁹. В «Похвальном слове» Карлу VII Анри Бода венцом его праведного правления представлено то, что король «был любим своими подданными и другими народами» и «внушал страх и добрым, и злым», так что все ему подчинялись и хорошо служили⁵⁰.

Правда, сочетание страха с любовью было довольно хрупким конструктом и таило в себе угрозу, поскольку несправедливая сила ассоциировалась с несправедливой властью. Уже в трактате «Поликратик» Иоанн Солсберийский чётко отделяет праведное правление — по закону, справедливости и «принципу общего блага» — от правления тиранического, основанного на силе и, следовательно, на страхе⁵¹. Эту же тему неожиданно подхватил Филипп де Мезьер, противопоставляя тиранию — правление с помощью насилия — власти, опирающейся на любовь подданных, причём подводил под свои размышления «солидную базу» античных авторитетов — Аристотеля, Цицерона, Сенеку. Он обрушивается с гневными филиппиками на установившийся во Французском королевстве «дурной обычай» — величать короля в обращённых к нему письмах «грозный и прегрозный сеньор» (*«a redoubté et tresredoubté»*), ведь «страх порождает тиранию» (*«redoubte emporte tyrannie»*). Он недвусмысленно приписывает это «новшество» гнусной лести людей из королевского окружения — канцлерам, советникам, нотариусам, составляющим письма. Это якобы они, дабы снискать милость и расположение королей, добиться высокого положения или богатства «изобрели такое выражение, чтобы потешить гордыню государя и дать ему повод внушать больше страха, чем любви. Такого не позволял себе сам Иисус Христос, ни Карл Великий, ни Людовик Святой». Подобное об-

⁴⁹ *Pisan Ch. de. Le livre du corps de policie* / Éd. A.J. Kennedy. P., 1998. P. 36. Ограниченное соединение любви и страха как основы правления проглядывает и в анонимном трактате, написанном в 1430-х годах: «il en est mieulx amé, prise, craint et doubté de toutes gens» // Avis. P. 143 N 44.

⁵⁰ *Baude H. Eloge ou portrait de Charles VII* // Chartier J. *Chronique de Charles VII, roi de France* / Publ. par Vallet de Viriville. 3 vols. Paris, 1858. T. 3. P. 139—140.

⁵¹ Берман Г. Дж. Указ. соч. С. 268.

ращение к государям Мезьер называет верным признаком их тиранического правления, ведь если бы они правили с помощью естественной справедливости, истинной любви и гуманности, их называли бы «светлейшими» (*serenissimi*).

Любопытно, что этот прискорбный обычай завёлся во французской канцелярии, по мнению Мезьера, с правления Филиппа Красивого, и он стал предвестником обрушившихся затем на страну бед⁵². Подобное едва прикрытое обвинение «железного короля» заслуживает внимания. Действительно, именно его правление считается в историографии переломной вехой в становлении сильной королевской власти во Франции. Трудно не увязать изменение титулатуры монарха с наложенной им на страну железной дланью. Таким образом, величание короля становится верным отражением качественного роста прерогатив монархической власти.

И действительно, мне удалось обнаружить несколько такого рода обращений к королю, пусть не буквально в правление Филиппа Красивого, но уже точно для второй половины XIV в., причём в разных по своему характеру свидетельствах эпохи. Например, анонимный «Дневник» знаменитого собрания депутатов Штатов Лангедойля в октябре 1356 г., созданного вослед трагической для Франции битве при Пуатье, начинается так: «Наш дражайший и прегрозный (*très chier et très redoubté*) сир монсеньор герцог Нормандский, старший сын короля Франции, нашего дражайшего и прегрозного сеньора (*très chier et très redoubté*) ... созвал в Париже три сословия Франции»⁵³. На не менее знаменитом собрании депутатов Штатов в Париже в ходе кабошьенского восстания в мае 1413 г. к Карлу VI прямо обращаются как к «грознаму»: свою речь от имени Университета Жан Куртекюисс начал словами «Высочайший и могущественнейший король, мой прегрозный и суверенный сеньор»⁵⁴. Пример совершенно другого рода: ритуал клятвы, которую принёс новоизбранный канцлер Пьер д'Оржемон 20 ноября 1373 г. в зале Лувра, где состоялись эти третьи по счёту выборы — новшество короля Карла Мудрого, внедрившего таким способом в администрацию конкурсный отбор в форме голосования по

⁵² Mézières Ph. de. Songe. T. 1. 619—620; T. 2. P. 163—164.

⁵³ Journal des États de 1356. P. 429.

⁵⁴ «Tres hault et tres puissant roy, mon tres redoubté et souverain seigneur» // *Courte-cuisse J. L'Oeuvre oratoire française / Publ. par G. Di Stefano. Torino, 1969. P. 319.* В поданой тогда же на имя короля обширной «Ремонстрации Университета и Города Парижа», содержащей критику власти и предложения по реформированию администрации, эта титулатура монарха («наш прегрозный и суверенный сеньор» / «*nostre tres redoubté et souverain seigneur*») встречается не единожды по всему тексту. См.: *Moranvillé H. Remonstrances de l'Université et de la Ville de Paris à Charles VI sur le gouvernement du royaume // Bibliothèque de l'École des chartes. 1890. T. 51. P. 437, 441, 442).*

кандидатурам, — состоял из зачитывания вслух секретарём текста приносимой чиновником присяги и его ответа «Клянусь, мой прегрозный господин»⁵⁵. Из этих разрозненных примеров можно сделать осторожное предположение, что такого рода величание было принято в политическом обществе и не считалось оскорбительным.

Как же примирить его с восприятием страха в качестве верного признака тирании? Самый разумный выход находит тот же Филипп де Мезьер, заклеивший вроде бы подобное величание как дурной обычай. Ближе к концу своего обширного трактата о «правильном» управлении он соединяет чувства любви и страха подданных следующим образом: «Поступая так, Добрый Сын, и следуя верным путём во всех делах и словах, твоим народом и добрыми людьми ты будешь совершенно любим, а у дурных (вызывать) страх и боязнь»⁵⁶, совершенно в духе вынесенной в эпиграф статьи характеристики у Карамзина царя Ивана III. В такой интерпретации оба чувства, вызываемые властью, вполне законны и оправданны.

Главное, что, на мой взгляд, призваны символизировать эти чувства, заключается в согласии народа, в принятии им существующей власти — через любовь и страх. Именно это согласие народа признавать легитимной властью короля и его растущие prerogatives сделалось основной целью пропаганды и предметом размышлений теоретиков монархического государства. Возвращаясь к метафоре политического тела и его главы, необходимо обратить внимание на зарождение, одновременно с новыми теориями светской власти, идеи о «народном согласии как основе всякого законного правления», а под влиянием римского права — принципов народного суверенитета и выборности государя как легитимной формы получения власти⁵⁷. Опора на «народ», а вернее, на самые влиятельные социальные группы, была главным залогом успеха монархического правления⁵⁸. Важно при этом иметь в виду, что

⁵⁵ «Ainsi le juré je, mon très redoubté Seigneur» // Morel O. La grande chancellerie royale et l'expédition des lettres royaux de l'avènement de Philippe de Valois à la fin du XIVe siècle (1328—1400). Paris, 1900. P. 546—547.

⁵⁶ «de ton peuple et des bons tu seras parfaitement aimez, et des mauvaiz craint et redoutez» // Mézières Ph. de. Songe. T. 2. P. 369.

⁵⁷ Об идеях народного согласия и выборности государя у Иоанна Солсберийского и их истоках см.: Берман Г. Дж. Указ. соч. С. 263, 272—273.

⁵⁸ В весьма популярном среди идеологов монархии трактате Цицерона «Об обязанностях» присутствует эта идея: «ни один правитель государства... не мог совершить великих деяний без содействия людей... доблести свойственно привлекать к себе людей» // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1975. С. 103. Об опоре монарха во Франции на самые широкие социальные группы как стратегии «рождения режима» см.: Richet D. La France moderne: l'esprit des institutions. Paris, 1973. P. 40—41.

выборы царя народом восходят к наиболее архаичным идеям об истоке власти, в которых правитель воспринимался как «воплощение народа», его представитель и наместник, и они соединялись прочной и мистической взаимозависимостью⁵⁹.

Надо признать, что идеи народного суверенитета, народа как источника власти государя получили хождение во Франции этого периода, однако поразительным образом всякий раз они призваны были не ущемить, а усилить позицию короля. Например, эти идеи использовались идеологами монархии в борьбе с папскими притязаниями, что повлекло за собой даже концептуальное снижение «статуса» ритуалов коронации и миропомазания короля, раз власть он получает от народа и до всяких церковных церемоний⁶⁰. С этой же целью теории монархической власти во Франции всячески преуменьшали значение принципа наследственности власти, и даже воцарение Каролингов, без одобрения папы Захария вполне «тянущее» на узурпацию трона, французские политические авторы трактуют исключительно в контексте примата принципа «общего блага», радеть за которое по праву получил власть⁶¹.

Избрание государя с «общего согласия» народа для установления мира и порядка — популярная тема политических трактатов во Франции «осени Средневековья»: об этом писал и автор «Сновидения садовника», и Кристина Пизанская, напоминал в проповедях Жан Жерсон и Жан Куртекюисс в своей речи на Штатах 1413 г. Не менее важны были и фигуры «выборщиков»: хотя необходимость «общего согласия народа» с таким решением признают все авторы, но статус тех, кто выбирает «главу тела» разнится. У Кристины это решение принимают

⁵⁹ См. подробнее о связи «правителя и народа»: Бенвенист Э. Указ. соч. С. 202; *Graus Fr. Littérature et mentalité médiévales : le roi et le peuple* // *Historica*. XVI. Les sciences historiques en Tchécoslovaquie. Praha, 1969. P. 5—79.

⁶⁰ В частности, этому посвящено несколько важных глав в «Сновидении садовника», написанном с целью обосновать суверенитет королевской власти по отношению к церкви. Автор всячески снижает значение ритуалов коронации, миропомазания и елеосвещения, считая их вовсе ненужными для исполнения власти, но используемыми лишь для «большей торжественности, и чтобы его больше боялись, почитали и любили» (*Songe du vergier*. Т. 1. P. 125—129). Об этом см. подробнее: Малинин Ю.П. Салический закон о престолонаследии и концепция королевской власти во Франции XIV—XV вв. // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени / Под ред. Г.Е. Лебедевой. СПб., 1996. Вып. 1. С. 23—33.

⁶¹ В частности, зарождающийся культ Карла Великого стал во Франции стратегией утверждения «службы государя» на общее благо королевства и подданных. См. подробнее: Цатурова С.К. Карл Великий и «королевская религия» во Франции XIV—XV вв. // Карл Великий: реалии и мифы / Под ред. А.А. Сванидзе. М., 2001. С. 189—209.

«старейшины», у Куртекюисса — «мудрецы», а у Эвра де Тремогона (вероятного автора «Сновидения садовника») это делает сам народ⁶². В конце XV в. идея народного суверенитета будет громогласно провозглашена на знаковом во многих отношениях собрании Генеральных Штатов в Туре в 1484 г.⁶³ Правда, однажды этот же мотив был умело использован с целью подорвать позицию короля: на мятежных Штатах 1356—1357 г., в ходе так называемого восстания Этьена Марселя, его идейный вдохновитель и лидер депутатов-реформаторов Робер Ле Кок якобы заявил, оправдывая законность смещения с должности канцлера по требованию Штатов, что «прежде случалось трём сословиям королевства отстранять и короля»⁶⁴. Хотя ничего подобного в истории Французской монархии, как отстранение короля по решению собрания депутатов трёх сословий, обнаружить не удаётся, здесь важна сама ссылка на потенциальную возможность решением уполномоченных «народом» лиц сменить монарха.

Однако представления о народе как источнике власти короля и о выборности монархии не получили во французской политической мысли радикального закрепления. Уже в приведённых выше фрагментах политических произведений выборы государя трактуются всего лишь как один из возможных вариантов возникновения верховной светской власти, и не всегда самый авторитетный. Во всяком случае, Жан Куртекюисс ссылается на такой способ получения власти, как «приведение к повиновению силой», причём как на вполне достойный, ведь именно так «Меровей стал первым королём Франции»⁶⁵. Но самое главное отличие французской политической мысли в сфере трактовки народного суверенитета заключалось именно в отторжении ею контрактного характера взаимоотношений монарха и народа.

Если в большинстве стран Западной Европы идея народного суверенитета служила знаменем борьбы за ограничение суверенитета короля и лимитирование его власти, то во Франции «согласие народа» принять персону монарха способствовало упрочению «абсолютной» власти. На эту особенность французской политической мысли в своё время прозорливо обратила внимание Н.А. Хачатурян, споря с теми, кто трак-

⁶² “par commun accord” // *Pisan Ch. de. Le livre des faits et bonnes moeures du roi Charles V le Sage* / Éd. S. Solente. 2 vols. Paris, 1939—1940. T. 1. P. 112; Gerson J. *Oeuvres*. T. 7. P. 1155; *Courtecuisse J. Op. cit.* P. 321; *Songe du vergier*. T. 1. P. 128.

⁶³ См. подробнее об этом собрании и политических притязаниях депутатов говорить от имени «народа»: Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII—XV вв. М., 1989. С. 225.

⁶⁴ Цатурова С.К. Скандал в коридорах власти. С. 249.

⁶⁵ “par puissance ramenoient... a l’obeissance d’une seignorie, comme fist Marovee premier roy de France” // *Courtecuisse J. Op. cit.* P. 321.

тует идею «общественного договора» исключительно как «уздечку» для самовластия короля⁶⁶. К аналогичным выводам пришёл позднее и Ж. Кринен: анализируя мотив «избрания короля народом» во французской политической мысли, он обнаруживает его интерпретацию исключительно в качестве морального ограничителя, но никогда — в качестве основы «контракта», «пакта между королём и народом», что было характерно почти для всех остальных стран Запада. Более того, «естественная любовь» (*“amour naturel”*) французов к своим королям выставлялась их главной добродетелью и знаком избранности Французского королевства, в том числе, выгодно отличало его от английских традиций, где «в порядке вещей» было предавать своих королей и даже убивать их. Образцовое постоянство французских подданных, готовых хранить верность королю вопреки самым жестоким бедам и испытаниям, на фоне якобы постоянных смен династий на троне Англии, использовалось в ходе Столетней войны как один из сильнейших аргументов в пользу неприемлемости претензий английских королей на французский престол и противоестественности объединения двух королевств, столь различных⁶⁷. Эта безоговорочная любовь французов к своим правителям сделалась даже предметом насмешек, а «наихристианнейшего монарха Франции» называли «королём баранов» за отсутствие у его подданных всякой воли к оппозиции.

Как видим, дилемма «любить или страшиться» разрешилась во Франции победой «любви». Остаётся понять, почему.

Для ответа на это вопрос стоит задуматься над тем, зачем вообще нужно государство. Ведь оно не самоценно, и оправдывает своё существование, только когда способствует жизни сообщества — через поддержание мира и порядка, защиту прав каждого, милосердие и справедливость. Если общество признаёт власть и принуждение государства законными и легитимными, то оно ему подчиняется. Решающим в этом вопросе становится фактор добровольности: люди должны сами быть заинтересованы в наличии подобного рода силы порядка. Централизованное государство как наиболее абстрактная и обезличенная форма власти имело долгую предысторию и строилось на основе личных связей верности и патроната, восходящих к так называемому сеньориальному периоду. В этой связи, стоит отметить, что вассальная клятва верности,

⁶⁶ В частности, она критикует подобную трактовку в трудах Н.И. Кареева и показывает, что «оба принципа в конечном счете служат одной цели» — укреплению централизованного государства. См.: *Хачатурян Н.А. Возникновение Генеральных Штатов во Франции.* М., 1976. С. 153—155. Как очередной пример противопоставления «общественного договора» и суверенитета короля см.: *Lewis P.S. La France à la fin du Moyen âge. La société politique.* Paris, 1977. P. 149—152.

⁶⁷ *Krynen J. L'Empire du roi.* P. 359—360, 450—452.

согласно новейшим исследованиям, не имела ничего общего с идеей контракта и «феодалной анархией»; напротив, она скрепляла политическое общество и вела прямым путём к построению централизованного государства. Восходящая к античному Риму, клятва верности была использована в Средневековье для поддержания мира и порядка, трансформировавшись на определённом этапе в слепое подчинение подданных воле монарха⁶⁸. По своей природе, эта клятва зижделась на аффективных связях, поддерживая чувства любви, привязанности, приятия и т.д.

Французское монархическое государство классического и позднего Средневековья считалось в то время самым сильным и прочным. При этом оно было наиболее авторитарным, или «суверенным», по терминологии эпохи. А значит, подданные готовы были ему подчиняться. Вопрос: почему? Ответ я вижу в самом устройстве французского общества XIII—XV вв., а точнее, в его сложности и наличии множества точек столкновения интересов различных социальных групп. Здесь мы подходим к ещё одной, важнейшей функции государства, а именно: урегулировать противоречия, снимать напряжение, смягчать конфликты, будучи стоящим над всеми независимым арбитром.

Своё исследование французской сословной монархии в XIII—XV вв. Н.А. Хачатурян довольно неординарно и очень точно, на мой взгляд, начала с характеристики самого общества, его социальной структуры и растущих внутри противоречий. Нарисованная ею картина процесса усиления королевской власти предстала адекватным ответом на усложнение социального пространства и нарастание внутренних конфликтов во французском обществе. Государственные институты и их политика в таком ракурсе оказывались отражением общественной структуры и стратегией разрешения внутренних противоречий ради выживания сообщества. Сквозь всё исследование проходит мысль о том, что высшей целью власти являлся поиск компромиссов и путей к взаимному согласию внутри общества, одной из самых ярких форм которого стали сословно-представительные собрания, знаменовавшие собой новый по форме диалог власти и общества и их сотрудничество во имя общих целей. Таким образом, растущие полномочия государства были результатом устремлений не только властных органов, но и самых широких слоёв политического общества, заинтересованного в наличии механизмов разрешения конфликтов⁶⁹.

⁶⁸ Среди подобных работ, хотелось бы обратить внимание на такую: *Giordanengo G. État et droit féodal en France (XIIe—XIVe siècles) // L'État moderne: le droit, l'espace et les formes de l'État. P. 61—83.*

⁶⁹ *Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции... Кстати, современные политологи также видят в рождении государства эпохи позднего Средневековья «рациональный ответ» на растущие противоречия и усложнение социальной структуры. См., в частности: Badie B. L'État moderne. P. 215—218.*

Этот подход созвучен позиции и других историков. Так, Дж. Стрейер, говоря о средневековых истоках современного государства, считал определяющим фактором в его рождении момент, когда политически активное общество признало необходимость высшей власти, способной разрешать «в последней инстанции» споры и конфликты. И именно взаимный интерес верховной власти и подданных предопределил успех в построении централизованных национальных монархий⁷⁰. Ту же идею применительно к французской монархии высказывал и Б. Гёне. В предисловии к переводу на французский язык монографии П. Льюиса «Франция в конце Средних веков. Политическое общество» он писал: решающим залогом успеха королей Франции стал тот факт, что они были единственным связующим звеном «французского многообразия». Более того, изучая личность и правление короля Карла VI, Б. Гёне объяснил, почему тот — единственный из всех монархов на троне Франции — получил у современников прозвание «Любимый», хотя последующая историография пыталась «более адекватно» называть его «Безумным», и в итоге сейчас не принято добавлять никакого «величания». В своём исследовании он убедительно показал, что именно любовь французов к этому больному, безумному, несчастному и недееспособному (по современным меркам) королю спасла Францию от расчленения и порабощения, и это «чудо любви» он приравнивал к чуду явления Жанны д'Арк⁷¹. «Загадочная», на первый взгляд, привязанность французов к Карлу VI являлась, на деле, сублимацией их желания сохранить Французское королевство и жить вместе, защитив свои законы, обычаи и традиции.

Таким образом, в заключение мне хотелось бы обратить внимание на важную, если не определяющую, роль самого общества в характере и функционировании власти; и формы её «принятия» — любовь и страх как крайние полюса — способны многое раскрыть в политической культуре и духовных ценностях конкретного исторического сообщества.

⁷⁰ Strayer J. Les origines médiévales de l'État moderne. P. 22, 31.

⁷¹ Guenée B. La folie de Charles VI. Roi Bien-Aimé. P., 2004.

Крестьянский фригольд поместья Рочдейл в первой трети XVII в.

Вопрос о свободном держании очень интересен в исследовательском смысле и представляет собой важную научную проблему. По отношению к Англии этой проблемой, как известно, занимались в свое время Ф. Сибом, Ф. Мейтленд, П.Г. Виноградов и некоторые другие историки¹. Фригольд как социальное явление в отечественной историографии «открыл» Е.А. Косминский, показавший, что уже в XIII в. он представлял собой отнюдь не узкую кайму на окраинах маноров, как считали до него вышеназванные ученые². Социальную природу фригольда для XI—XIII вв. исследовал М.А. Барг³. Он показал фригольд как вид владения, порожденный в Англии именно Нормандской эпохой, обнаружив в манорах Центральной и Восточной Англии как рыцарский фригольд, появившийся в результате субинфеодации и дробления вотчин, так и крестьянский сокаж на общем праве. Источниками фригольда, согласно исследованиям М.А. Барга, могли быть аллоды кэрлов англосаксонского периода, земля за службу (рыцарское держание как форма «благородного» фригольда), сдача в держание участков домена, вовлечение под обработку общинных или свободных пустошей, захваченная и выступавшая в статусе свободной бывшая вилланская земля. Автору этих строк также приходилось исследовать проблему свободного держания, но только для другого периода: XVI—первой трети XVII в.⁴ Но прежде чем начать рассказ об особенностях крестьянского фригольда в Англии в указанный период, хотелось бы определить критерии свободного держания. В самом деле, чем именно оно отличалось от других видов держаний? Источники манориальной истории показывают, что, во-первых, фригольд отличало бессрочное пребывание на земле (срок определялся в случае вилланского или копигольдерского держания). Во-вторых, для фригольдеров, в отличие от вилланов, не была характерна неопределенность повинностей;

¹ Seebohm F. The English Village Community. L., 1883. Maitland F. Domesday Book and Beyond. Cambridge, 1897. Vinogradoff P. Villainage in Englayd. N.Y., 1967.

² Косминский Е.А. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.; Л., 1947.

³ Барг М.А. Исследования по истории английского феодализма в XI—XIII вв. М., 1962.

⁴ Винокурова М.В. Английское крестьянство в канун буржуазной революции середины XVII в., М., 1992; Она же. Мир английского манора. По земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI—начала XVII в. М., 2004.

повинности были определены в виде символической (роза, перчатка, зернышко перца) или невысокой денежной ренты лорду. В-третьих, фригольдеры не были обязаны владельцу манора «низкими» повинностями (барщина). В-четвертых, они, являясь гражданами королевства, имели право защиты в королевских судах и могли, при наличии 40-шиллингового денежного ценза, принимать участие в выборах кандидатов от графств в английский парламент. И, наконец, фригольдеры были свободны лично и могли отчуждать землю.

Свободное держание могло быть различным с сословной точки зрения: известен церковный фригольд, рыцарский (или дворянский), городской, крестьянский. Другими словами, «свободной» землей могли владеть клирики, дворяне, горожане, пришедшие в манор, и, наконец, крестьяне. Термином «фригольд» в общем праве Англии определялся также владельческий титул как таковой, то есть, по сути, *право* собственности на вещный объект. Так, лорд манора, будучи человеком самого высокого сословного статуса (например, герцогом или графом), согласно праву, мог считаться человеком, владеющим фригольдом. Его манор как тип «рыцарского держания» был его фригольдом *de facto*, а право собственности на этот манор, зафиксированное в верховном королевском суде, определяло его юридические возможности в отношении земли манора и населяющих его зависимых держателей. С этой точки зрения владельцем фригольда мог считаться и сам король; фригольдом же короля являлось королевство.

Наиболее распространенным видом манориального фригольда в Англии еще со времен Книги Страшного суда являлся крестьянский фригольд — факт, многократно отмечавшийся как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Здесь мы охарактеризуем крестьянский фригольд на примере данных описей поместья Рочдейл в графстве Ланкашир (Северо-Запад Англии)⁵. В своем исследовании по Уилтширу я также более всего имела дело именно с *крестьянским* держанием на общем праве.⁶

Посмотрим, как обстояло дело с приоритетами в типах свободного держания в упомянутом выше ланкаширском поместье Рочдейл. Для того, чтобы более основательно представить себе общую картину, обра-

⁵ Подробную характеристику владельческой истории ланкаширского поместья Рочдейл XVI — первой трети XVII вв., и источников, в которых содержатся данные о типах держаний в нем, см.: Винокурова М.В. Мир английского манора... С. 26—35. Основным источником по интересующему нас в данной работе вопросу явилась опись 20 маноров Ланкашира, принадлежавших в начале XVII в. королевскому генеральному поверенному сэру Роберту Хиту. (The Survey of the Manor of Rochdale in the County of Lancashire, parcel of the Possessions of the Worshipful Sir Robert Heath, Knt., His Majesty's Attorney General, made in 1626 / Ed. by H. Fishwick, Manchester, 1913.).

⁶ Винокурова М.В. Английское крестьянство в канун буржуазной революции середины XVII в. (На материалах графства Уилтшир). М., 1992.

тимся к таблице № 1, в которой содержатся данные о численности фригольдеров этого поместья в целом.

Таблица 1. Сословный состав фригольдеров.

Манор ⁷	Число свободных	Дворяне	Крестьяне	Горожане	Клирики
Castleton	8	3	4	—	1
Marland	1	1	—	—	—
Newbold	10	2	8	—	—
Bewrsill	29	11	18	—	—
Butterworth	82	11	70	1	—
Clegg	13	9	4	—	—
Hollingworth	13	3	10	—	—
Wardleworth	25	9	6	9	1
Wuerdale	13	4	8	1	—
Wardle	16	3	13	—	—
Blatchingworth	19	5	14	—	—
Walsden	19	6	13	—	—
Todmorden	11	2	9	—	—
Falinge	12	3	9	—	—
Chadwick	9	2	7	—	—
Spotland	19	9	10	—	—
Wolstenholm	12	4	8	—	—
Healy	9	4	5	—	—
Whiteworth	6	3	3	—	—
Rossendale	1	1	—	—	—
20	327	95 (29,1%)	219 (66,9%)	11 (3,4%)	2 (0,6%)

Как видно из таблицы, фригольдеры крестьянского типа действительно преобладают. Всего их 219 человек, что составляет 66,9% общей численности, в то время как благородных держателей на общем праве значительно меньше (95 человек, согласно данным описи) или 29,1%. Таким образом, становится очевидным, что в целом фригольдеров крестьянского типа в 2,3 раза больше, чем фригольдеров-дворян⁸.

Итак, если говорить о численности представителей этого сословного статуса, то наши наблюдения как будто бы не выходят за рамки принятых в историографии позиций по этому поводу. Наиболее населен фри-

⁷ Здесь и далее в таблицах названия маноров даются в оригинальной транскрипции источников.

⁸ В реальности эта диспропорция была выше и равнялась цифре 4,3. Ведь истинная численность «благородных» на фригольде, как удалось выяснить, была не 95, а 51 чел. (219:51=4,3), поскольку наиболее зажиточные из них концентрировались в своих руках участки, записанные в манориальной курии на других людей. См.: Винокурова М.В. Мир английского манора... С. 118—136.

гольдерами крестьянского типа манор Баттерверф (70 чел.), как самый людный манор Рочдейла. 18 фригольдеров крестьянского типа мы находим в маноре Берсилл, по 13—14 — в манорах Уардал, Блэтчингверф и Уалсден, по 10 — в манорах Холлингверф и Спотлеэнд. В остальных манорах число этих держателей колеблется от 3 до 9.

Перейдем теперь к вопросу о том, какая земельная площадь была сосредоточена в руках держателей указанной категории. Для того, чтобы разобраться в этой проблеме, обратимся к анализу таблицы № 2.

Таблица 2. Площадь фригольда крестьянского типа.

Название манора	Общая площадь фригольда (акр.)	Площадь крестьянского фригольда (акр.)	% к общей площади фригольда
Castleton	1420,9	63,9	4,5
Marland	720,6	нет	-
Newbold	298,6	238,6	80,0
Beursill	377,7	122,7	32,4
Butterworth	3802,5	2107,9	55,4
Clegg	882,5	49,1	5,6
Hollingworth	428,1	307,35	71,7
Wardleworth	665,8	131,3	19,7
Wuerdale	949,3	260,3	27,4
Wardle	1236,3	390,1	31,5
Blathcingworth	1607,8	640,3	39,8
Walsden	1403,0	454,0	32,4
Todmorden	1060,8	470,8	44,4
Falinge	293,3	88,3	30,1
Chadwick	505,2	375,1	74,2
Spotland	936,9	289,6	30,9
Wolstenholm	790,5	158,5	20,0
Healy	437,0	209,5	47,9
Whitworth	2590,5	148,5	5,7
Rossendale	2383,5	нет	-
20	22790,8	6505,8	28,6

Мы видим, что площадь фригольда крестьянского типа варьировала от манора к манору. Наибольшей величины она достигала в маноре Баттерверф, наименьшей — в маноре Клегг. В двух манорах из 20 фригольда крестьянского типа не было совсем: вся площадь свободного держания в них приходилась на «индивидуальный» дворянский фригольд Роберта и Теофила Холтов⁹.

⁹ Наиболее крупные представители дворянской элиты, сосредоточившие в своих руках участки мелкого и среднего «благородного» фригольда разных маноров; совокупная площадь этих владений достигала (на каждого) от трех до пяти тыс. акров. См. Винокурова М.В. Мир английского манора... С. 124.

Совокупная же площадь фригольда крестьянского типа, как показывает таблица, занимала 6505,8 акра, что составляло всего 28,6% общей площади фригольда в поместье Рочдейл.

Налицо явная диспропорция: если по численности держателей в манорах крестьянский фригольд явно преобладает, составляя, как мы помним, 66,9%, то по земельной площади он так же явно уступает «благородному» фригольду, поскольку удельный вес этой площади равен всего 28,6 %. Диспропорция между этими величинами составляет цифру 2,3. Замечу, что в среде фригольдеров дворянского типа мы наблюдаем обратную диспропорцию: соотношение земельной площади к численности держательского состава для этой категории выглядело как следующее процентное соотношение: 70% : 21,9% (превышение площади над численностью = 2,4).¹⁰

Таким образом, создается впечатление, что наиболее распространенным типом держания на общем праве крестьянский фригольд поместья Рочдейл можно считать только с точки зрения численности его представителей, но не на основе учета фактора земельной площади, находившейся в их руках.

Посмотрим же, каким образом, в какой пропорции распределялась «свободная» земля между фригольдерами крестьянского типа. Другими словами: насколько ярко был выражен в их среде процесс дифференциации?

Для ответа на этот вопрос пришлось провести большую предварительную работу, связанную с подсчетами даже дробных долей акра (руды, перчи), приходящихся на каждого из 219 держателей, внести данные о земельной площади их участков в специальные «именные» таблицы (то есть таблицы, составленные на каждого фригольдера), свести воедино эту информацию по каждому из маноров, а затем — поместить ее в общую сводную таблицу по всему манориальному комплексу, предварительно разбив при этом фригольдеров-крестьян на шесть имущественных категорий. В число первой из них вошли фригольдеры, наделы которых были очень невелики и не превышали 15 акров, во вторую категорию вошли те, в чьих руках были сосредоточены земельные участки от 15 до 29 акров, представители третьей хозяйствовали на участках от 30 до 59 акров, составляя собственно держательский костяк фригольдеров крестьянского типа, куда входили середняки — виргитарии (владельцы одной-двух виргат)¹¹

¹⁰ Там же. С. 103—124.

¹¹ Напомню, что «средняя» английская виргата равнялась 30 акрам. Известно, что согласно традиции, установившейся в нашей историографии, держатели крестьянского типа, составлявшие костяк самостоятельно хозяйствующего крестьянства, обходившегося без применения наемного труда, могли обрабатывать земельную площадь, равную одной-двум виргатам — их количество зависело от качества земли и некоторых других факторов экономического порядка.

земли). Более зажиточные фригольдеры, владевшие 60—89 акрами, входили в четвертую категорию, владельцы 90—119 акров составляли пятую. И, наконец, к шестой категории относились те крестьяне-держатели земли на общем праве, чей земельный достаток выходил за рамки верхнего предела (120 акров), ассоциируемого в историографии с представлениями о крестьянском хозяйстве. По сути дела, эти немногочисленные держатели были крестьянами лишь по сословному статусу, но не по своему хозяйственному положению. Однако их незначительное количество (всего 5 человек, как мы увидим) явилось основанием для того, чтобы все же не включать их в категорию фригольдеров-«некрестьян», т.е. тех, кто, являясь представителем *любого* сословного статуса (в том числе и крестьянского), мог считаться лицом, обладавшим значительными земельными богатствами, порвавшим с трудовым началом крестьянской семьи и прибегавшим к применению наемного труда.

К сожалению, нет возможности привести здесь целиком ту огромную сводную таблицу, свидетельствующую о дифференциации фригольдеров крестьянского типа, о которой только что говорилось. Да, наверное, это и не нужно. Зато итоги проведенной работы по всему комплексу маноров, представленные в таблице № 3, могут оказаться небезынтесными для нас.

Таблица 3. Дифференциация фригольдеров крестьянского типа.

Категории крестьянства	Число (чел.)	% к общей численности	Площадь (акр.)	% к общей площади
До 15 акр.	87	39,7	581,5	8,9
15 — 29 акр.	51	23,3	1096,3	16,9
30 — 59 акр.	54	24,6	2295,15	35,3
60 — 89 акр.	16	7,3	1198,95	18,4
90 — 119 акр.	6	2,7	629,15	9,7
120 и выше	5	2,4	704,75	10,8
Итого:	219	100	6505,8	100

Мы видим, что в 20-е гг. XVII столетия среда фригольдеров крестьянского типа в комплексе Рочдейл действительно состояла из представителей различных имущественных прослоек, причем численность каждого такого имущественного разряда была далеко неодинаковой. Прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что «держательское ядро» крестьянского фригольда в комплексе маноров Рочдейл было довольно основательным: численность категории держателей, ведущих свое хозяйство на 30 — 60 акрах, представлена в нашей таблице цифрой 54 (24,6%). То есть около четверти фригольдеров крестьянского типа входило в состав тех самых средних слоев крестьянства, о которых мы говорили выше. В руках представителей этой прослойки было сосредоточено 35,3 % земельной

площади. Судя по этому обстоятельству, можно предположить, что средний надел в этой категории крестьянства превышал 30 акров. И действительно, он составлял 42 акра (2295,15:54). Расслоение в среде фригольдеров-крестьян хорошо иллюстрирует численный состав представителей первых двух категорий нашей таблицы: количество держателей на общем праве, хозяйствовавших на участках земли, размеры которых не превышали 30 акров, составило цифру 138 (60%). Однако такое значительное количество держателей вело хозяйство на небольшой земельной площади, составлявшей всего 25,8% площади крестьянского фригольда в целом. Таким образом, диспропорция между указанными величинами, выраженными в процентах, составляла цифру 2,3. Еще более выразительной была диспропорция между численностью категории держателей, чьи владения не превышали 15 акров, и земельной площадью, находившейся в руках представителей этой категории (39,7% : 8,9%). Средний надел в их среде составлял всего 6,8 акра — цифра, казалось бы, свидетельствующая о том, что процесс коттеризации, мог затрагивать не только держателей по обычаю манора (копигольдеров), но и тех, кто владел землей на основании общего права. Например, в маноре Баттерверф, который был в наибольшей степени заполнен фригольдерами-крестьянами, описи фиксируют целых 32 держателя, площадь участков которых была меньше 15 акров. В их руках было сосредоточено 231,7 акра — таким образом, в среднем каждый из представителей этой категории в данном маноре хозяйствовал на площади 7,2 акр.

Выберем наудачу несколько из них и посмотрим, насколько хозяйственные возможности их небольших по площади владений соответствуют нашим представлениям о фригольде крестьянского типа и его владельцах; иными словами — тех самых английских йоменах, «свободных граждан королевства», которые, как принято считать в историографии, строили свое материальное и гражданское благополучие на обладании как минимум 40-шиллинговым доходом.¹²

Так, Джеймс Ньюболд владеет в названном маноре 11,5 акрами земли, в состав которой входят пахота, луг и пастбище; причем точное количество акров, составляющих тот или иной тип угодий, — и это характерно для описей в целом, — не указан. Однако этот небольшой, казалось

¹² Принято считать, что минимальным 40-шиллинговым доходом обладали средние слои фригольдеров крестьянского типа, как раз те владельцы одной-двух виргат, о которых шла речь выше. (См.: *Лавровский В.М., Барг М.А.* Английская буржуазная революция. М., 1958; *Барг М.А.* Народные низы в Английской буржуазной революции середины XVII в. М., 1967; *Он же.* Кромвель и его время. М., 1950. С. 50, 73). Однако в этих работах вопрос о соотношении земельной площади и доходов свободного крестьянства не ставится на исследовательскую почву. Между тем он как раз является наиболее важным для определения «материальных границ» демократии в Англии изучаемого периода.

бы, участок земли приносит его владельцу приличный годовой доход в 5£5s. = 105s. = (9,1s/акр.). Вдова Анна Мейолл владеет 8,3 акрами пахоты, часть которой, правда, как указано в описи, огорожена под пастбище для овец — определенное основание для получения достаточно высокого дохода с маленького участка; он равен 3£4s. = 64s. = (7,7s/акр.). Джеймс Кромптон, хозяйствующий на площади 11,5 акров, получает со своего участка доход в 3£10s. = 70 s. = (6,1s/акр.). Его однофамилец Эдмунд Кромптон получает со своих 10,45 акра угодий неизвестного типа (опись опять не дифференцирует их) также достаточный доход в 4£ = 80s. = (7,6s/акр.). Сосед Эдмунда Джордж Дауссон с идентичного по площади участка получает и того больше: 5£ = 100 s. = (9,2s/акр.). Джеймс Милн, хозяйствующий на 14,5 акр. земельной площади, состоящей из неогороженных луга и пастбища, получает 7£10s. = 150s. = (10,3s/акр.). Еще один фригольдер, Джеймс Клегг, ведя хозяйство на «глинистых почвах недалеко от реки» (13,5 акр.), получает 6£10s. годового дохода = 130s. = (9,6 s/акр.).

Мы могли бы продолжить примеры подобного рода на материале манора Баттерверф, избранного для данной цели именно потому, что он является наиболее репрезентативным в указанном отношении как манор, вмещающий более 30% крестьянского фригольда. Но, думается, что их уже вполне достаточно для того, чтобы понять, что земельные участки крестьянского фригольда площадью менее 15 акров поместья Рочдейл в Ланкашире вряд ли могут считаться «коттерскими», и именно потому, что они приносят их владельцам доход, суммы которого измеряются не в пенсах, а в фунтах. Высота этого дохода с небольших, намного меньше виргаты, участков, явно превышающая 40 шиллингов (2£) в год, требуемых для полноправного гражданского существования фригольдеров, то есть зачисления их современниками (а позднее — и исследователями) в разряд лиц, обладавших избирательными правами, свидетельствует о необходимости поставить вопрос о том, с какой же земельной площади, судя по нашим источникам, можно было получить 40-шиллинговый доход? И далее: какой доход могли приносить «классически» крестьянские, согласно мнению, утвердившемуся в историографии, участки фригольда в одну-две виргаты?

Давайте попробуем ответить на эти вопросы с опорой на материал, предоставляемый описью манора Баттерверф. Для того, чтобы легче было ориентироваться в бесчисленных цифрах составленных «рабочих» таблиц, большинство из которых при работе с манориальными описями остаются «за кадром», при поиске имен держателей попробуем ориентироваться не на площадь их земельных участков, как это обычно делается, а на отмеченную нами для каждого случая высоту годового дохода. Итак, участки какой земельной площади соответствуют, согласно описи, доходу, приближающемуся, с теми или иными отклонениями, к 40 шиллингам в год?

Примеров, которые нам были бы необходимы для чистоты эксперимента, то есть свидетельствовали бы о наличии дохода ровно в 40 s., в описи манора Баттерверф, надо признать, нет совсем. Однако имеются случаи, приближающие нас к искомой цифре. Вот, например, фригольдер крестьянского типа Джеймс Грив получает со своего участка доход в 42,5s. Площадь этого участка, оказывается, совсем невелика: всего 4 акра. Но, несмотря на, казалось бы, мизерные размеры земельной площади, фригольдер Грив получает с акра своего участка весьма неплохой доход в 10,4s. Вот еще один пример: Джон Уиттейкер получает доход в 41s. с участка в 5,4 акра. Вильяму Ли его доход в 43s. поступает с земельной площади в 6,5 акра. Томас Хопвуд получает идентичный доход с 5 акров. Джон Турно — с 7 акров¹³.

Примерно такую же картину мы наблюдаем и в других манорах поместья Рочдейл. Так, фригольдер Томас Шор из манора Клегг получает 47 s. в год с участка в 2,9 акра, Томас Ворбертон из этого же манора почти идентичную сумму — с 7 акров. Роберт Ховорф из манора Уардл получает ровно 40 s. в год в качестве дохода с участка площадью 4,75 акра. Джон Обенден из манора Спотлэнд также получает ежегодно ровно 40 s. с участка в 5,5 акра. И подобными примерами можно было бы заполнить не одну страницу. Но думается, что приведенных примеров вполне достаточно для того, чтобы в качестве земельной площади, приемлемой в поместье Рочдейл для получения годового дохода примерно в 40s., признать площадь участков от 2,9 до 7 акров. Таким образом, наши данные, полученные в результате работы с источниками по манориальной истории северо-западного региона Англии 20-х гг. XVII в., вносят некоторые коррективы в сложившиеся в историографии представления по поводу размеров земельных участков, пригодных для получения 40-шиллингового дохода. Еще раз подчеркнем: оказывается, для получения этого пресловутого дохода (во всяком случае, в исследуемом регионе) было вовсе необязательно хозяйствовать на участках, площадь которых нужно было измерять виргатами (то есть десятками акров). Скромные по размерам владения, не превышавшие, по нашим данным, 7 акров, оказывается, были вполне пригодны для того, чтобы их владельцы могли ощущать себя если не «хозяевами жизни», то вполне полноправными членами общества того времени.

¹³ В таких случаях как будто бы полагается ссылаться на источник. Я с удовольствием делала бы это не только в данном случае, но и во многих других — сходных, однако боюсь, что и без того сложный текст будет перегружен сносками. К тому же думается, что при работе с *массовыми источниками*, к числу которых, несомненно, принадлежат манориальные описи, нет необходимости постоянно ссылаться на текст этих источников — зависимость данных, получаемых исследователем, от их «буквы» подразумевается сама собой.

Посмотрим теперь, какой годовой доход, согласно данным наших описей, могли приносить земельные угодья «классической» площади в одну-две виргаты. Отметим сразу, что среди многочисленных примеров, создающих основу для ответа на этот вопрос, ряд из которых приведен ниже, нам ни разу (ни разу!) не встретилось такого, который бы мог подтвердить сложившееся в науке мнение о том, что хозяйствование на земельных участках указанной площади могло приносить годовой доход в 40 шиллингов!

Действительно, наши данные свидетельствуют как раз об обратном. Так, все в том же, наиболее пригодном для приведения примеров подобного рода маноре Баттерверф, участки земли площадью в 30–40 акров приносили годовой доход в 17,5£ (Томас Холмс, 33 акра), 18,2£ (Ричард Милн, 40 акров), 18£19s. (Александр Коллинг, 42 акра), 14,5£ (Ральф Тейлор, 35 акров), 13£ (Томас Чадвик, 35,7 акров), 22£ (Лоренс Хопвуд, 33 акра), 11,5£ (Джеймс Брейли, 36 акров) и т.д. Таким образом доход с участков интересующей нас площади составлял весьма значительные суммы, самая низшая из которых (11,5£) в 5,8 раза превышает 40-шиллинговый уровень.

Подобную картину мы наблюдаем и в других манорах. Так, в маноре Уердал Эдмунд Уайтхед получает доход в 17,5£ с участка в 36 акров Александр Скоффилд — 20£ с участка в 43 акра. Даже достаточно низкий годовой доход фригольдера Александра Киршо из манора Блэтчингверф, владеющего 39 акрами, доход, выражавшийся цифрой 11£ все равно превышал 40-шиллинговый «рубеж» в 5,5 раз.

Что касается участков, площадь которых приближалась к двум виргатам, то подчас (хотя и не всегда) доход с них был еще выше и составлял в среднем 25—30£.

Таким образом, как показывают наши описи, участки земли в одну-две виргаты вполне могли служить материальной основой для извлечения годового дохода, в десятки раз превышающего минимальный «допуск» во «фригольдеры с избирательным правом», высота которого составляла 40 шиллингов. *Это расширяет наши представления о «материальных пределах» демократии в среде свободного крестьянства, во всяком случае для северо-западной части предреволюционной Англии.* Разумеется, что мы вынуждены принимать во внимание относительный характер всех измерений, связанных с проблемой корреляции доходов и земельной площади — корреляции, колебания которой зависели от превратностей рыночной конъюнктуры, цены и качества земли, «регионального фактора» и пр. Однако, как представляется, и с учетом указанных факторов выявленные зависимости между высотой доходов фригольдеров крестьянского типа и земельной площадью, с которой поступали эти доходы, вносят некоторые нюансы в наши представления о специфике не только аграрной, но и социальной истории Англии раннего Нового времени.

Однако пора вернуться к анализу таблицы № 3. Нам осталось обратить внимание на противоположный «полюс» процесса дифференциации в среде фригольдеров крестьянского типа поместья Рочдейл. Сосредоточимся на категории держателей от 60 до 89 акров земельной площади. Таких фригольдеров в поместье Рочдейл 16 человек, что составляет 7,3% общей численности свободных держателей крестьянского типа. Они сосредоточили в своих руках почти 1200 акров фригольда соответствующего статуса (18,4% общей его площади). Таким образом, на долю каждого из представителей указанной категории приходится, как мы видим, до 75 акров фригольда. Держателей такого рода в отдельных манорах совсем немного, всего по одному — два, и только в Баттерверф их семеро. Посмотрим, что это за держатели, обратив внимание на таблицу № 4.

Таблица 4. Фригольдеры крестьянского типа. (60—89 акр.)

Название манора	Имя фригольдера	Площадь (акр.)	Доход (£,s, d.)
Newbold	Ричард Скоффилд	73	31.10.6
Newbold	Эдуард Баттерверф	72,5	34
Butterworth	Эдмонд Уайтхед	86	31.10
Butterworth	Джон Баттерверф	75,5	30.16
Butterworth	Джеймс Турно	67,75	15.3.4
Butterworth	Джеймс Баттерверф	74,4	20
Butterworth	Джеймс Чадвик	88,5	30.16
Butterworth	Джон Турно	80	23.16
Butterworth	Мэри Гарсайд	60	20.2
Werdale	Артур Уайтхед	64,75	30.5
Walsden	Джон Баттерверф	69	12
Todmorden	Джереми Кроссби	85,05	40
Chadwick	Генри Гарсайд	77	30
Healy	Йордан Чадвик	88,5	41.13.4
Whiteworth	Фридерик Милн	62	19.13.4
Whiteworth	Йордан Чадвик	75	28.2.8
8	16	1198,95	439,4£

Мы видим, что фригольдеры крестьянского типа, входившие в интересующую нас категорию, были сосредоточены в 8 манорах из 20. По два таких фригольдера хозяйствовали в манорах Ньюболд и Уайтверф, семеро, как уже указывалось, — в Баттерверф, по одному — в манорах Уердал, Уалсен, Тодморден, Чадвик, Хили. Наиболее часто в среде этих фригольдеров встречается фамилия Баттерверф (Butterworth), связанная, очевидно, по своему происхождению с названием одноименного манора — мы находим в числе держателей с такой фамилией людей с именами Эдуард, Джеймс и Джон. Последнее из названных имен встречается дважды — в манорах Баттерверф и Уалсен. Очевидно, фригольдер Джон Баттерверф из манора Баттерверф «перенес» свою фамилию из указанного манора

в манор Уалсден, присовокупив к уже имевшимся у него 75,5 акрам еще 69. То же самое можно сказать о фригольдере по имени Йордан Чадвик. Владея в маноре Хили 88,5 акрами «свободной» земли, он прибавил к ним еще 75 в маноре Уайтверф. Таким образом, список наших держателей фригольда площадью от 60 до 89 акров можно было бы сократить на целых две «единицы» за счет некоего, пусть и не выглядевшего очень отчетливо в среде фригольдеров крестьянского типа, процесса концентрации земельных владений в одних руках. Отметим, кстати, что нам практически не удалось выявить такого процесса в среде фригольдеров крестьянского типа, владевших земельными участками менее 60 акров, что может являться подтверждением предположения о том, что указанному процессу каким-то образом могла способствовать манориальная администрация, представители которой покровительствовали, очевидно, с большей охотой крупным собственникам благородного происхождения.¹⁴

Итак, два держателя из 16, принадлежавших к анализируемой категории, должны были бы «перекочевать» в число фригольдерской аристократии крестьянского типа — владельцев участков земли от 90 до 120 акров, что, впрочем, не слишком изменило бы общую картину дифференциации.

Помимо имен этих двух фригольдеров мое внимание привлекло также имя держателя Генри Гарсайда (Henry Garside) из манора Чадвик. Этот держатель в описи указанного манора не обозначен сословно, что, как известно, в практике исследования документов по манориальной истории, дает основание причислить его к числу фригольдеров крестьянского типа. Согласно записи в протоколе курии от 1 июня 1598 г., земельный участок общей площадью 77 акров, состоящий из пахоты, луга и пастбища, перешел Генри от его матери, вдовы по имени Алиса Гарсайд. В числе владений, доставшихся наследнику после смерти матери, были не только земли, но и мельница, а также большой деревянный дом — усадьба под названием Oaken Road с садом, амбарами, конюшней и голубятней. Ежегодный доход со всего этого немалого хозяйства составлял 30£ или 7,8s. на акр земельной площади при ренте 3s.4d.

Казалось бы, обычное, *нормальное*, хозяйство, ничем особенно на первый взгляд не выделяющееся из общей массы ему подобных. Однако все же в этом случае внимание привлекают два не совсем обычных обстоятельства. Во-первых, указанную ренту, согласно описи, Генри выплачивает не лорду манора, как следовало бы в соответствии с обычаем и традициями, а своему соседу по участку, упомянутому нами выше эсквайру Роберту Холту, «собирателю земель», владевшему в указанном маноре крупным участком земли в 115 акров. Причем ренту Роберту в данном маноре выплачивает не только Генри, но и некоторые другие фригольде-

¹⁴ Винокурова М.В. Мир английского манора... С. 136—137.

ры-крестьяне Чадвика: Томас Холт (неизвестно, кто он: родственник или однофамилец Роберта) — с участка в 37,5 акра, Генри Смит — с участка в 23 акра, Джон Чадвик — с крупного участка в 132,5 акра. Интересные факты, не правда ли? О чем они могут свидетельствовать? На этот вопрос ответить трудно, не обладая дополнительными сведениями об этих фригольдерах и условиях их держаний. Пока, пожалуй, можно сказать только об одном — о сильном «держательском весе» джентльмена Роберта Холта в манориальном мире Рочдейла, об особом авторитете такой степени, что его высота, видимо, позволяла лорду манора, нарушая многовековой обычай, отдавать уважаемому эсквайру «на откуп» некоторые ренты — что является прямым свидетельством особого отношения манориальной администрации (в данном случае — в лице манориальных лордов) к крупным благородным фригольдерам комплекса Рочдейл.

Второе интересное обстоятельство, привлекающее внимание к фригольдеру Генри Гарсайду, состоит в том, что участок в 77 акров вовсе не является собственностью его отца, он не является также землей, нажитой совместно его родителями в браке, не представляет собой и земли, входившие в состав «вдовой доли» его матери Алисы. Все перечисленные, весьма традиционные для манориальной жизни, пути и возможности приобретения Генри недвижимости после смерти матери перечеркиваются одной-единственной записью в манориальном экстенде. Эта запись свидетельствует о том, что данный участок земли перешел «Алисе Гарсайд, вдове, матери названного Генри, в качестве «гранта» от рыцаря Александра Радклиффа». Итак, сыну некоей вдовы после ее смерти переходит большая усадьба, мельница, обширные земли и т.д., подаренные ей при жизни известным в округе лицом, очевидно, крупным земельным собственником. Такие «гранты» не встречались нам более, и это явно необычный подарок. Очевидно, что-то особое связывало покойную вдову и рыцаря Радклиффа; может быть, какая-то важная услуга, оказанная вдовой или ее покойным мужем этому рыцарю, или дружеские отношения между этими двумя людьми. Да можно предположить что угодно, вплоть до историй романтического плана. Мы все равно никогда не узнаем истинной причины благорасположения благородного рыцаря к обыкновенной крестьянке и ее сыну. Однако важно то (я подчеркиваю это обстоятельство), что подчас и источники серийного, массового характера, к каковым, несомненно, принадлежат манориальные описи, могут пролить свет на особенности частной жизни обыкновенных людей, которых уже не существует ныне. Исследователю же они подчас дают возможность ввести имена этих людей в современное информационное пространство.

Но пора опять вернуться к нашей таблице (№ 4). Площадь земли, отраженная в ней, удивительным образом равномерно распределена между фригольдерами, как будто они договорились и решили взять за основу

«среднестатистический» участок в 75 акров. В большинстве случаев отклонения от этой нормы в обе стороны невелики («разрыв» редко составляет более 10 акров); лишь Фридерик Милн и Мэри Гартсайд владеют участками земли относительно меньшей площади. Что касается доходности этих участков крестьянского фригольда, то и она тоже «нормальная», обычная для данного манориального комплекса в целом. Мы видим, что в совокупности представители интересующей нас категории держателей получают 439,4£ годового дохода, что в среднем составляет 7,3s/акр. Доход в среде фригольдеров колеблется, с вариациями, от 20 до 40£, и только в некоторых случаях он явно невысок. Так, упомянутый нами Джон Баттерверф с участка в 69 акров в маноре Уалсден получает всего 12£ годового дохода (3,5s/акр.). Джеймс Турно, хозяйствующий на площади около 68 акров, получает с нее относительно невысокий доход в 15£3s.4d. — т.е. чуть более 4-х s/акр. И, как нередко бывает, рента с участка, приносящего наименьший доход, — наибольшая. В то время как наши описи практически не фиксируют рент в среде фригольдеров интересующей нас сейчас категории, либо отмечают в некоторых случаях ренту всего в 1 пенс, Джон Баттерверф, чей участок приносит самый низкий доход, платит очень высокую для фригольда ренту в 5s.6d., что составляет почти 1 пенс с акра земельной площади. Таким образом, диспропорция в выплате рент, связанная со статусом держателей, и нередко зависевшая от различной степени их «земельного обеспечения» (а в данном случае и от различной высоты дохода при почти равном «обеспечении») — еще раз подтвердившийся в ходе исследования факт.

Наконец, нам осталось еще проанализировать еще одну категорию крестьянского фригольда — условия держаний тех, кто принадлежал к числу «фригольдерской верхушки», ведя хозяйство на участках земли площадью от 90 до 119 акров. Данные о них содержатся в таблице № 5.

Таблица 5. Фригольдеры крестьянского типа. (90—119 акров).

Название манора	Имя фригольдера	Площадь (акр.)	Доход (£, s,d.)
Butterworth	Ральф Баттерверф	93,75	31.2
Wardle	Джеймс Филдинг	102	40
Blatchingworth	Александр Киршо	114,4	52
Blatchingworth	Роберт Ньюелл	100	44
Blatchingworth	Ричард Лайтоллер	112	50
Spotland	Джон Чадвик	107	53
4	6	629,15	270,2£

Итак, фригольдеров-крестьян интересующего нас в данном случае типа совсем немного: всего шестеро. Их земельные участки расположены в четырех манорах поместья Рочдейл. Эти фригольдеры сосредоточили в своих руках в общей сложности около 630 акров земельной площади. Мы

видим, что в реальности площадь трех участков из шести также, как и в предыдущем случае, приближается к среднестатистической для данной категории цифре: земельной площади в 115 акров. Три другие участка несколько меньше, хотя и их размеры (93,75; 100; 102 акр.) дают нам основание для того, чтобы считать владельцев этих участков людьми весьма состоятельными; доход в 31,2; 44 и 40 фунтов соответственно вполне подтверждает такое мнение. Вообще доход в среде этой категории фригольдеров-крестьян также достаточно высок: общая его сумма составляет, как видно из таблицы, более чем 270£, что означает 8,6 s/акр. в целом по этой категории (и это на 1,3 s./ акр. выше, чем у представителей фригольдеров-крестьян, которые хозяйствуют на площади в 60—89 акров).

Если мы сравним земельную площадь, находившуюся в распоряжении представителей «полярных» групп фригольдеров крестьянского типа («90—119 акров», с одной стороны, и — «до 15 акров» — с другой), то увидим, что процесс дифференциации свободного крестьянства в поместье Рочдейл принял довольно отчетливые формы: превышая по численности представителей фригольдерской верхушки в 14,5 раз, те, чьи владения достигали лишь 15 акров, сосредоточили в своих руках практически идентичную, и даже в 1,1 раза меньшую площадь (сравните: 629,15 акров в руках 6 держателей и 581,5 акра в руках 87).

Посмотрим теперь, каким образом соотносились доходы представителей интересующих нас категорий свободного крестьянства поместья Рочдейл. Совокупный доход его «верхушки» равнялся, как видно из таблицы, 270,2£. Подсчитать его было достаточно нетрудно, коль скоро удалось проделать работу, связанную с вычленением из текста источников записей, касающихся получателей этого дохода. А вот что касается подсчетов, связанных с совокупным доходом той группы свободного крестьянства, представители которой, достигая по общей численности цифры 87, хозяйствовали на участках фригольда менее 15 акров, то они дались не так уж легко. Это связано, во-первых, с многочисленным составом группы, а во-вторых, с дефектами описей, нередко фиксировавших суммы дохода в дробных долях не только фунтов или шиллингов, но и пенсов. Тем не менее, после длительных подсчетов удалось установить, что сумма совокупного дохода представителей категории свободного крестьянства, хозяйствовавших на площади до 15 акров, составила цифру 316,7£. Этот результат следует признать довольно неожиданным. Производя соответствующие подсчеты, я была уверена, что сумма совокупного дохода представителей «низшего» по имущественному положению свободного крестьянства будет меньше, или, в лучшем случае, примерно равна совокупному доходу верхушки этого крестьянства; да и то это примерное равенство, как ожидалось, могло быть достигнуто преимущественно за счет многочисленности мелкого свободного крестьянства, а не за счет высокого уровня его доходов. Дей-

ствительность, однако, оказалась иной: диспропорция в совокупных доходах составила цифру 1,2 (316,7 : 270,2); причем «страдающей стороной» этой диспропорции в отношении уровня доходов явилось не «беднейшее», а зажиточное крестьянство! Итак, владея относительно меньшими размерами земли, «низшая» по имущественному положению категория свободного крестьянства (если брать в качестве решающего критерия земельную площадь) получала с них относительно больший доход. Этот факт, как кажется, является, еще одним подтверждением не только общей высокой доходности земель поместья Рочдейл, но и *по-особому значительной доходности небольших по площади участков земли свободного крестьянства этой северной территории*, о которой мы говорили выше, рассматривая вопрос о «имущественных грациях» английского йоменри в целом на примере развития мелкого крестьянского фригольда в поместье Рочдейл. Таким образом, наши данные, относящиеся к этому типу землевладения и землепользования в указанном регионе, свидетельствуют о каких-то особенных условиях функционирования крестьянских хозяйств в эпоху аграрной революции; условиях, благоприятствовавших развитию не только среднего и крупного, но и мелкого крестьянского фригольда. И действительно, мы видим, например, что на крестьянский, «неблагородный», фригольд (как мелкий, средний, так и крупный), как это ни странно, совсем не посягали фригольдеры-дворяне, те самые «собиратели земель», которые «бесчинствовали» на фригольде «благородном», сосредотачивая в одних руках сотни и тысячи акров¹⁵ и не допуская на просторы маноров, с ведома администрации, пусть и небогатого, но все же — с сословной точки зрения — своего же «брата-эсквайра» как потенциального владельца фригольда. Нам так и не удалось найти среди уже знакомых фригольдеров-скваттеров вроде Холтов, имен тех, кто, принадлежа к числу представителей дворянства, посягал бы на *крестьянский* фригольд¹⁶! Таким образом, создается впечатле-

¹⁵ Винокурова М.В. Мир английского манора... С. 103—136.

¹⁶ Думается, что сейчас настало время попытаться уточнить один важный момент: являлись ли благородные «фригольдеры-скваттеры», названные нами так условно, о претензиях которых на мелкий и средний фригольд дворянского типа шла речь выше и об отсутствии которых (претензий) на свободное *крестьянское* держание идет речь в данной части исследования, реальными скваттерами или нет? Другими словами: посягая на участки благородного фригольда, вытесняли ли (изгоняли ли) они с них средних и мелких фригольдеров-дворян прямо или, при поддержке администрации, «просто» не допускали таковых на эту землю, спеша закрепить ее за собой в манориальной курии? Вопрос этот совсем непростой и очень важный. Думается, что речь могла, скорее, идти о втором из выдвинутых вариантов. И вот почему. Во-первых, произвести прямую эвикцию благородного держателя все-таки было невозможно, даже при попустительстве самой благорасположенной администрации — ведь под рукой у обиженного в таком случае всегда был суд, причем не манориальный, а общего права. Можно предполагать «эвикцию за выкуп», но в таком случае выкуп должен был быть зафиксирован в докумен-

ние, что свободное крестьянство северных территорий берегли, очевидно, для выполнения какой-то важной функции, причем не последнюю роль в этом процессе могла играть и манориальная администрация. Думаю, что данный факт вполне можно связать с установившимся в нашей историографии¹⁷ мнением о роли свободного крестьянства северных территорий как традиционно, на протяжении столетий, с успехом использовавшегося короной «коллективного защитника» границ государства в его многочисленных международных конфликтах, в том числе и с соседней Шотландией. В связи с этим представляется очень важным упомянуть и о том, что манориальный описи совершенно не фиксируют на своих страницах такого важного для крестьянского землевладения и землепользования показателя как вступные файны — те самые платежи, которые повсеместно требовались с крестьянства (конечно, в основном не с фригольдеров, а с копигольдеров) при вводе их в держание. Это досадное, с точки зрения исследователя, «упущение» манориальных клерков, не дающее, как казалось бы, ему возможности развернуть во всю ширь анализ социальных отношений внутри английского манора эпохи аграрной революции, на самом деле вовсе не является упущением. *Отсутствие фиксации файнов в описях на самом деле представляло реальное их отсутствие*: их просто не брали с крестьян северных территорий, способствуя тем самым наиболее успешному функционированию их хозяйств, что представлялось, очевидно, на локальном уровне «внутриманориальной стратегией государственного значения».

Далее упомянем, в качестве последнего аргумента, свидетельствующего о создании достаточно благоприятных условий для развития среднего и мелкого крестьянского фригольда, о том интересном обстоятельстве, что прослойка фригольдерской аристократии (имеются в виду свободные держатели, участки которых превышали установленный в историографии верхний рубеж крестьянского землевладения в 120 акров) была в наших манорах относительно невелика. Их, повторим, всего пятеро. Посмотрим, кто они.

В маноре Баттерверф это один-единственный держатель: Эдуард Грив, хозяйствующий на крупном земельном участке общей площадью в 161,75 акра, но получающий при этом весьма невысокий доход в

тах курии, пристально следившей за всем тем, что было связано с землями, доходами и рентами в маноре. И, наконец, в этом случае документы манориальной истории фиксировали бы, как это обычно бывает, имена тех, на чьи участки посягали «скваттеры». Между тем этих имен нет — *участки «среднего» и «мелкого» дворянского фригольда записаны на имена крупных благородных фригольдеров*. Вот поэтому я и думаю, что речь идет, скорее, не о насильственном, прямом, а о более мягком, скрытом, «скваттерстве», выражавшемся в «недопуске» потенциальных владельцев среднего и мелкого «благородного» фригольда на землю этого статуса.

¹⁷ См., например: Семенов В.Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии. М., 1949.

32£ (всего 4s/акр.). В маноре Холлингверф Якоб Скофилд, владеющий 137 акрами, получает с указанной площади также не слишком высокий доход в 40£ (5,7s/акр.). В маноре Тодморден мы находим двух держателей, входивших в интересующую нас категорию. Это Джон Кроссли, хозяйствующий на 120,5 акра (доход 45£.6s.8d. или 7,5s/акр.) и Чарльз Лорд, который вел свою, в сущности, далеко не крестьянскую «экономия» на обширной площади в 153 акра, — она, правда, приносила ему опять-таки не такой уж высокий доход в 40£ (5,2s/акр.). Оба фригольдера платили чисто символические ренты, уровень которых составлял соответственно всего 0,3 и 0,5 d/акр. И, наконец, в маноре Чадвик фригольдер Антони Филдинг, как свидетельствует опись этого манора, получал очень высокий доход в 66£ 5s. (10s/акр.) с участка в 132,5 акра. В целом представители этой категории, хозяйствуя на земельной площади в 704, 75 акра, получали совокупный доход, достигавший примерно 224£.

Мы не можем не обратить внимание на то обстоятельство, что этот доход крестьянской аристократии не только ниже дохода, получаемого в совокупности представителями крестьянской верхушки (сравните цифры 270,2£ и 224£), но и ниже совокупного дохода той части свободного крестьянства поместья Рочдейл, представители которого хозяйствовали на участках, площадь которых не превышала 15 акров (224£ и 316£). Пожалуй, это тоже является добавочным аргументом, свидетельствующим в пользу выявленной нами достаточно высокой обеспеченности среднего и мелкого свободного крестьянства в северно-западном регионе Англии.

Итак, наши наблюдения, касающиеся развития крестьянского фригольда в указанном регионе страны, свидетельствуют о том, что в эпоху аграрной революции его почти не коснулись те изменения, которые происходили с этим видом держания в других регионах Англии. Мы не находим здесь огораживаний, столь характерных для указанного времени; процесса, затрагивавшего, как известно, не только копигольд, но подчас и свободное держание и угрожавшего стабильности крестьянских форм землевладения и землепользования в целом. Наши источники не фиксируют вступных файлов, которые являлись мощным средством экспроприации английского крестьянства. И, наконец, они не свидетельствуют о превращении фригольда в другие виды держания (копигольд, а еще более — аренду), наиболее выгодные манориальным лордам. Если со свободным держанием в исследуемом нами регионе и происходили изменения, то они происходили *внутри* самого фригольда, в частности, фригольда благородного, с целью максимально повысить степень материальной обеспеченности наиболее влиятельных его представителей и практически не затрагивали крестьянское держание на общем праве, которое как раз и служило основой и гарантом относительной стабильности этого региона.

Элизабет-Аделаида Жонес-Спонвиль, гувернантка и писательница

В свое время, приступая к изучению сообщества французских гувернеров в России, я предполагал, что главную сложность в этой работе составит труднодоступность источников: французы, нанимавшиеся учителями, были, как правило, «маленькими людьми», чьи личные архивы редко переживали владельцев, и если все же сохранились, хотя бы во фрагментах, то исключительно в силу случайности¹. За прошедшие десять с лишним лет предположение превратилось в уверенность. И это заставляет меня сегодня еще больше ценить то удивительное стечение обстоятельств, благодаря которому сохранился и дошел до наших дней столь богатый и ценный, в частности для исследователей темы гувернерства, комплекс документов, как личный архив Жильбера Ромма (1750—1795), прослужившего 11 лет наставником юного графа П.А. Строганова, а затем ставшего видным деятелем Французской революции.

Этот гигантский массив источников позволяет не только изучить педагогическую деятельность самого Ромма², но и проливает свет на судьбы некоторых из его менее известных коллег-гувернеров. Чем глубже я погружался в материал, тем чаще на ум приходила запавшая в память с детства реплика Бабы-Яги из пьесы Евгения Шварца «Два клена»: «Поймаешь одного человечка на крючок — сейчас же и другие следом потянутся. <...> Брат за братом, мать за сыном, друг за другом». Так получилось и у меня. Изучение корреспонденции Ромма позволило «вытянуть» на белый свет его друга и собрата по учительскому ремеслу Пьера-Иньяса Жонеса-Спонвиля (Jaunez-Sponville), который, приняв фамилию Жам (James), служил в России наставником сына графа А.К. Разумовского. На основе писем Жама была написана статья о нем³.

¹ Чудинов А.В. Французские гувернеры в России конца XVIII в.: постановка проблемы // Европейское Просвещение и развитие цивилизации в России. Саратов, 2001. С. 249.

² См.: Чудинов А.В. Жильбер Ромм и Павел Строганов: история необычного союза. М., 2010.

³ Чудинов А.В. Обычные и необыкновенные приключения французского гувернера в России XVIII в. // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. М., 2003. Вып. 5; Tchoudinov A. Les aventures ordinaires et extraordinaires d'un gouverneur français dans la Russie du XVIIIe siècle // Cahiers du monde russe. 2008. № 4.

А уже в ходе дальнейшего изучения его биографии в поле моего зрения один за другим оказались еще несколько ярких представителей сообщества французских гувернеров в России, в частности, вышедшая за него замуж Элизабет-Аделаида Матис: в 1780-е гг. она служила в Москве гувернанткой, а 1820-е гг. стала во Франции детской писательницей.

Литературные увлечения бывших гувернеров — не новость. Однако никто из бывших наставников детей русской аристократии XVIII в. или, по крайней мере, никто из наиболее знаменитых среди них — таких, к примеру, как Ш. Массон, Н.Г. Леклерк или Н. Форnero — не писал художественных произведений, предпочитая им публицистические или исторические работы. Что же касается Элизабет-Аделаиды Жонес-Спонвиль, то она, в отличие от других литераторов-гувернеров, выпустила в 1824 г. именно художественное произведение — сборник рассказов для детей «В часы материнского досуга»⁴. В силу одного только этого обстоятельства ее случай выглядит уникальным для своей среды, не говоря уже о том, что женщина-писательница вообще была тогда явлением достаточно редким. Столь любопытный исторический персонаж, несомненно, заслуживает самого внимательного рассмотрения.

В изучении биографии Э.-А. Жонес-Спонвиль нам придется ступить по целине: каких-либо других исследований о ней мне найти не удалось. Похоже, ее творчество не вызвало большого интереса ни у современников, ни у литературоведов: получив на руки в Национальной библиотеке Франции единственный имеющийся там экземпляр книги мадам Жонес-Спонвиль, я с удивлением обнаружил, что его страницы не разрезаны; за без малого двести лет я стал первым его читателем. Нет в нашем распоряжении и каких-либо документов личного происхождения, оставленных Элизабет-Аделаидой, а потому прочертить линию ее жизни и жизни ее семьи мы сможем только пунктиром — собирая по крохам сведения об этой женщине в переписке ее супруга, анализируя автобиографические фрагменты ее книги и ряд других опубликованных источников.

Происхождение

В брачном контракте Элизабет-Аделаиды Матис (Mathis), зарегистрированном 10 ноября 1784 г. вице-консулом Франции в Москве, сообщается, что она — дочь Базиля-Бенуа Матиса, работавшего скульптором у покойного польского короля, и Мари-Жанны Гибаль⁵. Весной 1784 г.

⁴ Jaunez-Sponville A. Les Délassements d'une mère pour l'instruction de ses petits enfants, ou recueil de nouveaux contes à la portée de l'enfance. Paris, 1824.

⁵ Les Français en Russie au siècle des Lumières / Sous dir. de A. Mézin et V. Rjéoutski. Ferney-Voltaire, 2011. T. 2. P. 586.

Аделаиде, по словам Жама, было 22 года⁶, из чего можно заключить, что родилась она примерно в 1762 г.

Некоторые сведения о родственниках нашей героини содержатся в очерке, написанном ее двоюродным братом, бывшим мировым судьей в Нанси, Шарлем-Франсуа Гибалем об их общем деде — знаменитом в свое время лотарингском скульпторе Дьедоне-Бартелеми Гибале⁷. Последний родился в Ниме 3 февраля 1699 г. Выучившись на художника, скульптора и архитектора, он, по-видимому, достаточно быстро снискал себе хорошую профессиональную репутацию, поскольку был приглашен на службу ко двору лотарингского герцога Леопольда I. Когда это произошло, мы, к сожалению, не знаем. В очерке указан 1756 г., что является несомненной опечаткой, поскольку Леопольд скончался в 1729 г. Между тем, такое приглашение имело место за некоторое время до смерти герцога, поскольку еще при его жизни Д.-Б. Гибаль успел создать скульптурную композицию для парка в Люневиле⁸. Добрая память о герцоге Леопольде, по-видимому, запечатлелась в устной традиции семьи нашей героини, поскольку она потом сделает его главным действующим лицом двух рассказов, изобразив мудрым и справедливым правителем, горячо любимым своими подданными.

После смерти Леопольда и недолгого правления его сына, герцога Франца III, Лотарингия по итогам войны за Польское наследство перешла в 1737 г. к тестю французского монарха Станиславу Лещинскому, формально носившему титул польского короля, и скульптор Гибаль продолжил службу уже при его дворе. За свою жизнь Гибаль был дважды женат. От первого брака он имел сына Николя, который, получив художественное образование в Париже и Риме, занял пост первого живописца при дворе великого герцога Вюртембергского в Штутгарте.

От второго брака, пишет автор очерка, у скульптора Гибалья было множество детей, из которых выжили два мальчика и четыре девочки. Старшую дочь Мари-Жанну, он выдал замуж «за своего лучшего ученика» Базиля-Бенуа Матиса — они-то и стали родителями нашей героини. О том, насколько Матис был близок Гибалю, свидетельствует и то, что последний пригласил его 15 июля 1755 г. помогать в отливке статуи Людовика XV для площади Станислава в Нанси — произведения, которое скульптор считал важнейшим в своей жизни. За время отливки Матис полностью поседел, как он объяснял потом, от волнения за результат. Он же стал преемником Д.-Б. Гибалья на его должности, после того, как тот 5 апреля 1757 г. ушел в мир иной. Следующий пассаж очерка содержит важные сведения об этой

⁶ П.И. Жам (Жонес-Спонвиль) — Ж. Ромму, 4 апреля 1784 г. — Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 728. Оп. 1. Д. 274. Л. 36об.

⁷ *Guibal Ch.-F. Extrait des "Mémoires de l'Académie de Stanislas". Notice biographique sur Guibal, sculpteur. Nancy, 1861.*

⁸ *Ibid.* P. 2.

семье, а потому приведу его целиком: «Матис принял на себя руководство мастерской, но плохо вел дела, и жена покинула его, чтобы обосноваться в Москве, где ей предоставили престижное место. Она увезла с собой трех дочерей, которых позднее выдала там за трех лотарингцев. Она вызвала туда также брата и трех сестер, из которых одна вышла замуж за генерала Пере (Perret), а вторая стала придворной дамой императрицы Екатерины II. В Люнневиле с матерью остался только младший брат — мой отец, который затем выучился на нотариуса и умер в 1818 г., занимая этот пост»⁹.

Сведения автора очерка о семействе Гибаль-Матис в значительной степени подтверждаются данными словаря «Французы в России века Просвещения», но с одним важным уточнением: судя по всему, это не М.-Ж. Матис вызвала в Россию сестер и брата, а они сами, приехав туда гораздо раньше, пригласили ее в эту страну.

Брат, Дьедоне-Бартелеми Гибаль (1745—1823), еще в конце 1760-х гг. обосновался в Санкт-Петербурге, занявшись книготорговлей. Позднее он поступил на русскую государственную службу и поднялся до высокого пятого ранга, получив чин государственного советника. Присутствие его сестры Элизабет (1737—1817) в Петербурге впервые фиксируется документами в 1776 г. В дальнейшем она вернулась во Францию, вышла замуж за бригадира королевской жандармерии Фейнья и вновь эмигрировала в Россию во время Революции. Это она стала придворной дамой императрицы после того, как ее муж получил должность шталмейстера. Еще одна сестра, Мари-Катрин (р. 1738), отмечена в Петербурге в 1770 г. Тогда же фиксируется пребывание в столице России и самой младшей из сестер Гибаль, Мари-Элизабет (1748—1817), которая в 1770 г. вышла там замуж за архитектора и инженера-гидравлика Карбонье. Поработав в 1774—1775 г. гувернанткой, она в 1778 г. разошлась с супругом и позднее вышла замуж за швейцарца, генерала Пере или Перрета (как его называли в России), будущего адъютанта Павла I¹⁰. Таким образом, дядя и три тети нашей героини жили в России достаточно долго. Не удивительно, что, сообщая Ж. Ромму в 1784 г. о своем знакомстве с мадемуазель Матис, Жам поясняет: она — «племянница демазузелей Гибаль»¹¹. Вероятно, к тому времени тетки Элизабет-Аделаиды обладали уже значительной известностью и пользовались доброй репутацией во французской колонии Петербурга.

А вот их старшая сестра Мари-Жанна, вышедшая за скульптора Матиса 10 октября 1758 г. (не при жизни отца, как утверждается в очерке Ш.-Ф. Гибаля, а уже после его смерти), появилась в России только в 1780-е гг., то есть значительно позже брата и сестер. В остальном же

⁹ Guibal Ch.-F. Op. cit. P. 9.

¹⁰ Les Français en Russie. T. 2. P. 397—398.

¹¹ П.И. Жам (Жонес-Спонвиль) — Ж. Ромму, 4 апреля 1784 г. Л. 360б.

автор очерка точен: все три ее дочери вышли в России замуж за лотарингцев: Элизабет-Аделаида — за Жонес-Спонвиля, уроженца Меца; Катрин-Мари (р. 1767) — за Анри Вейера, уроженца Тионвиля; Тереза (р. 1768) — за Мишеля Кентен де Румариса, уроженца Эстроффа¹².

Гувернантка

Главный источник наших сведений о пребывании Элизабет-Аделаиды в России — корреспонденция ее жениха Пьера-Иньяса Жонес-Спонвиля, известного в этой стране как Жам. Сообщая Ж. Ромму в письме от 4 апреля 1784 г. о знакомстве и предстоящем браке с мадемуазель Матис, Жам так характеризует свою избранницу: «Я увлечен м-ль Матис, племянницей демаузелей Гибаль. Это — юная особа 22 лет, обладающая прекрасным характером и доброй душой. Вы можете с сомнением отнестись к моим похвалам, но ее должны знать и в Петербурге. Все единогласно отзываются о ней самым лучшим образом. Она обладает настолько привлекательными качествами, что просто невозможно ею не увлечься. Я люблю ее и ею любим. Этот брак одобряет моя семья, он желателен во всех отношениях. Почему бы мне его не заключить?»¹³

Намерение Жама вступить в брак вызвало неудовольствие его работодателя графа Разумовского и привело к затяжному конфликту между ними¹⁴. Поскольку в этом конфликте Ромм оказался не на стороне Жама, тот в последующих письмах к нему вновь и вновь описывает достоинства своей невесты, объясняя свой выбор: «<...> Я внимательно изучал ее всякий раз, когда ее видел, когда ей писал и когда получал от нее ответы; и чем больше я с ней сближался, мой дорогой друг, тем больше убеждался в том, что она женщина редкая, достойная уважения и, возможно, даже уникальная для этой страны <...> Мой будущий брак наделал много шума в Москве, <...> мне бесконечно надоедают все новыми комплиментами, но меня в этом, по крайней мере, радует, что все единогласно хвалят мою избранницу — ни одного голоса против нее, и это в стране, где любят злословить. Ее хорошо знают в Петербурге, где она жила у тети, а затем — в течение двух лет квартировала у г-на Головцына¹⁵. Вы могли слышать о ней, и я уверен, что Вы слышали о ней только хорошее¹⁶.

¹² Les Français en Russie. Т. 2. Р. 586, 688, 834.

¹³ П.И. Жам (Жонес-Спонвиль) — Ж. Ромму, 4 апреля 1784 г. Л. 360б

¹⁴ См. подробнее: Чудинов А.В. Обычные и необыкновенные приключения. С. 469—470.

¹⁵ Головцын — владелец дома на Литейной стороне в Петербурге. См., например: Санкт-Петербургские ведомости. 1768. 30 мая.

¹⁶ П.И. Жам (Жонес-Спонвиль) — Ж. Ромму, 17 апреля 1784 г. — ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 274. Л. 390б.

<...> Чем лучше я узнаю эту очаровательную особу, тем более интересной я ее нахожу; это не только чувственная любовница, но и нежная супруга, разумная подруга — она имеет все те качества, которые я бы только хотел видеть в женщине. Наряду с искренностью и скромностью она обладает здравым смыслом; ее характер — результат хорошего образования, коим она обязана тете и собственным усилиям; теплые дружеские чувства, коими проникнуты отношения между тетей и племянницей, говорят в пользу обеих¹⁷.

<...> У меня будет нежная, добродетельная, любящая, чувственная, разумная жена; Вас восхитит ее характер, когда Вы однажды с нею познакомитесь, и тогда Вы полюбите ее. Не опасайтесь, что я обманываюсь из-за любви: если бы я и совершил ошибку, то не пожалел бы о том, что был счастлив какое-то время — я не рассчитываю на многое в оставшейся мне жизни. Но я совершенно спокоен, я доверяю ей, как себе, и считаю ее столь же неспособной к притворству, как себя к дурным поступкам. Ее качества притягивают меня к ней даже больше, чем моя любовь; я нашел себе не сладострастную любовницу, а нежную и надежную подругу»¹⁸.

Из сбивчивых и восторженных тирад жениха, сгорающего от любви, мы можем, тем не менее, узнать некоторые биографические сведения о предмете его страсти. После приезда в Россию м-ль Матис некоторое время провела в Петербурге, где воспитывалась своей тетей, мадемуазель Гибаль¹⁹, затем перебралась в Москву. Причиной переезда стало, вероятно, приглашение на выгодное место: в одном из писем Жам упоминает, что его будущая жена служит гувернанткой дочери княгини Шаховской²⁰. Но, судя по тому, что в брачном договоре м-ль Матис в качестве ее места проживания указывается дом г-жи Апраксиной на Никитской улице²¹, не исключено, что первое время в Москве она работала у Апраксиных и лишь потом нанялась к Шаховским. Перемена места работы в таких случаях не всегда влекла за собой смену квартиры.

Непосредственно о педагогической деятельности будущей писательницы наши источники, к сожалению, молчат. О том, чему она учила свою воспитанницу, мы можем только догадываться, исходя из общемировоззренческих ценностей нашей героини, нашедших отражение в

¹⁷ П.И. Жам (Жонес-Спонвиль) — Ж. Ромму, 2 мая 1784 г. — Там же. Л. 41об.

¹⁸ П.И. Жам (Жонес-Спонвиль) — Ж. Ромму, 27 мая 1784 г. — Там же. Л. 43.

¹⁹ Речь идет, очевидно, о старшей из теток нашей героини — Элизабет Гибаль, поскольку та из них, что воспитывала нашу героиню, собиралась в 1785 г. вернуться с ней во Францию (См.: П.И. Жам — Ж. Ромму, 17 марта 1785 г. — Там же. Л. 46об.), а из всех трех такую поездку в 1780-е гг. предприняла только Элизабет. — См.: *Les Français en Russie*. Т. 2. Р. 398.

²⁰ П.И. Жам (Жонес-Спонвиль) — Ж. Ромму, 2 мая 1784 г. — Там же. Л. 41об.

²¹ См.: *Les Français en Russie*. Т. 2. Р. 586.

ее книге. К этому сюжету мы вернемся ниже, а пока лишь отмечу, что тема гувернерства получила отражение в одном из рассказов Элизабет-Аделаиды. Привожу его целиком.

Братские чувства

«Даже самые законные чувства и привязанности должны подчиняться разуму. Надо использовать, дети мои, периоды счастья для укрепления своей души, дабы суметь мужественно перенести невзгоды, которые вам, быть может, придется в дальнейшем испытать. Доказательством тому служит следующая история.

Отпрыски одного из наиболее видных боярских²² родов Сергей и Наталья росли вместе. Первая улыбка Натальи поутру предназначалась Сергею, а его имя было последним, что она произносила засыпая. Сны становились продолжением их игр.

И вот эти милые дети достигли возраста, когда Сергею предстояло получить образование, необходимое, дабы занять посты, на которые он имел право в силу своего общественного положения. До того он никогда не разлучался с сестрой, а теперь должен был учиться в Дрезденском университете. Князь, его отец, подобрал ему в провожатые надежного человека благородного происхождения (*gentilhomme*). Свиту Сергея составляли камердинер и верный слуга. Дворянину Озолинскому были вручены необходимые бумаги: рекомендательные письма к лучшим семействам и аккредитив к банкиру.

Прощание Натальи и Сергея получилось душераздирающим: они никак не могли оторваться друг от друга. Сначала разнообразие впечатлений развеяло было печаль Сергея, но не надолго. Его веселость уступила место мрачной меланхолии. Он прилежно посещал занятия в университете, но имя Натальи непрестанно слетало с его уст, и за этим дорогим для него именем следовал глубокий вздох. Письма от сестры не только не рассеивали, но, похоже, только усугубляли его печаль. Он оказывал надлежащее почтение Озолинскому как другу своего отца, но не испытывал к нему такого безграничного доверия, которое тот заслужил своими заботами и участием. Озолинский был встревожен состоянием ученика и сообщил о том князю, получив от него следующий ответ:

«То, что Вы, дорогой мой Озолинский, написали мне о состоянии Сергея, встревожило меня тем более, что и Наталья испытывает непреходящую тоску: она бледна, ее прекрасные губы побелели. Заверьте Сергея в том, что как только погода улучшится, я привезу к нему сестру.

²² Бояре — русские аристократы. Прим. Э.-А. Жонес-Спонвиль.

О, друг мой! Состояние этих милых детей разрывает мне сердце. Утешьте, обнадежьте Сергея скорым воссоединением с сестрой. Врач уверяет меня, что это единственное средство от его недуга».

Слуга, отправленный курьером, ехал так быстро, как только возможно в это, уже весьма неблагоприятное время года. Прибыв к молодому хозяину, он вручил ему послания. Сергей, не покидавший постели уже несколько дней, прочел письма, прижал их к сердцу, испустил глубокий вздох, обратил угасающий взор к Озолинскому, пожал ему руку и навсегда смежил прекрасные очи.

С печальной вестью посланник отправился обратно. Трепетная Наталья тем временем зачала от тоски. Она умерла два дня спустя после брата. Озолинский вернулся в Москву с телом Сергея. Милые дети, погибшие в разлуке от печали, воссоединились в могиле. Их безутешная мать тоже вскоре скончалась. Отец же имел несчастье пережить тех, кто был ему столь дорог. Он оставил двор и уехал в поместье, где вместе с ним прервался и его род. Так угасла мечта о славе и счастье»²³.

Заметив, что автор рассказа использовал распространенное во французской литературной «россике» XVIII—XIX вв., но в самой России к тому времени давно уже не употреблявшееся, понятие «бояре», мы сегодня вполне можем задаться вопросом, а не является ли это морализаторско-сентиментальное сочинение, выдержанное в утрированно мелодраматическом тоне, чистой воды литературным вымыслом, не имеющим ни малейшей связи с реальностью? Но словно для того, чтобы развеять подобные сомнения, писательница завершает рассказ примечанием: «Г-н Лоран, французский врач в Москве, был приглашен лечить Наталью. От него-то я и узнала эту историю»²⁴. Речь идет о вполне реальной личности — Бернаре Лоране, враче графа А.К. Разумовского и большом друге Жама. Настолько большим, что тот пригласил его свидетелем на свою свадьбу с мадемуазель Матис²⁵. Однако в чем был смысл тридцать лет спустя упоминать об этом персонаже в книге для юных французских читателей, которые о нем и слыхом не слыхивали да и в России не бывали? Думаю, такое уточнение было важно не столько для них, сколько для самого автора. Хотя книга и носит откровенно беллетристический характер, в ней то и дело встречаются отсылки, не менее конкретные, чем вышеприведенная, к событиям биографии писательницы: она как бы постоянно расставляет для себя вешки, обозначающие границы исторических реалий, за которые ее литературное воображение выходить не должно. Благодаря этой подчеркнутой «приземленности» авторского изложения,

²³ Jaunez-Sponville A. Op. cit. P. 144—148.

²⁴ Ibid. P. 148 note 1.

²⁵ См.: Les Français en Russie. T. 2. P. 480.

текст книги представляет несомненный интерес для историка, стремящегося реконструировать бытовой контекст той эпохи. В частности, приведенный только что рассказ любопытен для нас не столько своим мелодраматическим сюжетом, сколько содержащимися в нем подробностями организации образовательной поездки за границу юного аристократа в сопровождении гувернера. Обратим внимание на особую роль гувернера и на то подчеркнутое уважение, с которым к нему обращается его наниматель — отец Сергея. И дело тут не только в дворянском достоинстве Озолинского, ведь в социальной иерархии Российской империи князь все равно стоял несравнимо выше этого, очевидно, небогатого польского дворянина. Скорее наоборот, должность наставника, сопровождавшего юного аристократа в заграничном путешествии, сама по себе была настолько ответственной и почетной, что занять ее мог позволить себе даже дворянин, испытывавший определенные материальные затруднения. То, что мы знаем об отношениях между гувернерами, пусть даже не дворянского звания, и их работодателями-аристократами²⁶, в полной мере соответствует модели, представленной в рассказе нашей героини.

Продолжим, однако, нашу попытку проследить историю ее жизни. Как уже выше отмечалось, 10 ноября 1784 г. в Москве мадемуазель Матис вышла замуж за Жама и стала мадам Жонес-Спонвиль, приняв его официальную фамилию. С собой она принесла мужу солидное приданое в 6000 ливров или 1500 рублей (1000 руб. наличными и 500 с последующей выплатой) плюс 500 руб. в движимом имуществе²⁷. Для сравнения замечу, что годовое жалование Жама у графа Разумовского составляло 500 рублей²⁸. Свидетелями на свадьбе были вышеупомянутый доктор Б. Лоран и еще один друг Жама, итальянский дворянин Аурелио Драго (Drago).

Отъезд из России четы Жонес-Спонвилье пришлось отложить, так как Пьер-Иньяс всю зиму тяжело болел и сумел выкарабкаться только благодаря заботам молодой жены и друзей — Лорана, Драго и Н. Бёнье (Bugnet), еще одного выходца из Лотарингии, ранее тоже работавшего в России гувернером²⁹. Рассказывая об этом, Жам в своем последнем (по крайней мере, из сохранившихся) письме Ромму также сообщил, что они с Бёнье и Драго решили не расставаться и после возвращения во Францию. Сложив свои сбережения (в сумме 32 тыс. ливров), они решили приобрести участок земли в Нижнем Лангедоке, дабы совмест-

²⁶ Например, об отношении к гувернерам в семьях Строгановых и Голицыных см.: Ржеуцкий В.С., Чудинов А.В. Русские «участники» Французской революции // Французский ежегодник. М., 2010.

²⁷ См.: Les Français en Russie. Т. 2. Р. 586.

²⁸ См.: П.И. Жам (Жонес-Спонвиль) — Ж. Ромму, май 1782 г. — ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 274. Л. 19.

²⁹ П.И. Жам (Жонес-Спонвиль) — Ж. Ромму, 17 марта 1785 г. — Там же. Л. 46—47.

но заниматься сельским хозяйством и торговать плодами своего труда. Всего их маленькая колония должна была состоять из десяти человек: Драго, Бёнье с женой и тремя детьми, Жама с супругой и ребенком, рождения которого они ждали в ближайшем будущем, и мадемуазель Гибаль, тети нашей героини³⁰. Весной 1785 г. Элизабет-Аделаида, уже находившаяся на сносях, и ее муж покинули Россию, о чем, согласно принятому в то время порядку, было трижды сообщено в газете «Московские ведомости» (23, 26 и 30 апреля) в разделе «Отъезжающие».

Возвращение на родину

После приезда во Францию линия жизни нашей героини, которую мы и до того могли обозначить лишь пунктиром, становится совсем прерывистой. Тем не менее, для последующих за возвращением из России двадцати лет — вплоть до скорострительной смерти Пьера-Игнаса в марте 1805 г.³¹ — некоторая информация об их семье у нас все же имеется. Поскольку П.И. Жонес-Спонвиль и Н. Бёнье оставили след в истории общественной мысли как авторы хоть и малоизвестной, но, тем не менее, первой в XIX в. коммунистической утопии³², ряд историков в разные времена пытался, и порой не без успеха, найти о них какие-либо сведения. Мы же попытаемся свести воедино найденное ими.

Вернувшись во Францию, Жонес-Спонвили, по неизвестной нам причине, отказались от своего прежнего плана и в Лангедок не поехали, а поселились в Париже. Много десятилетий спустя, в 1880 г., их старшая дочь Мари-Катрин рассказывала историку Шарлю Реду, первому биографу ее отца, о том, что жили они на улице Нёв-Сен-Поль³³. Как мы видели, из России Жонес-Спонвили уезжали, обладая определенным капиталом, и глава семьи нашел деньгам достойное применение, занявшись предпринимательством. Лотарингский историк Ж. Паризе, тоже интересовавшийся биографией Пьера-Иньяса, предположил, что тот занимался строительством и финансовыми операциями, хотя и не указал на чем это предположение основано³⁴. Как бы то ни было, дела бывшего гуверне-

³⁰ Там же. Л. 460б.

³¹ О времени смерти Жама сообщает Н. Бёнье в автобиографической записке 1813 г. — См.: *Rash C. de. [Read Ch.] Notice Préliminaire // Le Ruvarebohni (Le Vrai Bonheur)*. Paris, 1881. P. XVIII.

³² La philosophie du Ruvarebohni, pays dont la découverte semble d'un grand intérêt pour l'homme, ou Récit dialogué des moyens par lesquels les Ruvareheuxis, habitants de ce pays, ont été conduits au vrai et solide bonheur, par feu P. J. J.-S*** [Jaunez-Sponville] et Nicolas Bugnet. Paris, 1809. 2 vol.

³³ *Rash C. de. [Read Ch.] Op. cit.* P. XII.

³⁴ *Pariset G. Études d'histoire révolutionnaire et contemporaine*. Paris, 1929. P. 243.

ра шли в гору. Согласно позднему свидетельству его внука, Анатоля Жонес-Спонвиля, его дед имел столь высокий авторитет в деловых кругах, что во время Французской революции как-то раз даже рассматривался вопрос о назначении его министром финансов. Однако на дворе стоял 93-й год, политическая ситуация менялась стремительно, и, вместо министерства, супруг нашей героини угодил в тюрьму, к счастью, ненадолго³⁵.

Свободное от деловых забот время Жонес-Спонвиль проводил в долгих беседах с Бёнье о путях, которыми можно привести человечество к состоянию всеобщего счастья. Эти беседы позднее и выльются в вышеупомянутую коммунистическую утопию, до выхода в свет которой Жонес-Спонвилю дожить, правда, не довелось³⁶. Впрочем, мечты о счастье всего человечества не мешали ему нести благо и ближним своим. В рассказе «Благотворительность» Элизабет-Аделаида описывает предпринимателя-филантропа Эльясена, прототипом которого, судя по заключительному пассажу, личностному и эмоциональному, был ее муж: «<...> На всю свою жизнь он сохранил ту доброту, что проявил еще в детстве. Возглавив крупное предприятие, он был отцом своим рабочим: если кто-то из них получал травму, он лечил его за свой счет; заболевшая женщина получала жалование за пятнадцать дней. Эта щедрая благотворительность часто спасала семьи от нищеты и отчаяния. Когда он находился среди своих рабочих, те смотрели на него с восхищением.

В течение двадцати лет он приносил счастье окружающим его людям. Обожаемый и оплакиваемый ими, он ушел из жизни в расцвете сил. Начиная с детского возраста, доброта его сердца увеличивалась; он непрестанно совершал благие дела, не ожидая воздаяния. Его гроб сопровождали рыдания бедняков, а его вдова и сирота возносили за него молитвы Господу.

* * *

Зачем, о мой возлюбленный, скрывать под чужим именем добродетели, пример которых ты подал своей семье? Двадцать лет счастья дают твоей вдове право дорожить воспоминаниями о тебе. Твои добродетели — наследственное достояние твоих детей, которые чтят фамилию, что ты им оставил»³⁷.

Книга мадам Жонес-Спонвиль создавалась, как будет ниже показано, по крайней мере, в два этапа. Текст, написанный на первом этапе, автор в дальнейшем не меняла. Поэтому не исключено, что сначала был

³⁵ *Rash C. de. [Read Ch.] Op. cit. P. X.* Об его аресте см. также: *Иоаннисян А.Р.* К истории французского утопического коммунизма первой половины XIX столетия. М., 1981. С. 12—13.

³⁶ Подробнее см. автобиографическую записку Н. Бёнье: *Rash C. de. [Read Ch.] Op. cit. P. XVI—XX.*

³⁷ *Jaunez-Sponville A. Op. cit. P. 67—68.*

создан основной текст рассказа, где герой носит вымышленное имя, и лишь в дальнейшем добавлен последний, автобиографический пассаж, раскрывающий, о ком на самом деле идет речь.

Дети

За двадцать лет супружества у четы Жонес-Спонвилей родилось не менее восьми детей. Во всяком случае, их сын Октав, отец ранее упоминавшегося Анатоля Жонес-Спонвиля, был, по свидетельству того, восьмым ребенком в семье³⁸, из-за чего, очевидно, и получил свое имя (по-латински *octave* — восьмой). Не исключено, однако, что и он был не последним. В качестве сюжетов некоторых из рассказов Элизабет-Аделаида брала случаи из жизни своих детей, которые упоминались в книге под собственными именами. Героиня рассказа «Маленькая кривляка»³⁹ носит имя Нефина, таким же образом произведенное от числительного (французское *neuf* — девять), как имена известных нам детей Жонес-Спонвилей — девочки Секстиль (от латинского *sextilis* — шестая) и мальчика Октава. Не была ли Нефина девятой в их семье? Впрочем, это лишь предположение. Даже о первых восьми детях нашей героини мы знаем не слишком много.

Больше других известно об их старшей дочери Мари-Катрин или Мирье (*Miria*). Согласно свидетельству Анатоля Жонес-Спонвиля, ей в 1808 г. было 23 года⁴⁰. Следовательно, родилась она в 1785 г., то есть была тем самым ребенком, которого Элизабет-Аделаида вынашивала, уезжая из России. Возможно, именно маленькая Мари-Катрин стала под уменьшительным именем «Катинет» героиней рассказа своей матери «Пирожное»⁴¹. В 1801 г. Мари-Катрин вышла в Париже замуж за инспектора казначейства Бернара Эспера (*Espert*), умершего в 1828 г. Сама она надолго пережила супруга: в 1880 г., когда Ш. Ред в поисках сведений об ее отце встретился с Мари-Катрин, той исполнилось уже 95, но, по словам историка, и в столь почтенном возрасте она обладала светлым умом и прекрасной памятью. Именно от нее Ред получил большую часть введенных им в научный оборот сведений о П.-И. Жонес-Спонвиле и Н. Бёнье, а также тот экземпляр их утопии, с которого сделал переиздание 1881 г.⁴² Дата смерти Мари-Катрин нам неизвестна.

Сведения о Маргерит Секстиль, очевидно, шестом ребенке Жонес-Спонвилей, мне удалось найти, благодаря распространившейся в по-

³⁸ *Rash C. de. [Read Ch.] Op. cit. P. X.*

³⁹ *Jaunez-Sponville A. Op. cit. P. 6—7.*

⁴⁰ *Rash C. de. [Read Ch.] Op. cit. P. X—XI.*

⁴¹ *Jaunez-Sponville A. Op. cit. P. 8—10.*

⁴² *Rash C. de. [Read Ch.] Op. cit. P. X—XIV.*

следнее время среди жителей Западной Европы моде на составление родословных. Ее биографические данные приводятся на ряде генеалогических Интернет-сайтов, причем, на всех полностью совпадают. Родилась она 25 февраля 1794 г. в Париже. 13 марта 1816 г. вышла в Меце замуж за уроженца этого города Амбруаза Феликса Вильруа (1792—1881), племянника и адъютанта известного французского генерала Бальтюса. Вильруа владел поместьем Риттерсхоф в Германии и в дальнейшем приобрел определенную известность трудами по сельскому хозяйству. Скончалась Маргерит Секстиль в Риттерсхофе 18 октября 1880 г. Из ее детей выжило трое, в том числе дочь Евгения (1820—1901), для которой ее бабушка Элизабет-Аделаида и решила дописать свою книгу, как следует из вступления ко второй части.

Восьмым из детей Жонес-Спонвильей и вторым (после Мари-Катрин) известным историку Ш. Реду был уже упоминавшийся Октав. Поскольку в зрелом возрасте он стал кавалером Ордена Почетного легиона, краткие биографические сведения о нем представлены на Интернет-сайте *Leonore* Министерства культуры Франции. Там мы можем узнать, что Октав Жонес-Спонвиль родился 10 февраля 1800 г. В рассказе «Первый урок письма» наша героиня описывает, как шестилетний Октав пытался помогать матери, «которая незадолго до того стала вдовой и которую преждевременная смерть супруга вынудила заниматься не слишком прибыльной коммерцией»⁴³. В школьные же годы он проявлял незаурядные способности к наукам: «Этот милый ребенок, чтобы порадовать свою мать, был послушным и прилежным; его любили учителя и товарищи, которые ничуть не завидовали его успехам. А несколько лет спустя его мать имела счастье видеть, как он за один раз был удостоен шести премий своего лица»⁴⁴.

Можно предположить, что здесь мы имеем дело с обычным для матери преувеличением достоинств собственного чада, тем более в рассказе, написанном в назидание внукам. Однако то небольшое, что нам известно об этом персонаже, подтверждает наличие у него несомненных талантов. Будучи секретарем князя Сан-Донато — постоянно проживавшего за границей русского промышленника Анатолия Николаевича Демидова (1812—1870)⁴⁵, О. Жонес-Спонвиль в 1870 г. издал переписку своего патрона относительно судьбы военнопленных периода Крымской войны, а в 1873 г. — капитальную «Историю итальянской революции»⁴⁶. Согласно

⁴³ Jaunez-Sponville A. Op. cit. P. 4.

⁴⁴ Ibid. P. 5.

⁴⁵ См.: Данилова О.С. Французы на Урале: по воле случая или по долгу службы. Исторические хроники // «Французский след» на Урале. Екатеринбург, 2010. С. 184.

⁴⁶ Les Prisonniers de guerre des puissances belligérantes pendant la campagne de Crimée, extraits de la correspondance du prince Anatole Demidoff / Publiés par Octave Jaunez-Sponville. Paris, 1870; Jaunez-Sponville O. Histoire de la révolution italienne. Paris, 1873.

опубликованной на сайте *Leonore* информации, 10 февраля 1868 г. О. Жонес-Спонвиль стал кавалером Ордена Почетного легиона, а 28 ноября того же года получил русский орден Св. Владимира 4-й степени. За что — нам еще предстоит выяснить. Умер Октав 10 января 1875 г. Его сын, уже не раз упоминавшийся нами Анатолий Жонес-Спонвиль или, как его называли на русский манер, Анатолий Октавович (род. 1830 г.) сделал в России блестящую карьеру как главно-уполномоченный демидовских заводов на Урале⁴⁷.

Что касается остальных детей Элизабет-Аделаиды, то главным источником наших сведений о них служит ее книга. В том, что та вполне может использоваться в таком качестве, я убедился, проверив по архивным документам сведения, сообщенные о главном герое в рассказе «Корзина яблок». Там повествуется о мальчике Леоне, который, будучи отправлен отцом из Парижа в сельскую местность к родным на воспитание, учился преодолевать страх, ночуя один в большом сарае. Затем писательница кратко сообщает историю его дальнейшей жизни: «Леон добился больших успехов в учебе. Он подавал своим товарищам пример в поведении и прилежании. В Политехнической школе он стал одним из лучших учеников. Артиллерийский офицер, он был отмечен начальством и в 23 года награжден Орденом Почетного легиона. Но это отличие не защитило его от жатвы смерти. 18 октября 1813 г. в сражении под Лейпцигом он получил ранение, от которого затем скончался, оставив двух младших братьев, лишившихся в его лице второго отца. <...> О путешественник, который прочтет эти строки, кто бы ты ни был, в двух лье от Франкфурта по дороге в Лейпциг найди могильный холмик и пролей над ним несколько слез в память о двух французских офицерах, раненных в одном сражении и упокоившихся в одной могиле: Леон Жонес, капитан 11-й роты артиллерии Молодой гвардии Мерль, первый лейтенант той же роты»⁴⁸.

Кто такой Леон Жонес, реальный человек или вымышленный литературный персонаж? И если это реальный человек, то не о сыне ли нашей героини идет речь? В поиске ответа на эти вопросы я отправился по содержащейся в тексте подсказке на Интернет-сайт Политехнической школы и там достаточно быстро нашел сканированное изображение матрикулы выпускников 1804 г., в которой увидел знакомое имя: «Жонес, Леон. Родился 18 апреля 1787 г. в Сьерке (Sierck), округ Тионвиль, департамент Мозель. Живет на улице Сент-Оноре, 84, напротив улицы Сурдьер. Внешность: светло-русые волосы и брови, низкий лоб, курносый нос, карие глаза, небольшой рот, круглый подбородок с ямочкой, овальное лицо, рост 1,74 м. Особых примет не имеет. Отец — г-н Жонес-Спонвиль, негодант в Париже, проживает по адресу ул. Сент-Оноре, 84. <...> Принят на службу в артиллерию».

⁴⁷ Данилова О.С. Указ. соч. С. 184.

⁴⁸ Jaunez-Sponville A. Op. cit. P. 104—105.

Таким образом, взяв за исходную точку сведения из рассказа нашей героини, мне удалось не только «обнаружить» еще одного из ее сыновей, но и получить документальное подтверждение того, что он, действительно, закончил престижную Политехническую школу, после чего служил в артиллерии. Проявленная автором в данном случае точность в деталях побуждает со значительной долей доверия отнестись и к тому, что сообщается ею в других лирических отступлениях. Внимательное же их прочтение наводит на мысль, что Леон был отнюдь не единственным членом семьи Жонес-Спонвилей, заплатившим «долг родине» своей жизнью.

Если большинство детей, упомянутых в книге Элизабет-Аделаиды, являются там героями одного, редко двух рассказов, то мальчик Феликс появляется сразу в четырех: «Коза или братская любовь», «Персик», «Доброе дело не бывает напрасным» и «Глас совести». Поскольку в «Добром деле» он прямо назван одним из «трех детей мадам С***» (очевидно, Спонвиль), а в двух первых из перечисленных рассказов сообщается, что он — старший брат Секстиль, это дает веские основания предположить, что речь идет еще об одном сыне писательницы. Тем более что дважды в завершение рассказа о нем, она делает лирическое отступление от основного сюжета, повествуя о дальнейшей судьбе Феликса. Сначала Элизабет-Аделаида в довольно абстрактных выражениях дает понять, что Феликс погиб при исполнении воинского долга.

Коза или братская любовь

«<...> Эти милые дети [Феликс и Секстиль] искренне любили друг друга. Если одного наказывали, то вторая старалась потихоньку его утешить. С годами столь нежная дружба только крепла. Но вот Феликс достиг возраста, когда родина призывает к себе своих детей. Он попрощался с любимой сестрой и ушел навеки»⁴⁹.

Однако затем о гибели Феликса сообщается открыто и подробно:

Персик

«<...> Эти дети с неизменной теплотой любили друг друга, и Секстиль своею нежностью смогла мало-помалу смягчить порывистый характер брата. Феликс составлял счастье семьи, пока, призванный под ружье, не пал на берегах Березины. Проявив самоотверженность, он заплатил жизнью за спасение больных из доверенного ему госпиталя. Оправившись от болезни, один из них при отступлении французской армии

⁴⁹ Jaunez-Sponville A. Op. cit. P. 18.

случайно остановился на постой в доме матери этого добродетельного юноши, о котором рассказывал с исключительной теплотой, такую любовь тот сумел к себе внушить. Столь замечательные способности заслуживали лучшей участи. Воспоминание о нем до сих пор вызывает слезы на глазах, а его сестра никак не может смириться с потерей»⁵⁰.

Судя по описанным в рассказах отношениям между Феликсом и Секстиль, брат был где-то года на два-три старше сестры, и, если речь, действительно, идет о сыне Жонес-Спонвилей, то он должен был родиться примерно в 1791—1792 гг. В таком случае, прожить ему довелось немногим более двадцати лет.

Мелида, героиня рассказа «Могила на чужбине», оплакивает двух погибших на войне сыновей. Упоминание о том, что город, в котором она живет, за год с небольшим подвергся двум вражеским осадам, а также о находящейся возле него горе Сен-Кантен, показывает, что речь идет о Меце, осаждавшемся неприятелем в 1814 и 1815 гг. Между тем, семья Жонес-Спонвилей в тот период жила именно в Меце, о чем будет сказано ниже. Эта топографическая привязка наводит на мысль, что в образе Мелиды Элизабет-Аделаида представила себя:

Могила на чужбине

«Куда несешься ты, самонадеянный юноша? Какой такой твой личный враг заставляет тебя шпорить скакуна? Золоченая сбруя коня, пышный султан на твоей каске выдают нашим солдатам старшего офицера осаждающей их армии. Весь крепостной вал долгим взглядом провожает тебя. Ты спустился с горы Сен-Кантен и теперь хорошо различим на равнине. Оружие, коим ты столь изящно владеешь, твой уверенный вид — ничто не остановит занесенную над тобой косу смерти. Вот ты уже в пределах досягаемости передовой батареи, канонир наводит орудие, выстрел и тебя больше нет! За уханьем пушки следует крик радости, который, удаляясь, катится вдоль крепостного вала. Мелида, печальная Мелида, слышит его, и этот крик усиливает ее грусть. Она оплакивает двух сыновей, ушедших из жизни во цвете юности. Оба пали на поле брани.

— Бедная мать, — говорит она про себя, — теперь и тебе придется лить слезы.

И ее скорбь удваивается, а сердце наполняется печалью. <...>⁵¹

Итак, нам, очевидно, удалось установить личности пяти детей нашей героини: Мари-Катрин (1785—после 1880); Леон (18.4.1787—ок-

⁵⁰ Ibid. P. 27—28.

⁵¹ Ibid. P. 204—205.

тябрь 1813); Феликс (1791/92—ноябрь 1812); Маргерит Секстиль (25.2.1794—18.10.1880); Октав (10.2.1800—10.1.1875).

Принимая во внимание частоту родов (а здесь мы не учли еще, как минимум, трех детей Жонес-Спонвильей) и небольшие интервалы между ними, нельзя не признать маловероятным то, что бывшая мадемуазель Матис, как предполагают авторы словаря «Французы в России века Просвещения», около 1790 г. вновь вернулась в Москву, а в 1793 г. находилась в Петербурге, где, наряду с остальными соотечественниками, принесла присягу верности французской короне⁵². Трудно представить себе, чтобы обремененная таким количеством детей и столь часто рожавшая замужняя дама отправилась в далекое и трудное путешествие без настоятельной необходимости и, тем более, без мужа. Между тем, нахождение Пьера-Игнаса во Франции подтверждается для этого периода документально: в 1790 г. его присутствие в Париже зафиксировано протоколами политического клуба «Общество друзей закона», в котором он состоял⁵³, а в 1793 г. его подвергли аресту по приказу Комитета общественного спасения. Вероятно, авторы словаря спутали Элизабет-Аделаиду с кем-то из ее сестер, ведь каждая из них тоже была мадемуазель Матис.

Книга

После смерти мужа жизненный путь нашей героини не прослеживается, увы, даже пунктиром — ничего, кроме обрывочных и косвенных сведений, да построенных на них наших осторожных предположений.

Овдовев, мадам Жонес-Спонвиль, похоже, первое время пыталась заниматься коммерцией, возможно, продолжая дело супруга. Однако, если верить фразе, оброненной в ранее упомянутом рассказе «Первый урок письма», эта коммерция очень скоро (Октаву исполнилось шесть через год после смерти отца) оказалась «не слишком прибыльной».

Затем Жонес-Спонвили, судя по всему, перебрались в Мец, где жила многочисленная родня покойного Пьера-Игнаса. Ведь именно в Меце Маргерит Секстиль вышла в 1816 г. замуж за местного жителя. Да и в рассказе «Корзина яблок» сообщается, что «верный Жан, слуга Леона, передал матери его вещи и через несколько дней стал жертвой бушевавшей в Меце эпидемии»⁵⁴. Этим переездом, кстати, объясняется и то, каким образом один из солдат отступавшей Великой армии, мог встать

⁵² Les Français en Russie. T. 2. P. 586.

⁵³ См.: *Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un révolutionnaire (1750—1795)*. P., 1971. P. 449—478.

⁵⁴ *Jaunez-Sponville A. Op. cit.* P. 106—107.

на постой в их доме и рассказать матери Феликса о его смерти: отступление армии происходило через Мец, а не через Париж.

Писать рассказы Элизабет-Аделаида начала еще до 1813 г. — именно в тот год была завершена или, скорее, оборвана первая часть книги. Гибель сыновей повергла мать в глубокое отчаяние и вынудила оставить литературные опыты. Об этом говорится в концовке рассказа «Корзина яблок» после описания обстоятельств смерти Леона: «О вы, кому я заранее посвятила мои труды, дети моего сына, вы никогда не появитесь на свет. Перо выпадает из моих рук; я могу теперь только лить слезы»⁵⁵.

Эти пронзительные строки завершают первую часть книги. Вновь к литературному труду нашу героиню побудило вернуться рождение внучки Евгении: «Именно тебе, моя дорогая, маленькая Евгения, я посвящаю свои труды. С твоим рождением мое сердце вновь ожило, но поселившийся в нем смутный страх заставляет особенно дорожить тобой. Твои братья пришли в этот мир подобно первоцвету и, как он, оставили после себя на земле лишь светлую и нежную грусть. Они прожили только сезон. Твое появление на свет принесло нам утешение. С какой тревогой мы прожили твой первый год! Но скоро уже наступит твоя третья весна. Твой серебристый голосок зовет бабушку, твои ручки обнимают ее. Ради тебя я вновь ожила. Пусть Провидение хранит тебя на счастье твоим родным»⁵⁶.

Три года Евгении исполнилось в 1823 г., тогда, вероятно, Элизабет-Аделаида и вернулась к книге. Работа у нее, очевидно, шла быстро, и уже в 1824 г. книга увидела свет.

Этот сборник рассказов остался единственным произведением Элизабет-Аделаиды и, как уже отмечалось, не стал заметным событием в истории французской литературы. Однако сегодня благодаря ему мы можем узнать о взглядах на жизнь этой представительницы сообщества французских гувернеров в России, попытаться реконструировать, пусть и в самых общих чертах, ее систему мировоззренческих ценностей. Разумеется, нельзя ставить знак равенства между тем, что нашло отражение в книге мадам Жонес-Спонвиль, и тем, чему мадемуазель Матис когда-то учила юную княжну Шаховскую. Одно от другого отделяет сорок лет, за которые жизнь нашей героини вместила очень многое: революции, войны, любовь, радость материнства, горечь потерь близких людей — и этот опыт, конечно же, не мог не сказаться на ее мировосприятии. Тем не менее, тот идейный закал, та система ценностей, которую человек приобретает в юные годы — годы своего становления как личности, когда он наиболее восприимчив и открыт миру, — остается с ним на всю жизнь, неизбежно накладывая отпечаток на его последующие воззрения. Тщательный ретроспективный

⁵⁵ Ibid. P. 107.

⁵⁶ Ibid. P. 109—110.

анализ обычно позволяет разглядеть хотя бы приблизительно этот изначальный закал под напластованиями последующего опыта. В книге же нашей же героини исходная система ее жизненных ценностей просматривается, на мой взгляд, достаточно четко. Если бы не отдельные нюансы — черточки нового времени (например, человек эпохи Старого порядка, чьи дети несли военную службу, вряд ли сказал бы, что их туда «позвала родина»), — книга Элизабет-Аделаиды вполне гармонично смотрелась бы в общем ряду литературы века Просвещения — века, в культурном контексте которого происходило духовное становление будущей писательницы.

Человек эпохи Просвещения, Элизабет-Аделаида исповедовала культ знаний. Уже по приведенным выше отрывкам из ее рассказов можно заметить, какое значение она придавала освоению детьми наук: прилежание в учебе — неперемнное качество ее положительных героев. Рассказ «Лентяй» об отрицательном герое, не желавшем в молодости прилагать усилия для усвоения новых знаний, а, в результате, потерпевшем жизненный крах, и вовсе завершается соответствующей моралью: «Время для учебы ограничено; если его потерять, потом ничего не наверстаете, какие бы усилия ни прилагал. Нерадивость в этом влечет за собой бессилие, и потом придется всю жизнь жалеть о потерянном времени»⁵⁷.

Важная черта просветительского мировоззрения — нетерпимость к суевериям. Человек искренне религиозный, судя по частому обращению к авторитету Провидения, Элизабет-Аделаида, тем не менее, резко критически отзывалась о бытовых суевериях, которыми пользуются шарлатаны, чтобы в корыстных целях дурачить простаков. Один случай такого обмана она описывает в рассказе «Деревенский предсказатель», завершая его следующим предостережением для юных читателей: «Провидение в своей мудрости скрывает грядущее от человека; будем же соблюдать его волю; с мужеством станем встречать жизненные невзгоды; победим неудачи усердием и добьемся счастья, противопоставив бедам безупречную жизнь и чистую совесть. Но никогда не станем пытаться узнать грядущее при помощи тех средств, которые разум осуждает и которые делают нас добычей шарлатанов»⁵⁸.

Однако особенно много внимания автор уделяет в своей книге проблеме социального и, в частности, имущественного неравенства. Правда, никаких радикальных рецептов Элизабет-Аделаида не предлагает. Побывав за годы своей долгой жизни на разных ступенях общественной иерархии, познав и достаток, и бедность, она считает: надо всегда оставаться человеком, куда бы тебя ни забросила судьба, с достоинством встречать ее капризы и сохранять человеколюбие в любой ситуации. Впрочем, хотя кни-

⁵⁷ Ibid. P. 153.

⁵⁸ Ibid. P. 131—132.

га предназначалась юным читателям из всех социальных слоев, «уроки» для богатых в ней явно преобладают. Возможно, это — отзвук тех времен, когда наша героиня и ее будущий супруг непосредственно давали наставления детям богатейших аристократических фамилий России.

В качестве примера того, чему пыталась научить мадам Жонес-Спонвиль отпрысков сильных мира сего, процитирую фрагмент рассказа «Выезд на охоту» об одном из ее любимых персонажей — лотарингском герцоге Леопольде. Как-то раз герцог услышал, что его юная дочь жалуется камеристке: «Мне надоели эти попрошайки под окнами. Почему бы им не уйти есть свой хлеб с сыром!?!». Леопольд пригласил дочку на охоту. Подученные им егеря весь день возили девушку по лесу, от чего та страшно проголодалась, но ни у кого из сопровождавших не оказалось с собой ни крошки провизии. Добравшись к вечеру до отцовского бивуака, голодная принцесса сразу попросила покушать.

«— Почему бы вам не поесть хлеба с сыром, — сказал ей герцог сурово.

— У меня их нет, — ответила она.

— Дочь моя, если бы тот бедняк, которого вы порицали, их имел, он не просил бы еды!

Принцесса вспомнила свои слова и бросилась в ноги отцу. Он со свойственной ему добротой поднял ее:

— Пусть это послужит вам уроком, — молвил он. — Провидение поставило нас над другими людьми только для того, чтобы мы сделали их счастливыми и избавили от нищеты.

Хорошо известно, насколько сам герцог следовал этому правилу. Добрая память о нем до сих пор жива в Лотарингии (ныне — департамент Мёрт). Принцесса же вышла замуж за герцога Савойи, и в той стране тоже помнят о ее благодеяниях»⁵⁹.

* * *

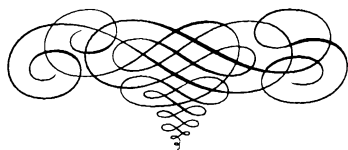
Элизабет-Аделаида Жонес-Спонвиль скончалась примерно в 1851 г.⁶⁰, прожив без малого 90 лет. О последнем периоде ее долгой жизни мне ничего не известно. Надеюсь только, что и перед кончиной у нее были все основания повторить слова, некогда обращенные к внучке: «Однажды ты спросишь, где бабушка. Ответом тебе станет безмолвие могилы. Но прежде, чем туда сойти, я помолюсь Господу за свою маленькую Евгению. Последним моим желанием будет, чтобы она походила на своих родителей и одарила их такой же дружбой и заботой, какими они одарили меня в старости»⁶¹.

⁵⁹ Ibid. P. 100—101.

⁶⁰ Rash C. de. [Read Ch.] Op. cit. P. XI.

⁶¹ Jaunez-Sponville A. Op. cit. P. 110.

Высокая политика:
локальные интересы,
семейные стратегии,
глобальные
расстановки

Венгерский вопрос и венецианская дипломатия перед лицом турецкой угрозы в первой трети XVI в.

В истории венецианско-венгерских дипломатических связей первая половина XVI в. представляет особый интерес. Случилось так, что Венецианская республика, защищая свои интересы перед лицом Османской империи и Габсбургов, сыграла не последнюю роль в сложившейся драматически после 1526 г. судьбе Венгерского королевства: в его распаде на три части, одна из которых была напрямую завоевана османами, а другая попала в вассальную зависимость от султана. В данной статье рассматриваются события 1500—1528 гг., связанные с восточным — османским — направлением венгерской дипломатии: при Ягеллонах и в первый год после них. Особенное внимание будет уделено усилиям венгерского короля Яноша I Запольяи в Стамбуле, добивавшегося от Порты признания его власти над Венгрией при активном посредничестве венецианской дипломатии и ее тайных агентов, особенно Луиджи Гритти. Эти важные для истории Венгрии отношения отражены в многочисленных сохранившихся источниках — как венгерских, так и венецианских: донесениях венецианских послов и переписке венецианских властей со своими дипломатами и доверенными лицами (в том числе, венецианского дожа Андреа Гритти со своим сыном Луиджи Гритти), а также венгерскими правителями¹,

¹ Приводимые источники входят в коллекцию документов по истории дипломатических связей Венгрии с европейскими странами, собранную и опубликованную в трех томах в виде регест в конце XIX в. Венгерским исследователем Л. Овари. [Óváry L.] A Magyar Tudományos Akadémia Történelmi Bizottságának oklevél-másolatai. 3 kötetben. Bp., 1890—1901: 1. füz.: Mohács előtti okiratok kivonatai. Bp., 1890. 2. füzet: A mohácsi vész utáni korszakból származó s a XVI. század végéig terjedő oklevelek kivonatai Bp., 1894 (далее — Óváry L.). Копии оригиналов этих документов из различных европейских архивов хранятся в Венгерской Академии наук и доступны исследователю (Magyar Tudományos Akadémia. Kézirattár. Missiles. Далее — MTA Ms.) Особенно обширный комплекс относится к истории венгерско-венецианских дипломатических связей в XVI в.

в «Дневниках» Марино Санудо², «бестселлере» венгерской хронистики XVI в. «Хроника о погибельных делах в Венгрии» Дьердя Сереми³ и, кроме того, в воспоминаниях тех людей, которые состояли на службе у Луиджи Гритти (Андронико Транквилло⁴, Музео Аугустино Тарвизини⁵ и Франческо дела Валле из Падуи⁶) и других источниках.

Взаимоотношения Венгерского королевства и Венецианской республики в связи с османской агрессией к 1520-м гг. имели уже долгую историю. К началу XVI в. турецкая опасность стала для Европы не только очевидной, но и неотвратимой. Захватив значительную часть Балканского полуострова, поставив в зависимость Молдавию и Валахию, османы подошли вплотную к границам Венгерского королевства угрожая непосредственно Белграду. Потеря Белграда открыла бы султану путь не только в глубь Венгрии, но — через нее — дальше на запад Европы: в Австрию, Чехию, Германию. В 1521 г. после долгой осады Белград был все же взят войсками султана Сулеймана Великолепного. Особая напряженность ощущалась на границах с Хорватией, с владениями австрийских Габсбургов Крайной, Каринтией, Штирией, куда неоднократно вторгались турецкие отряды. Морские владения Венеции не только в Эгейском и Ионическом, но и Адриатическом морях, в частности, Далмация, также превратились в объект растущей агрессии Османской империи. Не составляли исключения берега Апеннинского полуострова, в том числе папские владения.

Дипломаты европейских государств предпринимали немалые усилия для создания антитурецкой коалиции. Особенно усердно над этим трудилась дипломатия Венгрии и Венеции — как наиболее уязвимы

² Сведения о Венгрии, содержащиеся в дневниках Марино Санудо, были собраны и опубликованы отдельным изданием Густавом Венцелем (Marino Sanuto világkrónikájának Magyarországot illető tudósításai / Közli Wenzel Gusztáv // Magyar Történelmi Tár. XIV. Vagy második folyam II. kötete. Pest, 1869.

³ Szeremi György. Magyarország romlásáról. Budapest, 1979.

⁴ [Andronicus Tranquillus] Tranquilli Andronici Dalmatae Traguriensis de Rebus in Hungaria Gestis ab Illustrissimo et Magnifico Ludovico Gritti Deque eius Obitu Epistola / Kiad. Kretschmayr H. Adalékok Szapolyai János király történetéhez // Történelmi Tár. Budapest, 1903. 198—229.old.

⁵ [Museus Augustinus] Fr. Augustini Musei Tarvisini Constitutio sive Interrogatio a Mariscalco Caesariae Maiestatis sibi et socio Petro Cremensi post facta suum de Buda in Viennam reditum Anno 1535 / Kiad. Nagy I // Magyar Történelmi Tár, III. köt. Pest 1857. 75—81.old.

⁶ Della Valle Francesco. Una breve narrazione della grandezza, virtù, valore et della infelice morte Signor Conte Alouise Gritti, del Serenissimo Signor Andrea Gritti, Principe di Venezia, Conte del Gran Contado di Marmarus in Ongaria, et Generale Governatore di esso Regno, et General Capitano dell'esercito Regio, apresso Sulimano Imperatore de Turchi, et alla Maesta del Re Giovanni Re d'Ongaria / Kiad. Nagy I // Magyar Történelmi Tár. III.köt. Pest, 1857. 9—60.old.

для нападения со стороны турок стран. Но и папы делали многое, не только осознавая особую роль Рима как защитника христиан, но и стремясь обеспечить защиту своих прибрежных владений. Так, в 1500 г. Венеция, которая уже с мая 1499 г. находилась в состоянии войны с Турцией⁷, поддержала обращение к европейским государям венгерского короля Уласло II с предложением создать международный военный союз против османов и предпринять всеобщий поход. Венецианский дож Аугусто Барбериго через своих дипломатов ставил этот вопрос и перед римским папой. Дожд предлагал послать к Уласло пышное посольство от папского престола. Кроме того, обещал отправить своих дипломатов не только к венгерскому королю, но и в Польшу, а также поспособствовать тому, чтобы и французский король через послов договорился с Уласло об организации похода против султана⁸. Через месяц дож уже сообщал в Венгрию о том, что венгерский король может рассчитывать на помощь Венеции, папы и Франции, а также Португалии и Испании.⁹ Двух своих послов Венеция направляла в Венгрию как посредников для заключения особого соглашения между Венгрией и Польшей.

В 1500 г. Венеция, Венгрия, папа Александр IV, Польша и Франция создали военный союз против османов. Пользуясь финансовой помощью Венеции, венгерские войска удачно воевали против турок в Боснии и Славонии, совершили походы в Сербию и Болгарию¹⁰. Тем не менее, сил у Венгрии явно не хватало, и Уласло II начал переговоры о мире. Венеция одобрила желание Уласло заключить с султаном двухлетнее перемирие, необходимость которого венгерский король объяснял желанием лучше подготовить союз и поход. Венеция даже высказывала пожелание присоединиться к этому перемирию¹¹.

Однако Республика вела в этом эпизоде непростую игру. Заверяя венгерского короля в своей поддержке в вопросе о заключении венгерско-османского перемирия, она в то же время не так уж и хотела этого. В первую очередь Серениссима опасалась того, что турки могут предло-

⁷ Эта венециано-турецкая война продолжалась с 1499 по 1500 г. Ее итоги подвел мир, заключенный 14 декабря 1502 г., по которому Венеция теряла большую часть Мореи и ряд островов в Эгейском и Адриатическом море (*Cessi R. Storia della Repubblica di Venezia. Milano-Messina, 1968. Vol. 2*).

⁸ Венецианский дож Аугусто Барбарини венгерскому королю от 6 января 1500 г. (*Óvári L. 1.füz., 204—205.old. № 873*).

⁹ Венецианский дож Аугусто Барбарини — послу Республики в Венгрии Франческо Юдаика 3 февраля 1500 г. (*Ibid. 205. old. № 874*).

¹⁰ Шушарин В.П. Венгерская феодальная сословная монархия. Распад королевства (1439—1541 гг.) // История Венгрии. В трех томах. М., 1971. Т. 1. С.236.

¹¹ Венецианский дож Аугусто Барбарини — послу Республики в Венгрии Франческо Юдаика 3 февраля 1500 г. (*Óváry L. 1.füz., 205.old. № 876*).

жить венграм слишком выгодные условия, из-за чего последние не захотят продолжать войну и Венеция будет вынуждена воевать с Турцией в одиночку. Поэтому Синьория обратилась к папе с просьбой воздействовать на Уласло II, чтобы тот не прекращал войну против турок¹². Вскоре после этого она направила своих послов к венгерскому королю с тем, чтобы договориться об общих позициях в мирных переговорах с Портой. Вместе с тем предполагалось заключить тайный договор между двумя государствами, который предусматривал бы продолжение военных приготовлений в случае провала переговоров с Портой, причем сама подготовка к походу возлагалась на Венгрию и Польшу; что же касается Венеции, то она обещала оказывать Венгрии ежегодную военную помощь¹³. Тем не менее, в конечном счете Синьория на год раньше Венгрии — в 1502 г. — заключила мир с султаном, и ее помощь Уласло II прекратилась. В 1514 г. Венеция запретила пропаганду крестового похода против турок на своей территории, ссылаясь на мир с султаном¹⁴.

Венеция, не рассчитывая на свои силы в борьбе с Османской империей, как раз в конце XV—начале XVI вв. определила свою позицию в турецком вопросе на долгие десятилетия вперед. Она предпочитала поддерживать мирные отношения с Портой, избегая открытого вооруженного противостояния ей, как правило, отказываясь официально вступать в антиосманские военные союзы европейских правителей¹⁵. В то же время, по возможности, в разной форме — дипломатической и финансовой — республика тайно поддерживала борьбу других государств с османами. Ее дипломатия заигрывала со Стамбулом, всячески стараясь убедить султана в своей лояльности. Но эту тактику Синьория отчаянно скрывала от Европы, понимая двусмысленность своей позиции. Более того, будучи активным участником европейского политического процесса, увязнув в Итальянских войнах, Венеция использовала османский фактор — и даже помощь — в борьбе со своими противниками. Не случайно, выступление против нее важнейших «игроков» в войне Камбрейской Лиги (1508—1516 гг.) — Максимилиана I, Людовика XII, Фердинанда II Арагонского, папы Юлия II и др. — преподносилось европейской общественности как первый шаг к войне против турок, а папа даже наложил на морскую республику интердикт. Сближение же Венеции с Францией (начиная с 1513 г.) — главного соперника Габсбургов на

¹² Ibid. 206. old. № 878.

¹³ Инструкции Синьории отправляющимся в Венгрию чрезвычайным послам Витторио Суперантио и Себастиано Джустиниани (*Óváry L.* 1. füz., 206. old. № 880).

¹⁴ *Marino Sanuto*. P. 276.

¹⁵ После войны 1499—1502 гг. в течение XVI в. Венеция дважды воевала с Портой: в 1538—1540 гг. (в союзе с Испанией и при поддержке папы) и в 1570—1573 гг. (также в союзе с Испанией и папой).

Апеннинском полуострове, да и в Европе в целом — обуславливалось не только притязаниями Карла V на венецианские владения в Италии, но и расстановкой сил в Центральной Европе, в том числе в Венгрии.

В начале 1521 г. ситуация в Юго-Восточной Европе вновь накалилась до предела. Турки начали широкое наступление на Балканах, вторглись в пределы Венгерского королевства и осадили крепости Клисса, Скардону, Зенг и Белград. Венгерская дипломатия через своих послов вновь обратилась к европейским государствам, в том числе к Венеции, с призывом создать международную коалицию и начать поход против турок. На этот раз Венеция повела себя еще более осторожно, чем 20 лет назад, и ответила венгерскому послу Фюлепу Мору, что предпочитает принять предложенный ей султаном мир¹⁶. Синьория при этом не скрывала причин отказа, объяснив, что в случае войны, ее владения, как и венгерские, подвергнутся непосредственному нападению и опустошению. Тем не менее в феврале 1521 г. она все же согласилась предоставить Уласло II денежную помощь (что подтвердила венгерскому послу в июле того же года)¹⁷, а также помочь крепостям Клисса и Скардана — но так, чтобы об этом не узнали турки¹⁸. Но когда слухи об этом дошли до Стамбула, венецианский посол, согласно распоряжению от Синьории, категорически отрицал такое содействие¹⁹. Однако, очевидно, когда подозрения Порты усилились, Синьория уже в августе 1521 г. отказала венгерскому королю в просьбе о новом денежном вспомоществовании и посоветовала обратиться за помощью к другим христианским государям²⁰. В январе-феврале 1522 г. она запретила властям Шебеника оказывать какую-либо помощь населению осажденной Скардоны²¹, а властям Сплита — осажденной Клиссе²². Стараясь снять с себя какие бы то ни было подозрения в сотрудничестве с венграми, Синьория предписывала своему послу в Буде не присоединяться к Лайошу II в случае, если он надумает выступить в поход, а под любым предлогом, например, болезни, оставаться в Буде²³.

¹⁶ Ответ Совета Десяти венгерскому послу Фюлепу Мору от 18 января 1521 г. (*Óvári L.1.füz.*, 260.old., № 1132).

¹⁷ Постановления Совета Десяти от 8 февраля 1521 г. (*Óvári L.1.füz.*, 261.l. № 1134); Соглашение между Синьорией и Фюлепом Море (*Óvári L. 1. füz.*, 263.old., N 1147).

¹⁸ *Óvári L. 1. 261.l.*, № 1134; *Marino Sanuto*. P. 218.

¹⁹ Синьория — своему послу в Стамбуле от 3 декабря 1521 г. (*Óvári L.1.füz.*, 264.old., № 1155).

²⁰ ... Si doveva non poter darli ajuto per le guerre state e sonno al presente con assa parole dil bon anima dil Signoria nostra di incitar li Principi Christiani a questo ajuto // *Marino Sanuto*. P. 232.

²¹ Синьория — властям Шебеника от 24 января 1522 г. (*Óvári L. 1. füz.*, 266.old., № 1160).

²² Синьория — властям Сплита весной 1522 г. (*Ibid.* 266.old., № 1163).

²³ Синьория — своему послу Лоренцо Ориа в Буде от 29 июня 1523 г. (*Ibid.* 268.old. № 1170); *Marino Sanuto*. P. 238.

Отказ Венеции предоставить Венгрии военную помощь против турок заметно ухудшил отношения между двумя странами. Венецианский посол в Венгрии сообщал, что «вся страна возмущена тем, что Синьория не прислала помощь». Оживились противники Венеции в ближайшем окружении Лайоша II. Посол Лоренцо Орио, который в конце сентября 1522 г. все же присоединился к военному лагерю венгерского короля и получил у него аудиенцию, выслушал много упреков и обвинений в адрес Республики. В частности, ему было сказано, что если турки захватят Венгрию, угроза нависнет над всем христианством. Венецианцы и сами понимали это. Посольский секретарь писал Сенату по этому поводу: «Если турки захватят Венгрию, Далмация окажется незащищенной и турки смогут свободно пройти во Фриуль». Эти опасения усугублялись тревожными сведениями о том, что «хорваты готовы договориться с турками и стать их данниками»²⁴. В свою очередь венгерское правительство намекало венецианцам на то, что если христианский мир не поможет Венгрии, она заключит мир с султаном и предоставит турецкому войску проход через страну²⁵. Поэтому, как и в 1500 г., в событиях 1521—1522 гг. республика делала все возможное, чтобы не допустить замирения Лайоша II с Сулейманом и выхода Венгрии из войны. Но сама Венеция, как уже упоминалось, была готова пойти на мир с турками, что и сделала, еще больше ослабив, таким образом, Венгрию. Мир Венеции с Портой стал предметом ожесточенных споров и взаимных обвинений между венецианской и венгерской стороной. Подводя итог анализу венгерско-венецианских отношений в 1521—1523 гг., Лоренцо Орио резюмировал: «Венгры — наши враги, как те, кто гневается на все народы мира»²⁶.

Как бы то ни было, венграм не удалось отстоять Белград, и в 1521 г. они его потеряли, открыв туркам дорогу в глубь страны. Справедливости ради следует сказать, что вина за это лежит, конечно, не только на Венеции. Сами венгры в условиях страшной опасности вели себя удивительно халатно. Из сообщений венецианских послов открывается всеобщее нежелание венгров не только воевать, но и идти на какие бы то ни было риски и лишения. «Венгры никому не подчиняются, и у них нет хороших командиров». «Комитаты не хотят способствовать военным расходам, утверждая, что они уже заплатили за два года более 400 тыс. флоринов, которые попали в руки 4—5 человек». «Господа не хотят дать ни одного крайцера на общие цели»²⁷ и т.д. Лоренцо

²⁴ Посол Лоренцо Орио из Буды — Синьории 22 марта 1521 г. (Ibid. P. 203—204); посольский секретарь Массера из Буды — Синьории (Ibid. P. 224.).

²⁵ Ibid. P. 292—293.

²⁶ Ibidem.

²⁷ Посольский секретарь Каприли — Синьории 29 июля и 1 августа 1521 г. (Óváry L. 1.füz. 263.old., № 1148).

Орио, анализируя в сводном докладе дожу причины падения Белграда, отмечал, что в этом виновата не нехватка денег, в чем венгры обвиняли Венецию, а плохая организация венгерской армии и слабость королевской власти. «Если бы король Венгрии собрал в своих руках и упорядочил бы все богатства, привел бы всех к согласию и покорности, он смог бы сделать столько, сколько ни один другой государь мира, и с успехом мог бы обороняться от врага и одолеть его. Но ему плохо подчиняются, общественных денег нет, все находится в руках частных лиц, и никто не хочет ничего давать королю. Если бы турки не угрожали венграм, они не держали бы войска. Но даже когда турки нападают, они не могут обороняться из-за раздоров»²⁸. Что касается других европейских государств, то их интерес к венгерскому вопросу ограничился громкими декларациями сочувствия и готовности прийти на помощь²⁹. Их внимание было всецело поглощено международным конфликтом в Италии.

Настоящим испытаниям отношения между Венгрией и Венецией подверглись в судьбоносном для Венгерского королевства 1526 г. после поражения венгерского войска в битве при Мохаче и гибели Лайоша II. После него в Венгрии появилось два короля: трансильванский воевода Янош Запольяи и австрийский эрцгерцог (он же чешский король с 23 октября 1526 г.) Фердинанд Габсбург. Фердинанд I ссылался в своих притязаниях на родство с Ягеллонами, а также на семейные договоры с венгерскими королями (Матяшем Корвином и Уласло Ягеллоном) о взаимонаследовании. В Венгрии он опирался в основном на придворные круги прогабсбургски настроенных магнатов. Но среди венгерской политической элиты и в дворянской среде в целом были очень сильны анти-немецкие, и в частности, антигабсбургские настроения. Марино Санудо отразил эти настроения так: «Венгры скорее отдадут себя туркам, чем признают над собой власть Габсбургов». Поэтому сторонники т.н. «национальной партии» избрали королем Яноша Запольяи. Однако он был не слишком известен внешнему миру, и не имел таких связей и поддержки, как Фердинанд I — брат императора. Оба короля стремились обеспечить

²⁸ Суммарный отчет Лоренцо Орио — дожу от 18 октября 1523 г. (*Marino Sanuto*. Р. 278—279).

²⁹ Санудо собрал в своих дневниках сообщения, поступавшие от разных монарших дворов Европы в связи с турецкой опасностью. Так, было известно, что вопрос о турецкой угрозе обсуждался в Брюсселе при дворе Маргариты Габсбург. Присутствовавший там датский король сказал, что настал тот момент, когда христиане должны объединиться. Маргарита заявила, что готова предоставить 500 воинов императору, если другие европейские государи выступят против турок. К тому же она призывала папу и французского короля (*Marino Sanuto*. Р. 220—221). Но должного эффекта эти усилия не имели. Так, польский король в ответ на мольбы Лайоша II о помощи писал, что помочь не может, так как должен организовать оборону против набегов татар на Польшу (*Marino Sanuto*. Р. 216—217).

власть над Венгрией — разными средствами, в том числе дипломатическими. Получилось так, что именно венецианская дипломатия сыграла выдающуюся роль в судьбе Венгерского королевства в этот критический для истории королевства момент. Следует отметить, что 1526 г. явился важным рубежом для республики на Адриатике и в Итальянских войнах: созданная против Карла V в 1526 г. вернувшимся из испанского плена Франциском I Коньякская Лига, в состав которой вошла и Венеция, еще теснее связала последнюю с Францией, а через нее и с Портой.

И Фердинанд I, и Янош I искали союзников, в первую очередь, для того, чтобы получить у европейских государств признание легитимности своей власти над Венгрией. Кроме того, каждый из них, по крайней мере, сначала старался найти за рубежом поддержку и помощь против турок. Послы Запольяи были отправлены к польскому, французскому, английскому королевским дворам, в Рим, в Венецию и даже к эрцгерцогу Фердинанду с известием об избрании и с просьбой руки вдовы Лайоша II Марии Габсбург. Фердинанд не только не захотел выслушать посланных к нему дипломатов своего соперника, но задержал послов, которых тот направил к императору и ко дворам германских курфюрстов. Такое поведение Фердинанда, также боровшегося за венгерскую корону, понятно. К тому же в поисках признания и поддержки Запольяи обращался, прежде всего, к тем государям, которые были враждебно настроены к Габсбургам или воевали с императором в Италии в составе созданной в мае 1526 г. «Коньякской лиги». В ее состав вошли среди прочих государств Венецианская республика и папский Рим³⁰.

Через неделю после избрания венгерским королем и коронации, которая состоялась в Секешфехерваре 11 ноября 1526 г., Янош Запольяи отправил своего посла в Венецию³¹. 14 декабря тот предстал перед Советом, сообщил об избрании своего господина королем и предложил республике от его имени дружбу. Новый король выражал пожелание, чтобы Сенат прислал в Венгрию двух послов, которые стали бы советниками при нем. Чтобы заинтересовать Сенат, Запольяи предлагал восстановить поставки Венеции скота и прочего продовольствия, в чем он собирался отказать Фердинанду «из-за ненависти к тому венгров»³². Власти Венеции не спешили с ответом. Следует заметить, что после поражения венгров у Мохача Синьория тайно просила своего посла в Стамбуле выразить

³⁰ «Коньякскую лигу» против Карла V с целью изгнания из Италии испанско-имперских войск 22 мая 1526 г. составили Флоренция, Милан, папа Климент VII, Венеция, Франция, к которым присоединилась Англия.

³¹ Jászay M. Velence és Magyarország. Egy szomszédság küzdelmes története. Budapest, 1990. 224—225. old.

³² Из дневника посла венгерского короля Яноша Запольяи зенгского епископа Франческо Фьюмеи (Óváry L. 2. füz., 7. old. № 8).

свою радость в связи с победой султана и снарядила к нему «поздравительное» посольство³³, придерживаясь выработанной уже в предшествующие десятилетия тактики. В то же время ходили слухи о переговорах Карла V и Венеции, на которых последняя будто бы предлагала императору свою помощь для мирного приобретения Венгрии, для чего обещала уплатить ему в течение 6 месяцев 50 тыс. золотых³⁴.

Что касается признания Яноша Запольяи венгерским королем, то Венеция дожидалась одобрения этого события своим союзником по Коньякской лиге папой Климентом VII. Посланец Запольяи прибыл в Вечный город как раз в тот момент, когда он уже пережил ужас первых грабежей наемников Карла V, но впереди его ожидал еще знаменитый *Sacco di Roma*, а папу Климента VII — пленение в замке св. Ангела, позорная капитуляция и бегство в Орвьето. Поэтому он признал законность притязаний Запольяи на Венгрию³⁵. И только после этого, 1 февраля 1527 г. дож Андреа Гритти отправил Запольяи благосклонное письмо с поздравлениями, и с выражением надежды на возобновление торговли, прерванной «с некоторого времени из-за неблагоприятных обстоятельств»³⁶.

Однако положение Яноша Запольяи в Венгрии сильно осложнилось, когда в 17 декабря 1526 г. Фердинанд Габсбург в Пресбурге (венг. Пожонь, совр. Братислава) был выбран своими сторонниками венгерским королем при активной поддержке со стороны своей сестры Марии Габсбург, вдовствующей венгерской королевы. Летом 1527 г. он предпринял поход на Венгрию, захватил западную часть страны вместе со столицей Будой и нанес несколько серьезных поражений армии своего соперника, заставив его укрыться в Трансильвании. Успех летнего 1527 г. похода Фердинанда в Венгрию заметно ослабил лагерь сторонников Запольяи не только в Европе, но и в самой Венгрии. Многие бароны перешли на сторону Фердинанда. 3 ноября 1527 г. в Секешфехерваре, месте древних коронаций венгерских королей, Фердинанд I был коронован Святой Венгерской короной. Противники Габсбургов зашевелились, опасаясь их чрезмерного усиления. Тем не менее, реальной помощи Яношу Запольяи не оказали ни французский, ни английский короли, ни баварский герцог, ни регенсбургский рейхстаг³⁷. После устрашающего *Sacco di Roma* европейские дворы стали проявлять большую осторожность перед лицом соперника Фердинанда I в Венгрии. Польша отнекивалась,

³³ Синьория — своему послу в Стамбуле от 2 октября и 11 ноября 1526 г. (*Óváry L. 2. füz., 5.l. № 6; 6. old. № 11*).

³⁴ Письмо некоего Мирче от 1526 г. (*Ibid. 8.old. № 19*).

³⁵ *Bárdossy L. Magyar politika a mohácsi vész után. Budapest, 1943. 38. old.*

³⁶ Венецианский дож Андреа Гритти — венгерскому королю Яношу Запольяи от 1 февраля 1527 г. (*Óváry L. 2. füz., 9.old. № 23*).

³⁷ См. об этом: *Bárdossy L. Op. cit. 33—47. old.*

ссылаясь на набеги татар и предлагала свое посредничество в примирении Запольяи и Фердинанда³⁸. Переговоры проходили в первой половине июня 1527 г. в Оломоуце; их бесперспективность была очевидна: они закончились провалом, т.к. Фердинанд требовал от Запольяи отказаться от венгерского трона³⁹. Следует отметить, что позиция по этому вопросу занятого военными действиями в Италии Карла V заметно отличалась от намерений его младшего брата: император настаивал, чтобы Фердинанд в переговорах пошел на уступки Яношу Запольяи — вплоть до отказа от Венгрии, до которой Карлу не было никакого дела. Но Фердинанду было важно сохранить за собой новое приобретение: как базис своих наследственных владений в Центральной Европе и как форпост перед османской экспансией. Венеция пристально следила за переговорами в Оломоуце, стараясь помешать им, поскольку в ее планы вовсе не входило примирение соперников в Венгрии. Противодействуя братьям Габсбургам, Республика стала подсказывать Запольяи такие шаги, которые открыли путь туркам к завоеванию Венгрии.

Уже в конце 1526 г. посол императора сообщал из Венеции, что та подталкивает Яноша Запольяи к сближению с Портой⁴⁰. Республика опасалась, что Фердинанд окончательно одолеет Запольяи и овладеет Венгрией. Чтобы склонить изначально решительно настроенного на борьбу с османами Запольяи искать покровительства у «заклятого врага христианства», Синьория дважды в разгар похода Фердинанда I в Венгрию летом 1527 г. отказывала ему в предоставлении денежной помощи, ссылаясь на тяготы войны с императором. В создавшихся условиях, оставленному всеми европейскими «благожелателями» Яношу Запольяи не оставалось ничего другого, как обратиться за поддержкой к султану. Ему, действительно, нужно было спешить, потому что в то же самое время и Фердинанд стал искать контактов со Стамбулом. Он отправил туда людей, чтобы получить охранную грамоту для своих послов, которых он намеревался послать на переговоры с «врагом христиан». 15 апреля 1527 г. Порта выдала такую грамоту⁴¹.

Вскоре после избрания Фердинанда I Синьория инструктировала своего посла в Стамбуле, чтобы тот добивался у султана признания венгерским королем Яноша Запольяи, аргументируя это тем, что Габсбурги представляют опасность для Османской империи — особенно, если оба

³⁸ Из доклада польского посла Кшиштофа Седловецкого, посланного к Фердинанду I, февраль-март 1527 г. (*Óváry L. 2.füz., 9—10.old. № 26*).

³⁹ Barta G. Két tárgyalás Sztambulban. Hyeronimus Łaski tárgyalása a töröknél János király nevében. Habardanecz János jelentése 1528. nyári sztammbuli tárgyalásairól. Bevezetés // (Régi magyar könyvtár. Források 5). Budapest, 1996. 10.old.

⁴⁰ Acsády I. Magyarország három részre oszlásának története. Budapest, 1897. 63.old.

⁴¹ Barta G. Két tárgyalás Sztambulban. Bevezetés. 17.old.

брата, получив огромные ресурсы, объединятся⁴². Опасения Венеции разделяли и в Стамбуле. Великий визирь Ибрагим-паша информировал венецианцев о предпринимаемых Габсбургами шагах. Через своего посла Синьория благодарила его за информацию и настойчиво убеждала в том, что Фердинанд, ища контактов с Портой, действует ей во вред, так как стремится завладеть одновременно Моравией, Силезией, Чехией и Венгрией вместе взятыми и, таким образом, усилить своего брата императора⁴³. Синьория сообщала Ибрагиму-паше и о том, что кортесы в Вальядолиде обещали Карлу 60 000 золотых с тем, чтобы тот помог брату. Она призывала великого визиря помешать братьям объединить усилия, и видела решение этой проблемы в том, чтобы султан не допустил перехода Венгрии под власть Фердинанда и послал против него сильное войско, которое вынудило бы его уйти из Венгрии и приграничных районов Австрии⁴⁴. Правда, венецианцы раскрывали перед Портой не все свои карты, ратуя за признание Яноша Запольяи на венгерском троне. Республика боялась не только Габсбургов, но и турок. Она рассчитывала на то, что если Венгерское королевство во главе с Яношем Запольяи сохранит свою независимость, пусть под покровительством султана, тот не станет ее завоевывать и — Османская империя не расширит свои границы в Европе⁴⁵.

Янош знал о связях христиан со Стамбулом: Франциска I и Венеции, которые и его самого поощряли к контактам с султаном. Под угрозой военного давления со стороны османов и Габсбургов Запольяи, очевидно, стремился не допустить того, чтобы, в конце концов, ему не пришлось вступать в переговоры с османами как побежденному и уже в качестве слуги султана. В дипломатических кругах ходили разговоры о том, что Яноша неофициально, в глубокой тайне уже дважды посещали турецкие дипломатические агенты. В хронике «О гибели Венгрии» каноника Дьёрдя Сереме, человека весьма осведомленного в происходящем, находившегося в то время в непосредственном окружении короля Яноша, турецкие предложения во время этих визитов представлены так, как будто турки подталкивали короля к активным действиям в Венгрии и обещали ему в помощь 50-тысячное войско⁴⁶. Но тогда Янош еще не был готов к каким-либо союзным отношениям с врагом.

В этих условиях поворотным моментом в отношениях Порты и Венгрии стало посольство Яноша Запольяи к султану Сулейману Великолепному. Венецианская дипломатия, наконец, добилась своего. В де-

⁴² Венецианский Совет — своему послу в Стамбуле Минию 27 января 1527 (MTA Ms 4979/2/b)

⁴³ Синьория — своему послу в Стамбуле 13 мая 1527 г. (Óváry L. 2. füz., 10.old. № 31).

⁴⁴ Синьория — своему послу в Стамбуле 25 мая 1527 г. (Ibid. 11.old. № 33).

⁴⁵ Jászay M. Op. cit. 227.old.

⁴⁶ Szeremi György. Magyarország romlásáról. 213.old.

кабре 1527 г. в Стамбул прибыл посол Запольяи польский дипломат Иероним Ляски, который незадолго до этого уже представлял интересы антикороля в Париже перед Франциском I и в Лондоне — перед Генрихом VIII⁴⁷, к которым он безуспешно взывал о помощи против турок.

Все перипетии этого посольства подробно зафиксированы в дневнике посольства самого Ляски. Его основной целью было добиться от султана признания Яноша Запольяи законным властителем Венгрии, а также возвращения захваченных османами земель, в частности, Серема и крепостей королевства⁴⁸. Исходные позиции Порты в переговорах были диаметрально противоположными. Турецкая сторона исходила из того, что Венгрия была завоевана султаном и должна платить ему дань (налог), признав свою зависимость от султана подобно Молдавии и Валахии⁴⁹. Поэтому и переговоры высшие сановники Сулеймана, в первую очередь, великий визирь Ибрагим-паша, вели с позиций силы, пренебрежительно по отношению к представителю Яноша⁵⁰. Так ему давали понять, что и речи не может быть о дружбе, о заключении равноправного союза и договора.

Однако уже в начале января миссия этого венгерского короля в Порте увенчалась блестящим успехом: Янош Запольяи был признан королем Венгрии, султан обещал ему военную помощь против Фердинанда Габсбурга, причем намеревался сам возглавить поход на Вену через Венгрию. Захваченные в походе австрийские земли Сулейман великодушно обещал передать Яношу Запольяи⁵¹.

Причина неожиданного успеха миссии объясняется не столько дипломатическими талантами и усилиями Иеронима Ляски, хотя в дневнике он всячески подчеркивал свои заслуги на переговорах. Достижения посольства были скорее результатом работы венецианской дипломатии при посредничестве тесно связанного с Республикой Алвиза (Алоиза, Луиджи, Людовика) Гритти. Он был внебрачным сыном венецианского дожа Андреа Гритти, обосновавшимся в Стамбуле крупным банкиром, близким ко двору султана человеком, доверенным лицом, можно сказать, другом, верховного везира Ибрагима-паши⁵².

⁴⁷ Barta G. Két tárgyalás Sztambulban. Bevezetés. 17.old.

⁴⁸ Hyeronimus Łaski tárgyalása a töröknél János király nevében // Barta G. Két tárgyalás Sztambulban. 99.o1d.

⁴⁹ Ibid. 104.old.

⁵⁰ Ibid. 103.old.

⁵¹ Hyeronimus Łaski tárgyalása a töröknél János király nevében // Barta G. Két tárgyalás Sztambulban. 160.old.

⁵² Алвизу Гритти посвящено несколько специальных исследований: Wenczel G. Verböczi István velencei követsége. Pest, 1850; Kretschmayr H. Gritti Lajos. Budapest, 1901; Barta G. Lodovico Gritti magyar kormányzása // Történelmi Szemle, 1971; Szakály F. Veszőhely az út porában. Gritti Magyarországon 1529—1534. Budapest, 1986;

Алвиз Гритти получил европейское университетское образование, прекрасно знал многие языки, в том числе, османский, греческий, слыл искусным дипломатом. Будучи сыном турчанки и живя в Стамбуле, он, тем не менее, открыто придерживался католической веры, на что турки, видимо, не без причины, смотрели весьма снисходительно. Очевидно, им было выгодно использовать это обстоятельство в отношениях с христианскими правителями, в расчете на доверие, которое может вызвать у них единоверец.

Так было и на переговорах Иеронима Ляски в Стамбуле. Именно Алвиз обеспечил послу Яноша Запольяи благосклонность великого визиря Ибрагима-паши и других высших сановников двора султана, которые от имени султана вели переговоры. По словам Ибрагима-паши, благодаря усилиям Гритти султан отказался от первоначального требования — наложения дани на Венгрию⁵³. Однако Алвиз Гритти действовал не самостоятельно и вел сложную игру: в интересах как Венеции, так и Порты, но и не без выгоды для себя⁵⁴. Он находился в постоянном контакте с венецианскими властями, со своим отцом путем личной переписки, а также через венецианского посла в Стамбуле. Все вместе они трудились над тем, чтобы венгерско-турецкие переговоры не сорвались, чтобы султан признал венгерским королем не Фердинанда Габсбурга, а Запольяи и оказал последнему помощь против эрцгерцога, за которым стоял его брат, испанский король и германский император, на тот момент противник Венеции в войнах за Италию. Со слов великого визиря Ибрагима-паши, именно благодаря Алвизу и венецианцам султан отказался от завоевательного похода на Венгрию, который планировал предпринять летом 1527 г.⁵⁵ Гритти добился разрешения велико-

Nemeth Papo G., Papo A. Ludovico Gritti un principe-mercante del Rinascimento tra Venezia, i turchi e la corona d'Ungheria. Edizioni della Laguna, 2006.

⁵³ Hyeronimus Łaski tárgyalása. 111.old.

⁵⁴ С этих переговоров началась политическая карьера Алвиза Гритти в Венгрии. После отъезда Иеронима Ляски он стал официальным представителем Яноша Запольяи при дворе султана. В 1529 г. Гритти сопровождал султана в походе на Вену и, вопреки предостережению отца, снабжал провиантом турецкие войска. Тогда же Янош Запольяи, испытывавший серьезные финансовые проблемы, в надежде поправить дела, назначил успешного банкира Алвиза Гритти главным хранителем казны королевства. В 1531 г. доверие Запольяи к Гритти достигло пика: он был назначен правителем Венгрии. Слухи поднимали Гритти еще выше, приписывая ему тайные намерения занять венгерский престол. Во всяком случае он уже без ведома Порты вступил в тайные сношения с Фердинандом с целью создать союз против турок. Карьера этого авантюриста закончилась также стремительно, как и началась: в 1534 г. он вместе с сыном стал жертвой заговора трансильванских магнатов при молчаливом одобрении и Стамбула, и Яноша Запольяи, заподозрившего своего протеже в притязаниях на власть.

⁵⁵ Hyeronimus Łaski tárgyalása. 116.old.

го визиря быть официальным посредником в переговорах с венгерским послом⁵⁶. Вместе с венецианским послом они постоянно «опекали» Ляски во время его пребывания в Стамбуле, приглашали к себе, давали советы. Алвиз то угрожал послу, то шантажировал его, склонял принять на первых порах очень жесткие условия Порты, используя известия о военных поражениях, которые в это время терпел в Венгрии Янош Запольяи от Фердинанда⁵⁷. Когда было необходимо затянуть время, Гритти хвалил Ляски за твердость и упорство, проявленные им в переговорах, советовал выдерживать эту позицию. При этом Алвиз использовал любую возможность, чтобы в выгодную для Венеции сторону повлиять и на турок, для чего использовал свою дружбу с великим визирем. Так, он доказывал Ибрагиму-паше, что, отказавшись вернуть венграм, область Серем, султан обременит себя огромными расходами по ее содержанию⁵⁸; ссылаясь на угрозу, которую представляют для Порты братья Габсбурги, если они объединят свои усилия против султана. Он даже пытался шантажировать своих хозяев-турок, которые были заинтересованы в том, чтобы через Яноша Запольяи подчинить себе Венгрию. Так, Гритти высказывал Ибрагиму-паше свои опасения в том, что посол Запольяи утратит доверие к нему и заведет переговоры в тупик. Хитрый венецианец приводил в подтверждение своих слов «убийственный» аргумент: Ляски не венгр, снискал милость многих государей, какая ему, мол, разница, в чьих руках в конце концов окажется Венгрия: Запольяи или Фердинанда⁵⁹.

В результате бурной деятельности Гритти и венецианского посла турки смягчали выдвигаемые перед Яношем Запольяи и его представителем условия. Иероним Ляски был принят султаном, в чем в начале визита ему категорически отказывали. А это означало признание Яноша Запольяи сначала стороной, с которой можно вести переговоры, а затем и законным правителем Венгрии. Вопрос об уплате Венгрией дани (или налога), означавший признание ее вассальной зависимости от Порты, вначале ставившийся турецкой стороной категорично, со временем был заменен подарком. Менялись в сторону уменьшения и его размеры. В конечном счете, вопрос был совсем исключен из условий договора. Таким образом, на тот момент признанный османами венгерским королем Янош Запольяи сохранял свою независимость от Порты (по крайней мере, формально).

Тем не менее, несмотря на видимый успех, вряд ли можно считать миссию польского дипломата, посланника Яноша Запольяи Иеронима

⁵⁶ Ibid. 129.old.

⁵⁷ Ibid. 136.old.

⁵⁸ Ibid. 136.old.

⁵⁹ Ibid. 134.old.

Ляски в Стамбул удачной. Он и сам это понимал, хотя в своем дневнике всячески выставлял себя в самом выгодном свете: приписывал себе непоколебимую принципиальность и упорство в отстаивании своих требований, смелость перед лицом двора султана, отважные речи и т.д. Едва ли не смех вызывает то, как он по завершении переговоров якобы поучал и наставлял высших сановников султана в том, что они должны предпринять в ближайшее время и как вести себя в отношениях с Запольяи. Если верить словам Ляски, он предписывал туркам предоставить военную помощь королю и ему самому, но не предпринимать никаких военных действий, а сидеть и ждать распоряжений Яноша Запольяи⁶⁰. Конечно, об этом не могло быть и речи. «Передай своему господину, что отныне все его дела будут моими, но и мои дела должны быть обязательными для него», — заявил Сулейман Ляски на прощальной аудиенции⁶¹. Это означало, что отныне султан брал на себя инициативу ведения войны с Фердинандом Габсбургом, а Яноша Запольяи с его войсками делал придатком в своих планах и действиях. Таким образом, итоги переговоров на законных основаниях открывали Сулейману Великолепному дорогу в Венгрию под предлогом помощи дружественному соседу против его врага. 15 марта 1528 г. Синьория с удовлетворением информировала французского посла о результатах посольства Иеронима Ляски в Стамбуле, о союзе султана с венгерским королем против Австрии, о начавшемся 10 марта походе султана против Фердинанда. Синьория также сообщала о том, что Ляски получил много наград и отправился в обратный путь в сопровождении десяти тысячного войска⁶². Венецианцы немного покривили душой: они забыли написать союзникам о том, что после завершения переговоров Ляски почти целый месяц принудительно удерживали в Стамбуле, опасаясь, что он выдаст планы о готовящемся выступлении турецкой армии. Таково было доверие Порты к «триумфатору» Ляски и его господину, новому союзнику султана венгерскому королю Яношу Запольяи.

⁶⁰ Ibid. 162.old.

⁶¹ Ibid. 166.old.

⁶² Синьория — послу французского короля в Венеции 15 марта 1528 г. (*Óváry L. 2.füz., 18.old. № 67*).

Мальборо: семья и политика

Семья первых герцогов Мальборо была при королеве Анне Стюарт (правившей в 1702—1714 гг.) самой могущественной и известной в Англии в начале XVIII столетия. Джон Черчилль, герцог Мальборо — прославленный полководец, не знавший поражений, член кабинета и палаты лордов. Дж. Черчилль и его близкий друг министров финансов С. Годолфин составляли т.н. «дуум-вират» — союз, обладавший весомым политическим влиянием и определявший внутреннюю и внешнюю политику страны на протяжении первого десятилетия XVIII в. Военные успехи одного поддерживались успехами другого в управлении государственными финансами. Жена герцога (в девичестве Сара Дженнингс) — фаворитка королевы Анны, занимала все ключевые должности при августейшей особе и отличалась бескомпромиссной приверженностью вигам. Семья герцога и герцогини Мальборо всегда была на виду; их жизнь вызывала зависть, любопытство, часто становилась мишенью политической сатиры, и лишь немногие снискали их дружбу. Карьера обоих супругов при дворе началась со скромных должностей и небольшого материального достатка. Огромное в последующем состояние было с одной стороны, получено благодаря монаршей милости, что было типичным для королевских любимцев и во все предшествующие времена, а, с другой, — преумножено благодаря их собственной деловой активности, что, несомненно, представляется явлением не столь широко распространенным прежде. С начала XVIII в. в Англии благодаря развитию финансово-денежных отношений открывались новые возможности увеличивать свое богатство не только за счет земельных владений, но и путем выгодных капиталовложений, чем супруги Мальборо и смогли к собственной выгоде воспользоваться. Интерес к этой супружеской паре не ослабевает и по сей день. Многочисленные работы, посвященные герцогу, главным образом, обращаются к его деятельности полководца, дипломата и политика¹. Однако частная жизнь Мальборо часто оставалась в тени его военных побед. В последнее время внимание к личности его жены гер-

¹ Chandler D. Marlborough as a Military Commander. L., 1976; Hussey J. Marlborough. Hero of Blenheim. L., 2004. Также см. биографический портрет Мальборо в статье: Ивонина Л.И. Джон Черчилль, герцог Мальборо // Вопросы истории. М., 2003. № 6; Она же. Мальборо. М., 2011; Кутищев А.В. Герцог Мальборо и его время. М., 2012.

цогини Мальборо все увеличивается, что связано с интересом к женской теме вообще и истокам феминизма в частности.² В первых биографических работах, посвященных герцогине главное место уделялось ее взаимоотношениям с королевой Анной, а также участию в интригах при дворе.³ С XVIII в. и по настоящее время герцогиня Мальборо не оставляет авторов беспристрастными, нередко вызывая противоречивые чувства, в том числе и жесткое осуждение за свой пылкий нрав, властность, бескомпромиссность и активное вмешательство в политику. Необходимо особенно отметить появление тщательного, сбалансированного в оценках, основанного на огромном архивном материале, обобщающего все предыдущие изыскания, исследования О. Филд «Сара Черчилл, герцогиня Мальборо, фаворитка королевы»⁴. В этой фундаментальной работе нашла отражение роль герцогини Мальборо в семейных отношениях, вплетенная в ткань подробного биографического повествования. В распоряжении исследователя оказались неопубликованные материалы, проливающие свет на отношения внутри семьи (например, «Зеленая книга» герцогини, посвященная семейным делам, черновики ее мемуаров, переписка), но труднодоступные для историков, поскольку хранятся в частном семейном архиве Черчиллей—Спенсоров.

Привилегированное положение семьи Мальборо не позволяет назвать ее типичной, но, если следовать задаче, сформулированной Ю.Л. Бессмертным, «исследовать, насколько отдельный индивид был в состоянии действовать «по-своему», отклоняясь от предписанных обычаев»⁵, то рассмотрение поведения ее членов может расширить наше представление об отношениях внутри патриархальной семьи на рубеже XVII—XVIII вв. В данной статье предпринята попытка рассмотреть внутрисемейные отношения и влияние, которое оказывала на них политическая жизнь; исследовать степень свободы, которую женщина могла получить, а мужчина был готов ей предоставить в рамках патриархального типа семьи, бывшего в то время и остававшегося определяющим до начала XIX в.

Сара Дженнингс родилась 5 июня 1660 г. в семье Фрэнсис и Ричарда Дженнингс, принадлежавшей к провинциальному мелкопоместному джентри. Она была младшей из пяти детей. Когда ей исполнилось

² Проблемы раннего английского феминизма подробно рассмотрены в монографии: *Лабутина Т.Л.* Воспитание и образование англичанки в XVII. СПб., 2001.

³ *Colville O.* Duchess Sarah. L., 1904; *Campbell K.* Sarah Duchess of Marlborough. L., 1932.

⁴ *Field O.S.* Churchill Duchess of Marlborough the Queen's favorite. N.Y., 2002.

⁵ Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 1996. С. 14.

восемь лет, ее родители разошлись, хотя официально развод не был оформлен. Ее мать начала судебную тяжбу против своего супруга с требованием вернуть наследство. В 1668 г. Фрэнсис с детьми переехала в Лондон. Детство Сары пришлось на период Реставрации. В 13 лет она со старшей сестрой, названной в честь матери, отправилась к королевскому двору и стала одной из четырех фрейлин герцогини Йоркской Марии Мадены, второй жены короля Якова II Стюарта.

Со своим будущим мужем Сара Дженнингс встретила при дворе.⁶ Много общего было в их происхождении и «пути восхождения». Также как и она, Джон прибыл ко двору со старшей сестрой Арабеллой, которая стала фавориткой короля Якова II. В 16 лет он уже становится пажом при герцоге Йоркском. Сара впоследствии вспоминала о своем первом впечатлении от будущего супруга: «он был красив как ангел, хотя и небрежно одет».⁷ Первые шаги по карьерной лестнице Джон, вероятно, сделал благодаря протекции сестры, хотя позже Сара не хотела, чтобы его биографы писали об этом, во-первых, потому, что Арабелла олицетворяла для нее все, против чего она позже так яростно восставала: приверженность абсолютизму и связь с главным врагом Англией Францией. Сын Арабеллы Яков Фитцджереймс, будущий герцог Бервик, последовал за своим отцом королем Яковом II в изгнание, и стал командующим во французской армии. В своей дипломатической деятельности Черчилль часто использовал его для переговоров с французами и якобитами (сторонниками короля в изгнании Якова II и его потомков). Для Сары же близость Арабеллы и Бервика к якобитам являлась почти преступлением. И, тем не менее, несколько лет спустя, когда ее собственная сестра Фрэнсис вышла второй раз замуж за лорда Тирконнела, ярого приверженца Якова II, и ей не позволяли возвращаться в Англию, Сара хлопотала о прощении сестры, оставив в стороне политические разногласия. А, во-вторых, она была озабочена тем, чтобы их потомки не подумали, будто Мальборо своими успехами обязан женщине. Интересно отметить — леди Сара очень большое внимание уделяла созданию эпистолярного памятника своему супругу и себе самой, что, безусловно, наложило определенный отпечаток на ее мемуары.

После свадьбы Джона Черчилля и Сары Дженнингс в 1689 г. молодой супруг, оставив жену, принял командование 11000 англичанами во Фландрии в войне с Францией. С этого момента судьба семьи Мальборо была тесно связана с важнейшими событиями того времени — войной с Францией и «Славной революцией» 1688—89 гг. По-

⁶ Подробную историю отношений супругов Мальборо см.: *Ивонина Л.И.* Джон Черчилль и Сара Дженнингс: женитьба и перспективы // Британские исследования. Ростов-на-Дону, 2010. Вып. III. С. 408—424.

⁷ Цит. по: *Field O.* Op. cit. P. 15.

пытка короля Якова II восстановить в стране католицизм вместе с усилением абсолютистских тенденций вызвало недовольство практически во всех слоях общества. Родная дочь короля принцесса Анна, воспитанная в протестантской вере, через мужа своей обожаемой подруги леди Сары — Джона Черчилля передала послание доверенному лицу Вильгельма Оранского, штатгальтера Голландской республики. В этом послании она выражала опасение и тревогу по поводу политики, проводимой отцом. Джон Черчилл также лично неоднократно писал Вильгельму Оранскому о том, что его должности и благоволение к нему короля, ничего для него не значат в сравнении с возможностью оставаться верным своей вере; что он отдает себя в руки штатгальтера, заверяя о готовности служить ему и поддержать его в случае интервенции⁸. 30 июня 1688 г. шесть лордов и один епископ (среди них были как виги, так и тори) подписали обращение к Вильгельму Оранскому с призывом спасти протестантскую религию и осуществить вторжение в Англию. 5 ноября 1688 г. Вильгельм Оранский высадился в Девоншире. После нескольких дней колебаний на сторону штатгальтера стало переходить дворянство. Войско Якова II было также ненадежно. Его главнокомандующий Джон Черчилл 24 ноября выполнил свое обещание и присоединился к Вильгельму Оранскому, в лагерь которого с помощью Сары бежала принцесса Анна и ее муж принц Георг. После этого события привязанность принцессы Анны к супругам Черчилл еще более окрепла. С воцарением Вильгельма и его жены Марии, Джон Черчилл был оставлен на посту командующего в чине полковника, стал членом Тайного совета, и ему даровали титул лорда Мальборо. Однако симпатии и большого доверия новый король к герцогу не испытывал.

Дальнейшее возвышение Мальборо связано с восшествием на престол королевы Анны, чьим огромным расположением пользовались супруги, а так же блестящими победами Джона Мальборо во время войны за Испанское наследство (1702—1714 гг.). С началом войны лорд Мальборо, как и многие другие мужчины, принимавшие в ней участие, подолгу отсутствовал дома. Он возвращался в Англию только на зиму, и не каждый год. Таким образом, все управление хозяйством ложилось на плечи женщин, и его супруга не являлась исключением. Война в некоторой степени повлияла на изменение расстановки сил внутри семьи. До отставки Джона Мальборо с поста главнокомандующего объединенными силами Большого альянса в 1712 г. супругам сохранять близкие отношения помогала переписка. Они писали друг другу почти каждый день. Письма не оставляют сомнения в том, что это общение

⁸ *Hussey J. Op. cit. P. 28.*

было необходимым и интересным для обоих. Мальборо постоянно заверял жену, что ему важно знать, о чем она думает, а также он ждал ее сообщений о событиях в столице: «Ты извиняешься за то, что твое письмо вышло слишком длинным, умоляю тебя поверить, что даже, если бы я был намного больше занят, чем сейчас, я бы с удовольствием бросил все ради прочтения твоего письма и, если я и испытываю какие-либо затруднения, то лишь оттого, что переворачиваю страницу и с огорчением обнаруживаю, что письмо закончилось»⁹. Мальборо, измученный тяжелым переходом или военной операцией, всегда находил время послать жене хоть несколько строчек. Благодаря сохранившимся письмам можно представить, о чем говорили супруги и при личных встречах. Джон сообщал жене то, что интересовало ее больше всего: о своем самочувствии, местонахождении, о проблемах с союзниками Англии по Большому альянсу, о погоде, о том, что больше всего на свете хотел бы быть с ней в их семейном доме. Леди Мальборо писала о домашних делах, детях, строительстве нового дома. В то же время большая часть всей переписки была посвящена обсуждению политических коллизий.

Опубликованные письма в основном относятся к периоду 1703—1710 гг. — времени обострения политических баталий между вигами и тори, особенно, по вопросам внешней политики. Леди Мальборо, будучи приближенной к августейшей особе, имела возможность давать королеве читать послания супруга, в которых тот откровенно делился собственными соображениями о важнейших вопросах внутренней и внешней политики. Так, например, он просил Сару показать королеве его письмо, дабы заранее подготовить государыню к тому, что не поддержит инициатив, «пагубных для Англии»¹⁰. В другой эпистоле просил жену напомнить королеве о двухлетнем юбилее своей знаменитой победы при Блэнхейме, чтобы не дать ей забыть, чем она ему обязана¹¹. Леди Мальборо была включена и в переписку супруга с его другом министром Годолфином. Она прочитывала корреспонденцию, которую вели между собой Мальборо и Годолфин, иногда для того, чтобы показать королеве, какие мнения высказывают министры приватно. Мальборо также было важно знать, что происходит в королевских покоях. Он пересылал супруге письма, которые получал от третьих лиц, дабы она была хорошо информирована для оказания нужного им влияния на королеву. Он писал жене: «вынужден согласиться с тобой: то, что миссис Морли (королева) ничего не ска-

⁹ *Marlborough S. Private Correspondence of Sarah, Duchess of Marlborough. L., 1838. Vol. I. P. 99.*

¹⁰ Имеется ввиду заключение мира с Францией: *Marlborough S. Op. cit. Vol. I. P. 211.*

¹¹ *Marlborough S. Op. cit. Vol. I. P. 62.*

зала о моем письме — это означает, что ей не нравится его тема. Я послал с последней почтой (тебе) ее ответ». Мальборо неоднократно пересылал Саре письма королевы к нему (королеве, разумеется, знать об этом не следовало). Содержание этих эпистол не подлежало разглашению и их следовало сохранить «на всякий случай»¹². Мальборо просил жену: «Был бы тебе очень признателен, если ты дашь мне знать, какое впечатление на королеву произвело мое последнее письмо». А в другом послании он отвечает на замечания леди Сары по поводу черновика его письма королеве, с которым, прежде чем его отослать, познакомил ее, что делал довольно часто¹³. Лорд Мальборо сообщал Саре о необходимости делать все для сохранения доверия королевы: «Ты знаешь, как для меня приятны сообщения о твоих хороших отношениях с миссис Морли (королевой). Мне бы очень хотелось, чтобы в интересах всех они могли продолжаться». И добавлял: «иначе все разрушится»¹⁴, имея в виду продолжение войны и поддержку вигов. Вынужденная необходимость заставила Сару взять управление хозяйством и семьей в свои руки, а выпавшая ей роль посредника между мужем и королевой позволила принять участие в политической борьбе. В послереволюционный период политикой интересовались не только мужчины, но и женщины, которые, за редким исключением, принять непосредственное участие в ней не могли. Мальборо была таким исключением.

Близость жены к королеве была полезна Джону Мальборо и тем, что позволяла получать должности для своих протеже.¹⁵ Но и супруга, в свою очередь, упорно и не всегда безуспешно пыталась убедить мужа помочь склонить королеву к назначению на важные посты вигов, к которым он относился с известной долей осторожности. Виги широко использовали возможность лоббирования через преданную им герцогиню¹⁶. Сара не упускала шанс продемонстрировать королеве, что с вигами связано будущее страны. В отличие от жены, Мальборо старался остаться над схваткой политических соперников и испытывал неприязнь к наиболее радикальной группе среди вигов — «Хунте», членом которой был его зять лорд Сандэрлэнд, придерживавшийся республиканских взглядов. В 1706 г. виги стали активно проталкивать Сандэрлэнда на пост государственного секретаря вместо принадлежавшего к

¹² *Marlborough S. Op. cit. Vol. I. P. 60, 76, 139.*

¹³ *Ibid. Vol. I. P. 77, 79.*

¹⁴ *Ibid. Vol. I. P. 63, 92.*

¹⁵ *Ibid. Vol. I. P. 104.*

¹⁶ *Иерусалимская Е.В. Фаворитизм в эпоху становления конституционной монархии в Англии. Герцогиня Мальборо и виги (1702—1710) // Переходные эпохи в социальном измерении. М., 2002.*

тори сэра Чарльза Хеджиса. Герцогиня Мальборо использовала все влияние на королеву, чтобы добиться этого назначения. Герцог Мальборо, однако, был не в восторге. Но, как он писал жене: «если я высказал свое мнение, а мои друзья его не разделяют, я предпочел бы, чтобы мною руководили, чем руководить самому; это убеждение, помогало мне избежать многих проблем в жизни»¹⁷. Интересно, однако, отметить, что в своих воспоминаниях леди Мальборо скромно писала, что ей редко удавалось без помощи мужа или лорда Годолфина добиться того или иного назначения, подчеркивая тем самым главенствующую роль мужчин, и полагая неприличным демонстрировать собственную самостоятельность¹⁸.

Герцог и герцогиня Мальборо оба были заняты политикой, которая занимала большую часть их жизни, и от которой зависело благосостояние семьи. Они нередко обсуждали события происходившие в парламенте, правительстве и при дворе, оба хорошо представляли позиции друг друга. «Ты знаешь мое мнение по вопросам, которые следует обсудить до открытия парламента» — писал лорд Мальборо жене. Между тем, политические пристрастия супругов разнились. Сара признавала только одну партию вигов, и была чрезвычайно последовательна в своей приверженности. Дж. Мальборо старался не связывать себя ни с одной партией, поддерживая контакты с обеими, что очень огорчало его жену. Она считала заигрывание Мальборо и Годолфина с тори весьма опасным. Герцогиня боялась, что Мальборо может склониться на сторону тори. Супругу приходилось успокаивать ее и заверять, что их комплименты и восхваления не вскружат ему голову, ибо его единственное желание служить королеве и ее правительству¹⁹. При этом он писал, что не может согласиться с тем, что «все тори являются сторонниками короля Якова III и, соответственно, врагами королевы»; напротив, во власти королевы использовать некоторых из них на благо Англии, на благо обеспечения протестантского наследия²⁰. Герцогиня же не сомневалась в обратном. Она в каждом тори видела якобита. Ее убеждения и интересы семьи были столь тесно переплетены с интересами королевы Анны и протестантским наследием, что она смертельно боялась реставрации. Возможно, именно для защиты будущего своей семьи герцог Мальборо поддерживал практически постоянную связь с королем в изгнании Яковом II и его наследником Яковом III. Неизвестно, насколько он посвящал в это леди Сару, зная ее бескомпромиссное отношение к якобитам. Когда королева серьезно заболела, и стало ясно, что дни ее

¹⁷ *Marlborough S. Op. cit. Vol. I. P. 65.*

¹⁸ *Ibid. Vol. I. P. 103.*

¹⁹ *Ibid. Vol. I. P. 52.*

²⁰ Цит. по: *Churchill W. Marlborough. His Life and Times. L., 1934. Vol. I. P. 180.*

сочтены, в какой-то момент из-за роста якобитских настроений показалось вполне вероятным, что Яков III наследует трон при условии принятия Протестантизма. Тогда Дж. Мальборо через своего племянника лорда Бервика ходатайствовал перед королем Яковом III о прощении. Одновременно он держал в курсе своих переговоров и Ганновер, чтобы обезопасить себя также и на случай исполнения закона «О престолонаследии» 1701 г.

Ожесточенная партийная борьба велась в 1702—1704 гг. по поводу принятия «Билля о случайном единоверии»²¹. Его активно поддерживали тори. Королева Анна, сторонница «высокой церкви», была «за» и даже заставила своего супруга принца Георга пойти и проголосовать в его поддержку в палате лордов. Леди Мальборо яростно спорила и с королевой, и со своим мужем. Герцог Мальборо не появился на первом голосовании и обещал жене, что не будет никого убеждать голосовать за него. Но Дж. Мальборо и С. Годолфин при втором чтении проголосовали «за», (т.к. боялись ответной оппозиции тори в вопросе о военных расходах), хотя в кулуарах и пытались похоронить его. Герцог Мальборо с грустью писал жене: «поскольку ты единственное, что могло бы составить мое счастье, я очень опечален тем, что мы так сильно расходимся с тобой во мнениях»²². Таким образом, очевидно, что у леди Мальборо была своя идейная позиция. Однако эти противоречия не приводили к возникновению враждебности между супругами, они уважали мнения друг друга. Дж. Мальборо писал: «Для меня было большой радостью узнать, что ты одобрила мое письмо к королеве. Ты так добра, когда говоришь, что, если я хочу, ты не будешь никогда писать о политике того, с чем я могу быть не согласен. Но ты знаешь, что в дружбе и любви не должно быть никаких ограничений, поэтому я так хочу знать, о чем думает твое сердце, и должен умолять тебя быть справедливой ко мне и верить, что я очень беспокоюсь, когда ты находишься в затруднительном положении»²³. Эта принципиальная позиция лорда Мальборо объясняла ту свободу, которую он предоставил жене в их браке: свободу иметь свое мнение и высказывать его публично. Когда в 1710 г., после окончательного разрыва королевы с герцогиней тори предложили Мальборо свою поддержку с условием, что он «обуздает» жену, герцог даже не сказал об этом супруге. Возможно, он согласился бы на альянс с тори для того, чтобы остаться на посту главнокомандующего. Дж. Свифт записал

²¹ Билль, направленный против различных сектантов (диссентеров) был окончательно принят в 1711 г. благодаря большинству, которое тори получили в парламенте на выборах 1710 г.

²² Цит. по: *Field O. Op. cit. P. 131.*

²³ *Marlborough S. Op. cit. Vol. I. P. 138*

слова торийского министра лорда Болингброка о встрече с герцогом Мальборо, «который сокрушался о своих прежних опрометчивых поступках, приведших его к сближению с вигами, и говорил, что изнурен годами, тревожностями и неудачами»²⁴. Однако выполнить требование тори он не мог, поскольку в их семье жена была свободна в своем выборе. Другое дело, если бы произошла реставрация Якова III на английском троне, то, вероятно, лорду Мальборо пришлось бы пренебречь убеждениями супруги и действовать исходя из соображений безопасности семьи.

Возможности участвовать в политической борьбе у герцогини Мальборо хотя и были гораздо шире, чем у других женщин, но, по сути, они ограничивались лоббированием интересов вигов при дворе, на выборах и отчасти в прессе. Для леди Мальборо этого было мало, ей хотелось стать участницей или хотя бы свидетельницей политических событий и, когда предоставлялась такая возможность, она непременно ее использовала. Естественно, что Сара не могла пропустить суд над священником Г. Сэчвэзелом, который являлся «рупором, если не лидером высокой церкви в Оксфорде и где бы то ни было еще»²⁵, обличавшим в своих проповедях вигов и диссентеров. Лорд Годолфин инициировал, а виги его поддерживали, дело против Сэчвэзела в парламенте, обвиняя его в государственной измене. Решение о суде, исход которого виделся как расправа над тори и триумф вигов, было принято на заседании в вигском клубе Кит—Кэт—Клаб. Женщинам запрещалось присутствовать, но герцогиня Мальборо как бы случайно заходила туда заранее и оставалась послушать разговоры — факт, также свидетельствующий о ее большой вовлеченности в политические интриги, ставшей возможной благодаря особому положению. Герцогиня с мужем присутствовала и на обсуждении дела Сэчвэзела. Религиозные взгляды супругов несколько разнились. Сара Мальборо особого интереса к религии не проявляла, но больше симпатизировала «низкой» церкви, тогда как герцог тяготел к «высокой». Поэтому леди Мальборо встретила инициативу вигов с большим энтузиазмом, чем ее муж. Много лет спустя она писала: «Какая глупость, что “высокая церковь” поддерживает свою веру гонениями»²⁶. Заседания суда длились три с половиной недели, и леди Мальборо регулярно их посещала, а затем давала полный отчет в письмах мужу, уехавшему в Гаагу. Она не была единственной женщиной среди зрителей. Во время суда возникали даже потасовки между леди разных политических убеждений. Д. Дефо в своем журнале “Review” иронично заметил,

²⁴ Свифт Дж. Дневник для Стеллы. М., 1981. С. 73.

²⁵ Trevelyan G. England under Queen Ann. L., 1962. P. 69

²⁶ Kronenberger L. Malborough's Duchess. N.Y., 1950. P. 116.

что интерес женщин к этому событию абсурден.²⁷ Однако существовало не так много мест, где можно было женщине продемонстрировать свои политические пристрастия. Суд вылился в большое политическое событие, Лондон гудел, и даже детям было разрешено присутствовать на нем. Десятилетний внук Мальборо тоже приходил туда с родителями и бабушкой каждый день, и сообщил деду — лорду Мальборо, что он против Сэчвэреда. На одном из заседаний леди Мальборо совершила поступок, шокирующий публику — она пересела из королевской ложи на скамью, занимаемую членами палаты общин. Таким образом, близкая к королевской особе леди продемонстрировала поддержку вигам, чем, однако, поставила их в неловкое положение, поскольку примеру леди Мальборо последовала часть менее знатной публики.²⁸ Несмотря на это, дело окончилось поражением вигов — Сэчвэрел был оправдан, что знаменовало смену политического курса и предвещало скорую отставку супругов Мальборо.

Другой формой политической деятельности, доступной герцогине, оказались выборы. Пик карьеры леди Мальборо пришелся на десятилетие большой политической активности в стране (10 всеобщих выборов с 1694 г.), остаться в стороне от которой она не могла. Весной 1705 г. Сара была занята выборами в парламент везде, где семья владела землей. Она лично ездила в поместье Мальборо Сент-Олбанс. В агитации использовала имя королевы и лорда Мальборо. Их протеже виг Генри Киллигрю выиграл выборы. В Вудстоке, по просьбе мужа, леди Мальборо обеспечила победу Уильяму Кадогану, неофициальному главе армейской разведки, служившему под началом герцога Мальборо. Герцогиня Мальборо периодически приглашала к себе пользующихся влиянием избирателей и читала им лекции о политике, обвиняя своих противников в принадлежности к якобитам и папизму. Тори проиграли выборы в стране и инициировали рассмотрения в Палате общин дела леди Мальборо, обвинив ее в подкупе и запугивании избирателей. Однако им не удалось представить сколько-нибудь убедительных доказательств, и герцогиня выиграла дело. На выборах герцогиня Мальборо занималась также письменной агитацией и, видимо, весьма успешно: по поводу выборов 1708 г. Дж. Мальборо писал жене, что ему очень понравился текст ее обращения к избирателям. Таким образом, можно заключить, что герцогиня не только ставила мужа в известность о своих действиях, но ей нужно было получить его одобрение²⁹. Надо отметить, что герцогиня агитировала только в своих

²⁷ См. *Field O. Op. cit.* P. 243.

²⁸ *Ibid.*

²⁹ *Marlborough S. Op. cit.* Vol. I. P. 131.

владениях и никогда не появлялась на предвыборных собраниях, поскольку это считалось недопустимым для женщины. Для того времени это было достаточно распространенной практикой, когда леди проводили избирательную агитацию в пользу члена семьи. Однако можно согласиться с мнением О. Филд о том, что поведение герцогини Мальборо было более самостоятельным, основывалось на ее собственных убеждениях и оценках, чем у кого бы то ни было из ее современниц.³⁰ Надо также отметить, что герцогиня советовалась с мужем постоянно, но не всегда следовала его рекомендациям. После того, как леди Мальборо поставила в известность супруга о влиянии, которое обрела на королеву фрейлина Эбигель Мэшем и стоявший за ней торийский лидер Роберт Харли, герцог выразил уверенность в том, что ничего поделать с этим нельзя, и настоятельно советовал жене не вмешиваться.³¹ Тем не менее, она не послушалась его и тайком пыталась шантажировать королеву угрозой опубликовать их переписку, носившую очень личный характер. Герцогиня требовала от королевы защитить ее от попыток тори обвинить в присвоении королевских денег. Осуществить эту угрозу леди Саре не пришлось, поскольку королева уступила и высказалась в защиту честности герцогини в финансовых делах. По словам очевидца, герцог Мальборо был потрясен, узнав, что жена, несмотря на его указание затаиться, продолжает бомбардировать королеву письмами.³² Что он сказал ей доподлинно неизвестно, но больше писем не было. Затем Мальборо, убедившись в невозможности для них вернуть расположение королевы, настойчиво потребовал, чтобы жена покинула столицу, и она выполнила его пожелание.

Леди Мальборо использовала и другую недавно ставшую доступной для женщин область политической деятельности — написание памфлетов. Ей приходилось отвечать на злую сатиру, направленную против нее самой. Причем, одним из ее самых язвительных оппонентов оказалась другая известная женщина, автор сатирических памфлетов — миссис Деларивер Мэнли, сторонница тори.³³

Свобода, полученная леди Мальборо благодаря отсутствию мужа, была проявлением той большей социальной, экономической и в некотором смысле политической свободы, которой наслаждались женщины всех слоев во времена войны за Испанское наследство (1702—1714 гг.). У нее было стремление вступить на территорию политической борьбы, в то время сугубо мужскую. Она неоднократно высказывала сожаление

³⁰ *Field O. Op. cit. P. 150.*

³¹ *Marlborough S. Op. cit. Vol. I. P. 132.*

³² *Field O. Op. cit. P. 258*

³³ *Manley M.D. The secret history of queen Zarah and the Zarazians: being a looking-glass for S[arah] Ch[urchin]ll in the kingdom of Albigion. L., 1705*

о том, что родилась женщиной: «Я уверена, что была бы величайшим героем, какого парламент когда-либо знал, если бы мне выпало счастье родиться мужчиной»³⁴. Это признание невольно перекликается с репликой одной из героинь в комедии У. Конгрива, который был знаком с леди Мальборо: «Я порядком устала быть женщиной и не вижу большой радости в том, чтобы носить юбку»³⁵. Однако никаких критических высказываний о несправедливости миропорядка, при котором у мужчин несоизмеримо больше прав и возможностей, у герцогини не встречались.

Особенность положения леди Сары состояла также и в ее финансовой независимости от мужа, что не было широко распространенной практикой в то время; ее мир не ограничивался домом: служба при дворе требовала времени, сил и организаторских навыков. Когда леди Сара занимала три главных поста при королеве, то получала 5 600 фунтов в год на свой личный счет³⁶. Под ее началом находилось более тридцати человек, и управление королевским хозяйством требовало больше навыков, чем при руководстве обширным поместьем. Являясь Хранительницей королевского кошелька, она занималась личными расходами государыни, вела домашнюю бухгалтерию: выдавала королеве деньги на игру, мелкие расходы, благотворительность, подарки. Когда в 1689 г. в парламенте рассматривался вопрос о выделении денег на содержание принцессы Анны, герцогиня Мальборо поступилась своими вигскими принципами ради сохранения расположения королевы. Король Вильгельм предлагал принцессе Анне 50 000 фунтов в год, если вопрос не будет вынесен в парламент. Тори, наоборот, обещали ей 70 000 фунтов, если вопрос будет рассматриваться в парламенте. Король Вильгельм Оранский послал государственного секретаря лорда Шрусбери уговорить герцогиню Мальборо повлиять на Анну и получить деньги от короля. Герцогиня отказалась, сказав, что сумма, полученная от парламента, более надежна, чем милостыня монарха. Принцесса Анна получила от парламента обещанную сумму, за что выразила благодарность своей подруге леди Саре. Возможно, причина такого поведения герцогини в том, что она свободу, по справедливому наблюдению О. Филд, связывала с наличием финансовой независимости, и ее возмущало, что иностранец — король Вильгельм — пытается контролировать женщину, имеющую больше, чем он, права на престол³⁷. Похожая ситуация сложилась в 1702 г., когда должен был быть утвержден закон о выделении денег для мужа королевы Анны принца Георга. Несколько отступив

³⁴ Field O. Op. cit. P. 150.

³⁵ Конгрив У. Офицер — вербовщик // Английская комедия XVII—XVIII веков. М., 1989. С. 436.

³⁶ Ibid. P. 99.

³⁷ Ibid. P. 61

от своих вигских принципов, леди Сара пыталась отговорить вигов от атаки на билль. Ее зять лорд Сандэрлэнд возглавил оппозицию биллю в палате лордов, поскольку был принципиальным противником обогащения короны. Герцогиня Мальборо энергично агитировала своих друзей-вигов не поддерживать лорда Сандэрлэнда. И билль был принят. Королева так никогда и не простила Сандэрлэнду его выступлений по этому важному для нее вопросу. Леди Мальборо прекрасно понимала, что не поддержки она августейшую чету, дружба с королевой, столь необходимая для семьи Мальборо, была бы безнадежно испорчена. Кроме того, оба билля не касались двух священных для леди Сары вопросов: сохранения завоеваний «Славной революции» 1688—89 гг. и защиты Протестантизма.

К своим придворным обязанностям герцогиня относилась с должным прилежанием. Так, в 1697 г. леди Сара обнаружила, что сэр Бенжамин Бэтхёрст выплачивает принцессе Анне ее доход после денежной реформы 1697 г. неправильно, и она составила вместе с Анной обвинительное письмо в его адрес. Герцогиня Мальборо рассматривала все петиции, обращенные к королеве, отбирала одни, отбрасывала другие и выполняла функции доверенного лица королевы.

При всей своей увлеченности политикой леди Сара из-за постоянного отсутствия мужа должна была заниматься домом. В кругах джентри это не было чем-то исключительным, и эффективное ведение хозяйства женой рассматривалось как очень желательное условие, позволяющее мужу проводить много времени далеко от дома, занимаясь общественными, политическими или военными делами. При этом, как отмечает А. Флэтчер, сильный характер, необходимый для такого рода деятельности, мог сочетаться с внешним проявлением покорности жены мужу³⁸. Именно так и было в семье Мальборо. Ведение семейных финансов женщиной считалось в то время очень желательным. Некоторых дочерей родители специально посылали к родственникам обучаться содержанию домашнего хозяйства. У Сары Дженнингс такой возможности не было, но детство в стесненных обстоятельствах и вечный страх бедности были, вероятно, хорошей школой. В этом смысле ее можно считать образцовой женой по меркам XVII века. Как отмечает Э. Флэтчер, «типичный английский джентльмен, безусловно, ожидал от жены самостоятельности и проявления инициативы в ежедневном управлении поместьем»³⁹. Насколько простиралась подобная самостоятельность зависело от личности супругов и их отношений. В одном из вариантов собственных

³⁸ Fletcher A. *Gender, Sex and Subordination in England 1500—1800*. New Haven, 1995. P. 174.

³⁹ Fletcher A. *Op. cit.* P. 178.

мемуаров герцогиня Мальборо писала, что после женитьбы состояние семейных финансов оставляло желать лучшего, необходимо было экономить. Однако лорд Мальборо из-за своей мягкости не мог проявлять в управлении должную твердость, что, по словам герцогини, «вынудило меня взять управление делами семьи на себя». О. Филд отмечает: несмотря на это утверждение, лорд Мальборо тоже занимался финансами, и до определенного времени жена посылала ему счета для проверки⁴⁰, однако, вполне возможно, что эта было лишь данью обычаю. А. Флэтчер приводит примеры из XVI в., когда женщины управляли хозяйством, замещая отсутствующих по делам мужей, отмечая случаи, при которых превосходство жены было столь очевидным, что мужьям не оставалось ничего другого как подчиниться⁴¹. Леди Мальборо внешне никогда не стремилась к лидерству в семье, для нее главой дома был ее муж, который, тем не менее, знал, что супруге можно полностью доверять. Герцогиня Мальборо скрупулезно следила за расходами в доме. При всем богатстве она была достаточно экономна. Когда Дж. Черчиллю королева даровала титул герцога за успешную военную кампанию 1702 г., леди Сара сначала пришла в совершеннейшее расстройство, поскольку титул требовал больших расходов на его поддержание, тогда как финансовое благополучие было предпочтительнее для нее аристократических почестей. Мальборо была также в курсе финансов мужа, о чем свидетельствует тот факт, что она публично обвинила генерал-интенданта У. Кадогана, сопровождавшего ее супруга на протяжении двадцати лет в его военных кампаниях, в плохом управлении средствами герцога.⁴² Она тщательно фиксировала все расходы, снабжая записи примечаниями, поясняющими причину увеличения выплаты одному слуге и уменьшения жалования другому. Благодаря бережливости леди Сары семья Мальборо смогла в 1684 г. выкупить долю наследства на дом в поместье Сент-Олбанс у сестры герцогини. Распределение ролей в семье Мальборо было достаточно традиционным для того времени: мужчина, согласно общепринятым нормам, являлся главой семьи и пользовался наибольшим авторитетом среди домашних. Однако для их союза справедливо замечание, что превосходство мужа над женой признавалось обществом, но вовсе не означало, что супруга была покорной и пассивной. Это подтверждает вывод, к которому пришел Э. Флэтчер: рассмотренные им девять браков показали, что и мужья, и жены могли и хотели следовать данным предписаниям, хотя патриархальность в этих семьях на практике проявлялась только в ограниченных масштабах⁴³.

⁴⁰ Field O. Op. cit. P. 41.

⁴¹ Fletcher A. Op. cit. P. 178.

⁴² Field O. Op. cit. P. 364.

⁴³ Ibid. P. 172.

Брак Сары и Джона вполне соответствовал подобной модели и был исключительно счастливым.

Не характерным для типичной патриархальной семьи являлось то обстоятельство, что каждый из супругов Мальборо распоряжался своим состоянием самостоятельно. Леди Сара отмечала, что такая финансовая свобода для жены — вещь необычная, но ее муж мог всецело положиться на ум и здравый смысл супруги. Начало этому было положено, когда Сара получила в наследство от брата собственность в Хертфордшире и наследство от матери, которое, хотя и состояло практически полностью из долгов, но сопровождалось условием единоличного распоряжения им леди Мальборо. Мать герцогини Фрэнсис Дженнингс хлебнула горя из-за транжирства своего мужа и решила оградить дочь от подобной беды.

Однако финансово-хозяйственная деятельность леди Сары этим не ограничилась. Когда Дж. Мальборо перед отъездом на войну в 1705 г. передал жене контроль над частью своего состояния, та занялась инвестированием. Сначала она следовала советам друзей, а позже уже полагалась на собственный опыт. Ею были приобретены государственные ценные бумаги Английского банка на сумму 10 000 фунтов стерлингов. Так же они с мужем вложили деньги в Восточно-Индийскую компанию и компанию Хадсон-бэй. К 1719 г. герцогиня Мальборо в своем личном пользовании имела 100 000 (почти 8 млн фунтов сегодня)⁴⁴. Это было совершенно новым делом. Лондонская биржа была основана незадолго до этого, в 1697 г., и уже «узнала первые сделки с государственными бумагами, индийскими акциями и акциями Английского банка...». Примечательно, что женщины постепенно становились значительным меньшинством среди инвесторов. Французский историк Ф. Бродель писал: «Этот крохотный мирок, набитый до отказа в часы пик, со своими завсегдатаями, своими взволнованными группками [людей], был гнездом интриг и центром могущества ..., эти маленькие чувствительные миры возмущали другие, но и внешний мир в свою очередь непрестанно их возмущал. Новости, которые колебали котировку, здесь, как и в Амстердаме, не всегда фабриковались внутри. Война за Испанское наследство была щедра на драматические происшествия, от которых в данный момент, казалось, зависело все»⁴⁵. Супруги Мальборо, возможно, обладали некоторой конфиденциальной информацией и, в свою очередь, при случае делились ею к собственной выгоде. Ф. Бродель приводит пример такой предприим-

⁴⁴ Field O. Op. cit. P. 372.

⁴⁵ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII. М., 1988. Т. 2. С. 94.

чивости: «Богатый еврейский купец Медина додумался приставить к Мальборо во всех его походах своих людей и выплачивал этому жадному и прославленному полководцу по 6 тыс. фунтов стерлингов в год, которые с лихвой себе возмещал, узнавая первым от курьеров исход знаменитых битв Мальборо: Рамии, Ауденарде, Бленхейм».⁴⁶ Герцогиня Мальборо не была единственной женщиной, которая играла на бирже, но, безусловно, являлась самой могущественной. Оба супруга были крупнейшими вкладчиками в Компанию Южных морей, которая обладала правом асьенто (монопольное право на ввоз негров — рабов из Африки в испанские колонии). Однако крах французской финансовой системы и утверждение Акта по компании Южных морей заставили герцогиню Мальборо призадуматься и убедить мужа изъять их капиталы в 1720 г.⁴⁷ Надо отдать должное ее прозорливости — в середине октября компания лопнула. Леди Сара была одной из очень немногих, кто не пострадал и получил от этой катастрофы прибыль 100 000 фунтов стерлингов, потраченных на обстановку роскошного дворца Блэнхэйма. После воцарения Ганноверской династии в Англии (1714 г.) леди Мальборо почувствовала, что новый королевский двор ее не прельщает, но чем больше отдалялась она от курии Георга I, тем больше ее притягивал другой центр власти — Сити. После смерти мужа леди Сара успешно реинвестировала средства, являясь одним из крупнейших вкладчиков Восточно-Индийской компании. К этому времени во многом благодаря собственным усилиям она стала самой богатой женщиной в Англии.

Свидетельством доверия и признания деловой компетентности леди Сары является завещание Дж. Мальборо от 1703 г., согласно которому его жена объявлялась единственным душеприказчиком. Ей завещалась основная часть состояния семьи, дочерям и внукам выделялись лишь их доли. Герцог Мальборо специально оговорил условия получения дочерью Мэри ее доли — только в том случае, если она выйдет замуж с согласия матери⁴⁸, что свидетельствовало об убежденности в том, что Сара сделает правильный выбор. Сам размер долей тоже не совсем обычный, т.к. было принято оставлять 1/3 — вдове, 1/3 — детям, 1/3 — по желанию. Окончательное завещание, вскрытое после смерти герцога в 1726 г., делало герцогиню Мальборо главным душеприказчиком и отдавало ей в полную собственность Мальборо Хаус, в пожизненное пользование Блэнхэйм, а также выделялось дополнительно 20 000 фунтов стерлингов. Дж. Мальборо писал: «Я сделал это из нежной при-

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Field O. Op. cit. P. 374.

⁴⁸ Ibid. P. 121.

вязанности, огромного уважения и благодарности, которые я имею и питаю к жене». ⁴⁹ Герцог глубоко и сильно любил жену и не пытался продемонстрировать ей свое превосходство. Он писал Саре: «Я был бы рад, если бы мы всегда с тобой придерживались одного мнения, на это всегда будут направлены мои усилия» ⁵⁰.

Большим предприятием семьи Мальборо явилось строительство дворца Блэнхейм, призванного увековечить блестящую победу герцога над французами в 1704 г. Под дворец королевой Анной им был пожалован участок в 15 000 акров в Вудстоке. Отдавая должное военному триумфу герцога Мальборо, расходы по строительству брало на себя государство. Возведение дворца заняло несколько лет. С 1705 по 1719 г. герцог Мальборо воевал, и все хлопоты, связанные со строительством, легли на супругу, которая сначала была против этого, слишком дорогого, по ее мнению, проекта. Однако герцог настоял, и ей пришлось подчиниться. Несмотря на то, что непосредственно за стройкой наблюдала леди Мальборо, и ей приходилось принимать неотложные решения на месте (определять местоположение окон, каминов, сорта строительных материалов и т.п.; указывать на недостатки, на затягивание работ), она обо всем сообщала мужу, и он высказывал свое мнение, помогая советами, а также приобретая за границей ценные вещи для обстановки дворца ⁵¹. Леди Мальборо приходилось обсуждать с архитектором Ванбругом все поправки, которые становились все многочисленнее. Несмотря на то, что он был вигом, членом Кит—Кэт—Клаба, леди Мальборо архитектор не нравился, она бы предпочла другого вига — всем известного Кристофера Рена. Поначалу ей пришлось уступить настоятельному желанию мужа, однако в конце концов, леди Сара вынудила уйти неугодного ей архитектора. Ванбруг был крайне недоволен вмешательством в свою работу женщины — вопреки его мнению и указаниям мужа она запретила строить оранжереи, поскольку те портили вид с главной галереи. Конфликты с архитектором привели к тому, что он ушел в отставку, оставив 1500 строителей без руководства. В этот же день с герцогом случился второй апоплексический удар. Леди Сара нанимать другого архитектора не стала, продолжая следовать чертежам Ванбруга.

Строительство затягивалось из-за финансовых проблем. После того, как герцогиня лишилась августейшей дружбы, королева Анна отказалась платить за Блэнхэйм. Субсидии были возобновлены лишь по приказу короля Георга I в 1716 г., однако огромную сум-

⁴⁹ *Field O. Op. cit. P. 385.*

⁵⁰ *Marlborough S. Op. cit. Vol. I. P. 125.*

⁵¹ *Ibid. P. 52, 89, 125.*

му в 60 000 фунтов пришлось Мальборо потратить самим на завершение строительства. Кроме Блэнхэйма, леди Мальборо приходилось смотреть за возведением еще одного дома — Мальборо Хаус. Для его строительства на этот раз был приглашен любезный ей архитектор Кристофер Рен⁵². Воюя вдали от дома, лорд Мальборо неоднократно признавался леди Саре, что в редкие минуты, когда ему удается побыть одному, он мечтает о тихой счастливой жизни с женой в этом доме⁵³. В 1716 г. здоровье лорда Мальборо ухудшилось, и леди Сара поняла, что все хлопоты по окончанию строительства Блэнхэйма ложатся на нее, и ради мужа закончить строительство надо как можно быстрее. Примечательно, даже строительство дворца герцогиня стремилась использовать в политических целях. Она писала своему агенту, чтобы он нанимал тех рабочих, которые готовы голосовать против ее врагов-тори и за ее кандидата м-ра Криспа.⁵⁴ Герцогиня Мальборо довела строительство до конца, и в 1719 г. дворец был готов. Но еще в 1718 г. леди Сару втянули в тяжбу, продолжавшуюся до 1721 г., связанную с расходами до 1712 г, когда за строительство платило правительство. Инициаторами тяжбы были каменщики. Из-за болезни мужа герцогине Мальборо приходилось самой ходить на слушания и вести это дело. Проиграв его, потом потребовала разбирательства в палате лордов, но проиграла и там. Неугомонная леди Мальборо не успокоилась и затеяла новое разбирательство.

В 1732 году, т.е. спустя десять лет после смерти мужа, герцогиня Мальборо начала строительство приюта для ветеранов войны в Сент-Олбанс, поскольку к ней часто обращались за помощью воевавшие под командованием Дж. Мальборо или вдовы ветеранов. Она часто им помогала. Строительство должно было благоприятно повлиять на избирателей и стать еще одним памятником ее супругу. Это здание существует и по сей день в качестве дома для престарелых.

Важным фактором, характеризующим тип взаимодействий в семье, являются отношения родителей и детей. У четы Мальборо до взрослого возраста дожило четыре дочери и один сын. В отсутствии супруга забота о детях, об их образовании и воспитании была на герцогине, но она часто советовалась с мужем и взывала к его авторитету, когда возникали проблемы. Герцогиня Мальборо утверждала, что ее муж читал все черновики ее писем к дочерям. К нему же, как к главному арбитру, обращались и дети в конфликтных ситуациях, однако герцог, насколько можно судить по переписке, принимал сторону жены и,

⁵² Ibid. Vol. I. P. 78.

⁵³ Ibid. Vol. I. P. 103.

⁵⁴ Field O. Op. cit. P. 360.

если и был когда-либо не согласен с ней, то увещевал ее за закрытыми дверями, вдали от посторонних ушей. В одном из писем, составленных, видимо, в ответ на беспокойство леди Мальборо, Джон сообщал, что ее мнение — весьма разумное, и дети должны ему следовать, а он никогда не напишет им ничего другого, кроме как, убеждая их ценить и уважать свою мать. В то же время, супруг просил ее быть снисходительной к их небольшим провинностям, принимая во внимание, что они еще маленькие, любят ее, и со временем оценят ее доброту⁵⁵. Вероятно, леди Сара была строгой матерью. Она считала, что «необъезженная лошадь — своевольна, а ребенок, предоставленный сам себе, будет упрямым»⁵⁶. Известно, что ее обычным методом наказания провинившегося, будь то королева, муж или дети, было ледяное молчание. Подобное поведение герцогини очень сильно действовало на окружающих. Вероятно, дети болезненно переживали внезапную холодность матери, и это наложило отпечаток на их непростые отношения.

Общение с отцом у дочерей складывалось значительно лучше, хотя он их мало видел в детстве. Сохранилось послание герцога Мальборо, написанное им летом 1684 г., когда леди Саре пришлось находиться при королеве, оставив двоих детей на мужа. Лорд Мальборо писал: дети так полюбили его, что, когда он дома, они все время с ним, целуют и тормозят его. Подобные неформальные отношения представляются не совсем обычными для того времени, когда дети должны были кланяться и делать реверансы при входе и выходе родителей из комнаты, а повседневное воспитание считалось немужским делом. Однако это не мешало герцогу считать себя главой семьи, и леди Сара подобную позицию принимала. Тем не менее, особенность жизни при дворе порой заставляла супругов делить домашние заботы.

Поиск подходящей партии для своих дочерей, а затем и внуков также относился к обязанностям леди Мальборо, хотя считалось общепринятым, что это являлось прерогативой главы семьи. Конечно, герцогиня советовалась с мужем, а иногда и убеждала его дать согласие. Мнение детей тоже принималось во внимание. По закону в брак могли вступать девочки с 12 лет, мальчики с 14. И хотя предполагалось, что дети последуют совету родителей и согласятся с предложенной им партией, не было принято заставлять вступать в брак против их воли. «Власть отца была значительна, но общественное мнение в не меньшей степени, чем чувства детей, сдерживало проявление родительско-

⁵⁵ Churchill W. Op. cit. Vol. 3. P. 89.

⁵⁶ Цит. по: Field O. Op. cit. P. 118.

го деспотизма»⁵⁷. Впрочем, брак нередко заключался исходя из соображений престижа, приумножения семейного состояния, хотя такие качества как надежность мужа и домовитость у женщин могли сыграть свою роль при принятии решения. Любовь не считалась определяющим или важным аргументом в пользу брака. В среде джентри девушке без значительного приданого было трудно найти подходящую партию. Несмотря на взаимные сильные чувства, которые испытывали Джон и Сара с момента их первого знакомства, брак мог и не состояться, поскольку у Сары не было хорошего приданого. Родители Джона нашли ему другую невесту, приданое которой могло помочь семье Черчиллей поправить дела. И только то, что Сара получила долю имущества своего умершего брата, позволило Джону взять ее в жены. Среди аристократии, вовлеченной в парламентскую и придворную жизнь, кроме материального положения будущего жениха большое значение имели его связи и партийно-политические пристрастия. Важность данного фактора объясняется необходимостью укреплять родственные связи в парламенте и при дворе для аккумуляции своего политического веса. Сохранилось свидетельство о том, что герцогиня Мальборо упрекала дочь Мэри в том, что та не установила хороших отношений с отчимом и не внесла свой вклад в политическую борьбу семьи⁵⁸. Другая дочь Анна оправдывалась перед матерью за то, что ее муж лорд Чарльз Сандэрлэнд, чью позицию она сама разделяла, проголосовал не так, как настаивала леди Сара⁵⁹. Старшая дочь Генриетта вышла замуж за Фрэнсиса Годолфина, сына близкого друга семьи и партнера Мальборо по кабинету С. Годолфина. Невесте в 1698 г. было 17, жениху 20 лет. Финансовое положение Фрэнсиса было весьма скромным, но главным фактором стала близость семей и взаимная симпатия молодых людей. Брак, тем не менее, оказался неудачным. Развод в то время был большой редкостью, требовалось решение парламента в каждом отдельном случае, больше практиковалось раздельное проживание (так поступили, например, родители Сары). Генриетта, к ужасу своих родителей, стала гражданской женой известного драматурга Уильяма Конгрива и попала в «плохую компанию» его коллег-литераторов. Герцог Мальборо по просьбе жены написал дочери письмо с предупреждением⁶⁰. Отношения с матерью у Генриетты сделались натянутыми. Леди Сара оправдывалась, чувствуя частично вину за неудачный брак, подчеркивая, что этого брака

⁵⁷ *Hole Ch. English Home-Life 1500—1800. L., 1947. P. 55—56*

⁵⁸ *Field O. Op. cit. P. 185.*

⁵⁹ *Ibid. P. 110.*

⁶⁰ *Churchill W. Op. cit. Vol. 2. P. 236.*

более всего желала сама Генриетта⁶¹. В 1723 г. Генриетта родила дочь от Конгрива. Незаконная дочь, однако, была записана под фамилией Годолфин и воспитывалась мужем Генриетты Фрэнсисом как родная. Для леди Сары это был удар, поскольку для нее очень была важна репутация семьи. Пошли сплетни, которых она всегда боялась, информация просочилась в газеты. В течение последующих нескольких лет герцогиня Мальборо безуспешно старалась бороться с публикациями на тему любовных отношений знаменитого драматурга и ее дочери. Она боялась, что их девочка унаследует титул и состояние Мальборо, и не признавала ее. В конце жизни леди Сара все же приняла свою внучку. Плохие отношения с матерью не помешали Генриетте отдать ей на воспитание свою законную дочь тринадцатилетнюю Хэриот. Леди Сара удочерила ее. Когда пришло время выдавать внучку замуж, герцогиня Мальборо нашла ей подходящую партию, но, помня о неудачном браке дочери, сказала, что не будет заставлять Хэриот, даже в том случае, если это был бы император⁶².

Когда с герцогом Мальборо случился удар, леди Сара послала за дочерьми, но Генриетта секретно через слугу отправила письмо отцу с жалобой на мать. Герцогиня Мальборо письмо перехватила. После смерти Мальборо она уже никогда не встречалась с дочерьми наедине, хотя и не оставляла попыток помириться с Генриеттой до самой смерти дочери в 1733 г. Однако та отказалась видеть мать. «Она обладала многими хорошими качествами, не лишенными некоторой странности — писала Сара, — но была жестокой дочерью и матерью»⁶³. Вражда была столь сильной, что Генриетта даже завещала похоронить себя отдельно от матери. О причинах подобного негативного отношения Генриетта не упомянула.

Политические интересы родителей сыграли свою роль и в браке дочери Анны (названа в честь королевы, которая была ее крестной матерью). Она вышла за вдовца Чарльза Спенсора, графа Сандэрлэнда в 1700 г. Политически он был близок герцогине Мальборо — восходящая звезда вигов в парламенте. О. Филд справедливо отмечает, что «он был таким человеком, каким была бы Сара, если бы родилась мужчиной», но ему не хватало лоска, он был не более благовоспитан, чем портер, к тому же обезображен оспой⁶⁴. Два года леди Мальборо колебалась, хотя подобный брак предоставлял ей прочную связь с вигами. Герцог Мальборо был сначала против, но затем согласился и брак состоялся. Моло-

⁶¹ *Field O. Op. cit. P. 352.*

⁶² *Ibid. P. 361.*

⁶³ Цит. по: *Ibid. P. 421.*

⁶⁴ *Ibid. P. 89.*

дые составили хорошую пару. В 1716 г. Анна умерла, оставив леди Саре детей, завещав матери заняться их образованием.

Дочь Мэри (названа в честь своей крестной королевы Марии) была любимицей отца. В 1705 г. после некоторых колебаний ее родителей она все же вышла замуж за Джона Монтегю, лорда Мортимера, кузена одного из членов т.н. «Хунты» (группы наиболее радикально настроенных вигов) лорда Галифакса. Брак Мэри, как и брак Генриетты, оказался несчастливым. Лорд Мальборо, видимо, отвечая на попытки жены опровергнуть версию конфликта, представленную дочерью, писал: «Очень печально видеть, что ничто не может изменить леди Мортимер. Умоляю тебя поверить, чтобы они ни говорили, но это никак на мое мнение не влияет, хотя ты и уверяешь меня в обратном. Я могу и действительно печалюсь, как и любой родитель, когда его ребенок ведет себя недобро. Мы должны надеяться на лучшее и всегда стараться не возмущаться их поведением так сильно, чтобы город стал судить, кто прав, а кто виноват»⁶⁵. Конфликт продолжался и в последующие годы. После возвращения из Европы леди Сара хотела поговорить с дочерью, но та подчеркнуто ее не замечала и общалась только с отцом, хотя Мальборо принял сторону жены.

Особой любовью родителей пользовался единственный сын и наследник Джон. Возможно, именно поэтому сложились столь тяжелые отношения с дочерьми. Рождение сына-наследника и его воспитание представлялось чрезвычайно важным в то время, поэтому леди Сара серьезно занималась воспитанием Джона. Она решила сама много читать, чтобы стать образованной матерью для сына. Отсутствие мужа возлагало на нее ответственность за его занятия. Джон учился в Кембридже. Когда ему исполнилось пятнадцать лет, у леди Мальборо начались с ним проблемы: сын захотел воевать. Сара умоляла мужа отговорить его. Лорд Мальборо обещал написать сыну письмо, предварительно обсудив его, как обычно, с женой: «Если тебе не понравится, пришли мне письмо, которое ты бы хотела, чтобы я написал»⁶⁶. К февралю 1703 г. сын все же одержал победу над родителями и стал собираться на войну во Фландрию. Ощущая собственное бессилие, леди Сара не общалась с ним несколько дней, прибегнув к своей излюбленной тактике — наказанию молчанием. Неожиданно Джон заболел и скоропостижно скончался от оспы. Горю родителей не было предела. Родные опасались за психическое здоровье леди Сары. Примечательно, но для того, чтобы справиться с горем, Мальборо решила не удалиться в монастырь, а вновь окунуться в политику.

⁶⁵ *Marlborough S. Op. cit. Vol. 1. P. 55.*

⁶⁶ *Field O. Op. cit. P. 118.*

Со временем на леди Сару легли заботы о внуках. И она продолжала, как когда-то делала для дочерей, заниматься их образованием и устройством браков, поскольку некоторые внуки поселились у нее в доме. Выбор достойной партии для них, как и поиск наследника для передачи ему состояния семьи Мальборо, тоже в значительной степени определялись политическими пристрастиями кандидатов. При этом за детьми признавалась определенная свобода выбора, хотя из-за того, что брачный возраст для девушек начинался рано, им было сложно ее реализовать.

Таким образом, рассмотрев характер отношений внутри семьи Мальборо, можно говорить об относительной свободе от принуждения при признании главенствующей роли мужчины. Близость к королеве делала для герцогини Мальборо более доступной политическую деятельность в тех пределах, насколько это было возможно в обществе, в котором женщины не имели никаких политических прав. Герцог Мальборо уважал и любил свою жену, предоставляя ей достаточно широкую свободу действий. Кроме того, ему самому была необходима ее помощь в политической сфере. А. Флэтчер, анализируя причины несчастных браков той эпохи, высказывает мнение, которое находит свое подтверждение при обращении к семье Мальборо: чем меньше грубого давления мужского превосходства оказывалось на жену, тем счастливее был брак, и само существование патриархального типа отношений в Новое время объясняется его гибкостью и способностью как гендерной системы испытывать изменения, смягчая и уменьшая их⁶⁷.

Участие ряда женщин в политике явилось одним из новых факторов общественной жизни, связанных с глубокими изменениями, вызванными Английской революцией середины XVII в., давшими возможность некоторым представительницам «слабого пола» проявить себя в сферах, ранее считавшихся сугубо мужскими, — экономической, политической и литературной. Однако еще робкое освоение женщинами новых видов деятельности происходило в масштабах, вполне укладывающихся в рамки патриархальной модели. При королевском дворе леди обладали большими возможностями быть осведомленными в закулисных политических интригах и даже играть в них активную роль. Этим преимуществом пользовались не только королевские фаворитки, такие как Барбара Каслмейн (возлюбленная короля Карла II), но и Афра Бен, первая английская профессиональная женщина-драматург. Афра Бен утверждала, что женщина имеет такое же право выбора, как и мужчина, а творчество и образование не являются прерогати-

⁶⁷ Fletcher A. Op. cit. P. 191.

вой мужчин. Российская исследовательница В.С. Трофимова называет Афру Бен «истинной предшественницей феминизма»⁶⁸. Поведение герцогини Мальборо свидетельствует о том, что такая точка зрения была ей ближе, чем, например, мнение известной писательницы леди Маргарет Кавендиш, допускавшей женское участие в принятии политических и административных решений только опосредованно через влияние на мужчин⁶⁹. Герцогиня Мальборо предпочитала поступать самостоятельно, но она не стремилась противопоставить себя мужу, напротив, поддерживала его главенствующее положение в семье. Такой дуализм не являлся конфликтным, что вновь подтверждает гибкость патриархальной модели поведения, а также выводы, к которым пришла исследовательница А. Флэтчер: женщины, занимающие верхнюю ступеньку социальной лестницы, ситуация которых, казалось, позволяла смягчать рамки их патриархального подчиненного положения, не только не стремились подвергнуть существующий порядок пересмотру, но принимали, а иногда и обосновывали его естественность и необходимость⁷⁰. Поэтому, несмотря на то, что леди Мальборо своей политической активностью бросала вызов устоявшемуся стереотипу женского поведения, а также на то, что именно в этот период началось зарождение идей раннего феминизма,⁷¹ ее нельзя поставить в один ряд с наиболее яркими представительницами движения: Маргарет Кавендиш, Ханной Вулл или Мэри Эстелл.

Участие в политических событиях и баталиях повлияло на характер семейных отношений Мальборо, поскольку способствовало формированию собственной политической позиции леди Сары, подкрепленной ее финансовой независимостью. Необходимость прибегать к помощи супруги в своей политической деятельности привела Мальборо к признанию ее права на определенную свободу действий и суждений. Леди Сара, занимаясь управлением огромным состоянием, была вынуждена из-за отсутствия мужа действовать самостоятельно. Она не только вела хозяйство, но и защищала интересы семьи в суде и прессе, зарабатывала деньги на бирже, устраивала браки детям и внукам. Оказала ли какое-то влияние на достаточно независимое и активное поведение Сары Черчилль ее приверженность именно вигским взглядам? Исследователи раннего феминизма такой прямой корреляции между политическими пристрастиями и убежденностью в правах женщины иметь

⁶⁸ Трофимова В.С. Прозаическое наследие Афры Бен. СПб., 2006. С. 153.

⁶⁹ Буланкова М.А. Литературная биография леди Маргарет Кавендиш, герцогини Ньюкасл: особенности организации опыта знатной женщины // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2004. № 8.

⁷⁰ Fletcher A. Op. cit. P. 409.

⁷¹ Лабутина Т.Л. Указ. соч. С. 117.

независимое мнение пока не обнаруживают. Многие из первых феминисток были роялистками, сторонницами англиканской церкви. Заслуживает внимания вывод, к которому пришла С. Апетрей, что четкого деления во взглядах между «радикалами» и «консерваторами» во многих областях, в том числе, в вопросе о положении женщины в обществе, не существовало, а напротив, они пересекались и различным образом взаимодействовали.⁷² Тем не менее, то, что герцогиня Мальборо встала на сторону вигов и не являлась последовательницей «высокой церкви», «пассивного подчинения» и абсолютизма, позволило ей избежать внутреннего конфликта Мэри Эстелл — убежденной сторонницы торийских принципов и одновременно отрицавшей справедливость «пассивного» подчинения женщины мужчине.⁷³ В целом, можно констатировать, что в данном случае происходило смешение частной и общественной сферы жизни внутри семьи, не выходявшей за рамки принятой в обществе модели.

⁷² *Apetrei S. "Call No Man Master Upon Earth": Mary Astell's Tory Feminism and an Unknown Correspondence // Eighteenth-Century Studies. 2008. Vol. IV. P. 519.*

⁷³ *Ibid.*

Весна 1942. Война после «блицкрига»

Первая решающая битва Великой Отечественной войны — битва за Москву — во многом предопределила весь дальнейший характер и течение глобального мирового конфликта. Германским войскам не удалось взять ключевой пункт своей кампании на Востоке и тем самым поставить Советский Союз на колени. Красная Армия своей героической обороной сорвала гитлеровский блицкриг и стяжала славу быть главной надеждой всей оккупированной Европы на освобождение от коричневой чумы. Начавшееся в декабре 1941 г. контрнаступление РККА подвело ранее непобедимый вермахт первому тяжелейшему кризису. В какой-то момент кремлевскому руководству показалось, что в войне произошел окончательный перелом, и инициатива навсегда перешла к советской стороне. Но до полной победы было еще далеко. Германия смогла восполнить свои ресурсы за счет собственного потенциала и возможностей подчиненных ей стран. В то же время, в ходе Московской битвы Красная Армия понесла огромные потери. Только в период контрнаступления они превысили 370 тыс. человек (убитыми, ранеными и пропавшими без вести). На начало 1942 г. пришлось и наибольший спад военного производства СССР. Сотни эвакуированных заводов только начинали налаживать выпуск военной техники и вооружения. Беспощадный натиск германской армии был остановлен и опрокинут вспять железной волей советского народа, но предыдущие потери, дефицит материальных средств и необходимого опыта в проведении широких наступательных операций не позволили советскому командованию довести наметившийся перелом до логического завершения. Немцам удалось спасти свой фронт от развала.

Действительно, советское военное руководство не могло пока организовать полноценного оснащения и обучения пехотных, танковых, артиллерийских, авиационных и др. частей, формируемых для отправки на фронт. Не хватало опытных командиров, особенно младшего и среднего звена. Уже закаленные в боях соединения получали лишь краткосрочный отдых. Промышленные возможности не позволяли наладить снабжение войск даже самым необходимым вооружением и боеприпасами. В связи с этим Ставка ВГК своей директивой от 29 февраля 1942 г. вынуждена была установить предельный лимит расходования боеприпасов на март месяц «сверх возимых запасов» в

чрезвычайно малых объемах: патроны 7,62 мм и 12,7 мм — 2 боекомплекта; гранаты — 1 б/к; мины всех калибров — 2 б/к; выстрелы 76 мм орудий — 2 б/к¹. Для большей ясности отметим, что такое количество боеприпасов в последующих наступательных операциях конца 1942—1943 гг., как правило, расходовалось советскими войсками всего за четыре-пять дней сражения.

Вполне вероятно, что успех, достигнутый немцами в обороне зимой — весной 1942 г. дал возможность некоторым высокопоставленным офицерам вермахта задуматься о целесообразности перехода к «стратегической обороне» на всем Восточном фронте². Суть такой стратегии заключалась в следующем: сочетая незначительный отход и контрудары, окончательно измотать и обескровить вооруженные силы Советского Союза и заставить Москву заключить невыгодный для себя мир. Однако эта концепция не могла в то время получить развития из-за ясно выраженного желания фюрера и его ближайшего окружения осуществить наступление на Кавказ. По мнению Гитлера, германская армия летом 1942 г. должна была получить второе дыхание, — теперь уже в операциях на юге России. Ему казалось, что блицкриг сорвался лишь случайно. В то же время в сознании большинства высших военных руководителей Германии срок капитуляции советской столицы только переносился на некоторое время.

Тем не менее, ряд высокопоставленных руководителей рейха придерживался более скептической точки зрения на дальнейший ход войны. Командовавший в то время армией резерва генерал-полковник Ф. Фромм, учитывавший создавшееся сложное положение в военной промышленности и имевший хорошее представление о наличии людских резервов Германии, должен был признать, что, продолжая эту войну, вермахт приближается к катастрофе. Министр по делам вооружений и боеприпасов доктор Фриц Тодт докладывал фюреру 29 ноября 1941 г., что окончание войны в пользу Германии возможно только на основе политического урегулирования³.

Многие крупные военачальники и офицеры вермахта также сознавали наихудшие для Германии последствия поражения под Москвой. Интересно ретроспективное восприятие некоторыми из них событий

¹ Центральный архив Министерства обороны (далее — ЦАМО РФ). Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1079. Л. 21

² Вегнер Б. Второй поход Гитлера против Советского Союза. Стратегические концепции и историческое значение // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований / Под ред. В. Михалки. Пер. с нем. М., 1996. С. 519.

³ Рейнгардт К. Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 г. / Пер. с нем. М., 1980. С. 219.

зимы 1941/42 г. Так, генерал Ф. Гальдер впоследствии назвал их «катастрофой» и «началом трагедии на Востоке», генерал Блюментрит — «поворотным пунктом» кампании в России, а генерал Рудольф Бамлер (бывший командир 47-го моторизованного корпуса) утверждал, что «отступление 1941—1942 гг. было исходным пунктом большого военного кризиса, от которого немецкая армия ни материально, ни морально так и не смогла оправиться»⁴. Зимой 1941/42 г. Гитлер снял со своих постов опытных фельдмаршалов и генералов: Ф. Бока, В. Браухича, Г. Гудериана, Э. Гепнера, А. Штрауса и др. Они были довольно популярны в армии, и их отставка негативно сказалась как на руководстве боевыми действиями, так и на моральном состоянии военнослужащих вермахта.

Победа, достигнутая под Москвой, а также в итоге полученное Советским Союзом дополнительное время, направленное на перестройку военной экономики и подготовку максимального пополнения ресурсов — все эти факторы использовались руководством Красной Армии. В советском тылу (в том числе в центральном регионе европейской России, который не был оккупирован и оставался главным поставщиком людей для армии) готовились новые соединения. Чем больше части вермахта летом и осенью 1942 г. вязли в сражениях в донских степях, под Сталинградом, в предгорьях Главного Кавказского хребта, под Ржевом и Ленинградом, тем меньше у них становилось шансов выиграть войну.

В 1942 г. война вступила в новую стадию. На стороне СССР теперь стояли не только Великобритания, но и США, образовался могущественный союз свободолюбивых народов. Одновременно мировой конфликт достиг наивысшего накала, и противоборствующие коалиции разворачивали на полную мощность своей военный потенциал. Исход войны теперь зависел от того, насколько грамотно смогут распорядиться превосходящими ресурсами союзники по антигитлеровской коалиции, и насколько успешным окажется их сопротивление блоку агрессоров, который стремился использовать для достижения победы оставшиеся стратегические козыри. Главными из них были огромные людские и материальные потери СССР в 1941 г. и возможность Германии восполнить собственные потери за счет эксплуатации основной территории Европы в условиях неготовности Англии и США открыть второй фронт во Франции. Четко управляемая военная машина третьего рейха, по-прежнему, располагала опытными командными кадрами и могла задействовать в новом наступлении хорошо обученные соединения. Командование вермахта рассчитывало также на восстановление

⁴ Цит. по: Невзоров Б. Перелом в войне: проблемы и суждения // Геополитика и безопасность. 1995. № 3. С. 98.

морального потенциала основной массы немецких солдат после неудач зимы 1941/42 г.

Первоочередной задачей антигитлеровской коалиции было надломить силу агрессоров и повернуть войну вспять. Победа в Московской битве создала благоприятные предпосылки для нанесения Германии уничтожающего удара уже в 1942 г. Сравнение основных показателей говорило само за себя: СССР, США и Англия по своим людским ресурсам превосходили агрессоров в два раза. Военно-экономический потенциал стран антифашистской коалиции также намного превышал потенциал блока фашистских государств⁵. Подобная статистика могла греть сердце начальникам штабов армий западных союзников и служить успокаивающим средством для британского премьера У. Черчилля и американского президента Ф. Рузвельта. Однако она пока никак не облегчала положение Советского Союза, вынужденного в одиночку противостоять нацистской машине уничтожения, питавшейся за счет эксплуатации всей Европы. В начале 1942 г. Германия вместе с подчиненными странами была в военном отношении значительно сильнее ослабленного СССР.

Продолжение успешного сопротивления СССР являлось главным условием достижения будущей победы всего Великого союза. Но даже после краха германского «блицкрига» британский кабинет и Белый дом сомневались в эффективности процесса восстановления боевой мощи Красной Армии. Поэтому они не спешили давать Москве какие-либо обещания относительно ее территориальных претензий, не зная, где окажутся советские войска в конце войны. В декабре 1941 г. министр иностранных дел Великобритании А. Иден отказался на переговорах со Сталиным подписывать секретный протокол к советско-английскому договору, содержащий пункты о восстановлении оккупированных войсками гитлеровской Германии и ее союзников территорий Эстонии, Латвии и Литвы, Бессарабии и Северной Буковины в государственных границах СССР, существовавших к 22 июня 1941 г. Уклонился он и от обсуждения вопроса о польско-советской и советско-финской границе⁶. Против признания советских территориальных запросов в Европе выступал в то время американский Госдепартамент, мнение которого не мог не учитывать Рузвельт, а также некоторые ближайшие помощники президента, в частности, А. Гарриман⁷. Обсуждая 22 января

⁵ История второй мировой войны, 1939—1945. М., 1975. Т. 5. С. 12.

⁶ Оpubл. в: Ржевский О.А. Война и дипломатия. Документы, комментарии, 1941—1942. М., 1997. С. 26—28.

⁷ А. Гарриман — помощник и доверенный человек Рузвельта; в то время специальный представитель президента по делам ленд-лиза в Великобритании, с 1943 г. — посол США в СССР.

1942 г. с руководителем Европейского отдела внешнеполитического ведомства США Р. Атертоном американскую стратегию на советском направлении и поставки в СССР, Гарриман предупреждал, что ни при каких условиях не следует идти на компромисс с таким «оппортунистом» и «ловким дельцом» как Сталин. Он полагал, что советский лидер все еще чувствует себя «социальным изгоем» среди великих союзников. «Будет большим делом, — говорил он, — посылать ему почасте дружеские послания и повторяющиеся заверения о том, что позиция России за столом мирных переговоров будет идентична британской и американской»⁸.

«Дружеские послания», конечно, были важны, но они никак не могли заменить второго фронта и скорейшего увеличения военных поставок в СССР. Как в Лондоне, так и в Вашингтоне еще сохранялись большие опасения за судьбу Восточного фронта. Не последнюю роль играли здесь данные, полученные от военных дипломатов. Новый американский военный атташе в Москве майор Дж.А. Мичела в январе 1942 г. доносил в Вашингтон, что хотя прежние данные о военном потенциале СССР (отводившие ему роль легкой жертвы нацистской Германии — М.М.) оказались фальшивыми, все же советское производство, по его мнению, еще не скоро оправится от огромных потерь и эвакуации, в то время как месячный объем выпуска самолетов не превышал 1500 единиц⁹.

Ничто не может умалить храбрость солдат Великобритании, США, Китая, английских доминионов, сил сопротивления других свободлюбивых государств, которые в начале 1942 г. вели ожесточенные оборонительные сражения в Атлантическом и на Тихом океане, в Северной Африке и в Восточной Азии с морскими, воздушными и сухопутными войсками стран оси, нанося им существенный урон. Но исход войны решался именно на советско-германском фронте. Академик А.М. Самсонов отмечал: «В высших правительственных и военных сферах США и Англии понимали, какое решающее значение имела борьба на советско-германском фронте для судеб всей второй мировой войны. Разрабатывая планы военных действий, руководящие деятели США и Англии базировались в первую очередь на анализе обстановки на Восточном фронте, однако исходили лишь из своих интересов. Летом 1942 г. английская разведка сообщала: «Положение на Восточном фронте таково, что можно ожидать любого исхода, и поэтому трудно сказать, какой из противников потерпит поражение». В июне 1942 г. на

⁸ Department of State. Memorandum of Conversation, A. Harriman and R. Atherton, January 22, 1942 // NA. RG 59. Entry 373. Box 31.

⁹ Leshuk L. US Intelligence Perceptions of Soviet Power, 1921—1946. L., 2003. P. 144.

происходившем в Вашингтоне совещании американских и английских начальников штабов было решено, что и английские и американские планы следует поставить в зависимость от исхода летних операций на советско-германском фронте. «Сумеют ли русские удержать фронт — в этом главное. От решения этого главного вопроса зависят наши планы на остающийся период 1942 г.», — заявили англичане на первом же совместном заседании штаба в Вашингтоне»¹⁰. Вместо боевых действий на Европейском континенте союзники предпочли развернуть в 1942 г. главные операции в Северной Африке, на второстепенном участке Второй мировой войны, где находились лишь незначительные силы немецких и итальянских войск.

Помощь Советскому Союзу была пока незначительной, что служило поводом для различных политических спекуляций по поводу намерений Москвы. В Вашингтоне стали циркулировать слухи о возможности сепаратного мира между СССР и Германией. Так, помощник начальника штаба Управления военной разведки Р. Ли в меморандуме от 12 февраля 1942 г. «Возможность русско-германского урегулирования путем переговоров» указал, что, с одной стороны «русские говорят о своих больших возможностях и успехах восстановления экономики, но, в то же время, подчеркивают свое плачевное положение и ругают нас за недостаточную поддержку. Такие противоречивые заявления, — замечал Р. Ли, — делаются, очевидно, намеренно, чтобы скрыть истинное положение дел... и служат ширмой для оппортунистических изменений в политической линии, как в ходе самой войны, так и на будущей мирной конференции...»¹¹.

Однако генеральной линией Рузвельта и его ближайших помощников на советском направлении — таких как Г. Гопкинса, бывшего посла в Москве Д. Дэвиса и др. — оставалась всемерная возрастающая поддержка СССР и трезвые оценки его потенциала и национальных интересов. Политическая мудрость американского президента проявилась именно в том, что он не стал заложником негативного отношения к Советскому Союзу. Хозяин Белого дома искренне надеялся и рассчитывал на успехи Красной Армии, сознавая одновременно громадные трудности ведения ею боевых действий против все еще смертельно опасного врага.

В то же время Рузвельт был прагматиком, который не только осуществлял общее военно-политическое руководство военными действиями своей страны, но постоянно держал в уме способы наиболее

¹⁰ Самсонов А.М. Сталинградская битва. М., 1983. С. 29—31.

¹¹ Leshuk L. US Intelligence Perceptions of Soviet Power, 1921—1946. L., 2003. P. 144, 146.

эффективного и бескровного использования американских сил в развернувшемся глобальном конфликте. Вступление в сражения на Европейском континенте должно было стать для граждан США ожидаемым и положительным событием, влекущим за собой и достойное вознаграждение.

В 1942 г. ожесточенные схватки с врагом развернулись на гигантском пространстве Земного шара, на море и в воздухе, однако, именно перелом на Востоке означал бы нанесение третьему рейху (основной силе фашистского блока) смертельной раны. Это понимали в Берлине, и германское командование делало все от него зависящее, чтобы весной 1942 г. не просто стабилизировать фронт, но и возобновить наступление против СССР. Перебороть третий рейх, который приобрел бы после краха Советского Союза контроль над его природными богатствами и соединился на суше с Японией, было бы в обозримой перспективе абсолютно невыполнимой задачей.

Стремилось развить свой успех и советское командование. Уже ощутившее вкус победы, оно могло использовать для достижения окончательного перелома в войне морально-психологический порыв своих подчиненных и возникшее вместе с обретением стратегической инициативы чувство уверенности в своих силах. Согласно решению Ставки ВГК 8 января 1942 г. началось общее наступление советских войск от Ладожского озера до Черного моря. На центральном участке продолжались попытки продвижения вперед Западного, Калининского и Брянского фронтов. С 8 января до 20 апреля осуществлялась Ржевско-Вяземская операция¹². Однако крупные просчеты в планировании и управлении войсками, недостаток сил и средств, особенно механизированных соединений, не позволили советскому командованию окружить и уничтожить основные силы группы армии «Центр». Незавершенным по тем же причинам осталось и наступление на других участках советско-германского фронта. Тем не менее, львиная доля немецких частей на Востоке была не просто серьезно ослаблена, но и потеряла способность вести наступление. Руководство сухопутных войск Германии вынуждено было тратить значительные резервы на ликвидацию прорывов РККА и укрепление своих оборонительных позиций. Группа армий «Центр» — мощнейшая в рядах вермахта — была отброшена на запад на 100—350 км. Полностью были освобождены Московская, Калининская, Тульская, Рязанская области, часть Смоленской и Орловской областей. Немецкая пехота смогла избежать худших для себя

¹² Подробнее о Ржевско-Вяземской операции 1942 г. см. в новой книге российских, украинских и белорусских историков: 1941 год: Страна в огне. Кн. 1. М., 2011.

последствий, но группа армий «Центр», оставаясь в обороне и под постоянной угрозой новых прорывов своего фронта, не могла перебросить сколько-нибудь значительных сил для других направлений. Она продолжала нести существенные потери. Подобную войну — тяжелую, грязную, окопную — немцы вскоре стали называть «крысиной». Напротив, для большей части воинов Красной Армии зимние успехи 1941/42 г. стали доказательством того, что вражеская пропаганда о непобедимом вермахте является мифом. Все возвращается на свои места и они, безусловно, встретят окончание войны в Берлине. Боевой дух красноармейцев и командиров приобретал новое измерение. Только в ходе битвы под Москвой за доблесть и мужество около 40 частей и соединений РККА получило звание гвардейских¹³.

После окончания активной фазы боев на центральном участке советско-германского фронта — в апреле 1942 г. — стороны могли подвести некоторые предварительные итоги. После потерь и поражений лета-осени 1941 г. победа под Москвой улучшила военно-политическое и международное положение Советского Союза, укрепила антигитлеровскую коалицию, заставила правящие круги Японии и Турции с возросшей осторожностью смотреть на свое участие в войне против СССР, вдохнула надежду на скорое освобождение народам оккупированных немецкими войсками стран. Ряд историков именно с Московской битвой связывают начало коренного перелома в войне, который окончательно стал фактом после победы советских войск под Сталинградом и завершился разгромом немецких войск на Курской дуге.

Гитлер, напротив, считал, что после преодоления кризиса под Москвой уничтожение СССР и использование его ресурсов будет достигнуто путем нового наступления на южном фланге. В какой-то степени это решение возвращало германское командование к выполнению изначально намеченной цели — получить в ходе войны на Востоке доступ к богатым месторождениям нефти Кавказа, хлебу Кубани и Ставрополья. Логическим продолжением ожидаемого успеха в России был последующий захват стран Ближнего и Среднего Востока, а также выход к Индийскому океану. Детали продолжения наступательных операций в Советском Союзе стали разрабатываться верховным командованием Германии еще с октября 1941 г. Но ситуация под Москвой смешала все карты. Тем не менее, на летнюю кампанию 1942 г. перед сухопутными войсками вермахта ставилась главная задача возобновить наступление на юге СССР, разрешив одновременно вопрос о Ленинграде. Директи-

¹³ Более 1 млн человек, сражавшихся у стен столицы, были награждены медалью «За оборону Москвы» учрежденной в 1944 г.; 110 человек удостоены звания Героя Советского Союза. К 20-летию победы в Великой Отечественной войне, в мае 1965 г., Москве было присвоено почетное звание «Город-герой».

вой ОКВ № 41 от 5 апреля 1942 г. предусматривалось: «...Сохраняя положение на центральном участке, на севере взять Ленинград и установить связь на суше с финнами, а на южном фланге фронта осуществить прорыв на Кавказ».

С конца весны 1942 г. командование вермахта начало сосредотачивать для наступления в направлении Кавказа крупную группировку войск. Под руководством начальника генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера 11 апреля был подготовлен план наступательной операции под кодовым названием «Блау». Немецким замыслом предусматривалось наступление на воронежском направлении группы «Вейхс» (2-й полевой и 4-й танковой армий) и на острогожском 6-й армии. По достижению Воронежа группа «Вейхс» должна была повернуть на юг и окружить совместно с наступающей на восток 1-й танковой армией основные силы советского Юго-Западного фронта. После этого предполагалось разделение германских сил группы армий «Юг» на две самостоятельные — «А» и «Б», которые должны были продвигаться в направлении Сталинграда и Северного Кавказа.

Весной 1942 г. произошел целый ряд обстоятельств, который способствовал достижению немцами новых впечатляющих успехов. Советская разведка неоднократно сообщала, что основное внимание немецкого командования в 1942 г. будет приковано к южному флангу Восточного фронта. Однако Сталин и некоторые военные руководители полагали, что немцы могут ударить и по Москве, поэтому для защиты столицы были сосредоточены главные советские силы. Еще на завершающем этапе Ржевско-Вяземской операции Ставка ВГК стала выделять значительные материальные и людские средства на восстановление Можайского полевого оборонительного рубежа. Серьезной беспокойство начальника Генерального штаба РККА маршала Б.М. Шапошникова, высказанное в телеграмме Главкому Западного направления генералу армии Г.К. Жукову от 24 апреля 1942 г., вызывал тот факт, что основная масса населенных пунктов вблизи передовой была перегружена тыловыми частями и учреждениями, что «затрудняло проведение оборонительных работ и приведение рубежа в боевую готовность»¹⁴. Задачи укрепления обороны оставались приоритетными для Западного и Калининского фронтов и в последующий период. 21 мая Генштаб предупреждал, что на некоторых участках соединения Красной Армии, оставаясь на тех рубежах, которых они достигли в период зимнего наступления, совершенно не занимаются вопросами улучшения своих позиций. В отдельных армиях не налажено боевое охранение, части растянуты в линию, не везде создана система опорных пунктов и выделены силы для

¹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1079. Л.31

защиты стыков. Враг, пользуясь этими недочетами, стремится нанести нашим войскам локальные поражения. Факты успешных мероприятий с целью маскировки и введения противника в заблуждение оставались пока единичными¹⁵.

Боевые части РККА в ходе успешного контрнаступления, казалось, избавлялись от страха перед вражеской мощью. Этому процессу способствовали экстренные меры верховного командования по формированию свежих соединений, придания им более гибкой системы управления. Перевод значительной части Действующей армии на новые сокращенные штаты, создание в 1941 г. наряду с дивизиями стрелковых, танковых и других бригад, отказ от корпусного звена в бронетанковых войсках¹⁶, весь комплекс предпринятых мер отражал реалии того периода войны, стремление повысить эффективность руководства войсками путем его упрощения. Такие шаги считались временными, но были неизбежными в виду понесенных потерь. К тому же они позволяли осуществлять быстрое пополнение потрепанных формирований, сохраняя в их составе закаленное ядро выживших бойцов и командиров.

К весне 1941 г., когда стало понятно, что оборонная промышленность в районах эвакуации в короткий срок способна освоить выпуск танков Т-60, Т-70, Т-34, КВ, советское верховное руководство решило воссоздать механизированные соединения. Армии необходимы были ударные кулаки. Опыт войны наглядно свидетельствовал, что без мощных бронетанковых формирований, способных выполнять самостоятельные задачи не только в тактическом, но и оперативно-стратегическом масштабе, борьба с танковыми армиями противника и глубокое наступление практически невозможны. Постановлением ГКО от 16.02.1942 г. предусматривалось создание сразу 120 танковых бригад, которые комплектовались бойцами в возрасте не старше 35 лет. С марта 1942 г. началось массовое формирование танковых корпусов (куда входили танковые бригады), а затем и танковых армий. В мае 1942 г. появились 3-я и 5-я, а в июле 1-я и 4-я танковые армии. Сильной стороной этих объедине-

¹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1079. Л.37—38, 42—44.

¹⁶ Нехватка техники и вооружения, огромные потери в танках РККА в начале войны поставили вопрос о расформировании мехкорпусов. Директивным письмом от 15.07.41 г. Ставка дала указание расформировать все мехкорпуса, кроме двух в МВО, на базе которых было решено создать 10 танковых дивизий (по 217 танков). В состав стрелковых дивизий было приказано включать танковые роты для поддержки пехоты. Постановлением ГКО от 24.08.41 г. стали формироваться танковые батальоны и танковые бригады. На базе танковых дивизий были созданы 65 танковых бригад. С конца 1941 г. формирование танковых войск было передано в штаб ГАБТУ, создав в нем управление формирования. Такое же управление было создан в штабе ВВС. (Горьков Ю.А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941—1945). Цифры, документы. М., 2002. С. 121).

ний была концентрация значительных сил под единым командованием. С другой стороны, их маневренные действия были затруднены наличием в них стрелковых дивизий, обладавших малой подвижностью¹⁷. Лишь в конце 1943 г. в состав танковых армий вошли механизированные корпуса, способные поддерживать быстрое наступление. Высокую маневренность и ударную силу советским танковым объединениям придавали грузовые и броневые автомобили, многие из которых в возрастающем объеме стали направляться из США в СССР в рамках ленд-лиза с первой половины 1943 г. Однако в 1942 г. возможностей насытить войска автомобильной техникой у Ставки ВГК просто не было. Сказывались потери 1941 г., трудности организации собственного производства и незначительные поставки по ленд-лизу.

Большое значение Ставка ВГК придавала широкому использованию в будущих боях гвардейских минометных частей (ГМЧ), состоявших из знаменитых «Катюш». Уже осенью 1941 г. для более эффективного применения установок М-8 и М-13 на фронте стали формироваться оперативные группы минометных частей (Южная, Брянского фронта, Юго-Западная, Северо-Западная, Ленинградская). Создание оперативных групп ГМЧ продолжилось и в 1942 г. Возросшее поступление «Катюш» позволило создать к июню 1942 г. в действующей армии 8 фронтовых и 4 армейские группы гвардейских минометов (всего 67 полков и 43 отдельных дивизиона). С освоением промышленностью новой установки М-30 в войсках стали формироваться тяжелые гвардейские минометные полки. В 1942 г. советские «Катюши» внесли неоценимый вклад в срыв планов противника захватить Кавказ и выйти к Волге. Тяжелые потери врагу наносила, в частности, оперативная группа ГМЧ Сталинградского фронта, образованная в сентябре 1942 г.¹⁸ В последующие периоды войны гвардейские минометы неизменно участвовали во всех главных операциях Красной армии, помогая сокрушать оборону вермахта на участках прорыва.

В начале 1942 г. руководство СССР стремилось до предела использовать все доступные источники, питавшие военные усилия Красной Армии. В первой половине 1942 г. отзывались в тыл ранее призванные или ушедшие добровольцами на фронт научные сотрудники, квалифицированные рабочие, железнодорожники и лица ряда других профессий, имевших важнейшее значение для военной экономики. Более планомерным становилось обучение командного состава в училищах и на краткосрочных курсах, подготовка запасных частей. Налаживалась система

¹⁷ Горьков Ю.А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941—1945). Цифры, документы. М., 2002. С. 122—123.

¹⁸ Там же. С. 124—125.

поощрения солдат и офицеров, активно совершенствующих свои навыки владения оружием. Постановлением ГКО от 11 мая 1942 г. «в целях наиболее эффективного использования пулеметного оружия, повышения роли и ответственности рядового, младшего и среднего начсостава пулеметных частей и подразделений, а также укомплектования их лучшим составом» предусматривалось присваивать опытным красноармейцам-пулеметчикам звание ефрейтор». Одновременно повышались оклады содержания в пулеметных подразделениях. Старшина роты должен был получать в месяц до 65 руб., командир взвода — 700 руб., командир роты — 800 руб.¹⁹ Все эти меры, наряду с продолжением всемерной популяризации фактов грамотного поведения советских солдат в бою, стимулированием методами пропаганды и системой воинских наград их доблести и героизма, медленно, но верно способствовали качественному совершенствованию личного состава РККА, укреплению в нем чувства уверенности в собственных силах.

Моральное состояние в большинстве соединений РККА в начале 1942 г. определялось командованием как «здоровое и устойчивое». Случаев героического поведения военнослужащих было множество. Командиры частей личным примером воодушевляли своих подчиненных. Так, в период боев 342-й стрелковой дивизии 61-й армии за овладение н.п. Долбенскими выселками, когда захлебнулась очередная атака подразделений 1148-го стрелкового полка, его командир майор Н.П. Карамушко и комиссар старший политрук И.Г. Плиха подняли бойцов и повели их за собой. Они пали смертью храбрых, но обеспечили выполнение частью поставленной задачи. В тот же период в коммунистическую партию вступило более 200 бойцов 342-й дивизии²⁰.

Тем не менее, боевые характеристики личного состава действующей Красной Армии, несмотря на то, что многие советские дивизии в предыдущий период приобрели немалый опыт сражений, еще оставались слабыми. По-прежнему хромала дисциплина. Зимой-весной 1942 г. в частях сократились случаи дезертирства и членовредительства, однако, факты этих воинских преступлений имели место. Только по данным Особого отдела НКВД 61-й армии за конец января—февраль 1942 г. было зафиксировано 96 случаев дезертирства (из них 7 чел. начсостава) и 15 случаев членовредительства (один из начсостава). Показательно, что за тот же период никто не привлекался к ответственности за «антисоветские высказывания», хотя спецорганы зафиксировали и взяли в производство несколько таких эпизодов²¹. Политорганы и особые отделы НКВД фронтов

¹⁹ ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1079. Л. 34.

²⁰ Там же. Д. 1080. Л. 15—16.

²¹ Там же. Л. 12.

в период затухания наступательных операций и возросших потерь стали отмечать случаи подрыва убежденности в окончательной победе, недовольства красноармейцев своими командирами, их неумением руководить боем. Одним из самых неприглядных явлений, распространившимся как в тыловых учреждениях, так и на передовой, стало пьянство, что напрямую влияло на боеспособность частей. В 1150-м стрелковом полку это привело, как показывают документы, к гибели начальника штаба и нескольких других командиров, «шедших в наступление после групповой пьянки». Было отмечен ряд незаконных расстрелов офицерами своих подчиненных в пьяном виде. Такие явления грозили подрывом боевого духа и распространением пораженческих настроений, подобных тем, которые были высказаны красноармейцем 1146-го стрелкового полка: «Не правду нам говорят, немцы не боятся зимы. Смотри, как чешут по нам. Наши руководители разве считаются с нашим братом. Жрут только на войне, а поэтому, нашим телом не можем отогнать немцев, которые едят шоколад и пьют ром...»²².

Гигантские масштабы исключительно напряженной мобилизации, проведенной в 1941—начале 1942 г., неизбежно вели в отправке на фронт слабо или совершенно необученного пополнения. Генштаб вынужден был констатировать, что красноармейцы «плохо знают свое оружие, оружие содержится грязно.., много оружия остается на поле боя». В соединениях отсутствовала отлаженная система подготовки бойцов, командиров и штабов. На фоне многочисленных случаев нарушения воинской дисциплины слабо велась воспитательная работа в подразделениях²³.

Одним из самых серьезных недостатков Красной Армии в начале 1942 г. была острая нехватка техники, стрелкового автоматического оружия и боеприпасов. Возросшее сопротивление немцев стало поводом к недоверию отдельных бойцов к силе своего оружия. Можно понять настроения тех военнослужащих, которые после неудачной атаки на позиции окопавшегося противника и понесенных потерь от эффективного огня пулеметов, минометов и артиллерийских орудий вермахта, заявляли перед своими товарищами: «все равно мы не победим, так как наше оружие хуже немецкого»²⁴. Возможности стрелковых дивизий и даже кавалерийских корпусов были ограничены, особенно при глубоком снеге и в период распутицы. Низкий темп советского продвижения вперед приводил к печальным последствиям: немцы, удерживавшие важнейшие транспортные коммуникации, быстро перебрасывали свои резервы на угрожаемый участок и проводили контрудар. Как следствие — значи-

²² ЦА МО РФ. Ф. 208. О п. 2511. Д. 1080. Л.9—11, 16—17.

²³ Там же. Д. 1079. Л. 37—38.

²⁴ Там же. Д. 1080. Л. 18—19.

тельные силы прорвавшихся частей РККА отсекались от главного фронта. Примером тому служат неудачи зимой-весной 1942 г. 33-й, 29-й и 39-й армий Западного и Калининского фронтов, 2-й ударной армии Волховского фронта, объединений Юго-Западного фронта под Харьковом в Барвенковско-Лозовской операции и др. Отечественный историк А.В. Исаев замечает в этой связи, что стандартным германским приемом, приводившим к провалу советского наступления в этот период, являлось удержание «угловых столбов» в основании прорыва соединений РККА. «Немцы всегда находили населенный пункт, находящийся поблизости от советского прорыва и стягивали к нему крупные силы, обеспечивая плотную оборону. Обходя узлы сопротивления в начальный период операции и отказываясь от лобовых атак, советские войска увязали впоследствии в позиционных боях за «угловой столб». Такая тактика противника, в любом случае, сужала прорыв, давала германскому командованию контроль над коммуникациями»²⁵.

Однако и тем количеством боевых средств, которым обладали командующие советскими объединениями в начале 1942 г., возможно было распорядиться более основательно и добиться успеха при продвижении вперед. Беда состояла в том, что большинство командиров на фронте пока еще не были способны вести наступление практично и грамотно, исходя из имевшихся ресурсов и степени противодействия противника. Опыт приходил на практике и доставался дорогой ценой. «Мощный кулак» (29-я и 39-я армии) генерала И.С. Конева в феврале 1942 г. оказался отсеченным немцами и понес большие потери. Наши войска неминуемо настигла бы полная катастрофа, если бы не наступление Северо-Западного фронта. Однако ряд командующих Красной Армии уже тогда выделялся своим чувством момента и стремился гибко реагировать на изменение ситуации. Так, Г.К. Жуков, став главнокомандующим Западным стратегическим направлением, на ходу перепланировал операции Калининского фронта, утвержденные Ставкой. Не обладая значительными подвижными силами и резервами, он решил не зарываться далеко вперед, а провести удары на небольшую глубину, «нашинковать» фронт противника на несколько мелких котлов. На заключительном этапе Ржевско-Вяземской операции 20-й армии ставилась задача выйти в тыл немецкой группировки под Ржевом, 5-й армии нанести удар на Сычевку навстречу 39-й армии. Вместо гигантского окружения врага в треугольнике Ржев-Вязьма-Юхнов предстояло расчлнить ржевско-вяземскую группировку противника на две части. Сокращение масштабов задач облегчало маневрирование силами: например, в феврале 1942 г. удар 5-й

²⁵ Исаев А.В. Об объективных и субъективных факторах битвы за Москву // Вестник МГИМО (Университета). 2012. № 1 (22). С. 33.

армии был перенесен Жуковым в полосу наступления неудачно действовавшей 20-й армии²⁶.

Но полководческого таланта одного Жукова было недостаточно для достижения крупного стратегического успеха. Другие генералы часто либо боялись, либо пока не научились искусству решительного маневра. Ставке и Генштабу приходилось даже разъяснять, что в период наступательных операций нельзя смотреть на разграничительные линии между армиями «как на перегородку, которые не могут нарушаться, хотя для этого и требовали интересы дела и меняющаяся в ходе операций обстановка». Нельзя идти вперед, «не обращая внимание на своих соседей, без маневра, который вызывается обстановкой, без помощи друг другу», что облегчает противнику бить советские соединения по частям. Текст соответствующей директивы от 17 мая 1942 г., подписанной И.В. Сталиным и А.М. Василевским, разрешал командующим фронтами «менять в ходе операций разграничительные линии между армиями, менять направления ударов»²⁷. Указания были немедленно доведены до штабов армий. Жуков распорядился спустить их и до уровня дивизий, однако, к тому времени широко апробировать их на практике уже не представлялось возможным. Наступательные возможности войск Западного направления были исчерпаны.

Все эти негативные факторы, иллюстрировавшие боевые возможности советской стороны, наглядно свидетельствовали о том, что Красная Армия образца весны 1942 г. в целом пока еще не представляла эффективной военной машины, способной в кратчайший срок разгромить вермахт. Напротив, Сталин имел все основания считаться с угрозой нового крушения советской обороны на ключевых направлениях советско-германского фронта.

Защита подступов к столице оставалась для Ставки ВГК главным приоритетом весной-летом 1942 г. Повышенное беспокойство Ставки ВГК за свой центральный участок подогревалось и немецкой разведкой. Для того, чтобы ввести командование РККА в заблуждение, германская сторона разработала план дезинформационных мероприятий, основу которого составила т.н. операция «Кремль» Предусматривалось проведение перегруппировок сил и средств, передислокация штаба 3-й танковой армии в район Гжатска, усиление аэрофоторазведки Москвы и ее окрестностей, рассылка планов взятия столицы неожиданным ударом вплоть до штабов полков и др.²⁸. Представляется, что подобная де-

²⁶ Исаев А.В. Об объективных и субъективных факторах битвы за Москву // Вестник МГИМО (Университета). 2012. № 1 (22). С. 33—34.

²⁷ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1079. Л. 32—33.

²⁸ Великая Отечественная война 1941—1945 гг. В 12-ти тт. М., 2011. Т. 1. Основные события войны. С. 241—242.

информация, вкупе с реальными данными о численности немецких соединений на фронте западнее Москвы, стала одной из причин излишнего, порой гипнотического страха — проявлявшегося и в разгар Сталинградской битвы — не пропустить германский бросок в направлении столицы.

Но в ходе развернувшихся на юге России гигантских сражений насущной необходимостью стало исключить возможность переброски туда немецких сил с других участков. Документы советского командования весны-лета 1942 г. недвусмысленно подтверждают существование двуединой цели, существовавшей у советских фронтов, прикрывавших Западное стратегическое направление — защитить Москву и сковать как можно больше сил группы армий «Центр». Ради этого летом 1942 г. войска генерала Г.К. Жукова предприняли ряд частных армейских наступательных операций, общим замыслом которых было, как отмечалось, «вскрыть главную группировку противника против левого крыла фронта»²⁹.

Имея в виду надежно обезопасить Москву, советское командование, в целом, не собиралось отсиживаться в обороне. Общий ход летней кампании 1942 г. виделся из Кремля с точки зрения завоевания прочной стратегической инициативы. Намечалось ввести в сражения новые воинские формирования и уже в ближайшее время освободить значительную часть оккупированной территории страны. Однако, как и в ходе предыдущих операций, планы Ставки ВГК грешили переоценкой собственных возможностей и недооценкой силы противника.

В марте 1942 г. на совещании в Государственном Комитете Обороны маршал Б.М. Шапошников предложил ограничиться на ближайший период активной обороной. Однако Сталин считал, что нельзя «сидеть сложа руки», и было решено нанести по врагу ряд упреждающих ударов на московском, харьковском направлениях, под Ленинградом, в Крыму и др. участках. На практике это решение повлекло за собой подготовку и проведение наступательных операций (большого или меньшего масштабов) фактически на всех советских фронтах, за исключением самого северного, Карельского, фронта. Намечались следующие действия: разгром ржевско-вяземской группировки противника, освобождение Харькова и всего Крыма, ликвидация делянского плацдарма, операция по деблокаде Ленинграда. Конечной целью Ставки ВГК был выход к концу 1942 г. на границу СССР. Но смелая инициатива изначально несла в себе порок самонадеянности. Самым уязвимым местом в советском плане стала сама постановка задач — обороняться и наступать. Отсутствие четкого анализа менявшейся ситуации сыграло свою роковую

²⁹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1462. Л. 69—70.

роль в новых неудачах Красной Армии. К тому же некоторое преимущество в инициативе, возможности выбора участка для нанесения очередного удара, достигнутое в зимние месяцы, было потеряно из-за неоправданных ошибок верховного руководства в Москве и командования на фронтах.

Общая стратегия, выбранная советским верховным командованием на 1942 г., несла отпечаток порочности. Увлечшись наступательными действиями в конце весны, Ставка предопределила многие свои поражения. Последующие события, когда враг уже овладел стратегической инициативой, заставляли Верховного, Генштаб и командующих фронтами лишь реагировать с большим или меньшим успехом на складывающуюся обстановку. Плохо подготовленные контрудары вели к большим потерям, но относились к разряду неизбежных, когда на кону стояло удержание жизненно важных центров России.

Недооценка стратегической обороны, поспешная подготовка наступательных операций весной 1942 г. — печальные факты из биографии ряда высших военачальников РККА. Как-то после войны вспоминая уроки своих поражений, С.К. Тимошенко спрашивал Г.К. Жукова: «До сих пор не могу понять, почему же мы в 1942-м не решились перейти к обороне, как это потом сделали под Курском в 1943-м?». Жуков после тяжелого вздоха ответил: «Нужны были накопленные за два года войны горький опыт, мужество и стратегическая мудрость, чтобы созреть до таких решений»³⁰.

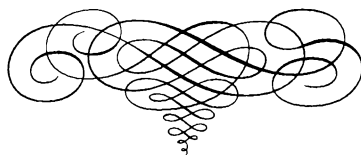
Начавшиеся в мае активные боевые действия на многих участках советско-германского фронта довольно быстро вскрыли несостоятельность далеко идущих замыслов командования Красной Армии. Намеченные операции не привели к желаемым результатам. Под Ленинградом, в Крыму и под Харьковом советские войска потерпели серьезные поражения. Захлебнулось наступление 2-й ударной армии со стороны Волхова к городу на Неве; более того, сама она оказалась отрезанной от основных сил и получала снабжение лишь через узкий коридор, насквозь простреливаемый вражеским огнем. Безуспешными остались попытки советских частей наглухо захлопнуть и ликвидировать демянский котел, в котором оборонялось до 100 тыс. немецких солдат. Германскому командованию удалось наладить довольно эффективный воздушный мост со своими частями в районе Демянска.

Все эти неудачи привели к тому, что уже в начале лета 1942 г. Красная армия оказалась в тяжелейшем положении и вынуждена была отступать к Сталинграду и Кавказу. Страна вновь стояла на грани катастрофы. Та-

³⁰ Цит. по: *Гареев М.А.* Сражение на Волге // Живая память. Великая Отечественная: Правда о войне. В 3-х тт. М., 1995. С. 51.

кое развитие ситуации проистекало, безусловно, из общей слабой боевой эффективности наших вооруженных сил и военной экономики. Необходимость скорейшего повышения потенциала действующей армии, насыщения ее новой техникой и квалифицированными кадрами для того, чтобы не допустить победы врага, а, напротив, окончательно переломить ход в войны в свою пользу — стало главной задачей, вставшей перед СССР в начале 1942 г.

«Вглядываясь
в собственное отражение»:
историографическая
рефлексия между прошлым
и настоящим

Между памятью и ожиданиями, или Три модуса времени в историческом сознании^{*}

«Культурный поворот» в социально-гуманитарном знании привел к интенсивной разработке различных аспектов проблемы коллективных представлений о прошлом. Сегодня историки активно интересуются тем, как люди воспринимали события, современниками или участниками которых они были, как они хранили и транслировали информацию об этих событиях, так или иначе интерпретируя увиденное или пережитое. В последние десятилетия существенно продвинулись исследования сложного феномена исторической культуры, которая выступает не только как артикуляция исторического сознания общества или совокупность культурных практик индивидов и групп по отношению к прошлому — «манера думать, читать, писать и говорить о прошлом», но включает в себя все случаи «присутствия» прошлого в повседневной жизни¹. Разнообразный материал многочисленных исследований красноречиво свидетельствует о самой тесной связи восприятия исторических событий, «образа прошлого» — с социальными явлениями настоящего, и история самых разных культурно-исторических общностей знает множество примеров «актуализации прошлого», обращения к прошлому опыту с целью его переосмысления и переоценки.

Содержание понятия *историческое сознание* в междисциплинарном пространстве социально-гуманитарных наук имеет различные интерпретации. По мнению Ю.А. Левады, высказанному еще на рубеже 1960—70-х гг., этим понятием «охватывается все многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознает

^{*} Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-01-00357а «Событие и время в европейской исторической культуре».

¹ Woolf D. The Social Circulation of the Past: English Historical Culture 1500—1730. Oxford, 2003. P. 10; Rüsen J. Was ist Geschichtskultur? Überlegungen zu einer neuen Art, über Geschichte nachzudenken // Historische Faszination: Geschichtskultur heute / K. Fußmann, H.T. Grütter, J. Rüsen. Köln, 1994. S. 5—7. Это направление исторической науки, возникшее под непосредственным влиянием изучения картин мира в рамках истории ментальностей, постепенно расширило свои методологические основания. Более подробно об этом см.: История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006.

(воспроизводит и оценивает) свое прошлое, точнее — в которых общество воспроизводит свое движение во времени. В каждую эпоху историческое сознание представляет собой определенную систему взаимодействия “практических” и “теоретических” форм социальной памяти, народных преданий, мифологических представлений и научных данных (последние, разумеется, лишь с момента появления науки на общественной сцене). Во всяком случае, научное знание об истории выступает лишь одним из моментов (правда — все более важным) в этой системе»². Ю.А. Левада проводил прямую аналогию между историческим сознанием и памятью, анализировал историческое сознание как один из элементов «памяти» общества, различал («по протяженности») «короткую память общества», охватывающую непосредственное прошлое, и «опосредованную, долговременную социальную память», в структуру исторического сознания включал «все многообразие вариантов “сознательного” и “бессознательного”, “теоретического” и “практического”, “научного” и “мифологического” и т.п. вариантов запоминания обществом своего прошлого» и подчеркивал «наличие строго определенного разнообразия форм исторического сознания на различных этапах его развития»³.

Категория исторического сознания была детально теоретически разработана М.А. Баргом в начале 1980-х гг. в рамках его оригинальной концепции становления историзма. Выдающийся историк-методолог неоднократно подчеркивал, что было бы неверно сводить *историческое сознание* к *исторической памяти*, как и ставить знак равенства между историческим и общественным сознанием, поскольку первое — всего лишь измерение, срез второго. Обращенное одной своей стороной к прошлому («погруженное» в историю) историческое сознание, тем не менее, не исчерпывается лишь его объяснением: «Настоящее не может быть до конца познано без обращения к прошлому. Однако в равной мере его нельзя постичь и без обращения к будущему, т.е. без знания элементов будущего в настоящем. ...Историческое сознание — это духовный мост, переброшенный через пропасть времен, — мост, ведущий человека из прошлого в грядущее»⁴.

Другая яркая метафора — «цепь времен» — была акцентирована в связи с анализом темпоральных представлений в известной книге «Шекспир и история». Характеризуя восприятие и истолкование времени гениальным драматургом как «цепи времен», подразумевавшей непрерывную смену исторических эпох, М.А. Барг усматривает в этом видении истории

² Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки / Отв. ред. А.В. Гулыга, Ю.А. Левада. М., 1969. (С. 186—224). С. 191.

³ Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод. С. 192—193.

⁴ Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987. С. 24. См. также: Барг М.А. Историческое сознание как историографическая проблема // Вопросы истории. 1982. № 12. С. 49—66.

качественный сдвиг, «огромный скачок в миропонимании и самопознании человека — *восстановление модуса “настоящего”*, т.е. современности, которой христианская историческая традиция пренебрегала». В этой концепции *историческое время* мыслится «только как единство всех трех измерений, т.е. только тогда, когда каждое из них — прошедшее, настоящее и в известном смысле будущее — выступает как настоящее, в котором прошедшее и будущее смыкаются в живом сопряжении... “Настоящее” — решающее звено, соединяющее всю цепь времен»⁵. В эпоху Возрождения, в связи с «переворотом» в мировоззрении, обеспечившим трансляцию «статики воспоминания о прошлом и созерцания настоящего в динамику целеполагания и предвидения будущего», «было открыто историческое время и тем самым способность одной исторической эпохи *сравнить себя с предшествующими* (курсив мой — Л.Р.), чтобы отличить себя от них и вместе с тем связать себя с ними». Так появляется не просто новая форма исторического сознания, но «собственно *историзированное общественное сознание*»⁶. «Открытие исторического времени» и «исторического прошлого как проблемы познания» в эпоху Возрождения описывалось как необходимая последовательность двух «шагов»: осознания «исторического настоящего, в рамках которого протекает жизнедеятельность данного поколения», и осознания «прошлого, т.е. условий жизнедеятельности прошлых поколений, — условий, которые исчезли»⁷. Анализ понятия хроноструктуры с позиции отношений следования времен «настоящее — прошедшее — будущее» позволил сделать важное наблюдение: «Прошедшее и будущее “встречаются” в настоящем, выступают его составляющими. Что же остается на долю настоящего? — Переработка, отбор и систематизация опыта прошлого с точки зрения изменившихся условий и *предстоящих задач*, т.е. процесс для каждого настоящего сугубо творческий, поскольку *ориентиром для него служит именно будущее* (курсив мой — Л.Р.)»⁸.

Стоит добавить, что в переработку, отбор и систематизацию опыта прошлого включены не только два взаимосвязанных, комплементарных и неразделимых процесса (две стороны) памяти — «вспоминание» и «забывание», но и ключевой процесс непосредственного переживания

⁵ Барз М.А. Шекспир и история. М., 1976. С. 51. Сравним: «Есть три времени — настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего — это память, настоящее настоящего — его непосредственное созерцание; настоящее будущего — его ожидание» (Августин Аврелий. Исповедь. XX, 26). Удивительно в унисон звучат размышления о связи времен, представителей, с одной стороны, господствовавшей в Средние века «неисторичной» формы «провиденциального историзма» и, с другой стороны, — научного историзма XX столетия.

⁶ Барз М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. С. 83.

⁷ Там же.

⁸ Барз М.А. Категории и методы исторической науки. С. 90.

реальной ситуации настоящего. В представлениях о будущем (в «превращенном» виде) находят отражение проблемы, которые волновали изучаемые общества в их настоящем: «Общества мобилизуют свою память и реконструируют собственное прошлое, чтобы обеспечить свое функционирование в настоящем и разрешить актуальные конфликты. Точно так же, когда они в воображении проецируют себя в будущее — голосом своих пророков, мыслителей-утопистов или авторов научной фантастики — они говорят лишь о своем настоящем, о своих устремлениях, надеждах, страхах и противоречиях современности»⁹.

При всей противоречивости форм проявления исторического сознания (в книге «Эпохи и идеи» они рассмотрены последовательно в широком континууме между двумя крайностями — антиисторизмом мифологического типа сознания и всеобъемлющим историзмом XIX века), М.А. Барг видел в нем культурную универсалию, определяющую пространственно-временную ориентацию общества, «важнейшую духовную константу», одновременно сохраняющую и продуцирующую «связь времен» — прошлого, настоящего и будущего «в средостении настоящего». М.А. Барг неизменно подчеркивал, что историческое сознание является не только измерением типа культуры и фактом историографии, но главное — фактором самой истории. Важнейший смысл историописания он видел в «дешифровке» и упорядочении опыта прошлого «с целью истолкования его в свете опыта настоящего»¹⁰.

В этой связи особую роль играет глубина исторического времени, обнаруженная гуманистами в результате осознания содержательного различия между отдельными его отрезками. Крупные культурно-исторические сдвиги, которые были концептуализированы в получившем столь широкое научное признание определении «эпоха Возрождения», знаменовали рождение историзма Нового времени, осознание социального времени как времени исторического, представление об индивидуальности и неповторимости исторических эпох, обнаружение содержательной «связи времен» за «внешней» хронологической последовательностью событий, открытие избирательной формы исторической ретроспективы и возможности двум историческим эпохам вступить в диалог¹¹.

И этому отнюдь не мешало то, что идея циклизма все еще являлась господствующей. По мнению О.Ф. Кудрявцева, один из популярнейших сюжетов античной литературы — миф о «золотом веке», подвергнутый переосмыслению гуманистами Возрождения, «в данном ими истолковании способствовал становлению культурно-исторического самосознания

⁹ Шмитт Ж.-К. Овладение будущим // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. С. 132.

¹⁰ Барг М.А. Эпохи и идеи. С. 12.

¹¹ См.: Барг М.А. Эпохи и идеи. Глава шестая: Ренессансный историзм.

новой эпохи»¹². Заложенное в этом мифе представление о цикличности истории позволило развить идею возвращения «золотого века», наполнив ее новым содержанием (как века возрождения и расцвета искусства и науки). «Приписывая» к «золотому веку» эпоху правления во Флоренции первых Медичи, гуманистическая культура формулировала с помощью этого мифа «идею собственного исторического призвания восстановить утраченную связь времен, служа духовному обновлению человечества, и таким образом приходила к осознанию своеобразия своего времени»¹³.

Принципиально важно, что темпоральные представления о связи времен предполагают наличие структурной дифференциации времени, и это в развернутом виде показано в книге И.М. Савельевой и А.В. Полетаева «История и время». Среди поднятых в этом энциклопедическом труде проблем существенное место занимает процесс «темпорализации» исторического сознания, который включал в себя «формирование представлений о разделенности прошлого, настоящего и будущего, более четкие понятия и знание единиц времени и временных интервалов истории, постепенное утверждение историзма как способа понимания общественного развития, установку на будущее и другие специфически временные параметры Нового времени»¹⁴. Становление европейского исторического сознания Нового времени выразилось в создании целостных темпоральных конструкций, в которых прошлое, настоящее и будущее, с одной стороны, рассматриваются и воспринимаются как отдельные самостоятельные модусы, а, с другой стороны, оказываются неразрывно связанными движением человеческого общества от прошлого через настоящее к будущему, определяемому на основе экстраполяции существовавших или существующих тенденций¹⁵.

Франсуа Артог предложил в качестве полезного инструмента анализа исторического сознания типологию «режимов историчности» (пассеизм, презентизм, футуризм), различных форм восприятия времени и отношения к нему, понимаемых как способы сочленения категорий прошлого, настоящего и будущего, различающиеся в зависимости от того, на какой из трех модальностей времени ставится акцент в разных обществах и куль-

¹² Кудрявцев О.Ф. Миф о «золотом веке» в культуре Возрождения // *Личность — Идея — Текст в культуре Средневековья и Возрождения*. Иваново, 2001. С. 84—92.

¹³ Кудрявцев О.Ф. Миф о «золотом веке» в культуре Возрождения. С. 92.

¹⁴ Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997. С. 605. Сложные отношения времен выражены авторами афористически: «Еще несуществующее вторгается в пределы уже несуществующего и видоизменяет его» // Там же. С. 308.

¹⁵ Интересные материалы, связанные с обсуждением вопроса об уникальности новоевропейских культурных представлений, обеспечивших позитивную оценку новизны и ориентацию на будущее, см. в книге: Судьба европейского проекта времени / Отв. ред. О.К. Румянцев. М., 2009.

турах, на разных социальных уровнях¹⁶. Эта векторность исторического сознания непосредственно связана с существованием разных типов общественного идеала: *ретроспективного* (идеал в утраченном прошлом, «золотом веке») и *перспективного* (идеал в ожидаемом и желанном будущем)¹⁷.

Идея истории, охватывающей все три модуса времени, стала достоянием европейской исторической мысли XVI столетия, но лишь к эпохе Просвещения обрела однозначно линейную перспективу. Идея прогресса, характерная для эпохи Просвещения, позволяла принимать в настоящем активное участие в создании будущего, а в России она получила отчетливо-утопическую («футуристическую») окраску. Т.В. Артемьева показала, как утопические архетипы, сформулированные историками эпохи Просвещения, выстраивали избирательную историческую ретроспективу, в которой прошлое и настоящее выступали лишь как приготовление к «славному будущему», «утопическое» являлось предпосылкой «исторического» и «исторические сочинения часто представляли собой утопический взгляд в прошлое», а исторические примеры использовались как доказательства утопических предположений¹⁸. Понятие «утопия» в его метафорическом значении помещается в «маргинальный зазор» между желаемым (будущим) и действительным (настоящим). Устойчивость такого утопического типа исторического сознания неоспорима. Однако соотношение времен оказывается исторически специфичным и культурно обусловленным. Как было отмечено Ю.М. Лотманом, «формы памяти производны от того, что считается подлежащим запоминанию, а это последнее зависит от структуры и ориентации данной цивилизации»¹⁹.

Особое место в развитии исторического сознания в России занимает XIX век, отмеченный процессами историзации общественного сознания, формирования образов национального и европейского прошлого, становления исторической науки и исторического образования²⁰. Трудности реформ, необходимость принятия решений с учетом историче-

¹⁶ Hartog F. Regimes d'historicité. Presentisme et expériences du temps. P., 2003; Артоз Ф. Время и история // «Анналы» на рубеже веков: антология. М., 2002. С. 147—168.

¹⁷ Так, например, по словам Патрика Хаттона, в отличие от исторических представлений предшествовавших эпох, историческое сознание, отражающее ценности современной культуры, «демонстрирует не столь сильное благоговение перед прошлым и возлагает большие надежды на новшества будущего». См.: Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003. С. 24.

¹⁸ Артемьева Т.В. От славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб., 2005. С. 6.

¹⁹ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996. С. 344—345.

²⁰ Подробно об этом см.: Сабурова Т.А. «Связь времен» и «горизонты ожиданий» русских интеллектуалов XIX века // Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад. С. 302—331.

ского опыта способствовали постоянной актуализации исторического знания. Прошлое привлекает как время, в котором заложены причины текущего состояния и которое позволяет понять, объяснить и даже изменить настоящее, привести его в соответствие с прошлым. «Просветительская парадигма определяла не только уверенность в универсальности идеи прогресса, включая тем самым будущее России в общее будущее европейской цивилизации, но и формировала стремление приблизить это будущее для России, диктовала необходимость деятельности, способствующей появлению элементов будущего в настоящем. <...> формируется не пассивно-созерцательное отношение к настоящему, а отношение деятельное, призванное изменить настоящее для изменения будущего»²¹. Характеризуя дальнейшую трансформацию темпоральных представлений, Т.А. Сабурова подчеркивает: «От осмысления различия и связи времен, которое началось в XIX в., от чувства времени, ощущения его движения, русская интеллигенция пришла в начале XX в. к осознанию *“разрыва времен”* (курсив мой — Л.Р.), чувству безвременья, ощущению остановившегося времени. Незавершенность процесса формирования исторического сознания русской интеллигенции, исторической культуры русского общества, отсутствие устойчивых образов прошлого, как и связи прошлого, настоящего и будущего — все это стало серьезным фактором революционаризации общественного сознания, и, следовательно, социальных потрясений в России»²².

Специалисты по истории разных цивилизаций редко сопоставляют результаты своих исследований, а если это случается, то процедура, как правило, сводится к противопоставлению, поиску контрастов. В таком сравнении доминирует неизбежная предзаданность культурного контекста, вследствие чего исследователь оценивает историческое мышление другой цивилизации сквозь призму идеи истории в собственной культуре, и это имеющееся у него представление о том, что есть история, выступает как скрытый критерий, как норма или, по меньшей мере, как некий фактор, структурирующий его видение иных вариантов исторического мышления (так называемый «культурный империализм»). В случае неотрелескированной этой ситуации, сравнение превращается в простое измерение дистанции от некритически воспринятой «нормы» в терминах «развитости» («прогрессивности») и «отсталости» («архаичности», «примитивности») и не дает возможности разобраться в особенностях и сходствах различных способов исторического мышления и историописания.

«Историческое сознание» в строгом (нововременном) смысле этого слова разрушилось в период постмодерна. Кризис доверия к исто-

²¹ Там же. С. 322.

²² Там же. С. 331.

рическому метарассказу — это фактически кризис социальной памяти исторического типа, и одновременно кризис линейной темпоральности. В целом для современной историографии характерно разделение пространств настоящего и будущего. Это установление разрыва между настоящим и будущим часто описывается как «презентизм», исчезновение измерения будущего как такового, которое, будучи отделено от настоящего, перестает быть реальным. Последствия данного разрыва проявляются, в частности, в том, что историки отказались от идеи предсказания будущего и практически полностью исключили тему будущего из круга своих профессиональных интересов, согласившись с тем, что история никогда не повторяется, и даже если знание о том, как были устроены общества прошлого, помогает понять современное общество, оно все же не дает нам никакого точного знания о том, что грядет.

Между тем, тема будущего оказывается чрезвычайно востребованной в пространстве истории коллективных темпоральных представлений и «мемориальных исследований». Если желание заранее знать будущее присуще всем человеческим обществам, встречается везде и во все времена, то средства, которые используются, чтобы удовлетворить это желание, и создаваемые воображением картины будущего в коллективном сознании отличаются друг от друга в различных культурах, в зависимости от религиозных верований и форм рациональности, которые для них характерны. Поскольку социальная память «вырастает» из разделяемых или оспариваемых смыслов и ценностей прошлого, которые «вплетаются» в понимание настоящего и в проекции будущего, постольку прошлое оказывается не менее проективным, чем будущее. Содержание коллективной памяти меняется в соответствии с социально-историческим контекстом и практическими приоритетами: для многих групп (как малых, так и больших) переупорядочивание или изменение коллективной памяти в процессе трансмиссии означает постоянное изобретение прошлого, которое бы подходило для настоящего, или, равным образом, изобретение настоящего, которое бы соответствовало прошлому. Неразрывная связь прошлого, настоящего и будущего в историческом сознании имеет последствия не только для образа нашего непредсказуемого *вчера*, но и — через отношение к прошлому — для самоопределения и практической деятельности *сегодня* по «обустройству» грядущего *завтра*.

Темпоральные характеристики исторического сознания имеют еще один важный аспект, который связан со статусом истории как особой *критической* (корректирующей) формы памяти о прошлом. Обращаясь к проблеме содержания и соотношения профессионального исторического сознания и массовых представлений, Поль Вен подчеркивал: «В стихийном сознании нет понятия истории, для появления которого требуется интеллектуальная работа... Все, что известно сознанию об

истории, — это узкая полоска прошлого, воспоминание о котором еще живо в коллективной памяти нынешнего поколения...»²³.

В разделе с красноречивым названием «История больше, чем прошлое» своей давно уже ставшей классической книги «Прошлое — чужая страна» Дэвид Лоуэнталь решительно констатировал: «Исторические интерпретации формируются под воздействием анахронизмов и ретроспективного знания. Для того, чтобы сделать прошлое понятным, настоящему мало уметь справляться со сдвигами в восприятии, ценностях и языке, необходимо также уметь учитывать те изменения, которые произошли после рассматриваемого периода. <...> За счет того, что историки переформулируют проблемы в современных терминах и опираются на знания, прежде бывшие недоступными, им удастся обнаруживать то, что было ранее забыто или некорректно сведено вместе, а также открывать то, что никому прежде не было известно»²⁴.

Итак, историк «поправляет» социальную память, и ключевой момент в этой историографической процедуре описан очень точно: «То обстоятельство, что историку заранее известен исход сил, действовавших в прошлом, вынуждает его формировать отчет таким образом, чтобы тот соответствовал ходу событий. Темп, угол зрения, временной масштаб его наррации (повествования), — все несет на себе отпечаток подобного ретроспективного знания, потому что он “должен не только знать, чем закончились интересующие его события, но должен использовать эти познания в своем повествовании”»²⁵. Здесь Д. Лоуэнталь совсем не случайно ссылается на слова Дж. Хекстера: «если бы писатель не знал итогового результата, он ни за что не смог бы правильно соотнести пропорции своего повествования с реальными темпами событий»²⁶. Большинство представлений о прошлом в памяти социума, как и индивидуальные воспоминания, не отличаются хронологической определенностью и даже не связаны с последовательностью событий. Именно историк организует разрозненные факты прошлого в связное повествование. Историк, будучи включен в пространство исторической памяти, одновременно ее преобразует, руководствуясь профессиональными стандартами и нормами²⁷.

²³ См.: Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М., 2003. С. 87—89.

²⁴ Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб., 2004. (1 изд. — 1985). С. 343.

²⁵ Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна. С. 344.

²⁶ Hexter J.H. Rhetoric of History // Hexter J.H. Doing History. Bloomington; London, 1971. P. 338.

²⁷ Как удачно выразился Антуан Про, память «...черпает силу в тех чувствах, которые она пробуждает. История же требует доводов и доказательств». Цит. по: Про А. Двенадцать уроков по истории. С. 319.

И массовое, и профессиональное историческое сознание строятся, как правило, на основе линейной нарративной логики, которая наиболее адекватна чрезвычайно значимому в XIX—XX вв. и сохраняющему значение даже в начале XXI в. национально-государственному типу идентичности. Вместе с тем, одним из результатов программы историзма стало резкое углубление разрыва между «историей историков» («академической историей», «историей как наукой») и обыденными (массовыми) представлениями о прошлом: в то время как социальная память продолжает создавать интерпретации, удовлетворяющие социально-политическим потребностям, в исторической науке господствует императив «прошлое ценно само по себе», и ученому следует, по возможности, быть выше соображений политической целесообразности.

Значение темпорального компонента культурных представлений в общей картине мира невозможно переоценить. При этом сегодня ставится задача не просто констатировать особенности концепций времени в исторических традициях разных культур и эпох (представления о членении, измерении, движении, ценности времени, о соотношении прошлого, настоящего и будущего, а также образы общезначимого прошлого — эпох, событий, героев и пр.), но и направить усилия на поиск всеобщего, характерного для всего человечества²⁸.

Сегодня речь идет уже о попытке сформировать новое историческое сознание посредством синтеза модернистского и постмодернистского типов исторического мышления — с одновременным признанием идеи существования множества различных историй и идеи единства исторического опыта и ориентации на сравнительный анализ исторического сознания и традиций историописания, который выходит далеко за пределы европейской культурной традиции и западной цивилизации — на глобальную арену. Позиция Йорна Рюзена четко определена: «... Нам нужна ведущая система ценностей, универсальная система ценностей, которая утверждает различие культур (курсив мой — Л.Р.)²⁹». Звучит парадоксально, но столь же внешне парадок-

²⁸ В связи с этим необходим новый подход к сравнительному изучению исторического сознания и концепций прошлого. Опыт реконструкции и сопоставления темпоральных картин мира и исторических представлений, условий их формирования и динамики развития в разных культурных ареалах представлен в коллективном труде, в котором были использованы материалы античной, средневековой и новоевропейской (в разных национальных и региональных вариантах), византийской и древнерусской, китайской, арабской, индийской, персидской, монгольской письменных традиций. См.: *Образы времени и исторические представления в цивилизационном контексте: Россия — Восток — Запад* / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2010.

²⁹ Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // *Диалог со временем*. 2001. Вып. 7. С. 8—26. С. 24—25. См. также: Рюзен Й.

сальным может показаться и более общий принцип сосуществования разных культур и цивилизаций в современном глобализирующемся мире — принцип «единства в многообразии». Между тем, Рюзен распространил этот принцип на уровень исторического сознания с его множественностью форм (как синхронных, так и стадиальных), прежде всего — в проблемном поле, обозначенном им (на мой взгляд, не совсем удачно) как «межкультурная компаративная историография»³⁰. С целью коррекции культурной включенности исследователя предлагается теория «культурных универсалий исторического сознания» (или «общая теория культурной памяти»), т.е. выход за рамки свойственных профессиональной историографии рациональных процедур исторического познания в пространство базовых ментальных операций воспоминания, интерпретации и репрезентации прошлого, присутствующих в любой культуре и обеспечивающих практические потребности ориентации людей в их настоящем.

«Теория культурной памяти, или исторического сознания», объясняющая эту базовую процедуру осмысления прошлого, является отправным пунктом для межкультурного сравнения. Историография как таковая выступает в рамках этой теории как одна из специфических форм универсальной культурной практики. В такой перспективе оказывается видимым не только все разнообразие вариантов, но и то, как именно оно складывается. Однако этот грандиозный проект «межкультурной сравнительной историографии», не имеющий хронологических и пространственных ограничений, требует множества дополнительных конкретных исследований, способных обеспечить максимально «плотное описание» национальных историографий (и даже локальных историографических традиций), и может быть реализован только коллективными усилиями «невидимого колледжа» историков разных стран и регионов мира. На этом долгом пути будут постоянно возникать дискуссии как вокруг ключевых концептов, так и вокруг методик реконструкции и сопоставления темпоральных картин мира и исторических представлений, условий их формирования и динамики развития в разных культурных ареалах.

Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С. 38—62.

³⁰ Rüsen J. Some Theoretical Approaches to Intercultural Comparative Historiography // History and Theory. 1996. Vol. 35. Theme Issue: Chinese Historiography in Comparative Perspective / Ed. by Axel Schneider and Susanne Weigelin—Schwiedrzik. P. 5—22.

Ценности цивитас и ценность права: проблемы современной историографии

Цивитас Средневековья как правовой и социальный организм с особыми ценностями и иерархическими представлениями изучается историками на протяжении нескольких веков. При этом исторически сложилась традиция обращения историков к свидетельствам правового характера, которые традиционно считались поставщиками объективной информации о социуме.

Значительное число современных медиевистов признает, что исследователь работает с образами, с видами репрезентации, а не реконструирует реалии, при этом немало историков прибегает к знаменитой формуле Ж. Дюби «поведение и действия людей не обусловлены непосредственно действительностью, они обусловлены ее образами, которые составили себе люди и которые управляют их действиями»¹. Как будто бы здесь возникает явное противоречие.

Требуется пояснение: представления, которые изучает итальянист, очень часто суть образы должного и недолжного, закрепленные в письменном праве. Иначе говоря, среди доминирующих в сознании средневекового итальянца-горожанина представлений следует выделить образы правового порядка, связанные с восприятием привилегий и обязанностей, достоинства и статуса индивида или группы, а также с понятием о ценности общины (цивитас), к которой принадлежал житель средневекового города. Именно представления о правовых ценностях, принятые в социуме, и о самом социуме как носителе права отразились в многочисленных свидетельствах источников.

Разумеется, прямолинейная связь «развитие права — развитие города», существовавшая еще в первой половине прошлого века, требует корректировки. Есть в то же время основания связывать развитие цивитас и цивилизации в Средние века с развитием ценности письменного права. Италия Средневековья воспринималась как край городов, в котором традиции жизни городской общины не прерывались².

¹ *Duby G. Histoire sociale et idéologie des sociétés // Faire de l'histoire. / Ed. J. Le Goff, P. Nora. Paris, 1974. T. I. Nouveaux problèmes. P. 148.*

² *The Italian City-State and its Territory // City States in Classical Antiquity and Medieval Italy / A cura di A. Molho, K. Raaflaub, J. Emlen. Stuttgart, 1991. P. 589—602; Il nome di "città". Le denominazioni dei centri urbani d'oltralpe in alcune scritture*

Данная традиция существования цивитас дает историку большой материал для изучения и компаративного анализа, но и тем самым порождает бесконечное множество вопросов и дискуссий, в связи с т.н. проблемой континуитета. Не углубляясь в эту дискуссию, отметим одно: поскольку в Средние века, как и в период Ренессанса древность считалась ценностью, древность города и его традиций общины воспринимали несомненным достоинством, поэтому и континуитет, хотя бы и ложный — это не изобретение историков, а ценностная установка изучаемой эпохи. Во время расцвета итальянских коммун обращение к прошлому провозглашалось с гордостью, древность, бесспорно, считалась ценностью, поэтому рано или поздно она начинала актуализироваться. При этом механизм восприятия цивитас работает и в обратную сторону, в том смысле, что Античность воспринимается через призму Средневековья и Ренессанса, посредством гораздо более доступного и обширного круга источников, чем тот субстрат, который был создан и сохранен от собственно классического времени.

Особую перспективу историографического развития составляет поднятая Н. Элиасом проблема изучения “civilizing process”, при обозначении которой специальное внимание уделяется развитому Средневековью и периоду перехода к раннему Новому времени, а проблемы континуитета Античности отходят на дальний план, что уже нашло отражение в работах медиевистов³. Традиционные линии изучения муниципия античного времени также проблематизируются и ставятся под вопрос.⁴ В любом случае, если сравнить объем источников, который представляет собой сохраненное наследие Античности⁵, с тем количеством свидетельств, которое подарило одно только итальянское Средневековье, то сравнение, разумеется, будет не в пользу цивитас

italiane del primo Cinquecento // Italia et Germania. Liber amicorum Arnold Esch / A cura di H. Keller, W. Paravicini, W. Schieder. Tübingen, 2001. P. 489—501.

³ Najemy J.M. The Medieval Italian City and the “Civilizing Process” // Europa e Italia. Studi in onore di Giorgio Chittolini / Europe and Italy. Studies in honour of Giorgio Chittolini. Firenze, 2011.

⁴ Galsterer H. La loi municipale des Romains: chimère ou réalité? // RHD. 1987. Vol. 65 (2). P. 181—203.

⁵ Одним из наиболее ярких образцов civitas античности был римский муниципий. Наиболее ценным источником в изучении римской civitas, в частности, римского муниципия, являются муниципальные уставы (leges) эпохи Республики и Империи, которые предоставлялись этим гражданским общинам во время их возведения в статус муниципия, это: lex Tarentina, tabula Heracleensis (более известный как lex Iulia municipalis), lex coloniae Geneitivae Iuliae (или lex Ursonensis) — для эпохи Республики. Следует отметить также примеры муниципальных установлений конца I в. н.э., как найденные в сенатской провинции Бетика lex municipalis Salpensana, lex municipalis Malacitana, lex municipalis Iritana.

древнего мира, хотя, с другой стороны, — смутная отсылка к наследию прошлого всегда присутствовала в том широком процессе развития *jus proprium* (собственного права), который охватил Италию после успехов в борьбе городов за независимость от Империи.

Тем не менее, история общины античной эпохи — гораздо более известный научный сюжет и, одновременно, четкая историографическая картина, чем исследования общины средневековой. Если по поводу изучения истории общины в римское время существуют терминологические договоренности, признанные в историографии определения, то для Средневековья ситуация с наименованиями общины более сложная, а общие договоренности о понятиях и терминах описания правовой основы *цивитас* существуют в узких рамках исследований правоведов, но не историков.

Кратко говоря, можно указать, что термин “*civitas*” в Средневековье обозначал и сам город (обычно центр епископии), и общину полноправных горожан⁶. Термин “*commune*” (коммуна — от вульгаризированной формы “*communio*” и “*communis*” — общий) чисто средневековый, появляющийся в источниках только после рубежа тысячелетий. При этом термин “*civitas*” не вытесняется им полностью и совершенно.

Важным вопросом для современной европейской, прежде всего, итальянской историографии стали попытки определить первоначальные формы и фазы процесса объединения в коммуны. Тезис о частном характере раннего этапа развития коммуны стал общепринятым с 60-х гг. прошлого века, причем его утверждение можно приписать влиянию фундаментальных трудов Дж. Фазоли.

Центральной для исследования Фазоли стала идея о том, что на первоначальной стадии развития коммуна носит исключительно частный характер, будучи продуктом временного договора частных лиц — горожан или селян-соседей, заключенного с конкретными утилитарными целями⁷. В работах Фазоли, посвященных трансформации городской общины в средневековую коммуны, период рубежа тысячелетий отмечен как качественно важный и переломный, причем подчеркивается, что для обозначения городского объединения постепенно начинает использоваться новый термин, новое имя существительное на вольтаре, которого не существовало в классической латыни. Само по себе название основополагающей монографии Фазоли: «От *цивитас* к коммуне в Италии», взятое без анализа содержания, может натолкнуть на мысли о том, что исследовательница развивала идеи общины континуитета от

⁶ Понятие о *цивитас* как о совокупности сограждан, а не просто как о граде четко прослеживается у такого первостепенного для средневекового латинского мира автора как Августин.

⁷ Fasoli G. *Dal civitas al comune nell'Italia settentrionale*. Bologna, 1961.

Античности к Средневековью. Но отметим, что Дж. Фазоли под «цивитас» подразумевала особую раннюю форму городской общины, которая предшествовала коммуне. При этом в авторском дискурсе роль античной цивитас не рассматривалась как определяющая для формирования цивитас в Средневековье.

Интересно, что ученик и сподвижник Дж. Фазоли, А.И. Пинии, изучая историю коммун и корпораций, отстаивал иную точку зрения, проводя параллели между системами отношений зависимости, создаваемыми в различные исторические эпохи⁸.

Анализ соотношения использования двух терминов — цивитас и коммуна — в правовых документах городского происхождения не позволяет считать, что один термин всегда относится к более раннему этапу развития общины, а другой — к более позднему. Этот важный и обоснованный кропотливыми исследованиями казусов вывод принадлежит итальянскому ученому О. Банти⁹.

Проблема изучения понятия цивитас в истории, разумеется, не исчерпывается терминологическими трудностями и юридическими тонкостями, хотя именно этот круг вопросов составляет ядро исследований.

Изучение отличительных особенностей итальянской истории, именно эволюции городской общины (*civitas*), черт континуитета и новаций в её истории возможно сквозь призму бытовавших норм восприятия чрезмерной и допустимой роскоши. В частности, весьма значимой темой является исследование сумптуариев, т.е. законов против роскоши, которые вырабатывали и античные цивитас, и общины средневекового и ренессансного периодов.

Несомненно, что такой сложный организм как (гражданская) община во всем многообразии ее форм невозможно представить, не изучив вопрос о том, какие потребности испытывали члены общины, какие траты они производили для поддержания того или иного образа жизни, который был присущ горожанам эпохи. Но не менее важен и вопрос об отношении к ценностям не только материальным, но и символическим.

Разумеется, ценностью являлась и воспринималась сама община — цивитас, дух которой мог быть поврежден или подкреплён тем или иным поведением членов социума, например, поддержан службой на благо общины или же благочестивыми расходами на церкви города, а нарушен тратами, шедшими во вред общине.

⁸ Pini A.I. *Citta, comuni e corporazione nel Medioevo italiano*. Bologna, 1986.

⁹ Banti O. *Civitas e commune nelle fonti italiane dei secoli XIe—XIIe* // *Critica Storica*. 1972. IX. Данная работа с минимальной правкой воспроизведена в коллективном труде под редакцией Г. Россетти — *Forme di potere e strutture sociali in Italia nel medioevo*. Bologna, 1997. P. 217—231.

Изучая правовые репрезентации городской коммуны, нормы, связанные с самим понятием *цивитас*, возникавшие в городской среде от Средних веков к Ренессансу, а также анализируя образы должного и не-должного жизненного модуса, запечатленные в специальных установлениях (итал. *statuti* — статуты), мы можем приблизиться к пониманию ряда вопросов правового и институционального развития социума Италии. Исследование комплекса указанных проблем следует начинать с т.н. континуитета *цивитас* в Италии, а заканчивать, например, разбором темы исторического контекста возрождения идеи законов против роскоши.

Хронология развития этого процесса охватывает период от приобретения независимости городскими коммунами Севера в борьбе с имперской властью до момента поглощения отдельных *цивитас* и их объединений региональным государством Ренессанса. Именно в данный период происходит расцвет статутного права и вообще собственного права коммун, а также задается модус развития сумптуариев.

Сам выбор свидетельств того или иного характера, выделение некоторых аспектов изучения источников являются интерпретациями; обращение к определенному виду источников также историографическая проблема.

Во многом картина историографических представлений о том или ином историческом регионе или периоде зависит от того, какие источники демонстрируют массовую сохранность, и в той же мере важно, какие именно виды источников публиковались.

Для итальянистов проблемой стало то, что следовало бы рассматривать как крупную удачу и завидную перспективу развития их дисциплины, а именно: обилие правовых свидетельств вообще и статутов в первую очередь, которые превратились в наиболее известный и интенсивно используемый класс источников по истории средневекового итальянского социума. Вопросы изучения специфики правовых свидетельств — большая и важная тема в рамках дисциплинарных исследований, которая, тем не менее, на уровне популярного дискурса остается совершенно мистифицированной. Правовые свидетельства по умолчанию считаются объективными или, по крайней мере, более объективными, чем хроники, эпистолярные памятники и многие виды нарративов.

При этом историк-итальянист должен отдавать себе отчет в том, что средневековый специалист, создававший те самые правовые документы, которые станут для нас основными историческими источниками, мог и должен был в своем свидетельстве реализовывать активную роль интерпретатора. Известно, что именно в итальянских землях правовая образованность как бы подавляла весь остальной ученый дискурс, в том числе исторический, и этот вывод, сделанный, в частности, для

периода раннего Средневековья¹⁰, продолжает быть актуальным и для более позднего времени.

Отметим, что для медиэвистики, изучающей итальянские исторические реалии, важна именно та картина мира, которую воссоздают свидетельства из мирской, коммунальной среды, а не монастырские хроники, например, или же королевские анналы, распространенные в других регионах. Даже городские центры с обширными компендиумами анналов и хроник располагали неизмеримо большим объемом нотариальных записей и правовых свидетельств эпохи. Для самого Рима это суждение об удельном весе правовых документов в объеме всех прочих источников также справедливо.

Изучение и публикация исторических источников, связанных с юридическими аспектами, долго оставались привилегией историков права. Интерес группы итальянских специалистов (идейно смелых и на редкость кропотливых) к юридическим и экономическим аспектам Средневековья уже в 80-е гг. XIX—первой четверти XX в. привел к публикации ряда важнейших правовых источников по истории коммун. В первую очередь, это были своды статуты коммун¹¹. Именно для периода трансформации позднего Дученто данный вид источников может быть назван определяющим.

По одной только частоте упоминания материалов статуты в работах медиэвистов и историков средневекового права мы должны отдать пальму первенства именно этой форме правовой регуляции социальной жизни. Хотя развитие итальянского статутного права имело свои специфические черты, следует отметить, что феномен статуты значим для Европы в целом. Особенно интересные параллели эволюции статуты в итальянских землях (отложившихся от Священной Римской Империи) прослеживаются при рассмотрении материалов статуты городов и торговых бургов в землях самого рейха, что открывает особые перспективы для компаративного изучения феномена статутного права¹².

¹⁰ Wickham C. Lawer's time: History and Memory in 11—12 c. Italy // *Studies in Medieval History* / Ed. by H. Mayer. L., 1985. P. 70.

¹¹ В частности, образцами таких кропотливых изданий стали статуты коммун римского региона: *Statuti della Provincia Romana*. Roma, 1910. V. I; *Statuti della Provincia Romana*. Roma, 1930. V. II.

¹² Dilcher G. "Hell, verständig, für die Gegenwart sorgend, die Zukunft bedenkend". Zur Stellung und Rolle der mittelalterlichen deutschen Stadtrechte in einer europäischen Rechtsgeschichte // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Germanische Abteilung*. 1989. Bd. 106. Интересный материал для компаративного анализа представляет собой в целом публикация — *Statuti, città, territori in Italia e Germania tra il Medioevo e l'Eta moderna* / A cura di G. Chittolini e D. Willoweit. Bologna, 1991. В данной работе обобщен опыт исследования статутного права «по обе стороны Альп», в основном, в период XV—XVII вв. При этом среди исторических материалов рассматриваются лишь относящиеся к определенной территории Италии статуты Севера, а также Центра (вплоть до Болоньи), но не римского региона.

При том, что Италию отличает непрерывная традиция критической публикации историко-правовых свидетельств развития коммун, объем неопубликованных архивных источников остается неизмеримо большим. Один из самых авторитетных исследователей нового поколения, С. Кароччи, подчеркивает, что основной корпус изданных статутов, относящихся к Риму и окружающему его ряду областей, датируется поздним Дученто и Треченто, а это накладывает ограничения на область репрезентативности данных источников¹³.

Также при изучении историографии *цивитас* следует акцентировать вопросы специфики языка записи статутов и других документов, связанных с развитием коммуны: языком делопроизводства могла быть латынь, но также допускались записи на вольгаре¹⁴. Предположения о том, что латынь как язык социально-правовой коммуникации более архаична, а вольгаре приходит ему на смену, все же не подтверждаются.

Принципиально важно другое: нужно ли различать статуты в узком и широком смысле слова — примеры собственного права, регулировавшие те или иные стороны жизни социума, и узкую группу статутов независимых коммун, объединений высокого институционального уровня и имеющих политический характер? Мне представляется, что историографическая картина остается вполне четкой, но становится полнее, если данного разграничения не проводить искусственно.

Таким образом, нет сомнений в наличии большого неиспользованного потенциала таких исторических источников как правовые документы, в том числе и те, которые давно введены в научный оборот посредством критических изданий, поскольку они требуют усилий по интерпретации и реинтерпретации, поиска новых фокусировок изучения их специфики и репрезентативности.

Кажется оправданным постоянное обращение именно к этому виду источников специалистов по различным вопросам средневековой итальянской истории. Как уже отмечалось, очевидно и то, что разнохарактерные установления, называемые статутами, представляют для историка особый интерес, отличный от того интереса, который проявляют к данному материалу историки права. Но все еще сохраняет научную актуальность и углубление вопросов, связанных с интерпретацией терминов и правовых формул¹⁵.

¹³ Carocci S. Baroni di Roma: dominazioni signorili e lignaggi aristocratici nel duecento e trecento. Roma, 1993. P. 191.

¹⁴ Ascheri M. Il Costituto del Comune di Siena in volgare (1309—1310). Un episodio di storia della giustizia? Firenze, 2009.

¹⁵ Folini M. Il governo degli spazi urbani negli statuti cittadini di area estense / Signori, regimi signorili e statuti nel tardo medioevo. Bologna, 2002; Dondarini R. Statuti italiani e statuti bolognesi tra ritardi, rigidità e nuove prospettive // Il Carrobbio. 1999. T. XXV. P. 13—28.

В историографии также возникла и дискуссия о принципиальных возможностях использования правового материала при исследованиях вопроса о вассалитете, а также формах и условиях земельных держаний. Наиболее радикальный критицизм и скептицизм по поводу интерпретации терминов, массово встречающихся в правовой документации (таких как вассалитет, вассал, аллод, феоде), были высказаны в 1990-х гг. С. Рейнольдс.

Рейнольдс излишне утрирует как бедность контекстов, которые можно было бы привлечь для верификации терминов, так и вывод, следующий из этих построений. Вывод делается не столько самой исследовательницей, сколько ее комментаторами, и звучит он как постулат номинализма: общего значения нет и не может быть вообще¹⁶. Однако внимательные критики подметили половинчатость номинализма Рейнольдс, не принимающей поисков значений слов «феодализм» и «вассалитет», но твердо верящей в окончательность тех смыслов, которые нельзя этим словам приписывать¹⁷.

Вопрос о феодализме, несмотря на дискуссии, не подвергается дальнейшей проблематизации, не приобретает новых измерений. На мой взгляд, существует два основных направления дальнейшей работы. Первый — это исследование и уточнение использования термина «феод», «феодализм», «вассалитет» в правовых контекстах, в текстах, созданных юристами. Такое осмысление употреблений терминов и осознания концептов более имеет отношение к изучению т.н. проблемы «зависимости пути», зависимости от прошлой ситуации и унаследованного от прошлого значения смыслов. К проблеме изучения собственно средневековой социальной организации эти вопросы не имеют прямого отношения.

Другой, альтернативный или дополняющий способ, — это качественный пересмотр подходов к использованию имеющихся источников. Проблема, думается, заключена и в том, что именно традиционное

¹⁶ "Abstract nouns like feo, fevum, feudum...cannot be assumed to have has consistent meanings outside their contexts. Even if one context suggests some content for a word, that content cannot be assumed to be inherent in the word itself in such a way as to be transferred to other contexts and other cases. Contexts, unfortunately, are often unhelpful in this period [900—1100]. ...Scribes may have used apparently classificatory nouns to describe pieces of property without being concerned to distinguish anything we might call different and definable categories of property" // *Reynolds S. Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted*. N.Y.;Oxford, 1994. P. 119—120.

¹⁷ "Reynolds seems to urge us to push that skeptical recognition of regional and temporal differences to its farthest extreme, to the point where it seems to undermine the very possibility of language's acting as a vehicle for meaning. Yet she is convinced she knows what words do not mean..." // *Cheyette F. [Rev.]: Reynolds S. Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted*. N.Y.;Oxford, 1994 // *Speculum*. 1996. Vol. 71.

использование правовых материалов как объективного источника, содержащего позитивную информацию об институтах, поземельных и вассальных отношениях внутри социума, требуют переосмысления.

Разумеется, правовые свидетельства нельзя назвать объективными в строгом смысле слова, но их тенденциозность вычисляема и ожидаема, соответствует известному и типичному характеру, а также целям создания данного типа исторического источника.

Что касается другой важной проблемы соотношения традиции *цивитас* и статутного права, то мы можем сказать: элементы сеньориальной культуры, внедрившиеся в эти отношения, парадоксальным образом не отменяли возможностей реализации и перспектив развития *цивитас*. Так, например, в римском законодательстве первая книга статутов, традиционно посвящаемая в статутах других городов наиболее важным гражданским и общественным делам, содержит не эти ожидаемые постановления общегражданского характера, а упоминания о роли сенатора при разрешении дел о залоге и поручительстве за магнатов, баронов, и нобилей Города и округа¹⁸. Другая глава той же книги указывает случаи вмешательства и невмешательства римского сенатора во взаимоотношения и конфликты римских сеньоров-нобилей и их вассалов (из окрестных замков)¹⁹.

Община и основы цивилизности развиваются внутри системы сеньориально-вассальных отношений, но активность социума в качестве подчиняющего или подчиняемого не перечеркивает внутреннего течения процессов его самоорганизации и саморегуляции в виде *цивитас*. Эти процессы продолжаются и при переходе от системы полицентризма и установлений сеньорий над отдельными центрами к территориальному государству, о чем будет сказано далее.

Именно развивая собственную независимость и институциональную полноту, социум-*цивитас*, помимо контроля членами сообщества, стремится упрочить контроль над окружающим социальным пространством, подчинить себе соседние социумы или в случае заведомого неравенства сил и неудачи подчиниться на определенных условиях, признать вассала и узы сеньориальных отношений, сохраняя свою собственную основу.

Феномен борьбы *цивитас* с неразумными тратами его членов, правовое ограничение роскоши является одним из признаков континуитета ценностей *цивитас* от Античности до Ренессанса. Что касается литературы по вопросу, то примеры исследований самого по себе роскош-

¹⁸ Statuti della città di Roma / A cura di C. Re. Roma, 1880. P. 47.2 "De fideiussoribus nobilium".

¹⁹ Ibid. P. 71—72. CIX "De questionibus inter dominum et vassallum".

ного образа жизни, утонченного досуга и наслаждений, которыми отличались представители элит Античности, и примеры исследований конкретных правовых способов и проявлений борьбы против роскоши трудно четко разграничить. Некоторую роль здесь играют особенности историографических школ разных стран. В англоязычном научном мире менее артикулированы собственно правовые детали и подчеркнуты общие тенденции или разнообразие проявления феноменов²⁰. Исследования сумптуариев более детально даны в работах историков права и историков, получивших специальный тренинг в области изучения римского права, обычно такая подготовка дается именно итальянским исследователям, хотя можно отметить и некоторые удачные англоязычные работы.²¹

Античные законы против роскоши, известные нам хотя бы по общему содержанию, не многочисленны и могут быть приведены по хронологии, притом, что они дискретны и не взаимосвязаны. Средневековые же законодательства очень обильны и составляют ряд сходных направлений, группы созвучных запретов, которые появляются почти одновременно в законодательствах разных общин высшего юридического статуса-цивитас. Естественно, что при такой ситуации исследователь должен ориентироваться на первые еще не ставшие серийными законы и наиболее детальные описания запретов, характеризующие некие особенности.

Впервые законодательное ограничение роскоши было произведено в истории средневековой Италии в процветающих морских республиках, в первую очередь, Генуе и Пизе²². Приток роскоши, связанный с торговлей, видимо, и повлек правовые нормы ограничительного характера. Первый средневековый пример, который продолжает традицию сумптуариев, появляется в 1258—1261 гг. Также известны *Breve Pisani comunis* 1286 г., *Breve Consulum Mercatorum* 1305 г., видимо, также обусловленные опасениями перед теми новыми возможностями трат и демонстраций роскоши, которые открылись в связи с успехами торговли.

Проблему «статус и *sumptus*» задают постановления цивитас Тосканы, в которых отражена борьба с роскошью в рамках антимагнатского законодательства (Флоренция 1292 г., Сиена 1250—1260 гг.) Далее Фло-

²⁰ Образец изучения проблемы роскоши с позиции исследования языка и культуры, в т.ч. культуры питания — это, например, работа Эндрю Долби (*Dalby A. Empire of Pleasures. Luxury and Indulgence in the Roman World. London-New York, 2000*).

²¹ *Kovesi Killerby C. Sumptuary Law in Italy 1200—1500. Oxford, 2002; Muzzarelli M.G. Gli inganni delle apparenze. Torino, 1996.*

²² *Gentile G. Le leggi suntuarie nel comune di Pisa nei secoli XIII e XIV // La vita e il pensiero. Florence, 1972; Petti Balbi G. Governare la città. Firenze. 2007.*

ренция принимает различные меры сumpтуарного характера в 1330, 1356, 1388, 1433, 1462—1464, 1471 гг., что отражает бурную картину социальной жизни города в ренессансную эпоху, когда насилие пронизывало общество, а правовые механизмы пытались создать этому насилию противовесы²³.

Формирование законодательства, направленного против роскоши, в южных областях происходило в особой атмосфере, поскольку здесь имелись тенденции развития центральной власти²⁴. Поэтому проблему «сумптуарии юга» следует выделить как отдельную тему изучения.

Спецификация проблем изучения сумптуариев задается и хронологией. Здесь можно выделить вопросы начальной фазы распространения законов против роскоши²⁵ и сумптуарии Кватроченто, когда законы против роскоши становятся нормой городской жизни, и также проявляется активная роль Церкви в этом вопросе²⁶.

Что же касается действенности законодательства в принципе, то сам внушительный и все увеличивающийся перечень попыток обуздать роскошь свидетельствует об их нерезультативности. Тем не менее, в каком-то смысле был важен сам процесс этого накопления законотворческих усилий, процесс, питавший собой традицию цивилиности. Вероятно, наибольшие успехи развития собственного права и законов против роскоши достигались при смене элит, в обстановке борьбы, которой было отмечено переходное время создания территориальных, региональных государств²⁷. В моменты расширения, открытия элит за-

²³ The Culture of Violence in Renaissance Italy // Proceedings of the International Conference Georgetown University at Villa Le Balze, 3—4 May, 2010. Выделю среди материалов конференции вклад историка Тосканы, очертившего круг проблем социума раннего периода Ренессанса, связанных с враждой могущественных семейств города — *Zorzi A. Legitimation and Legal Sanction of Vendetta in Italian Cities from the Twelfth to the Fourteenth Centuries*.

²⁴ *Musella Guida S. Il Regno del lusso. Leggi suntuarie e societa: un percorso di lungo periodo nella Napoli medievale e moderna (1290—1784); Tramontana S. Vestirsi e travestirsi in Sicilia, Sellerio, Palermo, 1993; Del Giudice G. Una legge suntuaria inedita del 1290, Memoria letta all'Accademia Pontaniana nella tornata del 16 marzo e 20 aprile 1884, Napoli 1887; Pinchera V. Vestire la vita, vestire la morte: abiti per matrimoni e funerali, XIV—XVII secolo, in La moda // Storia d'Italia. Torino, 2003.*

²⁵ *Muzzarelli M.G. "Nosce ordinem et finem sui status": il valore delle vesti nella società del tardo medioevo (XIII—XIV secolo) // Problemi di identità tra Medioevo ed Età moderna / A cura di P. Prodi, V. Marchetti. Bologna, 2001. P. 1056—1115.*

²⁶ *Devincentiis A. Quattrocento Sumptuary Laws in the Papal State // Nuova rivista storica. 1997. Vol. 81. № 3. P. 729—734; Muzzarelli M.G. "Contra mundanas vanitates et pompas". Aspetti della lotta contro i lussi nell'Italia del XV secolo // Rivista di storia della Chiesa in Italia. 1986. Vol. XL. № 2. P. 371—390; Kovesi Killerby C. Sumptuary Law in Italy 1200—1500 Oxford, 2002.*

²⁷ В исторический момент создания ренессансного территориального государства: *Lo stato territoriale fiorentino (secoli XIV—XV). Ricerche, linguaggi, confronti*

конотворческий процесс шел бурно, но строгость в отношении роскоши отходила на второй план.

С другой стороны, невозможно однозначно считать, что средневековые сumpтуарии были направлены на полное подавление проявлений роскоши или даже конкретных образцов роскоши, как это было в случае принятия античного закона времен войны с Карфагеном. В период Средневековья и Ренессанса также существовали репрессивные меры вплоть до отъема предмета роскоши. Достаточно часто, однако, социум Средневековья удовлетворялся штрафами в пользу всей коммуны за нарушения законов отдельными ее членами, и эти штрафы выступали маркером восстановления справедливости и признания примата общественных ценностей.

Средневековые статусные характеристики оказывают влияние на сumpтуарии, как оказывали влияние на коммуны и их статуты элементы сеньориальной системы. Однако не следует, на мой взгляд, *включать в одну категорию* борьбу с роскошью членов социума и закрепление статусных характеристик и ограничений, в том числе требований отличий в одежде групп жителей города, которые мы теперь определяем как меньшинства, например, евреев²⁸.

Сumpтуарии, вероятно, отражали в некоторых случаях желание найти консенсус внутри самого малого сообщества по вопросу о богатстве и роскошном образе жизни, а иногда ущемляли традиционных обладателей высокого статуса, содействуя повышению в правах новой элиты или особой категории членов коммуны. Такие выводы можно сделать, например, поскольку принятие законов против роскоши исследователи маркируют именно такими историческими переходными моментами²⁹.

(Atti del seminario internazionali di studi, San Miniato, 7—8 giugno 1996) / A cura di A. Zorzi, W. J. Connell. Pisa, 2001; Bizzocchi R. Chiesa e potere nella Toscana del Quattrocento, Bologna, 1987; De Vincentiis A. Papato, stato e curia nel XV secolo: il problema della discontinuità // *Storica*. 2002. Vol. 24. P. 91—115; Clemente A. Note sulla legislazione suntuaria napoletana in età moderna; De Benedictis A. Repubblica per contratto. Bologna: una città europea nello Stato della Chiesa, Bologna 1995; De Benedictis A. Mattozzi Giustizia, potere e corpo sociale nella prima età moderna: Argumenti nella letteratura giuridico-politica. Bologna, 1994.

²⁸ В классическом труде по истории обуздания роскоши законодательными мерами такое включение происходит: Toaff A. La prammatica degli ebrei e per gli ebrei // *Disciplinare il lusso. La legislazione suntuaria in Italia e in Europa tra Medioevo ed Età moderna*. Roma, 2003.

²⁹ Наиболее важные коллективные монографии последних лет по теме кризисных моментов, социальных трансформаций и конфликтов в Италии и Европе времен распространения практики сumpтуариев: Europa e Italia. Studi in onore di Giorgio Chittolini / *Europe and Italy. Studies in honour of Giorgio Chittolini*. Firenze, 2011; Blockmans W. Cities, Networks and Territories. North-Central Italy and the Low Countries Reconsidered; Easton Law J.E. Games of Submission in Late Medieval Italy Conflitti // *Paci e vendette nell'Italia comunale* / A cura di A. Zorzi. Firenze,

Отметим, однако, что сumpтуарии вовсе не стоит принимать за реальную борьбу с богатством (более справедливое его распределение на пользу всей общины) или за сглаживание статусных различий. Да, наказание за злоупотребления происходило в форме выплаты своеобразного налога на роскошь, выплаты за нарушения выступали как компенсация общине. При этом степень перераспределения благ здесь была весьма условной: общественными средствами распоряжалась та же элита цивитас (коммуны), которая только и могла нарушать запреты в отношении роскоши. Изменение характера элиты не затрагивало положения рядовых членов коммуны.

Можно предположить, что обвинения в злоупотреблении роскошью могли быть использованы на фоне соперничества, борьбы за власть в городе и направлены одной частью элиты против другой (одной из знатных и богатых семей против другой).

Сумптуарии также представляли собой элемент накопления символического капитала принимающей законы против роскоши властью. Этот ценностный аспект следует подчеркнуть особо: как ценность со всей очевидностью воспринималась и сама запись права, и отдельные правовые меры, в частности, ограничение роскоши.

Помимо чисто рациональных действий законодателей, исследователи должны признать и допустить определенную долю иррациональных моментов. Совершенной, стройной и логичной системы борьбы против роскоши не было никогда в истории, точнее говоря, у этой борьбы множество интенций, логик и стратегий.

Итак, при анализе вопроса о становлении и развитии средневековой коммуны учёные пользуются правовой документацией как историческим источником. Прежде всего, это законодательства общин, частью которых со второй половины XIII в. становятся законы против роскоши (позже обособившиеся в отдельные своды правил), весьма своеобразные свидетельства, связанные с местной нотариальной практикой. Обилие правовых документов и свидетельств позволяет постоянно увеличивать поток детальных исследований различных малых социумов Италии, но то же самое обстоятельство играет и против исследователей, заставляя их порой двигаться по замкнутому кругу юридических и терминологических вопросов.

Если судить с точки зрения историка, можно сказать, что коммуны и общины средневековых земель Италии создали статуты. С точки зрения историка права и, видимо, с позиции средневековых правоведов статут-

2009. (В особенности информативная заглавная статья самого Дзорци — *Zorz A. I conflitti nell'Italia comunale. Riflessioni sullo stato degli studi e sulle prospettive di ricerca*, а также — *Porta Casucci E. La pacificazione dei conflitti a Firenze a metà Trecento nella pratica del notariato*).

ное законодательство создавало коммуну с ее особым юридическим характером, системой взаимной ответственности и подотчетности должностных лиц.

Думается, наиболее корректным решением будет сформулировать следующий тезис: в области правового развития наиболее значимым результатом роста итальянской средневековой коммуны стало формирование ее собственного законодательства: как статуты (в т.ч. содержащих меры, направленные на ограничение роскоши), так и самодостаточных сумптуариев. Более того, можно сказать, что в этом правовом развитии общины реализовывался и момент создания символических ценностей, а не только закрепление конкретных прав и вытекающих из них приобретений социума или отдельных его групп.

В развитии дисциплинарных исследований: как усилиями историков права, так и медиевистами, историками социума наметились как некоторые явления стагнации, так прорывы, которые требуют осмысления. В области общего развития историографии цивитас, в первую очередь, желателен синтез и обобщения среднего уровня, которые в данный момент практически отсутствуют, это могло бы стать мостом, перекрывающим пропасть между исследованием казусов и историографическими высказываниями высшего уровня генерализации.

В частности, необходимо пытаться вписать в общее проблемное поле разнонаправленные историографические разработки, которые их авторы развивали изолированно, в силу дисциплинарной замкнутости и обособленности специализаций.

Е.Ф. Шмурло и его незавершенный проект: «Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией»

В 1925 г. в Ленинграде (в издательстве Академии наук) был опубликован сборник документов, который на протяжении многих лет готовил Е.Ф. Шмурло¹. В него включены тексты, отражающие отношения между Россией и Святым престолом в конце XVI в. Изданные материалы освещали посредническую миссию папского дипломата, члена Общества Иисуса — Антонио Поссевино, отправленного в Московию со специальным поручением в ранге легата². Он приехал сюда в ответ на просьбу, с которой обратился к папе Григорию XIII московский царь Иван IV (посольство Истомы Шевригина), — оказать помощь в налаживании мирных договоренностей с Речью Посполитой для завершения затянувшейся, тяжелой и не сулящей ничего хорошего Ливонской войны (1558—1583).

Имеет ли все вышесказанное — опубликованные документы, составитель сборника — отношение к собственно итальянским сюжетам? Представляется, что ответ может быть однозначно утвердительным.

Документы непосредственно связаны с «итальянской» тематикой — хотя бы потому, что римский первосвященник в конце XVI в. являлся одним из самых могущественных правителей Европы, и под его вла-

¹ Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией. Л., 1925. Т. I. Вып. I.

² В этой работе мы не касаемся вопроса о миссии А. Поссевино. См. об этом: *Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в.* / Перевод, вступ. статья и комментарии Л.Н. Годовиковой. М., 1983; *Pierling P. Un nonce du Pape en Moscovie.* Paris, 1884; *Idem. La Russie et le Saint-Siège.* Paris, 1896. Т. II; *Polčín St. La mission religieuse du P. Antoine Possevin SJ en Moscovie 1581—1582.* Rome, 1957. Библиографию работ об А. Поссевино см.: *Polgár L. Bibliographie sur l'histoire de la Compagnie de Jésus.* Roma, 1990 (ristampa — anno 1995). Т. III. 2: G—Q. P. 690—693; *Acta Nuntiaturae Polonae* / Ed. H.D. Wojtyska. Romae, 1990. Т. I. P. 224, 226; перечень опубликованных документов о миссии А. Поссевино в Московию см.: *Яковенко С.Г. Рим и Москва: дипломатические и церковные отношения (вторая половина XV—начало XVII в.)* // *Русско-итальянский архив* / Сост. Д. Рицци и А. Шишкин. Салерно, 2005. Т. IV. С. 130—139.

стью находилась Папская область, занимавшая значительную часть территории Апеннинского полуострова.

Что же касается составителя сборника — Е.Ф. Шмурло (1854—1934), то его тесная связь с «итальянскими» сюжетами также очевидна. Можно с уверенностью утверждать, что он был и остался единственным российским ученым, который в течение длительного времени (вначале — по собственной инициативе, а затем — в качестве представителя Академии наук) работал в итальянских архивах и библиотеках, разыскивая документы и материалы по истории отношений между Россией и Италией.

Интересы Е.Ф. Шмурло были обращены в первую очередь на изучении двух крупнейших архивов — Ватиканского и Конгрегации пропаганды веры. Это «подсказывало» и те вопросы, на которых было сосредоточено его основное внимание: история отношений между Россией и Святым престолом, главным образом, в XVI—XVIII вв.; проблемы, относящиеся к восточной политике Римской курии, к межцерковным отношениям (православные — католики), истории церковной унии. Данные темы нашли отражение и в его важнейших работах. Но две из них³ были завершены уже без участия Е.Ф. Шмурло. Это было связано с его решением не возвращаться в Россию после прихода к власти большевиков.

Первая из интересующих нас публикаций была осуществлена не в полном объеме — издан лишь 1-й выпуск Первого тома⁴. Вторая из подготовленных ученым книг была издана полностью⁵, но без его участия. Кроме того, архивные разыскания Е.Ф. Шмурло не получили продолжения.

В этом смысле и обе интересующие нас работы, и деятельность Е.Ф. Шмурло в качестве Ученого корреспондента Академии наук в Риме можно считать незавершенным проектом. На родине имя ученого в течение длительного времени почти не упоминалось⁶.

Ситуация значительно изменилась в последние двадцать пять лет. За это время появилось довольно большое количество исследований и публикаций, освещающих различные грани жизни и научной деятельности Е.Ф. Шмурло. Переизданы его обобщающие труды по русской истории⁷, книга, в которой он в теоретическом плане сформулировал

³ Памятники ...; Россия и Италия. Л. 1927. Т. IV.

⁴ Памятники. Т. I. Вып. I.

⁵ Россия и Италия. Т. IV.

⁶ Отдельным исключением стала небольшая статья и публикация Б.Б. Кафенгауза (См. Кафенгауз Б.Б. Новые материалы иностранных архивов о международных отношениях России // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 533—540).

⁷ Шмурло Евгений. История России 862—1917 гг. / Сост. Л.И. Демина. М., 1997 (переиздание книги: Шмурло Е. История России 862—1917. Мюнхен, 1922). Шмурло Е.Ф. Курс русской истории: В 4 т. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб., 2000. Т. 1: Возникновение и образование Русского государства; Т. 2: Русь и Литва; Т. 3: Московское царство; Т. 4: Спорные и невыясненные вопросы

свое отношение к истории России (прежде всего — ее месту в Европе и Азии)⁸, а также некоторые статьи и более мелкие работы⁹. Были обнаружены важные материалы его биографии: автобиографические заметки¹⁰, переписка¹¹, документы из личного архива¹². Жизнь и деятельность Е.Ф. Шмурло стали также предметом диссертационных изысканий¹³.

Исторические и археографические исследования Е.Ф. Шмурло дают возможность ответить на вопрос о том, почему он занялся изучением именно итальянских архивов и библиотек с целью поисков новых материалов по русской истории. Это вполне логично следует из его исторических построений, которым предшествовала «школа» выдающегося русского историка К.Н. Бестужева-Рюмина, оказавшего большое влияние на формирование исследовательского метода Е.Ф. Шмурло¹⁴.

русской истории. (переиздание: *Шмурло Е.* Курс русской истории. Прага, 1931—1935 Т. I—III [литогр.]).

⁸ *Шмурло Е.Ф.* Россия в Азии и в Европе / Публ. С.Г. Яковенко // *Eurasian Review*. November 2012. Vol. 5. P. 71—102 (русский оригинал работы Е.Ф. Шмурло [ГА РФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 109], который был издан в переводе на чешский язык в Праге: *Šmurlo E.* Rusko v Asii a v Evropě. Praha, 1926).

⁹ *Шмурло Е.Ф.* С.М. Соловьев / Публ., вступит. статья С.Г. Яковенко // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 151—164; *Он же.* Сношения России с папским престолом в царствование Петра Великого (1697—1707) / Вступ. статья, публ. С.Г. Яковенко // Историки-эмигранты. Вопросы русской истории в работах 20-х—30-х годов М., 2002. С. 210—257; *Он же.* Архив Конгрегации Пропagанды веры и его значение для русской истории. Доклад на международном конгрессе историков. Брюссель, 1923 / Публ. С.И. Гореловой // Исторический архив. 1997. № 5—6; *Он же.* Москва — Третий Рим / Публ. М.Ю. Досталь, М.А. Робинсон // *Славяноведение*. 1997. № 5. С. 52—66.

¹⁰ *Демина Л.* «Записки» Е.Ф. Шмурло об историках Петербургского университета (1889—1892) // Археографический ежегодник за 1984 год. М., 1986. С. 252—256; *Шмурло Е.Ф.* «Мне как историку позволительно оценивать события исторической меркой». Из «Записок» Е.Ф. Шмурло о Петербургском университете. 1889 г. / Публ. Л.И. Деминой // Отечественные архивы. 2006. № 1.

¹¹ [*Шмурло Е.Ф.*] «Приятно услышать здесь на чужбине родимые голоса». Письма Е.Ф. Шмурло из Рима к М.А. Дьяконову. 1893—1917 гг. / Публ. подг. В.Г. Бухерт // Исторический архив. 2012. № 1. С. 126—154.

¹² *Яковенко С.Г.* Евгений Францевич Шмурло и Русское историческое общество в Праге // Европейский альманах. М., 1993. Вып. 4. С. 65—81.

¹³ *Горелова С.И.* Исторические взгляды Е.Ф. Шмурло. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999; *Боже Я.В.* Жизнь и научная деятельность Е.Ф. Шмурло. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2004.

¹⁴ Вот что писал об этом автор пространного биографического очерка о Е.Ф. Шмурло В. Саханев: «От своего учителя (К.Н. Бестужева-Рюмина. — С.Я.) Е.Ф. получил особый вкус к занятиям над источниками. П.Н. Милюков, излагая пути русской историографии, характеризует Бестужева-Рюмина, как представителя того направления, которое хотело бы ограничиться одной критикой источников и воздерживалось от написания русской истории или хотя бы монографии на основании архивного материала, до известной степени преемником Бестужева он считает и

По мнению В. Саханева, при разработке университетского курса, а может быть и ранее у него «возникла мысль, что кроме традиционно-го в русской истории, так сказать немецко-лютеранского влияния, не менее, а может быть и еще более важное значение играло и влияние романо-католическое»¹⁵. Это породило интерес к изучению материалов итальянских архивов (прежде всего — Ватиканского) по русской истории, который и привел его позднее на долгое время в Рим.

Очевидно, что на выбор проблемы и пути ее решения значительное влияние оказал К.Н. Бестужев-Рюмин. В книге, посвященной учителю, Е.Ф. Шмурло писал, в частности, о длительных поездках К.Н. Бестужева-Рюмина в Италию (начало 80-х гг.). Сюда пожилой профессор приезжал лечиться, но при этом с интересом занимался местной историей¹⁶.

Первые поездки в Европу и Италию были для Е.Ф. Шмурло, прежде всего, экскурсиями — их цель заключалась в знакомстве с произведениями европейской культуры. Первые такого рода путешествия он совершил в 1886 и 1889 гг. Поездку в Италию в 1890 г. Е.Ф. Шмурло разделил вместе с И. Анненским и Вульфом, о чем сохранились интересные сведения в письмах поэта к жене¹⁷.

С научными целями Е.Ф. Шмурло приехал в Италию немного позднее. На торжествах, посвященных 300-летию преподавательской деятельности Галилео Галилея, он представлял Юрьевский университет. Поездка началась 17 ноября 1892 г. и завершилась 1 февраля следующего, 1893 г. Целью научной командировки был сбор материалов об отношениях России и Италии в конце XVII—начале XVIII вв. (т.е. в период правления Петра I)¹⁸. На основании собранных материалов Е.Ф. Шмурло подготовил обстоятельный Отчет, в котором упоминались не толь-

Е.Ф. Однако сам Е.Ф. оценивал Бестужева несколько иначе. По его мнению Бестужев не стоял на точке зрения одной только критики источников, но видел в ней всегда обязательную для каждого исследователя исходную точку. Только благодаря такому подходу к источнику явилась возможность нового широкого освещения целых эпох и ряда явлений русской истории. Е.Ф. считал себя обязанным исключительно Бестужеву сознанием критической оценки каждого документа и тщательного его изучения...» // Саханев В. Евгений Францевич Шмурло // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага Чешская — Нарва. 1937. Кн. III. С. 30—31.

¹⁵ Саханев В. Указ. соч. С. 50.

¹⁶ Шмурло Е.Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829—1897. Юрьев, 1899. С. 249—268.

¹⁷ Анненский И.Ф. Письма И.Ф. Анненского из Италии / Публ. М.Г. Эдельман // Встречи с прошлым: Сборник материалов РГАЛИ. / Ред.-сост. С.В. Шумихин. М., 1996. Вып. 8.

¹⁸ Дубьева Л.В. Евгений Францевич Шмурло — профессор Тартуского (Дерптского/Юрьевского) университета в 1891—1903 гг. // Российские университеты в XVIII—XX веках. Воронеж, 2004.

ко документы, непосредственно относящиеся к этой главной для него теме, но и данные, освещающие более ранний период¹⁹.

Посещение Падуи было примечательно для Е.Ф. Шмурло тем, что ему присвоили почетное звание доктора honoris causa Падуанского университета.

В научной командировке, в составленном по ее результатам Отчете, опубликованном позднее на основе материалов, собранных в этой и в других поездках, в Сборнике документов²⁰, да и в самом выборе темы — во всем отчетливо прослеживаются и общие исследовательские принципы, и пути решения поставленной задачи.

В Предисловии к Сборнику документов 1903 г. Е.Ф. Шмурло писал: «Настоящее издание ставит себе целью пополнить архивным материалом наши сведения о царствовании и деятельности Петра Великого в его сношениях с Западной Европой... ..Международное положение России времен Петра Великого определялось направлением не только северо-западным, но и юго-западным, а потому на наше внимание имеют право ее отношения к миру не только германо-протестантскому, но и романо-католическому. Именно в этом последнем направлении намечена программа настоящего «Сборника»»²¹.

Здесь сформулирована не только задача данного издания, но и та программа, которую впоследствии Е.Ф. Шмурло будет наполнять конкретным содержанием уже в статусе Ученого корреспондента Императорской академии наук в Риме.

Почему в качестве предмета изучения была выбрана именно эпоха Петра I? Ответ достаточно очевиден — это был тот период, когда, по мнению многих историков, произошел переход от России «старой» к России «новой», сознательно стремящейся к сближению с Западной Европой.

Сборник документов о Петре I вполне укладывается в исследовательскую программу ученого. Темой Петра Великого и его преобразований он продолжал заниматься на протяжении всей жизни²². Таким образом, для Е.Ф. Шмурло выбор проблемы был закономерен. Материал, на основе которого эту проблему предполагалось решать, — не просто новые документы, но такие, которые отражали контакты России с

¹⁹ Шмурло Е.Ф. Отчет о двух командировках в Россию и за границу в 1892/3 и 1893/4 гг. Юрьев, 1895.

²⁰ Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого / Собрал Е. Шмурло, профессор императорского Юрьевского университета. Юрьев, 1903. Т. I: 1693—1700.

²¹ Указ. соч. С. V—VI.

²² Ковалев М.В. Петровская эпоха в научном наследии Е.Ф. Шмурло // Новый век: история глазами молодых. Сборник научных трудов аспирантов и студентов ист. фак. СГУ / Под. ред. В.П. Тотфалушина, А.Н. Иванова и Т.В. Синюковой. Саратов, 2006. Вып. 5. С. 32—43.

одним из главных «действующих лиц» западноевропейского мира — его католической составляющей (с папским Римом). Для этого в начале 80-х гг XIX в. представились очень широкие возможности — в 1881 г. Ватиканский архив был открыт для исследователей²³.

Е.Ф. Шмурло почти не касался в своих работах теоретических вопросов. Но это вовсе не означает, что у него не было собственного взгляда на историю России и Европы. Понимание исторического процесса являлось для него не столько целью, сколько подспорьем в конкретной работе. Лишь изредка общие построения ученого не просто «угадывались», но и формулировались в развернутом виде. Это было связано в том числе с потребностями преподавания в Петербургском и Юрьевском (Дерптском) университетах, где Е.Ф. Шмурло читал как общие курсы русской истории, так и спецкурсы на самые разные темы (1888—1903). Для этого был необходим некий «целостный» взгляд, по меньшей мере, на историю России.

Очевидно, к середине 90-х гг. XIX в. исторические взгляды Е.Ф. Шмурло в общих чертах уже сложились, и в дальнейшем он лишь уточнил их.

Характер занятий, проблемы, которыми он занимался в течение долгого времени, говорят о пристальном внимании к теме «сопричастности» России европейской истории. Последующая деятельность Е.Ф. Шмурло проходит под знаком той мысли, которую он формулирует уже в конце XIX в.: «Россия есть восточная половина Европы, а не что-либо отдельное, обособленное; подобно тому как мир германо-романский есть западная половина той же Европы, не больше. Ту и другую, каковы бы ни были их индивидуальные особенности, связывают общее расовое происхождение, общие начала христианской культуры, общая географическая близость и почти одновременное выступление на историческое поприще»²⁴.

«Европейское видение» российской истории осталось почти неизменным и в последующее время. Оно было отчетливо сформулировано в работах 20-х гг. В качестве примеров можно указать на Предисловие к учебнику «История России», изданному в 1922 г. в Мюнхене в качестве пособия для эмигрантской молодежи: «... Задача книги ... выделить черты, которые сближают или отделяют русский народ от других народов; отметить явления, свидетельствующие о том, что русский народ и по происхождению, и по культуре, и по своему духовному складу есть народ европейский, но фатально связанный с азиатским Востоком;

²³ Il libro del centenario // L'Archivio Segreto Vaticano a un secolo dalla sua apertura. 1880/81—1980/81. Città del Vaticano, 1981—1982. Vol. 1—2; Speculum mundi. Roma centro internazionale di ricerche umanistiche. Roma, 1992 (ristampa anastatica: Roma, 1993).

²⁴ Шмурло Е.Ф. Восток и Запад в русской истории. Публичная лекция. Юрьев, 1895. С. 11.

указать на историческую роль Рима и Византии в судьбе германо-романских и славянских народов и сопоставить влияние двух культур, западно-католической и восточно-православной на эти народы; обратить внимание на разницу условий, в каких выросла церковь в России и на Западе; на то, что рост монархии, отношение ее к общественным классам; смена “полицейского абсолютизма” “просвещенным”, борьба за политическое преобладание — что явления эти, при всех их местных особенностях, по существу общие и в Европе и в России, свидетельствуя о единстве духовных сил, положенных в основу государственной жизни и там и тут»²⁵.

Таким образом, Е.Ф. Шмурло достаточно отчетливо «объявляет» о своих исторических взглядах, рассматривая историю России с позиции «европеизма». Эту же идею он сформулировал потом в другой работе общетеоретического характера, которая выросла из университетских лекций и была опубликована в 1924 г.²⁶ В ней он подтвердил свое видение российской истории как части истории европейской: «единство расы, одновременность появления и единство культурного наследия — вот общая база, обусловившая сходство кардинальных линий в истории России и Зап[адной] Европы»²⁷. При этом он подчеркивает значение теории «всемирной империи» в европейской истории, которая на Востоке Европы отлилась в формулу «Москва—Третий Рим»²⁸.

Судя по всему, вопрос о соотношении «Востока» и «Запада» в истории России (при всех коррекциях в деталях), в целом, по существу на всем протяжении научной жизни остается для Е.Ф. Шмурло неизменным: Россия есть восточная часть Европы²⁹. В одной из последних своих работ, посвященных С.М. Соловьеву, он вновь подчеркивает мысль о том, что история России является неотъемлемой частью европейской истории: «русский народ принадлежит к семье европейских народов; его история связана с их историей, особенно народов славянских и потому изучать ее изолированно нельзя. Перефразируя известное латинское выражение, Соловьев говорит: “Мы европейцы, и ничто европейское не может быть нам чуждо”. Вот почему события русской истории у Соловьева постоянно освещены аналогиями из истории славянских, герма-

²⁵ Шмурло Евгений. История России 862—1917 гг. С. 18—19.

²⁶ Шмурло Е. Введение в русскую историю. Прага, 1924. (эта книга представляет собой единственный труд исследователя на русском языке, в котором он дает свое общее видение, в том числе, отечественной истории).

²⁷ Указ. соч. С. 104.

²⁸ Там же.

²⁹ См.: Шмурло Е.Ф. Восток и Запад в русской истории. Публичная лекция. Юрьев, 1895; Schmourlo E. La Russia in Asia e in Europa // L'Europa Orientale. Anno I. 1921, Napoli. P. 169—186; Шмурло Е.Ф. Введение в русскую историю; Шмурло Е.Ф. Россия в Азии и в Европе ... 2012 (Rusko v Asii a v Evropě / napsal E.Šmurlo. ... 1926).

но-романских народов, и не ради большей наглядности, а во имя того, что русский народ, оставаясь цельным и единым организмом, в то же время сам есть часть другого великого организма — европейского»³⁰.

В связи с архивной работой исследователь на долгие годы погрузился в изучение мелких деталей — кропотливую, не очень броскую деятельность. Подобный поворот в жизни также был логичен. Уже после первой научной командировки зимой 1892—1893 гг. стало понятно, что разобраться в обилии архивного материала можно лишь при условии длительных систематических изысканий. Поэтому почти сразу же по возвращении из командировки (в марте 1893 г.³¹) Е.Ф. Шмурло в Отчете о проделанной работе обращается с просьбой о предоставлении ему новой командировки: «Заграничная командировка, разрешенная мне в ноябре прошлого года, дала мне возможность ознакомиться с небольшою частью материалов, относящихся к истории сношений России и Италии в конце XVII и начале XVIII столетия — главной цели моих занятий за последнее время. Но два месяца, бывшие в моем распоряжении *могли служить лишь началом* (курсив мой — С.Я.). Успех дальнейших работ моих состоит в прямой зависимости от вторичной попытки...»³². В связи с этим, продолжает Е.Ф. Шмурло, — «имею честь покорнейше просить о разрешении мне ученой командировки в Россию и за границу на время предстоящих летних каникул и будущего осеннего семестра, в общей сложности до 20 января 1894 г....»³³. Командировка состоялась. Она продолжалась с 10 июня 1893 г. по 20 января 1894 г. На этот раз в Риме Е.Ф. Шмурло работал с 1 октября 1893 г. по 20 января 1894 г. Затем последовала еще одна — с 1 сентября по 1 ноября 1897 г. В Отчете об этой поездке³⁴ Е.Ф. Шмурло высказал мысль о необходимости создания в Риме постоянно действующей комиссии для изучения материалов итальянских архивов и библиотек: «учреждение при Ватиканском архиве специальной комиссии для собрания материалов и издания документов по русской истории является вполне своевременным и в высшей степени желательным. Основание такой комиссии служило бы лишь ответом на вполне созревшие потребности современной исторической науки»³⁵. Эту идею ученый высказал и обосновал в докладе на XI-м Археологическом съезде в Киеве. Он обращал внимание на то, что «при Архиве (Ва-

³⁰ Шмурло Е.Ф. С.М. Соловьев ... С. 162.

³¹ Дубьева Л.В. Евгений Францевич Шмурло — профессор Тартуского (Дерптского/Юрьевского) университета в 1891—1903 гг. // Российские университеты в XVIII—XX веках. Воронеж, 2004.

³² Цит. по: Дубьева Л.В. Указ. соч.

³³ Там же.

³⁴ Шмурло Е.Ф. Отчет о заграничной командировке осенью 1897 года. Юрьев, 1898.

³⁵ Цит. по: Дубьева Л.В. Указ. соч.

тиканском — С.Я.) до сих пор не существует никакой русской “комиссии” или “института”. Работы немногих русских ученых, занимавшихся в Архиве, носят совершенно случайный характер, лишены между собой какой-либо связи, возникая прежде всего на почве субъективного выбора и предпочтения той или иной темы»³⁶.

В связи с тем, что работа здесь являлась чрезвычайно перспективной и могла дать новые важные материалы, Е.Ф. Шмурло предлагал учредить в Риме постоянную историческую комиссию с целью систематического обследования архивов и библиотек³⁷. Его инициатива и усилия, поддержанные коллегами — известными историками, — лишь отчасти увенчались успехом. В Риме была учреждена должность Ученого корреспондента Императорской Академии наук³⁸, в обязанности которого входило изучение материалов иностранных (прежде всего, итальянских) архивов и библиотек по русской истории).

Таким образом, Е.Ф. Шмурло в определенном смысле «повезло» — в 1881 г. двери Ватиканского архива были открыты для исследователей³⁹, и его научные интересы совпали с новыми широкими возможностями, которыми сразу же не преминули воспользоваться историки разных стран⁴⁰. Нашлось место в Архиве и для российских ученых.

С 1 января 1903 г. в Риме учреждалась должность Ученого корреспондента. При этом отмечалось, что согласно программе занятий предлагались две параллельные серии изданий: 1) «Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией» (для публикации материалов, представляющих более или менее одно целое); 2) «Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией» (для публикации описей архивов и библиотек, отдельных документов, отчетов, исследований, заметок и т.п.)⁴¹.

Таким образом, указанные в начале данной работы издания готовились Ученым корреспондентом в рамках этих двух серий. К сожалению,

³⁶ Шмурло Е.Ф. Об учреждении Русской исторической комиссии в Риме. М., 1900. С. 5.

³⁷ Там же. С. 8.

³⁸ Приказ Николая II о назначении Е.Ф. Шмурло Ученым Корреспондентом Императорской Академии Наук в Риме. 21 сент. 1903 г. (ГА РФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 2).

³⁹ Яковенко С.И. Материалы Ватиканского архива о связях России и папства (изучение и характеристика) // Церковь в истории России. М., 2000. Вып. 4. С. 176—196.

⁴⁰ Il libro del centenario ...; Speculum mundi. ...

⁴¹ Ученый корреспондент в Риме при Историко-Филологическом Отделении Академии. Императорская Академия наук 1889—1914. Петроград, 1917. II. Материалы для истории академических учреждений за 1889—1914 гг. Часть первая. С. 623—625 (без подписи, автором, несомненно, является Е.Ф. Шмурло). Статья с некоторыми изменениями воспроизводит машинописный черновик с правкой Е.Ф. Шмурло. (См.: ГА РФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 234. Л. 1—18).

материалы первого из упомянутых сборников⁴² были опубликованы лишь частично. Об этом говорилось в небольшом Предисловии. В нем отмечалось, что Постоянная историческая комиссия⁴³ решила опубликовать уже отпечатанные листы, поместив их в Первый выпуск⁴⁴, а во Втором предполагалось напечатать остальные подготовленные документы, Предисловие и Примечания ко всему тому⁴⁵.

⁴² Памятники ... Т. I. Вып. 1.

⁴³ Она была создана при Историко-филологическом отделении Императорской Академии наук из академиков Отделения (в первую очередь — историков) для выработки инструкции Ученому Корреспонденту и наблюдения за его научными работами (протокол заседания Историко-филологического отделения 29 января 1903 г. § 27) (Ученый корреспондент в Риме ... С. 623—631). Инструкция Ученому корреспонденту подписана П.В. Никитиным, Н.Ф. Дубровиным, и А.С. Лаппо-Данилевским (Положение об обязанностях и службе ученого корреспондента Историко-Филологического Отделения Императорской Академии Наук в Риме (ГА РФ. Ф. 5965. Оп. 1)).

⁴⁴ На авантитуле значилось, что издание «Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР». Здесь же сообщалось, что оно «Начато набором в 1911 году. — Окончено печатанием в октябре 1925 г.».

⁴⁵ В небольшом Предисловии сообщалось, что «Ученым корреспондентом в Риме с 1 января 1903 г. до самого последнего времени состоял ... Е.Ф. Шмурло» (Памятники ... С. I); что «... печатание первого тома было начато в 1911 году. К 1917 году было напечатано 17 листов текста и один лист примечаний. Длительный перерыв в типографской работе и в сношениях Академии наук с Ученым корреспондентом в Риме задержал выход в свет первого тома “Памятников”. В виду этого Постоянная историческая комиссия постановила выпустить отпечатанные листы первого тома, как первый выпуск его; [остальная же часть его NN 352—600, а также намечаемое проф. Е.Ф. Шмурло предисловие ко всему тому и примечания войдут в состав второго выпуска]». (Памятники ... С. II). В связи с тем, что в Предисловии указывалось о «перерыве» «в типографской работе и в сношениях с Ученым корреспондентом в Риме» можно обратить внимание на письмо Е.Ф. Шмурло А.С. Яценко (Рим, 6 марта 1921 г.): «Мне все не удастся завязать переписку с нашей Академией — там я оставил некоторые начатые свои работы* и теперь крайне нуждаюсь в них; по-видимому, письма мои не получены: если даже нельзя было бы выслать мне моих бумаг, все же она могла бы откликнуться ... // Ваше приглашение на стр. 15, столб. 1-й “Русской книги” дает мне основание приложить при сем, на особом листе, краткие сведения о себе самом; прошу их использовать как сочтете полезнее в интересах общих». Цит. по: *Гардзонио С., Сульпассо Б.* Осколки русской Италии: Исследования и материалы. М., 2011. Кн. 1. С. 216—217. Под **некоторыми начатыми работами* имелись в виду два Сборника документов, о которых идет речь в этой статье. В примечании к этому письму Е.Ф. Шмурло авторы публикации указывают, что А.С. Яценко опубликовал сведения об ученом [приводим лишь интересующие нас данные — С.Я]: «... живет в Риме, (виа Валадиер, 42). Приготовил к печати: 1) “Римский Престол в его отношениях к России в XVII ст. Том I. 1609—1654”; ... 3) “Сборник итальянских архивных материалов о Лжедмитрии I”. Подготавливает: 1) Второй том “Памятников культурных и дипломатических сношений между Россией и Италией” (первый том начат и приостановлен печатанием в СПб.); ... Дополнения к начатой печатанием (в академическом сборнике “Россия и Италия”, т. IV) и тоже прерванной работе “Архив пропаганды и хранящиеся в нем документы по истории” (*Гардзонио С., Сульпассо Б.* Указ. соч. С. 218. Прим. 14).

Для сборника было подобрано 600 документов⁴⁶. Из них опубликован лишь 351⁴⁷. Причем на 256-й странице издания документ обрывался практически на полуслове.

Несмотря на объявленное в Предисловии намерение, Второй выпуск так и не был напечатан. Хотя, как писал Е.Ф. Шмурло, некоторые из подготовленных материалов, которые уже публиковались ранее, предполагалось поместить в Сборник в сокращенном виде⁴⁸. К опубликованным и неопубликованным материалам были подготовлены обширные Примечания, часть которых представляет самостоятельный интерес (некоторые из них — это довольно большие документы).

Можно предполагать, что все издание практически полностью было подготовлено к публикации⁴⁹. В 1925 г., когда был напечатан тираж, Е.Ф. Шмурло уже переехал из Рима в Прагу. Сразу после 1917 г. это была скорее вынужденная эмиграция. Однако неприятие власти большевиков привели Е.Ф. Шмурло в 1918—1919 гг. к активному участию в общественной деятельности — к работе в Организационном Бюро «Союза возрождения России в единении с союзниками»⁵⁰.

⁴⁶ В Отчете Ученого Корреспондента за 1908—1909 гг. Е.Ф. Шмурло пишет: «В настоящее время первый том сборника можно считать почти законченным. Он охватывает время с 1-го ноября 1578 г. по 17-е февраля 1582 г. и содержит в себе документы в количестве 575 номеров» // Россия и Италия. Т. III. Вып. 1. С. 42. Правда, этот Отчет был опубликован в 1911 г., и в планируемый сборник могли быть внесены дополнения. См.: Отчет за 1908—1909 гг., в котором представлена общая характеристика издания).

⁴⁷ Эти документы были отпечатаны при участии самого Е.Ф. Шмурло («... первый выпуск первого тома “Памятников культурных и дипломатических сношений России с Италией”: это первые 16 листов (256 страниц), приготовленные мною [Е.Ф. Шмурло — С.Я.] и отпечатанные еще при мне в 1916 году». (ГА РФ. 5965. Оп. 1. Д. 630. Л. 2)).

⁴⁸ См.: Письмо М.А. Дьяконову от 2 февраля 1917 г. (опубл. в: [Шмурло Е.Ф.] «Приятно услышать здесь на чужбине родимые голоса». Письма Е.Ф. Шмурло из Рима к М.А. Дьяконову. 1893—1917 гг. / Публ. подг. В.Г. Бухерт // Исторический архив. 2012. № 1. С. 126—154). В этом же письме Е.Ф. Шмурло упоминает и о другой своей работе (в письме он называет ее «Архив Пропаганды»). Речь идет о подготовленной им описи Архива Конгрегации пропаганды веры (в целом и в той ее части, которая касается «западнорусских» земель, т.е. тех территорий современных Украины, Белоруссии и Литвы с населявшими их православными, которые входили в состав Речи Посполитой). Эта книга была опубликована в 1927 г. в Ленинграде (Россия и Италия. Т. IV) и таким образом продолжила начатую до революции серию публикаций Е.Ф. Шмурло. Она также была издана без его участия.

⁴⁹ Уже в Отчете за 1908—1909 гг., опубликованном в 1911 г., Е.Ф. Шмурло пишет, что «первый том сборника можно считать почти законченным» (См.: Россия и Италия. Т. III. Вып. 1. С. 42). Поскольку печатание было начато в том же 1911 г., очевидно, в последующем в него вносились не очень существенные изменения и дополнения.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р-5806. Оп. 1. 42 ед. хр.: 1918—1920. Организационное Бюро «Союза возрождения России в единении с союзниками». Рим. 1918—1920. Было «образо-

Об этом эпизоде биографии Е.Ф. Шмурло либо не говорится ничего⁵¹, либо упоминается достаточно кратко⁵².

Бюро было создано в Риме в апреле 1918 г. и действовало до 1920 г. Е.Ф. Шмурло активно участвовал в его работе в качестве товарища Председателя «Союза возрождения России в единении с союзниками» с апреля 1918 г. по декабрь 1919 г.⁵³ Председателем организации был генерал Е.К. Миллер⁵⁴.

вано в Риме по инициативе С.И. Демидовой и генерала М.Н. Леонтьева. В задачи Бюро входило содействие возобновлению связи России с союзниками, организация круга лиц для «грядущего возглавления страны» и борьбы против «германского и большевистского засилья». Действовало до 1920 г. Бюро возглавлял генерал-лейтенант Е.К. Миллер, товарищем председателя был проф. Е.Ф. Шмурло, секретарем — Н.И. Дубягский». (Путеводитель. Том. 4. Фонды Государственного Архива Российской Федерации по истории белого движения и эмиграции. М., 2004. С. 520). В фонде отложилась переписка Е.Ф. Шмурло с Е.К. Миллером и Н.И. Дубягским об организации работы Бюро (12 писем). (Там же). О деятельности этой организации см., напр.: *Гардзонио С., Сульпассо Б.* Указ. соч. С. 20—21.

⁵¹ См., напр.: *Саханев В.* Евгений Францевич Шмурло (В. Саханев — первый биограф Е.Ф. Шмурло в пространном очерке о нем ничего не говорит о событиях 1918—1919 гг.; в числе возможных причин — это не относилось к характеристике его жизни и деятельности в науке; можно предположить, что тревожное время, когда писалась эта работа не располагало к рассказам о такого рода фактах).

⁵² *Комолова. Н.П.* Италия в русской культуре Серебряного века: времена и судьбы. М. 2005. С. 46 («В Италии центром антибольшевистской пропаганды стала «Русская лига за возрождение отечества», созданная в Риме в январе-феврале 1918 г. кн. М.П. Демидовой и генералом Леонтьевым. В руководящий комитет этой организации вошли ... генерал А. Миллер, ... историк Е.Ф. Шмурло, избранный вице-президентом Комитета»). [sic! — С.Я.]. С.А. Беляев в специальной статье («Евгений Шмурло в эмиграции (основные вехи жизни и творчества)» // Россия и Италия. М., 1995. Вып. 5. С. 149—157) почти не сообщает новые данные о жизни и деятельности Е.Ф. Шмурло в его эмигрантский период (в том числе ничего не говорится и о рассматриваемом сюжете). Однако автор оговаривается, что эта работа представляет собой лишь предварительную постановку вопроса. (Указ. соч. С. 149). Большой интерес представляет подготовленная С.А. Беляевым публикация: *Саханев В.В.* Последние дни жизни Е.Ф. Шмурло // Русская эмиграция в Европе в 1920—1930-е гг. М., 2005. Вып. 2. С. 280—303.

⁵³ Стоит напомнить, что переговоры Советского правительства о мире с Германией и ее союзниками начались сразу после прихода большевиков к власти. Брестский мир с Германией был подписан 3 марта 1918 г. Сохранилось достаточно большое количество материалов, которые дают возможность охарактеризовать основные цели этой организации и основные направления деятельности. Они хранились в РЗИА, часть из них в 1930 г. была передана в Архив Е.Ф. Шмурло (ГА РФ. Ф. Р-5806). См., например, Протоколы заседаний Организационного Бюро. ГА РФ. Ф. Р-5806. Д. 1. Лл. 1—54: Е.Ф. Шмурло участвовал не во всех заседаниях.

⁵⁴ На начальном этапе деятельности Римского Бюро «Союза возрождения России в единении с союзниками» Е.Ф. Шмурло вел с Е.К. Миллером активную переписку (См.: ГА РФ. Ф. Р-5806. Оп. 1. Д. 25. Л. 1: Очевидно первая открытка Е.Ф. Шмурло Е.К. Миллеру из Флоренции по поводу деятельности «Союза» с датой «9-VI-1918»).

В силу каких-то причин Е.Ф. Шмурло в конце 1919 г. сообщил своим коллегам о том, что не готов больше исполнять взятые на себя обязательства и очевидно постепенно отошел от сотрудничества с этой организацией (тем более что и сама она вскоре прекратила свое существование). Решение Е.Ф. Шмурло было продиктовано тем, что Революция и Гражданская война в России несли с собой слишком много бедствий. Он достаточно хорошо знал об этом и, очевидно, не желая больше участвовать в борьбе противостоящих сторон, вновь начал активную научную деятельность, впрочем, не отказавшись полностью и от деятельности общественной⁵⁵.

Можно обратить внимание на то, что в 1930 г. Е.Ф. Шмурло передал в Русский Заграничный исторический архив в Праге (РЗИА) материалы, связанные с деятельностью Организационного Бюро в Риме. Таким образом, он готовил их к передаче в Архив во второй половине 20-х гг.⁵⁶

В связи с этим отметим, что пометки (например, нумерация листов синим и красным карандашом) на этих бумагах, время передачи которых в РЗИА точно известно, совпадают с исправлениями (такими же синим и красным карандашами в тексте Примечаний для «Памятников ...»), которые, однако не датированы. Если это наблюдение является верным, логично предположить, что Е.Ф. Шмурло продолжал работать над Примечаниями к «Памятникам ...» и во второй половине 20-х гг.⁵⁷

⁵⁵ См.: ГА РФ. Ф. Р-5806. Д. 25: Переписка Е.Ф. Шмурло с членами Организационного Бюро. В одном из писем — настоятельная просьба освободить его от обязанностей товарища Председателя и ответное письмо членов Организационного Бюро, в котором они просят его продолжить исполнение этих обязанностей. Насколько можно судить, позиция Е.Ф. Шмурло состояла не столько в том, чтобы бороться «против» власти, установившейся в России, сколько «за» продолжение ее традиционного развития. Такого рода вывод можно сделать на основании его доклада о С.М. Соловьеве (1930 г.), опубликованном в том же году в Белграде. Очевидно, высказанные в нем идеи можно рассматривать как своего рода «исторический манифест», провозглашенный на склоне лет. Здесь к числу «устоев» русской жизни он относит «Прогресс, не исключающий традиций, и Традиции, не исключающие прогресса» (См.: Е.Ф. Шмурло. С.М. Соловьев / Публ. и вступ. статья С.Г. Яковенко // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 164; переиздание публ. 1930 г. см.: Вопросы истории. 1993. № 9. С. 155—164).

⁵⁶ Почему Е.Ф. Шмурло передал эти материалы в состав РЗИА именно в 1930 г.? Может быть приводил в порядок свой архив и считал, что эти документы представляют не только личный, но и общественный интерес. Можно обратить внимание на то, что в конце 20-х годов (1929—1939 гг.) в Советской России было начато так называемое «Академическое дело» С.Ф. Платонова и М.М. Богословского, по которому проходило 115 ленинградских и московских историков — элита исторической науки. Они обвинялись в стремлении свергнуть существующую власть, за участие в деятельности «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» (См.: Брачев В.С. «Дело историков». 1929—1931. 2-е изд. доп. СПб., 1998).

⁵⁷ Хотелось бы еще раз обратить внимание на то, что, согласно Отчету Е.Ф. Шмурло за 1916—1917 гг., работа над Сборником документов в это время уже была полностью завершена: «К началу отчетного года я вернулся в Рим, к месту сво-

Напомним, что в Предисловии к рассматриваемому сборнику документов («Памятники ...») говорится о «длительном перерыве» в отношениях между Ученым Корреспондентом и Академией наук. Возможно, этого небольшого пояснения было вполне достаточно. Тем не менее, оно звучит весьма расплывчато. Можно ли сделать вывод, что «отношения» возобновились накануне или в связи с предполагаемой публикацией подготовленной Е.Ф. Шмурло работы?

Согласно Инструкции Ученый корреспондент избирался сроком на 5 лет. Эту должность могло занимать одно и то же лицо. Е.Ф. Шмурло избирался трижды, а в связи с завершением третьего пятилетия на заседании Отделения исторических наук и филологии (ноябрь 1917 г.) было принято решение о продлении (с августа 1918 г.) его полномочий на следующие пять лет⁵⁸. Таким образом, получалось, что Е.Ф. Шмурло должен был оставаться в этой должности до августа 1923 г.

После Революции в России и последовавшей за этим Гражданской войны ситуация резко изменилась. Уже и предыдущие годы (в связи с Первой мировой войной) Ученый корреспондент начал испытывать финансовые затруднения⁵⁹. Но все это время он продолжал оставаться

его постоянного служения. ... Одним из побуждений вернуться в Рим, не дожидаясь окончания войны, было закончить подготовку к печати первого тома «Памятников культурных и дипломатических сношений между Россией и Италией», что и удалось привести в исполнение: том этот (600 номеров документов, за время с 1 ноября 1578 г. по 19 февраля 1582 г., с необходимыми примечаниями и разными добавочными разъяснительными данными) к печати теперь совершенно готов [подч. мною — С.Я.]; остается лишь написать предисловие, которое однако удобнее составить уже по отпечатании самого текста документов» (Годовой отчет ученого корреспондента в Риме профессора Е.Ф. Шмурло за 1916—1917 год. / Приложение к протоколу I заседания Отделения Исторических Наук и Филологии Российской Академии Наук 17 января 1918 года // Известия Российской Академии наук. VI серия. 15 апреля 1918 г. № 7. Пг., 1918.

⁵⁸ См.: Архив РАН в СПб.: И.-Ф. О. Заседание XVIe 29 XI 1917 г. «Во исполнение постановления Отделения (XIV 374) произведено баллотирование члена-корреспондента, ученого корреспондента в Риме Е.Ф. Шмурло на следующее 4-е пятилетие с 21 августа 1918 года. (1913 II 77; XI 357; 1917 XIV 374). Произведенною баллотировкою Е.Ф. Шмурло оказался переизбранным единогласно на должность ученого корреспондента в Риме. Положено сообщить в Правление для зависящих распоряжений и уведомить Е.Ф. Шмурло». Очевидно, решение принималось на основании очередного ежегодного Отчета (за 1916—1917 гг.), который был приложен к Протоколу I заседания Отделения Исторических Наук и Филологии Российской Академии Наук 17 января 1918 года.

⁵⁹ В Отчете за 1916—1917 гг. Е.Ф. Шмурло сетовал, что в связи с финансовыми трудностями Библиотека Ученого корреспондента уже в течение длительного времени хранится в амбаре, что приводит к порче книг: «Положение корреспондентской библиотеки, которая с 1 декабря 1916 г. лежит сложенная в амбаре, остается без перемен за все эти три года. Пользоваться ею очень затруднительно, и она продолжает, в большей своей части, оставаться мертвым капиталом». (Годовой отчет ...

представителем Академии наук. Е.Ф. Шмурло достаточно быстро понял, что означает приход к власти в России большевиков, заключение Брестского мира (1918 г.). По всей вероятности именно это подтолкнуло его к участию в работе Организационного бюро в Риме.

Ежегодные Отчеты Ученого корреспондента с 1905 по 1912 гг. печатались в сборниках «Россия и Италия»⁶⁰. Отчет за 1916—1917 гг. был опубликован в Известиях Российской академии наук (апрель 1918)⁶¹. Таким образом, на основании опубликованных Отчетов деятельность Е.Ф. Шмурло в качестве Ученого корреспондента прослеживается до конца 1917 г.

В это время трудности в его работе, существовавшие и ранее, еще более усугубились. Они были связаны с Первой мировой войной⁶² и недостатком у Академии наук средств. Тем не менее, он продолжал исполнять свои обязанности.

Очевидно, регулярные официальные контакты с Академией наук (уже — Российской, а не Императорской) прекратились с 1918 г. Косвен-

Е.Ф. Шмурло за 1916—1917 год). Далее он отмечал, что «помещение (амбар — С.Я.) оплачено по 1 января 1918 г. нов. ст., а так как последующий расход на наем амбара должен производиться из штатной суммы 1918 года, то было бы желательно, чтобы Постоянная Историческая Комиссия переговорила с Правлением Академии о возможно скорейшей высылке этой штатной суммы, хотя бы лишь части ее. Одновременно с тою же просьбою обращаюсь я и сам в Правление» (Там же). Скорее всего, решения о переизбрании на новый срок и о сообщении в «Правление для зависящих распоряжений» как раз имело в виду выделение «штатной суммы».

⁶⁰ Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Т. III. Вып. 1. СПб., 1911: 1905—1906 г., 1906—1907 г., 1907—1908 г., 1908—1909 г.; Т. III. Вып. 2. Пг., 1915: 1909—1910 г., 1910—1911 г., 1911—1912 г.

⁶¹ Приложение к протоколу I заседания Отделения Исторических Наук и Филологии Российской Академии Наук 17 января 1918 года. Годовой отчет ученого корреспондента в Риме профессора Е.Ф. Шмурло за 1916—1917 год. // Известия Российской Академии наук. VI серия. 15 апреля 1918. Пг., 1918. № 7.

⁶² Например, в отчете за 1916—1917 гг. он писал о корреспондентской библиотеке: «Положение корреспондентской библиотеки, которая с 1 декабря 1916 г. лежит сложенная в амбаре, остается без перемен за все эти три года. Пользоваться ею очень затруднительно, и она продолжает, в большей своей части, оставаться мертвым капиталом. Кроме того, долгое пребывание в амбаре едва ли может выгодно отразиться на книгах. Хотя сам амбар и сухой, но все же от долгого лежания в закрытом помещении, без солнца, на некоторых книгах местами легла легкая плесень, в предстоящую же зиму 1917—1918 г. помещение, кажется, отапливаться не будет за всеобщим недостатком в Италии каменного угля (отапление амбара термосифонное). Помещение оплачено по 1 января 1918 г. нов. ст., а так как последующий расход на наем амбара должен производиться из штатной суммы 1918 года, то было бы желательно, чтобы Постоянная Историческая Комиссия переговорила с Правлением Академии о возможно скорейшей высылке этой штатной суммы, хотя бы лишь части ее. Одновременно с тою же просьбою обращаюсь я и сам в Правление».

ным подтверждением этого может служить письмо Е.Ф. Шмурло, написанное 3 мая 1920 г. Председателю Российской делегации в Париже князю Львову⁶³. В нем Е.Ф. Шмурло отмечал: «Будучи назначен в 1903 году на должность ученого корреспондента в Риме Российской Академии Наук для научных работ в итальянских архивах и библиотеках по изучению сношений России с Италией (с Римским Престолом, Венецианской республикой и пр.), я вел порученную мне работу, пользуясь первоначально — определенным мне жалованьем и назначенной на указанные работы штатною суммой, а в *последние два года* (курсив мой — С.Я.) — ежемесячными заимообразными выдачами Российского Посольства в Риме. Прекращение последних с 1 марта текущего года грозит поставить меня и порученное мне дело в крайне затруднительное положение...»⁶⁴.

Таким образом, Е.Ф. Шмурло получал деньги от Российского посольства в Риме, очевидно, с начала 1918 г. до февраля 1920 г. Понятно, что это могло продолжаться лишь до определенного времени. Ему пришлось переезжать из «обжитого» Рима и Италии в новую страну в «почтенном» возрасте — в 1924 г. Е.Ф. Шмурло исполнилось 70 лет.

В связи с отсутствием возможностей подолгу работать в итальянских архивах и библиотеках, наличие в его руках большого архивного материала, сложившиеся научные интересы, ситуация в среде российской эмиграции наложили отпечаток на жизнь и работу ученого в Праге.

К числу важных событий в научной и общественной жизни Е.Ф. Шмурло после последнего посещения России в 1916 г. можно отнести:

⁶³ ГА РФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 625. Л. 1—2 (машинописный черновик, копия письма на бланке ученого корреспондента).

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 625. Л. 1. Об этом же Е.Ф. Шмурло пишет и П.Б. Струве (Рим, 16 октября 1920 г.): «Вот уже 17 лет, с конца 1903 года, как я состою здесь, в Италии, представителем нашей Академии наук по историко-филологическому отделению. Хотя революция и не приостановила моей работы, все же затруднений ей создала она немело: печатание начатых трудов (оно велось всегда в Петербурге) приостановилось; часть бумаг осталась лежать в Академии, вследствие чего нарушена известная преемственность в самой работе. В наиболее затруднительном, однако, положении очутилась академическая библиотека, которую Академия наук собрала и вырастила за эти годы при ученом корреспонденте. ... // По званию ученого/ корреспондента, я ежегодно получал под отчет штатную сумму в размере 1500 рублей (4000 франк/ов/) на расходы, связанные с моими работами (на снятие архивных копий; на поездки для занятий в архивах и библиотеках вне Римских; на покупку книг и т.п.), — из этой суммы оплачивался в последние годы и наем склада, куда я вынужден был сложить библиотеку. С марта текущего года российское посольство в Риме, ввиду общего сокращения находившихся в его распоряжении сумм, прекратило мне выдачу денег, которыми оно перед этим ежемесячно ссужало меня, в счет следуемого мне жалования и вышепомянутой штатной суммы; однако наш посол М.Н. Гирс — спасибо ему! Выхлопотал у Русской делегации в Париже 4000 франков на библиотеку, и теперь ей обеспечено помещение еще на год...» // Гардзонио С., Сульпассо Б. Указ. соч. С. 193—194.

- создание Русской академической группы в Италии (1921 г.)⁶⁵;
- подготовка и публикация учебника по истории России для эмигрантской молодежи (1922 г.)⁶⁶;
- создание Русского исторического общества в Праге (1925 г.)⁶⁷;
- участие в работе Русского Заграничного исторического архива (член Совета и Ученой комиссии);
- подготовка Курса русской истории (сначала — на итальянском языке, затем — на русском)⁶⁸ и др.

Е.Ф. Шмурло продолжал интенсивно работать и в направлении, связанном с его многолетней архивной работой за границей (прежде всего, в Италии). В конце 20-х—нач. 30-х гг. он опубликовал несколько фундаментальных статей по ряду вопросов о взаимоотношениях между Россией и Святым престолом⁶⁹, отдельное большое исследование, основанное на документальных материалах⁷⁰.

⁶⁵ «В 1921 году мною была организована в Риме “Русская Академическая Группа в Италии”, председателем коей я состоял вплоть до переезда своего в Прагу (в конце 1924 г.)» // ГА РФ. 5965. Оп. 1. Д. 630. Л. 2. См. также: Предисловие к сборнику русской академической группы в Италии. Маш. Июль 1923. (Там же. Д. 111).

⁶⁶ Шмурло Е. История России. 862—1917. Мюнхен, 1922 (переиздание: Шмурло Е. История России. 862—1917 гг. / Составитель Л.И. Демина. М., 1997).

⁶⁷ Издания Общества: Записки Русского исторического общества в Праге. Прага, 1927—1937. Вып. 1—3 (значительная часть третьего выпуска была посвящена Е.Ф. Шмурло: биографический очерк, написанный В. Саханевым и библиография работ ученого); Русское историческое общество в Праге за девять лет существования. 1925—1934. Прага, 1934; характеристику деятельности Общества и обзор статей, опубликованных в его Записках см.: Паиуто В.Т. Русские историки эмигранты в Европе. М., 1991. С. 54—60; см. также: Яковенко С.Г. Евгений Францевич Шмурло и Русское историческое общество в Праге ...; Емельянов Ю.Н. История в изгнании: историческая периодика русской эмиграции (1920—1940-е годы). М., С. 95—141.

⁶⁸ Smurlo E. Storia della Russia. Roma, 1928—1930 (Vol. I: Dalle origini a Pietro il Grande; Vol. II. Da Pietro il Grande a Nicola I; Vol. III: Da Alessandro II alla rivoluzione); Шмурло Е. Курс русской истории. Прага, 1931—1935. Т. 1 [литогр.]; 1933. Т. II. Вып. 1: Москва и Литва (1463—1613); 1934. Т. II. Вып. 2 [литогр., посмертно]; 1935. Т. III [литогр.]. Переиздание: Шмурло Е.Ф. Курс русской истории: В 4 т. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб., 2000 (Т. 1: Возникновение и образование Русского государства; Т. 2: Русь и Литва; Т. 3: Московское царство; Т. 4: Спорные и невыясненные вопросы русской истории).

⁶⁹ Библиографию работ Е.Ф. Шмурло, опубликованных после 1921 г. см.: Паиуто В.Т. Указ. соч. С. 187—189. Полную библиографию работ см.: Русская эмиграция в Европе в 1920 — 1930-е гг. М.; СПб., 2003. Вып. 2. С. 304—323 (библиография была подготовлена и опубликована В. Саханевым; Библиография печатных работ Евгения Францевича Шмурло // Записки Русского Исторического Общества в Праге. Прага Чешская—Нарва, 1937. Кн. 3. С. 137—161; переиздание: С.А. Беляев).

⁷⁰ Римская курия на русском православном востоке (1609—1654). Прага, 1928. Очевидно, эту книгу Е.Ф. Шмурло в основном подготовил еще в Риме. Накануне переезда из Рима в Прагу он писал Е.А. Ляцкому (Рим, 12 ноября 1924 г.):

Очевидно, в это время ученый продолжал работать и над Примечаниями к Сборнику документов об отношениях между Россией и Римской курией в конце XVI в.⁷¹ В непосредственной подготовке к изданию Сборника участия он не принимал, что вызвало его негативную реакцию⁷².

В самых общих чертах, даже на основании небольшого количества материалов (опубликованных и архивных), которые на данный момент имеются в нашем распоряжении, можно ответить на вопрос, почему долго готовившееся издание так и не было опубликовано полностью. Попросту говоря, этому помешали внешние обстоятельства — Революция в России и последовавшая эмиграция Е.Ф. Шмурло.

Примечания ко всему тому были подготовлены и в настоящее время доступны для исследователей⁷³. Ознакомление и работа с ними представляет определенные трудности. Часть из них — это рукописные копии или вставки сделанные в разное время, на разных языках (итальянский, латынь, испанский, немецкий, польский); хотя, среди примечаний значительное количество составляют также беловые машинописные копии на больших листах формата А4, иногда с небольшой правкой составителя. Один лист Примечаний был отпечатан в типографии⁷⁴, равно как и опубликованные документы.

В том, что касается «недопечатанных» документов, их местонахождение к настоящему времени выяснить не удалось (исключение составляет лишь очень небольшая часть⁷⁵). Очевидно, они были подготовле-

«... К новому году я мог бы представить “Римский престол в его отношениях с Россией в первой половине XVII в.”, — том листов в 30 (считая и документы). ... К переезду в Прагу я лично готов — не готова бюрократия ...» // *Михальченко С.И.* Фонд Е.А. Ляцкого в Литературном архиве Музея национальной литературы Чехии // *Археографический ежегодник за 1999 год.* М., 2000. С. 295.

⁷¹ Об этом предположительно можно судить на основании сопоставления некоторых Примечаний с другими материалами, которые готовились им к передаче в РЗИА в конце 20-х годов (бумага, синий, красный карандаш). См.: ГА РФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 85—86; ср.: Ф. Р-5806.

⁷² В списке опубликованных в эмиграции работ, который Е.Ф. Шмурло составил по просьбе Русского научного института в Белграде в 1929 г. он отметил: «... Две моих работы, незаконченные еще в до-эмигрантский период и в таком незаконченном виде без моего участия, изданные Российской Академией наук ... , конечно, характеризовать мою з а р у б е ж н у ю деятельность не могут. 25 мая 1929 г. В Русский Институт в Белграде» // ГА РФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 630. Л. 10. Речь шла о двух, подготовленных им больших работах, изданных в 1925 и 1927 гг.

⁷³ В настоящее время они находятся в личном фонде Е.Ф. Шмурло (ГА РФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 83—90: отпечатанные корректурные листы, примечания, подготовительные материалы для примечаний; наибольший интерес представляют Д. 85 и 86).

⁷⁴ Он сохранился в двух вариантах — в фонде Е.Ф. Шмурло и в Архиве РАН с СПб. (судя по некоторым признакам, вариант в СПб. предназначался для публикации).

⁷⁵ Док. 351 (окончание) — 374 (С. 257—263). Они представляют собой корректуру отпечатанных документов (с довольно большой машинописной вставкой), проверен-

ны. Е.Ф. Шмурло несколько раз пишет об этом: в ежегодных Отчетах Ученого корреспондента, в личной переписке. В неопубликованных ко всему тому Примечаниях указывается номер документа, который они должны прокомментировать.

Кроме тематических сборников документов, представленных в серии «Памятники...», ученый корреспондент он должен был также готовить выпуски, содержащие различного рода перечни документов, некоторые публикации и пр.

В этой серии — «Россия и Италия» — было подготовлено четыре тома⁷⁶. Последний (четвертый) увидел свет в 1927 г. в Ленинграде. Он содержал опись Архива Конгрегации пропаганды веры⁷⁷. В некотором смысле эту работу также можно отнести к числу «незавершенных» проектов — книга была напечатана без непосредственного участия Е.Ф. Шмурло⁷⁸.

ную и исправленную Е.Ф. Шмурло. Это — именно те документы, о которых он упоминает в своем письме к М.А. Дьяконову (См.: [Шмурло Е.Ф.] «Приятно услышать здесь на чужбине родимые голоса». Письма Е.Ф. Шмурло из Рима к М.А. Дьяконову. 1893—1917 гг. / Публ. подг. В.Г. Бухерт // Исторический архив. 2012. № 1. С. 126—154).

⁷⁶ Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. СПб.—Л., 1907—1927. Т. I—IV.

⁷⁷ Россия и Италия. Л., 1927. Т. IV.

⁷⁸ На обороте титульного листа указывались время подготовки («Начато набором 1914. — Окончено печатанием в марте 1927 г.»), объем (21^{4/16} печ. лист) и тираж (525 экз.). В Предисловии к «Памятникам...», опубликованным в 1925 г. (В прим. 1 на С. II. указывалось о 14 напечатанных листах IV-го тома). Речь шла о той его части, которая была отпечатана к 1919 г., в 1926 г. печатание было возобновлено (допечатано еще 7 печ. листов — общий объем издания, указанный на обороте титула, составил 21^{4/16} печ. лист). Во всяком случае, всю работу можно было осуществить (и она действительно проводилась) без непосредственного участия составителя — Е.Ф. Шмурло. В 1916 г., во время последнего приезда в Россию, некоторую часть своих материалов он предоставил в распоряжение Постоянной исторической комиссии (в Дом Н.П. Лихачева — в наст. время Санкт-Петербургский Институт истории РАН) — т.н. «Чемодан Е.Ф. Шмурло» (Архив Института истории РАН в СПб. — Дом Н.П. Лихачева). В Фонде Е.Ф. Шмурло (Русская секция. Ф. 321) имеются выписки из разного рода материалов, сделанные им в Риме (часть находится в Ф. 321, часть — в фонде Б.Д. Грекова: Ф. 271. Д. 71). В небольшом Предисловии от редакции к IV-му тому отмечалось, что он «заключает в себе работу б[ывшего] Ученого Корреспондента Академии Наук в Риме: Е.Ф. Шмурло, посвященную обзору содержания архива Пропанды Конгрегации Фидэ в той части его, которая касается, главным образом, России в ее прежних границах. Начатый печатанием в 1914 году под наблюдением покойного председателя Постоянной Исторической Комиссии акад. А.С. Лаппо-Данилевского и при непосредственном участии в деле издания самого автора труда, Е.Ф. Шмурло, четвертый том к 1919 г. был доведен до четырнадцатого листа, когда печатание его приостановилось и было возобновлено лишь в 1926 году. Постоянная Историко-Археографическая Комиссия поручила окончание печатания четвертого тома, под наблюдением Председателя Комиссии академика С.Ф. Платонова, Ученому Секретарю Комиссии А.И. Андрееву; последнему в его рабо-

Применительно к Ватиканскому и некоторым другим архивным собраниям Италии и Рима о Е.Ф. Шмурло можно говорить как об «одном из» исследователей⁷⁹.

В том, что касается Архива Конгрегации⁸⁰ пропаганды веры, здесь его можно назвать «первооткрывателем». Архив был предназначен,

те по печатанию оказывала содействие Е.Г. Гендрикова. Указатель к четвертому тому составлен Н.С. Платоновой» // Россия и Италия. Т. IV. Предисловие.

⁷⁹ С 1881 г. после открытия Ватиканского архива для научных занятий в Риме начали активно работать отдельные исследователи, группы ученых: представляющие различные страны временно действующие комиссии, устроенные на постоянной основе Институты. (См.: Любович Н.Н. Иностранные исторические институты в Риме. Варшава, 1914; *Il libro del centenario*; *L'Archivio Segreto Vaticano e le ricerche storiche* / A cura di P.Vian. Roma, 1983; *Annuario [Unione Internazionale degli Istituti di Archeologia, Storia e Storia dell'Arte in Roma]*. Roma, 1999. Vol. 41: 1999—2000). Перечень и краткую характеристику работы российских исследователей по изучению материалов Ватиканского архива (Пирлинг, Вержбовский, Любович, Брикнер, Форстен, Гильдебранд) см.: Шмурло Е.Ф. Отчет о двух командировках в Россию и за границу в 1892/3 и 1893/4 гг. Юрьев, 1895. С. 19—21.

⁸⁰ О Конгрегации пропаганды веры (*Congregatio de Propaganda Fide*) см.: юбилейное издание по случаю 350-летия ее основания — *Sacrae Congregationis de Propaganda Fide memoria rerum. 350 anni a servizio delle missioni. 1622—1972. 3 t. in 5 vol.* Rom, Freiburg, Wien. 1971—1976; Kowalski N., Metzler J. *Inventory of the Historical Archives of the Sacred Congregation for the Evangelization of Peoples or "De Propaganda Fide". New enlarged edition.* Rome, 1983. Конгрегация пропаганды веры была организована в 1622 г. в целях руководства обширной миссионерской деятельностью Католической церкви. Е.Ф. Шмурло был одним из первых исследователей, которые начали систематические исследования в этом Архиве (см.: *Schmourlo E. L'Archivio di Propaganda // Roma e l'Oriente. Vol. I. Anno 1910—1911.* Badia di Grottaferrata. P. 100—110) и описал его в целом, а также материалы, относящиеся к русской истории (которую он понимал в духе русской исторической науки к. XIX—нач. XX в., причисляя сюда и сюжеты, связанные с Украиной и другими территориями, входившими в состав Российской империи). См.: Россия и Италия. Т. IV (есть также итальянский перевод, изданный E. Lamalle). Издатели документов "Acta S.C. de Propaganda Fide historiam Ucrainae et Bjelarusssae spectantia" (Romae, 1953. Vol. I. P. XIII) и "Litterae S.C. de Propaganda Fide Ecclesiam Catholicam Ucrainae et Bielarussae spectantes" (Romae, 1954. Vol. I. P. XI) пользуются классификацией архивных фондов, предложенной Е.Ф. Шмурло. По мнению К. Королевского двери Архива Конгрегации пропаганды веры были открыты для Е.Ф. Шмурло благодаря поддержке дипломатических представителей России при Святом престоле (*Korolevskij C. Métropolitte André Szeptyčkyj. 1865—1944.* Rome, 1964. P. 77—78). Переписку Е.Ф. Шмурло с Председателем организационного комитета Конгресса исторических наук Пиренном (H. Pirenne) по поводу участия в работе Конгресса и темы доклада см.: ГА РФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 626. Л. 1—5 (январь 1922 — февраль 1923 гг.). Резюме доклада было опубликовано в Трудах Конгресса (см.: *Smurlo E. Les Archives du Collège "De Propaganda Fide" et leur importance pour l'histoire de la Russie. Résumé // Compte Rendu du Ve Congrès International des Sciences Historiques à Bruxelles*; текст доклада «Архив пропаганды Фидэ и его значение для русской истории» (маш., на рус. и фр. яз., 1923 г.) см.: ГА РФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 110; тезисы доклада Е.Ф. Шмурло «Архив пропаганды Фидэ как источник по русской

прежде всего, для нужд самой Конгрегации, а потому мало пригоден для исследований. Тем не менее, Е.Ф. Шмурло удалось попасть туда и плодотворно поработать⁸¹.

В 1928 г. ученый издал еще одну работу (исследование и документы)⁸², которую можно рассматривать как продолжение публикации о миссии А. Поссевино.

Напечатанные во второй половине 20-х гг. несколько больших статей по истории отношений между Россией и Святым престолом в XVI—XVIII вв. также можно рассматривать как продолжение программы, намеченной для Ученого корреспондента в Риме⁸³.

Очевидно, изданием 4-го тома сборника «Россия и Италия» деятельность Ученого корреспондента в Риме была завершена Академией наук не только организационно, но и научно⁸⁴. По мнению В. Саханева, который близко общался Е.Ф. Шмурло в Праге и стал автором первого пространного биографического очерка о старшем коллеге, основной за-

истории», прочитанного на заседании Русского исторического общества в Праге 11 апреля 1927 г. см.: Записки Русского исторического общества в Праге. Прага Чешская. 1927. Кн. I. С. 44—45; новую публ. доклада Е.Ф. Шмурло на рус. яз. подготовила С.И. Горелова (см.: Исторический архив. 1996. № 5).

⁸¹ О том, как ему удалось получить разрешение на работу в этом Архиве см.: Россия и Италия. СПб., 1911. Т. III. Вып. I. С. 1—4.

⁸² Римская курия на русском православном востоке в 1609—1654 годах. Прага, 1928.

⁸³ Шмурло Е.Ф. Неизданная грамота Петра Великого 1705 года // *Conférence des historiens des états de l'Europe orientale et du monde slave*. Varsovie. 1928. Vol. II. P. 191—205; Он же. Сношения России с Папским престолом в царствование Петра Великого. (1697—1707) // Труды IV съезда Русских академических организаций за границей. Белград. 1929. Ч. I. С. 65—111; Он же. Поездка Б.П. Шереметева в Рим и на о. Мальту. Страница из политической истории России конца XVII века // Сб. Русского института в Праге. Прага. 1929. Т. I. С. 5—47; Он же. Русская кандидатура на польский престол в 1667—1669 годах // Сборник статей, посвященных Павлу Николаевичу Милюкову. 1859—1929. Прага, 1930. С. 263—308; Он же. Русские католики конца XVII века (По данным архивов Пропagанды и коллегии св. Афанасия). С приложением факсимиле // Записки Русского научного института в Белграде. 1930. Вып. 3. С. 1—29; Он же. Rom und Moskau im Jahre 1657 // *Zeitschrift für osteuropäische Geschichte*. 1931. S. 175—193; Он же. Мелетий Смотрицкий в его сношениях с Римом // Труды V съезда Русских академических организаций за границей. 1932. С. 501—529. Ч. I; Он же. Паисий Лигарид в Риме и на греческом Востоке // Труды V съезда Русских академических организаций за границей. 1932. С. 532—588. Ч. I; Он же. Посольство Чемоданова и Римская курия // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1932. Вып. 7. С. 1—25; Он же. Рим и Москва. Начало сношений Московского государства с папским престолом. (1462—1528) // Записки Русского Исторического Общества в Праге. Прага Чешская—Нарва, 1937. Кн. 3. С. 91—136.

⁸⁴ Косвенно об этом можно судить на основании крайних хронологических дат документов, касающихся деятельности Ученого корреспондента («1898—1928. Об Учреждении в Риме ученой архивной комиссии и должности ученого корреспондента при историко-филилог. отд. АН» // Архив РАН в СПб. Ф. 2, Оп. 1898. № 24).

службой историка «является открытие итальянских архивов для русской истории и накопление огромного материала, который долго еще будет осваиваться наукой. Главной целью его было уяснение значения католической стихии в истории России. Этот вопрос до конца не был им освещен, но для его разработки сделано чрезвычайно много»⁸⁵.

Вклад Е.Ф. Шмурло в изучение материалов по русской истории из иностранных (в первую очередь — итальянских архивов и библиотек) трудно переоценить. К сожалению, собранный и обработанный им большой архивный материал об отношениях России и Италии до сих пор используется в недостаточной степени.

⁸⁵ Саханев В. Евгений Францевич Шмурло // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага Чешская—Нарва, 1937. Кн. III. (С. 27—79). С. 50. См.: ГА РФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 769

Основные печатные труды доктора исторических наук, профессора Олега Федоровича Кудрявцева

1979

1. Проблема судьбы и свободы воли в философии Марсилио Фичино // Из истории западноевропейской культуры. М., 1979. С. 67—79;
2. Италия в ЕЭС // Международные проблемы. М., 1979. С. 73—79;
3. Левые силы и Европарламент // Мировая экономика и международные отношения. 1979. № 4. С. 108—109;

1980

4. Проблемы политической интеграции Западной Европы во внешней политике Италии (70-е гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук (ИМЭМО АН СССР);

1981

5. Письмо Марсилио Фичино о Золотом веке // Средние века М., 1981. Вып. 43. С. 320—327. Далее — СВ;
6. Проблемы гуманизма и Реформации в Италии в современной зарубежной историографии // Культура эпохи Возрождения и Реформация / Отв. ред. В.И. Рутенбург. Л., 1981. С. 116—123;
7. Бальдассаре Кастильоне. О придворном / Вступ. ст., пер., коммент. // Эстетика Ренессанса / Сост. В.П. Шестаков. М., 1981. Т. I. С. 343—361;
8. Лодовико Дольче. Трактат о живописи / Пер. и коммент. // Там же. Т. II. С. 457—483;
9. Всесоюзная научная конференция «Проблемы культуры Возрождения и Реформация» // СВ. М., 1981. Вып. 44. С. 343—347;
10. (Рец.) Васильцов С.И. Рабочие партии и выборы в Италии. 1953—1976 гг. М., 1978 // Вопросы истории. 1981. С. 134—136. Далее — ВИ;

1982

11. Идея «общности» у Марсилио Фичино // История социалистических учений. М., 1982. С. 226—235. Далее — ИСУ;

1983

12. Изучение итальянского реформационного движения в зарубежной историографии (XIX—первая половина XX в.) // СВ. М., 1983. Вып. 46. С. 229—247;
13. О понятии «профессия» и его употреблении у Маркса // Новые вопросы теории и истории марксизма. М., 1983. С. 180—194;
14. Представление о фортуне в средние века и в эпоху Возрождения // Взаимосвязь социальных отношений и идеологии в средневековой Европе. М., 1983. С. 174—202 (в соавт. с В.И. Уколовой);
15. Эстетические искания в итальянском гуманизме начала XVI века и творчество Рафаэля (к вопросу о принципах художественного сознания Высокого

Возрождения) // Рафаэль и его эпоха. К 500-летию со дня рождения художника. Краткие тезисы докладов научной конференции, 12—14 апреля 1983 / Науч. ред. Т.К. Кустодиева. Л., 1983. С. 20—22;

16. Всесоюзная научная конференция «Античное наследие в культуре Возрождения» // СВ. М., 1983. Вып. 46. С. 396—399;
17. (Рец.) Тяжелов В.Н. Искусство Средних веков в Западной и Центральной Европе. М., 1981 // ВИ. 1983. № 5. С. 142—144;

1984

18. Идеал ученого сообщества в итальянских академиях XV—XVII вв. и утопии // ИСУ. М., 1984. С. 220—240;
19. Реформационное движение и академии в Италии // СВ. М., 1984. Вып. 47. С. 153—165;
20. Античные представления о фортуна в ренессансном мировоззрении // Античное наследие в культуре Возрождения / Отв. ред. В.И. Рутенбург. М., 1984. С. 50—57;
21. (Рец.) Капонетто С. Аонио Палеарио и протестантская Реформация в Тоскане. Турин, 1979 // СВ. М., 1984. Вып. 47. С. 352—354;

1985

22. От эрудитских собраний к научным сообществам: итальянские академии XV—XVII вв. // СВ. М., 1985. Вып. 48. С. 176—194;
23. Подход Италии к политической интеграции // Западноевропейская интеграция: политические аспекты. М., 1985. С. 78—86;
24. Речь, составленная мессером Джанноццо Манетти и произносимая другими перед высокой Синьорией и Ректорами во дворце, в коей они побуждаются управлять справедливо / Пер. // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / Сост., общ. редакция, вступительная статья, коммент. Л.М. Брагиной. М., 1985. С. 138—140;
25. Речь, составленная Маттео Пальмиери, гонфалоньером компании по приказу Синьории, в которой Ректоры и другие должностные лица побуждаются управлять справедливо / Пер. // Там же. С. 141—146;
26. Речь, произнесенная Донато ди Нери ди мессер Донато Аччайуоли, гонфалоньером компании / Пер. // Там же. С. 147—151;
27. Марсилио Фичино. Послания / Пер. // Там же. С. 211—228;
28. Джованни Пико делла Мирандола. О сущем и едином / Пер. // Там же. С. 263—280;

1986

29. Эстетические искания гуманистов круга Рафаэля // Рафаэль и его время / Отв. ред. Л.С. Чиколлини. М., 1986. С. 179—198;
30. Послевоенная историография итальянского реформационного движения // СВ. М., 1986. Вып. 49. С. 166—182;
31. Ренессансная апология наслаждения (к прочтению некоторых мест «Утопии» Томаса Мора) // ИСУ. М., 1986. С. 197—228;
32. Гуманистические академии итальянского Возрождения // Культура Возрождения и общество / Отв. ред. В.И. Рутенбург. М., 1986. С. 71—76;
33. Гарэн Э. Магия и астрология в культуре Возрождения / Пер. и коммент. // Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. Избранные работы / Пер. с итал; вступит. статья и редакция Л.М. Брагиной. М., 1986. С. 331—349;
34. (Рец.) Хлодовский Р.И. Декамерон. Поэтика и стиль / Отв. ред. А.Д. Михайлов. М., 1982 // СВ. М., 1986. Вып. 49. С. 278—283;

1987

35. Представления о справедливости и равенстве в «Утопии» Томаса Мора // ИСУ. М., 1987. С. 197—217;
36. Некоторые аспекты социальной истории Италии XVI—XVIII вв. в новых работах Виллари // Проблемы итальянской истории М., 1987. С. 250—255;
37. Ежегодник «История социалистических учений» — на английском, французском, немецком, испанском языках // Общественные науки за рубежом. М., 1987. Т. XVIII. № 4. С. 259—261;
38. (Рец.) Логэн Дж.М. Значение «Утопии» Мора. Принстон, 1983 // ИСУ. М., 1987. С. 279—284;

1988

39. Представления о справедливости и равенстве в «Утопии» Томаса Мора [окончание] // ИСУ. М., 1988. С. 145—161;
40. Собственность как нравственно-правовая проблема в идеологии христианского средневековья (до Фомы Аквинского) // Культура и общественная мысль. Античность. Средние века. Эпоха Возрождения / Отв. ред. Л.С. Чиколینی. М., 1988 С. 76—86;
41. [Отв. секр.] Культура и общественная мысль. Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1988;

1989

42. Гуманистический идеал общежития: Фичино и Эразм // Эразм Роттердамский и его время / Отв. ред. Л.С. Чиколینی. М., 1989. С. 67—77;
43. Хозяйственная этика утопийцев [начало] // ИСУ. М., 1989. С. 181—205;

1990

44. La discussion sur les merites respectives de la vie contemplative et pratique dans le dialogue de Jacques Sadolet "De laudibus philosophiae" // L'Homme et l'histoire. М., 1990. P. 218—230;
45. Хозяйственная этика утопийцев [окончание] // ИСУ. М., 1990. С. 193—212;
46. Схоласты о собственности // СВ. М., 1990. Вып. 53. С. 157—166;
47. Педагогические наставления гуманиста Якопо Садолето // Гуманистическая мысль, школа и педагогика эпохи позднего Средневековья и начала Нового времени. М., 1990. С. 86—103;

1991

48. Ренессансный гуманизм и «Утопия» / Отв. ред. А.Э. Штекли. М., 1991. — 288 с.;
49. Ренессансный гуманизм и «Утопия». Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.: ИВИ АН РАН. — 36 с.;

1992

50. Естественное право и собственность (об одном аспекте антисхоластической полемики гуманистов) // Природа в культуре Возрождения / Отв. ред. Л.С. Чиколینی. М., 1992. С. 56—61;
51. Эпоха Возрождения: люди, идеи, традиции // «Науки о духе» в техническом ВУЗе. Программы гуманитарных курсов МФТИ. М., 1992. С. 58—62;

1993

52. Жажда наживы и религиозное благочестие (о принципах хозяйственного

- мышления в Средние века) // Экономическая история. Проблемы. Исследования. Дискуссии. М., 1993. С. 36—61;
53. Контрреформация // История Европы. М., 1993. Т. III. С. 307—318;
54. Диспут о достоинстве созерцательной и практической жизни в диалоге Якопо Садолето «Похвалы философии» // Культура и общество Италии накануне Нового времени / Отв. ред. А.Н. Немилов. М., 1993. С. 176—187;
55. Диалог Кастильоне «О придворном»: принципы построения // Проблемы итальянской истории 1993 / Отв. ред. Н.П. Комолова. М., 1993. С. 21—47;
56. Самовластье человека: преломление одной гуманистической идеи в «Утопии» Томаса Мора [начало] // СВ. М., 1993. Вып. 56. С. 174—190;
57. Богословские искания и философия культуры ренессансного неоплатонизма // Религии Мира. История и современность. Ежегодник 1989—1990. М., 1993. С. 46—63;

1994

58. Самовластье человека: преломление одной гуманистической идеи в «Утопии» Томаса Мора [окончание] // СВ. Вып. 57. М., 1994. С. 158—169;
59. II российско-швейцарский коллоквиум историков. 1993 // Новая и новейшая история. 1994. Далее — ННИ;

1995

60. Германские претензии к России // Москва. 1995. № 5. С. 121—126;
61. Базельское книгопечатание XVI в. в распространении сведений о Московском государстве // Россия и Швейцария: развитие научных и культурных связей (по материалам двусторонних коллоквиумов историков России и Швейцарии) М., 1995. С. 121—126;

1996

62. Чаша Гермеса. Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция. М., 1996. — 336 с. (Сост., пер., статьи, коммент.);
63. Купец. Гуманист. Придворный. Нравственные идеалы эпохи Возрождения. Антология / Сост., пер., коммент., статьи // Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха Возрождения: быт, нравы, идеалы. М., 1996. С. 353—575;
64. Русское государство в восприятии европейцев первой половины XVI в. (Альберт Кампенский, Павел Йовий, Иоганн Фабри) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1996. № 3. С.115—124. Далее — Вестник РГНФ;
65. Московское государство первой половины XVI в. в рассказах европейцев // Древняя Русь и Запад: Научн. конф. 20—24 мая 1996. Кн. резюме. М., 1996. С. 130—132;
66. Альберт Кампенский. О делах Московии / Пер. и коммент. // Россия и Италия. М., 1996. Вып. 2. С. 186—224 (в соавторстве с С.Г. Яковенко);
67. Альберт Кампенский. О делах Московии / Пер. // Modus Vivendi. 1996. № 18/19. С. 4 (в соавт. с С.Г. Яковенко);
68. Альберт Кампенский и его письмо о Московии Папе Клименту VII / Пер. и коммент. // Истина и жизнь. 1996. № 10. С. 35—41 (в соавт. с С.Г. Яковенко);

1997

69. Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997. — 405 с. (Сост., публ. и пер. лат. ист., статьи, прим., указ.). Рец.: Рахматуллин Р. Сумма против

русофобов // Независимая газета. 3.III.1998; Балакин В.Д. // Вестник Московского педагогического университета. Серия «История». М., 1998. С. 48—49.

70. «Ученая религия» флорентийской платоновской академии // Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи / Отв. ред. Л.М. Брагина. М., 1997. С. 88—97;
71. Неизвестная грамота Кала V Василию III [1526 г.] // ННИ. 1997. № 5. С. 224—228;
72. Реставрация платонизма и апологетика христианства. Творческая биография Марсилио Фичино // Искусство и культура Италии эпохи Возрождения и Просвещения / Отв. ред. В.Э. Маркова. М., 1997. С. 191—198;
73. Феномен Ренессанса в истории культуры // Программы по всеобщей истории для студентов I курса МФТИ. М., 1997. С. 134—141;

1998

74. Трактат Иоганна Фабри «Религия москвитов» / Вступ. статья, пер., коммент. // Россия и Германия. М., 1998. Вып. 1. С. 10—45;
75. (Рец.) Культура Европы в эпоху Возрождения / Под ред. Л.М. Брагиной М., 1996. // ННИ. 1998. № 4;

1999

76. Образ человека в зеркале гуманизма. Мыслители и педагоги эпохи Возрождения о формировании личности (XIV—XVI вв.). Учебное пособие по педагогической антропологии. М. 1999. — 400 с. (Сост. совм. с Н.В. Ревякиной).
77. Маттео Пальмиери // Там же. С. 53—54;
78. Джованни Пико делла Мирандола. Гептапл (кн. III, 7; V, 6—7) / Вступ. ст., пер., коммент. // Там же. С. 74—80;
79. Леон Батиста Альберти. О семье (кн. I; III) / Вступ. ст., пер., коммент. // Там же. С. 138—179;
80. Маттео Пальмиери. Гражданская жизнь (кн. I—III) / Пер. и коммент. // Там же. С. 180—197;
81. Бальдассаре Кастильоне. О Придворном (Кн. I, 14—17, 20—22, 24—27, 44, 47, 49) / Вступ. ст., пер., коммент. // Там же. С. 224—243;
82. Философия человека как проблема исторической феноменологии культуры: христианская патристика и ренессансный гуманизм // Проблемы исторического познания. Мат-лы международной конференции, Москва, 19—21 мая 1996 г. / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 1999. С. 225—237;
83. Меценатство как политика и как призвание: Козимо Медичи и флорентийская платоновской академии // Культура Возрождения и власть / Отв. ред. Л.М. Брагина. М., 1999. С. 37—48;
84. «Хроника» францисканского монаха Салимбене Пармского // История Средних веков. Книга для чтения. М., 1999. С. 516—525;
85. «Князь Согласия» // Там же. С. 531—535;
86. [Член редколл.] Культура Возрождения и власть / Отв. ред. Л.М. Брагина. М., 1999;
87. [Член редколл.] Проблемы исторического познания. Мат-лы международной конференции, Москва, 19—21 мая 1996 г. / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 1999;

2000

88. Шарль де Бовель. Книга о мудреце / Пер. в соавт. с А.С. Клемешовым, В.Д. Савуковой, Т.Д. Стецурой, Д.Н. Рябовым; комментарии и общ. ред. // Кассирер Э. Избранное. Индивид и космос. М.;СПб., 2000. С. 484—600;
89. Шарль де Бовель и его трактат «О мудреце» // Кассирер Э. Избранное. Индивид и космос. М.;СПб., 2000. С. 601—612;
90. Лидия Михайловна Брагина — исследовательница итальянского гуманизма // Италия и русская культура. М., 2000. С. 224—227;

91. Карло Гинзбург и его книга «Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в.» // Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. / Пер. М.Л. Андреева, Н.М. Архангельской. М., 2000. С. 5—28;
 92. Первые известия о городах Московского края в Европе (до середины XVI в.) // История Московского края. М., 2000. С. 14—16;
 93. История средних веков // Программы по истории для студентов I курса. М., МФТИ, 2000. С. 18—37;
 94. Агриппа Неттесгеймский // Новая философская энциклопедия. М., 2000. Т. I. С. 53. Далее — НФЭ;
 95. Альберти Леон Баттиста // НФЭ. Т. I. 89—90;
 96. Бовель Шарль де // Там же. С. 282;
 97. Боден Жан // Там же. С. 290—291;
 98. «Государь» // Там же. С. 548;
 99. [Член редколл.] Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 1—2;
- 2001**
100. Марсилио Фичино. О моральных добродетелях; Письмо к Леонардо ди Тоне; Козимо Медичи, отцу отечества, Марсилио Фичино себя вверяет; Письмо Марсилио Фичино Джованни Ручеллаи, мужу светлейшему, о том, что такое Фортуна и может ли человек противостоять ей; Паллада, Юнона и Венера обозначают созерцательную жизнь, активную жизнь и жизнь, проводимую в наслаждениях; Марсилио Фичино приветствует любезнейшего Жермена; В чем состоит счастье, какие оно имеет ступени, о его вечности / Пер. // Антология мировой философии. Возрождение. Минск, 2001. С. 236—256;
 101. Джованни Пико делла Мирандола. О Сущем и Едином к Анжело Полициано / Пер. // Там же. С. 284—304;
 102. L'identification des Russes par les europeens de la seconde moitie du 15e a la premiere moitie du 16e siecle // Issues and Resources for the Study of Medieval Central Europe. Budapest, 2001. P. 89—94;
 103. Тенденция народных движений к обобществлению имуществ в восприятии гуманистов // Из истории социальных конфликтов и народных движений в средневековой Европе. М., 2001. С. 110—115;
 104. Идентификация русских европейскими авторами конца XV—первой половины XVI в. // Восток—Россия—Запад. К 70-летию академика В.С. Мясникова. М., 2001. С. 65—72;
 105. Культура зрелого итальянского Возрождения в освещении Андре Шастеля // Шастель А. Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного / Пер. Н.Н. Зубкова. М.;СПб., 2001. С. 581—589;
 106. Первые известия о городах Московского края в Европе (до середины XVI в.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. №. 1(3). С. 29—36;
 107. «Множество мудрых — спасение миру». Антропология Шарля де Бовеля // Человек в культуре Возрождения / Отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2001. С. 187—192;
 108. Ренессансная Флоренция в непривычном аспекте: преступление и наказание Антонио Ринальдеки // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2001. Вып. 6. С. 371—378;
 109. Миф о «золотом веке» в культуре Возрождения // Личность—идея—текст в культуре средневековья и Возрождения. Сб. научных трудов в честь шестидесятилетия Н.В. Ревякиной / Под ред. И.В. Кривушина и Е.С. Кривушиной. Иваново, 2001. С. 84—92;
 110. Макиавелли Никколо // НФЭ. М., 2001. Т. II. С. 477—478;
 111. Мор Томас // Там же. С. 608—609;

112. Патрици Франческо // Там же. Т. III. С. 213—214;
 113. Пико делла Мирандола Джованни // Там же. С. 232;
 114. Пико делла Мирандола Джованни Франческо // Там же. С. 231—232;
 115. «Платоновское богословие» // Там же. С. 245—246;
 116. Помпонацци Пьетро // Там же. С. 278—279;
 117. Савонарола Джироламо // Там же. С. 480;
 118. Раме Пьер де ла // Там же. С. 411;
 119. Фичино Марсилио // Там же. Т. IV. С. 254—255;
 120. [Отв. ред., авт. послесловия и коммент.] Шастель А. Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного. Очерки об искусстве Ренессанса и неоплатоническом гуманизме / Пер. Н.Н. Зубкова. М.; СПб., 2001;
 121. [Член редколл.]. Человек в культуре Возрождения / Отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2001;
 122. [Член редколл.]. Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 3—6;

2002

123. «Угнетенные чрезвычайным рабством»: об одном стереотипе восприятия русских европейцами первой половины XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 3 (9). С. 24—29;
 124. Власть культуры: Лоренцо Медичи и Флорентийская платоновская академия // Переходные эпохи в социальном измерении. История и современность / Отв. ред. В.Л. Мальков. М., 2002. С. 79—104;
 125. Бальдассаре Кастильоне. Придворный / Пер. // Сочинения великих итальянцев XVI века / Сост., вст. статья, коммент. Л.М. Брагиной. СПб., 2002. С. 181—247;
 126. Das ambivalente Bild Russlands. Sigismund von Herberstein und seine Vorgaeger // 450 Jahre Sigismund von Herbersteins Rerum Moscoviticarum Commentarii. Jubilaeumsvortraege herausgegeben von Frank Kaempfer und Reinhard Froetschner. Wiesbaden, 2002. S. 101—114;
 127. Алендро // Католическая энциклопедия. М., 2002. Т. I. Кол. 140. Далее — КЭ;
 128. Барбаро Иосафат // КЭ. Т. I. Кол. 460—461;
 129. Боккаччо Джованни // Там же. Кол. 654—656;
 130. Бонумбре Антонио // Там же. Кол. 694—695;
 131. Валла Лоренцо // Там же. Кол. 813—815;
 132. Вишневецкие князья // Там же. Кол. 1027—1030;
 133. Де Вио // Там же. Кол. 1559;
 134. Барбаро Иосафат // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. IV. С. 330—331. Далее — ПЭ;
 135. Боккаччо Джованни // ПЭ. Т. V. С. 569—570;
 136. (Рец.) Буданова В.П. Варварский мир эпохи великого переселения народов // СВ. М., 2002. Вып. 63. С. 406—410;
 137. [Член редколл.]. Книга в культуре Возрождения / Отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2002;
 138. [Член редколл.]. Переходные эпохи в социальном измерении. История и современность / Отв. ред. В.Л. Мальков. М., 2002;
 139. [Член редколл.]. Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 7—10;
 140. [Член редколл. сер.]. Сочинения великих итальянцев XVI века / Сост., вст. статья, коммент. Л.М. Брагиной. СПб., 2002;

2003

141. Патент на благородство: миф о золотом веке в становлении самосознания ренессансной культуры // Миф в культуре Возрождения / Отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2003. С. 81—87;

142. Двойкий образ России: Сигизмунд Герберштейн и его предшественники // От Средних веков к Возрождению. Сборник в честь проф. Л.М. Брагиной. СПб., 2003. С. 186—215;
143. Великая Русь рыцаря Де Ланноа. Первое западное описание Руси // Родина. 2003. № 12. С. 76—79;
144. Коннелл У. Значение буквы "S" в «Книге о придворном» Кастильоне / Пер. // Миф в культуре Возрождения / Отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2003. С. 119—122 (совм. с О.А. Уваровой);
145. Борромео Карло // ПЭ. М., 2003. Т. VI. С. 87;
146. Валла Лоренцо // Там же. С. 535—536;
147. (Рец.) О книге Андрея Береловича «Иерархия равных. Русская знать при старом режиме (XVI—XVII века)» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 1 (11). С. 119—122;
148. (Рец.) Ревякина Н.В. Человек в гуманизме итальянского Возрождения. Иваново, 2000 // СВ. М., 2003. Вып. 64. С. 392—398;
149. [Член редколл. сер.]. От Средних веков к Возрождению. Сборник в честь проф. Л.М. Брагиной. СПб., 2003;
150. [Член редколл.]. Миф в культуре Возрождения. М., 2003;
151. [Член редколл.]. Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 11—14;

2004

152. «Хроника» францисканца Салимбене де Адам: историописатель и время // Салимбене де Адам. Хроника. М., 2004. С. 825—861;
153. Мудрость язычников на службе божественного провидения: призвание Марсилия Фичино // Общественная мысль в контексте истории культуры. Сборник в честь Альфреда Энгельбертовича Штекли. М., 2004. С. 66—146;
154. «Умри, Флоренция, Иуда». Итальянское Возрождение в восприятии русской культуры // ННИ. 2004. № 5. С. 214—222. Рец.: Скворцова Т.Н. // Исторические записки. Научные труды исторического факультета ВГУ. Воронеж, 2005. Вып. XI. С. 194—200;
155. Марсилио Фичино. Избранные письма / Вступ. ст., пер. и коммент // Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. Переводы с латинского и итальянского языка XVI века / Сост., вст. ст., отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2004. С. 253—270;
156. История средних веков. Программа курса. М., 2004 (в соавт. с В.А. Антоновым);
157. Вивес Хуан Луис // ПЭ. М., 2004. Т. VIII. С. 114—115;
158. Лоренцо Великолепный (Медичи) // Исторический лексикон XIV—XVI вв. М., 2004. Т. VI. Кн. II;
159. Платоновская академия // Там же. С. 15—18;
160. Мор Томас // Там же. С. 158—162;
161. Контрреформация // Там же. С. 298—300;
162. [Научн. ред.]. Салимбене де Адам. Хроника / Сост. В.Д. Савуковой. Пер. И.С. Култышевой, С.С. Прокопович, В.Д. Савуковой, М.А. Таривердиева. М., 2004;
163. [Отв. ред.]. Общественная мысль в контексте истории культуры. М., 2004;
164. [Член редколл.]. Леонардо да Винчи и культура Возрождения / Отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2004;
165. [Член редколл. сер.]. Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. Переводы с латинского и итальянского языка XVI века. / Сост., вст. ст., отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2004;
166. [Член редколл.]. Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 15—18;

2005

167. Иаков Ворагинский // КЭ. М., 2005. Т. II. Кол. 4—5;
168. Каносса // Там же. Кол. 763—764;
169. Карл Борромео // Там же. Кол. 819—821;
170. Карл Великий // Там же. Кол. 822—824;
171. Карл Мартелл // Там же. Кол. 825—826;
172. Карпини // Там же. Кол. 853—854;
173. Кастильоне // Там же. Кол. 878—879;
174. Кирога // Там же. Кол. 1032—1033;
175. Климент VII // Там же. Кол. 1082—1083;
176. Колумб // Там же. Кол. 1077—1079;
177. Константинов дар // Там же. Кол. 1235—1237;
178. Контарини Амброджо // Там же. Кол. 1259;
179. Контарини Гаспаро // Там же. Кол. 1259—1260;
180. Корб // Там же. Кол. 1291—1292;
181. Беллармин Роберт // Большая российская энциклопедия. М., 2005. Т. III. С. 219. Далее — БРЭ;
182. Агриппа Неттесгеймский // Новая российская энциклопедия. М., 2005. Т. II. С. 127. Далее — НРЭ;
183. Альберти Леон Баттиста // НРЭ М., 2005. Т. II. С. 324;
184. (Рец.) Неузнанная цивилизация: заметки по поводу книги Стефана Мунда «Orbis Russiarum. Генезис и развитие представлений о “русском мире” на Западе в эпоху Возрождения». Женева, 2003 // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 3. С. 121—126;
185. [Член редколл.]. Театр и театральность в культуре Возрождения / Отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2005;
186. [Член редколл.]. Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 19—22;

2006

187. Об одном аспекте нравственного учения Марсилия Фичино: добродетель великолепия // Человек в культуре Античности, Средних веков и Возрождения. Сб. научных трудов в честь юбилея Нины Викторовны Ревякиной / Под ред. В.М. Тюленева. Иваново, 2006. С. 123—128;
188. Ренессансный историко-культурный синтез в трудах гуманистов Флорентийской платоновской академии // Вестник РГНФ. 2006. 4(45). С. 16—23.
189. О восприятии России в Европе эпохи Возрождения // ННИ. 2006. № 2. С. 89—93;
190. (Рец.) Канерва Лииса. Между наукой и рисунком. Преломление воспитательных идеалов Витрувия у ренессансных теоретиков архитектуры // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2006. Вып. 17. С. 403—408;
191. Методические материалы по курсу «Всемирная история» для факультета МО. М., 2006/2007;
192. Валла Лоренцо // БРЭ. М., 2006. Т. IV. С. 537;
193. Висконти // Там же. Т. V. С. 282—283;
194. Возрождение // Там же. С. 583—588;
195. [Член редколл.] Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 23—26;

2007

196. «Малая Византия» на Понте // ННИ. 2007. № 6. С. 92—97;
197. Бовель Шарль де // Культурология. Энциклопедия в 2-х тт. / Гл. ред. С.Я. Левит. М., 2007. Т. I. С. 233;

198. Герметизм // Там же. С. 445—446;
199. Маргарита Наваррская // КЭ. М., 2007. Т. III. Кол. 114—115;
200. Марсилиус Падуанский // Там же. Кол. 209—210;
201. Матвей из Мехова // Там же. Кол. 245—246;
202. Медичи // Там же. Кол. 286—289;
203. Мюнстер Себастьян // Там же. Кол. 684—685;
204. Невиль // Там же. Кол. 758;
205. Олеарий // Там же. Кол. 1044—1045;
206. Острожские // Там же. Кол. 1125—1126;
207. Оттон I // Там же. Кол. 1150—1151;
208. Оттон III // Там же. Кол. 1153—1154;
209. Павел IV // Там же. Кол. 1177—1179;
210. Петрарка // Там же. Кол. 1473—1475;
211. Пико дела Мирандола Джованни // Там же. Кол. 1528—1530;
212. Платина Бартоломео // Там же. Кол. 1545—1546;
213. Помпоний Лет Юлий // Там же. Кол. 1643—1644;
214. Гонфалоньер справедливости // БРЭ. М., 2007. Т. VII. С. 411—412;
215. Гонзага // Там же. С. 406;
216. Возрождение // НРЭ. М., 2007. Т. (I). С. 129—133;
217. Агриппа Неттесгеймский // Энциклопедия Возрождения / Отв. ред. Н.В. Ревякина. М., 2007. Т. I. С. 22—23;
218. Академии // Там же. С. 24—27;
219. Аккольти // Там же. С. 30;
220. Алеандер // Там же. С. 32;
221. Альберт Кампенский // Там же. С. 44—45;
222. Альбертини // Там же. С. 48;
223. Альи Антонио // Там же. С. 55;
224. Альчати Андреа // Там же. С. 61—62 (в соавт. с Л.М. Брагиной);
225. Антропология // Там же. С. 86—88;
226. Барбаро Иосафат // Там же. С. 129—130;
227. Бекки Джентиле // Там же. С. 155—156;
228. Беллармин // Там же. С. 156—157;
229. Бенчи Томмазо // Там же. С. 167;
230. Берлингьери // Там же. С. 170;
231. Бовель Шарль де // Там же. С. 195—197;
232. Бонамико // Там же. С. 211—212;
233. Бонинконтри // Там же. С. 212;
234. Борромей // Там же. С. 218;
235. Брандолини // Там же. С. 233;
236. Браччези // Там же. С. 237—238;
237. Бручоли // Там же. С. 253—254;
238. Буондельмонти // Там же. С. 259—260;
239. Бьяндрата // Там же. С. 274—275;
240. Валори // Там же. С. 287;
241. Вальтурио // Там же. С. 287;
242. Вальдземюллер // Там же. С. 289;
243. Васко де Кирога // Там же. С. 293—294;
244. Верино // Там же. С. 323;
245. Верджеро Пьетро Паоло // Там же. С. 323;
246. Вермилли // Там же. С. 323—324;
247. Веспуччи // Там же. С. 330—331;

248. Вивес // Там же. С. 334—336;
 249. Возрождение // Там же. С. 356—339;
 250. Гваньини // Там же. С. 397—398;
 251. Герберштейн // Там же. С. 421—423;
 252. Герметизм // Там же. С. 424—427;
 253. Готтифреды // Там же. С. 453—454;
 254. Грибальди Моффа // Там же. С. 466—467;
 255. Де Вио // Там же. С. 528—529;
 256. Деи // Там же. С. 530—531;
 257. Джентиле // Там же. С. 535;
 258. Доминичи // Там же. С. 588—589;
 259. Золотой век // Там же. С. 666—667;
 260. Зороастризм // Там же. С. 668—669;
 261. Йовий Павел // Там же. С. 707—709;
 262. Калько // Там же. С. 721;
 263. Кампанелла // Там же. С. 726—728;
 264. Кампенский Альберт // Там же. С. 730—731;
 265. Капече // Там же. С. 733;
 266. Караччоло // Там же. С. 740—741;
 267. Каррара // Там же. С. 761—762;
 268. Кастильоне // Там же. С. 767—768;
 269. Катоне // Там же. С. 770;
 270. Климент VII // Там же. С. 782—783;
 271. Колло // Там же. С. 802—803;
 272. Колоччи // Там же. С. 805;
 273. Колумб // Там же. С. 806—807;
 274. Колюччи // Там же. С. 807;
 275. Контарини Амброджо // Там же. С. 818;
 276. Контарини Гаспаре // Там же. С. 818—819;
 277. Контрреформация // Там же. С. 819—822;
 278. Корси // Там же. С. 829—830;
 279. Корсини // Там же. С. 830;
 280. Космография // Там же. С. 832—833;
 281. Кринито // Там же. С. 850—851;
 282. Курионе // Там же. С. 856—857;
 283. Методические материалы по курсу «Отечественная история» для факультета политология. М., 2007/2008. (В соавт. с М.Ю. Мягковым).
 284. [Отв. ред.] Антонов В.А. Титулы и гербы королей Дании в Северной Европе (XI—XX вв.): учебное пособие. М., 2007;
 285. [Член редколл.]. Франческо Петрарка и европейская культура / Отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2007;
 286. [Член редколл.]. Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 27—30.

2008

287. Флорентийская платоновская академия. Очерк истории духовной жизни ренессансной Италии / Отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2008 — 479 с. Рец.: Краснова И.А. // Вестник РГНФ. 2009. № 3(56). С. 260—267; Юсим М.А. // СВ. 2009. Вып. 70(3). С. 211—217.
 288. Альберти и Фичино: история отношений // Леон Батиста Альберти и культура Возрождения / Отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2008. С. 74—84;

289. Учение о любви и красоте Марсилио Фичино // *Образы любви и красоты в культуре Возрождения* / Отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2008. С. 39—52;
290. Время не ждет: некоторые аспекты нравственного учения гуманистов Флорентийской платоновской академии // *Социально-политическая и интеллектуальная трансформация общества в переломные эпохи* / Отв. ред. Т.Л. Лабутина. М., 2008. С. 155—171;
291. «Запечатленный Сатурном»: астральная магия Марсилиа Фичино // *Одиссей. Человек в истории*. М., 2008. С. 251—274;
292. Италия V—XVII вв. // БРЭ. М., 2008. Т. XII. С. 157—164;
293. Итальянские войны // Там же. С. 219—220;
294. Йовий Павел // Там же. С. 285;
295. Кампанелла // Там же. С. 637—638 (в соавт. с К.А. Чекаловым);
296. Гонфалоньер // НРЭ М., 2008. Т. V (1). С. 57;
297. (Рец.) Итальянский гуманист и педагог Витторино да Фельтре в свидетельствах учеников и современников / Сост., пер., вступит. ст. и коммент. Н.В. Ревякина. М., 2007. — 264 с. // СВ. М., 2008. Вып 69 (1). С. 176—180;
298. [Член редколл.]. Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 31—34;
299. [Член редколл.]. Леон Батиста Альберти и культура Возрождения / Отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2008;
300. [Член редколл.]. Образы любви и красоты в культуре Возрождения / Отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2008;

2009

301. Капитан народа // БРЭ. М., 2009. Т. XIII. С. 23;
302. Като-Камбрезийский мир // Там же. С. 348—349;
303. Кола ди Риенцо // Там же. С. 458;
304. Колонна // Там же. 527—528;
305. [Член редколл.] Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 35—38;

2010

306. Италия V—сер. XVII вв. // НРЭ. М., 2010. Т. VII. (1). С. 320—327;
307. Итальянские войны // Там же. С. 365—366;
308. Йовий Павел // Там же. С. 406;
309. Александр Невский и папство // Александр Невский. Государь, дипломат, воин / Отв. ред. А.В. Торкунов. М., 2010. С. 159—172, 487—490;
310. Дипломатия Александра Невского: цели, принципы, направления (опыт реконструкции) // *Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928—2009)*. М., 2010. С. 814—818;
311. Praeceptor Europae: международные связи Марсилио Фичино, главы Флорентийской платоновской академии // *Культурные связи в Европе эпохи Возрождения* / Отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2010. С. 38—56;
312. Контарини Амброджо // БРЭ. М., 2010. Т. XV. С. 138—139;
313. Ломбардская лига // БРЭ. М., 2010. Т. XVII. С. 770.
314. [Ред., сост.]. Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010 (совм. с В.И. Уколовой).
315. [Член редколл.]. Культурные связи в Европе эпохи Возрождения / Отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2010.
316. [Член редколл.]. Вестник Удмуртского университета. История и филология. Ижевск, 2010;
317. [Член редколл.]. Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 39—42;

318. «Другой мир»: характерные черты восприятия Руси и русских средневековым Западом // Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света: Сб. статей в честь Виктора Леонидовича Малькова. М., 2011. С. 508—540;
319. Макиавелли Н. // БРЭ. М., 2011. Т. XVIII. С. 541—542;
320. Малатеста // Там же. С. 631;
321. Лаццарелли // Культура Возрождения. Энциклопедия. М., 2011. Т. II. Кн. 1. С. 51—52;
322. Малатеста // Там же. С. 179—178;
323. Медичи // Там же. С. 247—249;
324. Монтень Мишель де // Там же. С. 314—316;
325. Мор Томас // Там же. С. 322—323;
326. Мюнстер Себастьян // Там же. С. 352—354;
327. Наваджеро // Там же. С. 357—358;
328. Нальди Нальдо // Там же. С. 360;
329. Негри Франческо // Там же. С. 374;
330. Николай Кузанский // Там же. С. 379—381;
331. Окино Бернардино // Там же. С. 413—414;
332. Орфизм // Там же. С. 438—440;
333. Павел IV // Там же. С. 451—452;
334. Палеарио // Там же. С. 456—457;
335. Пико Джованни-Франческо // Там же. С. 552—553;
336. Пино Бернардино // Там же. С. 557;
337. Пино Паоло // Там же. С. 557;
338. Пифагореизм // Там же. С. 568—571;
339. Платина Бартоломео // Там же. С. 574—575;
340. Помпоний Лет Юлий // Там же. С. 605;
341. Пуччи Франческо // Там же. С. 654—655;
342. Раймунд Сабундский // Культура Возрождения. Энциклопедия. М., 2011. Т. II. Кн. 2. С. 13—14;
343. Ренато Камилло // Там же. С. 42—43;
344. Савонарола Джироламо // Там же. С. 111—114;
345. Садолето Якопо // Там же. С. 115—116;
346. Серипандо Джироламо // Там же. С. 185—186;
347. Сикуло Джорджо // Там же. С. 210;
348. Соццини Лелио // Там же. С. 240—241;
349. Станкаро Франческо // Там же. С. 251—252;
350. Стеуко Агостино // Там же. С. 256—257;
351. Тебальдео Антонио // Там же. С. 301—302;
352. Тиньози Никколо // Там же. С. 317—318;
353. Тосканелли Паоло // Там же. С. 332—333;
354. Траверсари Амброджо // Там же. С. 333—334 (в соавт. с Н.В. Ревякиной);
355. Тридентский собор // Там же. С. 341—343;
356. Утопия // Там же. С. 376—378;
357. Фабио Кальво // Там же. С. 383;
358. Фабри Иоганн // Там же. С. 383—385;
359. Ферраро-Флорентийский собор // Там же. С. 408—410;
360. Фичино Марсилио // Там же. С. 433—436;
361. Фламинио Маркантонио // Там же. С. 441—442;
362. Фортуна // Там же. С. 469—471;
363. Эгидий из Витербо // Там же. С. 627—629;
364. Эразм Роттердамский // Там же. С. 659—661;
365. Эстетика // Там же. С. 680—684;
366. Рабле Франсуа // КЭ. М., 2011. Т. IV. Кол. 4—7;
367. Раймунд Сабундский // Там же. Кол. 44—45;
368. Религиозные войны // Там же. Кол. 126—128;

369. Ричард I Львиное Сердце // Там же. Кол. 226—227;
370. Ришелье // Там же. Кол. 237—240;
371. Роберт Беллармин // Там же. Кол. 242—245;
372. Рубрук Гильом де // Там же. Кол. 406—407;
373. Савонарола // Там же. Кол. 458—461;
374. Садолето // Там же. Кол. 462—464;
375. Сигизмунд // Там же. Кол. 733—734;
376. Томас Мор // Там же. Кол. 1392—1395;
377. Тридентский собор // Там же. Кол. 1444—1449;
378. Утопия // Там же. Кол. 1625—1629;
379. Ферраро-Флорентийский собор // Там же. Кол. 1722—1726;
380. Фичино Марсилио // Там же. Кол. 1775—1777;
381. [Отв. ред.]. Культура Возрождения. Энциклопедия. М., 2011. Т. II. Кн. 1—2;
382. [Член редколл.]. Вестник Удмуртского университета. История и филология. Ижевск, 2011;
383. [Член редколл.]. Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 43—46;

2012

384. Восприятие пифагорейской традиции в эпоху Возрождения // Историческая память в культуре эпохи Возрождения / Отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2012. С. 50—56;
385. Марсилиус Падуанский // БРЭ. М., 2012. Т. XIX. С. 215—216;
386. “Muori, Firenze, Giuda”. L'Italia del Rinascimento nel giudizio della cultura russa // Rinascimento e Antirinascimento. Firenze nella cultura russa fra Otto e Novecento / A cura di L. Tonini. Firenze, 2012. P. 31—44;
387. Die heilige Rus. Der russische Traum des Doktor Johann Fabri // Bayern und Russland in vormoderner Zeit. Annaeherungen bis in die Zeit Peters des Grossen. München, 2012. S. 87—123;
388. (Рец.) Властные институты и должности в Западной Европе в Средние века / Отв. ред. Т.П. Гусарова. М., 2011 // СВ. 2012. Вып. 73 (1—2). С. 345—351;
389. [Член редколл.] Историческая память в культуре эпохи Возрождения / Отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2012;
390. [Член редколл.]. Вестник Удмуртского университета. История и филология. Ижевск, 2012;
391. [Член редколл.]. Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 45—50;

2013

392. Тюдоры. Сила и власть. М., 2013 – 126 с. (в соавт. с О.В. Дмитриевой, О.А. Руденко).
393. Мор Томас // БРЭ. М., 2013. Т. XXI. С. 85—87;
394. Западные известия первой половины XV в. о Руси // Европейское Возрождение и русская культура XV—середины XVII в.: контакты и взаимное влияние. М., 2013. С. 31—67;
395. Святая Русь, или Русская греза доктора Иоганна Фабри // Там же. С. 129—166;
396. Несостоявшийся маршрут, или русский проект генуэзца Паоло Чентурионе (из предыстории открытия Северного морского пути) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2 (52). С. 56—63;
397. Эразм Роттердамский // КЭ. М., 2013. Т. V. Кол. 503—506;
398. [Отв. ред.] Европейское Возрождение и русская культура XV—середины XVII в.: контакты и взаимное влияние. М., 2013;
399. [Член редколл.]. Вестник Удмуртского университета. История и филология. Ижевск, 2013;
400. [Член редколл.]. Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 51—54.

Составитель А.К. Гладков

Научное издание
ARS HISTORICA
Сборник в честь Олега Федоровича Кудрявцева

Макет и оформление Ю.В. Балабанов
Издательский редактор И.В. Румянцева
Корректор Н.С. Головин

Предложения и вопросы можно присылать на электронный адрес серии:
medieval.books@mail.com

Подписано в печать 11.11.2015. Формат 70×100/16. Заказ № 138.
Тираж 500 экз. 35,5 п.л. 38,5 уч.-изд. л.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru. e-mail: marketing@chpk.ru
факс 8(496) 726-54-10, тел. 8 (495)988-63-87

По издательским вопросам обращаться:
«Центр гуманитарных инициатив»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов

Комплектование библиотек, оптовая продажа в России и странах СНГ
ООО «Университетская книга-СПб».

«Университетская книга-СПб» предлагает книготорговым организациям,
библиотекам и простым читателям широкий ассортимент книг по всему спектру
гуманитарных наук — философии, филологии, лингвистики,
истории, социологии и политологии.

Вы можете приобрести у нас по издательским ценам продукцию ведущих
научно-гуманитарных издательств России.

Контакты:

в Санкт-Петербурге: Тел. (812) 640-08-71, e-mail: uknigal@westcall.net
в Москве: ООО «Университетская книга-СПб». Тел. (495) 915-32-84,
e-mail: ukniga-m@libfl.ru

Книжные новинки издательства всегда представлены
в киоске Государственного института искусствознания:
Москва, Большой Козийский переулок, д. 5 (ст. метро «Чеховская»,
выход в сторону Музыкального театра им. К.С. Станиславского
и В.И. Немировича-Данченко).
Тел./факс: (495) 692-29-39, e-mail: kiosk_gii@sias.ru

Рассылка по России:
Интернет-магазин Лабиринт.py: <http://www.labirint.ru/>

Серия MEDIAEVALIA

Средневековые как историко-культурный феномен.

Основана в 2015 г.

Составитель и главный редактор А.К. Гладков

В 2016–2017 гг. в рамках серии
предполагается опубликовать:

**Политическая культура средних веков и раннего
Нового времени / Сост. и отв. ред. А.К. Гладков.**

В сборнике собраны работы, посвященные изучению политической культуры средневековых цивилизаций Запада и Востока. Реконструируется система представлений о верховной власти, ее происхождении и функциях, выявляются правовые механизмы ограничения полномочий государя, стратегии удержания власти и низложения правителя, анализируются формы взаимодействия различных потестарных институтов, а также авторские приемы конструирования политических образов, выработка специфических моделей ведения полемики и построения системы аргументации в политической литературе. Особое внимание уделено исследованию политических ритуалов, церемоний, обрядов и процедур, демонстрировавших реализацию на практике теоретических представлений о сакральном характере светской власти и высоком достоинстве ее служителей.

На материале истории Италии, Англии, Франции, Скандинавских стран, Древней Руси и Византии, а также Индии, Японии, Монголии обнаруживаются как общие (типологические), так и особенные (уникальные) черты в развитии политической культуры различных регионов средневекового мира.

Сборник будет полезен не только историкам-медиевистам, но и филологам, философам, политологам, культурологам, искусствоведам, а также широкому кругу читателей, интересующемуся историей и культурой средневековых цивилизаций Запада и Востока.

Предложения и вопросы можно присылать
на электронный адрес серии: medieval.books@mail.com
или электронный адрес издателя: unikniga@yandex.ru

Серия MEDIAEVALIA

Средневековые как историко-культурный феномен.

Основана в 2015 г.

Составитель и главный редактор А.К. Гладков

В 2016–2017 гг. в рамках серии
предполагается опубликовать:

**М.М. Ковалевский и его время. Медиевистика
и новистика в России второй половины XIX –
начала XX в. / Сост. и отв. ред. А.К. Гладков**

Сборник посвящен всестороннему анализу исторических трудов выдающегося российского ученого, академика М.М. Ковалевского (1851—1916), внесшего исключительный вклад не только в социологию и правоведение, но и медиевистику – «науку о Средневековье». Ведущие российские и европейские специалисты исследуют работы М.М. Ковалевского, посвященные социальной и экономической истории, политической мысли и общественным отношениям в Средние века и ранее Новое время, англоведению, а также сравнительно-историческому правоведению. Впервые в мировой историографии изучен весь комплекс медиевистических трудов ученого, проанализированы его взаимоотношения с коллегами-историками, осмыслено значение исследователя для развития отечественной науки и развития университетского образования в России. Значительная часть предлагаемых работ основана на привлечении уникальных, впервые вводимых в научный оборот архивных материалов.

Для историков, юристов, политологов, культурологов, а также широкого круга читателей, интересующихся историей и историографией Средневековья и раннего Нового времени.

Предложения и вопросы можно присылать
на электронный адрес серии: medieval.books@mail.com
или электронный адрес издателя: unikniga@yandex.ru

ARS HISTORICA

В книге, объединившей усилия крупнейших отечественных ученых-гуманитариев, читатель найдет ответы на многие вопросы, касающиеся исторического контекста формирования взаимных представлений России и Запада от эпохи Средневековья до середины XX в., а также складывания особых путей и механизмов формирования культурной и политической идентичности в Европе до начала Нового времени. Особое внимание уделено исследованию различных аспектов духовной жизни, общественной мысли и искусства эпохи Возрождения, а также культурных трансформаций, произошедших в Европе с наступлением Реформации.

Исключительный интерес представляют материалы, отражающие многовековой процесс формирования западноевропейских социальных институтов, экономического уклада, систем политических и культурных представлений, а также работы, проливающие свет на историю международных отношений от эпохи Средневековья до Нового и Новейшего времени.

Книга будет интересна историкам, филологам, философам, политологам, а также широкому кругу читателей, стремящемуся понять истоки современных представлений о России, бытующих на Западе, и выявить причины многих европейских социальных и интеллектуальных процессов, уходящих корнями в эпоху Средневековья.

